WILSON
ANNEX
PN6231
.S2
V76
1900

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

WILSON ANNEX

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00017050147

1798

Wilson Annex
PN6231
.S2
V76
1900

ВСЕМІРНЫЕ

Vsemirnye satiriki i iumoristy

САТИРИКИ и ЮМОРИСТЫ

въ

ХАРАКТЕРИСТИКАХЪ и ОБРАЗЦАХЪ.

Иллюстрированное приложеніе

къ „ВѢСТНИКУ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ 1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія бр. Пантелеевыхъ, Верейская 16.
1900.

S

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/vsemirnyesatirik00unse

Отъ редакціи.

Предупреждая вопросы читателей — почему хрестоматія «Всемірные сатирики и юмористы» начинается не съ Греціи и Рима, а со Среднихъ вѣковъ, почему забыта классическая древность, завѣщавшая цѣлый рядъ комическихъ и сатирическихъ писателей — Аристофана, Лукіана, Плавта, Теренція, Горація, Ювенала и др., почему не показано зарожденіе въ греко-римской литературѣ того, что́ позднѣе въ литературахъ западно-европейскихъ достигло блестящаго развитія, — считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ.

Еще на школьной скамьѣ мы узнали, что въ древней Греціи всякія празднества оканчивались обыкновенно комосомъ, или пиромъ, съ пѣніемъ, плясками и переряживаньемъ, что деревни, какъ и города, имѣли свои комосы, бывшіе любимыми народными увеселеніями, и что изъ этихъ увеселеній мало-по-малу выработалась художественная комедія. Въ лицѣ Аристофана греческая комедія достигла наивысшаго развитія и пріобрѣла политическое значеніе, какъ мѣткая сатира аѳинской жизни конца V и начала VI вѣковъ до Р. Хр. Какъ теперь въ газетахъ, въ аристофановскихъ комедіяхъ отразились самые насущные интересы времени въ смѣшномъ, каррикатурномъ видѣ. Для историка древней Греціи Аристофанъ — драгоцѣнный источникъ: геніальный сатирикъ вводитъ читателя во всѣ подробности страстной борьбы, которою жило демократическое аѳинское общество, раскрывая закулисныя стороны общественной и частной жизни. Но эта жизнь такъ далека отъ насъ, что можетъ заинтересовать только спеціалиста-ученаго, а не обыкновеннаго читателя. Другой выдающійся греческій сатирикъ позднѣйшаго времени, II вѣка по Р. Хр., или вѣка Антониновъ, необыкновенно даровитый, остроумный и по своему времени высоко образованный, Лукіанъ, коснулся, за исключеніемъ политики, всѣхъ сторонъ тогдашней жизни, осмѣявъ религію, философію, литературу и частную жизнь. Его наблюдательность, художественное воспроизведеніе характеровъ, прекрасный языкъ и остроуміе высоко цѣнятся всѣми историками греческой литературы, утверждающими, будто бы лукіановскія сочиненія до сихъ поръ сохранили «неистощимый интересъ». Едва ли это такъ. На что нападалъ Лукіанъ, что онъ осмѣивалъ? Онъ былъ скептикомъ и въ религіи, и въ философіи; его сатира наносила жестокіе удары и богамъ Олимпа, и философамъ; христіанскаго ученія онъ не понималъ и судилъ о немъ, какъ атеистъ-язычникъ, до мозга костей проникнутый эллинизмомъ. По сочиненіямъ Лукіана («Бесѣды боговъ», «Бесѣды мертвыхъ» и «Бесѣды морскихъ боговъ», всего 71 діалогъ) можно составить ясное понятіе о нравственномъ настроеніи человѣка II вѣка по Р. Хр., и съ этой точки зрѣнія они до сихъ поръ сохранили значеніе, какъ драгоцѣнные памятники окаменѣлаго прошлаго, не имѣющаго ни малѣйшихъ отзвуковъ въ настоящемъ.

Можетъ быть, римскіе комическіе и сатирическіе писатели представляютъ живой интересъ для современнаго читателя? Заранѣе отвѣтимъ отрицательно. Остановимся прежде всего на высшихъ представителяхъ комической литературы у римлянъ—Плавтѣ и Теренціи. Первый, занимаясь переработкой греческихъ образцовъ, умѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣивать нравы и пороки римской жизни, изображая характеры общіе какъ

грекамъ, такъ и римлянамъ, повторяя однѣ и тѣ же роли скупыхъ и строгихъ отцовъ, расточительныхъ и распутныхъ сыновей, болтливыхъ модницъ-женъ, плутовъ рабовъ, прожорливыхъ и способныхъ на всякую гнусную услугу паразитовъ, хвастливыхъ простаковъ воиновъ и т. д. Заимствованные изъ аѳинской жизни сюжеты Плавтъ, благодаря таланту, умѣлъ сдѣлать близкими для римской публики, но для читателей современныхъ плавтовскія комедіи могутъ имѣть только историческій интересъ. Говорятъ, что Плавту подражали Боккаччіо, Камоэнсъ, Мольеръ и Шекспиръ; но не слѣдуетъ забывать, что подражаніе это не было рабскимъ, что оно не заходило далѣе заимствованія общей идеи, сюжета или отдѣльныхъ эпизодовъ, обработанныхъ вполнѣ самостоятельно, почти до полной неузнаваемости. Аристократическій, изящный Теренцій, стремившійся какъ можно вѣрнѣе передать характеръ греческаго оригинала и говорить языкомъ образованныхъ римлянъ, еще менѣе Плавта, увлекавшаго народную массу остроуміемъ, имѣлъ значенія для развитія сатиры европейской.

Хотя римляне и были основателями сатиры, какъ литературнаго вида*), хотя поэты Луцилій (основатель римской сатиры), Горацій и Ювеналъ придали этому виду лирическаго творчества общественное значеніе, свободно касаясь всевозможныхъ вопросовъ общественной жизни и политики, нравовъ, предразсудковъ, религіозныхъ суевѣрій, литературы и даже грамматики, хотя Горацій придалъ своимъ сатирамъ тонъ обыкновенной бесѣды и преслѣдовалъ общественные предразсудки и житейскіе пороки съ нравственно-философской точки зрѣнія, хотя Ювеналъ бичевалъ недостатки современниковъ съ безпощадностью и негодованіемъ и въ общемъ нарисовалъ живую, интересную картину нравовъ перваго вѣка Римской имперіи, но ни одинъ изъ названныхъ корифеевъ латинской сатиры не имѣетъ внутренней связи съ сатирой европейской.

Умственное воспитаніе новыхъ европейскихъ народовъ началось съ рѣзкаго противоположенія человѣческаго духа внѣшней природѣ; вопросы жизни, науки и религіи стали сложнѣе, а направленія мысли и чувства разнообразнѣе и разрозненнѣе. Вслѣдствіе глубокаго разлада между умомъ, чувствомъ и воображеніемъ, насмѣшка, иронія, сатира и юморъ получили въ новыхъ литературахъ такое широкое и вполнѣ оригинальное развитіе, которое изумило бы древній міръ; не подозрѣвали древніе классики и того разнообразія литературныхъ формъ, въ которыя вылилось творчество западно-европейскихъ писателей, сатириковъ и юмористовъ. Древнимъ писателямъ неизвѣстно было понятіе «юморъ»; они отличали комическое, смѣшное отъ трагическаго, они понимали желчный, негодующій сатирическій смѣхъ, но не знали смѣха сквозь слезы, не знали добродушнаго смѣха съ оттѣнкомъ сердечной грусти, свойственнаго новѣйшимъ европейскимъ юмористамъ. Однимъ словомъ, классическія литературы, несмотря на ихъ неоспоримыя художественныя красоты, отдѣлены по содержанію рѣзкой гранью отъ литературъ новыхъ и поэтому послѣднія могутъ разсматриваться совершенно самостоятельно. Не нужно забывать, что древніе писатели прежде всего имѣютъ значеніе историческое, и не слѣдуетъ искусственно отводить имъ первое мѣсто въ общей исторіи литературы.

Вотъ почему Греція и Римъ не вошли въ предлагаемую хрестоматію, вотъ почему мы рѣшили начать ее съ эпохи Возрожденія, предпославъ обстоятельное «Вступленіе», въ которомъ читатели могли бы познакомиться съ возникновеніемъ въ концѣ Среднихъ вѣковъ на почвѣ народной того могучаго сатирико-юмористическаго направленія, яркими представителями котораго были такіе высокодаровитые писатели, какъ Рабле, Сервантесъ, Свифтъ, Вольтеръ, Стернъ, Беранже, Гейне и др.

---

*) Названіе сатиры произошло отъ латинскаго слова satura, что значитъ блюдо, наполненное разнаго рода плодами, а также—смѣсь.

Вступленіе.

ГЛАВА I.

Средневѣковая литература высшаго сословія *).

Общая характеристика Среднихъ вѣковъ.—Комизмъ въ рыцарскихъ эпопеяхъ.—Нѣмецкіе миннезенгеры и итальянскіе трубадуры.—Итальянскія новеллы.—Испанскіе разсказы.—«Графъ Луканоръ».

Печальное время было въ концѣ X вѣка. Пророчества, возвѣщавшія кончину міра при наступленіи 1000 года, такъ сильно подѣйствовали на воображеніе населенія Западной Европы, что ужасъ и тоска охватили христіанъ. Даже духовенство, которое въ то время считалось по справедливости самымъ образованнымъ классомъ, заразилось всеобщимъ суевѣріемъ, и тысячи странствующихъ монаховъ, продавцовъ индульгенцій, ходили изъ города въ городъ, призывая народъ къ покаянію.

Внѣ же церкви, среди аристократіи и низшихъ классовъ царило сплошное умственное безсиліе. Представленіе о нравственномъ и физическомъ мірѣ было одинаково какъ въ рыцарскихъ замкахъ, такъ и въ крестьянскихъ хижинахъ. По ихъ понятіямъ, центромъ вселенной была земля, надъ ней вращался усыпанный ночью звѣздами, а днемъ освѣщенный солнцемъ небосклонъ, за которымъ обитали св. Троица, ангелы и святые. Подъ землей находился мрачный адъ, откуда безпрерывно выходили дьяволы, соблазняя и вводя въ грѣхъ слабаго, немощнаго плотью и духомъ человѣка. Духовенство, насколько могло, просвѣщало религіей свою паству, но изъ его наставленій грубыя невѣжественныя массы понимали и исполняли только одну обрядовую, формальную сторону.

Народъ и рыцари посѣщали церкви, раздавали милостыню, соблюдали посты, даже ходили въ крестовые походы отвоевывать отъ невѣрныхъ Іерусалимъ; по части же смягченія нравовъ религія не имѣла никакого успѣха; грубая сила, право кулака и черствый эгоизмъ царили безъ границъ.

Міръ въ то далекое время былъ узкимъ и условнымъ, жизнь—печальной и ограниченной. Какія бы бѣдствія ни постигали человѣка:

---

*) Подробный списокъ пособій, послужившихъ матеріаломъ для составленія этой хрестоматіи, будетъ помѣщенъ въ концѣ книги.

моръ ли, голодъ, война,—онъ все переносилъ съ одеревенѣлымъ равнодушіемъ, въ полной увѣренности, что это Богъ караетъ его за грѣхи.

Какъ бы тягостна ни казалась жизнь, какъ бы ни были жестоки притѣсненія феодальныхъ бароновъ и королей, народъ не стремился измѣнить существующій порядокъ вещей и даже не мечталъ объ его измѣненіи. Тяжелое сознаніе общей окаменѣлости угнетало мысль, ощущеніе же окружающаго зла приводило къ тупому остолбенѣнію.

Постоянныя войны, набѣги разбойниковъ и норманновъ заставляли дворянство быть всегда наготовѣ принять непрошеннаго гостя и свое добро хранить въ крѣпкихъ замкахъ за тройными стѣнами.

При такомъ режимѣ образовался опасный классъ людей, обладавшихъ атлетической силой, смѣлымъ, отважнымъ характеромъ и любовью къ приключеніямъ.

Уже въ XI вѣкѣ рыцарство даетъ тонъ всему обществу, руководитъ модами и вкусами. На это-то, общество по преимуществу и разсчитывали трубадуры, бродячіе поэты, музыканты, когда начали слагать свои эпопеи, одинъ изъ первыхъ родовъ европейской литературы. Слѣдуя вкусу своихъ слушателей, хотя и благородныхъ, но все же еще невѣжественныхъ, поэты вводили въ эпическіе сюжеты невѣроятныя, безсмысленныя приключенія.

Въ нихъ только и рѣчи, что о далекихъ путешествіяхъ то въ сказочныя страны, не обозначенныя ни въ какой географіи, то въ фантастическую Азію, съ ея забавно наивными мусульманскими владыками. Роландъ, убитый въ Ронсевальской долинѣ, появляется здѣсь правителемъ какой-то неопредѣленной Персіи, гдѣ жители снабжены рогами спереди и сзади, а карликъ Оберонъ признается сыномъ Юлія Цезаря, племянникомъ Артура и близнецомъ св. Георгія.

Затѣмъ, по мѣрѣ того какъ дамы занимаютъ все болѣе и болѣе мѣста въ поэмахъ, а охота слушать приключенія въ обществѣ притупляется, на сцену выдвигается любовь, хотя и окруженная пышными фразами, но довольно таки циничная. Параллельно съ нею вкрадывается, наконецъ, и комическій элементъ. Комизмъ этотъ былъ простъ и примитивенъ, какъ и сами поэмы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на грубость, довольно привлекателенъ. Это былъ ярмарочный комизмъ, въ которомъ всякіе «ловкіе фокусы», лихія попойки и проломанныя головы занимали одно изъ выдающихся мѣстъ. Такъ, во французской поэмѣ «Дѣтство Гарена» король переодѣваетъ своихъ воиновъ въ черныхъ чертей, чтобы идти на приступъ города; въ «Рыцарствѣ Ожье» баронъ устанавливаетъ по стѣнамъ своего замка хорошо вооруженныхъ манекеновъ, наводящихъ страхъ на окрестныхъ жителей; въ третьей поэмѣ разсказывается про поваренка, который смѣшнымъ образомъ совершаетъ героическіе подвиги и, между прочимъ, садясь на лошадь, повертывается лицомъ къ хвосту, на подобіе теперешнихъ клоуновъ,—вотъ что забавляло нашихъ предковъ! Въ поэмѣ про Роланда, между прочимъ, повѣствуется о томъ, какъ герой, будучи еще мальчикомъ, воруетъ съ четырьмя своими товарищами коней у бретонскихъ рыцарей, для того чтобы отправиться на войну, и какъ цѣлая армія бросается въ погоню за пятью маленькими воришками. Этотъ сюжетъ, вѣроятно,

пришелся по вкусу, потому что разсказы о храбрыхъ мальчикахъ встрѣчаются и въ слѣдующихъ поэмахъ.

Постепенно даже и сами эпическіе герои, особенно во французской передачѣ, утрачиваютъ свое величіе. Карлъ Великій, напримѣръ, идеальный представитель королевской власти, въ одномъ мѣстѣ вступаетъ въ сдѣлку съ карманнымъ воромъ и отправляется обрѣзывать кошельки; въ другомъ —этого мудраго правителя непочтительно обзываютъ «выжившимъ изъ ума старикомъ».

Нѣсколько позднѣе трубадуры и миннезенгеры переходятъ къ лирической поэзіи. Главнымъ сюжетомъ здѣсь, конечно, является любовь, но немалую пищу для юмора и ѣдкой насмѣшки даютъ монастыри. Обыкновенно въ пѣснѣ разсказывается, какъ живутъ въ Коканскомъ монастырѣ, который «биткомъ набитъ бѣлыми и сѣрыми монахами, стѣны въ которомъсдѣланы изъ мясныхъ и рыбныхъ паштетовъ, крыша— изъ пшеничныхъ пироговъ а зубья стѣнъ—изъ жирныхъ пуддинговъ. Хорошо и весело въ раю,—заключаетъ пѣвецъ,—но въ Коканьѣ, лучшей изъ странъ, куда веселѣе!» Кромѣ сытной, обильной пищи, монахи могутъ пользоваться еще кое-чѣмъ и другимъ, такъ какъ немного ниже ихъ по рѣкѣ стоитъ женскій монастырь молоденькихъ монахинь, куда монахи часто ѣздятъ въ лодкѣ «для совмѣстнаго разучиванья молитвъ».

Однимъ изъ лучшихъ юмористовъ среди миннезенгеровъ XIII столѣтія былъ Тангейзеръ, пріобрѣвшій такую популярность въ наше время, благодаря Вагнеру. Онъ жилъ приблизительно отъ 1240 до 1270 г. и все время велъ скитальческую жизнь, доходя во время своихъ странствій даже до Востока. Въ противоположность всеобщему въ то время поклоненію женщинѣ, онъ осмѣиваетъ служеніе ей, подшучивая надъ тѣми невозможными вещами, которыхъ требуютъ дамы отъ своихъ поклонниковъ. Дама, которой служитъ Тангейзеръ,—разсказываетъ онъ въ одной пѣснѣ,—обѣщаетъ ему свою благосклонность, если онъ отведетъ теченіе Рейна подальше отъ Кобленца, если принесетъ ей песокъ изъ моря, гдѣ заходитъ солнце, если подаритъ ей блескъ луны, если сумѣетъ летать, какъ скворецъ, сломаетъ тысячу копій, вынетъ саламандру изъ огня, и т. д. Здѣсь, какъ и многіе другіе юмористы, Тангейзеръ дѣйствуетъ на воображеніе нагроможденіемъ массы аналогичныхъ предметовъ. Иногда, осмѣивая пристрастіе нѣмцевъ ко всему чужеземному, Тангейзеръ называетъ обыкновенныя вещи иностранными словами.

Забавнѣе же, когда онъ начинаетъ разсказывать про свое плохое положеніе. Постоянными его товарищами и спутниками, по его словамъ, бываютъ господинъ «Mangel» (недостатокъ), господинъ «Schaffennichts» (ничего не получающій) и господинъ «Seltenreich» (рѣдко бывающій богатымъ); помѣстье его заложено изъ-за прекрасныхъ женщинъ, хорошаго вина, вкусныхъ блюдъ и двукратныхъ купаній каждую недѣлю; домъ у него безъ крыши, комнаты безъ дверей, погребъ обрушился, кухня сгорѣла, амбаръ опустѣлъ; для него больше не пекутъ хлѣба, не мелютъ муки, не варятъ пива; лошадь его едва волочитъ ноги, а багажъ очень легокъ. Кромѣ того, интересны плясовыя пѣсни Тангейзера, въ которыхъ онъ повѣствуетъ о своихъ мнимыхъ или истинныхъ любовныхъ приключеніяхъ, а затѣмъ всѣхъ приглашаетъ танцовать до тѣхъ поръ, пока у него не лопнетъ струна.

Итальянскіе трубадуры того же столѣтія во многомъ подражали французскимъ и, кромѣ того, принимали живѣйшее участіе въ вѣковой распрѣ Гибеллиновъ и Гвельфовъ. На ряду съ любовными стихотвореніями они сочиняли сатирическія пѣсни. Одной изъ лучшихъ сатиръ, несмотря на тяжеловѣсную форму, является стихотвореніе Гвиттоне, написанное въ 1260 году, когда флорентійцы въ битвѣ при Монтеаперти были разбиты на голову жителями Сіэны, слѣдствіемъ чего было возвращеніе Гибеллиновъ во Флоренцію. Поэтъ принадлежитъ къ партіи побѣжденныхъ Гвельфовъ и потому скорбитъ о городѣ и издѣвается надъ Гибеллинами. Вотъ отрывокъ изъ этого стихотворенія: «Вы, ломбардскіе, римскіе, апулійскіе, тосканскіе и маркскіе бароны, Флоренція, цвѣтокъ вѣчно возобновляющійся, васъ призываетъ къ своему двору, такъ какъ она хочетъ сдѣлаться королевой тосканцевъ послѣ одержанія побѣды надъ нѣмцами и сіэнцами».

Кромѣ сатиръ и политическихъ стихотвореній, трубадуры тосканской школы сочиняютъ юмористическія пѣсенки изъ обыденной жизни, дорисовывающія тотъ рыцарскій міръ, который раньше въ пышной формѣ отражала эпопея. Особенно выдѣлился на этомъ поприщѣ Компаньетто да-Прато. Въ одномъ его стихотвореніи жена ругаетъ злого, ревниваго мужа и, собираясь ему измѣнить, заранѣе наслаждается местью. Въ другой пѣснѣ говорится о дѣвушкѣ, которая такъ воспламенилась любовью, что не въ силахъ бороться со своими желаніями и, отбросивъ всякій женскій стыдъ, посылаетъ за своимъ возлюбленнымъ; тотъ, конечно, не заставляетъ себя долго ждать и появляется въ ея комнатѣ. Они одни; ея желанія самаго положительнаго свойства, она не терпитъ никакихъ обиняковъ, не желая слушать никакихъ любовныхъ объясненій,—онъ долженъ исполнить то, зачѣмъ пришелъ; вѣдь знаетъ же онъ, зачѣмъ она призвала его къ себѣ.

Въ этомъ же духѣ сочинялъ и Гвидо Гвиничелли, жившій въ концѣ XIII вѣка. До насъ дошли только два его сонета: одинъ о Лючіи съ пестрымъ капюшономъ, при видѣ которой сердце у него содрогается, какъ отрубленная змѣиная голова, и просыпается желаніе схватить въ объятія обожаемую женщину и расцѣловать ее въ уста и въ пламенныя очи,—это очень любопытное изображеніе самыхъ естественныхъ чувствъ; другой представляетъ насмѣшку надъ злой старухой, которой онъ сулитъ чорта и посылаетъ ужасныя проклятія.

Эти пѣсенки, по своему крайнему реализму, послужили, вѣроятно, переходомъ къ прозаическимъ разсказамъ, извѣстнымъ подъ общимъ именемъ новеллъ. Ихъ уже не разсказываютъ подъ музыку, какъ стихи, а пишутъ и притомъ прозой. Къ тому времени общество, по крайней мѣрѣ большинство изъ рыцарей, уже умѣютъ читать, если не по-латыни, то на своемъ родномъ языкѣ, который къ XIII столѣтію въ каждой странѣ достигаетъ извѣстнаго совершенства.

Однимъ изъ самыхъ старинныхъ памятниковъ подобной прозы нужно считать итальянскія новеллы: «Cente Novelle Antiche», какъ была озаглавлена книга въ XIII вѣкѣ ея первымъ издателемъ. Цѣль книжки указана въ самомъ началѣ ея авторомъ: «Такъ какъ благородные и знатные въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ служатъ зерка-

ломъ для ничтожныхъ людей, такъ какъ ихъ рѣчи, исходя изъ болѣе нѣжнаго инструмента, встрѣчаютъ болѣе одобренія, то мы записывали эти отдѣльные цвѣты рѣчей, прекрасныхъ поступковъ вѣжливости и прекрасныхъ дѣяній мужества, прекрасной щедрости и прекрасной любви, подобныхъ которымъ раньше бывало много». Собраніе это состоитъ изъ ста новеллъ, въ которыхъ разсказывается про древнихъ героевъ, причемъ имъ придано средневѣковое обличье; такъ, Пиѳагоръ превращенъ въ испанскаго философа, Сократъ — въ римскаго мудреца; далѣе идутъ разсказы изъ Библіи; другія новеллы пересказываютъ древнія басни, но самыми интересными являются тѣ, которыя изображаютъ нравы средневѣковой эпохи, какъ, напримѣръ, новелла о Бито изъ Флоренціи, сумѣвшемъ обмануть на одинъ динарій скрягу Фрулла; о томъ, какъ крестьянинъ пришелъ въ городъ, чтобы купить себѣ платье, и былъ жестоко избитъ, потому что не имѣлъ денегъ; о о мудрой женщинѣ и о котѣ, который съѣлъ тортъ, въ то время какъ мышь убѣжала. Здѣсь есть и скандальныя исторійки о женщинахъ и попахъ, впослѣдствіи въ совершенствѣ разработанныя Боккаччіо. Врачъ женится на племянницѣ архіепископа, но черезъ два мѣсяца у него появляется прибавленіе къ семейству, и онъ отсылаетъ жену назадъ, остроумно оправдываясь передъ взбѣшеннымъ дядей. Тамъ же вдова, скорбящая объ утратѣ мужа, утѣшается со сторожемъ повѣшеннаго и вѣшаетъ на висѣлицѣ трупъ своего мужа.

Эти новеллы не вымыселъ автора, всѣ онѣ уже были извѣстны тогдашнему обществу и представляютъ лишь краткіе, бѣглые очерки, передающіе одну фактическую часть фабулы иногда съ неестественнымъ лаконизмомъ. Зато другіе разсказы не уступятъ по красотѣ и силѣ передачи новелламъ Боккаччіо. Приведемъ для образчика одну изъ такихъ новеллъ.

Король Филиппъ держитъ въ плѣну греческаго мудреца; онъ получаетъ посланнаго ему изъ Испаніи великолѣпнаго коня, спрашиваетъ мудреца объ его цѣнности и получаетъ въ отвѣтъ, что конь прекрасный, только вскормленъ ослинымъ молокомъ. Король посылаетъ въ Испанію и узнаетъ, что дѣйствительно конь былъ выкормленъ ослицей, такъ какъ его мать околѣла, когда онъ былъ жеребенкомъ. Король удивляется и приказываетъ выдавать мудрецу по половинѣ хлѣба отъ двора. Въ другой разъ король приказываетъ привести плѣнника и показываетъ ему свои драгоцѣнности. Мудрецъ беретъ одинъ изъ камней, который королю больше всего нравится, и говоритъ, что камень хорошъ, но внутри его червякъ; камень тотчасъ разбиваютъ и находятъ тамъ червяка. Король опять удивляется и приказываетъ выдавать мудрецу цѣлый хлѣбъ. Черезъ нѣсколько дней королю приходитъ въ голову мысль, что онъ, быть можетъ, незаконнаго происхожденія; онъ снова призываетъ плѣнника, и тотъ, послѣ нѣкотораго колебанія, открываетъ ему, что онъ сынъ булочника; это же подтверждаетъ и мать короля. Затѣмъ мудрецъ признается королю, какимъ образомъ узналъ онъ всѣ эти вещи. Что лошадь была выкормлена ослинымъ молокомъ, это онъ заключилъ изъ того, что у ней отвисали уши вопреки лошадиной натурѣ. Что въ камнѣ находился червякъ, объ этомъ онъ догадался по теплотѣ, которую испускалъ изъ себя камень, и, наконецъ, въ незаконномъ происхожденіи короля

онъ убѣдился потому, что тотъ награждалъ его хлѣбомъ, какъ булочникъ, а не городами, какъ это сдѣлалъ бы король.

Почти въ одно время съ этими новеллами зарождается проза и въ Испаніи. Наиболѣе интереснымъ прозаикомъ конца XIII и начала XIV вѣковъ нужно считать дона Хуана Мануэля, происходившаго по прямой линіи отъ королей Кастиліи. Онъ написалъ до двѣнадцати прозаическихъ сочиненій, полагая, какъ онъ выражается, что лучше заниматься литературой, чѣмъ играть въ кости. Однако, большая часть его сочиненій не дошла до насъ или извѣстна только въ отрывкахъ. Самымъ знаменитымъ произведеніемъ и самымъ полнымъ является собраніе пятидесяти разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ: «Графъ Луканоръ». По своей чисто восточной простотѣ и формѣ они напоминаютъ сказки «Тысячи и одной ночи».

Графъ Луканоръ, лицо могущественное и независимое, какъ государь, затрудняется рѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ нравственности и политики. Эти вопросы по мѣрѣ ихъ появленія онъ предлагаетъ своему министру Патронію, и Патроній разрѣшаетъ ихъ путемъ разсказа или притчи, заканчивающихся риѳмованнымъ нравоученіемъ. Такимъ образомъ, здѣсь встрѣчаются анекдоты изъ испанской исторіи, описаніе нравовъ того времени, басни Эзопа. Всѣ эти разсказы очень интересны, но интереснѣйшій изъ нихъ «Мавританская свадьба», заимствованный, вѣроятно, изъ арабской литературы и живо напоминающій Шекспировскую комедію: «Укрощеніе строптивой». Разсказъ этотъ слишкомъ длиненъ, чтобы приводить его здѣсь цѣликомъ, но дабы дать читателямъ понятіе о слогѣ дона Хуана, мы приведемъ одну главу этого сборника, озаглавленную:

«*О томъ, что случилось съ графомъ Фернаномъ Гонзалесомъ и что онъ отвѣтилъ своимъ вассаламъ*».

«Однажды графъ Луканоръ возвратился изъ похода страшно усталый и сильно не въ духѣ; прежде чѣмъ онъ успѣлъ отдохнуть, пришло извѣстіе, что завязалась новая битва. Большая часть изъ окружавшихъ его придворныхъ совѣтовали ему сначала отдохнуть и ужь затѣмъ поступать такъ, какъ ему заблагоразсудится. Графъ обратился за совѣтомъ къ Патронію, и тотъ отвѣтилъ ему: «Государь, чтобы поступить въ данномъ случаѣ наилучшимъ образомъ, мнѣ хотѣлось бы разсказать вамъ, какъ поступилъ при подобныхъ же обстоятельствахъ Фернанъ Гонзалесъ и какой отвѣтъ далъ онъ своимъ вассаламъ.

«Разсказъ. Графъ Фернанъ Гонзалесъ побѣдилъ Алманзора при Гасинасѣ, но множество его людей погибло въ этомъ сраженіи, а онъ и остальные оставшіеся въ живыхъ были тяжело ранены. Прежде чѣмъ всѣ они успѣли выздоровѣть, Гонзалесъ услышалъ что король Наваррскій вторгнулся въ его владѣнія. Нимало не медля, графъ отдалъ приказъ своимъ людямъ готовиться идти противъ наварцевъ. На это всѣ вассалы отвѣтили, что они и лошади ихъ сильно утомлены и надо подождать, пока онъ самъ и они не выздоровѣютъ отъ ранъ. На это графъ отвѣтилъ: «Друзья мои, да не послужатъ наши раны предлогомъ избѣжать войны; новыя раны, которыя нанесутъ намъ, заставятъ насъ забыть о прежнихъ». И когда воины его увидѣли, что онъ не столько заботится о себѣ, сколько о своей странѣ, они всѣ пошли за нимъ и побѣдили врага. И вы, графъ Луканоръ, если желаете исполнить свой

долгъ, не ссылайтесь ни на усталость, ни на предстоящій трудъ, а дѣйствуйте такъ, чтобы новая опасность заставила васъ забыть о прошлой».

Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе простое и мѣткое, чѣмъ эта исторія, какъ по содержанію, такъ и по слогу. Прочіе разсказы носятъ болѣе рыцарскій, галантный характеръ, а мысли, высказываемыя имъ, доказываютъ, что донъ Хуанъ стоялъ гораздо выше своего вѣка. Въ одномъ мѣстѣ онъ, напримѣръ, осмѣиваетъ людей, вѣрящихъ въ астрологію, въ другомъ вышучиваетъ претензіи монаховъ. Вообще вся его книга носитъ печать величавой простоты и рыцарскаго благородства, которыя были такъ свойственны тому вѣку. Кромѣ того, въ новеллахъ графа Луканора впервые встрѣчается, какъ мы уже сказали, въ европейской литературѣ обычай соединять въ одну общую раму разнообразные разсказы, что впослѣдствіи исполнено съ такимъ успѣхомъ Боккаччіо въ его «Декамеронѣ» и Чосеромъ въ «Кентерберійскихъ разсказахъ».

ГЛАВА II.

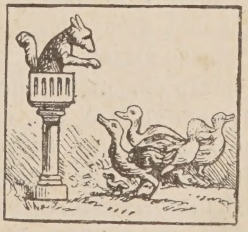
Городская литература.

Поэма о Рейнеке-Лисѣ.—Французскіе фабліо.—Нѣмецкіе швенки —«Попъ Амисъ».—Романъ Фовеля.—Итальянскія новеллы.—Англійскія легенды и баллады о Робинѣ Гудѣ.—Начало каррикатуры.

Городская или буржуазная поэзія, хотя столь же древняя, какъ и аристократическая, получила литературную обработку гораздо позднѣе.

Надо было, чтобы горожане достаточно разбогатѣли, прежде чѣмъ трубадуры стали считать неунизительнымъ для себя перекладывать въ стихи побасенки и разсказы, которыми тѣ забавлялись. Въ XIII вѣкѣ шутливые ироническіе разсказы, извѣстные во Франціи подъ общимъ именемъ фабліо, городскія новеллы Германіи и поэма о Рейнеке-Лисѣ достигаютъ удивительнаго процвѣтанія, на-ряду съ которыми тощая, искусственная лирика аристократіи стушевывается почти совершенно и сами рыцари охотно развлекаются здоровымъ жизнерадостнымъ юморомъ третьяго сословія.

Наибольшею популярностью какъ среди аристократіи, такъ и среди низшихъ классовъ общества пользовалась поэма о Рейнеке-Лисѣ или, по французскому переводу, «Le roman de Renard». Основой для этой обширной поэмы послужила завезенная неизвѣстно когда въ Нижнюю Германію Эзопова басня о больномъ львѣ, который, по совѣту лисы, для собственнаго исцѣленія сдираетъ шкуру съ живого волка. Въ концѣ XI вѣка главныя дѣйствующія лица ея получаютъ собственныя имена: лиса превращается въ Рейнгардта (непобѣдимый въ хитрости), позднѣе передѣланнаго въ Рейнеке, а волкъ въ Изенгрима (закрытый желѣзнымъ шлемомъ). Литературную обработку поэма получаетъ впервые во Франціи и уже отсюда распространяется по всему свѣту, видоизмѣняясь сообразно вкусамъ и нравамъ той страны, куда попадаетъ.



Лисъ, поучающій утятъ.

Вся поэма отъ начала до конца представляетъ злую сатиру на тогдашнее высшее общество и духовенство, но эта сатира такъ остроумна, юморъ въ ней разсыпанъ такой щедрой рукой, что никто, даже само духовенство, которому здѣсь больше всего достается, не могло сердиться и не только съ удовольствіемъ слушало разсказы о похожденіяхъ хитраго Лиса, но охотно увѣковѣчивало ихъ въ церковныхъ барельефахъ.

Поэма о Рейнеке-Лисѣ состоитъ изъ разнородныхъ стихотвореній, связующимъ звеномъ которыхъ является Рейнеке; вокругъ него группируются: Нобель—левъ, Изенгримъ—волкъ, Браунъ — медвѣдь, Тиберъ —котъ и множество другихъ звѣрей и птицъ до улитки и сверчка включительно. Это цѣлый міръ съ организаціей, подобно нашему обществу. Они именуютъ себя баронами, кузенами, дядями, у нихъ совершаются браки по всѣмъ правиламъ каноническаго устава. При дворѣ короля звѣри уживаются въ добромъ согласіи, совершаютъ мессы, задаютъ пиры, заводятъ любовныя интриги; только одинъ Рейнеке не можетъ никакъ угомониться и то съѣстъ у пѣтуха его законнаго сына, то обезчеститъ не менѣе законную жену волка, при томъ противъ ея же воли. Онъ надуваетъ, проводитъ, дѣлаетъ непріятности, отъ него вѣчное безпокойство всѣмъ благороднымъ баронамъ и даже самому королю. Наконецъ, возмущенное общество рѣшается положить конецъ грязнымъ шашнямъ Лиса и всѣ отправляются въ Троицынъ день ко льву съ жалобой на него. И чего только ни разсказывается тутъ про его плутни. Кота онъ чуть было не удушилъ, посовѣтовавъ ему, когда тому однажды пришла фантазія позвонить въ церковные колокола, обмотать шею колокольной веревкой. У ворона хитрой лестью выманилъ сыръ и съѣлъ его жену, притворившись мертвымъ на дорогѣ; у пѣтуха съ курицей поѣлъ почти всѣхъ недавно высиженныхъ дѣтей. Выслушавъ обличителей, левъ, памятуя мудрое изреченіе древности «Audiatur et altera pars,» посылаетъ медвѣдя за обвиняемымъ.

Браунъ, придя въ замокъ Лиса, съ присущей послу важностью проситъ Рейнеке отправиться немедленно на судъ. Но хитрецъ упрашиваетъ медвѣдя поужинать съ нимъ, причемъ обѣщаетъ накормить его вволю медомъ. Добродушный обжора соглашается, и Лисъ приводитъ его къ дубовому стволу, наполовину расколотому и еще съ невынутыми клиньями. Рейнеке увѣряетъ медвѣдя, что внутри ствола онъ найдетъ много меда, а когда Браунъ запускаетъ туда морду и лапы, Рейнеке выдергиваетъ клинья и прищемленный медвѣдь подвергается такимъ сильнымъ побоямъ со стороны сбѣжавшихся на его завыванія мужиковъ, что еле спасается полуживымъ. Послѣ этого къ Рейнеке посылаютъ кота Тибера, но и съ нимъ Лисъ поступаетъ не лучше. Подъ предлогомъ ловли мышей, злокозненный звѣрь заводитъ кота въ амбаръ, гдѣ тотъ попадается въ капканъ и вырывается изъ него, только разставшись съ однимъ глазомъ. Такое обращеніе съ царскими послами приводитъ льва въ бѣшенство, такъ что барсуку, исполняющему обязанности нотаріуса при дворѣ и близкому родственнику Лиса, еле удается уговорить отправить посольство въ третій разъ. Теперь левъ возлагаетъ это опасное дѣло на барсука, и ему дѣйствительно удается уговорить Рейнеке отправиться съ нимъ ко двору. Лисъ исповѣдуется передъ барсукомъ во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ и

является передъ грозныя очи кесаря лѣсовъ. Нобель укоряетъ его въ дурныхъ поступкахъ и особенно въ жестокомъ обращеніи съ посланцами; на это Рейнеке возражаетъ, что, видно, ужь такая его судьба быть вѣчно оклеветаннымъ; что же касается до Брауна и Тибера, то они сами виноваты во всемъ, ибо не захотѣли слушаться его благоразумныхъ совѣтовъ. Несмотря, однако, на ловкую защиту, Рейнеке приговариваютъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Торжествующіе враги уже готовы вздернуть его на веревку, но онъ, обращаясь къ королю, упрашиваетъ позволить ему всенародно исповѣдаться передъ смертью. Въ длинной хитросплетенной исповѣди Рейнеке какъ бы мимоходомъ упоминаетъ о доставшемся ему несмѣтномъ сокровищѣ, которое было предназначено для исполненія заговора противъ Нобеля. Встревоженная королева проситъ объяснить ей эти странные намеки, и Рейнеке выдумываетъ цѣлый разсказъ о томъ, какъ его собственный

Барельефъ въ церкви св. Маріи въ Іоркшайрѣ.

отецъ, Браунъ, Изенгримъ и Гримбартъ-барсукъ составили заговоръ, намѣреваясь свергнуть съ престола Нобеля. Кладъ же Гермелинка предназначался для найма войска, которое должно было возвести Брауна на тронъ вмѣсто Нобеля. По счастью, секретъ былъ выданъ Гримбартомъ, проболтавшимся въ пьяномъ видѣ женѣ Лиса, а сей послѣдній, не желая, чтобы грубый медвѣдь захватилъ корону Нобеля, изъ вѣрноподданическаго чувства, укралъ кладъ и тѣмъ обезоружилъ враговъ короля. Такое проявленіе патріотизма и самоотверженности дѣйствуетъ размягчающимъ образомъ на Нобеля и онъ прощаетъ Лиса, а тотъ, въ знакъ благодарности, проситъ принять отъ него въ даръ сокровище. Однако, назвавъ мѣсто, гдѣ оно находится, Рейнеке отказывается самъ проводить его туда, отговариваясь тѣмъ, что хочетъ по данному обѣту безъ замедленія отправиться въ Римъ къ папѣ, а затѣмъ въ Св. Землю. Левъ всенародно объявляетъ о помилованіи Лиса, а Изенгрима и Брауна за клевету заключаетъ въ темницу. Кромѣ того, по просьбѣ притворнаго богомольца, изъ шкуры медвѣдя вырѣзываютъ кусокъ для изготовленія котомки, а Изенгримъ и его жена лишаются подошвъ, которыя нужны въ дорогу пилигриму. Нѣжно распрощавшись и проливъ нѣсколько слезинокъ, Рейнеке, въ сопровожденіи зайца и барана, оставляетъ дворъ и отправляется сперва въ свой замокъ.

Прибывъ туда, онъ проситъ барана обождать около входа, а зайца беретъ съ собой внутрь дома. Здѣсь онъ объявляетъ женѣ, что заяцъ пожалованъ ему въ награду за перенесенное оскорбленіе, послѣ чего бѣдный заяцъ былъ немедленно ими растерзанъ. Голову зайца Лисъ укладываетъ въ котомку и передаетъ барану, съ просьбою отнести это Нобелю, а самъ, захвативъ жену и дѣтей, пускается въ бѣгство. Увидавъ содержимое въ котомкѣ, Левъ испускаетъ такое ужасное рычаніе, что всѣ звѣри, отъ мала до велика, трепещутъ въ смертельномъ страхѣ. По ходатайству леопарда двумъ узникамъ, Брауну и волку, возвращается свобода, а Рейнеке-Лиса объявляютъ внѣ покровительства закона.

По другимъ версіямъ, Рейнеке дѣйствительно доходитъ до Рима, получаетъ прощеніе грѣховъ и, обновленный нравственно, возвращается ко двору Нобеля, чтобы начать новую, праведную жизнь.

Мы представили здѣсь только остовъ поэмы, не пытаясь разсказывать безчисленные варіанты и эпизодическія сцены, вводимыя разными поэтами. Въ одномъ варіантѣ, напримѣръ, верблюдъ Мюзаръ, папскій легатъ, проситъ на судѣ слова и произноситъ рѣчь по всѣмъ правиламъ схоластическаго краснорѣчія на какомъ-то удивительномъ жаргонѣ, состоящемъ изъ смѣси французскаго и итальянскаго языковъ. Смыслъ этой наглой рѣчи заключается въ томъ, что Ренара можно будетъ и помиловать, если онъ во-время догадается развязать кошелекъ. Въ другомъ мѣстѣ оселъ-Бернаръ оказывается католическимъ патеромъ, а волкъ, котораго Лисъ подпоилъ виномъ, облекается въ эпитрахиль, звонитъ въ колокольчикъ по католическому уставу и поетъ изо всей мочи мессу.

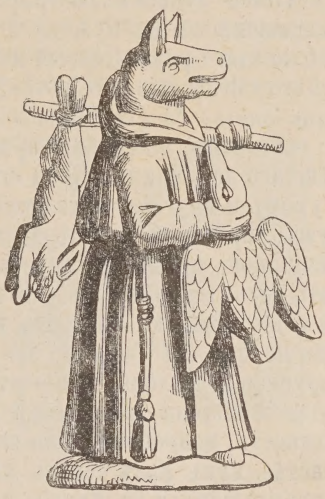
Дворняжка-Ронель изображаетъ мощи какого-то католическаго епископа, надъ которымъ должна произноситься клятва, и подстраиваетъ чудо, обѣщая воскреснуть въ нужный моментъ.

Рыцарство тоже здѣсь не щадится: всѣ похожденія Рейнеке ясно пародируютъ любовь къ приключеніямъ средневѣковыхъ рыцарей. Безпокойнымъ характеромъ обладаютъ и Тиберъ-котъ, и Изенгримъ-волкъ. Они отправляются въ крестовый походъ но едва скрываются изъ глазъ зубчатыя башни ихъ замковъ, какъ ими овладѣваетъ уныніе и они падаютъ духомъ. Но можно ли перечислить все, что задѣвается и осмѣивается въ этихъ, полныхъ юмора, стихахъ?

Впрочемъ, хотя поэма и смѣется надъ всѣмъ средневѣковымъ бытомъ, но въ ней не замѣтно ни ѣдкости, ни озлобленія, вся она, видимо, вдохновлена однимъ безобиднымъ весельемъ. Вы не встрѣтите въ ней другого намѣренія, кромѣ желанія посмѣяться, доставить всѣмъ удовольствіе. Даже жертвы коварнаго Лиса не обнаруживаютъ большого негодованія противъ него. Правда, они идутъ жаловаться, но въ глубинѣ души признаютъ естественнымъ, что онъ пользуется своимъ умомъ и умѣетъ увертываться отъ ударовъ судьбы. Кромѣ того, Лисъ не единственный мошенникъ въ этомъ скопищѣ звѣрей: каждый изъ нихъ охотно надуетъ другого, если представится къ тому случай или если онъ обладаетъ достаточно изворотливымъ умомъ, а общественное мнѣніе звѣрей (да, пожалуй, и людей) всегда оправдываетъ болѣе хитраго и ловкаго. Они даже устраиваютъ публичныя состязанія въ лукавствѣ и прославляютъ самаго сильнаго и ловкаго мошенника.

Такимъ образомъ, основная идея поэмы «Рейнеке-Лисъ»—глубоко безнравственная, усиливающаяся по мѣрѣ увеличенія варіантовъ. Мало-по-малу поэма обратилась въ какую-то эпопею хитрости и лукавства, въ апоѳеозъ узкаго эгоизма. Нѣкоторымъ оправданіемъ можетъ служить только тотъ фактъ, что потерпѣвшій въ поэмѣ выставляется такимъ же мошенникомъ, какъ и побѣдитель.

Эта же своеобразная «ловкость» положена въ основу другого не менѣе популярнаго рода литературы, а именно въ фабліо. Въ этихъ живыхъ и остроумныхъ разсказахъ міръ, какъ и въ поэмѣ «Рейнеке-Лисъ», принадлежитъ «хитрымъ». Ярмарочные пѣвцы, дантисты, жонглеры надуваютъ и «обработываютъ» мирныхъ ротозѣевъ, горожанъ и грубыхъ вилэновъ.



Рейнеке-пилигримъ.

Происхожденіе этихъ разсказовъ теряется «во тьмѣ вѣковъ». По однимъ изслѣдованіямъ, они были заимствованы изъ античныхъ поэтовъ и новогреческой комедіи, по другимъ—вслѣдствіе того, что въ фабліо очень часто встрѣчается женщина—изъ буддійской литературы, въ которой и до сихъ поръ много моральныхъ разсказовъ, предостерегающихъ правовѣрныхъ отъ увлеченія коварнѣйшимъ въ мірѣ существомъ—женщиной. Но во время далекаго пути отъ священнаго Ганга до береговъ легкомысленной Сены эти разсказы по дорогѣ растеряли свою прописную мораль, сохранивъ одну интересную фабулу, которую затѣмъ менестрели, придавъ ей національный характеръ, либо разсказывали горожанамъ въ публичныхъ мѣстахъ, либо увѣковѣчивали въ рукописяхъ.

Юморъ этихъ стихотворныхъ разсказовъ заключается въ комической передачѣ супружескихъ отношеній горожанъ, въ легкой насмѣшкѣ надъ патерами и монахами. Въ нихъ мы опять встрѣчаемся съ описаніемъ счастливаго Коканскаго аббатства, гдѣ кто больше спитъ, тотъ больше выигрываетъ, гдѣ въ году бываетъ четыре Пасхи и одинъ постъ въ двѣнадцатилѣтіе. Роль женщины, ея характеръ остались тѣ же, что̀ и въ буддійскихъ разсказахъ. Она дѣлаетъ патера повѣреннымъ своихъ сердечныхъ тайнъ, причемъ по легкомыслію часто не воздерживается и даритъ духовнаго отца своимъ расположеніемъ даже прямо въ ущербъ законнымъ правамъ мужа. Права эти, положимъ, игнорируются не только ради духовнаго отца, но и ради молоденькаго клерка, играющаго въ фабліо не послѣднюю роль. Клеркъ, т. е. церковникъ или молодой студентъ-теологъ, обладаетъ миловидной наружностью, красивыми манерами и медоточивыми рѣчами. Это—прообразъ современнаго jeune premier. Онъ—идеалъ женщинъ и врагъ всѣхъ рогоносцевъ.

Къ числу героевъ фабліо нужно причислить еще и мужика. Иногда онъ тоже рисуется тамъ, какъ обманутый мужъ или злой ревнивецъ,

но чаще это кладезь мудрости и находчивости. Онъ не только бываетъ умнѣе патера, но даетъ совѣты и дворянамъ; даже самому королю приходятся по вкусу его мѣткіе отвѣты, пересыпанные пословицами и ирисказками. Такая симпатія къ мужику, проявляемая въ фабліо, объясняется тѣмъ, что жонглеры, ихъ безыменные авторы, большею частью выходили сами изъ народа и, насмѣхаясь надъ духовнымъ и свѣтскимъ кругами, постарались вознаградить себя за то пренебреженіе, которое общество оказывало мужику и жонглеру. Это предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что на-ряду съ мужикомъ жонглеры и себѣ придали ту же находчивость и ловкость.

Чтобы лучше иллюстрировать симпатичное отношеніе жонглеровъ-разсказчиковъ къ мужику и къ самому себѣ, приводимъ три пересказа фабліо этого рода. Первый изъ нихъ, послужившій Мольеру сюжетомъ для его «Médecin malgré lui» («Докторъ поневолѣ»), называется «*Крестьянинъ-врачъ*» *) (Le Vilain mire).

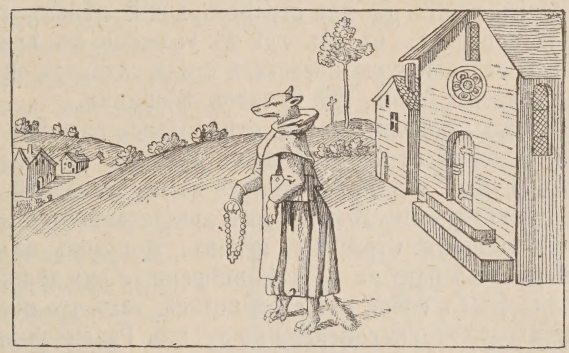
«Богатый, но грубаго нрава крестьянинъ женился на дочери обѣднѣвшаго дворянина. Жена его отличалась столько же красотою, сколько и умомъ и другими привлекательными качествами, такъ что ревнивецъ-мужъ, предвидя неизбѣжныя ухаживанія за такою необыкновенною женщиною, принялся ежедневно подвергать ее побоямъ; заставляя плакать весь день, онъ разсчитывалъ отнять у нея всякую возможность къ кокетничанью. Вечеромъ же онъ старался помириться съ нею, обѣщая не бить ея больше, но не далѣе какъ на завтра уговоръ этотъ нарушался. Находя, наконецъ, подобное обращеніе невыносимымъ, молодая женщина даетъ себѣ слово доставить своему благовѣрному возможность, испробовать на своей шкурѣ всю сладость побоевъ. На ея счастье, какъ разъ черезъ ихъ село проѣзжаютъ двое придворныхъ, отправлявшихся въ Англію для отысканія медика, способнаго вылечить дочь французскаго короля, подавившуюся косточкой, которой не могъ извлечь ни одинъ изъ французскихъ врачей. Жена крестьянина сообщаетъ имъ по секрету, что ея мужъ великій знатокъ медицины, но что только угрозами можно заставить его приложить къ дѣлу чудесныя тайны его науки. Королевскіе посланцы идутъ за нимъ въ поле и, порядкомъ поколотивъ его въ отвѣтъ на его увѣренія, что онъ чистѣйшій профанъ во врачебной наукѣ, привязываютъ его къ лошади головой внизъ и увозятъ къ королю. По прибытіи въ столицу со стороны крестьянина возобновляются увѣренія въ его кругломъ невѣжествѣ, а со стороны придворныхъ палочные удары, по приказу самого короля. Испугъ, желаніе поскорѣе увидѣть оставленную безъ всякаго присмотра жену и необходимость во что бы то не стало выйти изъ своего крайне непріятнаго положенія вдругъ придаютъ мужику неожиданную сообразительность: приказавъ хорошенько растопить печь въ большой горницѣ, онъ проситъ привести туда больную и затѣмъ, раздѣвшись до-нога, ложится передъ огнемъ и принимается царапать свое тѣло, выдѣлывая при этомъ уморительнѣйшія гримасы. При видѣ этой нелѣпой фигуры королевна разражается хохотомъ, отчего кость выскакиваетъ у нея изъ горла и сама она выздоравливаетъ. Но этотъ столь необыкновенный, но успѣшный способъ леченія только придаетъ славы «врачу поневолѣ»,

---

*) «Всеобщая исторія литературы» В. Ѳ. Корша т. 2. стр. 621 и далѣе,

и едва онъ заикается о желаніи вернуться домой, палка опять принимается гулять по его спинѣ. Двѣсти человѣкъ больныхъ сошлись ко двору въ надеждѣ получить отъ чудодѣя исцѣленіе своихъ недуговъ. Находчивость крестьянина оказывается неисчерпаемой: онъ снова велитъ какъ можно жарче растопить печь въ одной изъ дворцовыхъ палатъ и, пригласивъ туда всѣхъ своихъ паціентовъ, объявляетъ имъ, что для ихъ общаго исцѣленія необходимо бросить въ огонь наиболѣе страждущаго изъ нихъ, пепелъ котораго, выпитый съ водою остальными, непремѣнно возвратитъ всѣмъ здоровье. Перепуганные больные, опасаясь каждый возможности пойти за наиболѣе безнадежнаго между ними, въ одинъ голосъ объявляютъ, что они уже чувствуютъ себя какъ нельзя лучше, и спѣшатъ убраться по добру по здорову. На вопросъ, излечились ли они, король, ожидавшій ихъ у выхода, съ удивленіемъ слышитъ ихъ единодушный отвѣтъ: «Oïl sire, Dieu merci *)!»

Возведенный въ званіе перваго врача въ королевствѣ, крестьянинъ получаетъ, наконецъ, разрѣшеніе отправиться домой и съ богатыми подарками возвращается къ своей женѣ, навсегда отучившись колотить ее.



Обновленный Рейнеке.

«*Крестьянинъ введенный въ рай за свою краснорѣчивую защиту*». (Du Vilain qui conquist le paradis par plait).

По смерти одного крестьянина душа его, видя, что ни дьяволъ, ни ангелъ слишкомъ долго не являются за нею, сама отправляется на небо вслѣдъ за архангеломъ Гавріиломъ, несшимъ въ то время въ райскія обители душу какого-то праведника. Апостолъ Петръ, пропустивъ этихъ послѣднихъ, отказывается пропустить за врата рая мужицкую душу, говоря: «Намъ дѣла нѣтъ до мужиковъ, и здѣсь для нихъ совсѣмъ не мѣсто».

Но мужикъ напоминаетъ райскому привратнику о томъ, какъ нѣкогда онъ трижды отрекся отъ своего Божественнаго Учителя, и настаиваетъ на своемъ пропускѣ въ рай. Озадаченный ап. Петръ идетъ посовѣтоваться съ Ѳомой Невѣрнымъ, но и этому крестьянинъ возражаетъ словами: «Тебѣ ли гордиться передо мной, Ѳома, когда ты не хотѣлъ увѣровать въ Господа, прежде чѣмъ коснулся язвъ Его?». Вмѣшательство апостола Павла тоже ни къ чему не ведетъ, такъ какъ и для него у мужицкой души припасенъ готовый отвѣтъ: «А не ты ли, Павле, побилъ каменіемъ св. Стефана и подвергся заушенію отъ Господа?». Не зная, какъ сладить съ назойливымъ простолюдиномъ, всѣ три апо-

*) Да, государь, благодаря Бога.

стола обращаются къ самому Господу Богу, предъ лицомъ Котораго крестьянинъ и ведетъ свою защиту приблизительно слѣдующимъ образомъ: «Господи, по моему крайнему разумѣнію, я, также какъ и они, имѣю право пребывать здѣсь. Вѣдь никогда я не отрекался отъ Тебя и не отказывался вѣрить въ Тебя, и ни одинъ человѣкъ не лишился жизни по моей волѣ, а все это нѣкогда было совершено ими, и тѣмъ не менѣе они теперь съ Тобою въ раю. Я же, пока мое тѣло жило на землѣ, велъ жизнь чистую и непорочную, съ бѣдными дѣлился хлѣбомъ, утромъ и вечеромъ давалъ имъ пріютъ и не одного изъ нихъ отогрѣлъ у моего очага, ухаживалъ за нимъ до самой его кончины и затѣмъ проводилъ его въ храмъ Божій». Словами: «Ты школу добрую прошелъ—и рѣчь свою умно ты велъ» Господь рѣшаетъ споръ въ пользу крестьянской души, которая и остается навсегда въ раю.

«*Повѣсть объ апостолѣ Петрѣ и жонглерѣ*». (Le dit de St. Pierre et du jongleur).

Одинъ жонглеръ или странствующій пѣвецъ, гуляка и игрокъ, по смерти попадаетъ въ адъ, гдѣ въ уваженіе къ крайне жалкому виду, въ которомъ его душа предстала предъ сатаною, ей поручается поддерживать адскій огонь, гдѣ мучатся грѣшники.

Однажды повелитель ада, отправляясь со всѣми своими приспѣшниками на охоту за человѣческими душами, оставилъ жонглера одного стеречь души, уже находившіяся въ преисподней. Но вслѣдъ за тѣмъ туда приходитъ апостолъ Петръ и предлагаетъ жонглеру сыграть съ нимъ партію въ кости. Страстный игрокъ, жонглеръ, за неимѣніемъ денегъ, проигрываетъ одну за другою ввѣренныя ему души, которыя ап. Петръ и выводитъ съ собой изъ преисподней, такъ что послѣдняя оказывается къ приходу сатаны совершенно пустой. Разгнѣванный сатана навсегда изгоняетъ изъ ада жонглера, клятвенно обѣщаясь не принимать къ себѣ болѣе жонглерскихъ душъ. Прогнанный жонглеръ находитъ самый радушный пріемъ у апостола Петра.

Первыя два фабліо имѣютъ еще тотъ интересъ, что послужили прототипами для произведеній извѣстныхъ европейскихъ писателей. Крестьянинъ-врачъ, какъ выше упомянуто, далъ сюжетъ Мольеру для его «Доктора поневолѣ», а герой второго фабліо послужилъ образцомъ для цѣлаго ряда писателей и, подвергаясь многообразной обработкѣ, появлялся въ литературѣ то подъ именемъ Санхо-Панчо, то Сганареля, пока не превратился въ веселаго и остроумнаго Фигаро.

Не имѣя возможности привести здѣсь другія фабліо юмористическаго или сатирическаго характера, вслѣдствіе скабрезности и неприличности содержанія, мы переходимъ къ соотвѣтствующимъ имъ произведеніямъ нѣмецкой литературы, извѣстнымъ подъ именемъ новеллъ и швенковъ. По своему содержанію они живо напоминаютъ фабліо, тѣмъ болѣе, что и дѣйствующія лица остаются тѣ же. Вотъ, напримѣръ, тирольская новелла «Злая жена», изображающая мужа, который терпитъ отъ жены всякія несправедливости и въ отчаяніи сравниваетъ себя съ святыми мучениками. Ихъ семейная жизнь изображается очень наглядно, жена до такой степени чувствуетъ себя сильнѣе мужа, что грозится снести его подъ мышкой въ Вѣну.

Въ нѣмецкой поэзіи Вѣна вообще упоминается раньше другихъ городовъ. Одинъ изъ ея гражданъ, нѣкто Эннекель, далъ довольно на-

глядную картину уличной жизни Вѣны. О самихъ вѣнцахъ разсказывалось много смѣшныхъ исторій; таково «Морское путешествіе вѣнцевъ», гдѣ описывается, какъ пьяная компанія горожанъ вообразила себя застигнутою бурей около Аккона, на пути къ святымъ мѣстамъ; они воображаютъ, что плывутъ по бурному морю, туманъ собственныхъ головъ они приняли за морской, а причиною бури считаютъ упавшаго подъ столъ товарища и, дабы утишить волненіе, выкидываютъ его за окно, причемъ тотъ ломаетъ себѣ руки и ноги. На другой день они еще не могутъ понять, что сдѣлали, и только къ вечеру, проспавшись, сознаютъ свой поступокъ и раскаиваются.

Если эти пьяницы побѣждены виномъ, то другой герой шуточной исторіи мужественно выдерживаетъ его натискъ. Онъ не довольствуется кружками и стаканчиками, а пьетъ прямо изъ бочки и не желаетъ покинуть скамью, на которой сидитъ, до тѣхъ поръ, пока въ бочкѣ имѣется хоть капля вина. За каждой кружкой онъ восхваляетъ напитокъ, и чѣмъ больше пьетъ, тѣмъ больше растетъ удивленіе зрителя. Наконецъ онъ восклицаетъ: «Ну, теперь можно начать пить серьезно, я чувствую, какъ освѣжаетъ меня вино и какъ пріятно разливается оно по жиламъ». Становясь на колѣни, онъ восклицаетъ: «Вино, я падаю предъ тобою ницъ». А затѣмъ послѣ слѣдующаго глотка говоритъ: «Для вина, которое меня освѣжаетъ, я сдѣлаю прыжокъ» и весело подпрыгиваетъ три раза. Наконецъ скамья подъ нимъ начинаетъ трещать, лопается кушакъ и разрывается рубаха. Тогда онъ надѣваетъ кожаную куртку, а поверхъ ея желѣзный панцырь и радуется, что теперь защищенъ отъ дѣйствія вина.

Поклоненія Фовелю

Литература новеллъ и швенковъ неисчерпаема. Въ XIII столѣтіи множество поэтовъ обработывали ихъ сюжеты съ большимъ или меньшимъ искусствомъ. Среди нихъ особенно выдѣляется по своему таланту Штрикеръ (писалъ въ Австріи, отъ 1230—1250). Самымъ замѣчательнымъ его произведеніемъ является швенкъ о попѣ Амисѣ, гдѣ разсказываются про плутни и продѣлки странствующаго попа. Вотъ краткое его содержаніе:

«*Попъ Амисъ*» (Der Pfaffe Amis *).

Амисъ, будучи священникомъ въ весьма богатомъ приходѣ, возбуждаетъ зависть въ своемъ епископѣ, который грозитъ лишить его этого доходнаго мѣста, если ему не удастся разрѣшить всѣ вопросы, какіе ему будутъ предложены при испытаніи, назначенномъ нарочно съ злостнымъ намѣреніемъ погубить ни въ чемъ неповиннаго умнаго и щедраго священника. Но Амисъ удачно сумѣлъ отвѣтить на всѣ коварные вопросы своего начальника; такъ, напримѣръ, на вопросъ:

*) „Всеобщая исторія литературы“ В. Ѳ. Корша, т. II, стр. 627.

«Сколько дней прошло со временъ Адама?» онъ далъ отвѣтъ: «Семь, ибо съ каждой недѣлей тѣ же дни возвращаются сызнова». На вопросъ: «Гдѣ находится середина міра?» Амисъ утверждаетъ, что церковь, гдѣ онъ священникомъ, стоитъ какъ разъ въ самомъ центрѣ, нужно только смѣрить весь свѣтъ, протянувъ во всѣ стороны веревки, и будетъ видно, что это вполнѣ справедливо и т. п. Видя такую изворотливость Амиса, епископъ соглашается оставить пока приходъ за нимъ, но подъ условіемъ, что онъ сумѣетъ выучить осла читать. Такъ какъ, по словамъ Амиса, для человѣка требуется не менѣе двадцати лѣтъ, чтобы онъ могъ толкомъ научиться чему-либо, то для выучки осла понадобится не менѣе тридцати лѣтъ. Получивъ согласіе епископа на такой срокъ, Амисъ покупаетъ осла и каждый разъ, когда приходится давать ему кормъ, насыпаетъ овесъ между листами большой старой книги; оселъ постепенно привыкаетъ перевертывать ихъ, доискиваясь скрытыхъ между ними овсяныхъ зеренъ. Однажды епископъ является взглянуть на успѣхи длинноухаго ученика; Амисъ съ торжествомъ показываетъ ему, что оселъ умѣетъ уже перелистывать книгу, и увѣряетъ, что онъ даже заучилъ первую букву «а»; въ доказательство онъ ссылается на раздавшійся ослиный крикъ, такъ какъ животное, тщетно проискавъ въ книгѣ овса, на этотъ разъ не насыпаннаго туда предусмотрительнымъ учителемъ, хотѣло прирожденнымъ ему крикомъ выразить свою досаду. По смерти епископа дѣла Амиса приходятъ вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ въ разстройство и онъ отправляется по бѣлу свѣту искать себѣ лучшей доли. Отбросивъ всякій стыдъ и совѣсть, онъ пускается на всевозможныя плутни и продѣлки, иногда самаго непозволительнаго свойства, которыя, будучи приписаны лицу духовнаго сана, служатъ ярко-характеристичнымъ указаніемъ того, насколько въ то время уже пало въ глазахъ мірянъ значеніе духовенства. Между прочимъ, Амисъ является въ Лотарингію, гдѣ герцогъ поручаетъ ему заняться леченіемъ больныхъ. Объявивъ, что онъ долженъ лишить жизни самаго слабаго изъ нихъ, чтобы кровь его употребить на лекарство для остальныхъ, онъ такимъ образомъ вынуждаетъ всѣхъ своихъ кліентовъ громко признать себя уже исцѣленными отъ недуговъ, и обманъ импровизированнаго врача открывается только тогда, когда онъ успѣлъ уже выѣхать съ полученнымъ отъ герцога щедрымъ вознагражденіемъ. Въ другой разъ Амису случилось посѣтить богатую, но недалекую по уму крестьянку, мужа которой въ то время не было дома. Гость, принявъ видъ благочестиваго человѣка, проситъ хазяйку позволить ему провести ночь въ ея домѣ, такъ какъ онъ желалъ бы въ тихую ночную пору усердно помолиться. Приготовленнаго ему на жаркое пѣтуха Амисъ подмѣнилъ живымъ, увѣривъ глупую бабу, что Богъ оживилъ ея птицу за угощеніе, предложенное ею божьему человѣку. Растерявшаяся крестьянка, отъ избытка благоговѣнія къ Амису, даритъ ему сто аршинъ холста, съ которымъ пройдоха и спѣшитъ поскорѣе убраться. Но возвратившійся мужъ, лишь только узнавъ о случившемся, пускается въ погоню за Амисомъ, чтобы отнять у него женинъ подарокъ. Сообразивъ,

что преслѣдующій его всадникъ—мужъ обобранной имъ крестьянки, Амисъ прячетъ въ холстъ раскаленный уголь, и когда настигшій его мужикъ съ угрозами начинаетъ требовать возвращенія принадлежавшаго ему холста, Амисъ поспѣшно исполняетъ это съ униженнымъ видомъ. Между тѣмъ, едва суевѣрный крестьянинъ успѣлъ отъѣхать на нѣкоторое разстояніе, какъ ощутилъ запахъ гари и, видя въ этомъ проявленіе божьяго гнѣва за свой нечестивый поступокъ, спѣшитъ обратно къ Амису, приглашаетъ его вторично къ себѣ въ домъ и надѣляетъ его всякими подарками. Одна изъ продѣлокъ Амиса, однако жь, была найдена тогдашними читателями настолько соблазнительною, что побудила даже къ частичной переработкѣ произведенія Штрикера. Она заключалась въ слѣдующемъ: Амисъ, принявъ видъ мірянина, приходитъ къ настоятелю одного богатаго монастыря и такъ ловко входитъ къ нему въ милость, что послѣдній поручаетъ ему завѣдываніе всѣмъ

Свадебный кортежъ Фовеля.

монастырскимъ имуществомъ. Черезъ нѣсколько времени Амисъ сообщаетъ настоятелю, что явившійся въ видѣніи ангелъ приказалъ ему отслужить обѣдню, несмотря на его мірское званіе. Настоятель соглашается и, къ его удивленію, мнимый мірянинъ совершаетъ богослуженіе какъ нельзя лучше. Узнавъ объ этомъ, духовныя лица собираются со всѣхъ сторонъ послушать неожиданно объявившагося боговдохновеннаго мужа. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца собираетъ Амисъ доброхотныя даянія вѣрующихъ, потомъ поитъ до-пьяна монастырскую братію и покидаетъ обитель, захвативъ всю казну, какая оказалась на лицо. Наконецъ, послѣ многочисленныхъ продѣлокъ все въ томъ же родѣ, онъ поселяется съ накопленнымъ всякими неправдами богатствомъ въ другомъ монастырѣ, гдѣ и становится со временемъ аббатомъ, и вымаливаетъ себѣ вѣчное спасеніе.

Попъ Амисъ послужилъ прототипомъ излюбленныхъ героевъ простонародья, употреблявшихъ для борьбы съ высшими классами хитрость

и изворотливость. Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, онъ особенно ярко вылился въ народномъ героѣ Тиллѣ Эйленшпигелѣ.

Здѣсь кстати будетъ сказать о массѣ подражаній, которыя вызвалъ «Романъ о Лисѣ».

Такъ во времена Филиппа Прекраснаго поэтъ Франсуа де-Ріо сочинилъ «Le roman de-Fauvel» (производное отъ слова fauve—дикій), главнымъ героемъ котораго является лошадь.

Передъ этой благородной особой преклоняются и умиляются всѣ классы общества: папы, кардиналы, графы, горожане и народъ. Фовель представляетъ собою королевскую власть и поэтъ объясняетъ, почему онъ символизировалъ ее подъ видомъ лошади: «Такъ какъ всѣ люди сдѣлались животными».

Кромѣ того, въ другомъ мѣстѣ онъ жалуется, что «нами управляетъ животное чувство». Какъ и въ «Ренарѣ», въ этой поэмѣ встрѣчаются нападки на духовенство и особенно на орденъ тампліеровъ, но всѣ они не отличаются особой остротой, къ тому же и главное дѣйствующее лицо, лошадь, обладаетъ слишкомъ незначительнымъ комизмомъ, чтобы приковать къ себѣ вниманіе читателя. Кончается романъ женитьбой Фовеля. Въ одномъ изъ старинныхъ манускриптовъ это событіе иллюстрировано большимъ рисункомъ, часть котораго мы помѣщаемъ здѣсь (стр. 21). Цѣлая толпа маскированныхъ людей съ пѣснями и музыкой провожаетъ Фовеля къ новобрачной. Подобные проводы, или charivari, какъ они назывались въ Средніе вѣка, устраивались обыкновенно людямъ, вступавшимъ во второй бракъ.

Въ Испаніи въ XIII вѣкѣ мы не можемъ указать ни на какое проявленіе юмора, въ Италіи же въ это время излюбленнымъ родомъ литературы продолжаетъ оставаться новелла. Самой популярной и интересной изъ нихъ была исторія семи мудрецовъ учителей, занесенная изъ Индіи, какъ и много другихъ; сперва она разсказывается по-латыни, а затѣмъ переводится и на другіе языки. Какъ и «графъ Луканоръ», эта новелла состоитъ изъ нѣсколькихъ разсказовъ, заключенныхъ въ одну общую раму.

У римскаго императора, разсказывается въ новеллѣ, умираетъ любимая жена, оставляя на его попеченіе единственнаго сына.

Властитель, желая уберечь сына отъ дурныхъ вліяній, запираетъ его въ башню и заставляетъ учиться у семи мудрецовъ. Проходятъ годы; наступаетъ наконецъ время вернуться сыну къ своему родителю, но молодой принцъ читаетъ по звѣздамъ, что ему грозитъ при дворѣ большая опасность, которую онъ можетъ избѣжать только въ томъ случаѣ, если будетъ молчать въ продолженіе семи дней. Императоръ изумляется, когда при свиданіи не слышитъ отъ сына ни единаго слова. Приписывая это его застѣнчивости и надѣясь, что она скоро пройдетъ, онъ отсылаетъ его во внутренніе покои. Тамъ встрѣчается съ нимъ вторая жена императора и, пораженная красотою его лица, хочетъ увлечь и соблазнить молодого человѣка, но онъ и съ ней остается холоденъ и нѣмъ. Тогда она клевещетъ на него императору и тотъ собирается казнить сына. Но каждое утро, когда принца хотятъ вести на казнь, является къ императору одинъ изъ семи мудрецовъ и трогательной новеллой убѣждаетъ отца отсрочить казнь. На восьмой же день принцъ самъ разсказываетъ отцу свою новеллу, послѣ чего мачиха сознается

въ своемъ проступкѣ и ее сжигаютъ на кострѣ. Содержаніе новеллъ, которыя разсказываютъ семь мудрецовъ, состоитъ изъ примѣровъ о лживости и коварствѣ женщинъ. Книга эта пользовалась успѣхомъ не только потому, что давала столь излюбленную въ Средніе вѣка сатиру на женщину, но и вслѣдствіе того, что являлась удобной рамой, куда можно было постоянно вставлять новыя новеллы на мѣсто старыхъ.

Въ то время, какъ Франція и Германія развивали животный эпосъ, увлекаясь похожденіями Лиса, въ Англіи появились сказанія о полумиѳическомъ, полуисторическомъ героѣ-разбойникѣ, извѣстномъ подъ именемъ Робина Гуда. Баллады и пьесы, повѣствующія о продѣлкахъ Робина Гуда, встрѣчаются уже въ XIII столѣтіи; въ XIV вѣкѣ онѣ достигаютъ огромной популярности; даже невѣжественные попы, которые, какъ говорится въ одной аллегорической поэмѣ того времени, не могли прочесть наизусть «Отче нашъ», отлично помнили пѣсни о Робинѣ Гудѣ.

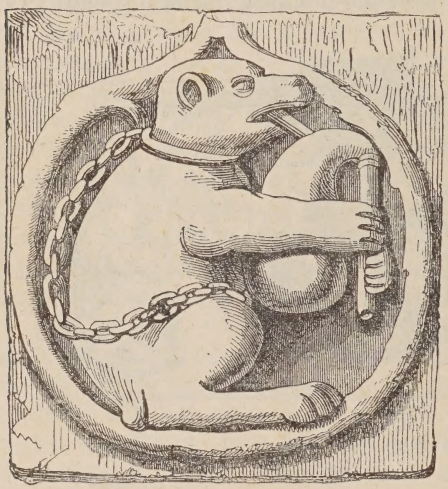
Схоластическое обученіе.

Этотъ смѣлый «outlaw» (человѣкъ внѣ покровительства законовъ), жившій въ лѣсахъ и открыто враждовавшій съ шерифами и закономъ, былъ такъ любимъ народомъ, что еще во времена Шекспира имѣлъ свой годовой праздникъ, въ которомъ принимали участіе всѣ жители отдѣльныхъ деревень и городовъ. Епископъ Латимеръ лично убѣдился, какъ популяренъ былъ среди простонародья этотъ праздникъ. Пріѣхавъ въ одинъ городъ, онъ объявилъ, что будетъ вечеромъ говорить проповѣдь. Въ назначенный часъ онъ отправился въ церковь, но, къ своему удивленію, не только не увидѣлъ обычной на паперти толпы, но и самый храмъ былъ запертъ. Около часа пришлось ему дожидаться, прежде чѣмъ пришелъ сторожъ съ ключами. «Мессиръ,—сказалъ онъ, — сегодня у насъ очень важный день, мы не можемъ прослушать вашу проповѣдь, такъ какъ празднуемъ память Робина Гуда и весь городъ ушелъ въ лѣсъ за зелеными вѣтками. Вы напрасно прождете и лучше сдѣлаете, если перенесете вашу проповѣдь на другой день». «Я понялъ,—заключаетъ аббатъ,—что настаивать нѣтъ смысла, и, разоблачившись, отправился дальше, уступивъ свое мѣсто зеленымъ лучникамъ Робина».

Робинъ Гудъ вполнѣ націоналенъ. По происхожденію онъ саксъ, по крайней мѣрѣ, такъ утверждаютъ баллады и легенды; онъ великодушенъ, сострадателенъ, а главное силенъ, гордъ и дерзокъ.

Изъ пятнадцати лѣсниковъ, напавшихъ на него, онъ убиваетъ четырнадцать, убиваетъ шерифа, тюремнаго сторожа, судью, но все это продѣлываетъ весело, какъ бы шутя.

Въ одной балладѣ разсказывается, какъ Робину Гуду приснилось разъ, что его поколотили два іомена (yoman — земледѣлецъ). Проснувшись, онъ собирается отыскать этихъ грубыхъ мужиковъ. Маленькій Джонъ проситъ взять его съ собою, но Робинъ Гудъ съ сердцемъ отталкиваетъ своего товарища. «Сколько разъ,—ворчитъ онъ,— приходилось мнѣ посылать впередъ своихъ людей, а самому оставаться позади! Если бы я не боялся, что сломаю свой лукъ, то непремѣнно размозжилъ бы тебѣ голову, Джонъ!». Съ этими словами онъ уходитъ одинъ и въ лѣсу встрѣчаетъ здоровеннаго іомена Гюй Джизберна. «Кто не состоялъ съ ними въ родствѣ,—говорится въ пѣснѣ,—тому пріятно было бы полюбоваться, какъ два сильныхъ парня налетали другъ на друга и ловко бились на ножахъ въ продолженіе двухъ часовъ въ жаркій лѣтній день. И во все это время никто не подумалъ о бѣгствѣ, ни Гюй, ни Робинъ Гудъ».



Медвѣдь, играющій на волынкѣ.

И такіе казусы случались съ Робиномъ Гудомъ довольно часто. Нѣтъ, нѣтъ и наткнется онъ на какого-нибудь крестьянина или ремесленника, который не только не позволитъ себя обобрать, но еще самъ же отколотитъ грабителя. Именно это-то и дѣлало особенно популярными баллады о знаменитомъ разбойникѣ: народу пріятно было слышать похвалы силѣ и ловкости какого-нибудь іомена, которому удалось до крови избить Робина Гуда.

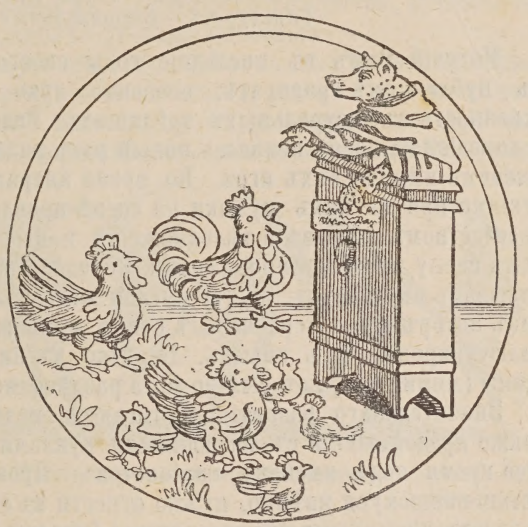
«Намъ стыдно нападать на тебя, —говоритъ въ другой балладѣ Робинъ Гудъ сторожу, — насъ трое, а ты одинъ». Но сторожъ дѣлаетъ прыжокъ назадъ на тридцать футовъ и, прислонившись спиной къ стѣнѣ, а ногой упираясь о камень, бьется цѣлый долгій день, пока мечъ его не обломался объ ихъ щиты. Здѣсь уже герой человѣкъ изъ народа, какъ и въ слѣдующей балладѣ про Артура-кожевника. Этотъ Артуръ, съ дубиной въ восемь съ половиной футовъ, бьется съ Робиномъ цѣлыхъ два часа. У обоихъ уже проломаны головы, но они разъярились и не обращаютъ вниманія, что кровь течетъ изъ нихъ ручьями. Отъ такой изумительной силы Робинъ приходитъ въ восторгъ и разрѣшаетъ Артуру навсегда безплатный проходъ по лѣсу. «Спасибо на пустомъ словѣ,—отвѣчаетъ тотъ,—я этотъ проходъ добуду своей дубиной».—«Кто же ты такой?» спрашиваетъ Робинъ. «Я кожевникъ изъ Неттингэма, и если ты когда-нибудь вздумаешь придти туда, то могу побожиться, что даромъ выдублю твою шкуру». Въ восторгѣ отъ такой силы и находчи-

вости, Робинъ обнимаетъ кожевника и очищаетъ ему дорогу. Обмѣнъ взаимныхъ затрещинъ почти всегда кончался дружбой. Такимъ именно образомъ установилась дружба между нимъ и Маленькимъ Джономъ.

Этотъ Маленькій Джонъ былъ парень въ семь футовъ ростомъ; встрѣтясь съ Робиномъ на мосту, онъ ни за что не хотѣлъ дать ему дорогу. Рыцарскій характеръ Робина не позволилъ ему употребить лукъ противъ безоружнаго и онъ вырѣзываетъ палку въ семь футовъ, которой и тузитъ Джона. Послѣдній въ свою очередь не даетъ спуска и они колотятъ другъ друга такъ, что только кости трещатъ.

Наконецъ, Робинъ Гудъ не выдерживаетъ и падаетъ, послѣ чего дружится съ Джономъ и питаетъ къ нему чувство привязанности до самой смерти.

Легенда о Робинѣ Гудѣ важна еще въ томъ отношеніи, что, представляемая въ его годовой праздникъ въ лицахъ и діалогахъ, можетъ считаться первымъ безсознательнымъ опытомъ въ области народнаго театра, описанію развитія котораго мы посвятимъ слѣдующую главу.



Лисъ, проповѣдующій курамъ.

Теперь же скажемъ, что къ XIII вѣку нужно отнести и начало каррикатуры, т. е. рисунковъ сатирическаго характера. Каррикатуры сперва появляются въ видѣ архитектурныхъ украшеній церквей и соборовъ. Такъ, разсказы о Рейнеке вдохновили многихъ скульпторовъ и, какъ мы уже говорили въ началѣ главы, многіе барельефы воспроизводятъ разные эпизоды изъ этой популярной поэмы или просто изображаютъ отдѣльныхъ героевъ ея. Въ Вестминстерѣ, напримѣръ, есть изображеніе медвѣдя, играющаго на волынкѣ; въ Лиможѣ въ одной изъ старыхъ церквей на стеклѣ нарисованъ Лисъ, проповѣдующій курамъ. Кромѣ поэмы о Рейнеке, на церковныхъ стѣнахъ можно встрѣтить еще сцены изъ домашней и школьной жизни. Одинъ изъ такихъ барельефовъ воспроизведенъ на нашемъ рисункѣ (стр. 23), довольно наглядно изображая систему схоластическаго обученія.

ГЛАВА III.

Развитіе комическаго театра.

Остатки Римскаго театра.—Мимы и маріонетки.—Народные языческіе праздники.—Праздникъ дураковъ.—Праздникъ осла и другіе церковные праздники. — Возникновеніе мистерій. — Комическій элементъ въ мистеріяхъ.—Вставныя сцены.—Основаніе Базошскаго королевства.—Фарсы: «Пателенъ» и другіе.—Sottises «Беззаботныхъ ребятъ.—Испанскій комическій театръ.—Итальянская комедія.—Типы: Арлекинъ, Панталонъ, Пончъ, Гансвурстъ.—Карнавальныя игры.

Могучій Римъ въ послѣдніе годы своего существованія погрязъ въ публичномъ развратѣ; особенно ярко сказалась эта безнравственность въ театральныхъ зрѣлищахъ. Рядомъ съ высокой трагедіей и комедіей на сценѣ появился новый родъ развлеченій, извѣстный подъ именемъ мимическихъ игръ. Во время антрактовъ между двумя дѣйствіями при звукахъ музыки на сценѣ появлялся гистріонъ, который посредствомъ жестовъ и тѣлодвиженій повторялъ разыгранную передъ тѣмъ сцену настоящими актерами. Впослѣдствіи для этихъ мимовъ, какъ называлъ ихъ народъ, поэты писали отдѣльныя сцены, и въ то время, какъ авторъ или актеръ читалъ стихи, мимы жестами и тѣлодвиженіями иллюстрировали ихъ смыслъ. Нерѣдко къ нимъ присоединялись женщины (мимистки), которыя до-нага раздѣвались по требованію публики.

Значительнаго развитія достигаютъ незадолго до паденія Рима также представленія съ деревянными куклами, извѣстными въ настоящее время подъ именемъ маріонетокъ. Происхожденіе ихъ, вопреки установившемуся мнѣнію, нужно отнести къ отдаленной древности; уже Геродотъ упоминаетъ про деревянныя фигурки, приводимыя въ движеніе нитками. Въ Римѣ деревянныя куклы показывались ради смѣха, но назывались не маріонетками, а «Manducus» или пожирателями дѣтей. Названіе же маріонетка происходитъ, по всей вѣроятности, отъ тѣхъ маленькихъ скульптурныхъ изображеній Богоматери, которыя во множествѣ встрѣчаются въ храмахъ и на перекресткахъ дорогъ въ католическихъ странахъ. Послѣ паденія Рима мимы и маріонетки продолжали существовать и потѣшали на ярмаркахъ народъ своими занимательными тѣлодвиженіями и шутовскими рѣчами. Отъ языческаго же міра были унаслѣдованы, кромѣ того, народныя празднества, которыя свято соблюдали, несмотря на то, что причины, вызвавшія ихъ на свѣтъ, давно уже были забыты.

Въ Германіи, напримѣръ, каждую весну устраивался праздникъ подъ названіемъ «Споръ лѣта и зимы». Сельская молодежь, выбравъ изъ своей среды начальника (Maigraf), уходила въ лѣсъ и, увѣнчавъ себя цвѣтами, возвращалась въ деревню. Здѣсь ихъ встрѣчалъ хоръ дѣвушекъ, изъ которыхъ графъ выбиралъ себѣ подругу и вмѣстѣ съ ней двигался по всему селенію, сопровождаемый кликами и колокольнымъ звономъ. Нѣчто подобное было и въ Англіи. Тамъ наканунѣ 1 мая выбирались майскій король и королева; затѣмъ всѣ отправлялись въ ближайшій лѣсъ, ломали зеленыя вѣтки, плели вѣнки и съ появленіемъ солнца возвращались изъ лѣса съ майскимъ деревомъ. Впослѣдствіи майскій праздникъ превратился въ праздникъ Робина Гуда и его трехъ

спутниковъ: дѣвицы Маріонъ, монаха Тука и Маленькаго Джона, что придало играмъ болѣе сценическій характеръ. До сихъ поръ еще сохранилось грубое народное представленіе о Робинѣ Гудѣ, исполнявшееся нерѣдко въ церквахъ. Во всѣхъ этихъ обрядовыхъ торжествахъ, сопровождавшихся плясками, играми, а не рѣдко и повальнымъ развратомъ, можно найти указанія на ихъ языческое происхожденіе. Такое двоевѣріе сильно озабочивало духовенство и оно, чтобы отвлечь народъ отъ древнихъ игрищъ, начало устраивать въ тѣ же самые дни пышныя процессіи и церковные праздники. На мѣсто римскихъ сатурналій, которыя совпадали съ христіанскимъ праздникомъ Рождества, духовенство учредило «Праздникъ дураковъ» (Festum stultorum).

Въ этотъ день, въ присутствіи священниковъ и аббатовъ, выбирали съ разными смѣшными церемоніями епископа дураковъ и съ торжествомъ вели въ церковь. По дорогѣ и въ церкви окружающіе новоизбраннаго епископа пѣли и плясали, переодѣвшись кто женщиной, кто шутомъ, кто звѣремъ. Въ церкви выбирался папа дураковъ, которагосъ шутками и смѣхомъ одѣвали въ папское облаченіе. Послѣ этого дурацкій епископъ совершалъ мессу и благословлялъ народъ; маскированные же священнослужители бѣгали по хорамъ, танцовали и пѣли неприличныя пѣсни. Діаконы и ипподіаконы ѣли колбасу въ алтарѣ передъ самымъ носомъ читавшаго мессу епископа, играли въ карты и кости, бросали въ кадильницу старыя подошвы и экскременты. Послѣ мессы каждому разрѣшалось дѣлать въ церкви все, что угодно. Затѣмъ всѣ садились въ телѣги, служившія для вывоза нечистотъ, и ѣхали по городу. Къ нимъ примѣшивался народъ и, переодѣвшись въ монаховъ, монахинь и поповъ, творилъ всякія непристойности. Этотъ праздникъ происходилъ въ Парижѣ въ день Новаго Года, въ другихъ мѣстахъ—въ первый день Рождества. Происхожденіе его настолько древнее, что духовнымъ совѣтомъ въ Толедо онъ былъ запрещенъ еще въ 633 году, но, несмотря на это, продолжался до 1550 года, пока не былъ уничтоженъ парламентскимъ приказомъ въ Дижонѣ.

Танецъ церковныхъ прислужниковъ и пѣвчихъ.

Другой церковный праздникъ, установленный исключительно во Франціи, назывался «Праздникомъ осла». Первыя упоминанія о немъ относятся къ 850 году, послѣ чего онъ существуетъ нѣсколько столѣтій подъ-рядъ. Праздникъ этотъ исходитъ, по всей вѣроятности, изъ воспоминаній о бѣгствѣ Дѣвы Маріи въ Египетъ.

Въ назначенный день выбиралась хорошенькая молоденькая дѣвушка, которой на руки давали ребенка и сажали на разукрашеннаго осла. Затѣмъ, въ сопровожденіи духовенства и народа, осла вели въ главную церковь и ставили рядомъ съ алтаремъ. Месса читалась съ большимъ торжествомъ и послѣ каждой молитвы толпа весело воскли-

цала: «Hinham, hinham», подражая ослиному крику. Если же при этомъ раздавался мелодичный ревъ самого животнаго, то веселье удваивалось. Въ концѣ обѣдни патеръ вмѣсто обычнаго благословенія, съ которымъ онъ отпускаетъ молящихся, ревѣлъ три раза по-ослиному, на что паства отвѣчала такимъ же троекратнымъ крикомъ и, исполнивъ гимны въ честь осла, расходилась по домамъ.

На 1 мая въ Эрве былъ обычай, чтобы священнослужители шли въ лѣсъ и ломали зеленыя вѣтви, которыми украшались потомъ образа святыхъ. Сперва въ лѣсъ ходили патеры, но затѣмъ нашли это для себя унизительнымъ и стали посылать діаконовъ и хоръ, а сами влѣзали на колокольни и такъ звонили, что нерѣдко трескались колокола, а срывавшимися языками убивало невоздержанныхъ звонарей. При своемъ возвращеніи причтъ часто надѣвалъ маски, пѣлъ и плясалъ, а встрѣчныхъ горожанъ заставлялъ прыгать черезъ свѣже нарѣзанные вѣники. Тамъ же каноникомъ Бутейль изобрѣтена была какъ нельзя болѣе подходившая къ его имени (Bouteille—бутылка) церемонія, состоявшая въ томъ, что 28 апрѣля на хорахъ по полу разстилался покровъ, по концамъ и въ серединѣ котораго ставились бутылки съ виномъ, вокругъ покрова садились пѣвчіе и по прочтеніи молитвы истребляли содержимое въ бутылкахъ.

На-ряду съ этими праздниками духовенство, для привлеченія большаго числа молящихся, разыгрывало иногда мистеріи, т. е. наглядно изображало то или другое событіе изъ жизни Христа или Дѣвы Маріи. Эти мистеріи главнымъ образомъ и послужили основаніемъ европейскаго театра.

Первыя мистеріи отличаются сухой передачей евангельскаго или библейскаго текста, но мало-по-малу въ нее вкрадывается комизмъ и, какъ это ни странно, комизмъ воплощается въ лицѣ дьявола. Въ одной мистеріи сатана хромаетъ отъ побоевъ, которые нанесъ ему Люциферъ за то, что тотъ не сумѣлъ соблазнить христіанина. Благодаря своему ужасному виду, рогамъ, хвосту, черти особенно нравились публикѣ, такъ что впослѣдствіи въ мистеріи дьяволъ сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ и необходимѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ. Подобныя представленія назывались «Большая чертовщина» (La grande Diablerie), и только та мистерія считалась хорошей, въ которой являлось не менѣе четырехъ дьяволовъ. Въ угоду публикѣ, сочинители въ своихъ произведеніяхъ выпускали на сцену цѣлыя толпы чертей, которые пѣли и плясали, чѣмъ не мало забавляли народъ.

Раблэ разсказываетъ, что французскій поэтъ Франсуа Виллонъ, пріѣхавъ въ Пуату, задумалъ показать мѣстнымъ жителямъ мистерію своего сочиненія, для чего и собралъ труппу. Послѣ распредѣленія ролей и устройства театра, онъ вдругъ вспомнилъ, что у него нѣтъ нужнаго гардероба. Отправившись на поиски за костюмами, онъ зашелъ между прочимъ и къ монаху, брату Стефану Таппеку, съ цѣлью попросить у него поношенную епитрахиль для стараго крестьянина, который долженъ былъ играть Бога-Отца. Таппеку, однако, отказалъ ему, ссылаясь на запрещеніе давать актерамъ священническія одежды. Виллонъ ни съ чѣмъ вернулся къ своей труппѣ и рѣшился отомстить монаху. Въ слѣдующую субботу онъ узналъ, что послѣдній поѣдетъ на монастырской лошади въ ближайшее мѣстечко для сбора милостыни и

въ два часа пополудни долженъ будетъ вернуться назадъ. Поэтъ тотчасъ же собралъ всѣхъ своихъ чертей и отправился навстрѣчу монаху. Черти были одѣты въ звѣриныя шкуры, къ головамъ у нихъ были привязаны бычьи рога, а пояса увѣшаны колокольчиками и звонками. Проведя въ такомъ видѣ свою шайку черезъ городъ, Виллонъ остановился у воротъ гостинницы, находившейся на дорогѣ въ Сентъ-Лигеръ, куда поѣхалъ Таппеку. «Чортъ его дери,—говорили черти,—онъ отказалъ Богу-Отцу въ старой францисканской рясѣ, такъ мы ему теперь покажемъ». И когда Таппеку подъѣхалъ верхомъ на своей клячѣ къ гостинницѣ, труппа Виллона неожиданно съ страшнымъ, поистинѣ дьявольскимъ ревомъ бросилась на него, окружила со всѣхъ сторонъ и, звоня колокольчиками и бросая огнемъ въ него и его лошадь, спра-

Грѣхопаденіе Адама.

шивала бѣднаго испуганнаго монаха: «Ну, что, братъ Стефанъ, хорошо разыгрываемъ мы чертей?». Лошадь съ испугу начала брыкаться и дыбиться и, наконецъ, сбросивъ монаха съ сѣдла, понеслась галопомъ къ дому. Но братъ Таппеку не упалъ совершенно, а волочился по дорогѣ, запутавшись ногой въ стремени, и терялъ по пути свои члены другъ за другомъ, такъ, что когда лошадь влетѣла на монастырскій дворъ, отъ Таппеку оставалась только одна правая нога да помятый полусапожекъ.

Хотя вся эта исторія, вѣроятно, сильно преувеличена, тѣмъ не менѣе она даетъ возможность ближе ознакомиться съ устройствомъ мистерій и ея чертями.

Но дьяволъ не всегда игралъ роль шута, онъ иногда являлся въ видѣ искусителя человѣка, а послѣ смерти послѣдняго вѣшалъ съ ангеломъ его грѣхи и добрые поступки, причемъ въ подобныхъ случаяхъ его окружали души умершихъ грѣшниковъ (рисунокъ на стр. 31).

Церковь, давая мѣсто для мистерій и праздниковъ вродѣ «Празд-

ника дураковъ», могла утратить окончательно смыслъ своего перваго назначенія и потому высшее духовенство въ началѣ XII вѣка изгоняетъ мистеріи изъ храма, а священнослужителямъ запрещаетъ участвовать въ представленіяхъ. Такимъ образомъ мистерія попадаетъ изъ церкви на площадь, гдѣ ее съ распростертыми объятіями встрѣчаетъ народъ. Для нея устраиваютъ открытый театръ. Онъ состоитъ изъ трехъ этажей: въ верхнемъ помѣщается рай, въ среднемъ—земля, а внизу адъ, который имѣетъ непосредственное сообщеніе съ землей и всегда готовъ раскрыться, чтобы поглотить грѣшника. Такъ какъ причту запретили играть въ мистеріяхъ, то пришлось набирать новыхъ актеровъ, которые и не замедлили появиться въ лицѣ мастеровыхъ разныхъ цеховъ. Мистеріи, разыгрываемыя цеховыми подмастерьями, становятся уже гораздо оживленнѣе, въ нихъ нерѣдко встрѣчаются блестки народнаго юмора, языкъ дѣлается проще и приближается къ разговорному. Каждый цехъ исполняетъ свою мистерію; всемірный потопъ играютъ плотники, потому что тамъ нужно строить Ноевъ ковчегъ; Рождество Іисуса Христа—золотыхъ дѣлъ мастера, которые могутъ достать золотыя короны для царей и т. д.

Въ каждой мистеріи являются вставныя сцены и діалоги, вѣроятно, продукты собственнаго измышленія актеровъ. Такъ въ одной изъ раннихъ нѣмецкихъ мистерій пастухи, приходящіе къ яслямъ Младенца Іисуса, просятъ Его защитить ихъ стада отъ волковъ, устроить такъ, чтобы трава росла поближе, и проч. Въ мистеріи о Николаѣ Угодникѣ, Жана Боделя, воры играютъ въ кости и переругиваются съ хозяйкой таверны. Въ Англіи пастухи въ рождественской мистеріи наивно признаются, что они изъ Ланкашира, и бесѣдуютъ о своихъ несчастіяхъ. Въ англійской же мистеріи на тотъ же сюжетъ, но нѣсколько позднѣйшей, мы уже встрѣчаемъ цѣлую маленькую комедію. Она начинается жалобой пастуховъ на плохое житье-бытье. Во время разговора приходитъ Макъ, человѣкъ съ нѣсколько сомнительной репутаціей, считающійся въ округѣ овцекрадомъ. Онъ появляется въ маскѣ и выдаетъ себя за стражника короля. Но, когда пастухи узнаютъ его, онъ перемѣняетъ тонъ и начинаетъ жаловаться на плохія обстоятельства, которыя ухудшаются еще тѣмъ, что жена даритъ ему каждый годъ по ребенку, а иногда и по два. Этотъ разсказъ размягчаетъ пастуховъ и они приглашаютъ Мака отужинать съ ними. Послѣ ужина всѣ ложатся спать, а чтобы Макъ не стянулъ бы чего-нибудь, двое пастуховъ кладутъ его въ середину. Лишь только услышавъ громкій храпъ пастуховъ, Макъ встаетъ и, выбравъ жирнаго ягненка, уноситъ его къ себѣ домой, затѣмъ возвращается и снова ложится вмѣстѣ съ пастухами. На утро пастухи еле расталкиваютъ Мака, который, проснувшись, разсказываетъ имъ, будто ему снилось, что жена опять наградила его наслѣдникомъ. Онъ уходитъ прежде, чѣмъ пастухи успѣваютъ замѣтить пропажу. Дома Макъ завертываетъ ягненка въ одѣяло и кладетъ въ колыбель; жена, притворившись больной, ложится въ постель, а самъ Макъ садится у колыбели и напѣваетъ пѣсню. Какъ разъ въ это время къ нему вламываются пастухи, замѣтившіе покражу. Но, войдя въ хижину, они останавливаются въ недоумѣніи, слыша колыбельную пѣснь и перемежающееся блеяніе овцы. «Тише, тише,—говоритъ имъ Макъ,—вѣдь сонъ-то оказался въ руку: жена опять родила и

теперь чувствуетъ себя очень плохо». Слыша жалобные стоны женщины, пастухи собираются уже удалиться, чтобы не безпокоить роженицы, но прежде они хотятъ взглянуть на новорожденнаго и по обычаю чѣмъ-нибудь его подарить. Несмотря на протесты Мака и его жены, одинъ изъ нихъ подходитъ къ колыбели и, приподнявъ одѣяло, видитъ голову ягненка. Озлобленные такимъ коварствомъ пастухи нещадно колотятъ Мака, а затѣмъ, усталые, ложатся отдохнуть и въ это время слышатъ ангельскую пѣснь: «Слава въ вышнихъ Богу!». Пастухи поднимаются и идутъ въ Виѳлеемъ.

Не менѣе цеховъ имѣла вліяніе на развитіе комическаго театра судебная ассоціація, извѣстная подъ именемъ «Базошскаго королевства и Галилейской имперіи», основанная при Филиппѣ Красивомъ молодыми парламентскими клерками. Это общество пользовалось множествомъ привелегій и могло избирать своего короля, такъ что въ концѣ концовъ образовалось какое-то государство въ государствѣ со своими законами и уставами. Разъ въ годъ Базошское королевство устраивало парадъ, на который сходились тысячи народа. На этихъ парадахъ нерѣдко давались примѣрныя судебныя разбирательства, изъ которыхъ позже образовались фарсы и sottises изъ судебнаго міра; исполнители же этихъ судебныхъ разборовъ вскорѣ стали опытными актерами и, съ разрѣшенія Филиппа, играли мистеріи, въ которыхъ увеличили вставныя сцены, находившіяся тогда еще въ зародышѣ, и придали имъ видъ отдѣльныхъ, вполнѣ самостоятельныхъ комедій подъ названіемъ фарсовъ.

Судъ грѣшника.

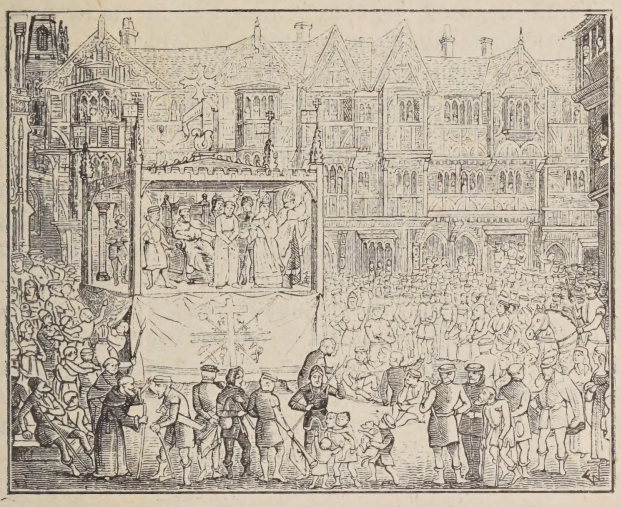
Базошскимъ братствомъ было написано и разыграно нѣсколько десятковъ фарсовъ, но самымъ знаменитымъ изъ дошедшихъ до нашего времени слѣдуетъ считать фарсъ подъ названіемъ «Maître Pathelin». «Адвокатъ Пателенъ») Сочинитель этого остроумнаго фарса до сихъ поръ остается неизвѣстенъ, первый же напечатанный экземпляръ относится къ 1474 году.

Бѣдный адвокатъ Пателенъ, главное дѣйствующее лицо фарса, изыскиваетъ средства, какъ бы наполнить свой карманъ и умилостивить сварливую жену Гильметъ. Неопредѣленность положенія до того разжигаетъ его, что онъ рѣшается на рискованную штуку. Такъ какъ имъ обоимъ не во что одѣться, то онъ отправляется къ едва знакомому купцу суконщику, съ цѣлью достать у него нужную матерію для жены. Придя въ лавку, онъ издалека заводитъ съ купцомъ рѣчь; сперва онъ справляется о здоровьѣ ближайшихъ родныхъ, которыхъ когда-то всѣхъ зналъ, а отецъ купца былъ даже ему закадычнымъ другомъ, и Пателенъ вспоминаетъ при этомъ случаѣ, что въ старые годы куда было лучше. Отецъ

суконщика, по его словамъ, былъ великодушнѣйшій малый, готовый всегда помочь пріятелю, ссудить въ случаѣ нужды деньгами и никогда не торговался съ товарищами изъ-за какой-нибудь бездѣлицы. Окончивъ это вступленіе, Пателенъ беретъ съ полки кусокъ сукна, наиболѣе ему приглянувшійся, и начинаетъ восторгаться его добротностью и красотой, при этомъ продолжаетъ безсовѣстно льстить хозяину и, наконецъ, объявляетъ ему, что не въ состояніи устоять противъ соблазна и готовъ купить на двадцать су сукна. Требуемый кусокъ отрѣзается и Пателенъ проситъ купца принести къ нему сукно на квартиру, гдѣ онъ и получитъ сполна всю сумму, и вмѣстѣ высказываетъ горячее желаніе постоянно продолжать съ нимъ и съ его семействомъ дружескія отношенія. Замѣтивъ нѣкоторое неудовольствіе и недовѣрчивость къ себѣ, Пателенъ еще горячѣе и краснорѣчивѣе уговариваетъ его, зоветъ купца къ себѣ на обѣдъ, обѣщаетъ угостить его жирнымъ гусемъ и хорошимъ виномъ. Купецъ захлебывается въ этомъ потокѣ адвокатскаго краснорѣчія, дѣлается податливѣе и даже позволяетъ Пателену взять сукно теперь же, чтобы не тащиться съ нимъ послѣ самому. Радостный Пателенъ спѣшитъ унести домой свою покупку и, разсказавъ про свою продѣлку женѣ, въ ожиданіи купца ложится на кровать и притворяется больнымъ. Когда купецъ приходитъ за деньгами, его встрѣчаетъ жена Пателена и со слезами въ голосѣ умоляетъ его говорить потише, такъ какъ ея больной мужъ только-что успокоился и, кажется, заснулъ. Купецъ удивляется, какъ могъ захворать человѣкъ, который за четверть часа предъ тѣмъ купилъ у него шесть локтей сукна. Но та увѣряетъ его, что этого не могло быть и больной ея мужъ никуда не выходилъ. Во время разговора раздаются стоны и бредъ Пателена. Чѣмъ больше настаиваетъ купецъ, тѣмъ сильнѣе охаетъ и стонетъ мнимый больной. Въ недоумѣніи купецъ уходитъ ни съ чѣмъ къ себѣ въ лавку и, чтобы убѣдиться, не приснилось ли ему все происшедшее, перемѣриваетъ штуку сукна. Однако, исчезновеніе шести локтей изъ куска какъ нельзя яснѣе доказываетъ ему, что Пателенъ былъ не плодъ его разстроеннаго воображенія, и онъ снова спѣшитъ на квартиру адвоката. Тамъ его ожидаютъ новыя сцены. Пателенъ въ горячечномъ бреду выкрикиваетъ какія-то несообразности, говоритъ то по-латыни, то на областномъ французскомъ нарѣчіи, и суконщикъ въ страхѣ быстро ретируется во свояси. Не успѣлъ купецъ придти въ свою лавку, какъ къ нему входитъ его пастухъ Аньеле, которому онъ поручилъ пасти свое стадо и который, вслѣдствіе своей прожорливости, истребилъ почти всѣхъ овецъ, увѣряя суконщика, что овцы дохнутъ отъ какой-то странной болѣзни. Аньеле пришелъ объясниться съ своимъ хозяиномъ по поводу посѣщенія его жандармомъ, требовавшимъ его на судъ и укорявшимъ его въ чемъ-то. Суконщикъ подтверждаетъ, что рѣшилъ дѣйствительно расправиться съ нимъ судебнымъ порядкомъ, и укоряетъ его въ безчестности; пастухъ, видя, въ какое бѣшенство приходитъ его хозяинъ, рѣшаетъ убраться по добру по здорову и отправляется искать защиты у адвоката Пателена. Узнавъ о сущности дѣла и выслушавъ искреннее признаніе пастуха, Пателенъ спрашиваетъ, сколько пастухъ ему заплатитъ, если онъ устроитъ все дѣло въ его пользу. Тотъ обѣщаетъ дать ему за хлопоты нѣсколько золотыхъ. Пателенъ тогда приказываетъ пастуху не говорить на судѣ ни одного слова, а на всѣ вопросы отвѣчать только блеяніемъ.

«И если тебя начнутъ ругать и укорять въ томъ, что ты насмѣхаешься надъ судомъ, отвѣчай—бе!...»

При появленіи на судѣ Пателена въ качествѣ судебнаго защитника пастуха несказанно поражаетъ купца; въ головѣ у него все перепутывается и во время рѣчи онъ никакъ не можетъ ясно изложить причины дѣла. Начнетъ ли онъ обвинять пастуха, онъ обвиняетъ его въ кражѣ шести локтей сукна, а Пателена укоряетъ въ томъ, что онъ будто бы съѣлъ всѣхъ его овецъ. Судья, теряя терпѣніе, проситъ его не отвлекаться, а говорить только объ овцахъ, но купецъ никакъ не можетъ разобраться въ двойномъ преступленіи. Пастухъ же, поступая согласно



Представленіе «Миракля» наторговой площади въ Конвентри, въ Англіи.

приказанію Пателена, на всѣ вопросы отвѣчаетъ однимъ блеяніемъ. Выведенный изъ себя судья прогоняетъ ихъ обоихъ, полагая, что истецъ и обвиняемый идіоты чистой воды. Выигравъ дѣло, Пателенъ требуетъ гонораръ, но пастухъ и теперь на всѣ вопросы отвѣчаетъ «бе!». Пателенъ, видя, что онъ обманутъ простымъ деревенскимъ мужикомъ, сердито восклицаетъ: «Хорошо же, пусть меня повѣсятъ, если я не позову сержанта и не заставлю арестовать тебя!».

«Ладно, пусть онъ прежде поймаетъ меня!» восклицаетъ пастухъ и убѣгаетъ.

Какъ всякое настоящее художественное произведеніе, фарсъ этотъ быстро вошелъ въ народную среду и цѣлыя выраженія изъ него обратились въ поговорки и пословицы. Еще и теперь французы говорятъ: «Revenons à nos moutons» (вернемся къ нашимъ овцамъ), фраза, повторяемая судьей суконщику; отъ имени же Пателенъ произошелъ глаголъ patheliner—вилять, хитрить.

Изъ другихъ фарсовъ Базошскихъ клерковъ заслуживаютъ упоминанія, во-первыхъ, фарсъ «О докторѣ, исцѣляющемъ отъ всѣхъ болѣзней», очень остроумная шутка, въ которой ярмарочный шарлатанъ, врачъ и женщина, приносящая своему мужу ежегодно по ре-

бенку, которыхъ тотъ не хочетъ признавать за своихъ, играютъ главныя роли. Въ цѣломъ это насмѣшка надъ современными лекарями, которые берутся излечивать всякія болѣзни какими-то невѣроятными пилюлями. Во-вторыхъ, «Живые покойники». Въ немъ выводится адвокатъ, впадающій въ такое умопомраченіе, что начинаетъ изображать изъ себя мертвеца. Въ силу этой странной маніи, онъ не хочетъ ни говорить, ни смѣяться, ни пить, ни ѣсть, ни двигаться и цѣлыми днями лежитъ на кровати. Онъ такъ изнуряетъ себя, что окружающіе не на шутку ожидаютъ съ часу на часъ его кончины. Въ это время къ женѣ больного приходитъ ея племянникъ и хочетъ заставить своего дядю подкрѣпиться пищей. Но всѣ его старанія не ведутъ ни къ чему. Тогда молодой человѣкъ придумываетъ особый способъ леченія. Онъ надѣваетъ саванъ и ложится на столъ въ комнатѣ больного, изображая изъ себя покойника. Вокругъ стола ставятъ погребальныя свѣчи, а члены семьи и товарищи, собравшись въ комнатѣ, громко выражаютъ скорбь о безвременно погибшемъ юношѣ. Эта сцена разыгрывается такъ естественно, что въ концѣ никто не можетъ удержаться отъ смѣха и даже изобрѣтатель ея при видѣ гримасъ окружающихъ разражается громкимъ хохотомъ. Маніакъ-дядюшка, заинтересованный этой сценой, спрашиваетъ, кто лежитъ на столѣ. Ему отвѣчаютъ, что это трупъ его племянника. «Но,—возражаетъ онъ,—какъ же это мертвый человѣкъ такъ громко хохочетъ?»—«Отчего же онъ не можетъ хохотать,—говоритъ его жена,—вѣдь разговариваешь же ты теперь». Паціентъ хочетъ убѣдиться самолично и велитъ принести себѣ зеркало. Смотрясь въ него, онъ дѣлаетъ разныя гримасы и убѣждается, наконецъ, что покойникъ дѣйствительно можетъ смѣяться. Мнимо умершій же слѣзаетъ со стола и проситъ подать себѣ обѣдъ. Ему приносятъ жирнаго каплуна и бутылку вина. При видѣ аппетитно уписывающаго за обѣ скулы племянника больной адвокатъ допытывается у окружающихъ, могутъ ли ѣсть покойники, и когда тѣ увѣряютъ его, что это очень естественная вещь, онъ приказываетъ принести себѣ жаренаго мяса и съ жадностью съѣдаетъ весь кусокъ. Такимъ образомъ его заставляютъ исполнить всѣ функціи здороваго человѣка, послѣ чего онъ совершенно исцѣляется отъ своей болѣзни.

Почти въ одно время съ Базошскимъ королевствомъ образовалось новое общество, членами котораго были молодые люди дворянскихъ фамилій, подъ названіемъ «Enfants sans souci» (беззаботныя ребята, или дѣти глупости). Ихъ предводитель назывался «Prince des sots» (принцъ Глупыхъ), а пьесы, разыгрываемыя ими безплатно, sottises (глупости).

Уже общее наименованіе представленій доказываетъ, что въ нихъ комизмъ былъ болѣе грубый, чѣмъ въ фарсахъ. Въ одной изъ такихъ «sottises» разсказывается, какъ «дѣти глупости», выучившись разнымъ ремесламъ, ищутъ пріюта у общей «бабушки глупости», а та посылаетъ ихъ въ услуженіе къ «міру», которому, однако, они никакъ не могутъ угодить. Тогда всѣ рѣшаютъ, что «міръ» захворалъ, зовутъ доктора, и тотъ послѣ освидѣтельствованія его объявляетъ, что болѣзнь гнѣздится у него въ мозгу. Міръ же признается доктору, что боится попасть въ адъ за свои прегрѣшенія.

— Какъ!—восклицаетъ врачъ,—

Et te troubles tu pour cela?
Monde, tu ne te troubles pas
De voir ces larrons attrapars
Vendu et acheter bénéfices *)? —и т. д.

Врачъ награждается, міръ отдаетъ себя въ руки обществу глупости и, надѣвъ ея ливрею, получаетъ снова свой прежній веселый нравъ.

По повелѣнію Людовика XII «беззаботными» была сочинена шутка подъ заглавіемъ: «Le jeu du Prince des sots et Mère sotte» (Игра принца глупыхъ и матери глупости). Она состоитъ изъ четырехъ частей: первая содержитъ обычный въ то время призывъ (Le Cry) или обращеніе ко всѣмъ дуракамъ и дурамъ всѣхъ возрастовъ и состояній, приглашая ихъ пожаловать на представленіе, даваемое королемъ дураковъ; во второй части находится сама sottie, переполненная сатирическими нападками на духовенство и намеками на ссору Людовика XII съ папой Юліаномъ II; третья часть представляетъ драматическій діалогъ «о нравственности темнаго человѣка», и четвертая—фарсъ подъ названіемъ «Дѣйствовать лучше, чѣмъ говорить», въ которомъ женщина жалуется на мужа, что онъ разорилъ ея виноградникъ и теперь принимаетъ предложеніе другихъ обработать его.

Панталонъ и Арлекинъ.

*) И тебя безпокоитъ такая вещь? Міръ, ты не возмущаешься, видя, какъ эти негодяи и лихоимцы продаютъ и покупаютъ церковныя мѣста?

Незадолго до развитія французскихъ фарсовъ въ провинціальныхъ городахъ Сѣверной Франціи мы встрѣчаемъ цѣлый циклъ мелкихъ свѣтскихъ пьесъ, сочиненныхъ труверами, въ которыхъ стихи удачно переложены на музыку и нѣсколько напоминаютъ нынѣшнія оперетки. На первомъ планѣ въ ряду этихъ смѣлыхъ новаторовъ нужно поставить Арраскаго трувера Адама де-ла-Гиль, прозваннаго «горбуномъ». Объ его жизни, полной приключеній, мы имѣемъ весьма отрывочныя свѣдѣнія; достовѣрно извѣстно только, что онъ постоянно перемѣнялъ мѣста жительства и умеръ въ 1286 году въ Неаполѣ, состоя въ свитѣ Роберта II, графа Артуа. Въ первой своей пьесѣ «Подъ древесной сѣнью» (Jeu de la feuillé) онъ выводитъ на сцену самого себя и разсказываетъ про свои несчастья. Прежде всего ему не посчастливилось въ женитьбѣ; дѣвушка, казавшаяся въ его глазахъ совершенствомъ, послѣ свадьбы оказывается далеко не безупречной. Онъ разочаровывается и хочетъ отправиться въ Парижъ, чтобы поступить въ клерки. Но ему никакъ не удается двинуться въ путь, и въ этомъ состояніи сомнѣнія и раздраженія онъ сталкивается съ рядомъ комическихъ лицъ. Сначала является докторъ, котораго товарищи Адама просятъ излечить отца отъ скупости; докторъ осматриваетъ отца и рѣшаетъ, что у него родильная болѣзнь. Такою же болѣзнью, по словамъ доктора, страдаютъ еще трое другихъ лицъ въ городѣ. Среди шума и смѣха входитъ монахъ съ мощами св. Акэра, исцѣляющими всѣхъ хвастливыхъ, неистовыхъ и глупыхъ. Онъ приглашаетъ присутствующихъ поклониться мощамъ и принести что-нибудь въ даръ; кто даетъ щедрѣе, того онъ восхваляетъ и говоритъ, что хорошо себя зарекомендовалъ передъ святымъ. Къ мощамъ, между прочимъ, приводятъ и бѣсноватаго, который, однако, и въ присутствіи мощей продолжаетъ поносить папу и кардиналовъ. Постепенно сцена пустѣетъ и на мѣсто недавней сходки слетаются три волшебницы: Morgue, Arsile и Maglore. Къ нимъ приходитъ гонецъ рыцаря Гилекена и проситъ у феи Morgue свиданія съ своимъ господиномъ, который страстно ее любитъ. Волшебницы знаютъ, что здѣсь были люди, и въ наказаніе за то, что они не устлали землю коврами, сулятъ имъ всякія невзгоды. Адама они награждаютъ талантомъ стихотворца и безграничной влюбчивостью, предрекаютъ ему, что онъ никогда не попадетъ въ Парижъ, а останется около жены и забудетъ всю науку. Затѣмъ феи улетаютъ, а друзья Адама идутъ въ ближайшую таверну. При расплатѣ за вино они весь счетъ сваливаютъ на уснувшаго тутъ же монаха, а сами скрываются. Трактирщикъ будитъ монаха, но у того не оказывается денегъ, онъ закладываетъ ему свои мощи и выкупаетъ ихъ, только когда отецъ бѣсноватаго дурака снова приводитъ къ нему сына и въ благодарность оставляетъ нѣкое благое даяніе.

Другая комедія Адама написана въ духѣ пасторалей. Рыцарь, возвращаясь съ соколиной охоты, прельщается красотою пастушки Маріонъ и объясняется ей въ любви, но та рѣшительно отказываетъ ему во взаимности, такъ какъ уже давно любитъ мѣстнаго пастуха Робена. Тогда рыцарь овладѣваетъ пастушкой силою и бьетъ Робена за сопротивленіе. Онъ увозитъ ее, но, убѣдившись въ ея несговорчивости, отпускаетъ назадъ. На радости любовники устраиваютъ пиръ и пригла-

шаютъ деревенскую молодежь. Всѣ усаживаются на зеленомъ лугу, выбираютъ изъ своей среды короля, пьютъ вино, поютъ пѣсни и танцуютъ.

Фарсы другихъ анонимныхъ сочинителей въ большинствѣ случаевъ отличаются рѣзко сатирическимъ характеромъ. Напримѣръ, въ фарсѣ о духовникѣ-шарлатанѣ и трактирщикѣ осмѣивается торговля подложными реликвіями. Духовникъ предлагаетъ купить у него обломокъ райской стѣны, гребень съ головы пѣтуха, пропѣвшаго трижды на дворѣ Пилата, доску изъ Ноева Ковчега, крыло серафима. Въ фарсѣ «Свободный лучникъ» осмѣивается типъ подобнаго наемника, шатающагося безъ дѣла. Онъ клянется, что его беретъ зло, когда не съ кѣмъ воевать. Онъ вспоминаетъ свою трусость на полѣ битвы и храбрость при мародерскихъ набѣгахъ на чужое добро, на птичьи дворы и курятники. Его пугаетъ неожиданно появившійся призракъ бретонскаго стрѣлка и онъ начинаетъ каяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но, не успѣвъ начать исповѣдь, прерываетъ ее, замѣтивъ, что привидѣніе исчезло, и снова продолжаетъ хвастливыя рѣчи.

Граціозо.

Въ Испаніи развитіе комическаго театра сперва задерживалось властью мавровъ, которые по своему характеру относились въ высшей степени враждебно къ драматическому искусству, а затѣмъ духовенствомъ и королями. Первымъ произведеніемъ, подходящимъ по своей формѣ къ комическимъ фарсамъ Франціи и англійскимъ интерлюдіямъ, которыхъ мы коснемся позже, является любопытный діалогъ, написанный стихами и называвшійся «Coplas de Mingo Revulgo»

(Куплеты Минго Ревульго *). Эта сатира написана бойкимъ простонароднымъ языкомъ.

Судя по тому, что въ ней рѣчь идетъ о королѣ Генрихѣ IV, ее слѣдуетъ отнести къ концу XV вѣка.

Собесѣдниками являются два пастуха. Одного зовутъ Минго Ревульго (испорченное отъ Domingo Vulgus); онъ олицетворяетъ народъ; другого зовутъ Хиль Аррибато, онъ является представителемъ высшихъ классовъ. Діалогъ начинается восклицаніями Хиля, который въ воскресное утро видитъ Ревульго плохо одѣтаго и грустнаго.

«Ахъ, Минго Ревульго, Минго, что сталось съ твоимъ голубымъ плащемъ? Отчего ты не носишь его больше? Куда дѣлась твоя красная куртка? Зачѣмъ у тебя печальное лицо и почему ты ходишь съ поникшей головой?».

На эту рѣчь Ревульго отвѣчаетъ, что виною всему плохое положеніе стада, которое пасетъ такой дурной пастырь. Дальше, подъ видомъ аллегоріи, они ѣдко критикуютъ дѣйствія правительства, порицаютъ трусливый характеръ короля и его низкую страсть къ португальской фавориткѣ, позорно отзываются о равнодушіи народа и хвалятъ довольство среднихъ классовъ.

Кромѣ этого древнѣйшаго памятника народнаго испанскаго театра, мы знаемъ еще, что въ Испаніи представлялись также и entremets (интермедіи), заимствованныя изъ Франціи. Этимъ именемъ назывались нѣмыя сцены или живыя картины на библейскіе сюжеты и въ XIV вѣкѣ были необходимѣйшей принадлежностью всякихъ торжествъ. При встрѣчѣ королей, при въѣздѣ ихъ невѣстъ въ Парижъ на площадяхъ устраивались помосты, съ которыхъ аллегорическія фигуры привѣтствовали знатныхъ особъ либо жестами, либо краткими рѣчами.

Развитіе комическаго театра въ Италіи также началось со вставныхъ сценъ въ мистеріяхъ, но изъ этихъ сценъ впослѣдствіи выработался не фарсъ или sottises, а особый родъ комедіи, извѣстный подъ именемъ Comedia dell'arte. Отличительной чертой этой комедіи, пользовавшейся у народа громадной популярностью, было то, что разработка фабулы предоставлялась самимъ актерамъ, сочинитель же набрасывалъ нѣсколькими словами ходъ дѣйствія и содержаніе пьесы. Такимъ образомъ актерамъ предоставлялась полная свобода выдумывать остроты, намекать на современныя событія, выставлять на смѣхъ отличительныя черты людей разныхъ профессій. Со временемъ Comedia dell'arte выработала и освятила традиціями нѣсколько постоянныхъ типовъ, которые сохранились и до настоящаго времени.

Однимъ изъ первыхъ типовъ является знакомая каждому фигура Арлекина. Своимъ разноцвѣтнымъ костюмомъ, черной маской и деревяннымъ мечомъ онъ напоминаетъ римскихъ мимовъ, о которыхъ мы упоминали въ началѣ главы. Происхожденіе названія «Арлекинъ» еще до сихъ поръ вполнѣ не установлено; одни производятъ его отъ слова «halec» (селедка), другіе отъ имени слуги графа де-Лувенсо, Пьерро д'Арлекинъ, отличавшагося хитростью и ловкостью. Между прочимъ, французы такъ объясняютъ происхожденіе Арлекина. Во времена Генриха III въ Парижъ пріѣхала итальянская труппа, среди которой отли-

*) «Исторія испанской литературы» Тикнора, т. I.

чался своимъ веселымъ характеромъ и находчивостью одинъ молодой актеръ, вскорѣ принятый въ домѣ Арлэ де-Шанвалона. Товарищи въ насмѣшку, а можетъ быть изъ зависти, прозвали его Арлекино, т. е. маленькій Арлэ, а потомъ такъ привыкли къ этому имени, что стали

Рожденіе Гансвурста.

называть имъ всѣхъ прихлебателей сановниковъ. По другимъ источникамъ, имя Арлекина впервые появилось во времена Франциска I для осмѣянія Карла V (Charles Quint).

Характеръ игры древняго Арлекина цѣликомъ состоялъ изъ смѣшныхъ тѣлодвиженій, высокихъ прыжковъ, безстыдныхъ насмѣшекъ и грязныхъ выраженій. Приблизительно около 1560 года характеръ его

измѣняется, и онъ превращается въ простого слугу, который изо всѣхъ силъ старается острить, часто доводя свои шутки до сатиры. Онъ трусливъ и изъ трусости готовъ войти во всякія безчестныя сдѣлки. Этотъ характеръ въ рукахъ талантливаго актера часто отодвигалъ на задній планъ главныя дѣйствующія лица комедіи.

Въ итальянской комедіи нѣкоторые Арлекины, благодаря своей превосходной игрѣ, не только пріобрѣтали состояніе, но достигали даже почестей. Пьетро-Марія Чеккини, исполнявшій эту роль, былъ произведенъ въ дворянство императоромъ Матіасомъ. Въ Парижѣ однимъ изъ лучшихъ Арлекиновъ въ королевской итальянской труппѣ былъ Доминико Бьянколелли. До него Арлекина по традиціи изображали невѣжественнымъ слугой, Доминико же, зная хорошо вкусы толпы, придалъ этой роли столько юмора и веселости, что почти совершенно преобразилъ прежняго Арлекина. Но этотъ талантливый актеръ былъ и въ жизни такимъ же остроумнымъ, какъ и на сценѣ. Когда итальянскіе актеры стали играть комедіи на французскомъ языкѣ, то французская труппа принесла на нихъ жалобу королю. Король потребовалъ итальянцевъ къ себѣ, чтобы выслушать обѣ стороны. Баронъ, знаменитый актеръ, говорилъ отъ имени французской труппы, и когда онъ окончилъ свое обвиненіе, король сдѣлалъ знакъ Доминико, разрѣшая ему говорить въ свое оправданіе. Послѣ нѣсколькихъ комическихъ жестовъ Арлекинъ обратился къ королю съ вопросомъ, на какомъ языкѣ долженъ онъ объясняться съ его величествомъ.

«Говори на какомъ хочешь, для меня безразлично», отвѣтилъ король. «Тогда мнѣ больше ничего не нужно, я считаю свое дѣло выиграннымъ», отвѣтилъ Доминико. Понявъ, что его провели, король разсмѣялся и оставилъ просьбу французовъ безъ послѣдствій.

Послѣднимъ изъ замѣчательныхъ Арлекиновъ на итальянской сценѣ въ Парижѣ былъ Карлъ-Антонъ Бертинацо, по прозванію Карлино, умершій въ 1783 году. Онъ развлекалъ парижанъ въ продолженіе сорока лѣтъ и получалъ отъ короля 8.000 ливровъ жалованья въ годъ. Благодаря отличному знанію французскаго языка, онъ такъ гладко говорилъ всегда свою роль, что невозможно было узнать, говоритъ ли онъ заученную роль или отсебятину. Несмотря на свою ипохондрію, онъ все увеселялъ и смѣшилъ вокругъ себя. Разъ онъ отправился къ незнакомому врачу и просилъ дать ему какое-нибудь средство отъ мучившей его ипохондріи.

«Ничего лучшаго не могу вамъ предложить,—отвѣчалъ докторъ,—какъ почаще ходить смотрѣть Карлино».—«Ахъ,—со вздохомъ возразилъ Арлекинъ,—Карлино я самъ, но, потѣшая другихъ, страдаю меланхоліей».

Другой популярный типъ представляетъ венеціанскаго купца Панталона. Сперва его костюмъ состоялъ изъ халата, который имѣли обыкновеніе носить купцы въ прежнее время, а затѣмъ изъ панталонъ и чулокъ, составляющихъ одно цѣлое, черной куртки сверху и красной нижней. По обычаю же старинныхъ купцовъ, актеръ, игравшій Панталона, нерѣдко носилъ и бороду. По своему характеру Панталонъ является добродушнымъ, довѣрчивымъ и вѣчно влюбленнымъ человѣкомъ, котораго проводитъ соперникъ—сынъ, слуга или другой какой-нибудь интриганъ.

Позднѣе изъ него сдѣлали хорошаго отца семейства, всегда исполняющаго свое слово, строгаго къ дѣтямъ; несмотря на это, всѣ его обманываютъ и дурачатъ. Названіе Панталона произошло собственно отъ трикотажныхъ панталонъ, которыя носили венеціанцы. Въ этой

Воспитаніе Гансвурста.

роли выдѣлились особенно Тури, умершій въ Парижѣ въ 1670 году, и Коланьто.

Типъ доктора появился, вѣроятно, въ одно время съ Панталономъ. Прежній костюмъ его походилъ на одѣяніе докторовъ болонской академіи, новѣйшій изобрѣтенъ французами.

Докторъ представляется вѣчнымъ болтуномъ, который не можетъ

открыть рта, чтобы не выпалить цѣлаго ряда латинскихъ сентенцій. Нѣкоторые актеры изображали его круглымъ невѣждой, прикрывающимся, какъ щитомъ, самодѣльной латынью и неумѣстными изреченіями изъ классиковъ.

Изъ другихъ типовъ итальянской сцены нужно отмѣтить еще Пульчинелло и Пьеро. Обѣ эти маски явились гораздо позднѣе и представляютъ не болѣе какъ сколки съ характера Арлекина. Другія страны также увлекались остроумнымъ Арлекиномъ и изобрѣли въ подражаніе ему свои національные типы или маски.

Такъ въ Испаніи появляется въ XVI столѣтіи типъ Граціозо, имѣющій большое сходство съ Арлекиномъ. Онъ такъ же трусливъ, вѣроломенъ и обжорливъ, такъ же веселъ и остроуменъ.

Кукольный театръ въ Англіи дополняется около того же времени новой фигурой, веселымъ Пончемъ (Punch). Эта комическая кукла сдѣлалась настолько популярна, что Аддисонъ воспѣлъ ее даже латинскими стихами. По его описанію, Пончъ уже и тогда, какъ и въ настоящее время, обладаетъ грубымъ голосомъ, горбомъ и громаднымъ животомъ. Онъ вступаетъ въ разговоръ дѣйствующихъ лицъ на сценѣ, обращается къ публикѣ съ шутками, громко хохочетъ, но въ общемъ юморъ его не имѣетъ никакой ѣдкости. Такимъ веселымъ малымъ онъ остается до конца прошлаго вѣка, послѣ чего превращается въ того Донъ-Жуана, какимъ воспѣваетъ его одна народная баллада 1790—1793 г. Въ ней Пончъ умерщвляетъ въ припадкѣ ревности жену и сына и бѣжитъ въ Испанію, гдѣ попадаетъ въ руки инквизиціи и, только благодаря золотому ключу, спасается изъ заточенія. Но на свободѣ на него набрасывается бѣдность въ видѣ черной собаки и болѣзнь, переодѣтая врачемъ; однако, онъ ударами прогоняетъ ихъ отъ себя. Наконецъ, имъ хочетъ овладѣть смерть, но Пончъ такъ трясетъ бѣдный скелетъ, что тотъ самъ еле спасается живымъ. Въ наше время Пончъ снова преобразился и теперь похожъ по своимъ продѣлкамъ на Фигаро.

Продуктомъ нѣмецкаго остроумія является Гансвурстъ (Иванъ Колбаса). Упоминаніе о немъ встрѣчается впервые въ одномъ письмѣ Лютера съ герцогу Брауншвейгскому (въ 1541 году) и въ это время онъ уже обладаетъ всѣми свойствами, т. е. обжорствомъ, толщиною и страстью къ паясничеству.

Наибольшимъ успѣхомъ въ роли Гансвурста пользовался Францъ Шугъ. Стоило ему только показаться на сценѣ, какъ всѣ уже начинали хохотать. Внѣ театра этотъ же самый актеръ былъ мрачнымъ и малоразговорчивымъ человѣкомъ.

Въ 1740 году онъ образовалъ собственную труппу и разъѣзжалъ съ ней по нѣмецкимъ городамъ. Его костюмъ въ роли Гансвурста напоминалъ нѣсколько матросскую форму. Онъ носилъ широкіе съ пряжками башмаки, желтыя короткія панталоны съ зелеными или голубыми лампасами, открытую ярко-красную куртку, желтую или синюю жилетку и широкій круглый воротникъ. Волосы у него были либо острижены, либо связывались на макушкѣ въ пучекъ. Но Шугъ недолго увеселялъ публику и умеръ сорока восьми лѣтъ, въ полномъ расцвѣтѣ таланта. Вмѣстѣ съ нимъ исчезъ послѣдній и лучшій Гансвурстъ.

Французская маріонетка Полишинель своимъ уродливымъ лицомъ, влюбчивостью и заразительной веселостью живо напоминаетъ англій-

скаго Понча, такъ что мы считаемъ излишнимъ останавливаться на ней.

Подаривъ Европу Арлекинами, Пьеро и Пульчинеллами, Италія распространила также и карнавалы или масленичныя игры и процессіи. Однимъ изъ первыхъ городовъ, гдѣ стали устраивать пышныя масленичныя процессіи, считаютъ Венецію. Спустя нѣкоторое время, карнавалъ

Францъ Шугъ въ роли Гансвурста.

перебрался въ Римъ, а отсюда распространился по всѣмъ странамъ. Съ большимъ весельемъ справляли карнавалъ нѣмецкіе торговые и промышленные города. Въ Кенигсбергѣ, напримѣръ, мясники въ день масленицы носили громадную колбасу въ нѣсколько сотъ фунтовъ. Въ Нюрнбергѣ же существовала особая масленичная игра подъ названіемъ «Игра Шёнбарта».

Игра эта появилась вмѣстѣ съ образованіемъ въ Нюрнбергѣ цеховъ. Но такъ какъ цехи въ 1349 году открыто возстали противъ правительства, то императоръ Карлъ IV запретилъ имъ устраивать карнаваль-

ныя процессіи. Впрочемъ, это запрещеніе не касалось мясниковъ и кузнецовъ, которые не только не принимали въ возстаніи никакого участія, но даже спасли жизнь императорскому совѣтнику. Такимъ образомъ долгое время «Игра Шёнбарта» исполнялась только двумя вышеупомянутыми цехами; лишь впослѣдствіи другимъ мастеровымъ было дозволено участвовать въ игрѣ мясниковъ и кузнецовъ, за небольшую плату въ пользу послѣднихъ.

Содержаніе этой масленичной игры заключалось въ слѣдующемъ. Въ назначенный день маскированные мастеровые съ дубинками и палками въ рукахъ разсѣивались по разнымъ улицамъ города. Слѣдомъ за ними, въ костюмѣ Арлекиновъ, ѣхали верхомъ на лошадяхъ два человѣка, изъ которыхъ одинъ все время бросалъ въ толпу орѣхи, а другой — яичную скорлупу съ розовой водой, отъ чего среди толпы распространялся пріятный ароматъ. Затѣмъ съ хоромъ музыки шли сами шёнбарты, окруженные тѣлохранителями. Костюмы у всѣхъ приблизительно были одинаковы и только цвѣта и покрой ежегодно мѣнялись. Нѣкоторые же, наоборотъ, наряжались самымъ страшнымъ образомъ, изображая кто дикихъ, кто звѣрей, кто нацѣплялъ на себя зеркала, кто, изображая индіанку, увѣшивалъ все тѣло каштанами, а въ первый годъ Реформаціи одинъ маскированный обвѣсилъ всего себя индульгенціями и бросалъ въ толпу письменныя отпущенія грѣховъ за папскими печатями. Процессію заключалъ «Адъ», который, смотря по величинѣ, везли лошади или несли люди. Онъ изображался когда домомъ, когда башней, когда замкомъ; иногда это былъ драконъ, иногда василискъ или просто великанъ. Въ концѣ вечера, при пѣніи и пляскѣ, это чудовище сжигалось передъ ратушей и участники процессіи расходились по домамъ.

Подобныя процессіи и масленичныя игры бывали и въ другихъ городахъ; для ихъ оживленія поэты набрасывали комическія пьесы и отдѣльныя сцены, которыя тутъ же на улицѣ или на наскоро сколоченныхъ подмосткахъ представлялись актерами изъ цеховыхъ мастеровъ.

Въ большинствѣ случаевъ главными участниками карнавальныхъ увеселеній были люди изъ низшихъ классовъ. Своимъ живымъ, непритворнымъ юморомъ и заразительнымъ весельемъ они много скрашивали монотонную и тяжелую жизнь народа въ Средніе вѣка. Низшіе же классы оживили и мистерію, вливъ въ нее струю народно-комическаго элемента, которая потомъ въ фарсахъ широкой волной захватываетъ сцену и отодвигаетъ на задній планъ мертвыхъ эпическихъ героевъ первыхъ религіозныхъ драматическихъ представленій и подготовляетъ почву для сатирическихъ писателей эпохи Возрожденія.

Нюрнбергская игра „Шёнбартъ“.

ГЛАВА IV.

Предвѣстники Возрожденія и народная литература.

Распаденіе Среднихъ вѣковъ.—«Пляска Смерти».—Епископъ Гитскій.—Боккаччіо и Чосеръ.—Себастьянъ Брандтъ и его «Корабль Дураковъ».—Подражатели Брандта.—Народные герои и легенды.—Братъ Рушъ.—Тилль Эйленшпигель.—Шильдбурцы и готэмиты.—Народныя книжки Скельтона и Скогина.—Каррикатура на норвичскихъ евреевъ.

XIV и XV вѣка составляютъ переходный періодъ между Средними вѣками и эпохой Возрожденія. Въ это время умственный и соціальный строй Среднихъ вѣковъ медленно разрушается, оставляя послѣ себя впечатлѣніе погибающаго міра.

Феодальное дворянство хотя и окружало себя пышностью и великолѣпіемъ, хотя и заявляло громко о своей чести, великодушіи и вѣрности, тѣмъ не менѣе постепенно разлагалось, подтачиваемое тщеславіемъ, чувственностью, нравственнымъ скептицизмомъ и полнѣйшимъ эгоизмомъ. Война служила для рыцарей единственнымъ средствомъ обогащенія, и ради этой цѣли они совершали отчаянные подвиги храбрости, которые дошли до насъ въ разсказахъ о битвахъ при Пуатье и Кресси; ради того же обогащенія они пускались въ отдаленныя страны въ поискахъ за приключеніями, когда не было войны. Красивыя слова и позы дворянства были не болѣе какъ маска, прикрывавшая ихъ хищническія, разбойничьи наклонности.

Духовенство въ эти смутные вѣка презиралось своей паствой. Споры анти-папъ, честолюбіе, низкія страсти кардиналовъ и епископовъ, безчестная торговля церковными мѣстами, нахальство монаховъ нищенствующихъ орденовъ и интриги бѣлаго духовенства, наглыя богатства,— все это отталкивало христіанъ отъ католической церкви и постепенно уясняло идею, что католическое духовенство извращало и губило христіанскую религію.

Отраднымъ фактомъ является въ это время только усиленіе третьяго сословія. Университеты, тогда только-что основанные въ Германіи и Франціи, переполнялись молодыми людьми средняго класса и, несмотря на то, что теологія еще считалась главной наукой, а схоластическая логика главной формой науки, изъ университетовъ выходило много смѣлыхъ, сильныхъ умовъ, которые главнымъ образомъ и подготовили Реформацію и Возрожденіе.

Поэзія въ XIV вѣкѣ переименовывается въ риторику, въ ней появляются двойныя, змѣевидныя, львиныя, перекрестныя и др. риѳмы. Поэты перестали выражать свои мысли просто и ясно, имъ необходимо было пройти черезъ безконечный лабиринтъ аллегорій; отсюда эти странныя названія произведеній, какъ, напримѣръ: «Влюбленные часы», «Прекрасный кустъ молодости» и пр.

Но на-ряду съ этими условными произведеніями XIV вѣкъ произвелъ и такихъ геніальныхъ писателей, какъ Боккаччіо и Чосеръ, которые своимъ неподдѣльнымъ юморомъ и блестящей фантазіей не только увлекали современниковъ, но и въ наши дни читаются съ восхищеніемъ. Сатира тоже имѣетъ въ лицѣ Себастьяна Брандта своего пред-

ставителя; кромѣ того, въ это время появилось и обошло всѣ европейскія страны сатирическое произведеніе, извѣстное подъ заглавіемъ «Пляска Смерти».

Идея поэмы «Пляска Смерти» была навѣяна тѣмъ ужасомъ, который объялъ Европу, когда, въ 1348 году, моровая эпидемія или «черная смерть», какъ ее тогда называли, унесла въ могилу чуть не треть всего населенія, не пощадивъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни духовныхъ, ни свѣтскихъ. Именно это-то равенство передъ смертью и вложено въ основу поэмы. «Все умираетъ!—восклицаетъ смерть во вступительномъ монологѣ.—Покрывайтесь златотканными одеждами, не позволяйте холоду проникать въ ваши жилища, наполняйте ваши желудки хорошими винами, вы всетаки умрете, какъ и тѣ, кто прячется отъ холода, прикрытый рубищемъ, полумертвый отъ голода. Предо мною вы всѣ равны! Ты, земледѣлецъ, стоишь у меня на одномъ счету съ дворяниномъ, который пользуется твоими трудами. Ты, воинъ, побѣдившій арміи, тоже умрешь; ты, придворный, исполнененый лести и тщеславія, смерть ждетъ и тебя; ты, богатый, отказывающій въ подачкѣ бѣднымъ, тебѣ въ свою очередь они откажутъ въ сожалѣніи, когда ты обратишься въ трупъ; твои покои обтянуты дорогими матеріями, — онѣ пойдутъ на обивку твоего гроба; ты, блудница, берущая за свое тѣло по сто луи за ночь, смерть возьметъ тебя даромъ; ты, судья, покрывающійся горностаевымъ мѣхомъ, ты пойдешь на съѣденіе червямъ».

Пляска смерти.

Затѣмъ смерть приказываетъ не мѣшкать и начинать страшную пляску, которой никто не можетъ избѣгнуть. Сперва въ пляску она зоветъ папу, за нимъ королей, кардиналовъ, епископовъ и т. д. до простыхъ поденщиковъ. Всѣ они принуждены принять участіе въ пляскѣ, хотя сначала каждый съ отвращеніемъ отъ нея отказывается. Купецъ, напримѣръ, говоритъ: «Кому оставлю я свои богатства и товары, плывущіе по морю на моихъ корабляхъ? Съ такимъ трудомъ и съ такими лишеніями пріобрѣлъ я то, чѣмъ теперь владѣю! Смерть призываетъ меня: что станется со мной? Прощайте, товарищи, я иду плясать подъ унылый напѣвъ смерти». На нашемъ рисункѣ изображенъ музыкантъ, который тоже обратилъ на себя вниманіе двухъ помощниковъ смерти, и они тянутъ его въ общую пляску. Такими же рисунками, изображающими разные моменты изъ «Пляски Смерти», расписана цѣлая стѣна церкви «Père La Chaise» въ Овернѣ. Часто «Пляска Смерти» изображалась въ лицахъ. Подобный маскарадъ, между прочимъ, былъ устроенъ въ октябрѣ 1424 года на кладбищѣ «Невинныхъ» въ

Парижѣ. Маскарады эти происходили и въ слѣдующіе годы того же столѣтія.

Смерть передъ эпохой Возрожденія сдѣлалась вообще однимъ изъ излюбленныхъ сюжетовъ. Поэты воспѣваютъ ее въ стихахъ, художники изображаютъ ее на рисункахъ. Нашъ рисунокъ (стр. 49) изображаетъ битву рыцаря со смертью. Онъ уже многихъ враговъ положилъ на мѣстѣ, но вотъ является смерть и, несмотря на то, что она бьется съ рыцаремъ не мечемъ, а костью, захваченной съ кладбища, онъ всетаки долженъ умереть.

Въ Испаніи въ XIV вѣкѣ писателемъ-юмористомъ былъ Хуанъ Рюнсъ, обыкновенно называемый пресвитеромъ Гитскимъ. Біографическія свѣдѣнія о немъ очень скудны. Предполагаютъ, что онъ родомъ изъ Алкалы Генаресской, большую часть жизни провелъ въ Гитѣ. Три дошедшія до насъ рукописи его помѣчены одна 1330 годомъ, двѣ другія—1343-мъ.

Въ нихъ насчитывается до семи тысячъ стиховъ, которые, вмѣстѣ взятые, составляютъ одну объемистую книгу, содержащую нѣсколько разсказовъ, касающихся въ большинствѣ случаевъ событій изъ жизни автора. Прежде всего въ книгѣ помѣщено обращеніе къ Богу, затѣмъ любопытный прозаическій прологъ, имѣющій цѣлью выяснить нравственное направленіе этихъ поэмъ, а, вѣрнѣе, для того, чтобы не такъ бросалось въ глаза ихъ нѣсколько пикантное содержаніе. На первомъ планѣ этихъ біографическихъ разсказовъ выступаетъ довольно двусмысленная личность, его повѣренная въ любовныхъ дѣлахъ, которую онъ называетъ «монастырская побѣгушка». Первая дама сердца, къ которой онъ отправляетъ свою повѣренную, несмотря на ихъ двойныя усилія, отказывается склониться на его мольбы. Во второмъ разсказѣ коварный пріятель обманываетъ его и увозитъ его любовницу. Огорченный поэтъ отправляется въ путешествіе, но приближается время поста и онъ вмѣстѣ съ другими священнослужителями долженъ вступить подъ знамя «Dona Quaresma» (Дона Поста), чтобы начать противъ Дона Карнавала и его сторонниковъ войну. На войнѣ фигурируютъ Dona Tocino (Господинъ Окорокъ), Dona Cecina (Копченое мясо) и тому подобныя особы. Такъ какъ битва происходитъ уже при наступленіи поста, то она и кончается пораженіемъ и взятіемъ въ плѣнъ Дона Карнавала. Но едва постъ кончился, аллегорическій плѣнникъ убѣгаетъ-собираетъ своихъ приспѣшниковъ вродѣ господина Завтрака и госпожи Закуски и снова начинаетъ войну, одерживая блистательныя побѣды.

Къ Карнавалу пристаетъ Амуръ и они оба начинаютъ царствовать. Амуръ съ восторгомъ привѣтствуется клерками, монахами, монахинями и жонглерами, но онъ особенно благосклонно принимаетъ поэта и разсказываетъ ему про свои зимнія похожденія въ Севильѣ и благословляетъ на новыя любовныя похожденія, которыя тотъ заканчиваетъ только со смертью своей вѣрной «монастырской побѣгушки».

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги Гитскаго пресвитера. Главная прелесть его поэзіи — естественность и живость тона. Свои сюжеты онъ часто черпаетъ изъ сѣверно-французской поэзіи и заимствуетъ изъ сборника Эзоповыхъ басенъ. Тонъ его чрезвычайно разнообразенъ. Сатирическій духъ, однако, преобладаетъ, хотя и не безъ примѣси добродушнаго юмора.

Своимъ искусствомъ въ обрисовкѣ типовъ онъ живо напоминаетъ сходнаго съ нимъ по юмору и тону поэзіи Чосера, писавшаго нѣсколько позднѣе въ Англіи.

Почти въ одно время съ Гитскимъ пресвитеромъ въ Италіи выступаетъ со своимъ «Декамерономъ» Боккаччіо. Мы не станемъ разсказывать біографію этого итальянскаго сатирика и юмориста, которая въ приложеніи къ «Вѣстнику» за 1898 годъ была дана подписчикамъ вмѣстѣ съ его безсмертными новеллами, а коснемся только его лучшаго творенія—«Декамерона». Въ предисловіи къ нему Боккаччіо говоритъ, что пишетъ свои новеллы съ единственной цѣлью занять досугъ женщинъ и разсѣять ихъ любовныя печали. Но такъ какъ всѣ старинныя новеллы, начиная съ «Cente Novelle Antiche» и кончая «Семью мудрецами», преслѣдовали какую-нибудь практическую мораль, то слѣды этого направленія мы встрѣчаемъ и въ «Декамеронѣ». Такъ 8 я новелла десятаго дня показываетъ, насколько сильна истинная дружба; 7-я восьмого—какъ должны остерегаться женщины насмѣхаться надъ мужчинами.

Средневѣковая гравюра Гольбейна.

По образцу же старинныхъ произведеній этого рода, онъ заключаетъ свои разсказы, трактующіе о самыхъ разнообразныхъ вещахъ, въ одну общую раму и хотя чисто внѣшнимъ образомъ, но соединяетъ ихъ въ одно цѣлое. Свои сюжеты Боккаччіо не выдумывалъ, а бралъ и обработывалъ ихъ изъ старинныхъ книгъ, изъ устныхъ преданій и французскихъ фабліо. Къ нему отлично подходитъ извѣстная французская поговорка: «Je prends mon bien où je le trouve», т. е. я беру свое добро тамъ, гдѣ его нахожу. Но отъ этого значеніе произведенія Боккаччіо нисколько не умаляется, напротивъ, ему можно поставить въ заслугу, что онъ сумѣлъ придать каждому сюжету, къ которому прикоснулся, такую оригинальность и блескъ, что старинныя полузабытыя легенды еще и теперь съ удовольствіемъ читаются далекими потомками. Боккаччіо не былъ созданъ для изображенія сильныхъ страстей, но зато картины будничной жизни, видѣнныя имъ изо-дня-въ-день, умѣлъ описывать великолѣпно.

Вспомнимъ только, какъ Андреучіо тщетно стучится въ дверь куртизанки, умоляя ее отворить, въ то время какъ изъ оконъ высовываются заспанныя лица сосѣдей, или то мѣсто, гдѣ братъ Ринальдо съ непобѣдимой логикой доказываетъ Агнессѣ, что кумовство не можетъ служить помѣхой для ихъ связи.

Въ комическихъ разсказахъ о шуткахъ и продѣлкахъ Боккаччіо доходитъ до виртуозности, и невинныя сами по себѣ шутки вызываютъ неудержимый смѣхъ. Особенно интересны въ этомъ отношеніи

3, 6, 9 новеллы восьмого дня и 3 и 5 девятаго дня, гдѣ фигурируютъ два художника Бруно и Буффальмакко. Эти веселые проказники всегда рады позабавиться на чей-нибудь счетъ. То они дурачатъ Каландрино, то смѣются надъ Симоне. Юморъ Боккаччіо зиждется главнымъ образомъ на пикантныхъ, а иногда и прямо циничныхъ сюжетахъ, но таковъ ужь былъ вѣкъ и въ этомъ Боккаччіо нисколько невиновенъ. Онъ, очевидно, и самъ сознавалъ эту извращенность вкуса толпы, когда устами Діонео въ «Утѣшенномъ рогоносцѣ» говоритъ, что люди больше смѣются надъ чужими несчастіями, «нежели при удачахъ, въ особенности если онѣ касаются насъ» Читатели Боккаччіо смаковали эти фривольные разсказы, но такъ какъ главной цѣлью здѣсь всетаки ставится комическій эффектъ, то это значительно облагораживаетъ сюжетъ; при томъ же тотъ здоровый смѣхъ, который они вызываютъ, дѣйствуетъ на насъ освѣжительно и ничуть не одурманиваетъ воображенія.

Въ началѣ главы мы уже говорили, что главнымъ образомъ развращенное духовенство дискредитировало христіанскую религію. Боккаччіо, рисуя въ «Декамеронѣ» вѣрную картину того времени, съ рѣзкой сатирой выступаетъ противъ поповъ и монаховъ. Въ своихъ разсказахъ онъ показываетъ намъ представителей духовенства наглыми и невѣжественными святошами, дурачащими другихъ, когда они нападаютъ на довѣрчивыхъ простаковъ, и одураченными, когда они сами попадаютъ въ руки ловкихъ людей («Хитроумная исповѣдница» и «Нѣмой садовникъ»). Но Боккаччіо по своей насмѣшливой натурѣ не въ состояніи постоянно строго относиться къ духовенству и вмѣстѣ съ ними посмѣивается, когда имъ ловко и хитро удается провести кого-нибудь.

«Декамеронъ» Боккаччіо у насъ въ Россіи почему-то принято считать одной изъ самыхъ безнравственныхъ и скабрезныхъ книгъ, между тѣмъ разсказы въ такомъ духѣ не составляютъ и одной трети всей книги. Чаще всего авторъ разсказываетъ о разныхъ добродѣтеляхъ той или другой личности и нерѣдко поднимается почти до классическаго паѳоса, какъ, напримѣръ, въ новеллѣ «Соколъ», гдѣ разорившійся рыцарь, чтобы угостить любимую даму, убиваетъ сокола, послѣднее свое утѣшеніе, и затѣмъ предается отчаянію, когда узнаетъ, что донна пришла попросить у него этого самаго сокола для подарка своему больному мальчику.

Главная заслуга Боккаччіо состоитъ въ томъ, что онъ съ неподражаемымъ юморомъ изобразилъ намъ средневѣковую жизнь и набросалъ типы наиболѣе значительныхъ ея представителей.

Подражателемъ и соперникомъ Боккаччіо является его современникъ, англійскій поэтъ Джеффри Чосеръ, прозванный отцомъ англійской поэзіи.

Чосеръ родился въ 1328, а умеръ въ 1400 году, и почти весь вѣкъ пользовался матеріальнымъ достаткомъ, что ярко отразилось на его произведеніяхъ, дышащихъ жизнерадостностью и веселостью. Болѣе подробную біографію и выдержки изъ его сочиненій читатели найдутъ въ «Вѣстникѣ Иностранной Литературы» за 1898 г., въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ; теперь же мы постараемся уяснить себѣ, въ чемъ Чосеръ подражалъ Боккаччіо и въ чемъ онъ превзошелъ послѣдняго.

«Кентербэрійскіе разсказы» Чосера ясно указываютъ по своей внѣшней формѣ, что они были навѣяны «Декамерономъ». Въ нихъ также собравшіеся вмѣстѣ люди занимаютъ другъ друга отъ скуки разсказами, а въ прологѣ выясняется, какъ и у Боккаччіо, причина ихъ встрѣчи. Близкое знакомство Джеффри Чосера съ произведеніемъ Боккаччіо видно изъ того, что нѣкоторые разсказы или сюжеты взяты цѣликомъ изъ «Декамерона». Кромѣ того, какъ Чосеръ, такъ и Боккаччіо, оба преслѣдуютъ одну и ту же цѣль — дать веселое и забавное чтеніе.

На этомъ кончается подражаніе и во всемъ остальномъ Чосеръ идетъ уже самостоятельнымъ путемъ и нерѣдко превосходитъ своего учителя. Прежде всего превосходство сказывается въ прологѣ. Въ «Декамеронѣ» мы не находимъ характеристики десяти разсказчиковъ, намъ извѣстно только, что они представители высшаго флорентійскаго общества, а изъ послѣдующаго чтенія узнаемъ, что они не прочь заняться флиртомъ, увлекаются красотами природы и склонны высказывать философскія сентенціи, но все это настолько незначительно, что перенеси Боккаччіо мѣсто дѣйствія изъ Флоренціи въ Толедо или Парижъ, ему не пришлось бы перемѣнять дѣйствующихъ лицъ. Не то мы видимъ у Чосера. Въ его прологѣ участвуетъ тридцать одинъ человѣкъ и каждый изъ нихъ является типичнымъ представителемъ своего сословія или профессіи. Здѣсь собраны во-едино всѣ классы общества и цѣлый рядъ лицъ, отъ рыцаря до повара и хозяина придорожной гостинницы включительно, проходятъ, какъ въ калейдоскопѣ, передъ читателемъ съ рѣзко очерченными индивидуальными чертами. Чосеръ съ глубокимъ юморомъ, но безъ всякой злобы рисуетъ такіе реальные портреты, что они встаютъ, какъ живые, передъ глазами. Чтобы не быть голословнымъ и дать подписчикамъ, не получавшимъ «Вѣстника» въ 1898 году, убѣдиться въ талантѣ Чосера, приведемъ здѣсь нѣсколько отрывковъ:

Джеффри Чосеръ.

«Была тамъ добрая женщина изъ самаго города Бата. Только она была немного глуховата, и это было скверно. По части суконной фабрикаціи у нея былъ особый обычай: она ввозила сукна контрабандой изъ Иперта и Гента.

Во всемъ ея приходѣ изъ женщинъ ни одна *)
Не смѣла приложиться къ мощамъ, пока она,

*) Переводъ Д. Д. Минаева.

Того не совершила; но еслибъ то случилось,
Она бы, безъ сомнѣнья, такъ сильно разсердилась,
Что вовсе позабыла бъ смиренье христіанъ.

Ея головной уборъ былъ замѣчателенъ по своей основательности; я готовъ побожиться, что капоръ, который она надѣвала на голову по воскресеньямъ, вѣсилъ фунтовъ десять. Ея чулки, тоненькіе, ярко красные, были натянуты гладко, а башмаки были очень мягкіе и новые. Лицо ея было бойкое, красивое, съ яркимъ румянцемъ.

Всю жизнь свою почтенье вездѣ она встрѣчала
И ровно пять разъ въ жизни въ законный бракъ вступала,
А о другихъ поступкахъ намъ лучше умолчать,
О нихъ неловко даже теперь упоминать.
Къ святому гробу трижды она ходить рѣшалась,
Чрезъ много рѣкъ заморскихъ въ пути переправлялась,
Была въ Болоньѣ, въ Римѣ, у Якова святого
И въ Кельнѣ побывала, о чемъ могла толково
Поразсказать; но только бѣда у ней одна:
Передними зубами была она бѣдна.
Она на иноходцѣ спокойно помѣщалась,
Лицо ея подъ шляпой соломенной скрывалось,
Съ широкими полями, громадными, какъ щитъ,
Дорожный плащъ искусно вкругъ ногъ ея обвитъ,
А на ногахъ двѣ шпоры. Жива и беззаботна,
Она съ людьми любила болтать весьма охотно
И отъ любви, навѣрно, лекарство дать могла,
Устраивать умѣла любовныя дѣла».

Не менѣе интересенъ и продавецъ индульгенцій, ѣхавшій верхомъ рядомъ съ прыщеватымъ судьей.

«Съ запасомъ индульгенцій съ нимъ рядомъ подвигался
Другой монахъ, который ихъ сбытомъ занимался,
Его большой пріятель и кумъ съ былыхъ временъ:
Чернецъ изъ Ронсеваля. Недавно только онъ
Изъ Рима воротился и ѣхалъ распѣвая:
«Приди, приди ко мнѣ ты, подруга дорогая!»
А кумъ грубѣйшимъ басомъ подтягивалъ ему,
Трубы столь громкой въ мірѣ навѣрно никому
Не удавалось слышать. Висѣли кудри плоско
На черепѣ монаха и цвѣтъ имѣли воска,
Вкругъ шеи разсыпаясь отдѣльными прядями,
Но онъ гордился очень своими волосами,
Пренебрегая токомъ,—и потому свой токъ
Изъ щегольства запряталъ въ дорожный свой мѣшокъ.
И, сильно убѣжденный, что онъ одѣтъ по модѣ,
Простоволосый ѣхалъ при всѣмъ честномъ народѣ,
Глаза, какъ заяцъ, пучилъ и на плащѣ носилъ
Нерукотворный образъ, а при себѣ хранилъ
Мѣшокъ для индульгенцій, биткомъ набитый ими,—
Такимъ товаромъ славнымъ, его снабдили въ Римѣ.
Владѣлъ онъ дребезжащимъ козлинымъ голоскомъ
И съ бородой при этомъ былъ вовсе незнакомъ:
На гладкомъ подбородкѣ пушинки не видали...
Какого онъ былъ пола? Мы порѣшимъ едва ли,
Зато гдѣ ни являлся, кого онъ ни встрѣчалъ,
Всѣхъ ловкостью своею невольно поражалъ
Въ продажѣ индульгенцій. Въ сумѣ своей не мало
Чудесъ хранилъ онъ всякихъ: и часть отъ покрывала
Святой Маріи Дѣвы, и паруса кусокъ,
Когда-то украшавшій священный тотъ челнокъ,

Въ которомъ Петръ Апостолъ катался, и потомъ
Былъ на водѣ поддержанъ, спасенъ самимъ Христомъ.
Хранилъ и крестъ онъ мѣдный съ какими-то камнями,
Святыя кости, склянки,—и съ этими дарами
Онъ много наживался и въ день то добывалъ,
Чего священникъ бѣдный и въ годъ не получалъ.
Такъ жилъ онъ припѣвая, при хитрости и лести,
Обманывая паству и духовенство вмѣстѣ.
Но все жь на недостатки такіе несмотря
Онъ проповѣдникъ, славный былъ, правду говоря;
Евангеліе въ церкви читать умѣлъ отлично,
А главное пѣлъ «возгласъ» отчетливо и зычно.
Онъ помнилъ, что окончивъ пѣснь эту распѣвать,
Ему придется тотчасъ и проповѣдь начать,
А проповѣдь монаха съ доходомъ неразлучна,
Вотъ почему и пѣлъ онъ такъ весело и звучно».

Прочіе паломники обрисованы также тонко и живо. Чосеръ не только даетъ характеристику своего героя, но описываетъ его жизнь, костюмъ, лицо, каждую мелочь. У мельника, напримѣръ, онъ замѣчаетъ, на кончикѣ носа бородавку съ пучкомъ рыжихъ жесткихъ волосъ; у жирнаго монаха—обильный потъ, струящійся ручьями съ гладко обритаго черепа.

Женщина изъ Бата.

«Эта поэма,—говоритъ Тэнъ *),—является не простою процессіею безличныхъ фигуръ, подобно прочимъ литературнымъ произведеніямъ того времени, но картиною, въ которой сгруппированы контрасты, избраны положенія и принята въ соображеніе общая идея. Вотъ почему жизнь въ ней кипитъ, почему забываешься при взглядѣ на нее, какъ при видѣ живого творенія, и забываешься до такой степени, что хочется самому сѣсть на лошадь и пуститься въ свѣтлое, веселое утро вдоль зеленыхъ луговъ, чтобы соединиться съ толпой пилигримовъ, идущихъ на поклоненіе гробу кентербэрійскаго святого».

Но Чосеръ отличается отъ Боккаччіо не одной обрисовкой характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ связываетъ всѣ разсказы правдоподобными дорожными событіями. Всѣ пилигримы ѣдутъ въ веселомъ расположеніи духа и оживленно разговариваютъ, особенно неутомимо болтаетъ мельникъ, который не въ мѣру выпилъ элю. Монахъ и судья заводятъ между собою споръ о томъ, чья профессія почетнѣе. Затѣмъ сами разсказы приноровлены къ лицамъ, ихъ разсказывающимъ. Вдова пяти мужей объясняетъ, чего желаютъ женщины больше всего на свѣ-

*) Г. О. Тэнъ. «Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи въ связи съ развитіемъ литературы», часть I, переводъ подъ редакціей Рябинкина и Головина. СПБ. 1871 годъ.

тѣ, но, прежде чѣмъ начать разѣказъ, она разглагольствуетъ о своихъ умершихъ супругахъ и довольно прозрачно намекаетъ, что не прочь выйти и въ шестой разъ замужъ. Мельникъ разсказываетъ о глупомъ плотникѣ и, желая что-нибудь объяснить, прибѣгаетъ къ примѣрамъ, заимствуя ихъ изъ сельской жизни, которая, конечно, ближе и лучше всего знакома ему. Продавецъ индульгенцій поучаетъ, какъ опасно быть жаднымъ до денегъ,—проповѣдь, которую ему, вѣроятно, не разъ приходилось говорить и прежде, чтобы выманить у обывателя какую-нибудь мзду для себя.

Чосеръ размышляетъ, изучаетъ человѣческую душу, анализируетъ людскіе поступки и въ этомъ отношеніи значительно обогналъ своихъ современниковъ, такъ что по силѣ и глубинѣ анализа его можно поставить на-ряду съ писателями XVI столѣтія.

Послѣ появленія «Кентербэрійскихъ разсказовъ» въ европейской литературѣ наступаетъ длинный періодъ, продолжавшійся около ста лѣтъ, во время котораго не появилось ни одного сколько-нибудь выдающагося произведенія, и только въ 1494 году Себастьянъ Брандтъ выступаетъ со своей знаменитой сатирой, озаглавленной «Корабль Дураковъ». Себастьянъ Брандтъ родился въ Страсбургѣ въ 1458 году, учился въ Базелѣ и впослѣдствіи занималъ профессорскую каѳедру въ родномъ городѣ, гдѣ и умеръ въ 1520 году. «Корабль Дураковъ» въ нѣсколько лѣтъ выдержалъ множество изданій, былъ переведенъ на латинскій, французскій и англійскій языки. Въ XVI столѣтіи это была одна изъ самыхъ популярныхъ книгъ. Къ сатирѣ приложены были рисунки съ стихотворнымъ объясненіемъ Брандта.

«Корабль Дураковъ» аллегорически изображаетъ міръ, гдѣ дуракамъ нѣсть числа, и первымъ изъ нихъ авторъ считаетъ того, кто собираетъ книги не полезныя, а рѣдкія, красиво изданныя или богато переплетенныя, изъ чего мы можемъ заключить, что библіоманія уже и въ то время считалась суетнымъ занятіемъ. Второй классъ глупыхъ составляютъ корыстные взяточники-судьи, оправдывающіе за деньги всякихъ бездѣльниковъ. Далѣе идутъ представители различныхъ человѣческихъ глупостей, какъ-то: глупцы, снисходительно относящіеся къ своимъ дѣтямъ, глупцы, презирающіе хорошіе совѣты, дворяне, кичащіеся своимъ происхожденіемъ, люди, влюбленные до глупости, экстравагантные гастрономы, пьяницы, глупо разсуждающіе, богохульники, развратники, безстыдники и т. д., однимъ словомъ, цѣлая смѣсь пороковъ, представленныхъ въ сатирическихъ карикатурахъ и простыхъ рисункахъ. Наши рисунки, помѣщенные на (стр. 55-й и 57-й) представляютъ бесѣду рыцаря съ докторомъ и группу нищихъ, которые буквально переполняли въ Средніе вѣка всю Германію. Въ объясненіи подъ второю картинкою сказано, что они бездѣльничали, ѣли и пили насчетъ благотворительности честнаго, трудящагося класса. Эта гравюра можетъ дать общее понятіе и объ остальныхъ, число которыхъ доходитъ до ста.

«Корабль Дураковъ» Брандта, благодаря своей популярности, привлекъ особое вниманіе знаменитаго въ то время проповѣдника Іоанна Гейлера. Онъ родился въ Шафгаузенѣ въ 1445 году; трехъ лѣтъ отъ роду потерялъ отца и былъ воспитанъ дѣдомъ, жившимъ въ Кейферсбургѣ, въ Альзасѣ отчего впослѣдствіи его и называли Гейлеромъ

Кейферсбургскимъ. Образованіе онъ получилъ въ Фрейбургѣ и Базелѣ, откуда потомъ его назначили въ Страсбургъ проповѣдникомъ, въ должности котораго онъ и умеръ въ 1510 году. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ рѣзко нападалъ на развратъ духовенства и монашескіе ордена сравнивая монаховъ съ дьяволами, а бѣлое духовенство съ ихъ приспѣшниками. Съ своей проповѣднической каѳедры онъ предрекалъ прихожанамъ скорую реформацію. За такія выходки монахи ненави-

Изъ «Корабля дураковъ» Себастьяна Брандта.

дѣли его и говорили, что онъ беретъ тексты не изъ Священнаго Писанія, а изъ «Корабля Дураковъ». Въ самомъ дѣлѣ Гейлеръ въ продолженіе 1498 года произнесъ цѣлую серію проповѣдей, въ которыхъ бичевалъ тѣ же самые пророки, какіе осмѣивалъ и Себастьянъ Брандтъ. Въ 1501 году эти проповѣди были изданы отдѣльной книгой.

Въ заголовкѣ каждой проповѣди стоитъ эпиграфъ: «Stultarum infinitus est numerus», а текстъ переполненъ сатирическими насмѣшками и сарказмами.

Другой писатель, увлекшійся произведеніемъ Брандта, былъ Іодокусъ Бадіусъ, прозванный Ассенсіусъ, потому что родился въ мѣстечкѣ Ассенъ, близъ Брюсселя, въ 1462 г. Бадіусу показалось, что Брандтъ

не воздалъ въ своей книгѣ должнаго женскому полу, и онъ написалъ: «Корабль Глупыхъ Женщинъ» (Stultiferae naviculae, feu Scaphae, Fatuarum Mulierum), первое изданіе котораго появилось въ 1502 году. Первый рисунокъ въ этой книгѣ представляетъ корабль съ одной Евой, глупость которой погубила весь міръ. Все сочиненіе раздѣляется на пять главъ, по числу чувствъ, а каждое чувство изображено въ видѣ корабля, везущаго свой особый сортъ женщинъ къ главному кораблю, стоящему на якорѣ. Текстъ каждой главы состоитъ изъ диссертаціи о пользѣ и вредѣ того или другого чувства и кончается латинскими стихами. Первый изъ этихъ кораблей называется «кораблемъ глупаго зрѣнія», направляющагося къ «Кораблю Дураковъ». Въ немъ находится компанія веселыхъ дамъ, захватившихъ съ собою гребенки, зрительныя стекла и другія необходимыя женскія принадлежности. Второй корабль называется глупымъ слухомъ; въ немъ ѣдутъ дамы, играющія на музыкальныхъ инструментахъ. Третій корабль,—глупаго обонянія (см. рисунокъ на стр. 59-й). Молодыя дамы, садясь на корабль, нюхаютъ цвѣты, тутъ же находится и продавецъ духовъ. Одна изъ женщинъ, съ дурацкимъ колпакомъ на головкѣ, покупаетъ мускусные шарики, изображенія которыхъ очень рѣдки, и это чуть ли не единственный экземпляръ, а между тѣмъ о нихъ упоминается также и у Шекспира. Мускуснымъ шарикомъ назывался въ Средніе вѣка маленькій шаровидный пузырекъ съ мелкими дырочками, наполненный крѣпкими духами. На четвертомъ кораблѣ, глупаго вкуса, дамы изображены сидящими вокругъ стола, уставленнаго питіями и яствами. На пятомъ глупаго осязанія, кромѣ дамъ находятся молодые люди, съ которыми дамы позволяютъ себѣ всякія вольности.

За этими двумя подражаніями потянулся цѣлый рядъ другихъ, и въ короткое время появились «корабли здоровья», «корабли раскаянія», корабли всевозможныхъ вещей. Глупость тоже сдѣлалась излюбленной темой сатиры и Эразмъ Роттердамскій особенно хорошо воспользовался ею для своихъ цѣлей. Но объ этомъ будетъ сказано въ свое время; теперь же обратимся къ произведеніямъ народнаго юмора, такъ какъ литература высшихъ классовъ уже до самой Реформаціи пробавляется лишь плохенькими подраженіями геніальнымъ твореніямъ.

Народъ Среднихъ вѣковъ имѣлъ свою особую комическую литературу, состоявшую главнымъ образомъ изъ устныхъ легендъ, повѣствовавшихъ о какихъ-нибудь полуфантастическихъ, полуреальныхъ герояхъ, вродѣ Робина Гуда.

Въ Германіи зародилось нѣсколько такихъ легендъ; наиболѣе раннею изъ нихъ считается «Исторія о братѣ Рушѣ».

Рушъ былъ духъ тьмы или, выражаясь проще, одинъ изъ мелкопомѣстныхъ чертей, котораго Люциферъ послалъ на землю смущать и вводить въ грѣхъ людей. Узнавъ, что условія внутренней жизни одного аббатства могутъ значительно облегчить выполненіе его важной миссіи, онъ подъ видомъ молодого парня, ищущаго занятій, явился къ воротамъ монастыря и былъ принятъ помощникомъ на кухню. Вскорѣ онъ понравился монахамъ своей расторопностью, и когда въ ссорѣ отправилъ на тотъ свѣтъ повара, монахи, приписавъ смерть случайности, предложили Рушу занять мѣсто умершаго. Послѣ семилѣтней добросовѣстной службы, во время которой онъ не упускалъ случая до-

ставить своему подземному начальнику лишняго кліента, аббатъ и братія за заслуги постригли его въ монахи. Тогда онъ началъ еще серьезнѣе сѣять зло и губить духъ и тѣло монастырской братіи. Прежде всего онъ поссорилъ монаховъ изъ-за женщины и самъ первый началъ драться, клясться и богохульствовать. Такъ потихоньку обдѣлывалъ онъ свои дѣлишки, пока совершенно случайно не было узнано, что онъ за птица. Однажды сосѣдній фермеръ, возвращаясь лѣсомъ домой, былъ застигнутъ ночью и влѣзъ въ пустое дупло, рѣшившись въ немъ переночевать. Какъ разъ у этого дерева Люциферъ назначилъ на ту ночь свиданіе съ Рушомъ, чтобы выслушать отъ него отчетъ объ его дѣйствіяхъ. Все, что говорилъ Рушъ своему господину, фермеръ запомнилъ и на другой день разсказалъ видѣнное и слышанное аббату, а послѣдній, будучи магомъ, обратилъ чорта въ лошадь и выгналъ его вонъ. Рушъ убѣжалъ въ Англію и тамъ, измѣнивъ свой видъ, вошелъ въ тѣло королевской дочери, которая стала испытывать ужасныя муки. Для ея леченія былъ выписанъ изъ Парижа докторъ, который заставилъ Руша признаться, что надъ нимъ имѣлъ власть только монастырскій аббатъ. Призвали аббата, и тотъ, выгнавъ его изъ тѣла дѣвушки, опять обратилъ Руша въ лошадь, но уже на вѣчныя времена.

Группа нищихъ изъ «Корабля Дураковъ».

Таково краткое содержаніе легенды о братѣ Рушѣ. Но народъ хотѣлъ героя болѣе реальнаго, въ которомъ онъ могъ бы узнать самого себя, и такой герой не замедлилъ явиться въ лицѣ Тилля Эйленшпигеля. Происхожденіе этой исторіи относятъ къ XIV столѣтію, напечатана же она была въ XVI вѣкѣ и затѣмъ переведена на всѣ языки Западной Европы.

Тилль Эйленшпигель былъ сыномъ бѣднаго крестьянина, жившаго въ деревнѣ Клейтлингенъ въ Брунсвикѣ. Въ этой деревнѣ и увидѣлъ впервые свѣтъ популярный народный герой. Вотъ какъ разсказывается объ этомъ достопамятномъ днѣ:

«У жены Николая Эйленшпигеля родился сыномъ, при крещеніи названный Тиллемъ. Обернувъ ребенка тряпками, повивальная бабка понесла его въ таверну, гдѣ сидѣлъ его отецъ и угощался съ друзьями. Послѣ того какъ бабка порядкомъ выпила, она снова взяла Тилля на руки и пошла обратно домой. Но на дорогѣ ей попалась лужа, и пьяная бабка, поскользнувшись, уронила ребенка въ грязь. Вернувшись домой, она достала изъ чугуна теплой воды и вымыла ребенка. Такимъ обра-

зомъ, Тилль Эйленшпигель былъ крещенъ три раза: разъ въ церкви, разъ въ грязи и разъ въ теплой водѣ».

Такое троекратное крещеніе послужило Тиллю на пользу и онъ быстро росъ и развивался. Ребенокъ съ малыхъ лѣтъ началъ обнаруживать большую склонность къ коварнымъ продѣлкамъ, причемъ съ удивительной для его возраста ловкостью умѣлъ ускользнуть отъ карающей десницы своего достойнаго папеньки. Вскорѣ отецъ Тилля умеръ и вдова отдала мальчика въ ученье къ булочнику, но его дурная привычка драть своихъ товарищей за уши, отъ которой онъ такъ и не могъ никогда отвыкнуть, и упрямый, неуживчивый характеръ разрушили планы его родительницы, и Эйленшпигель принужденъ былъ покинуть своего хозяина, вслѣдствіе тихихъ успѣховъ и громкаго поведенія. Случилось разъ, что мать взяла сына на храмовой праздникъ, и сынъ такъ напился, что заснулъ въ пустомъ ульѣ въ саду, и вдова, не найдя нигдѣ Тилля, вернулась домой одна. Ночью два вора забрались въ садъ воровать ульи и, выбравъ самый тяжелый, взвалили его себѣ на плечи. Это былъ, какъ легко догадаться, тотъ самый улей, въ которомъ спалъ пьяный Тилль, Разбуженный движеніемъ, Эйленшпигель быстро сообразилъ, въ чемъ было дѣло, и, просунувъ въ отверстіе руку, дернулъ за волосы шедшаго впереди вора. Тотъ быстро обернулся и попросилъ товарища не дѣлать глупостей. Воръ, шедшій сзади, началъ божиться, что онъ и не думалъ даже трогать его. Но едва первый успокоился, какъ Эйленшпигель такъ хватилъ его опять по затылку, что тотъ не выдержалъ и, бросивъ ношу, кинулся съ кулаками на своего товарища. Пока воры дралксь, Тилль выползъ изъ улья и незамѣтно скрылся.

Покинувъ булочника, Эйленшпигель сдѣлался бродягой и, сѣя вездѣ раздоры и несогласіе, переходилъ отъ одного ремесленника къ другому. Въ разное время онъ работаетъ то у кузнеца, то у сапожника, то у портного, то нанимается поваромъ, то становится дантистомъ, но изъ каждой мастерской его съ позоромъ изгоняютъ за неуживчивый характеръ и вредныя продѣлки. Сапожникъ, напримѣръ, во время кройки кожи говоритъ ему: «Sneid zu gross und klein, wie es der Hirt aus dem Dorfe treibt» (Вырѣжь большое и малое, какъ пастухъ выгоняетъ изъ деревни большую и малую скотину); Эйленшпигель притворяется идіотомъ и вырѣзываетъ изъ кожи свиней, быковъ, овецъ. Портной приказываетъ ему: «Mach den Wolf zu recht» (Выправь волка, подразумѣвая подъ волкомъ сѣрый крестьянскій кафтанъ). Тилль разрѣзаетъ кафтанъ, дѣлаетъ изъ него волчью голову, туловище и хвостъ, сшиваетъ все вмѣстѣ и подпираетъ палками.

Тилль проникаетъ во всѣ классы общества и хитро проводитъ князей, бароновъ и дворянъ.

Его похожденія представляютъ непрерывную сатиру на тогдашнее общество, въ которомъ каждый ловкій мошенникъ могъ собирать обильную жатву и извлекать для себя всевозможныя выгоды.

У Среднихъ вѣковъ былъ еще и другой родъ популярныхъ сатирическихъ исторій, которыя были связаны не съ именемъ отдѣльнаго лица, а съ той или другой мѣстностью. Нѣтъ ни одной страны, которая не имѣла бы своихъ пошехонцевъ. Достойными партнерами

нашихъ пошехонцевъ можно считать въ Германіи жителей Шильдбурга, города, находящагося въ «Миснопотаміи, по ту сторону Утопіи, въ королевствѣ Калекута». Шильдбургцы въ прежнія времена такъ прославились своей мудростью, что ихъ безпрерывно приглашали въ разныя страны въ качествѣ совѣтниковъ, пока въ городѣ не осталось ни одного мужчины и женамъ не пришлось исполнять обязанности своихъ мужей. Наконецъ, женщины не вытерпѣли, разослали письма, прося мужчинъ вернуться домой. Это произвело желанный эффектъ: всѣ умники вернулись въ родной городъ и такъ радостно были встрѣчены женами, что рѣшили никуда больше не отлучаться. На общемъ собраніи они первымъ дѣломъ постановили выстроить парламентъ и, чтобы не откладывать исполненія задуманнаго въ долгій ящикъ, тотчасъ же отправились въ лѣсъ и, нарубивъ деревьевъ, вы-

Корабль глупаго обонянія.

строили огромный домъ посреди города. Но когда они вошли въ новый парламентъ, то были поражены господствовавшей тамъ тьмой. Оказалось, что они забыли прорубить въ немъ окна. Снова всѣ собрались на совѣтъ и стали думать, какъ помочь горю, пока одинъ изъ самыхъ умнѣйшихъ не предложилъ собрать солнечный свѣтъ и снести его въ новое зданіе. На слѣдующій день въ полдень все мужское населеніе Шильдбурга собралось у дверей парламента; одни собирали солнечные лучи въ мѣшки, другіе загоняли свѣтъ полами кафтановъ, третьи, наконецъ, кидали его во внутренность помѣщенія просто пригоршнями. За этимъ страннымъ занятіемъ засталъ ихъ какой-то чужестранецъ и за небольшую плату согласился помочь ихъ горю, т. е. освѣтить парламентъ. Онъ прорубилъ въ стѣнѣ окно, и когда шильдбургцы увидѣли внутренность дома, залитую свѣтомъ, ихъ благодарности и удивленію не было границъ.

Покончивъ съ парламентомъ, граждане Шильдбурга засѣяли поле солью и на слѣдующій годъ передъ жатвой долго спорили, косить или жать урожай, который, какъ оказалось впослѣдствіи, состоялъ изъ одной крапивы.

Послѣ многихъ подобныхъ приключеній шильдбургцамъ была дарована ихъ императоромъ полнѣйшая свобода, но они не долго наслаждались ею. Однажды, задумавъ истребить всѣхъ городскихъ мышей, они

подожгли свои дома и такимъ образомъ сожгли до тла весь городъ, послѣ чего съ горя пошли бродить по всему свѣту, внося съ собою повсюду, куда приходили, и свою глупость.

Нѣмецкіе шильдбургцы въ Англіи были замѣнены жителями Готэма, деревни, расположенной въ семи миляхъ къ юго-западу отъ Ноттингэма. Разсказываютъ, что разъ король Джонъ намѣревался проѣхать въ Ноттингэмъ черезъ деревню Готэмъ, но жители этой деревни почему-то вообразили, что посѣщеніе короля принесетъ имъ несчастье, и всѣми силами старались затруднить ему доступъ къ себѣ. Затѣмъ, испугавшись справедливаго гнѣва короля, они притворились идіотами, и когда королевскіе офицеры пришли въ Готэмъ узнать причину ихъ страннаго поведенія, то застали готэмитовъ за безсмысленными занятіями: одни изъ нихъ ловили голыми руками угрей въ пруду, другіе огораживали заборомъ дерево, чтобы поймать кукушку, сидѣвшую на сучкѣ. Коммиссары донесли королю, что населеніе Готэма состоитъ сплошь изъ дураковъ, и хотя готэмиты не подверглись наказанію, зато навсегда лишились здраваго разсудка.

Въ народныхъ книжкахъ, появившихся въ Англіи при Генрихѣ VIII, разсказывается много анекдотическихъ случаевъ изъ жизни мудрыхъ готэмитовъ. «Готэмиты,—говорится въ одной изъ такихъ книжекъ,— очень любили пѣніе кукушки и рѣшили такъ устроить, чтобы эта птица пѣла у нихъ круглый годъ. Съ этой цѣлью они выстроили высокій заборъ вокругъ того дерева, гдѣ сидѣла кукушка, и затѣмъ, кланяясь, сказали ей: «Пой здѣсь, милая, и ты будешь получать отъ насъ пищу и питье». Кукушка, видя себя окруженной заборомъ, вспорхнула и полетѣла вверхъ. «Будь же ты проклята! — выругались они. — Жаль, что мы выстроили недостаточно высокій заборъ». Въ другой разъ они поймали угря и задумали его казнить за прожорливость. Послѣ долгаго обсужденія, какой казни всего лучше его подвергнуть, они порѣшили утопить его и съ большими церемоніями бросили угря въ прудъ. Однажды двѣнадцать готэмитовъ пошли ловить рыбу. На обратномъ пути они вдругъ увидѣли, что одного изъ нихъ не хватаетъ и, какъ ни бились, ихъ всетаки оказывалось только одиннадцать. Дѣло въ томъ, что каждый, когда считалъ, забывалъ включить себя въ общее число. На счастье, къ нимъ подошелъ посторонній человѣкъ и спросилъ, о чемъ они горюютъ. Зная, что ихъ нельзя убѣдить словами, онъ вызвался найти имъ потеряннаго готэмита, если они ему заплатятъ. Когда тѣ согласились, онъ велѣлъ имъ подходить къ нему поочереди и каждаго награждалъ здоровеннымъ ударомъ по шеѣ, такъ что бѣдные готэмиты вскрикивали отъ боли, а чужестранецъ при каждомъ крикѣ отсчитывалъ: разъ, два, три и т. д. Дойдя такимъ образомъ до двѣнадцати, онъ вернулъ имъ потеряннаго товарища и, получивъ условленную плату, ушелъ отъ избитыхъ, но тѣмъ не менѣе довольныхъ готэмитовъ.

Среди другихъ народныхъ англійскихъ книжекъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались въ Средніе вѣка «Веселыя сказки Скельтона», «Шутки Скогина», «Шутки Тарльтона» и «Шутки Джорджа Пиля».

Джонъ Скельтонъ, поэтъ-лауреатъ, при дворѣ Генриха VII и VIII пользовался скорѣе репутаціей шута, чѣмъ поэта. Чтобы дать понятіе объ его сказкахъ, мы приведемъ здѣсь, не измѣняя по возмож-

ности слога, одну для примѣра, которая въ сборникѣ помѣщена подъ заглавіемъ: «Какъ Скельтонъ пріѣхалъ поздно въ Оксфордъ изъ Абингтона».

«Скельтонъ былъ такой же истый англичанинъ, какъ и Скогинъ, и воспитывался въ Оксфордѣ, а затѣмъ былъ пожалованъ въ поэты-лауреаты. Разъ онъ былъ въ Абингтонѣ, провелъ тамъ весело время и ѣлъ

Средневѣковые ребусы.

много соленаго и, пріѣхавъ поздно въ Оксфордъ, остановился въ гостинницѣ, называемой «Табръ», которая теперь называется «Анжель», и, напившись воды, легъ въ постель. Около полуночи онъ почувствовалъ мучительную жажду и сталъ звать цѣловальника, но цѣловальникъ не услышалъ его. Тогда онъ сталъ громко кричать, призывая хозяина гостинницы и хозяйку, но ни одинъ человѣкъ не услышалъ его. «Увы, — сказалъ Скельтонъ, — я умру отъ жажды! Какъ помочь дѣлу? — И, наконецъ, онъ сталъ кричать: — Огонь, огонь!». Когда Скельтонъ такъ закричалъ, всѣ услышали его и прибѣжали на его зовъ полуодѣтыми и полусонными. Къ Скельтону прибѣжали и

хозяинъ, и хозяйка, и цѣловальникъ со свѣчами въ рукахъ и спрашивали его: «Гдѣ, гдѣ, гдѣ огонь?»—«Здѣсь, здѣсь,—отвѣчалъ Скельтонъ и указывалъ на свой ротъ, говоря:—Дайте мнѣ чего-нибудь выпить, чтобы залить огонь и жажду въ моемъ горлѣ». И они ему дали, чего онъ просилъ.

Коллекція шутокъ Скогина появилась нѣсколькими годами раньше «Сказокъ Скельтона» и была написана Андреемъ Бордомъ. Скогинъ, герой разсказовъ, рисуется въ нихъ чѣмъ-то вродѣ, не то шута Генриха VII, не то англійскаго Эйленшпигеля. Многія изъ этихъ сказокъ направлены противъ невѣжества духовенства.

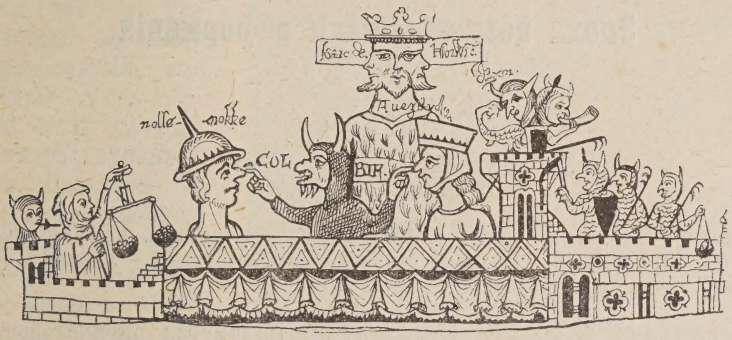
Скогинъ одно время занималъ въ Оксфордскомъ университетѣ должность учителя. Какой-то горожанинъ приводитъ къ нему своего сына и проситъ приготовить изъ мальчика священника. Въ цѣлой исторіи, на протяженіи нѣсколькихъ главъ, зло высмѣивается тотъ путь, по которому невѣжды и мошенники достигали духовнаго сана въ до-реформаціонную эпоху. Послѣ безчисленныхъ пóрокъ школяръ, наконецъ, идетъ сдавать экзаменъ.

«Школяръ,—разсказывается въ сказкѣ,—подошелъ къ экзаменатору и передалъ ему подарокъ отъ Скогина, за который уже отецъ заплатилъ учителю. «Ну, — сказалъ экзаменаторъ, — ради господина Скогина я не стану слишкомъ придираться къ вамъ и задамъ легкій вопросъ: Исаакъ имѣлъ двухъ дѣтей, Исава и Іакова, кто былъ отецъ Іакова?» Школяръ стоялъ и ничего не могъ отвѣтить. «Хорошо,—сказалъ экзаменаторъ,—я не могу допустить, чтобы вы были священникомъ, пока не отвѣтите мнѣ на вопросъ; приходите ко мнѣ завтра». Школяръ пошелъ домой съ тяжелымъ сердцемъ и принесъ Скогину письмо, въ которомъ было написано, что ученикъ не могъ отвѣтить на слѣдующій вопросъ: «Исаакъ имѣлъ двухъ дѣтей, Исава и Іакова, кто былъ отецъ Іакова?» Скогинъ сказалъ своему ученику: «Ты дуракъ, оселъ! Развѣ ты не знаешь Тома Миллера изъ Освея?»—«Знаю», отвѣчалъ ученикъ. «Ну, а знаешь ли, что у него два сына, Томъ и Джэкъ? Теперь скажи, кто отецъ Джэка?». Ученикъ подумавъ отвѣтилъ: «Томъ Миллеръ изъ Освея».—«Такъ почему же ты не могъ сказать, чей сынъ былъ Іаковъ?—сказалъ Скогинъ.—Ступай завтра рано утромъ и скажи экзаменатору, что ты приготовился къ экзамену». На другой день рано утромъ ученикъ съ письмомъ пошелъ снова сдавать экзаменъ. Экзаменаторъ сказалъ школяру: «Ради мистера Скогина я не стану задавать новаго вопроса; отвѣтьте мнѣ только на вчерашній: Исаакъ имѣлъ двухъ дѣтей, Исава и Іакова, кто былъ отецъ Іакова?»—«Теперь я могу сказать вамъ,—отвѣтилъ весело школяръ,—это былъ Томъ Миллеръ изъ Освея». «Убирайся вонъ, дуракъ, — сказалъ экзаменаторъ, — и передай своему учителю, что изъ идіота нельзя сдѣлать умнаго человѣка». И всетаки ученикъ Скогина сдѣлался священникомъ, и въ слѣдующихъ главахъ разсказывается, какъ этотъ дуракъ исполнялъ священническія обязанности.

Разсказы Скогина пользовались большою любовью среди народа отъ конца XV до половины XVI столѣтій. Они выдержали цѣлый рядъ изданій и упоминаются даже у писателей Елизаветинской эпохи. Слѣдующій сочинитель сказокъ, Ричардъ Тарльтонъ, состоялъ шутомъ при королевѣ Елизаветѣ. По своему характеру его шутки близко под-

ходятъ къ шуткамъ Скогина. За Тарльтономъ слѣдуетъ Джорджъ Пиль, драматургъ, джентльмэнъ и бывшій студентъ Оксфорда, какъ стоитъ на заглавномъ листѣ его сказокъ. Далѣе слѣдуетъ собраніе подъ названіемъ «Сто новыхъ сказокъ» и коллекція «Веселыхъ сказокъ, остроумныхъ вопросовъ и мѣткихъ отвѣтовъ». Вообще число шуточныхъ книжекъ, изданныхъ въ продолженіе XVI, XVII и XVIII вѣковъ, очень велико и мы еще вернемся къ нимъ въ свое время.

Изъ карикатуръ, относящихся къ XIV или XV вѣкамъ, до насъ дошло очень немного. Безъ сомнѣнія, что въ то время были уже карикатуристы-рисовальщики, но такъ какъ они не старались сохранять своихъ рисунковъ, то мы почти ничего не знаемъ объ этомъ родѣ произведеній. Какъ



Карикатура на норвичскихъ евреевъ.

на наиболѣе интересные памятники, сохранившіеся до сего времени, можно указать на средневѣковые ребусы (рис. на стр. 61) и на англійскую карикатуру, изображающую норвичскихъ евреевъ (рис. стр. 63). Эта карикатура исполнена перомъ одного изъ придворныхъ клерковъ. Норвичъ для англійскихъ евреевъ былъ въ Средніе вѣка то же, что Бердичевъ для теперешнихъ русскихъ евреевъ, а Исаакъ же съ тремя лицами и въ коронѣ—вѣроятно, одинъ изъ самыхъ богатыхъ его жителей! Точное же значеніе этой карикатуры, какъ и рѣшеніе ребусовъ, давно утеряно.

Книга первая.

Эпоха возрожденія и реформація.

ГЛАВА I.

Нѣмецкіе гуманисты.

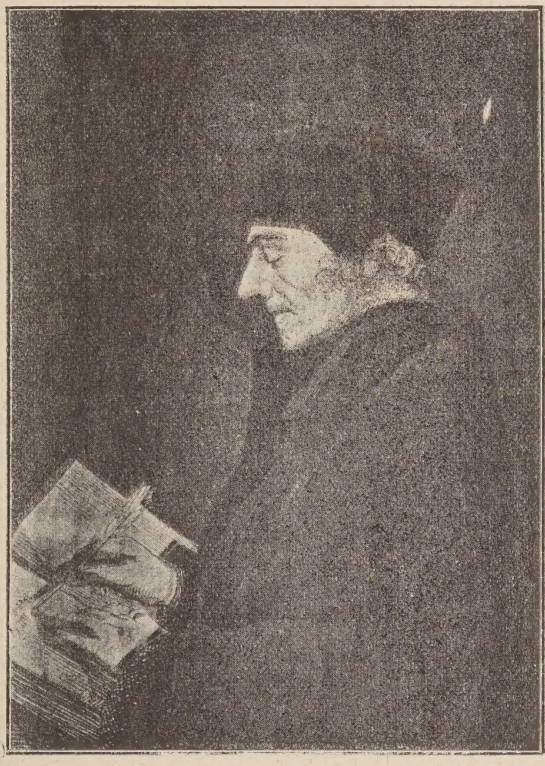
Общая характеристика эпохи Возрожденія. — Гуманизмъ въ Германіи. — Эразмъ Роттердамскій: «Похвала глупости» и «Разговоры». — Ульрихъ фонъ-Гутенъ.

Умственная жизнь Европы, если и не замерла окончательно къ концу Среднихъ вѣковъ, то выражалась въ обществѣ такъ слабо, что, когда передъ началомъ XVI столѣтія всѣхъ снова охватило горячая жажда знанія, казалось, будто человѣчество возродилось. Это время извѣстно въ исторіи подъ именемъ эпохи Возрожденія, или гуманизма. Въ XVI вѣкѣ принцы и папы, дворяне и монахи, рыцари и горожане, словомъ, всѣ слои общества набрасываются на духовную пищу, изучаютъ, восхищаются, спорятъ, сочиняютъ стихи; жизнерадостность была такъ велика, что Ульрихъ фонъ-Гутенъ, описывая тогдашнее всеобщее опьянѣніе, самъ пришелъ въ восторгъ и воскликнулъ: «Какъ хороша жизнь!».

И вся эта умственная буря была вызвана событіемъ на первый взглядъ совершенно постороннимъ, а именно: взятіемъ Константинополя въ 1453 году турками. Конечно, одно паденіе столицы Византійской имперіи не повліяло бы такъ на Западную Европу, но Константинополь былъ хранилищемъ драгоцѣнныхъ сокровищъ древности, и ученые греки, спасаясь отъ рабства, разсѣялись по всему свѣту, разнося вмѣстѣ съ собой и творенія классиковъ. Богатое воображеніе, безукоризненная форма, глубокое содержаніе произведеній древнихъ открыли европейскимъ ученымъ новые горизонты, и они, отбросивъ сухую схоластику, зачитывались новооткрытыми Платономъ, Гомеромъ и др.

Какъ разъ въ то же время Гуттенбергъ изобрѣлъ способъ печатать книги, чѣмъ не мало облегчилъ доступъ къ сочиненіямъ классиковъ. Въ Германіи гуманизмъ появляется прежде всего въ Вѣнѣ, куда послѣ Базельскаго собора (1431—1450) пріѣзжаетъ умный и талантливый итальянецъ Эней Сильвіо Пикколомини. Онъ основываетъ въ этомъ веселомъ городѣ кружокъ гуманистовъ, члены котораго затѣмъ распространяютъ идеи гуманизма по другимъ нѣмецкимъ городамъ. Вскорѣ

въ Германіи появляется много гуманистовъ, враждебно относящихся къ богословію и схоластическому методу образованія, но уважающихъ классиковъ и интересующихся содержаніемъ философіи Платона. Своими новыми воззрѣніями и ясными идеалами они привлекаютъ на свою сторону большинство тогдашней молодежи и повсюду вербуютъ себѣ единомышленниковъ. Больше всего въ этомъ отношеніи сдѣлалъ для гуманизма Конрадъ Цельтисъ. Въ 1477 г. восемнадцати лѣтъ онъ ушелъ тайкомъ изъ родительскаго дома, одолѣваемый желаніемъ учиться, и записался студентомъ въ Кёльнскій университетъ, а спустя семь лѣтъ перешелъ въ Гейдельбергскій, который въ то время былъ разсадникомъ гуманизма. Цельтисъ по своей безпокойной натурѣ не могъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ и, сдѣлавшись хорошимъ преподавателемъ, переходилъ изъ одного университета въ другой, читая мимоходомъ повсюду лекціи. Нѣкоторые студенты ходили вмѣстѣ съ Цельтисомъ, а затѣмъ, достаточно подготовившись, сами становились преподавателями и разносили его идеи по всей Германіи. Благодаря дѣятельности этихъ бродячихъ учителей, число гуманистовъ безпрерывно увеличивалось. Но нѣмецкіе гуманисты отличались отъ гуманистовъ другихъ странъ болѣе серьезнымъ отношеніемъ къ положительнымъ знаніямъ, настойчивостью въ научныхъ значеніяхъ и сатирическими сочиненіями противъ духовенства и сильныхъ міра сего. Въ самомъ началѣ XVI вѣка схоластики, уже давно враждебно посматривавшіе на гуманистовъ, стали открыто нападать на нихъ и обвинять ихъ въ ереси, но на защиту гуманистовъ выступили три знаменитыя личности: Іоганнъ Рейхлинъ, Эразмъ Роттердамскій и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Двумя послѣдними изъ этихъ гуманистовъ, прославившихся сатирическими сочиненіями, мы теперь и займемся.



Эразмъ Роттердамскій.
Копія съ Гольбейна.

Дезидерій Эразмъ Роттердамскій родился въ 1466 г. Отецъ его былъ

искуснымъ калиграфомъ и довольно образованнымъ человѣкомъ. Эразмъ съ малыхъ лѣтъ проявилъ большую склонность къ наукѣ и двѣнадцати лѣтъ былъ отданъ въ гуманистическую школу въ Девентерѣ. Черезъ годъ послѣ того онъ осиротѣлъ, и опекуны, желая захватить въ свои руки небольшое наслѣдство, доставшееся мальчику отъ родителей, отправили его въ монастырь, гдѣ монахи всѣми силами старались постричь его. Проживъ въ монастырской школѣ три года, Эразмъ вернулся въ свой родной городъ, но здѣсь, повстрѣчавшись съ старымъ школьнымъ товарищемъ, жившимъ въ монастырѣ, увлекся его примѣромъ и, въ надеждѣ уйти отъ преслѣдованій опекуновъ, поселился въ монастырѣ, а черезъ годъ послушничества далъ обѣтъ. Молодой человѣкъ надѣялся въ тиши монастырской жизни отдаться наукамъ и литературѣ, но эти ожиданія не оправдались. Монастырское начальство относилось очень строго къ монахамъ и не поощряло ихъ фантазій. За это Эразмъ такъ возненавидѣлъ все римское духовенство, что, когда, по прошествіи пяти лѣтъ, одинъ прелатъ предложилъ ему мѣсто секретаря при своей особѣ, онъ съ радостью принялъ это предложеніе, лишь бы только уйти изъ опротивѣвшаго ему монастыря.

На волѣ Эразму посчастливилось пріобрѣсти богатыхъ и вліятельныхъ друзей, которые дали ему средства отправиться въ Парижъ, куда стремились всѣ ученые. Къ несчастью, Эразму пришлось поселиться въ коллегіи Монтегю и подчиняться жестокому семинарскому режиму. Ужасы этой коллегіи онъ описалъ въ своемъ разговорѣ «Рыбоядеиіе». Ученики на головѣ носили громадные капюшоны, спали на сыромъ полу, питались тухлой пищей и пили кислое вино. Слабый организмъ нашего героя не могъ перенести этой жизни, и Эразмъ переѣхалъ на вольную квартиру, поселившись съ богатымъ молодымъ англичаниномъ, которому вмѣсто платы давалъ уроки. Въ это же время Эразмъ предался со всѣмъ пыломъ молодости поэзіи и самъ писалъ поэмы, по большей части на благочестивые сюжеты.

Какъ и всякаго гуманиста, Эразма тянуло въ Италію, эту колыбель гуманизма, но ученикъ предложилъ ему отправиться въ Англію, и хотя Эразму тамъ нечего было дѣлать, онъ согласился и поѣхалъ въ Оксфордъ. Въ Оксфордѣ его встрѣтили уже, какъ извѣстнаго нѣмецкаго литератора, что очень польстило самолюбивому юношѣ. Благодаря своему остроумію, веселому общительному характеру, Эразмъ и въ Англіи пріобрѣлъ много друзей, изъ которыхъ самымъ ближайшимъ былъ Томасъ Моръ, знаменитый авторъ «Утопіи». Черезъ годъ, т. е. въ 1498 году, Эразмъ снова вернулся въ Парижъ и нѣкоторое время жилъ вмѣстѣ съ двумя молодыми людьми, также какъ и онъ преданными наукѣ. «Мы,—пишетъ онъ,—за столомъ разговариваемъ о литературѣ, чѣмъ скрашиваемъ нашъ скудный обѣдъ, литературой же занимаемся и во время прогулокъ. За литературнымъ разговоромъ насъ застаетъ сонъ, во снѣ мы видимъ книги и, проснувшись, снова беремся за нихъ».

Хорошо изучивъ латинскую литературу, Эразмъ болѣе всего налегалъ на греческій языкъ, желая какъ можно скорѣе ознакомиться въ подлинникѣ съ греческими писателями. Но учиться по-гречески внѣ Италіи въ то время было очень трудно, такъ какъ учителя-греки во Франціи бывали только случайно, и поэтому приходилось въ одно и то же время самому быть и учителемъ, и ученикомъ.

Однако, Эразмъ не всѣ свои досуги посвящалъ греческому языку, онъ продолжалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, заниматься литературой и въ 1500 году выпустилъ обширный трудъ «Adagia», т. е. пословицы. Это сочиненіе сразу выдвинуло имя Эразма на видное мѣсто и сдѣлало его знаменитымъ во всѣхъ кружкахъ гуманистовъ. Отъ продажи книги у него поправились денежныя дѣла и онъ, наконецъ, могъ выполнить свою завѣтную мечту — отправиться въ Италію. Къ итальянскимъ гуманистамъ Эразмъ явился уже какъ человѣкъ, зарекомендовавшій себя на литературномъ поприщѣ, и какъ знатокъ древнихъ языковъ. Онъ получилъ въ Туринѣ докторскій дипломъ, побывалъ въ Римѣ, въ Болоньѣ, гдѣ ему предлагали профессорскую каѳедру, отъ которой онъ отказался, опасаясь за свой иностранный акцентъ, и когда на англійскій престолъ вступилъ Генрихъ VIII, на котораго гуманисты возлагали большія надежды, Эразмъ отправился снова въ Англію. Прибывъ въ Лондонъ въ 1510 году, Эразмъ остановился у своего стариннаго друга Томаса Мора. Здѣсь, какъ и въ первый свой пріѣздъ, онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями, его пригласили читать лекціи въ Кембриджскомъ и Оксфордскомъ университетахъ, а въ 1512 году дали въ управленіе приходъ, который, впрочемъ, былъ такъ бѣденъ, что Эразмъ продалъ его за годовую ренту въ 20 ф. ст.

Изъ иллюстрацій Гольбейна къ „Похвалѣ глупости“.

Въ это второе пребываніе въ Англіи Эразмъ написалъ одно изъ наиболѣе извѣстныхъ своихъ сочиненій — «Похвалу Глупости», обезсмертившее его имя.

Мы уже говорили, что на тему о человѣческой глупости съ легкой руки Себастьяна Брандта появилось множество сатиръ. Эразмъ послѣдовалъ примѣру другихъ и далъ міру такую сатиру, которая далеко оставила позади всѣ подобныя произведенія того времени.

Хотя самъ Эразмъ въ своемъ посвященіи Томасу Мору и говоритъ, что обдумывалъ сюжетъ во время длиннаго пути въ Англію, такъ сказать, отъ нечего дѣлать, тѣмъ не менѣе «Похвала глупости»—одно изъ самыхъ задушевныхъ его сочиненій. Написана она живо и остроумно и задѣваетъ самыя разнообразныя формы глупости: то глупость самодовольную, то лицемѣріе ума, то непрактичность и наивность, которую характеризуютъ обыкновенно выраженіями: «Глупъ до святости». На протяженіи всей сатиры разбросаны картины нравовъ современной Эразму жизни, осмѣивается католическое духовенство, людское суевѣріе, безчестность и развратъ монаховъ. Эта часть сатиры, рисующая XVI вѣкъ наканунѣ реформаціи, представляетъ интересъ и для насъ, отдаленныхъ потомковъ Эразма; а насколько вѣрно изобразилъ писатель дѣйствительность, доказываетъ тотъ восторгъ, который возбудила сатира среди гуманистовъ, и та ненависть, которую съ тѣхъ поръ питали къ Эразму теологи-схоласты.

Книга написана въ формѣ древняго панегирика, и рѣчь ведется

отъ лица Глупости, которая хвалитъ самое себя. Прежде всего она утверждаетъ, что одна развеселяетъ боговъ и людей, а такъ какъ, несмотря на такой талантъ, никто еще до сихъ поръ не сказалъ въ честь ея похвальнаго слова, то она рѣшилась сама явиться глашатаемъ похвалъ глупости, тѣмъ болѣе, что и по пословицѣ всякій имѣетъ право хвалить себя, кого никто другой не хвалитъ. Послѣ такого вступленія глупость разсказываетъ свою родословную. Отцомъ ея былъ Плутосъ, богъ богатства, а матерью веселая красавица нимфа Неотета, соединенная съ нимъ не бракомъ, а свободной любовью. Ея отечествомъ были счастливые острова, «гдѣ все родится не сѣянное и не паханное, гдѣ нѣтъ ни труда, ни старости, ни болѣзни *)». Ея обширная свита состоитъ изъ представителей разныхъ пороковъ, какъ-то: самолюбія, лести, забвенія, ненависти къ труду, удовольствія, неразумія, чревоугодія и др. «Теперь вы знаете мой родъ, мое воспитаніе, моихъ спутниковъ. Слушайте же, настороживъ уши, какими благами надѣляю я боговъ и людей, какъ широко простирается власть моя, и вы увидите, что я недаромъ называюсь богиней... Скажите на милость,—говоритъ далѣе глупость,—кто рѣшится надѣть на себя намордникъ супружества, если прежде взвѣситъ, какъ слѣдуетъ умному человѣку, всѣ невыгоды брачнаго состоянія? Или, какая женщина допуститъ къ себѣ мужчину, если будетъ знать или обдумаетъ всѣ опасныя страданія дѣторожденія и всю трудность воспитанія дѣтей? Итакъ, если вы жизнью обязаны супружествамъ, а супружествомъ обязаны безумію, члену моей свиты, вы понимаете, надѣюсь, чѣмъ вы мнѣ обязаны».

Но не одной жизнью обязаны люди глупости, отъ нея же исходятъ и всѣ удовольствія. Самыми пріятными годами считается дѣтство, и вся любовь, которую питаютъ взрослые къ дѣтямъ, вызывается прелестью ихъ глупости; за дѣтствомъ слѣдуетъ юность, которая тоже пріятна только одной глупостью. Кто меньше мудръ, тотъ меньше и хмурится въ продолженіе жизни. Даже сама старость была бы невыносима, если бы глупость не возвращала стариковъ снова къ дѣтству. Такимъ образомъ, если бы люди отказались отъ всякихъ поползновеній на мудрость, они сдѣлались бы совершенно счастливы и наслаждались бы вѣчною юностью.

«Вотъ посмотрите ради сравненія на этихъ угрюмыхъ людей, которые, вслѣдствіе занятія науками или другими серьезными и трудными дѣлами, состарились еще прежде, чѣмъ стали юношами. Заботы и размышленія, кажется, вытянули изъ нихъ всѣ жизненные соки. А теперь взгляните на моихъ дурачковъ, какіе они жирненькіе, блестящіе, точно акарнанскіе поросеночки, они уже, конечно, никогда не почувствуютъ бѣдствій старости, если только не заразятъ ихъ своимъ прикосновеніемъ мудрецы; къ сожалѣнію, жизнь человѣческая не терпитъ блаженства и мои подданные частенько страдаютъ отъ заразы. Въ просторѣчіи говорятъ о брабантцахъ, что они, вопреки нравамъ другихъ людей, не дѣлаются умнѣе подъ старость, а напротивъ, все больше и больше глупѣютъ, а посмотрите-ка, кто лучше ихъ умѣетъ устроить жизнь и кто меньше страдаетъ отъ старости? Близки къ нимъ по мѣсту и мои гол-

---

*) «Похвала глупости», перев. А. И. Кирпичникова, Москва, 1884 г.

ландцы, — я называю ихъ своими, такъ какъ они за усердную мнѣ службу удостоились прозвища, которое и носятъ съ гордостью *)».

Мать-природа постаралась ко всѣмъ предметамъ примѣшать глупость. Въ самомъ человѣкѣ разуму отведенъ только небольшой уголокъ въ одной головѣ, все же остальное отдано страстямъ.

Противъ разума вѣчно воюютъ гнѣвъ, помѣщающійся въ сердцѣ, и

Изъ иллюстрацій Гольбейна къ „Похвалѣ глупости".

похоть, владѣющая чуть не половиной тѣла. Эти непокорные подданные до тѣхъ поръ душатъ разумъ, пока онъ не уступаетъ имъ и не исполняетъ всѣхъ ихъ требованій. Для смягченія печальной участи умнаго мужчины глупость дала ему жену и та своей глупостью развлекаетъ его. Глупость же женскую обнаружилъ еще Платонъ, сомнѣвавшійся отнести женщину къ разумнымъ или неразумнымъ животнымъ. На это женщинамъ обижаться не слѣдуетъ, такъ какъ съ глупостью ихъ жизнь

Изъ иллюстрацій Гольбейна къ „Похвалѣ глупости".

складывается гораздо счастливѣе, чѣмъ жизнь мужчинъ. Во-первыхъ, благодаря тѣлесной красотѣ, онѣ властвуютъ надъ всѣми властелинами въ мірѣ. Во-вторыхъ, женщины больше всего стараются понравиться мужчинамъ и ставятъ это нерѣдко цѣлью всей своей жизни, а пріобрѣсти расположеніе мужчины легче всего можно посредствомъ глупости.

Дружба, которую сами философы ставятъ въ разрядъ высшихъ благъ, тоже изобрѣтеніе глупости, потому что развѣ не глупо смотрѣть сквозь пальцы на недостатки и пороки друзей? Обыкновенно люди очень зорки насчетъ недостатковъ другихъ, и если глупость не вмѣшалась бы

*) Hohl—значитъ пустой.

тутъ, то дружба не могла бы существовать. Это же нежеланіе видѣть пороки близкаго поддерживаетъ и брачный союзъ. Глупость причиной тому, что супруги обоюдно любятъ другъ друга.

«Въ концѣ концовъ никакое соединеніе людей, никакой союзъ не могъ бы безъ моего участія быть прочнымъ и пріятнымъ; народъ не выносилъ бы короля, рабъ—господина, служанка—госпожи, учителя—ученика, другъ—друга, жена—мужа, поставщикъ—нанимателя, сожитель—сожителя, еслибъ они не надували другъ друга, не льстили другъ другу, не потворствовали бы взаимнымъ слабостямъ, не мазали другъ друга по губамъ медомъ глупости».

Нѣтъ ни одного искусства, ни одного дѣла, которое обходилось бы безъ участія глупости. Возьмемъ хотя бы войну; развѣ не глупо предпринимать это общественное дѣло, въ которомъ обѣ враждующія стороны больше теряютъ, чѣмъ выигрываютъ? Къ тому же для самаго веденія войны нужны главнымъ образомъ люди съ крѣпкими мышцами и съ большой смѣлостью, а ума чѣмъ меньше, тѣмъ лучше.

Лесть собрала всѣхъ людей вмѣстѣ и образовала государство, глупость же удерживала народъ отъ распаденія! Что, какъ не глупая сказка о желудкѣ и остальныхъ частяхъ тѣла, заставила римскій народъ соеди-

Изъ иллюстрацій Гольбейна къ „Похвалѣ глупости“.

ниться снова. «Когда и какая рѣчь мудреца имѣла такую же силу, какъ глупая сказка Серторія о лани или его апологъ въ лицахъ о лошадиномъ хвостѣ? Серторій увѣрялъ иберійцевъ, будто Діана подарила ему бѣлую лань, отъ которой онъ узналъ все, что ему было нужно.

«Желая показать солдатамъ, что умъ больше значитъ, чѣмъ сила, онъ, говорятъ, приказалъ привести двухъ лошадей: слабую клячу и здороваго, сильнаго коня. Силачу приказалъ онъ вырвать хвостъ у клячи; тотъ исполнилъ это не безъ большого труда. Потомъ позвалъ хилаго старика и велѣлъ ему вырвать хвостъ у коня. Тотъ безъ большого затрудненія вытащилъ его по волоску».

Однимъ словомъ, чтобы повелѣвать людьми, нужно дѣйствовать на ихъ глупость, стараться смѣшить ихъ. Вся цивилизація міра произошла тоже отъ глупости, такъ какъ люди дѣлали великія изобрѣтенія и открытія, стремясь къ славѣ, а это стремленіе, по утвержденію философовъ, есть проявленіе людской глупости. Жизнь смертныхъ есть тоже не что иное, какъ глупая комедія, въ которой каждый играетъ свою роль болѣе или менѣе искусно. Если же на жизнь посмотрѣть съ высоты, то она окажется одной безпрерывной цѣпью страданій и только вслѣдствіе невѣжества и необдуманности люди продолжаютъ жить.

Хотя философы и говорятъ, что нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ быть во власти глупости, но, по мнѣнію самой глупости, въ этомъ нѣтъ ничего

ужаснаго, ибо это дѣло самое человѣческое и люди только тогда были счастливы, когда не знали, что такое разумъ и науки. Но вмѣстѣ съ изобрѣтеніемъ науки исчезло и счастье.

«Впрочемъ, надо правду сказать: люди во всемъ вѣрны мнѣ и изъ наукъ болѣе въ цѣнѣ тѣ, которыя ближе подходятъ къ общему пониманію, т. е. къ глупости. Голодаютъ богословы, жмутся отъ холода физики, осмѣиваются астрологи, въ пренебреженіи діалектики; но хорошо живется врачамъ и чѣмъ кто изъ нихъ невѣжественнѣе, безразсуднѣе, дерзче, тѣмъ большимъ уваженіемъ пользуется онъ среди своихъ коллегъ, а медицинское искусство, особенно какъ теперь оно практикуется, есть не что иное, какъ умѣнье приноравливаться къ людямъ. За врачами слѣдуютъ законовѣды; а ихъ науку—я не отъ себя говорю—всѣ философы единогласно называютъ ослиною. Однако, нѣтъ ни одного жизненнаго вопроса, начиная съ самаго важнаго и до самаго ничтожнаго, который бы рѣшался безъ участія этихъ ословъ. Они покупаютъ имѣнія въ то

Изъ иллюстрацій Гольбейна къ „Похвалѣ глупости“.

время, какъ богословъ, изслѣдовавшій всѣ тайны божества, сидитъ на бобахъ и ведетъ непрестанную войну со вшами и клопами».

Чѣмъ неразвитѣе человѣкъ, чѣмъ онъ ближе стоитъ къ природѣ, тѣмъ онъ счастливѣе. Весело и хорошо живется на свѣтѣ только дуракамъ, шутамъ и идіотамъ. Ихъ всѣ любятъ и часто выслушиваютъ отъ нихъ такія истины, которыхъ никогда не простили бы умному человѣку.

Безуміе бываетъ двухъ родовъ: первый родъ безуміе злое, оно порожденіе ада и возбуждаетъ въ людскихъ сердцахъ военный пылъ, жажду къ золоту, преступную любовь. Другой родъ происходитъ отъ глупости и проявляется, если человѣка охватываетъ какая-нибудь иллюзія. Безумцы второго вида всегда остаются счастливы, лишь бы они не выходили за обыкновенные предѣлы.

Разницу между патентованнымъ и обыкновеннымъ безуміемъ можно объяснить примѣромъ. Если кто-либо, увидѣвъ тыкву, сочтетъ ее за женщину, то это будетъ безумецъ патентованный, потому что подобный родъ безумія встрѣчается рѣдко, но если мужъ считаетъ измѣнницу-жену за вѣрную Пенелопу, то такого безумца можно причислить

къ обыкновеннымъ, ибо въ подобномъ положеніи бываетъ много другихъ мужей.

Глупость породила множество видовъ безумія: и охоту, и страсть къ игрѣ въ кости, и суевѣріе, и мнимое благочестіе; однимъ словомъ, перечислить всѣ роды дураковъ и назвать всѣ имена глупости нѣтъ возможности.

Одинъ изъ пріятныхъ видовъ безумія—это когда люди хвалятся своимъ состояніемъ или своими рабами, здѣсь уже играетъ главную роль самолюбіе, которому особенно подвержены актеры, пѣвцы и писатели.

«Я замѣчаю, что природа, снабдившая каждаго человѣка особымъ видомъ самолюбія, въ то же время вложила въ каждую націю, чуть не въ каждый городъ общее самолюбіе. Такъ, англичане хвастаются физической красотой, музыкальными способностями и умѣньемъ хорошо ѣсть; шотландцы гордятся знатностью, родствомъ съ царями и искусствомъ въ діалектикѣ; французы—умѣньемъ держать себя въ обществѣ; парижане убѣждены, что они оставили всѣхъ далеко за собою въ области богословскихъ наукъ; итальянцы присвоили себѣ чистый литературный вкусъ и краснорѣчіе и до того высокаго о себѣ мнѣнія, что всѣхъ другихъ почитаютъ варварами; блаженнѣе всѣхъ римляне, утѣшающіе себя сновидѣніями о величіи древняго Рима; венеціанцы счастливы сознаніемъ своего благородства, своего происхожденія; греки, изобрѣтатели наукъ, присвоиваютъ себѣ похвальныя качества героевъ древности; турки и вся эта масса истинныхъ варваровъ весьма довольны своей религіей и смѣются надъ суевѣріемъ христіанъ. Еще пріятнѣе живется на свѣтѣ іудеямъ, которые до сихъ поръ ожидаютъ своего Мессію и крѣпко держатся за Моисея; испанцы никому не хотятъ уступить первенства въ военномъ дѣлѣ; германцы величаются высокимъ ростомъ и знаніемъ магіи.

«Счастье человѣка не обусловливаютъ факты, оно цѣликомъ зависитъ отъ мнѣній. Человѣческій умъ ужь такъ созданъ, что обманъ имѣетъ надъ нимъ большую силу, чѣмъ истина. Къ тому же обладаніе истиной достигается съ большимъ трудомъ, счастье же отъ самообольщенія—съ поразительной легкостью. И это легкое счастье доставляетъ людямъ глупость, которую они внѣшнимъ образомъ хотя и мало почитаютъ, но за то почти всѣ носятъ ея образъ въ сердцѣ. Благодѣяніями глупости пользуются всѣ люди отъ мала до велика во все продолженіе своей короткой жизни. Наибольшее блаженство достигается посредствомъ глупости схоластическими богословами и черным духовенствомъ или монахами, хотя и то и другое названіе для нихъ совсѣмъ неподходящее: съ духомъ они не имѣютъ ничего общаго и нѣтъ людей, которые бы такъ часто попадались на всѣхъ перекресткахъ. Лицемѣрные святоши, безсовѣстные софисты, самонадѣянные діалектики, всесвѣтные цензора, богословы-схоласты всѣхъ, кто съ ними не согласенъ, считаютъ еретиками. Отъ софистическихъ умствованій «ихъ головы до того распухли, что черепъ Юпитера, обратившагося къ помощи молота Вулкана, передъ рожденіемъ Паллады не былъ столь чреватъ». Высшимъ проявленіемъ благочестія монахи считаютъ полное удаленіе отъ науки, такъ что и грамотѣ не учатся. Иные изъ нихъ гордятся своей грязью и нищенствомъ и громко

требуютъ милостыни, нападая на всѣ гостинницы, экипажи, корабли, къ немалому ущербу остальныхъ нищихъ. И эти-то милѣйшіе люди хотятъ напоминать намъ апостоловъ! Что можетъ быть смѣшнѣе, какъ видѣть, съ какою математическою точностью они опредѣляютъ для себя житейскія мелочи, считая за грѣхъ малѣйшее отступленіе отъ предписаннаго: сколько узловъ долженъ имѣть башмакъ, какого цвѣта перевязь, какъ скроено платье, изъ какой матеріи и какой ширины долженъ быть поясъ, какого вида, какой вмѣстимости капюшонъ, какого фасона должна быть тонзура, сколько часовъ надо спать. А кто не видитъ, насколько неудобно такое разнообразіе при громадномъ различіи тѣлесныхъ и духовныхъ наклонностей? Однако, они не только презрительно относятся къ мірянамъ изъ-за этого, но и другъ друга презираютъ, и эти представители апостольской любви готовы поднять цѣлую трагедію изъ-за платья, иначе опоясаннаго, изъ-за окраски болѣе темной. Между ними мы видимъ такихъ строгихъ, верхняя одежда которыхъ должна быть непремѣнно шерстяная, а нижняя полотняная; другіе, напротивъ, должны быть одѣты сверху въ полотно, а снизу въ шерсть; третьи боятся дотронуться до денегъ, какъ до яда, а отъ вина и отъ сношенія съ женщинами не удерживаются. Общее всѣхъ ихъ стремленіе не походитъ на другихъ въ образѣ жизни. Цѣль ихъ не въ томъ, чтобы съ Христомъ сходствовать, а чтобы другъ отъ друга различествовать. Немалое блаженство доставляютъ имъ ихъ наименованія, въ особенности тѣмъ, кого называютъ вервеносцами (кордельерами); изъ нихъ одни называются колеты, другіе миноритъ, третьи буллисты. Кромѣ кордельеровъ, есть бенедиктинцы, бернардинцы, августинцы, вильгельмиты, якобиты; точно имъ недостаточно называться христіанами.

Изъ иллюстрацій Гольбейна къ „Похвалѣ глупости“.

«Большая часть ихъ придаетъ такое значеніе своимъ церемоніямъ, что Царство Небесное считаетъ слишкомъ незначительной наградой; они не хотятъ подумать, что Христосъ, пожалуй, не обратитъ на все это вниманія и потребуетъ исполненія единственной своей заповѣди—любви къ ближнему.

«Одинъ монахъ покажетъ ему свое брюхо, набитое рыбой разнаго сорта; другой высыпетъ сотню четвериковъ псалмовъ; третій миріады постовъ и покажетъ свой желудокъ, едва не погибшій вслѣдствіе единой трапезы; четвертый притащитъ такую груду церемоній,

что ихъ на семи купеческихъ корабляхъ не увезешь; пятый будетъ хвалиться, что онъ въ продолженіе 60 лѣтъ не дотрогивался до денегъ иначе, какъ надѣвъ на руку двойную перчатку; шестой принесетъ свой плащъ до того грязный и пропитанный жиромъ, что матросъ постыдился бы надѣть его; седьмой напомнитъ, что онъ въ продолженіе 50 лѣтъ жилъ какъ губка, прикованная къ одному мѣсту; восьмой будетъ хвалиться, что онъ охрипъ отъ постояннаго пѣнія; девятый, что онъ впалъ въ спячку отъ постояннаго уединенія; десятый, что у него языкъ вслѣдствіе долгаго молчанія оцѣпенѣлъ.

«А Христосъ, прервавъ это нескончаемое самохвальство, скажетъ: Откуда этотъ новый родъ фарисеевъ? Я признаю Своимъ одинъ законъ, о которомъ ничего не слышу, а между тѣмъ Я ясно, не скрывая своей мысли подъ формою притчи, обѣщалъ Царство Небесное не капюшонамъ, не молитвамъ, не постамъ, а дѣламъ любви. Не могу Я принимать тѣхъ, кто слишкомъ высоко цѣнитъ свои дѣянія. Эти люди, считающіе себя святѣе меня, могутъ, если такъ угодно, занять небо Абраксазіевъ*) или приказать выстроить для нихъ новое небо, такъ какъ уставы они предпочли моимъ наставленіямъ».

Изъ иллюстрацій Гольбейна къ „Похвалѣ глупости".

«Какъ вы думаете, какими глазами посмотрятъ они другъ на друга, услыхавъ такое рѣшеніе и увидѣвъ, что имъ предпочитаютъ матросовъ и кучеровъ? Но за то при жизни они, благодаря мнѣ, счастливы».

Блаженства черезъ глупость достигаютъ и важные сановники. Они не заботятся о выгодахъ государства, а стараются главнымъ образомъ набить свой карманъ, сваливая съ себя всю тягость дѣла на своихъ подчиненныхъ. Первосвященники, кардиналы и аббаты въ совершенствѣ умѣютъ подражать свѣтскимъ князьямъ и иногда даже превосходятъ ихъ. Дѣла благочестія они передаютъ народу, оставляя себѣ только удовольствіе, а народъ сваливаетъ ихъ на церковниковъ, считая себя къ церкви непричастнымъ. Священники же дарятъ его монахамъ, а монахи менѣе строгихъ орденовъ передаютъ картезіанцамъ, а тѣ такъ запрятываютъ благочестіе, что его даже нигдѣ и не увидишь.

Вообще никто не можетъ вести пріятную жизнь безъ помощи глупости. Даже сама фортуна покровительствуетъ глупцамъ и недолюбливаетъ мудрецовъ, такъ что въ то время, какъ къ дуракамъ со всѣхъ сторонъ текутъ деньги, умники живутъ въ грязи и бѣдности.

«Если кто желаетъ нажить побольше денегъ, великъ ли будетъ его барышъ, когда онъ послѣдуетъ мудрости, устрашится клятвопреступленія или, уличенный во лжи, покраснѣетъ, или придастъ какое-нибудь значеніе чепухѣ, которую говорятъ мудрецы относительно неправаго

*) Гностическая секта Базилидіанцевъ употребляла слово abraxos, буквы котораго по гречески выражаютъ цифру 365, для означенія всѣхъ міровыхъ духовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Нѣкоторые полагаютъ, что Базилидіанцы или Абраксазіи вѣрили въ существованіе 365 небесъ.

стяжанія? Видное мѣсто у католиковъ скорѣй можетъ получить оселъ или буйволъ, чѣмъ мудрецъ. Если тебя больше всего прельщаютъ чувственныя удовольствія, знай, что дѣвушки преданы дуракамъ всѣмъ сердцемъ своимъ, а мудреца избѣгаютъ, какъ скорпіона. Наконецъ, если кто желаетъ жить въ радости и веселіи, тотъ выгонитъ отъ себя мудреца въ шею и допуститъ на его мѣсто какого угодно звѣря. Короче сказать, куда бы ты ни обратился, къ первосвященникамъ, князьямъ, судьямъ, чиновникамъ, друзьямъ, врагамъ, великимъ и малымъ людямъ,—вездѣ все можно добыть деньгами; а такъ какъ послѣднія внушаютъ презрѣніе мудрецу, то и бѣгутъ его рукъ».

Затѣмъ глупость приводитъ цитаты изъ тѣхъ писателей, гдѣ ее прославляютъ. Прежде всего она говоритъ, что мальчиковъ въ школѣ заставляютъ хоромъ повторять слѣдующія слова: «У мѣста притворно высказать глупость—есть высшая мудрость». Далѣе идетъ объясненіе Цицероновскаго изреченія: «Дураками свѣтъ переполненъ». Послѣ него слѣдуютъ тексты изъ Священнаго Писанія, изъ философіи Платона, изъ посланій апостоловъ и святыхъ отцовъ. Все это заключается слѣдующими словами:

Изъ иллюстрацій Гольбейна къ „Похвалѣ глупости“.

«Но я, забывшись, перешла всякія границы. Если вы находите, что я говорила слишкомъ дерзко или слишкомъ много наболтала, примите во вниманіе, что я глупость и женщина. Но, впрочемъ, не забывайте и греческой пословицы, которая утверждаетъ, что часто и глупый человѣкъ говоритъ кстати, если только вы женщину считаете за человѣка. Я вижу, вы ожидаете заключенія. Но какъ безумно съ вашей стороны расчитывать, что я, выпустивъ такую массу словъ, помню что-нибудь изъ сказаннаго мною! Встарину говорили: «Непріятно имѣть слишкомъ памятливаго собутыльника»; теперь можно сказать: «Непріятно имѣть слишкомъ памятливаго слушателя». Ну, будьте здоровы, апплодируйте, живите и пьянствуйте, славные жрецы Глупости».

«Похвала глупости» доставила Эразму, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, громадную популярность. Богословы были оскорблены ею, а гуманисты привѣтствовали сатиру, какъ величайшее литературное произведеніе.

Положеніе Эразма къ тому времени окончательно упрочилось: онъ получалъ отъ Карла I пенсію въ четыреста флориновъ; Генрихъ VIII звалъ его въ Англію; Францискъ I приглашалъ въ Парижъ, но Эразмъ, дорожа своей свободой, не поѣхалъ ни къ тому, ни къ другому, а поселился въ Лувенѣ. Извѣстность онъ пріобрѣлъ такую, что считали за

счастіе вести съ нимъ переписку или хоть получить отъ него двѣ строчки на память. Одинъ бѣдный каноникъ утверждалъ, что для него страница отъ Эразма пріятнѣе большого канониката; архіепископъ Магдебургскій писалъ Эразму, что для его счастья не хватаетъ лишь личнаго свиданія съ великимъ писателемъ, и клялся, что хоть передъ смертью, да пріѣдетъ къ нему. Когда, однажды, Эразмъ на пути изъ Базеля въ Лувенъ повстрѣчалъ сборщика податей, то послѣдній, узнавъ его, такъ обрадовался, что упросилъ его зайти къ себѣ, гдѣ показалъ ему свой рабочій столъ, на которомъ среди дѣловыхъ бумагъ лежали сочиненія Эразма.

Имя Эразма производило на толпу такое обаяніе, что, когда Лютеръ написалъ противъ католическаго духовенства свои 95 тезисовъ, всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что онъ дѣйствуетъ по наущенію Эразма. Конечно, Эразмъ, какъ это мы видимъ въ его «Похвалѣ глупости», не могъ одобрять церковные порядки, но такъ какъ онъ пригрѣлся около католическаго духовенства, то подобные слухи и рѣчи сильно смущали его и онъ написалъ Папѣ Льву X письмо, въ которомъ говоритъ, что «ничего общаго съ Лютеромъ не имѣетъ и сочиненій его почти не читалъ, потому что сильно занятъ въ настоящее время подготовкой для печати своего новаго труда». Вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая потерять и расположеніе публики, Эразмъ боялся открыто обвинять Лютера въ ереси. Результатомъ подобнаго уклончиваго образа дѣйствій было то, что на него впослѣдствіи возстали, съ одной стороны, католическіе богословы, а съ другой—лютеране.

Сперва антипатіи къ Эразму высказывались подъ сурдинку, особенно лютеранами, которые боялись всенародно объявить, что величайшій писатель не одобряетъ ихъ идей, но затѣмъ, когда Эразмъ опубликовалъ небольшой полемическій трактатъ «О свободѣ воли», гдѣ, хотя и вѣжливо, но ясно намекалъ на неправильность дѣйствій Лютера, вражда приняла открытый характеръ и самъ Лютеръ написалъ ему грубый отвѣтъ, который тотчасъ приказалъ перевести на нѣмецкій языкъ и напечатать. Это письмо Эразмъ не оставилъ безъ отвѣта, и между обоими гуманистами возгорѣлась полемика, продолжавшаяся до 1526 года. Лувенскіе теологи схоласты тоже не переставали нападать на своего исконнаго врага, и Эразмъ, чтобы хоть сколько-нибудь отдохнуть отъ всѣхъ этихъ треволненій, перебрался въ Базель и, поселившись въ типографіи Фробена, съ горячностью принялся за изданіе и печатаніе книгъ. Здѣсь, въ 1524 году, имъ были изданы его знаменитые «Разговоры» (Colloquia)—сатирическое сочиненіе, которое вмѣстѣ съ «Похвалой глупости» еще до сихъ поръ не потеряло своего значенія.

Какъ и къ первому своему произведенію, Эразмъ написалъ предисловіе и къ «Разговорамъ», оправдываясь тѣмъ, что въ смутное время, въ которое они появляются, опасно и безразсудно выпускать книгу, не снабдивъ ея предисловіемъ. Изъ него, между прочимъ, мы узнаемъ, что часть «Разговоровъ» уже разъ была напечатана, а благосклонный пріемъ со стороны читателей побудилъ автора выпустить и остальные разговоры, чтобы они служили нѣкоторымъ пособіемъ для учениковъ.

«Если же кто нибудь скажетъ,—пишетъ Эразмъ,—что неприлично

старику заниматься такими пустяками, то развѣ важно, что они пустяки, разъ они полезны. Если грамматики пріучаютъ дѣтей изучать грамматическія правила, награждая ихъ пирожнымъ, то неужели я совершаю преступленіе, укрѣпляя учениковъ пустяками въ элегантномъ стилѣ и добродѣтели? Прибавьте къ этому, что истинная мудрость состоитъ въ уразумѣніи безумныхъ мірскихъ страстей и глупыхъ мнѣній. Мнѣ кажется, что лучше узнать ихъ по книгѣ, чѣмъ познакомиться съ ними на опытѣ, который не что иное, какъ школа глупыхъ». И дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ Эразмъ говоритъ въ нихъ о серьезныхъ вещахъ, разнообразя тонъ и темы, рисуя превосходныя картины нравовъ, еще разъ доказывая свою глубокую наблюдательность и неисчерпаемое остроуміе.

На русскій языкъ «Разговоры» Эразма до сихъ поръ не переведены, исключая немногихъ, переведенныхъ въ 1820 г. А. Урусовымъ. Въ послѣднемъ изъ своихъ примѣчаній къ «Разговорамъ» переводчикъ помѣстилъ эпиграмму Ѳ. Безы, написанную къ портрету Эразма. Приводимъ здѣсь, курьеза ради, это стихотвореніе:

«Великаго Эразма чтитъ пространный свѣтъ!
Се предъ тобой его до пояса портретъ.
Но для чего не весь онъ умѣщенъ въ картину,
А только вполовину?
Читатель, не дивись, возможность такъ велитъ,
Всего его земля въ себя вся не вмѣститъ».

Чтобы дать читателямъ понятіе о томъ, что такое «Разговоры» Эразма, приводимъ два изъ нихъ цѣликомъ для образчика:

Изъ новѣйшихъ иллюстрацій-офортовъ французскаго художника Шовэ (I. Chauvet) къ „Разговорамъ“.

НЕДОРАЗУМѢНІЕ, ИЛИ ГАЛИМАТЬЯ.

(Анніусъ, Левкіусъ).

Анніусъ. Я слышалъ, что вы присутствовали на свадьбѣ Панкраса и Альбины..

Левкіусъ. Ни разу не пришлось мнѣ испытать столь несчастнаго морского путешествія.

Анніусъ. Что вы говорите! Тамъ было столько народу.

Левкіусъ. Никогда не былъ я такъ близокъ отъ гибели, какъ въ этотъ разъ.

Анніусъ. Вотъ что значатъ деньги. Вѣнчайся я, такъ у меня навѣрное было бы въ два раза меньше народа.

Левкіусъ. Едва мы вышли въ открытое море, какъ разразилась ужасная буря.

Анніусъ. Вы говорите о собраніи боговъ. Неужели такъ много было важныхъ лицъ и дамъ высшаго круга?

Левкіусъ. Вѣтеръ изорвалъ паруса и разсѣялъ по морю ихъ клочья.

Анніусъ. Я знавалъ прежде невѣсту. Нельзя себѣ представить болѣе очаровательнаго существа.

Левкіусъ. Вскорѣ волны сломали и руль.

Анніусъ. Такъ отзывается о ней весь свѣтъ. Ея супругъ, говорятъ, не уступаетъ ей въ красотѣ.

Левкіусъ. Вообразите, въ какомъ положеніи мы очутились!

Анніусъ. Въ нашъ вѣкъ вообще трудно найти невинную дѣвушку.

Левкіусъ. Намъ пришлось взять весла и грести.

Анніусъ. О! Неужели такое большое приданое? Это невѣроятно!

Левкіусъ. Но тутъ случилось другое несчастье.

Анніусъ. Зачѣмъ же было отдавать едва сформировавшуюся дѣвушку такому развратнику?

Левкіусъ. Мы вдругъ замѣтили корабль корсаровъ.

Анніусъ. Вотъ именно; у многихъ людей злость увеличивается съ годами.

Левкіусъ. Такимъ образомъ намъ приходилось биться сразу съ двумя врагами—съ моремъ и съ пиратами.

Анніусъ. Боже, сколько подарковъ! А бѣднымъ отказываютъ въ милостынѣ.

Левкіусъ. Что дѣлать? Сдаваться. Но отчаянье придало намъ храбрости.

Анніусъ. Если все, что вы говорите, правда, то я очень боюсь, чтобы ихъ супружество не оказалось бездѣтнымъ.

Левкіусъ. Мы буквально раздавили врага.

Анніусъ. Вотъ это странно! Беременна еще до замужества?

Левкіусъ. Если бы вы видѣли наше сраженіе, вы не приняли бы меня за женщину.

Анніусъ. Изъ этого я вижу, что бракъ не только состоялся, но и оформленъ.

Левкіусъ. Мы взобрались на корсарское судно.

Анніусъ. Но что меня удивляетъ, такъ это именно то, что пригласили васъ, совершенно посторонняго человѣка, и забыли позвать меня, хотя я прихожусь родственникомъ въ третьемъ колѣнѣ отцу невѣсты.

Левкіусъ. Мы ихъ бросили въ море.

Анніусъ. Вы правы, для несчастныхъ родственниковъ не существуетъ.

Левкіусъ. Мы раздѣлили между собой всю добычу.

Анніусъ. Я поговорю съ молодой при первомъ удобномъ случаѣ.

Левкіусъ. Море вдругъ сдѣлалось такъ спокойно, какъ будто наступили дни алкіона *).

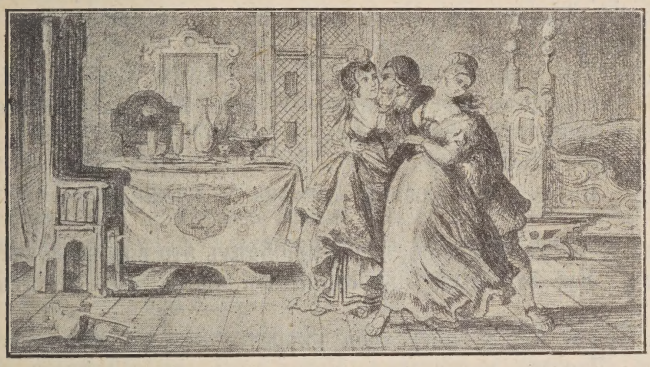
Анніусъ. Если она богата, то у нея есть сердце.

Левкіусъ. Такимъ образомъ вмѣсто одного корабля мы привели въ гавань цѣлыхъ два.

Анніусъ. Только тотъ имѣетъ право сердиться, кто насъ всѣхъ совмѣщаетъ.

Левкіусъ. Вы меня спрашиваете, куда я иду? Въ церковь, принести въ даръ св. Николаю лохмотья отъ нашего паруса.

Анніусъ. Сегодня я никакъ не могу, потому что жду къ себѣ гостей на обѣдъ, но въ другое время я не заставилъ бы себя упрашивать.



Изъ новѣйшихъ иллюстрацій-офортовъ французскаго художника Шовэ (I. Chauvet) къ „Разговорамъ“.

НИЩЕНСТВО.

Иридъ, Мизанонъ.

Иридъ. Что это за птица приближается сюда? Я узнаю лицо, но одежда не соотвѣтствуетъ ему. Или мнѣ снится, или это Мизанонъ. Рискну, несмотря на свои лохмотья, заговорить съ нимъ. Здравствуй, Мизанонъ!

Мизанонъ. Это, кажется, Иридъ.

Иридъ. Здравствуй, Мизанонъ!

Мизанонъ. Замолчи, говорятъ тебѣ.

Иридъ. Почему? Развѣ ты не хочешь, чтобъ съ тобой здоровались?

Мизанонъ. Нѣтъ, но не называй меня этимъ именемъ.

Иридъ. Что случилось? Неужели ты не тотъ, что былъ прежде, или ты перемѣнилъ платье вмѣстѣ съ именемъ?

Мизанонъ. Нѣтъ, я принялъ прежнее имя.

Иридъ. Кто же ты теперь?

---

*) Такъ называются семь дней до и послѣ зимняго солнцестоянія, во время которыхъ алкіонъ (зимородокъ), по народному повѣрью, устраиваетъ себѣ гнѣздо и море обыкновенно бываетъ спокойно.

Мизанонъ. Апиціусъ.

Иридъ. Не краснѣй же за своего стараго пріятеля, если тебѣ улыбается фортуна, вѣдь еще не такъ давно ты принадлежалъ къ нашему ордену.

Мизанонъ. Поди сюда, прошу тебя, и ты узнаешь всю истину. Я вовсе не стыжусь своего ордена, но краснѣю за тотъ, къ которому принадлежалъ прежде.

Иридъ. О какомъ орденѣ ты говоришь, о францисканскомъ?

Мизанонъ. Нѣтъ, мой добрый другъ, объ орденѣ мотовъ.

Иридъ. Ахъ, да, вѣдь у тебя былъ цѣлый кругъ товарищей.

Мизанонъ. Я былъ богатъ и расточилъ все свое богатство, когда же разорился, никто не захотѣлъ признать Апиціуса. Спасаясь отъ стыда, я укрылся въ вашей коллегіи, это было всетаки лучше, чѣмъ топтать безполезно землю.

Иридъ. Ты хорошо поступилъ, но откуда у тебя эта гордая осанка и совершенно чистое лицо, я уже не говорю о перемѣнѣ платья, такъ какъ это меня удивляетъ менѣе?

Мизанонъ. Почему же?

Иридъ. Потому, что богиня Лаверна *) неожиданно обогащаетъ многихъ.

Мизанонъ. Ты думаешь, что я пріобрѣлъ это воровствомъ?

Иридъ. Ну, это было бы слишкомъ подло. Но, можетъ быть, грабежомъ?

Мизанонъ. Нѣтъ, могу тебя увѣрить, что ни воровствомъ, ни грабежомъ. Что же касается до моего лица, то я сейчасъ объясню тебѣ, почему у меня былъ прежде неприличный видъ.

Иридъ. Въ самомъ дѣлѣ, прежде твое лицо все было покрыто язвами.

Мизанонъ. Я прибѣгнулъ къ доктору.

Иридъ. Къ какому?

Мизанонъ. Къ самому себѣ; кто же другой любитъ меня сильнѣе?

Иридъ. Я не зналъ, что ты знакомъ съ медициной.

Мизанонъ. Чтобы разукрасить свое лицо, я составилъ мазь изъ смѣси ладона, сѣры, древесной смолы, клею, кусочковъ полотна и крови.

Иридъ. Лицемѣръ! А вѣдь выглядѣлъ такимъ несчастнымъ, что могъ играть въ трагедіи многострадальнаго Іова!

Мизанонъ. Такъ того требовали обстоятельства.

Иридъ. Теперь разскажи,какимъ образомъ ты разбогатѣлъ? Не нашелъ ли ты клада?

Мизанонъ. Нѣтъ, но я выискалъ профессію нѣсколько болѣе выгодную, чѣмъ ваша.

Иридъ. Какъ, ты получаешь деньги, не имѣя капитала?

Мизанонъ. Искусство кормитъ весь міръ.

Иридъ. Ага, понимаю! Ты говоришь объ искусствѣ отрѣзать чужіе кошельки.

Мизанонъ. Что ты, что ты! Я говорю объ искусствѣ алхиміи.

Иридъ. Неужели ты въ полмѣсяца, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ

---

*) Укрывательница воровъ.

покинулъ насъ, пріобрѣлъ такія познанія въ искусствѣ, для изученія котораго другіе тратятъ нѣсколько лѣтъ?

Мизанонъ. Я отыскалъ кратчайшій путь.

Иридъ. Какой же, скажи пожалуйста?

Мизанонъ. Ваше ремесло приносило мнѣ около четырехъ экю. По счастливой случайности, я однажды встрѣтилъ стараго товарища, дѣла котораго шли гораздо лучше моихъ. Мы выпили и онъ, по старой привычкѣ, началъ разсказывать мнѣ о своихъ похожденіяхъ. Я угостилъ его еще и попросилъ разсказать, чѣмъ онъ занимается. Искусство, которое онъ сообщилъ мнѣ, теперь кормитъ и меня.

Иридъ. Нельзя ли узнать этотъ секретъ?

Мизанонъ. Тебѣ по дружбѣ, куда ни шло, я разскажу его безплатно. Ты знаешь, что существуетъ на свѣтѣ много людей, которые очень интересуются алхиміей.

Иридъ. Да, я не разъ встрѣчалъ такихъ.

Мизанонъ. Каждый разъ, какъ мнѣ приходится сталкиваться съ ними, я втираюсь къ нимъ въ дружбу и хвастаюсь своими познаніями. Когда же чайка разинетъ клювъ, я приготовляю кормъ.

Иридъ. Но какъ?

Мизанонъ. Я предупреждаю ихъ не вѣрить профессіоналамъ-алхимикамъ, такъ какъ большинство изъ нихъ мошенники и шарлатаны, пользующіеся кошелькомъ легковѣрныхъ людей.

Иридъ. Это примѣнимо и къ тебѣ.

Мизанонъ. Я прибавляю при томъ, чтобы они не вѣрили мнѣ раньше, чѣмъ не убѣдятся въ истинѣ своими глазами и руками.

Иридъ. Ты, значитъ, очень увѣренъ въ своемъ искусствѣ?

Мизанонъ. Я предлагаю имъ быть внимательными во все время моей операціи, а чтобы въ нихъ не закралось подозрѣніе, предоставляю имъ самимъ устраивать все, самъ же лишь издали наблюдаю за общимъ ходомъ работы и напередъ сообщаю о количествѣ золота или серебра, которое они получатъ. Наконецъ, я веду ихъ къ золотыхъ дѣлъ мастерамъ и тѣ съ помощью пробирнаго камня удостовѣряютъ, что золото настоящее. Они всегда находятъ именно тотъ вѣсъ, который заранѣе былъ опредѣленъ мною; все дѣло въ томъ, что я рискую на серебрѣ потерять меньше, чѣмъ на золотѣ.

Иридъ. Твое искусство не плутовство?

Мизанонъ. Напротивъ, одно сплошное плутовство!

Иридъ. Но какъ же ты это дѣлаешь?

Мизанонъ. Сейчасъ разскажу. Я назначаю плату за сеансъ, но требую, чтобы мнѣ заплатили прежде, чѣмъ опытъ будетъ произведенъ. Я даю желающему порошокъ, заставляя его повѣрить, что въ немъ заключается весь секретъ. Химическій же составъ его открываю только за большія деньги и, кромѣ того, беру клятву, что покупатель не откроетъ секрета никакому смертному раньше, чѣмъ черезъ полгода.

Иридъ. Я всетаки еще ничего не понимаю.

Мизанонъ. Вся хитрость заключается въ кускѣ угля, приготовленнаго по опредѣленному плану. Я просверливаю этотъ уголь и ввожу внутрь его нужное мнѣ количество серебра или золота. Послѣ того какъ въ котелокъ высыпанъ порошокъ, я помѣщаю его въ середину горящихъ углей, которые находятся не только по бокамъ и подъ котел-

комъ, но и надъ нимъ. Это я объясняю требованіемъ условія. Между прочими же углями помѣщаю и тотъ, который содержитъ драгоцѣнный металлъ. Сила жара заставляетъ его расплавиться и онъ перемѣшивается вмѣстѣ съ свинцомъ или мѣдью, находящимися въ котелкѣ; эту смѣсь я затѣмъ вынимаю и показываю желающимъ.

Иридъ. Это очень ловко, но какъ обманываешь ты, если другой все дѣлаетъ своими руками?

Мизанонъ. Когда онъ приготовитъ все по моему предписанію, я подхожу, осматриваю, не упущено ли чего. Между прочимъ я замѣчаю, что наверху, по моему мнѣнію, недостаетъ двухъ или трехъ углей, и незамѣтно подсовываю свой.

Иридъ. Но если кто-нибудь производитъ опытъ безъ тебя и не приходитъ къ желанному результату, чѣмъ отдѣлываешься ты тогда?

Мизанонъ. Я всетаки ничѣмъ не рискую, деньги-то вѣдь мнѣ заплатили впередъ. Обыкновенно же я придумываю какой-нибудь предлогъ: либо уголь былъ плохого качества, либо огонь былъ слишкомъ малъ. Къ тому же я никогда долго не остаюсь на одномъ и томъ же мѣстѣ, это тоже одинъ изъ секретовъ искусства.

Иридъ. И такое искусство приноситъ тебѣ достаточный доходъ для существованія?

Мизанонъ. Да, и даже для великолѣпнаго существованія. Такъ что я думаю и тебѣ, если ты не глупъ, слѣдуетъ бросить свое ремесло и заняться нашимъ.

Иридъ. Нѣтъ, я постараюсь лучше вернуть тебя снова въ нашъ орденъ.

Мизанонъ. Какъ, ты хочешь, чтобы я снова вернулся туда, откуда убѣжалъ, и бросилъ то добро, которое мнѣ попалось въ руки?

Иридъ. Наша профессія хороша уже тѣмъ, что привычка придаетъ ей прелесть. Въ то время, какъ многіе уходятъ изъ францисканскихъ и бенедиктинскихъ монастырей, видалъ ли ты когда, чтобы кто-нибудь вышелъ изъ нашего нищенствующаго ордена, проживъ въ немъ нѣсколько времени? Только ты ушелъ, и то потому, что не успѣлъ узнать, что такое нищенство.

Мизанонъ. Нѣтъ, я знаю, что это одна изъ самыхъ скверныхъ вещей на свѣтѣ.

Иридъ. Почему же никто изъ насъ съ ней не разстается?

Мизанонъ. Потому что вы чувствуете себя глубоко несчастными.

Иридъ. Знаешь ли ты, что я не промѣнялъ бы нищенства на богатство королей. Ничто такъ не похоже на тронъ, какъ нищенство.

Мизанонъ. Что я слышу! Это все равно, какъ если бы ты сказалъ: «Ничто такъ не похоже на снѣгъ, какъ уголь!».

Иридъ. Скажи мнѣ, почему короли счастливы?

Мизанонъ. Потому что они свободны и могутъ дѣлать все, что имъ угодно.

Иридъ. Этой свободой короли пользуются въ равной степени съ нами. я не сомнѣваюсь, что есть много королей, которые завидуютъ намъ. Война ли, миръ ли, мы живемъ одинаково спокойно, насъ не призываютъ нести военную службу или занимать общественныя мѣста; ничто не тревожитъ нашего существованія. Если мы совершили преступленіе, кто потянетъ нищаго на судъ? Если мы ударили кого, кто ста-

нетъ драться съ нищимъ? Короли же не могутъ проводить съ пріятностью время ни во время войны, ни во время мира, и чѣмъ они могущественнѣе, тѣмъ больше должны быть на-сторожѣ. Мы же служимъ только Богу и народъ изъ религіознаго страха не хочетъ обижать насъ.

Мизанонъ. Но за то вы одѣты въ рубище, а живете въ простыхъ избахъ.

Иридъ. Удобство еще не составляетъ счастья. Такія вещи находятся внѣ человѣка. Да, пожалуй, этому рубищу мы и обязаны счастьемъ.

Мизанонъ. Боюсь, какъ бы вы не потеряли въ скоромъ времени доброй половины вашего счастья.

Иридъ. Почему же это?

Мизанонъ. Потому что теперь хотятъ запретить нищимъ бродяжничать; въ каждомъ городѣ есть свои бѣдные и тѣхъ, которые сильны и здоровы, будутъ принуждать работать.

Иридъ. Для чего же это дѣлаютъ?

Мизанонъ. Признали, что подъ прикрытіемъ нищенства совершаются разныя злоупотребленія и что, слѣдовательно, вашъ орденъ только грѣхъ.

Иридъ. Я ужь не разъ слышалъ эти басни,—улита ѣдетъ, когда-то будетъ.

Мизанонъ. Можетъ быть, скорѣе, чѣмъ ты ожидаешь.

* * *

Не успѣли «Разговоры» Эразма появиться въ свѣтъ, какъ на нихъ злобно обрушились теологи и обвинили автора въ ереси. Черезъ нѣсколько лѣтъ сочиненіе было занесено въ индексъ запрещенныхъ книгъ, а въ Парижѣ даже сожгли переводчика Беркена за то, что онъ своимъ переводомъ способствовалъ распространенію еретическихъ идей Эразма.

Жить Эразму на старости лѣтъ становилось все хуже и хуже; литературные враги продолжали его преслѣдовать съ прежнимъ ожесточеніемъ, а друзей становилось все меньше и меньше. Сперва умеръ хозяинъ типографіи Фробенъ, съ которымъ онъ сжился и вмѣстѣ проработалъ много лѣтъ, а затѣмъ въ Англіи былъ казненъ Томасъ Моръ. Только высшее католическое духовенство оказывало ему любезности, благодаря тому, что Эразмъ не сталъ открыто на сторону Лютера. Папа Павелъ III, одинъ изъ преемниковъ папы Льва X, доставилъ ему доходъ въ полторы тысячи дукатовъ и собирался сдѣлать Эразма кардиналомъ.

Но старикъ въ это время былъ уже на краю могилы. Въ февралѣ 1536 года Эразмъ едва вставалъ съ постели, хотя всетаки продолжалъ работать: составилъ каталогъ своихъ сочиненій и написалъ духовное завѣщаніе, по которому все свое состояніе, на сумму около 7.000 дукатовъ, раздѣлилъ на три части: одну часть велѣлъ раздать нищимъ, другую—на приданое неимущимъ дѣвушкамъ и третью—на пособія способнымъ, но бѣднымъ студентамъ.

Эразмъ умеръ въ ночь съ 11 на 12 іюня 1536 года и до послѣдней минуты владѣлъ умственными способностями.

Похороны его были чрезвычайно торжественны. Эпитафій было написано цѣлый томъ, такъ какъ каждый гуманистъ считалъ своею

обязанностью посвятить ему хоть нѣсколько строкъ; богословы тоже выразили на бумагѣ радость по случаю кончины ихъ литературнаго врага.

* * *

Другой крупный дѣятель гуманизма, писавшій тоже въ сатирическомъ духѣ, былъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Онъ родился въ 1488 году въ замкѣ Штекельбергъ.

Такъ какъ въ дѣтствѣ Ульрихъ все время хворалъ и выглядѣлъ очень болѣзненнымъ, отецъ рѣшилъ посвятить его духовной карьерѣ и отдалъ мальчика въ Фульерскій монастырь, при которомъ было училище. Здѣсь Ульрихъ вскорѣ выдѣлился своими необычайными способностями, главнымъ образомъ любовью къ классикамъ. Эту особую склонность замѣтилъ проживавшій въ монастырѣ гуманистъ Іоганнъ Эгеръ, по-латыни называвшійся Кроніусъ Рубіанусъ. Онъ посовѣтовалъ даровитому юношѣ, не чувствовавшему большого тяготѣнія къ монастырской жизни, отправиться въ Эрфуртскій университетъ, гдѣ онъ могъ бы научиться большему. Ульрихъ съ радостью ухватился за эту мысль и въ 1505 году, т. е. 16 лѣтъ, убѣжалъ изъ монастыря сперва въ Кёльнъ, а потомъ и въ Эрфуртъ.

Въ Эрфуртскомъ университетѣ, какъ въ наиболѣе молодомъ, гуманизмъ пользовался большею благосклонностью, чѣмъ гдѣ-либо. Кромѣ того, въ близъ лежащемъ городѣ Гота проживалъ въ то время каноникъ Муціанъ Руфъ, который хотя и не прославился на литературномъ поприщѣ, но зато обладалъ способностью создавать гуманистическіе кружки и, пользуясь уваженіемъ духовенства, могъ всегда являться защитникомъ гонимыхъ гуманистовъ. Въ своемъ подгородномъ домѣ онъ устроилъ нѣчто вродѣ пріюта для своихъ единомышленниковъ. Здѣсь на первое время, между прочимъ, поселился и Гуттенъ, которому раздраженный его бѣгствомъ отецъ отказалъ въ матеріальной поддержкѣ.

Съ 1505 года по 1509 Ульрихъ все время перекочевывалъ изъ одного университета въ другой. За это время онъ успѣлъ выучиться недурно по-гречески, писалъ по-латыни стихотворенія и сдалъ экзаменъ на баккалавра. Латинскіе стихи доставили ему нѣкоторую извѣстность, но не дали денегъ, и онъ, странствуя, учась и уча другихъ, почти все время жилъ на чужой счетъ. Такъ во Франкфуртѣ на Одерѣ деньгами его ссужалъ нѣкто фонъ-Штейнъ, другъ и пріятель его отца, а въ Грейфсвальдѣ, университетскомъ городкѣ, Гуттенъ жилъ въ домѣ профессора Лотціи. Здѣсь съ нимъ приключился довольно печальный инцидентъ, ярко характеризующій то время. Профессоръ Лотціи и его сынъ сперва очень подружились съ Ульрихомъ и относились къ нему весьма благосклонно. Но затѣмъ отношенія круто измѣнились къ худшему. Дѣло въ томъ, что у Гуттена, несмотря на его нищету, въ дорожномъ чемоданѣ было нѣсколько недурныхъ рукописей классиковъ и рѣдкихъ изданій, цѣнившихся въ то время не менѣе манускриптовъ. Увидѣвъ однажды эти сокровища, Лотціи, будучи страстными библіофилами, какъ и многіе образованные люди той эпохи, рѣшили завладѣть переносной библіотекой Гуттена и, когда онъ выѣхалъ изъ Грейфсвальда, послали своихъ слугъ, и тѣ, напавъ, избили и ограбили бѣднаго студента. Ульрихъ чуть живой, въ одной рубашкѣ пришелъ въ Роштокъ и почти тотчасъ написалъ противъ Лотціевъ «Четыре книги жалобъ».

Это довольно большое латинское стихотвореніе быстро распростра-

нилось по Германіи и Лотціямъ, вѣроятно, не поздоровилось отъ сильныхъ и энергичныхъ выраженій ограбленнаго поэта.

Черезъ нѣкоторое время Ульрихъ попалъ въ милость къ императору Максимиліану, которому чрезвычайно понравились его стихи, и друзья Ульриха, воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ, стали уговаривать отца Гуттена помириться съ сыномъ и помочь ему деньгами. Но старикъ не хотѣлъ и слышать ни о какомъ примиреніи, прежде чѣмъ его сынъ не получитъ диплома по одному изъ прибыльныхъ факультетовъ. Ульрихъ пошелъ на уступки и согласился поступить на юридическій факультетъ въ Болонскомъ университетѣ.

Пробродивъ нѣсколько лѣтъ по Италіи, перебиваясь изо-дня-въ-день (причемъ онъ однажды дошелъ до такого нищенскаго состоянія, что поступилъ даже въ ландскнехты), Ульрихъ наконецъ снова вернулся въ Германію и хотя докторскаго диплома не получилъ, счастье ему теперь тѣмъ не менѣе улыбнулось. Императоръ Максимиліанъ, еще раньше увлекавшійся его стихами, посвятилъ поэта въ рыцари и опредѣлилъ на службу къ майнцскому архіепископу Альберту. Однако, придворная жизнь скоро наскучила Ульриху, и онъ, примкнувъ къ Швабскому союзу, началъ дѣйствовать въ его пользу.

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ.

Въ противоположность Эразму, Ульрихъ открыто выступилъ горячимъ защитникомъ реформаторскихъ идей Лютера, какъ только понялъ ихъ значеніе, и, оставивъ латинскіе стихи, сталъ писать по-нѣмецки. Своими энергичными нападками на схоластиковъ онъ пріобрѣлъ много враговъ и, гонимый ими изъ города въ городъ, умеръ въ августѣ 1523 года на маленькомъ островкѣ Цюрихскаго озера 35 лѣтъ отъ роду.

Несмотря на кратковременность, литературная дѣятельность Ульриха была очень плодотворна; имъ написано, кромѣ массы латинскихъ стиховъ, много памфлетовъ, эпиграммъ, но главнымъ сочиненіемъ его нужно считать «Письма темныхъ людей» (Epistolae obscurorum Virorum). Хоть «Письма» вышли въ свѣтъ безъ подписи автора, что дало поводъ впослѣдствіи предполагать, будто въ составленіи ихъ принимали участіе всѣ выдающіеся въ то время гуманисты, но это еще не доказано, между тѣмъ какъ стиль и рѣзкость насмѣшки больше всего напоминаютъ другія сатирическія сочиненія Гуттена.

Вотъ по какой причинѣ была написана эта знаменитая сатира, которую можно поставить на-ряду съ «Похвалой глупости» Эразма.

Въ началѣ XVI столѣтія еврей, по имени Пфеферкорнъ, принялъ христіанство и, желая показать свою ревность къ новой религіи, выпросилъ у императора эдиктъ, которымъ повелѣвалось сжечь всѣ

еврейскія книги, между прочимъ и Талмудъ, какъ противныя христіанскому ученію. Евреи, конечно, неохотно подчинились этому требованію и старались отстаивать свои священныя книги. На ихъ защиту выступилъ извѣстный въ то время ученый гуманистъ и знатокъ еврейскаго языка Рейхлинъ. Онъ напечаталъ полемическое письмо противъ Пфеферкорна, въ которомъ предлагалъ, прежде чѣмъ жечь книги, обстоятельно разсмотрѣть ихъ. Пфеферкорнъ не заставилъ долго ждать отвѣта и между ними скоро завязалась горячая полемика. Черезъ нѣкоторое время противъ Рейхлина выступилъ одинъ изъ схоластиковъ-профессоровъ Кёльнскаго университета, Ортуинусъ Граціусъ, а за нимъ и вся парижская Сорбонна. Но и Рейхлину не пришлось долго оставаться безъ поддержки: на его призывъ поднялись многіе гуманисты и первымъ явился горячій и энергичный Ульрихъ фонъ-Гуттенъ.

Въ это время, т. е. въ 1516 году, онъ былъ въ Римѣ и тамъ защищалъ Рейхлина передъ доминиканцами. Въ томъ же году появилась и первая часть «Писемъ темныхъ людей».

«Письма» адресованы Ортуинусу Граціусу разнымъ темнымъ людомъ, учениками и его друзьями, т. е. противниками Рейхлина, гдѣ въ смѣшномъ видѣ рисуется ихъ невѣжество, глупость, а также безнравственность римскаго духовенства. Вопросы объ образованіи разбираются въ нихъ только со схоластическо-теологической точки зрѣнія; небольшое число классиковъ, допускаемыхъ въ то время въ схоластическія школы, комментируются самымъ страннымъ, варварскимъ способомъ; новыя вѣянія, отчасти занесенныя изъ Италіи, отчасти свои національныя, презрительно обзываются въ «Письмахъ» «мірскими». Содержаніе ихъ по большей части касается спора Рейхлина и Пфеферкорна или же соперничества старыхъ схоластиковъ съ молодыми учеными; самый стиль ихъ представляетъ злую пародію, а обороты языка напоминаютъ «собачью латынь», т. е. вульгарную конструкцію фразъ. Литературные и ученые вопросы часто разбираются въ «Письмахъ» очень курьезно. Такъ, первый по порядку корреспондентъ Ортуинуса Граціуса съ длиннымъ именемъ Томаса Лангшнейдеріуса и именующій Ортуинуса «поэтомъ, ораторомъ, философомъ, богословомъ и даже болѣе, если ему будетъ угодно», задаетъ слѣдующій трудный вопросъ:

«На-дняхъ здѣсь состоялся Аристотельскій обѣдъ, и доктора, лиценціаты и учителя, всѣ были очень радостно настроены и я тоже, и сперва мы выпили по три рюмки мальмсея... а затѣмъ намъ подали шесть блюдъ мяса, цыплятъ и каплуновъ и одно блюдо рыбы, и каждый разъ, какъ мы принимались за другое блюдо, мы выпивали то Котцбургскаго вина, то Рейнскаго, то Эмбекскаго и Тюрингскаго эля, а также и Нейбургскаго. И учителя были довольны и говорили, что ихъ угостили съ великимъ почетомъ. Потомъ всѣ стали разсуждать ученымъ образомъ о разныхъ важныхъ вопросахъ и одинъ спросилъ, какъ правильнѣе назвать magister nostrandus или noster magistrandus особу, достойную быть произведенной въ доктора теологіи. И тотчасъ же учитель Вармземмель, извѣстный за отличнаго филолога и преподающій восемнадцать лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ былъ дважды отвергнутъ и трижды устраненъ отъ

учительской степени, сказалъ и постановилъ, что мы должны называть noster magistrandus... Тогда учитель Андреасъ Деличъ, тоже очень ловкій и къ тому же полу-поэтъ, полу-артистъ, медикъ и юристъ и который теперь читаетъ «Овидія по метаморфозамъ» и объясняетъ всѣ басни аллегорически и буквально,—я и самъ былъ въ числѣ его слушателей, потому что онъ объясняетъ очень фундаментально,—дома же онъ читаетъ Квинтиліана и Ювенкуса, и онъ противопоставилъ Вармземмелю свое мнѣніе и сказалъ, что намъ нужно говорить magister nostrandus; какъ есть разница между magister noster и noster magister, такъ точно есть разница и между magister nostrandus и noster magistrandus, ибо доктора теологіи называютъ magister noster, а не noster magister, и въ доказательство тому онъ привелъ стихи Горація. Тогда учителя много и долго дивились его ловкости и одинъ даже выпилъ въ честь его кружку Нейбургскаго эля. А онъ разсмѣялся отъ всей души и, касаясь рукой шляпы, выпилъ за здоровье учителя Вармземмеля и сказалъ: «Не думайте, что я врагъ вашъ». На это учитель Вармземмель отвѣтилъ тѣмъ же и выпилъ большую рюмку, и учителя веселились, пока не ударилъ колоколъ къ вечернѣ».

Далѣе корреспондентъ торопитъ скорѣй прислать отвѣтъ на этотъ важный вопросъ. Подобная же сцена, только не такъ миролюбиво кончающаяся, описывается и въ другомъ письмѣ: магистръ Борнгарддусъ Плумеліусъ сообщаетъ Ортуинусу слѣдующее:

«Несчастна та мышь, у которой только одна щель, куда она можетъ скрыться. То же самое могу сказать я и про себя, наиуважаемый господинъ мой, ибо я былъ бы бѣденъ, если бы имѣлъ только одного друга, и, еслибъ сей другъ отсутствовалъ, некому было бы тогда пожалѣть меня. У меня вышелъ казусъ съ нѣкіимъ здѣшнимъ поэтомъ по имени Георгомъ Сибутусомъ; онъ мірской поэтъ и публично читаетъ поэзію, въ остальномъ—добрый малый. Но, какъ вамъ извѣстно, эти поэты, если они только не теологи, подобно вамъ, всегда любятъ порицать другихъ и презираютъ теологовъ. Однажды, когда мы пили у него Тюрингскій эль и просидѣли до «третьяго часа» *), эль сильно ударилъ мнѣ въ голову, но тѣмъ не менѣе я выпилъ полкружки въ честь одного сидѣвшаго тамъ, который не особенно дружелюбно ко мнѣ относился, и онъ принялъ. Но потомъ онъ не отвѣтилъ мнѣ тою же любезностью. Я спросилъ его объ этомъ, но онъ ничего не сказалъ и продолжалъ сидѣть молча. Тогда я подумалъ про себя: этотъ человѣкъ гордецъ и всегда будетъ враждебно относиться къ тебѣ. Я разсердился, схватилъ кружку и пустилъ ему въ голову. Тогда поэтъ обидѣлся на меня и сказалъ: такъ какъ я непристойно веду себя у него въ домѣ, то не угодно ли мнѣ убираться ко всѣмъ чертямъ. На это я возразилъ: «По какой причинѣ вы враждебно относитесь ко мнѣ? Что жь такое, что вы поэтъ? У меня есть друзья поэты, которые ничуть не хуже васъ, ego bene merdarem im vestram poltriam! Вы думаете, я дуракъ? Или родился подъ деревомъ, какъ яблоко?». Тогда онъ назвалъ меня осломъ и сказалъ, что я никогда и не видалъ поэтовъ. И я сказалъ: «Вы сами оселъ! Я видѣлъ поэтовъ больше, чѣмъ вы!»

*) Церковная молитва у католиковъ.

Поэтому, я прошу васъ, пришлите мнѣ стихотвореніе и я тогда покажу его этому поэту и другимъ и буду всѣмъ говорить, что вы мой другъ и сочиняете лучше, чѣмъ онъ».

Война противъ «мірскихъ» поэтовъ и юристовъ ведется всѣми корреспондентами. Одинъ корреспондентъ торопитъ Ортуинуса Граціуса написать ему, необходимо ли для вѣчнаго блаженства, чтобы школяры учили грамматику мірскихъ поэтовъ, каковы Виргилій, Туллій, Плиній и другіе, «ибо,—прибавляетъ онъ,—мнѣ кажется, это нехорошій методъ обученія».

«Я уже не разъ писалъ вамъ,—говоритъ другой,—что это сквернословіе, а именно поэзія, сдѣлалось общею и его можно встрѣтить по всѣмъ провинціямъ и округамъ. Въ мое время былъ только одинъ поэтъ, котораго звали Самуиломъ, теперь же въ одномъ здѣшнемъ городѣ ихъ наберется до двадцати; они досаждаютъ намъ. Недавно я поссорился съ однимъ такимъ, который говоритъ, что «scholaris» не должно означать особу, которая ходитъ въ училище подъ предлогомъ учиться; и я сказалъ: «Оселъ, неужели ты хочешь исправлять настоящаго доктора, который объяснилъ это слово?» Впрочемъ, онъ принадлежитъ къ единомышленникамъ Рейхлина. Здѣсь говорятъ, что всѣ поэты хотятъ подняться на защиту доктора Рейхлина. Было бы желательно, чтобы всѣ они отправились къ дьяволу, по крайней мѣрѣ, безъ нихъ жилось бы поспокойнѣе!».

Учитель Вильгельмъ Лампъ, «учитель искусствъ», шлетъ Ортуинусу Граціусу повѣствованіе о своихъ приключеніяхъ во время пути изъ Кёльна въ Римъ. Сперва онъ приходитъ въ Майнцъ, гдѣ его возмущаетъ та свобода, съ которой народъ толкуетъ о своей симпатіи къ Рейхлину, а когда онъ попробовалъ было вступить въ споръ, его осмѣяли и онъ рѣшилъ попридержать языкъ, такъ какъ почти всѣ жители носили при себѣ оружіе и посматривали очень гордо по сторонамъ. «Одинъ изъ нихъ графъ; онъ очень длинный и сѣдой, говорятъ, что онъ поднимаетъ одной рукой человѣка въ полномъ вооруженіи и кидаетъ его о земь и у него мечъ, какъ у гиганта; когда я увидалъ его, то прикусилъ языкъ». Въ Вормсѣ положеніе вещей оказалось не лучше: здѣсь тоже доктора неодобрительно отзывались о теологахъ. Выѣхавъ изъ Вормса, Лампъ и его компаньонъ, тоже теологъ, подверглись нападенію грабителей, которые потребовали у нихъ два флорина на выпивку. «Я далъ имъ денегъ,—пишетъ Лампъ,—и сказалъ: «Пейте, чортъ васъ возьми!». Больше съ ними ничего не произошло особеннаго до самаго Инсбурга, гдѣ они видѣли императорскій дворъ и армію.

Въ Мантуѣ, на родинѣ Виргилія и малоизвѣстнаго средневѣковаго латинскаго поэта Баптиста Мантуануса, Лампъ не могъ воздержаться, чтобы не выказать своей ненависти къ «мірскимъ» поэтамъ. Его спутникъ сказалъ: «Здѣсь родился Виргилій». Лампъ возразилъ: «Какое мнѣ дѣло до этого язычника? Мы лучше пойдемъ къ кармелитамъ и посмотримъ на Баптиста Мантуануса, который въ два раза лучше Виргилія, какъ мнѣ десять разъ говорилъ Ортуинусъ, и я разсказалъ ему, какъ вы однажды пожурили Донатуса, когда онъ замѣтилъ: «Виргилій былъ одинъ изъ самыхъ ученѣйшихъ поэтовъ», а вы ему отвѣтили: «Если бы Донатусъ былъ здѣсь, я сказалъ бы ему, что онъ лжетъ, такъ какъ Баптистъ Мантуанусъ гораздо выше Виргилія». Когда

мы пришли въ кармелитскій монастырь, намъ тамъ сообщили, что Баптистъ умеръ, поэтому я сказалъ: «Миръ его праху!». Затѣмъ мы продолжали свое путешествіе, зашли по пути въ Болонью, гдѣ въ то время жилъ извѣстный инквизиторъ Якобусъ Гохштратенъ, а оттуда пробрались во Флоренцію. Послѣ этого мы посѣтили много маленькихъ городковъ и, между прочимъ, Монте-Фласконъ, гдѣ пили великолѣпное вино, какого я никогда еще не пилъ во всю свою жизнь. Я спросилъ, какъ называется это вино, и мнѣ отвѣтили: «Лакримакристи». На это мой товарищъ сказалъ: «Хорошо было бы, если бы Христосъ плакалъ у насъ на родинѣ *)». Мы выпили изрядное количество, а черезъ два дня прибыли въ Римъ».

Во всѣхъ письмахъ разныхъ теологовъ и поэтовъ часто встрѣчается упоминаніе о спорѣ Рейхлина и Пфеферкорна. Нѣкоторые корреспонденты не только нападаютъ яростно на Рейхлина, но не щадятъ даже и самого Пфеферкорна. Такъ, одинъ говоритъ, что его евреи прогнали отъ себя за нечестивую жизнь, другой пишетъ, что всѣ евреи издаютъ зловоніе, а такъ какъ извѣстно, что Пфеферкорнъ продолжаетъ дурно пахнуть, подобно всякому еврею, то, очевидно, онъ не можетъ сдѣлаться никогда хорошимъ христіаниномъ. Нѣкоторые обращаются къ Ортуинусу за совѣтомъ по части трудныхъ теологическихъ вопросовъ. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ временно проживавшій въ Римѣ Энрикусъ Шафмуміусъ:

«Передъ тѣмъ какъ отправиться ко двору (папскому), вы просили меня почаще писать вамъ и присылать на ваше разсмотрѣніе теологическіе вопросы, которые вы можете разрѣшать лучше, чѣмъ всякій придворный. Въ силу этого, теперь осмѣливаюсь спросить васъ, какого вы будете мнѣнія, если кто-либо въ пятницу или въ какой-либо другой постный день, кушая яйцо, найдетъ въ немъ цыпленка. Однажды въ тавернѣ Кампофіоре, когда мы, благочестиво разговаривая, ѣли яйца, я, разбивъ одно яйцо, увидѣлъ въ немъ маленькаго цыпленка, котораго и показалъ моему товарищу, на что тотъ сказалъ: «Съѣшьте его поскорѣе, пока не замѣтилъ трактирщикъ, ибо, если онъ увидитъ, вы должны будете заплатить за него карлино или джуліо,—здѣсь такой обычай, что, если хозяинъ ставитъ что-нибудь на столъ, вы должны платить за все, потому что онъ ничего не принимаетъ обратно». Я поспѣшилъ тотчасъ проглотить яйцо вмѣстѣ съ находившимся тамъ цыпленкомъ, а затѣмъ вдругъ вспомнилъ, что сегодня пятница, и сказалъ моему пріятелю: «Вы заставили меня совершить смертный грѣхъ: я вкусилъ мяса въ пятницу». Но онъ возразилъ мнѣ, что это вовсе не смертный грѣхъ: зародышъ цыпленка не считается мясомъ, пока находится въ яйцѣ; это точно также, доказывалъ онъ, какъ если бы кто-либо, закусывая сыромъ, съѣлъ бы и червяковъ, находящихся иногда въ немъ, равно какъ и въ малинѣ, вишняхъ и другихъ плодахъ, которые, тѣмъ не менѣе, поѣдаются въ изобиліи и въ постные дни. Только трактирщики признаютъ это за мясо и то потому, что хотятъ больше нажить денегъ.

«Смущенный пошелъ я домой и долго раздумывалъ надъ этимъ обстоятельствомъ. Но per Deum! Магистръ Ортуинусъ, хоть я и много

*) «Lachrima Christi» буквально значитъ: «Слезы Христа».

размышлялъ, всетаки ни на чемъ не порѣшилъ. Идти къ какому-нибудь придворному я не рѣшился, такъ какъ не могу вполнѣ положиться на ихъ безпристрастіе. Мнѣ кажется, что молодые цыплята въ яйцахъ представляютъ изъ себя мясо, ибо матерія уже сформировалась и приняла видъ тѣла животнаго; это совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ черви, ибо ихъ причисляютъ къ породѣ рыбъ, какъ я слышалъ отъ одного ученаго натуралиста. Поэтому прошу васъ весьма серьезно отвѣтить мнѣ на этотъ вопросъ. Если я совершилъ смертный грѣхъ, то мнѣ хотѣлось бы получить въ немъ отпущеніе здѣсь, прежде чѣмъ вернуться въ Германію. Кромѣ того, сообщаю вамъ, что нашъ учитель Якобусъ Гохштратенъ получилъ изъ банка тысячу флориновъ, и я думаю, что съ этими деньгами ему удастся выиграть дѣло и отправить къ дьяволу Іоганна Рейхлина, а также другихъ поэтовъ и юристовъ, которые возстаютъ противъ Христовой церкви, т. е. противъ теологовъ, на которыхъ зиждется вся церковь, какъ сказалъ Спаситель: «Ты Петръ и на этомъ камнѣ воздвигну Свою церковь». Поручаю васъ Господу Богу. Прощайте. Послано изъ города Рима».

Нечего и говорить, что «Письма темныхъ людей» встрѣчены были гуманистами съ такимъ же восторгомъ, какъ и «Похвала глупости». Но интереснѣе всего было то обстоятельство, что нѣкоторые наивные схоластики злую иронію приняли за чистую монету и отзывались о книгѣ съ похвалой; зато лица, близко причастныя къ дѣлу,—кёльнскіе богословы и самъ Ортуинусъ,—были жестоко оскорблены и поспѣшили издать отвѣтъ, озаглавленный: «Плачи темныхъ людей» (Lamentationes obscurorum virorum), гдѣ выведены сторонники Рейхлина, горюющіе о неуспѣхѣ своей сатиры. Однако, отвѣтъ не подѣйствовалъ на общественное мнѣніе такъ, какъ «Письма», послѣ появленія которыхъ даже самимъ исходомъ спора публика почти совершенно перестала интересоваться. Чтобы сильнѣе подчеркнуть юморъ, съ которымъ написаны «Письма», въ народѣ въ то время былъ распространенъ анекдотъ, будто какой-то знаменитый ученый вылечился отъ внутренняго нарыва тѣмъ, что, получивъ книжку, до того сильно хохоталъ при ея чтеніи, что нарывъ лопнулъ самъ собой, и ученый избавился отъ грозившей ему смерти.

ГЛАВА II.

Жизнь Франсуа Рабле.

Франція въ эпоху Возрожденія.—Рожденіе Рабле и его дѣтскіе годы.—Жизнь въ францисканскомъ монастырѣ.—Научныя занятія.—Уходъ изъ монастыря. — Бродячая жизнь. — Университетъ въ Монпелье.— Анекдоты.—Жизнь въ Ліонѣ.—Изданіе классиковъ и первая книга «Гаргантюа».—Первое путешествіе въ Италію.—Возвращеніе въ Ліонъ.—Второе путешествіе въ Италію.—Жизнь въ Парижѣ.—Привилегія Франциска I.—Жизнь въ Метцѣ.—Возвращеніе въ Парижъ и смерть.

Гуманистическое движеніе перешло во Францію изъ Италіи въ концѣ XV столѣтія, когда арміи Карла VIII и Франциска I поочередно наводняли долины по ту сторону Альпъ и, отхлынувъ обратно, уносили къ себѣ на родину ту или другую черту заальпійской цивилизаціи. Ниже мы подробнѣе познакомимся съ Италіей въ эпоху

Возрожденія, теперь же скажемъ лишь, что она представляла удивительно привлекательную смѣсь ученой любознательности и свѣтскаго изящества. Эстетическое чувство проявлялось у итальянцевъ того времени во всемъ: въ домашнемъ комфортѣ, въ политикѣ, любви, наукѣ, литературѣ и философіи. Всѣ потребности облекались въ художественную форму, сама человѣческая жизнь рисовалась въ умахъ гуманистовъ въ видѣ веселаго праздника, не стѣсненная никакими нравственными оковами.

Когда народы Франціи въ первый разъ спустились съ Альпійскихъ вершинъ въ этотъ чудный цивилизованный уголокъ, они были поражены, ослѣплены, опьянены. Въ нихъ пробудилось новое представленіе о жизни, идущее въ разрѣзъ съ воззрѣніями подозрительнаго Людовика XI; имъ неудержимо захотѣлось имѣть своихъ Медичей, герцоговъ Урбанскихъ, Феррарскихъ, своихъ поэтовъ, философовъ, ученыхъ и, вернувшись, во Францію, они принесли съ собой и отголоски того возрожденія, но въ хаотическомъ безпорядкѣ, въ перепутанномъ и даже, пожалуй, искаженномъ видѣ.

Однако, толчекъ всетаки былъ данъ и постепенно, приблизительно въ началѣ царствованія Франциска I, онъ перешелъ въ движеніе. Элементы итальянскаго возрожденія къ этому времени начинаютъ усвоиваться и перерабатываться національнымъ французскимъ умомъ. Если французы уступаютъ итальянцамъ въ художественномъ чутьѣ, въ артистичности натуры, за то, вслѣдствіе своей горячности, они всѣ новооткрытыя идеи, всѣ изобрѣтенія старались осуществить, примѣнить на практикѣ скорѣй итальянцевъ.

Вначалѣ во всей этой сутолокѣ нельзя разобраться: всѣ теченія перемѣшиваются и перепутываются. Ученые и поэты группируются вокругъ Франциска I и сестры его, извѣстной писательницы, Маргариты Ангулемской. Всѣ снова принимаются за чтеніе римскихъ классиковъ, истинный смыслъ которыхъ только теперь начинаетъ улавливаться; жажда знаній доходитъ до того, что взрослые люди поступаютъ въ школы или, подобно Рабле, бѣгутъ изъ монастырей, чтобы на свободѣ изучать древніе, но для нихъ новые языки, какъ греческій и еврейскій. Появляются мученики науки вродѣ Петра Рамюса; доктора за недостаткомъ труповъ изучаютъ анотомію надъ трупами своихъ собственныхъ дѣтей, какъ, напримѣръ, Ронделе. Великій порывъ любознательности старается завоевать истину не только путемъ разсужденій, но и опытомъ.

Это великое, идейное движеніе Франціи ярче всего обнаружилось въ книгѣ, носившей названіе: «Достославная жизнь Великаго Гаргантюа». Первая книга «Гаргантюа» появилась въ 1532 году. Ея авторомъ былъ Франсуа Рабле, величайшій французскій сатирикъ эпохи Возрожденія, гуманистъ, искусный врачъ, полиглотъ, знатокъ древнихъ языковъ, изучившій право и естественныя науки.

Франсуа Рабле не любилъ распространяться о собственной особѣ, поэтому первые годы его жизни намъ мало извѣстны, даже самый годъ рожденія его точно не установленъ, и еще до сихъ поръ одни біографы утверждаютъ, что онъ родился въ 1488 году, другіе относятъ это важное событіе къ 1495 году и, наконецъ, третьи, вмѣстѣ съ Гюи Патеномъ, его первымъ біографомъ, жившимъ въ XVII столѣтіи, считаютъ годомъ рожденія Рабле 1490-ый.

Рабле родился въ маленькомъ городкѣ Шанонѣ, въ плодородной провинціи Турени, которая была колыбелью такихъ писателей Франціи, какъ Декартъ, Поль Курье, Ронсаръ и Бальзакъ. Его отецъ владѣлъ порядочнымъ виноградникомъ. До появленія на свѣтъ будущаго сатирика въ семьѣ его родителей было уже четверо здоровыхъ наслѣдниковъ. Первые годы ребенокъ проводилъ, какъ проводятъ и другія дѣти небогатыхъ родителей, т. е. безъ всякаго почти присмотра, гуляя по прекраснымъ живописнымъ окрестностямъ, запасаясь здоровьемъ и впечатлѣніями. Веселая мѣстность, близкое знакомство съ простымъ народомъ развили въ Франсуа тотъ добродушный юморъ, который потомъ никогда не покидалъ его и помогалъ переносить всѣ невзгоды жизни.

Когда мальчикъ подросъ, его отдали въ школу, находившуюся при Бометскомъ монастырѣ въ Анжерѣ. Монастырскія школы того времени могли дать очень немного, въ нихъ царила схоластическая система образованія; учениковъ заставляли наизусть зазубривать второстепенныхъ латинскихъ классиковъ, читали введеніе къ изученію права, Ветхій Завѣтъ, сочиненіе Августина Анконскаго о могуществѣ церкви и др. Кто могъ переварить эту кучу сухихъ сочиненій, тотъ дальше продолжалъ развиваться самостоятельно; у кого же голова не вмѣщала премудрости, тотъ сходилъ съ ума. Рабле перенесъ искусъ и не только не изсушилъ своего мозга, но, вкусивъ горькій корень древа познанія, разгорѣлся желаніемъ узнать его сладкіе плоды. Школа принесла ему двоякую пользу: во-первыхъ, пробудила въ немъ ничѣмъ ненасытимую жажду знанія, а во-вторыхъ, свела его съ лицами, которыя на всю жизнь остались его друзьями и, достигнувъ впослѣдствіи высокихъ положеній, не разъ выручали Рабле изъ бѣды.

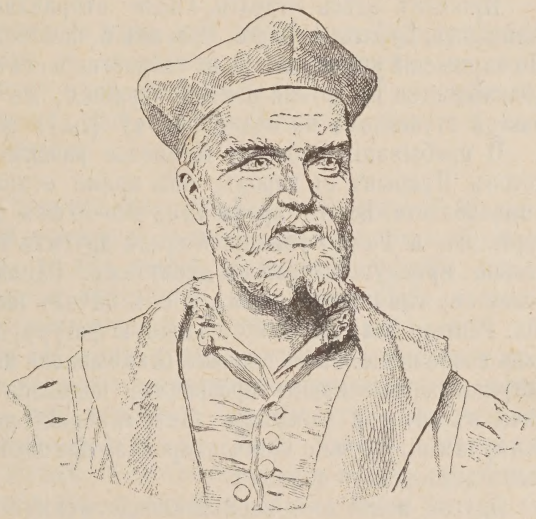
Анжеръ въ то время стоялъ на перепутьи, куда сходились нѣсколько дорогъ изъ разныхъ провинцій. Въ этотъ городъ пріѣзжали учиться юноши изъ Туреня, Бретани, Пуату, Вандеи. Такимъ образомъ, маленькій Франсуа, сынъ не титулованныхъ, бѣдныхъ родителей, въ школѣ, которая уравнивала всѣ происхожденія, подружился съ дворяниномъ Жофруа д'Эстиссакомъ и братьями дю-Беллэ, потомками крестоносцевъ.

По выходѣ изъ училища Франсуа, не имѣя надежды, какъ пятый сынъ, получить наслѣдство, къ тому же желавшій всецѣло отдаться наукѣ, поступилъ въ францисканскій монастырь въ Фонтене-ле-Контъ.

Но онъ впалъ въ ту же ошибку, какъ и Эразмъ: монахи не терпѣли науки и косо посматривали на молодого послушника, когда онъ долго засиживался въ монастырской библіотекѣ. Впрочемъ, братъ Рабле вскорѣ пересталъ заглядывать въ библіотеку: тяжелые теологическіе трактаты и диссертаціи мало интересовали его. При помощи своихъ друзей, Жофруа д'Эстиссака, теперь уже епископа Мельзэ, и нѣкоторыхъ другихъ, онъ досталъ себѣ латинскихъ и греческихъ классиковъ и съ жаромъ отдался ихъ изученію. Немного пообжившись, Рабле сошелся въ монастырѣ съ другимъ образованнымъ монахомъ, Пьеромъ Ами, и оба, тайно отъ остальной братіи, читали Аристотеля, Гомера, изучали еврейскій языкъ, право и медицину.

Въ этихъ работахъ ихъ поддерживали передовые люди города, Жанъ Бриссонъ, адвокатъ, и Андре Тирако, судья. Они переписывались также съ епископомъ Мельзэ и съ его кружкомъ гуманистовъ. Пьеръ

же Ами завязалъ даже сношенія съ Гильомомъ Бюде, замѣчательнымъ человѣкомъ той эпохи. Бюде называли французскимъ Эразмомъ. Онъ былъ оффиціальнымъ ученымъ при королевской особѣ, засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ и не разъ былъ назначаемъ въ разныя страны въ качествѣ посланника. По письмамъ Бюде къ Ами видно, что Рабле былъ ему извѣстенъ за хорошаго эллиниста, и онъ почти каждое свое посланіе заканчивалъ просьбою передать поклонъ «брату Франсуа». Вообще Рабле уже въ бытность свою въ монастырѣ успѣлъ съ хорошей стороны зарекомендовать себя въ гуманистическихъ кружкахъ, особенно послѣ изданія своего перевода первой книги Геродота. Тирако по этому поводу отзывается о переводчикѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Человѣкъ, искусный въ латинскомъ и греческомъ языкахъ и во всѣхъ наукахъ, сумѣвшій стать выше обычая, чтобы не сказать закоснѣлыхъ предразсудковъ, своего ордена».



Франсуа Рабле.
Съ бюста на памятникѣ въ Медонѣ.

Около же этого времени споръ Рейхлина съ Пфеферкорномъ насчетъ еврейскихъ книгъ взволновалъ всю Германію, и францисканцы, уже давно искавшіе удобнаго случая обличить Рабле въ ереси, воспользовались этимъ обстоятельствомъ и произвели въ его кельѣ обыскъ, съ цѣлью найти тамъ еврейскія или другія какія-либо запрещенныя книги. Дѣйствительно, у Рабле найдены были еврейскія и греческія книги, а также нѣкоторыя сочиненія Эразма. Надъ воображаемымъ еретикомъ наряженъ былъ судъ, который и приговорилъ его къ вѣчному заточенію, но сильные, вліятельные друзья Рабле не дали ему погибнуть и заставили монаховъ отпустить узника на волю. Впослѣдствіи францисканцы въ свое оправданіе разсказывали про Рабле и его друга Ами разныя небылицы, будто они опаивали братію какимъ-то настоемъ, который возбуждающе дѣйствовалъ на монаховъ и пробуждалъ въ нихъ нечистыя, грѣховныя желанія, а также что однажды въ праздникъ братъ Франсуа, снявъ статую св. Франциска съ пьедестала, самъ занялъ его мѣсто и позволилъ себѣ всякія непристойности, къ немалому соблазну молящихся.

Пятнадцать долгихъ лѣтъ провелъ Рабле въ монастырѣ; выбравшись, наконецъ, на волю, онъ съ радостью отрясъ монастырскій прахъ отъ ногъ своихъ и съ большимъ запасомъ надеждъ пустился въ странствованія по Франціи. Съ этихъ поръ для Рабле начинается кочевая, бродячая жизнь, которой онъ не оставляетъ до самой смерти. Первымъ

долгомъ онъ спѣшитъ посѣтить своихъ друзей и отправляется въ Линужъ, гдѣ жилъ въ то время епископъ Мельзэ. Здѣсь онъ устраивается въ должности епископскаго секретаря, вращается въ кружкѣ ученыхъ и поэтовъ, которыхъ любилъ собирать вокругъ себя епископъ. Но безпокойная натура и жажда насладиться вполнѣ полученной свободой толкаютъ Рабле на новыя странствованія и онъ, собравъ пожитки, уходитъ отъ гостепріимнаго епископа. Онъ начинаетъ обходить французскіе университеты и мимоходомъ рисуетъ намъ въ своемъ путевомъ альбомѣ цѣлую картину состоянія науки въ XVI вѣкѣ. Въ Бордо, по его словамъ, «учатся не много»; въ Тулузѣ онъ выучился «танцовать и фехтовать двумя руками», — обычай, сильно распространенный между студентами названнаго университета.

Пробывъ здѣсь недолго, Рабле отправляется далѣе и посѣщаетъ Авиньонъ, Буржъ, Анжеръ, Орлеанъ и, наконецъ, добирается до Парижа. Но парижскій университетъ не удовлетворяетъ его и онъ, не долго думая, отправляется на другой конецъ Франціи, въ Монпелье, гдѣ и записывается студентомъ по медицинскому факультету.

О пребываніи Рабле въ Монпелье разсказывается нѣсколько анекдотовъ. Прибывъ въ городъ, онъ прямо отправился въ актовый залъ университета. Въ это время тамъ кто-то изъ докторовъ защищалъ диссертацію, и Рабле, усѣвшись среди другихъ студентовъ, сталъ внимательно прислушиваться къ диспутамъ. Однако, обмѣнъ мнѣній показался ему слишкомъ вялымъ, и онъ началъ выказывать знаки нетерпѣнія. Ректоръ, замѣтивъ его солидную фигуру, пригласилъ ему высказать свои возраженія. Рабле сначала отказывался изъ скромности, но затѣмъ, уступая настойчивымъ просьбамъ, поднялся и произнесъ блестящую рѣчь, въ которой выказалъ такія глубокія медицинскія познанія, что вся аудиторія дружно зааплодировала пришельцу и признала его достойнымъ докторскаго диплома.

Другой, менѣе достовѣрный анекдотъ свидѣтельствуетъ, что Рабле уже въ то время пользовался репутаціей полиглота.

Какъ-то разъ университету нужно было возстановить привилегіи въ одномъ изъ своихъ колледжей. Съ этой цѣлью къ канцлеру Дюпра въ Парижъ отправили Рабле. Въ Парижѣ Рабле долгое время не удавалось увидѣть Дюпра. Тогда онъ рѣшился добиться аудіенціи другимъ путемъ и, надѣвъ на себя шутовской костюмъ, сталъ прохаживаться передъ окнами канцлера. Вскорѣ вокругъ него собралась громадная толпа любопытныхъ зѣвакъ, и на ихъ вопросы, кто онъ такой, Рабле отвѣтилъ, что пріѣхалъ сдирать шкуру съ быковъ, и если кто хочетъ, чтобы надъ нимъ была продѣлана такая же операція, пусть поторопится. Шумъ народа подъ окнами канцлера привлекъ его вниманіе, и онъ послалъ слугу спросить, что это за странная личность прохаживается возлѣ его дома.

Рабле отвѣтилъ слугѣ по-латыни; тотъ позвалъ клерка, знавшаго этотъ языкъ, но съ нимъ Рабле заговорилъ по-гречески; когда же появился человѣкъ, знавшій греческій языкъ, Рабле обратился къ нему на испанскомъ, затѣмъ на итальянскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и еврейскомъ. Дюпра заинтересовался имъ и велѣлъ привести его къ себѣ. Съ нимъ Рабле заговорилъ по-французски и въ длинной искусной рѣчи изложилъ канцлеру цѣль своей миссіи. Легенда

добавляетъ, что Дюпра, очарованный умомъ и краснорѣчіемъ Рабле, исполнилъ его просьбу и вернулъ прежнія привилегіи университету въ Монпелье.

Пробывъ въ Монпелье около двухъ лѣтъ, Рабле въ 1532 году перебирается въ Ліонъ и, познакомившись съ типографщикомъ Грифомъ, дѣятельно принимается за изданіе разныхъ сочиненій. Онъ печатаетъ «Афоризмы» Гиппократа, «Ars parva» Галена и «Медицинскія письма» Джіованни Макарди Феррарскаго, пишетъ ко всѣмъ тремъ изданіямъ предисловія и посвящаетъ ихъ тремъ своимъ друзьямъ: Тирако, епископу Мельзэ и Бушару.

Несмотря на бродяжническую жизнь, онъ не порываетъ связи съ кружками гуманистовъ и дѣятельно переписывается съ разными выдающимися лицами.

Между прочимъ, сохранилось одно его письмо къ Бернарду Салиньяку, личность котораго въ точности не установлена, но есть предположеніе, что это никто иной, какъ самъ Эразмъ Роттердамскій, приготовлявшій въ то время свой отвѣтъ Алеандру, который написалъ ѣдкую сатиру на Эразма.

Вотъ это письмо:

«Бернарду Салиньяку привѣтъ именемъ Христа Спасителя. Жоржъ д'Арманьякъ, достославный епископъ Родеза, недавно прислалъ мнѣ Флавія Жозефа и просилъ, во имя нашей давнишней дружбы, переслать его вамъ, какъ только я найду лицо, достойное довѣрія, отправляющееся въ ваше мѣстопребываніе. Я поспѣшилъ, мой отецъ по гуманизму, воспользоваться случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать услугой, пріятной вамъ, какое уваженіе и признательность питаю къ вамъ. Я сказалъ «мой отецъ», мнѣ слѣдовало бы сказать «моя мать», если бы я имѣлъ на то ваше разрѣшеніе. Какъ матери, питающія плодъ еще въ утробѣ и затѣмъ предохраняющія его отъ вредныхъ перемѣнъ атмосферы, такъ и вы охраняли и питали меня; вы воспитали лицо, совсѣмъ вамъ неизвѣстное, вы допустили меня къ обширнымъ сосцамъ вашего знанія, такъ что всѣмъ, чего я достигъ и чѣмъ сталъ, я обязанъ однимъ вамъ, и если бы этого не признавалъ, то былъ бы неблагодарнѣйшимъ существомъ. Привѣтъ еще разъ, дорогой отецъ, отецъ и честь родины, защитникъ литературы, помощникъ Геркулеса, непобѣдимый поборникъ истины.

«Я узналъ недавно отъ Иляра Бертульфа, съ которымъ нахожусь въ дружественныхъ отношеніяхъ, что вы готовите что-то противъ клеветъ Жерома Алеандра, подозрѣвая его въ изданіи брошюры, подписанной именемъ Скалигера. Не могу допустить, чтобы вы долѣе оставались неосвѣдомленнымъ насчетъ этого клеветника; Скалигеръ дѣйствительно существуетъ; онъ родомъ изъ Вероны, происходитъ изъ ссыльной семьи Скалигеровъ и сосланъ самъ. Теперь онъ практикуетъ въ качествѣ медика въ Аженѣ. Онъ мнѣ хорошо извѣстенъ; у него есть нѣкоторыя свѣдѣнія по части медицины; во всемъ остальномъ же этотъ человѣкъ не заслуживаетъ никакого уваженія и атеистъ, какихъ еще свѣтъ не производилъ. Мнѣ не пришлось читать его книги, за все это время сюда не дошло ни одного экземпляра; это даетъ поводъ предполагать, что ваши друзья въ Парижѣ изъяли ее изъ обращенія».

Несмотря на дѣятельное изданіе книгъ и на связи съ богатыми друзьями, Рабле всетаки часто нуждался въ деньгахъ; чтобы хоть чѣмъ-нибудь помочь горю, онъ началъ издавать альманахи.

Въ то время альманахи замѣняли теперешніе газетные фельетоны; въ нихъ помѣщались разсказы, сообщались научныя новости и составлялись предсказанія на будущій годъ. Рыцарскія приключенія, повѣствованія о великанахъ были еще въ большомъ ходу среди народа, и Рабле, чтобы его книга побольше покупалась, назвалъ ее альманахомъ Пантагрюеля. Пантагрюель былъ любимымъ героемъ народной легенды и обладалъ громадной силой.

Необычайный успѣхъ этого альманаха,—«его въ одинъ мѣсяцъ разошлось больше, чѣмъ Библій въ девять лѣтъ», говорилъ самъ авторъ,—натолкнулъ Рабле на мысль написать большой романъ, повѣствующій о похожденіяхъ Гаргантюа и его сына Пантагрюеля. Кромѣ того, его плѣняла также и та мысль что въ простомъ народномъ разсказѣ подъ видомъ шутки ему позволятъ больше сказать, чѣмъ въ ученомъ спеціальномъ сочиненіи.

Однако, Рабле не придавалъ большого литературнаго значенія своему новому сочиненію и еще менѣе мечталъ обезсмертить имъ свое имя; онъ, главнымъ образомъ, руководился цѣлью поправить свои разстроенные финансы. Въ 1532 году онъ издалъ первую книгу «Гаргантюа», которая сразу же пріобрѣла множество поклонниковъ и враговъ. Ее читали, надъ ней хохотали,—она сдѣлалась необходимой принадлежностью каждаго дома.

Тѣмъ не менѣе Сорбонна объявила ее безнравственной и хотѣла добиться ея запрещенія. Положеніе автора становилось щекотливымъ и онъ не избѣгъ бы, вѣроятно, нападковъ докторовъ Сорбонны, если бы одинъ изъ его школьныхъ товарищей, парижскій епископъ дю-Беллэ, по дорогѣ въ Италію не заѣхалъ за нимъ и не взялъ его съ собою въ качествѣ домашняго врача.

Первое пребываніе Рабле въ Италіи было очень кратковременно, и онъ не могъ поэтому изучить ни Рима, ни его древностей, за то ему пришлось близко соприкасаться съ папскимъ дворомъ, и это пригодилось ему впослѣдствіи при сочиненіи слѣдующихъ книгъ его сатирическаго романа. Но легенда всетаки воспользовалась посѣщеніемъ Рима, чтобы придумать нѣсколько анекдотовъ о веселомъ авторѣ «Гаргантюа».

Разсказываютъ, что когда епископъ дю-Беллэ, привѣтствуя папу, по обычаю поцѣловалъ ему туфлю, то Рабле, присутствовавшій въ числѣ прочей свиты, замѣтилъ: «Если такой сановникъ Франціи удостоивается цѣловать только папскую туфлю, то ему, безвѣстному врачу, остается цѣловать его святѣйшество въ мѣсто пониже спины, конечно, предварительно вымытое».

Другой разъ папа разрѣшилъ Рабле просить у него милости. Рабле попросилъ отлучить себя отъ церкви и, когда удивленный папа спросилъ, какая тому причина, Рабле отвѣтилъ: «Святой отецъ, я французъ и происхожу изъ маленькаго городка Шинона, въ которомъ уже много людей было сожжено на кострѣ, даже и изъ числа моихъ родныхъ; мнѣ же не хотѣлосьбы, ваше святѣйшество, быть сожженнымъ живымъ, а это возможно, лишь заручившись вашимъ проклятіемъ. По

дорогѣ изъ Парижа сюда мы съ епископомъ страшно продрогли и зашли въ хижину какой-то бѣдной женщины обогрѣться. Чтобы развести огонь, она надергала изъ постели соломы и подожгла ее, но солома не разгоралась. Въ отчаяніи, женщина воскликнула: «Видно эта солома проклята папою, что не горитъ!». Огня мы такъ и не дождались, но зато я узналъ, какъ можно спастись отъ сожженія».

По возвращеніи своемъ изъ Италіи Рабле былъ назначенъ врачемъ въ Ліонъ, съ жалованьемъ сорокъ ливровъ въ годъ. Казалось бы, что Рабле, получая приличный окладъ и доходы отъ продажи своихъ альманаховъ и «Гаргантюа», долженъ былъ бы успокоиться и зажить мирнымъ буржуа, но на самомъ дѣлѣ вышло иначе. Его безпокойная натура мѣшала ему долго оставаться на одномъ мѣстѣ и онъ нѣсколько разъ уѣзжалъ изъ Ліона для свиданія съ разными близкими друзьями. Въ одну изъ такихъ отлучекъ больничный совѣтъ отказалъ Рабле отъ должности и взялъ вмѣсто него другого врача.

Отставка несомнѣнно пессимистически подѣйствовала бы на веселаго автора «Гаргантюа», если бы въ томъ же 1535 году епископъ дю-Беллэ не отправился снова въ Римъ къ новому папѣ Павлу III и не захватилъ съ собою Рабле. Во второй разъ Рабле провелъ въ Италіи около полугода и дѣятельно переписывался съ епископомъ Мельзэ.

Въ этихъ письмахъ часто упоминается о предстоящемъ пріѣздѣ въ Римъ Карла V, о приготовленіяхъ, которыя дѣлаетъ папа, чтобы съ честью принять могущественнаго императора. Такъ, мы узнаемъ изъ нихъ, что папа уступилъ для гостя половину своего дворца, а для слугъ весь бургъ св. Петра и заказалъ три тысячи кроватей, множество провизіи и вина. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Рабле говоритъ, что онъ изучаетъ арабскій языкъ, знакомится съ нравами и обычаями римскихъ жителей и съ самимъ городомъ. Онъ занимается усердно ботаникой и пересылаетъ своему другу сѣмена рѣдкихъ растеній.

Своимъ пребываніемъ въ Римѣ Рабле воспользовался, чтобы подать просьбу папѣ и хоть какъ-нибудь загладить репутацію вѣроотступника. Онъ искренно признается папѣ, что самовольно оставилъ францисканскій монастырь, велъ бродячую жизнь и что, въ виду приближающейся старости, хотѣлъ бы поселиться въ какомъ-нибудь бенедиктинскомъ монастырѣ и приносить монахамъ посильную помощь своимъ врачебнымъ искусствомъ. Его просьбу поддержали нѣсколько вліятельныхъ кардиналовъ, и папа согласился исполнить ее, давъ ему свою грамату.

Въ апрѣлѣ 1536 года въ Римъ прибылъ императоръ Карлъ V. Тріумфальное шествіе отъ Неаполя, блестящій пріемъ, оказанный ему Павломъ III, ослѣпили тщеславнаго императора и онъ, забывъ свою сдержанность, въ торжественной рѣчи высказалъ въ присутствіи пословъ всѣхъ европейскихъ дворовъ самыя затаенныя надежды и замыслы. Въ этой рѣчи онъ больше всего оскорбилъ Францію и Франциска I. Кардиналъ дю-Беллэ, присутствовавшій при пріемѣ Карла, немедленно рѣшилъ донести своему королю о горделивыхъ замыслахъ императора и, переодѣвшись въ простое платье, незамѣтно скрылся изъ Рима.

Въ виду поспѣшности своего отъѣзда дю-Беллэ не могъ взять съ собой Рабле, и поэтому докторъ отправился въ Парижъ одинъ. Разсказываютъ, что, прибывъ въ Ліонъ безъ денегъ, Рабле, чтобы хоть какъ-ни-

будь добраться до Парижа, придумалъ слѣдующую шутку. Онъ собралъ нѣсколько разноцвѣтныхъ тряпочекъ и, придя въ первую гостинницу, потребовалъ себѣ лучшую комнату, грамотнаго мальчика, вина и хлѣба. Затѣмъ, пока еще никто не вошелъ къ нему, онъ досталъ изъ камина золы, завернулъ ее въ разноцвѣтныя тряпочки и, когда явился мальчикъ съ перомъ и чернилами, Рабле велѣлъ приготовить нѣсколько билетиковъ и написать слѣдующія слова: на одномъ «Ядъ, чтобы отравить короля», на другомъ «Ядъ, чтобы отравить королеву», на третьемъ «Ядъ, чтобы отравить дофина» и такъ далѣе, до послѣдняго члена королевской фамиліи. Приклеивъ билетики къ мѣшечкамъ съ золой, онъ приказалъ мальчику хранить въ тайнѣ все, что онъ здѣсь писалъ, и не разсказывать о видѣнномъ; потомъ, спрятавъ все въ чемоданъ, принялся за обѣдъ.

Мальчикъ, понятно, тотчасъ по выходѣ отъ страшнаго отравителя все разсказалъ матери, а та предупредила городского старшину, и Рабле былъ схваченъ и немедленно доставленъ въ Парижъ на казенный счетъ. Тамъ онъ потребовалъ, чтобы его отвезли къ королю, которому онъ имѣетъ сообщить важныя вещи. Король, конечно, тотчасъ узналъ Рабле и, когда мнимый отравитель разсказалъ свою исторію и высыпалъ передъ нимъ пакетики съ золой, король долго смѣялся его находчивости.

Эта исторія, вѣроятно, придумана, потому что трудно повѣрить, чтобы Рабле, добравшись до Ліона, гдѣ онъ такъ долго жилъ и гдѣ у него было много друзей, не могъ занять денегъ у кого-нибудь на дорогу до Парижа.

Когда Карлъ V двинулся съ пятидесяти-тысячной арміей на Францію, Францискъ послалъ противъ него Монморанси, а спустя нѣкоторое время отправился лично въ дѣйствующую армію, оставивъ Парижъ, которому грозила опасность со стороны герцога Нассаускаго, на попеченіе кардинала дю-Беллэ. Рабле дѣятельно помогалъ кардиналу въ его работахъ по укрѣпленію города, а когда опасность миновала, снова уѣхалъ въ Монпелье и въ продолженіе 1537—1538 года читалъ тамъ лекціи по анатоміи.

Рабле одинъ изъ первыхъ профессоровъ, читавшій лекціи надъ трупомъ. Въ собраніи латинскихъ стихотвореній Доле, напечатанныхъ въ Ліонѣ въ 1530 году, есть эпитафія на смерть висѣльника, котораго вскрывалъ Рабле въ присутствіи множества студентовъ. Рѣчь ведется отъ самого повѣшеннаго; онъ радуется, что послужилъ на пользу науки, вмѣсто того, чтобы быть добычею вороновъ и игрушкой вѣтра. Онъ жалѣетъ также, что его товарищъ по висѣлицѣ ничего не могъ дать новаго аудиторіи, потому что врачъ, анатомировавшій его, былъ такъ невѣжественъ и несвѣдущъ, что самъ казался холоднымъ, нѣмымъ мертвецомъ.

Гуманизмъ, сперва расцвѣтшій пышнымъ цвѣтомъ, теперь переживалъ тяжелую пору. Въ первые годы царствованія Францискъ, поддерживаемый своей просвѣщенной сестрой Маргаритой, королевой Наваррской, и братьями дю-Беллэ, охотно поощрялъ гуманистовъ и ограничивалъ власть схоластическихъ теологовъ Сорбонны, но затѣмъ, поддавшись вліянію матери и герцога Монморанси, сталъ вести двойную политику и, стараясь заслужить дружбу папы, позволилъ притѣснять

всѣхъ свободомыслящихъ людей, отказался отъ поддержки протестантовъ и все чаще и чаще уступалъ требованіямъ Сорбонны. Гоненія открылись—и многіе образованные и талантливые люди погибли на кострѣ.

Рабле, вѣроятно, раздѣлилъ бы участь другихъ, если бы братья дю-Беллэ, пользовавшіеся благосклонностью короля, не заступились за него и не выхлопотали ему королевской привилегіи печатать какія угодно сочиненія. Рабле воспользовался этимъ разрѣшеніемъ и поспѣшилъ выпустить новыя изданія трехъ книгъ своего романа и немедленно сталъ приготовлять къ печати четвертую.

Еще въ 1539 году Рабле поступилъ на службу къ Гильому дю-Беллэ, старшему брату кардинала дю-Беллэ, и жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Пьемонтѣ до самой смерти этого умнаго дипломата.

Когда здоровье Франциска I пошатнулось, Рабле, несмотря на то, что имѣлъ его привилегію и пользовался доходомъ съ небольшого прихода, доставленнаго ему кардиналомъ дю-Беллэ, побоялся оставаться во Франціи и въ началѣ 1596 года переѣхалъ на жительство въ Метцъ, гдѣ занялъ мѣсто врача при городской больницѣ.

Здѣсь онъ прожилъ до вступленія на французскій престолъ Генриха II, который тотчасъ окружилъ себя другими людьми и заставилъ дю-Беллэ покинуть Францію. Самыми приближенными лицами къ новому королю были Гизы, коннетабль Монморанси и его племянники Шатильоны. Рабле какимъ-то образомъ сумѣлъ такъ устроиться, что Гизы не только благосклонно отнеслись къ нему, но и выхлопотали привилегію Генриха II вродѣ той, которая была ему дана Францискомъ. Вскорѣ затѣмъ Гизъ купилъ землю въ Медонѣ и назначилъ Рабле кюре медонскаго прихода. Здѣсь Рабле, какъ гласитъ преданіе, относился весьма добросовѣстно къ своимъ священническимъ обязанностямъ, училъ дѣтей катехизису, говорилъ блестящія проповѣди, посѣщалъ больныхъ и бѣдныхъ.

Въ 1552 году онъ выпустилъ четвертую книгу «Пантагрюеля», которая, несмотря на королевскую привилегію, вызвала бурю негодованія со стороны Сорбонны и другихъ теологовъ. Однако, лицамъ, покровительствовавшимъ ему, и на этотъ разъ удалось спасти Рабле.

Въ томъ же 1552 году онъ переѣхалъ въ Парижъ, а черезъ годъ его уже не стало на свѣтѣ.

О смерти его ходятъ безчисленные анекдоты. Разсказываютъ, что передъ смертью онъ надѣлъ на себя какой-то балахонъ вродѣ домино, намекая этимъ на выраженіе изъ Апокалипсиса Beati qui in Domino moriuntur. Затѣмъ, увидѣвъ входившаго къ нему священника со Св. Дарами, проговорилъ: «Я вижу Господа, въѣзжающаго на ослѣ въ Іерусалимъ». Пажу, который пришелъ отъ кардинала дю-Беллэ справиться о его здоровьѣ, онъ сказалъ: «Передай монсиньору, что ты видѣлъ. Я отправляюсь искать великую неизвѣстность. Она находится въ гнѣздѣ сороки, а тебѣ же могу сказать, что ты навсегда останешься дуракомъ». Наконецъ передъ тѣмъ, какъ испустить духъ, Рабле, собравъ всѣ силы, разсмѣялся и прошепталъ: «Спускайте занавѣсъ; фарсъ конченъ».

Съ другой стороны, нѣкоторые писатели утверждаютъ, что Рабле искренно покаялся и умеръ, какъ подобаетъ доброму христіанину. Кому больше вѣрить? Рабле является какимъ-то двуликимъ Янусомъ; когда

смотришь на него съ одной стороны, онъ представляется серьезнымъ докторомъ, восхищающимъ людей своими обширными знаніями; зайдешь съ другой, увидишь шута, буффона, осмѣивающаго все и вся. Въ многочисленныхъ эпитафіяхъ, посвященныхъ Рабле какъ врагами, такъ и его друзьями, это противорѣчіе сказалось всего сильнѣе. Одни приравнивали его къ Демокриту, превозносили его удивительную способность находить въ каждомъ человѣкѣ смѣшныя стороны, другіе называли Рабле пьяницею, атеистомъ, шутомъ.

Если современники Рабле не могли понять его, то теперь, спустя болѣе чѣмъ триста лѣтъ, еще труднѣе возстановить его точный характеръ и остается лишь предположить, что это была дѣйствительно загадочная натура съ геніальными странностями, громадными способностями, съ удивительной мощью мысли и взрывами ничѣмъ неудержимой веселости.

ГЛАВА III.

Сатирическія сочиненія Рабле.

Оригинальность Рабле, какъ писателя. — «Гаргантюа». — «Пантагрюель». — Критическій обзоръ его произведеній.

При поверхностномъ чтеніи романа «Гаргантюа» невольно возникаютъ разные вопросы касательно его автора. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что гуманистъ XVI вѣка, притомъ не принимавшій никакого участія въ реформаціонномъ движеніи, говоритъ простонароднымъ языкомъ, будучи ученымъ, прикидывается сумасшедшимъ и, взявъ на себя роль романиста, не разсказываетъ ни одного любовнаго приключенія, въ странѣ, гдѣ любовь споконъ вѣка служила главной темой всѣхъ беллетристическихъ произведеній? Что же это? Чудовище ли, порожденное эпохою Возрожденія, или простая «ловкость рукъ», фокусъ, продѣлываемый Рабле на удивленіе современниковъ и потомковъ?

Однако, при ближайшемъ знакомствѣ съ его произведеніемъ всѣ эти вопросы разрѣшаются сами собой. Рабле во всѣхъ отношеніяхъ сынъ своего вѣка. Искусство эпохи Возрожденія, воспринявъ традиціи древней Эллады, считало достойнымъ сюжетомъ только человѣка. Рабле, слѣдуя этому вліянію своего времени, описалъ человѣка и человѣческую жизнь. Вся оригинальность его состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ совмѣщалъ въ себѣ многочисленныя и разнообразныя способности, рѣдко соединяющіяся въ одномъ человѣкѣ. Въ одно и то же время онъ былъ ученый и поэтъ. Конечно, въ учености съ нимъ могли соперничать многіе современники, а въ поэтическомъ дарованіи, въ силѣ фантазіи превосходили его двадцать другихъ поэтовъ, не говоря уже о Шекспирѣ. Но зато никто изъ всѣхъ гуманистовъ не обладалъ въ одно и то же время такой могучей фантазіей и всесторонней образованностью.

Въ немъ фантазія опиралась на науку, а мудрость сочеталась съ веселостью. Отсюда его достоинства и недостатки. Онъ не можетъ предаваться пустымъ мечтаніямъ, которыя личное волненіе переносятъ на окружающую обстановку; красоту онъ понимаетъ не какъ внѣшній факторъ, настраивающій душу на извѣстный ладъ, но разсматриваетъ

ее по степени приносимой ею пользы, въ чемъ близко сходится съ нашимъ русскимъ крестьяниномъ.

Вотъ отчего онъ не стѣсняется взвѣшивать, исчислять, измѣрять и, чтобы лучше видѣть предметы, часто придаетъ имъ гигантскую форму; вотъ почему онъ ни разу не взялся за перо съ цѣлью описать любовь.

Да и что такое любовь? Рабле понималъ подъ этимъ словомъ размноженіе рода, любви же романической, страдающей онъ не признаетъ. Меланхолія не въ его характерѣ, страданіе же казалось ему простымъ диссонансомъ въ чудной гармоніи вселенной.

Къ тому же, не надо упускать изъ виду, что Рабле взялся описать намъ человѣка, жизнь, а не любовь, то чувство, которое, по выраженію Пушкина, обладаетъ «мучительной отрадой и небесною тоской». Если онъ и упоминаетъ про нее, то только перечисляя другія человѣческія глупости. Рабле—философъ, и за человѣческой комедіей показываетъ намъ битву идей, теорій и, наконецъ, въ самой дали величіе вселенной.

Чтобы выполнить такую задачу, надо быть вмѣстѣ поэтомъ и ученымъ. Мертвый, чужой языкъ непригоденъ для такого сочиненія; для его грандіозной пестрой картины нужны новыя кисти, сочныя краски. Надо дать иллюзію жизни, сообщить каждой фигурѣ движеніе, а для этого латинскій языкъ, несмотря на все свое совершенство, не годился, и Рабле воспользовался французскимъ народнымъ, какъ наиболѣе развитымъ и менѣе всего стѣсняющимъ бытового писателя; когда же и тутъ не хватало словъ, онъ прибѣгалъ къ звукоподражанію, къ междометіямъ.

Для усиленія впечатлѣнія онъ не брезгуетъ никакими мелочами, никакою грязью и далеко оставляетъ за собою позднѣйшихъ фламандскихъ художниковъ въ изображеніи будничной жизни. Именно за эту небрезгливость Рабле и подвергается гоненіямъ многихъ критиковъ. Дѣйствительно, у Рабле много цинизма, скабрезностей, но этотъ цинизмъ, эта скабрезность не смакуются имъ, а вызываютъ у него и у читателя здоровый смѣхъ. Еще вопросъ, что лучше: иронически ли разсказывать неприличныя сцены, или, слюняво пришепетывая, дѣлать сальные намеки, получившіе право гражданства въ нашихъ книгахъ и театральныхъ фарсахъ? Къ тому же, нельзя забывать, что на рубежѣ XVI вѣка грубость и цинизмъ были сильно распространены какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Рабле въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія.

Непристойности, разсказываемыя во французскихъ средневѣковыхъ фабліо, позднѣе перешли въ новеллы Баккаччіо и королевы Маргариты Наваррской, которыми зачитывались всѣ классы общества, и когда появился «Гаргантюа», на скабрезную сторону содержанія никто не обратилъ вниманія, никому и въ голову не пришло обвинять автора въ выборѣ неприличныхъ выраженій. Таковъ ужь былъ вѣкъ!

Народъ мыслитъ образами. Свою мудрость, свой жизненный опытъ онъ формулируетъ въ пословицы и притчи. Эту характерную особенность Рабле усвоилъ какъ нельзя лучше и, выражаясь народнымъ языкомъ, широко пользовался народными пословицами, стараясь каждой мысли, каждой новой идеѣ придать образность и жизненность. Но,

поддѣлываясь подъ народный духъ, слогъ Рабле никогда не кажется вымученнымъ; потокъ остротъ, пословицъ и поговорокъ выливается изъ подъ пера самъ собой, безъ всякихъ потугъ со стороны автора «Гаргантюа» и притомъ въ такомъ же подавляющемъ изобиліи, какъ метафоры и сравненія у Шекспира. На протяженіи пяти книгъ мы нигдѣ не встрѣтимъ отвлеченныхъ разсужденій. Поученіе у него всегда является въ формѣ анекдота. Желая, напримѣръ, изложить свои взгляды на воспитаніе дѣтей, онъ не пишетъ ученаго трактата по этому поводу, а разсказываетъ постепенное развитіе Гаргантюа подъ руководствомъ Понократа съ такими подробностями, что читатель наглядно знакомится съ преимуществами разумнаго воспитанія передъ схоластическимъ. Откройте наудачу его книгу, вы тамъ найдете длинноты, скучныя перечисленія, но ни одной сухой диссертаціи. Вездѣ и всюду онъ старается такъ или иначе перенести свои идеи на дѣйствующихъ лицъ и, если ихъ не хватаетъ, онъ создаетъ символическія фигуры. Страсть къ послѣднимъ, то есть къ символамъ, является однимъ изъ главныхъ недостатковъ Рабле. Желая воплотить каждую идею, онъ впадаетъ въ аллегоріи. Это особенно замѣтно въ послѣднихъ книгахъ романа, когда фантазія у него съ годами нѣсколько поблекла. Нѣкоторые острова, посѣщаемые Панургомъ, представляютъ лишь холодныя, неинтересныя абстракціи, а королевство Квинтъ-Эссенціи даже прямо нагоняетъ смертельную скуку. Метафора, которая ѣстъ, пьетъ, гуляетъ, не можетъ замѣнить живую личность и напоминаетъ лишь ходячаго автомата.

Однако, воздержимся пока отъ дальнѣйшей критики романа Рабле, а займемся сначала его пересказомъ.

Въ прологѣ, посвященномъ пьяницамъ и развратникамъ, Рабле сравниваетъ свое сочиненіе съ силенами. Силенами же въ древней Греціи назывались маленькія аптечныя коробочки, грубо размалеванныя снаружи, но содержавшія внутри драгоцѣнныя цѣлебныя вещества, какъ, напримѣръ, амбру, мускусъ и самоцвѣтные камни. Такимъ силеномъ является сочиненіе Рабле. «Знайте, что цѣлебныя вещи, скрытыя въ ней, стоятъ гораздо дороже, чѣмъ можно подумать при взглядѣ на ея наружную оболочку, т. е. это значитъ, что трактуемыя въ ней идеи вовсе не такъ безумны, какъ показываетъ ея названіе.

«Предположимъ даже, что вы найдете тамъ смѣшныя и веселыя исторіи, всетаки не останавливайтесь долго на нихъ, какъ при звукѣ сладкаго пѣнія сиренъ, но продолжайте читать дальше, пока васъ не охватитъ сердечный трепетъ.

«Присматривались ли вы когда-нибудь къ собакѣ, нашедшей берцовую кость? Собака, какъ утверждаетъ Платонъ, самое философское животное въ мірѣ. Если вы имѣли случай наблюдать ее, то, вѣроятно, замѣтили, какъ старательно бережетъ она эту кость, съ какой заботливостью прячетъ ее, съ какою тщательностью устанавливаетъ ее между передними лапами, съ какой осторожностью разгрызаетъ и съ какимъ усердіемъ высасываетъ ее. Что же заставляетъ ее поступать такъ? Какая надежда руководитъ ею? Для чего она работаетъ? Единственно для того, чтобы достать немного мозгу. Но это малое слаще многаго другого, такъ какъ, по утвержденію Галена, мозгъ есть самая совершенная пища.

«По примѣру этой собаки и вамъ подобаетъ быть мудрыми, чтобы прочувствовать и оцѣнить эти прекрасныя книги высокаго достоинства, хотя и легкія на видъ. Затѣмъ путемъ любознательнаго изученія и частаго размышленія вы должны разгрызть кость и высосать содержащійся въ ней мозгъ. Этими пиѳагорейскими символами я намекаю на то, что чтеніе должно принести вамъ пользу, такъ какъ по окончаніи его передъ вами поднимется завѣса, скрывающая отъ глазъ тайны, которыя окружаютъ нашу религію, политику и экономическую жизнь».

Въ доказательство серьезности содержанія своей книги авторъ говоритъ, что писалъ ее на досугѣ, во время обѣда или за бутылкой вина, а это время Гомеромъ считается самымъ удобнымъ для писанія о высокихъ матеріяхъ.

Заглавіе первой книги слѣдующее: «Достославная жизнь великаго Гаргантюа, отца Пантагрюеля, нѣкогда описанная М. Алкофрибасомъ, искателемъ Квинтъ-Эссенціи».

Начиная генеалогію своего героя, Рабле съ первыхъ же строкъ отвлекается въ сторону. «Хорошо было бы, — говоритъ онъ,—если бы каждый зналъ свою родословную, начиная съ выхода изъ Ноева ковчега до сего времени». По его мнѣнію, многіе короли, герцоги, принцы и папы происходятъ отъ лакеевъ и, наоборотъ, большинство нищихъ ведутъ свой родъ по прямой линіи отъ королей и императоровъ.

«А чтобы вы могли составить понятіе обо мнѣ, то скажу вамъ, что я, навѣрное, происхожу отъ какого-нибудь богатаго короля или древняго принца, потому что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который сильнѣе меня хотѣлъ бы сдѣлаться королемъ или богачемъ, чтобы ничего не дѣлать, ни о чемъ не заботиться, а лишь обогащать своихъ друзей и людей науки».

Генеалогическое древо Гаргантюа можетъ быть съ точностью возстановлено, благодаря найденному древнему документу, начало котораго, къ сожалѣнію, съѣли крысы. Однако, мы не станемъ перечислять длинный рядъ предковъ Гаргантюа, а начнемъ прямо съ его родителей.

Отецъ Гаргантюа Грангузье былъ большимъ весельчакомъ въ свое время, не прочь былъ выпить, какъ подобаетъ мужчинѣ, и охотно истреблялъ соленыя закуски. Въ силу этого у него въ погребѣ всегда хранились богатые запасы вина, а на кухнѣ постоянно заготовлялись любимыя кушанья. Во цвѣтѣ лѣтъ онъ женился и взялъ себѣ въ подруги прекрасную Гаргамелу, которая вскорѣ забеременила и носила ребенка подъ сердцемъ ровно *одиннадцать* мѣсяцевъ.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что современные критики утверждаютъ, будто подъ выведенными Рабле героями скрываются дѣйствительные люди: такъ подъ Грангузье сатирикъ подразумѣвалъ Людовика XII, подъ Гаргамелой—Марію Англійскую, Гаргантюа, по ихъ мнѣнію, никто иной, какъ самъ Францискъ I, а Пантагрюель — Генрихъ II, въ лицѣ же Панурга онъ изобразилъ кардинала Амбуазскаго и т. д.

Но возвратимся къ нашему разсказу. Въ одинъ прекрасный день, когда Грангузье съ близкими ему лицами выпивалъ и закусывалъ на лонѣ природы, его молодая жена, ни въ чемъ не отстававшая отъ своего супруга, вдругъ почувствовала себя дурно и, уйдя отъ гостей, разрѣшилась отъ беремени мальчикомъ. Однако, ребенокъ родился не

обыкновеннымъ путемъ, а черезъ ухо и тотчасъ громкимъ голосомъ завопилъ: «Пить, пить!».

«Сомнѣваюсь, чтобы вы повѣрили этому странному рожденію. Впрочемъ, мнѣ все равно, не вѣрьте. Скажу только, что порядочный человѣкъ всегда вѣритъ тому, что ему говорятъ и что онъ читаетъ. Почему вы не вѣрите? Можетъ быть, потому, что это очень невѣроятно? А я вамъ скажу, что въ этомъ случаѣ вы можете повѣрить. Недаромъ же сорбонисты говорятъ, «что вѣра есть аргументъ невѣроятныхъ вещей».

Далѣе Рабле приводитъ изъ миѳологіи рядъ примѣровъ противоестественныхъ рожденій.

Добрякъ Грангузье, услыхавъ громкій крикъ, который испустилъ мальчикъ, появившійся на свѣтъ, промолвилъ: «Экая у тебя глотка-то!». Сидѣвшіе тутъ же друзья подхватили эту фразу и рѣшили, что мальчика такъ и надо назвать: Гаргантюа, то есть большая глотка. Матери имя тоже понравилось и, давъ ребенку попить, его сейчасъ же окрестили по христіанскому обряду.

Отъ великановъ родителей родился и сынъ великанъ. Аппетитъ у него былъ громадный: онъ питался молокомъ отъ 17.913 коровъ; подходящей для него кормилицы нигдѣ не могли достать, а мать не могла сама насытить ребенка, хотя и давала молока за одинъ разъ 14.002 бочки и 9 горшковъ, что даже нѣсколько невѣроятно. «Недаромъ же Сорбонна нашла это соблазнительнымъ, оскорбляющимъ слухъ и сильно припахивающимъ ересью».

Черезъ годъ и десять мѣсяцевъ доктора разрѣшили выносить мальчика на воздухъ. Гаргантюа, несмотря на свой здоровый видъ и толщину, тѣмъ не менѣе былъ очень флегматиченъ и вялъ. Для прогулокъ отецъ заказалъ сыну костюмъ по тогдашней модѣ. Не стану перечислять, чтобы не наскучить читателю, сколько аршинъ полотна, бархата и саржи пошло на его нарядъ, въ которомъ преобладали бѣлый и синій цвѣта.

Отъ трехъ до пяти лѣтъ Гаргантюа жилъ растительною жизнью: онъ пилъ, ѣлъ и спалъ. Время проводилъ онъ такъ же, какъ проводятъ и другія дѣти, то есть копался въ грязи, причемъ пачкалъ себѣ лицо и руки, возился съ собаками, кормилъ ихъ съ своей тарелки, щалилъ, не слушался гувернантокъ, игралъ съ деревянными лошадками, принимая ихъ за настоящихъ. Къ концу пятаго года отецъ сталъ больше обращать на него вниманія и нерѣдко вступалъ съ нимъ въ разговоръ. Вскорѣ онъ убѣдился, что мальчикъ настолько уже развился, что его пора засадить за ученье, и съ этой цѣлью приставилъ къ сыну доктора теологіи Тубула Олоферна, который въ продолженіе пяти лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ училъ Гаргантюа одной азбукѣ, пока послѣдній не зазубрилъ ея до того, что могъ отвѣчать наизусть какъ съ начала, такъ и съ конца. Затѣмъ подъ-рядъ тринадцать лѣтъ шесть мѣсяцевъ и двѣ недѣли учитель заставлялъ зазубривать Донота, Теодоле и параболы Алана.

«Замѣтьте,—говоритъ Рабле,—что онъ въ то же время выучилъ его писать готическими буквами и приказывалъ переписывать всѣ эти учебники, такъ какъ книгопечатаніе тогда еще не было изобрѣтено».

Отецъ радовался, глядя, какъ прилежно занимается принцъ, но вскорѣ

обратилъ вниманіе, что сынъ не только не дѣлается умнѣе, но, напротивъ, все больше и больше глупѣетъ. Свою печаль онъ разсказалъ вице-

Новорожденный Гарантюа.

(Всѣ рисунки къ эпопеѣ Рабле въ оригиналѣ исполнены въ краскахъ Жюлемъ Гарнье).

королю Папелигасы, Филиппу де-Марэ, и тотъ объяснилъ ему, что мальчика заучили схоластики, а поэтому слѣдуетъ перемѣнить учителей и приставить къ нему такихъ, которые могли бы въ два-три года развить молодого принца. Въ доказательство своихъ словъ Филиппъ призвалъ къ себѣ шестнадцатилѣтняго пажа Эвдемона, воспитаннаго по новой системѣ, и тотъ сразу же обратился къ Гаргантюа съ изящной хвалебной

рѣчью. Въ отвѣтъ на панегирикъ Гаргантюа разревѣлся, какъ корова, и, спрятавъ въ шляпу лицо, испускалъ только ослиныя мычанья.

Грангузье при видѣ этой слишкомъ явной разницы въ образованіи пажа и своего сына разсердился и прогналъ нанятаго на мѣсто Олоферна другого учителя. Вмѣсто него онъ пригласилъ къ сыну Понократа, наставника пажа, и всѣхъ троихъ отправилъ въ Парижъ.

Пріѣхавъ въ Парижъ и немного отдохнувъ, Гаргантюа пошелъ прогуляться по городу и сразу обратилъ на себя всеобщее вниманіе, благодаря своему гигантскому росту.

«Парижскій народъ такъ глупъ и невѣжественъ, что собирается и зѣваетъ вокругъ каждаго мало-мальски необычнаго человѣка и оставляетъ безъ вниманія благочестивыхъ проповѣдниковъ».

Молодой принцъ, чтобы избѣжать любопытныхъ взглядовъ, присѣлъ на колокольню собора Парижской Богоматери, но толпа и здѣсь не оставляла его въ покоѣ, продолжая ротозѣйничать.

Разсерженный Гаргантюа устроилъ собравшимся искусственную соленую ванну, въ которой потопилъ двѣсти шестьдесятъ тысячъ четыреста восемнадцать человѣкъ, не считая женщинъ и дѣтей. Устроивъ потопъ, онъ сталъ мелодично перезванивать въ соборные колокола, а затѣмъ, рѣшивъ отослать ихъ въ подарокъ своему отцу, спряталъ всѣ колокола въ карманъ. Доктора Сорбонны долго и много говорили по этому вопросу pro и contra и, наконецъ, рѣшили послать къ Гаргантюа старѣйшаго доктора, ученаго теолога и великолѣпнаго оратора Жанотуса де-Брагмарда, съ цѣлью получить обратно украденное.

Метръ Жанотусъ, облачившись въ одѣяніе, приличное для теолога, и выбравъ восемь или девять другихъ докторовъ для своей свиты, церемоніальнымъ маршемъ двинулся по городу къ дому Гаргантюа. Въ дверяхъ ихъ встрѣтилъ Понократъ и сперва принялъ было эту толпу за сумасшедшихъ, но, узнавъ, что они теологи и пришли за колоколами, побѣжалъ предупредить своего ученика и наскоро объяснилъ ему, какъ онъ долженъ держать себя. Гаргантюа вышелъ въ залъ въ сопровожденіи своего двора, и, когда всѣ стали по мѣстамъ, Жанотусъ, откашлявшись, началъ слѣдующую рѣчь:

«Гм... гмъ!.. Mnadies [1]), господинъ, mnadies и vobis, господа. Ничего не было бы, кромѣ хорошаго, если бы вы возвратили намъ наши колокола, ибо они намъ необходимы. Гм... гмъ!.. Мы когда-то отказались отъ хорошихъ денегъ, которыя предлагали намъ Лондонъ въ Кагорѣ и Бордо въ Бри, желавшіе купить эти колокола вслѣдствіе ихъ высокаго качества; звуковая ихъ природа такъ хороша, что они сокрушаютъ всѣ бури и непогоды, проносящіяся надъ нашими виноградниками, даже собственно не надъ нашими, а надъ сосѣдними, а если мы лишимся вина, то лишимся всего—и смысла, и закона.

«Если вы возвратите ихъ по моей просьбѣ, я получу за это десять связокъ сосисекъ и славную пару панталонъ, которыя принесутъ большую пользу моимъ ногамъ, или они не сдержатъ обѣщанія. Гмъ, ей Богу, Domine, пара панталонъ хорошая вещь, et vir sapiens non abhorrebit eam [2]). Ха, ха! Не у всякаго, кто хочетъ, имѣется пара панталонъ. Я это по

---

[1]) Т. е. bona dies.

[2]) Умный человѣкъ не пренебрегаетъ этимъ.

себѣ могу судить. Замѣтьте, Domine, я восемнадцать дней сочинялъ эту прекрасную рѣчь. Reddite quae sunt, Caesaris Caesari et quae sunt Dei Déo [1]. Ibi jacet lepus. Ей Богу, Domine, если вы хотите поужинать со мной in camera, тѣломъ Христовымъ клянусь, charitatis, nos faciemus bonum che-

Гаргантюа въ Парижѣ.

rubin. Ego occidi unum porcum et ego habet bon vino [2]! Но изъ хорошаго вина не слѣдуетъ дѣлать дурной латыни. Итакъ, de parte Dei, date nobis clochas nostras [3]. Стойте, я вамъ преподнесу отъ факультета Ser-

---

[1]) Воздадите кесарю кесарево, а Божіе Богу.

[2]) Мы славно выпьемъ, я закололъ свинью и у меня есть хорошее вино.

[3]) Ради Бога, отдайте намъ наши колокола.

mones de Utino, только бы вы отдали колокола. Vultis etiam pardonos? Per diem vos hobebitis, et nihil payabitis [1]).

«О господинъ! Domine, clochi dona minor nobis. Боже! est bonum urbis [2]). Всѣ имъ пользуются. Если ваша кобыла въ добромъ здоровьѣ, то поступите также и съ нашимъ факультетомъ, quae comparata est jumenitis insapientibus et similis facta est eis, Psalmo nescio quo. Если я вѣрно прочиталъ въ тетрадкѣ, et est unum bonum Achilles. Гмъ, гмъ, гмъ! Этимъ я вамъ докажу, что вы должны ихъ отдать. Ego sic argumentor. Omnis cloche clochabilis in cloccherio clochando clochans clochativo clochare facit clochabiliter clochantes. Parisius habet clochas. Ergo gluc [3]). Ха, ха, ха! Вотъ что значитъ говорить. Такъ сказано in tertio primae in Darii или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Клянусь, что въ прежнія времена я только и дѣлалъ, что диспутировалъ. Теперь же мнѣ приходится лишь мечтать, а всѣ нужды сводятся къ тому, чтобы было хорошее вино, теплая постель, чтобы спину нагрѣвалъ огонь, а брюхо упиралось бы въ столъ, уставленный яствами. Эхъ, Domine, прошу васъ in nomina Patris et Filli et Spiritus Sancti, Amen, возвратить намъ колокола, за что Богъ спасетъ васъ отъ зла, а Пресвятая Дѣва сохранитъ ваше здоровье, qui vivit et regnat per omnia secula seculorum Amen. Гмъ, кхе-кхе. Verum enim vero quando quilem dubin porocul, Edepol quoniam ita, certe, meus Deus fidius, городъ, лишенный колоколовъ, все равно что слѣпой безъ посоха, корова безъ бубенчика. Пока вы ихъ намъ не вернете, мы не перестанемъ взывать, какъ слѣпой, потерявшій палку, и мычать, какъ корова безъ бубенчика.

«Одинъ латинскій поэтъ, жившій возлѣ больницы, цитируя нѣкоего Тапонуса или же Понтануса, мірского поэта, сказалъ разъ, что хотѣлъ бы, чтобы колокола были изъ перьевъ, а языкъ изъ лисьяго хвоста, такъ какъ у него отъ звона болѣла голова, что мѣшало ему сочинять стихи. Но тикъ, такъ, тукъ, и онъ былъ обвиненъ въ ереси, у насъ вѣдь еретиковъ точно изъ воска лѣпятъ. Зато онъ больше ужь никогда ничего подобнаго не говорилъ. Valete er plaudide. Calepinus recensui [4])».

Не успѣлъ Жанотусъ кончить своей рѣчи, какъ Понократъ и Евдемонъ покатились со смѣху. Вмѣстѣ съ ними сталъ хохотать и ораторъ, а затѣмъ, когда смѣхъ нѣсколько поутихъ, Гаргантюа велѣлъ наградить доктора. Онъ приказалъ ему выдать и сукна на панталоны, и сосисекъ, о которыхъ упоминалось въ рѣчи. Довольный докторъ, выйдя отъ Гаргантюа, отправился въ Сорбонну и потребовалъ обѣщанную награду. Сорбонисты же отказали ему и въ штанахъ, и сосискахъ; тогда Жанотусъ, обругавъ все собраніе, предъявилъ на нихъ искъ въ судъ, а тѣ, въ свою очередь, подали жалобу, обвиняя его въ оскорбленіи факультета. Началась тяжба, и сорбонисты поклялись, что не станутъ мыться, пока она не окончится, а мэръ Жанотусъ со своими сторонниками далъ обѣ-

---

[1]) Хотите получить отпущеніе грѣховъ? Клянусь Богомъ, вы получите его безплатно.

[2]) Верните наши колокола, вѣдь это городское имущество.

[3]) Всякій звонко звонящій на колокольнѣ колоколъ, звоня языкомъ, заставляетъ звонарей звонко звонить. Получайте!

[4]) Живите въ добромъ здравіи и апплодируйте. Калепинусъ руку приложилъ.

щаніе до тѣхъ поръ не сморкаться. Судъ еще до сихъ поръ не разобрался въ документахъ, а потому всѣ сорбонисты живутъ грязными и сопливыми по сіе время.

Черезъ нѣсколько дней Гаргантюа возвратилъ парижанамъ колокола собора Парижской Богоматери, а затѣмъ Понократъ принялся за его воспитаніе. Однако, сначала онъ захотѣлъ узнать, какъ обучался его воспитанникъ съ прежними учителями, и для этого нѣкоторое время позволилъ ему вести прежній образъ жизни. Убѣдившись, наконецъ, что Гаргантюа только и дѣлалъ, что ѣлъ, пилъ, спалъ и безсмысленно зазубривалъ латинскіе учебники, Понократъ сталъ исподволь перевоспитывать его и довелъ, наконецъ, ученика до того, что тотъ почти ни одного часа не терялъ безполезно.

Гаргантюа при новомъ учителѣ просыпался въ четыре часа и, пока его массировали, слушалъ отрывки изъ Св. Писанія, которые учитель тутъ же объяснялъ ему. Затѣмъ вмѣстѣ съ Понократомъ они выходили на балконъ, изучали звѣздное небо и любовались восходомъ солнца. Послѣ того его причесывали, одѣвали и повторяли ему предыдущіе уроки, а потомъ онъ въ продолженіе трехъ часовъ занимался съ учителемъ науками и литературой. Покончивъ съ уроками, Понократъ и Гаргантюа шли на прогулку или занимались физическими играми. Утомившись тѣлесно и умственно, всѣ садились за обѣдъ, а послѣ обѣда либо бесѣдовали, либо читали Плинія, Галена, Юлія, Поллукса, Аристотеля и др., либо выдумывали карточные фокусы, основанные большею частью на ариѳметикѣ. Такимъ образомъ, Гаргантюа незамѣтно для себя полюбилъ математическія науки, а ученыхъ и писателей зналъ лучше любого врача. Онъ упражнялся также въ пѣніи и музыкѣ, а затѣмъ снова садился учиться писать и читать. Подъ вечеръ онъ или учился ѣздить верхомъ, джигитовалъ, бился на рапирахъ и сѣкирахъ, или купался въ Сенѣ. Онъ лазилъ по канату, бѣгалъ по горамъ, поднимался на мускулахъ на высокія мачты, стрѣлялъ изъ мушкета въ цѣль,— вообще физическое воспитаніе получалъ въ равной степени съ духовнымъ.

По возвращеніи домой онъ находилъ уже готовый ужинъ. Ужинъ, къ слову сказать, былъ гораздо обильнѣе и сытнѣе обѣда, такъ какъ, по мнѣнію Рабле, на ночь слѣдуетъ ѣсть какъ можно больше, хотя бы глупые медики, сбитые съ толку софистами, и совѣтовали противное.

Послѣ ужина посѣщали ученыхъ или выходили на улицу и глядѣли на небо, замѣчая расположеніе звѣздъ и изучая лунный дискъ. Затѣмъ, послѣ повторенія всего видѣннаго, читаннаго и сдѣланнаго, Гаргантюа, помолившись Богу, отправлялся спать.

Въ дождливую погоду ученикъ вмѣсто прогулки занимался колкою дровъ, молотьбой хлѣба, уборкой сѣна. Иногда же онъ слушалъ публичныя лекціи, посѣщалъ литейные заводы, аптеки, ходилъ смотрѣть акробатовъ. Разъ въ мѣсяцъ Понократъ давалъ своему ученику полный отдыхъ и въ этотъ день они посѣщали окрестности Парижа.

Неизвѣстно, сколько времени прожилъ бы такимъ образомъ Гаргантюа въ Парижѣ, если бы неожиданно вспыхнувшая война не потребовала его присутствія на родинѣ.

Однажды, въ началѣ осени, пастухи стерегли виноградники Грангузье

и отгоняли скворцовъ, большихъ любителей винограда. Какъ разъ въ это время проѣзжали мимо пирожники; пастухи хотѣли было купить пирожковъ, но пирожники выругали ихъ, а когда пастухи силою отняли пирожки, тѣ вернулись назадъ и пожаловались своему королю Пикрошолю. Король немедленно велѣлъ созвать войска и вторгся во владѣнія Грангузье, грабя и убивая жителей. Напрасно подданные Грангузье молили о пощадѣ,—суровые воины Пикрошоля не жалѣли никого и повторяли только одно: «Мы вамъ покажемъ, какъ ѣсть чужіе пирожки».

Такъ дошли они до аббатства Селье и, найдя ворота запертыми, отправились дальше, оставивъ осаждать монастырь всего лишь нѣсколько отрядовъ. Оставшіеся воины проломали стѣну и забрались въ монастырскій виноградникъ. Не видать бы монахамъ своего винограда, если бы ихъ не выручилъ братъ Жанъ Разрушитель, лихой монахъ, сильный и ловкій, притомъ весельчакъ, какихъ мало. Онъ съ ясеневой дубиной въ рукахъ одинъ отправился на непріятеля и, напавъ врасплохъ, быстро очистилъ садъ отъ непрошенныхъ гостей.

Пикрошоль же въ это время взялъ приступомъ Рошъ-Клермо и остановился тамъ лагеремъ. Къ нему тотчасъ былъ отправленъ отъ Грангузье посолъ съ предложеніемъ мира, но, несмотря на то, что посолъ привезъ съ собой пирожки и за съѣденные заплатилъ деньги, Пикрошоль на миръ не согласился. Онъ слишкомъ надѣялся на свои силы, да и вожди къ тому же обѣщали возвеличить его больше, чѣмъ Александра Македонскаго.

«Мы знаемъ наши обязанности,—говорили Пикрошолю полководцы.—Планъ таковъ. Вы оставите здѣсь гарнизономъ какого-нибудь капитана съ небольшимъ отрядомъ, чтобы охранять мѣсто, которое намъ кажется довольно сильнымъ, какъ по естественному положенію, такъ и по укрѣпленіямъ, сдѣланнымъ по вашему приказанію. Вы раздѣлите армію на двѣ части, какія вамъ будетъ угодно. Одна часть пойдетъ противъ Грангузье и его народа. Ей будетъ нетрудно напасть и разбить его. Тамъ вы получите уйму денегъ, такъ какъ у этого мужика ихъ достаточно. Говоримъ «мужика», потому что у благороднаго принца ихъ никогда не бываетъ. Копить же дѣло мужицкое.

«Другая часть въ это время направится въ Они, Саптонжъ, Ангомуа и Гасконь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Перлю, Медокъ и Еланъ. Не встрѣчая сопротивленія, она возьметъ городъ, замки и крѣпости. Въ Байонѣ, въ Сентъ-Жакъ-де-Люкъ и въ Фонтарабіи захватитъ всѣ корабли и, плавая близъ Галиціи и Португаліи, ограбитъ всѣ приморскія мѣстности до Лиссабона, гдѣ можно найти все потребное для завоевателя. Чортъ возьми, Испанія покорится, потому что жители ея ничто иное, какъ дураки! Вы переплывете черезъ Севильскій проливъ и воздвигнете тамъ два столба еще великолѣпнѣе Геркулесовыхъ для увѣковѣченія своего имени. И съ тѣхъ поръ проливъ будутъ называть Пикрошольскимъ моремъ.

«Проплывя по Пикрошольскому морю, вы сдѣлаете своимъ рабомъ Барбароссу».—«Я помилую его», сказалъ Пикрошоль. «Это можно,—отвѣтили полководцы,—лишь бы онъ окрестился. Вы заставите сдаться королевства Тунисъ, Гиппъ, Алжиръ, Бонъ, Коронъ, однимъ словомъ, всѣ земли варварійскія. Пройдя дальше, вы покорите Маіорку, Минорку, Сардинію, Корсику и другіе острова Лигурійскаго и Балеарскаго морей.

Повернувъ влѣво, вы захватите Галлію Нарбонскую, Провансъ и Аллобронсъ, Геную, Флоренцію, Луку, а дастъ Богъ и Римъ. Бѣдный папа уже теперь умираетъ отъ страха».—«Клянусь, что не поцѣлую у него туфли», проговорилъ Пикрошоль.

Король Пикрошоль.

«Какъ владыкѣ Италіи, вамъ покорятся Неаполь, Калабрія, Анулія и Сицилія, а вмѣстѣ съ ней и Мальта. Хотѣлось бы, чтобы рыцари Родосскіе оказали вамъ сопротивленіе,—мы бы имъ показали!» — «Я охотно съѣзжу въ Лорето», сказалъ Пикрошоль. «Ну, пустяки, это можно сдѣ-

лать и на обратномъ пути. Потомъ мы возьмемъ Кандію, Кипръ, Родосъ, Цикладскіе острова и подойдемъ къ Мореѣ. Мы ее, конечно, возьмемъ. Храни Господь тогда Іерусалимъ! Вѣдь султанъ не можетъ равняться съ вами по могуществу».—«Я,—сказалъ король,—прикажу построить храмъ Соломона!»—«Нѣтъ,—отвѣчали Пикрошолю,—не торопитесь».

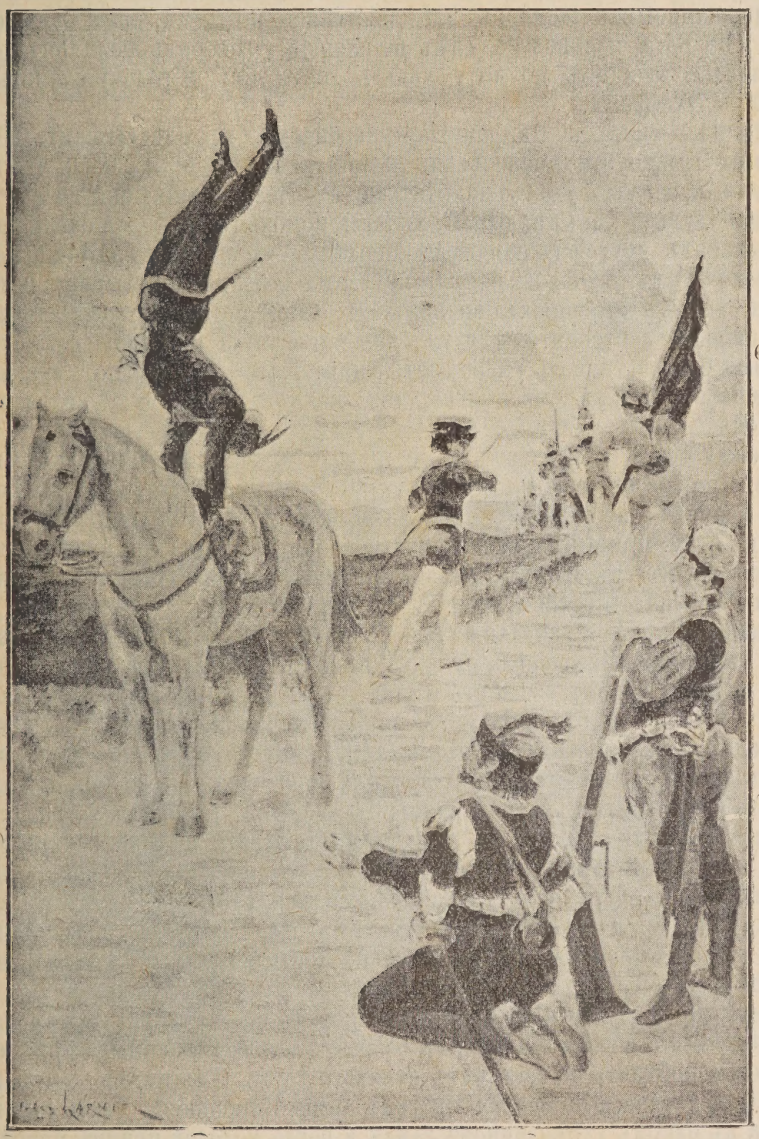
«Знаете, что сказалъ Октавіанъ Августъ? Festina lente. Вамъ лучше сперва завладѣть Малой Азіей, Каріей. Ликіей, Памфиліей, Киликіей, Мидіей, Фригіей, Мизіей, Бешуніей, Харазіей, Саталіей, Самагаріей, Кастаменой, Лугой, Савастой—до самаго Ефрата».—« Увидимъ мы,—сказалъ Пикрошоль,—Вавилонъ и Синай?»—«Ну, въ этомъ нѣтъ большой надобности,—отвѣтили ему.—Развѣ вы недовольны тѣмъ, что переплыли Гирканское море и верхомъ проѣхали по двумъ Арменіямъ и тремъ Арабіямъ?».

«Ахъ, какіе мы дураки,—проговорилъ Пикрошоль,—эхъ, бѣдные люди мы».—«Что такое?» спросили его. «Что же станемъ мы пить въ этихъ пустыняхъ? Вѣдь Юліанъ Августъ и всѣ его воины умерли тамъ отъ жажды, какъ говорятъ».—«Мы,—отвѣчали полководцы,—уже обо всемъ позаботились. Черезъ Сирійское море въ Яффу приплывутъ девять тысячъ четырнадцать кораблей, нагруженныхъ лучшимъ въ мірѣ виномъ. Тамъ же найдутъ они двѣсти двадцать тысячъ верблюдовъ и тысячу шестьсотъ слоновъ, которыхъ мы взяли на охотѣ въ окрестностяхъ Сигейльма, когда вошли въ Ливію и, кромѣ того, забрали весь караванъ, шедшій въ Мекку. Неужели вамъ не хватитъ этого вина?»—«Но вѣдь,—сказалъ Пикрошоль,—оно можетъ прокиснуть».—«Ну,—отвѣчали они,—герой, завоеватель, претендентъ на всемірную имперію не всегда можетъ пользоваться всѣми удобствами. Ужь и за то нужно благодарить Бога, что вы и ваше войско дошли въ цѣлости и сохранности до рѣки Тибра».

«Но,—сказалъ король,—что же въ это время дѣлаетъ та часть нашей арміи, которая покорила этого мужика Грангузье?»—«Она не теряла времени,—отвѣчали они,—мы ее скоро встрѣтимъ. Она взяла для васъ Бретань, Нормандію, Фландрію, Гейло, Брабантъ, Артуа, Голландію, Зеландію; она перешла Рейнъ, перебивъ швейцарцевъ и ландскнехтовъ, а часть ея завладѣла Люксембургомъ, Лотарингіей, Шампаньей, Савойей, до Ліона, гдѣ встрѣтила ваши гарнизоны, возвращавшіеся съ морскихъ побѣдъ на Средиземномъ морѣ. И, соединившись вмѣстѣ въ Богеміи, они покорили Швабію, Вюртембергъ, Баварію, Австрію, Моравію и Штирію. Затѣмъ отважно взяли Любекъ, Норвегію, Швецію, Данію, Готтію, Енгронеландъ, земли вестерленовъ до Ледовитаго океана. Покончивъ съ этимъ, они завоевали Оркадскіе острова и покорили Шотландію, Англію и Ирландію. Отсюда, отправившись моремъ, они овладѣли Пруссіей, Польшей, Литвой, Россіей, Валахіей, Трансильваніей, Венгріей, Бомаріей, Турціей и вошли въ Константинополь».—«Пойдемъ скорѣй на турокъ, потому что я хочу быть также императоромъ Трапезундскимъ», сказалъ Пикрошоль.

«Не убить ли намъ всѣхъ турокъ и магометанъ?»—«Конечно, что же съ ними еще дѣлать?—отвѣтили полководцы.—Перебейте и отдайте ихъ земли и богатства тѣмъ, кто вамъ честно служитъ».—«Такъ велитъ разумъ,—сказалъ король.—Я отдаю вамъ Карманію, Сирію и всю Палестину».—«О,—отвѣтили полководцы,—это очень великодушно съ вашей стороны, очень вамъ благодарны, дай вамъ Богъ всякаго счастья».

«При этомъ разговорѣ присутствовалъ старый дворянинъ, испытанный въ разныхъ бояхъ и истинный воинъ, по имени Эхефронъ, который, слыша это, сказалъ: «Я очень боюсь, что все это предпріятіе похоже на



Гимнастъ, продѣлывающій вольтижировку.

анекдотъ о горшкѣ молока, при помощи котораго хотѣлъ разбогатѣть башмачникъ, а когда разбилъ его, то нечѣмъ было и пообѣдать. Что вы мечтаете о всѣхъ этихъ блестящихъ побѣдахъ? Какой будетъ конецъ всѣхъ переходовъ и трудовъ?»—«Мы, вернувшись,—сказалъ Пикрошоль,—почіемъ на лаврахъ».—«А если вы совсѣмъ не вернетесь?—возразилъ

Эхефронъ.—Путешествіе длинно и опасно. Не лучше ли теперь же вернуться назадъ, не подвергая себя опасностямъ?»—«О,—сказалъ Спадассенъ (одинъ изъ полководцевъ),—вотъ, ей Богу, чудакъ-то, совѣтуетъ преспокойно сидѣть все время у камелька и проводить жизнь вмѣстѣ съ дамами, нанизывая жемчугъ или занимаясь шитьемъ, какъ Сарданапалъ. «На Бога надѣйся, а самъ не плошай!» говоритъ Соломонъ».—«Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить», отвѣтилъ Эхефронъ.

«Баста,—сказалъ Пикрошоль,—перейдемъ къ слѣдующему. Мнѣ страшны только эти дьявольскіе легіоны Грангузье, я боюсь, что въ то время, какъ мы будемъ находиться въ Месопотаміи, они возьмутъ да и нападутъ на насъ съ тыла. Какъ тогда помочь горю?» —«А очень просто—сказалъ другой полководецъ, Мердайль,—обратитесь за помощью, къ московитамъ, и они въ одну минуту вышлютъ вамъ четыреста пятьдесятъ тысячъ отборныхъ воиновъ. О, стоитъ только вамъ сдѣлать меня своимъ лейтенантомъ, я ужь для васъ тогда постараюсь. Я буду кусаться, биться, убивать, умерщвлять, уничтожать».—«Хорошо,—сказалъ Пикрошоль,—будемъ торопиться; кто меня любитъ, пусть слѣдуетъ за мной».

Между тѣмъ Грангузье тоже не дремалъ и энергично готовился къ войнѣ. Прежде всего онъ отправилъ посла съ письмомъ къ Гаргантюа. Тотъ, конечно, немедленно же выѣхалъ вмѣстѣ со своей свитой на помощь къ отцу. Прибывъ на границу отцовскихъ земель, Гаргантюа сперва послалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, по имени Гимнаста, на развѣдки въ непріятельскій лагерь.

Едва Гимнастъ приблизился къ Рошъ-Клермо, гдѣ, какъ мы говорили, находился Пикрошоль со своей арміей, какъ на него напали солдаты съ намѣреніемъ ограбить и убить его. Но Гимнастъ еще издали закричалъ имъ: «Я бѣдный чортъ, пощадите меня!». Капитанъ Трике, начальникъ одного отряда, рѣшилъ было пропустить его, но ему понравилась лошадь Гимнаста и онъ захотѣлъ присвоить ее, говоря, что для бѣднаго чорта такая лошадь слишкомъ хороша. Гимнастъ же, вмѣсто того чтобы сойти съ лошади, началъ продѣлывать на ней всякіе фокусы, показывая такія невѣроятныя штуки, что многіе солдаты серьезно приняли его за чорта и со страха разбѣжались, кто куда. Видя, что вокругъ осталась лишь небольшая кучка народа, Гимнастъ, неожиданно спрыгнувъ съ лошади, набросился на остальныхъ съ обнаженной шпагой и перебилъ всѣхъ, въ томъ числѣ и капитана Трике.

Вернувшись назадъ, Гимнастъ разсказалъ все видѣнное и увѣрилъ Гаргантюа, что войска Пикрошоля состоятъ изъ отъявленныхъ трусовъ, которыхъ побѣдить не составитъ никакого труда. Гаргантюа, вырвавъ громадное дерево, отправился противъ арміи Пикрошоля. Часть войска засѣла въ одномъ укрѣпленномъ замкѣ, и когда молодой принцъ приблизился къ нему, канониры выпустили въ него цѣлый градъ снарядовъ. Это разсердило Гаргантюа и онъ, схвативъ древесный стволъ, началъ разрушать башни замка и его стѣны такъ, что скоро не оставилъ камня на камнѣ. Солдаты же, находившіеся въ крѣпости, всѣ были раздавлены обломками. Разрушивъ замокъ, Гаргантюа безъ приключеній добрался до дома, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ждалъ отецъ. Немедленно же задали веселый пиръ и пригласили на него монаха Жана, который

такъ отличился незадолго передъ тѣмъ. Веселый монахъ очень понравился Гаргантюа и онъ взялъ его съ собой на слѣдующій день на войну. Въ этотъ разъ они окончательно разбили Пикрошоля и взяли въ плѣнъ почти всѣхъ полководцевъ, которыхъ, въ наказаніе за ихъ спесь, Гаргантюа велѣлъ отдать въ наборщики въ открытую имъ типографію. Своихъ же храбрыхъ сподвижниковъ онъ щедро наградилъ, а монаху Жану, который ни за что не хотѣлъ возвратиться снова въ монастырь,

Гаргантюа разрушаетъ непріятельскую крѣпость.

подарилъ громадный кусокъ земли и устроилъ для него спеціальную обитель, названную по мѣсту ея нахожденія аббатствомъ «Телема». Въ этой оригинальной обители руководились совершенно противоположными статутами, чѣмъ въ обыкновенныхъ монастыряхъ. Прежде всего туда принимались лица обоего пола, женщины 10 — 15, а мужчины 12—18 лѣтъ. Всѣ жили вмѣстѣ въ великолѣпномъ дворцѣ, окруженномъ роскошными садами. Время проводили кто какъ хотѣлъ; въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ остальномъ, каждому телемиту пре-

доставлялась полная свобода, но такъ какъ по большей части всѣ жители этого аббатства были люди образованные и хорошо воспитанные, то естественно, что они чувствовали бо́льшую склонность къ поступкамъ добродѣтельнымъ, чѣмъ порочнымъ. Жители Телемы читали, занимались науками, искусствами и ремеслами; часто они развлекали другъ друга устными разсказами, совершали прогулки по окрестностямъ, устраивали игры на вольномъ воздухѣ. Костюмъ женщины и мужчины носили сообразно своему личному вкусу. Часто, конечно, между мужчинами и женщинами возникала любовь, обыкновенно кончавшаяся бракомъ. Въ такихъ случаяхъ телемиты покидали обитель, но чувство признательности къ гостепріимному крову оставалось у нихъ на всю жизнь. Средства къ существованію щедро доставлялъ Гаргантюа, а завѣдывалъ аббатствомъ монахъ Жанъ, который, само собой разумѣется, былъ наверху блаженства.

Вторая книга эпопеи Рабле связана съ первой чисто внѣшнимъ образомъ. Она начинается тѣмъ, что у Гаргантюа и его жены Бадебеки рождается сынъ Пантагрюель. Съ первыхъ дней своего рожденія онъ проявилъ такую прожорливость и силу, что его пришлось привязывать къ люлькѣ цѣпями. Случилось разъ, Гаргантюа пировалъ съ своими друзьями, ребенокъ же, оставшись безъ присмотра, захотѣлъ во что бы то ни стало пробраться на банкетъ. Однако, несмотря на всѣ усилія, ему не удавалось разорвать толстыя цѣпи; тогда Пантагрюель проломилъ дно люльки и, поднявшись на ноги, съ люлькой за плечами вышелъ къ пировавшимъ гостямъ. Гаргантюа до того восхитился необычайной силой и находчивостью своего сына, что немедленно развязалъ его цѣпи и усадилъ за столъ. Ребенокъ же на радостяхъ однимъ ударомъ кулака разбилъ колыбель на мелкія части и далъ торжественное обѣщаніе никогда не ложиться ни въ какую люльку.

Когда мальчикъ нѣсколько подросъ, его отдали въ школу, гдѣ онъ удивлялъ учителей своими способностями, а товарищей—необыкновенной физической силой. Затѣмъ, уже будучи юношей, онъ отправился странствовать по провинціальнымъ университетамъ, а доканчивать образованіе пріѣхалъ въ Парижъ. Парижскіе жители встрѣтили Пантагрюеля съ величайшимъ страхомъ, ожидая, что онъ, какъ и его отецъ Гаргантюа, выкинетъ какую-нибудь штуку, но молодой принцъ оказался вѣжливѣе и воспитаннѣе отца: онъ скромно жилъ въ этомъ людномъ городѣ и прилежно изучалъ семь свободныхъ искусствъ. Гаргантюа всѣми силами старался поддерживать въ немъ жажду знанія и въ письмахъ постоянно совѣтовалъ ему заниматься всевозможными науками и языками. «Теперь,—писалъ онъ сыну,— всѣ науки систематизированы, языки доступны каждому: греческій, безъ котораго человѣку стыдно называться ученымъ, еврейскій, халдейскій, латинскій. Типографское искусство, изобрѣтенное въ мое время божественнымъ вдохновеніемъ, въ противоположность пороху, придуманному при помощи дьявольскаго наущенья, достигло красоты и совершенства. Міръ переполненъ учеными людьми, знающими наставниками, обширными книжными магазинами, и, по моему мнѣнію, ни во времена Платона, ни во времена Цицерона или Папиньяна не было такихъ удобствъ для самообразованія, какія имѣются теперь».

Однажды Пантагрюель, прогуливаясь за городомъ со своей свитой,

встрѣтилъ какого-то оборванца, черты лица котораго, однако, были исполнены благородства и изящества. Заинтересовавшись этимъ субъектомъ, молодой принцъ обратился къ нему съ вопросомъ, кто онъ такой и куда направляется. На эти вопросы бродяга отвѣчалъ сперва по-нѣмецки, потомъ по-итальянски, по-испански, по-еврейски, по-англійски, по-халдейски и, только перебравъ съ дюжину иностранныхъ языковъ, заговорилъ съ Пантагрюелемъ на французскомъ языкѣ.

Пантагрюель является на банкетъ къ своему отцу.

«Сеньоръ,—началъ этотъ оригиналъ,—мое настоящее и собственное имя, данное мнѣ при крещеніи,—Панургъ; иду я изъ Турціи, куда попалъ въ плѣнъ, когда въ недобрый часъ отправился въ Метелину. Охотно разскажу вамъ свои приключенія, болѣе удивительныя, чѣмъ похожденія Улисса, но послѣ, если вамъ будетъ угодно удержать меня при своей особѣ (я же впередъ принимаю ваше предложеніе и обязуюсь не покидать васъ, если даже вы отправитесь ко всѣмъ чертямъ), въ другое, болѣе удобное для повѣствованія время. Теперь же мнѣ необхо-

димо закусить, ибо зубы зудятъ, брюхо ощущаетъ пустоту и глотка пересохла. Если бы вы пожелали пустить меня въ дѣло, то насладились бы пріятнымъ зрѣлищемъ, видя меня уплетающимъ. Ей Богу, прикажите дать мнѣ поѣсть». Пантагрюель велѣлъ отвести его къ себѣ въ домъ, накормить и уложить спать; впослѣдствіи же Панургъ такъ понравился ему, что онъ оставилъ его при своей особѣ.

Пантагрюель уже не разъ присутствовалъ на собраніяхъ Сорбонны, творилъ въ Парижѣ судъ и расправу, причемъ такъ прославился своей мудростью, что его знали даже женщины и при встрѣчѣ съ нимъ указывали на него и говорили: «Вотъ онъ». Но особенную извѣстность пріобрѣлъ онъ послѣ рѣшенія одного замѣчательно запутаннаго процесса. Достаточно сказать, что надъ нимъ ломали голову лучшіе умы не только Франціи, но также и другихъ государствъ, и никакъ не могли придти ни къ какому заключенію, пока не пригласили Пантагрюеля. Сей доблестный мужъ съ свойственнымъ ему остроуміемъ легко разрѣшилъ давно тянувшуюся тяжбу. Прежде всего онъ совсѣмъ не сталъ читать ворохъ бумагъ, накопившихся по этому вопросу, а пригласилъ въ судъ для личныхъ объясненій какъ истца, такъ и отвѣтчика. Рабле даетъ просторъ здѣсь своему остроумію и изощряется въ шуткахъ надъ французскимъ судомъ. Прежде всего оказывается, что оба лица, заинтересованныя въ тяжбѣ, какіе-то идіоты, произносящіе несуразныя, безсмысленныя рѣчи, представляющія сплошной наборъ фразъ, совершенно не идущій къ дѣлу. Чтобы не быть голословными, приведемъ выдержки изъ рѣчи отвѣтчика: «Господинъ и господа,—началъ онъ,—если бы волненіе людей можно было бы видѣть столь же легко, какъ мухъ въ молокѣ, свѣтъ, чортъ возьми, не былъ бы съѣденъ крысами, пути его были бы цѣлы, а не обгрызаны подлымъ образомъ. Такъ какъ, хотя все, что говорила противная сторона, и покрыто пушкомъ истины, тѣмъ не менѣе, господа, плутовство скрыто подъ горшкомъ съ розами... Я вовсе не клеркъ, чтобы хватать луну зубами, но въ горшкѣ съ масломъ, гдѣ продаютъ кузнечные инструменты, прошелъ слухъ, будто быкъ нашелъ вино въ полночь безъ огня, которое было спрятано въ мѣшкѣ угольщика. Пословица права, говоря, что видѣть въ горѣломъ лѣсу черныхъ коровъ, когда наслаждаешься своей любовью, предвѣщаетъ успѣхъ въ предпріятіи... Совершенно вѣрно, что четыре быка, о которыхъ упоминалось противной стороной, обладаютъ нѣсколько короткой памятью, тѣмъ не менѣе, чтобы познать гамму, они не испугались ни морского ворона, ни савойской канарейки, а добрые люди, твердо вѣруя, говорили: «Дѣти подростутъ, это будетъ одной изъ рубрикъ права,—мы не можемъ схватить волка, строя изгороди на верхушкахъ вѣтряныхъ мельницъ, о которыхъ говорилось моимъ противникомъ»... и т. д. на протяженіи нѣсколькихъ страницъ.

Пантагрюель, однако, не смутился этой тарабарщиной и свое рѣшеніе высказалъ въ такой же безсмысленной рѣчи. Приговора, конечно, никто не понялъ, но тѣмъ не менѣе всѣ остались имъ довольны, а благодарные парижане, на радости, что обладаютъ такимъ геніемъ, подарили Пантагрюелю превосходнаго вина. По случаю этого подарка молодой принцъ задалъ своимъ друзьямъ роскошный пиръ, во время котораго по части выпивки особенно отличался Панургъ, такъ что даже вызвалъ всеобщее удивленіе своей неутолимой жаждой. «Эхъ, това-

рищъ,—отвѣтилъ Панургъ на удивленное восклицаніе одного изъ присутствовавшихъ,—если бы я такъ же леталъ, какъ пилъ, то теперь, навѣрное, былъ бы выше лунной сферы вмѣстѣ съ Эмпедокломъ», и,

Пантагрюель читаетъ письмо отца.

воспользовавшись удобнымъ случаемъ, разсказалъ, какъ онъ убѣжалъ отъ мусульманъ. Разсказъ этотъ, хотя нѣсколько и невѣроятенъ, всетаки стоитъ того, чтобы съ нимъ познакомить читателя.

Турки, захвативъ въ плѣнъ Панурга, рѣшили съѣсть его, а потому немедленно посадили бѣднаго малаго на вертелъ и начали поджаривать.

Быть бы Панургу зажареннымъ, не случись тутъ одного обстоятельства. Стражъ, оставленный при Панургѣ, уснулъ, и этимъ счастливымъ случаемъ воспользовался несчастный христіанскій мученикъ. Онъ разбросалъ по комнатѣ уголья и поджегъ домъ, въ которомъ его жарили. Во время всеобщей суматохи Панургу удалось улизнуть съ вертела и выскочить на улицу, гдѣ уже собралась громадная толпа. Народъ, увидавъ человѣка съ обгорѣлыми бедрами, рѣшилъ, что это одинъ изъ пострадавшихъ отъ огня, и принялъ въ немъ живѣйшее участіе: ему принесли воды, пищи, дали новую одежду и такъ хлопотали вокругъ него, что забыли про пожаръ, который въ это время успѣлъ охватить чуть не цѣлый городъ. Замѣтивъ, что горятъ дома, всѣ бросились спасать свое имущество, а Панургъ поспѣшилъ за ворота города. Онъ уже считалъ себя спасеннымъ, когда попалъ въ новую бѣду. Собаки, проживавшія въ городѣ, спасаясь отъ пожара, какъ бѣшеныя, мчались по его пятамъ. Что было дѣлать? Бѣжать было безполезно, онѣ все равно догнали бы его и сожрали, такъ какъ уже издали облизывались, чуя запахъ жаренаго мяса. Гибель Панурга была неизбѣжна, но вдругъ его осѣнила мысль поистинѣ геніальная. Вмѣсто того, чтобы улепетывать, онъ бросился въ середину стаи; собаки съ лаемъ кинулись на него и между ними завязалась ожесточенная борьба изъ-за добычи. Этого только и надо было находчивому Панургу; оставивъ ихъ грызться, онъ незамѣтно ускользнулъ изъ общей свалки и мирно отправился своей дорогой.

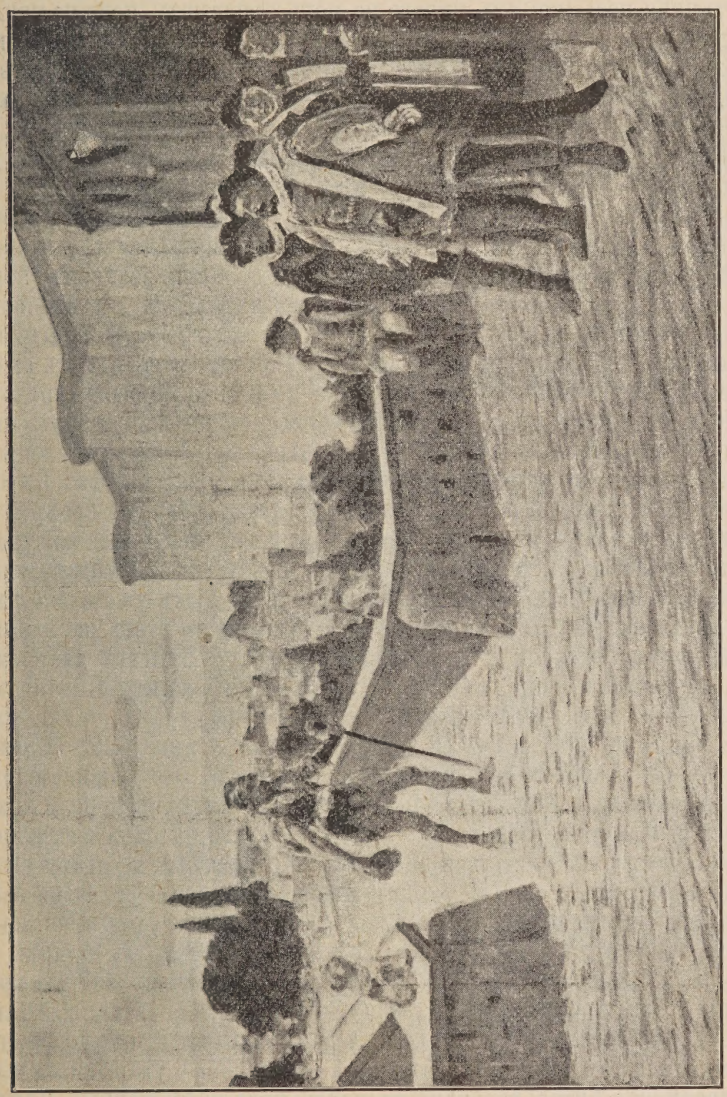
Чтобы окончательно познакомить читателя съ Панургомъ, которому приходится играть видную роль въ романѣ Рабле, приведемъ описаніе наружности этого героя. «Панургъ былъ средняго роста, не очень высокъ, не очень низокъ; носъ у него былъ орлиный и напоминалъ нѣсколько ручку бритвы; онъ былъ очень галантный мужчина, тонкій по сложенію и приближался къ сорока годамъ. Кромѣ того, отъ рожденія онъ страдалъ неизлечимой болѣзнью, про которую въ тѣ времена уже говорилось: «Безденежье—страданіе, которому нѣтъ равнаго на свѣтѣ».

Пантагрюеля Панургъ полюбилъ всею душою, потому что тотъ былъ первымъ человѣкомъ, отнесшимся къ нему сердечно. Въ благодарность Панургъ услуживалъ принцу, чѣмъ могъ, главнымъ же образомъ старался развлекать его остроумными выходками и забавными разсказами, на которые былъ великій мастеръ. За примѣромъ не надо далеко ходить.

Вскорѣ послѣ знаменитаго рѣшенія процесса Пантагрюель получилъ извѣстіе отъ своего родителя о томъ, что король Дипсодовъ Анархъ вторгся во владѣнія отца и осадилъ городъ Аморотовъ. Пантагрюель, не медля ни минуты, собралъ свиту и друзей и отправился выручать свою страну. Во время пути принцу показалось, что мили во Франціи гораздо короче, чѣмъ въ другихъ странахъ, и за разрѣшеніемъ этого вопроса онъ обратился къ Панургу, сопутствовавшему ему.

«Въ древности,—отвѣчалъ Панургъ,—страны не были раздѣлены ни на мили, ни на стадіи до тѣхъ поръ, пока за это не взялся король Фарамонъ, который слѣдующимъ образомъ привелъ въ исполненіе свою мысль: онъ призвалъ къ себѣ сто молодыхъ кавалеровъ и сто красивыхъ дѣвушекъ и, раздѣливъ ихъ на пятьдесятъ паръ, т. е. выбравъ

каждому молодому человѣку красивую подругу, приказалъ имъ отправиться по разнымъ направленіямъ, и тѣ мѣста, гдѣ каждая парочка будетъ отдыхать послѣ любовныхъ наслажденій, отмѣчать камнями, разстояніе же камня отъ камня велѣлъ считать за милю. Въ началѣ пути веселые юноши ложились со своими подругами чуть не на каждомъ



Встрѣча Пантагрюеля съ Панургомъ.

полѣ, и вотъ почему во Франціи мили такъ коротки. Но, пройдя нѣсколько дней, они пріустали и удовлетворялись (я подразумѣваю только мужчинъ) однимъ объятіемъ въ день; поэтому-то въ Бретани, Ландахъ, Германіи и въ другихъ болѣе отдаленныхъ странахъ мили уже гораздо длиннѣе. Нѣкоторые объясняютъ это другими причинами, мнѣ же эта кажется самой лучшей».

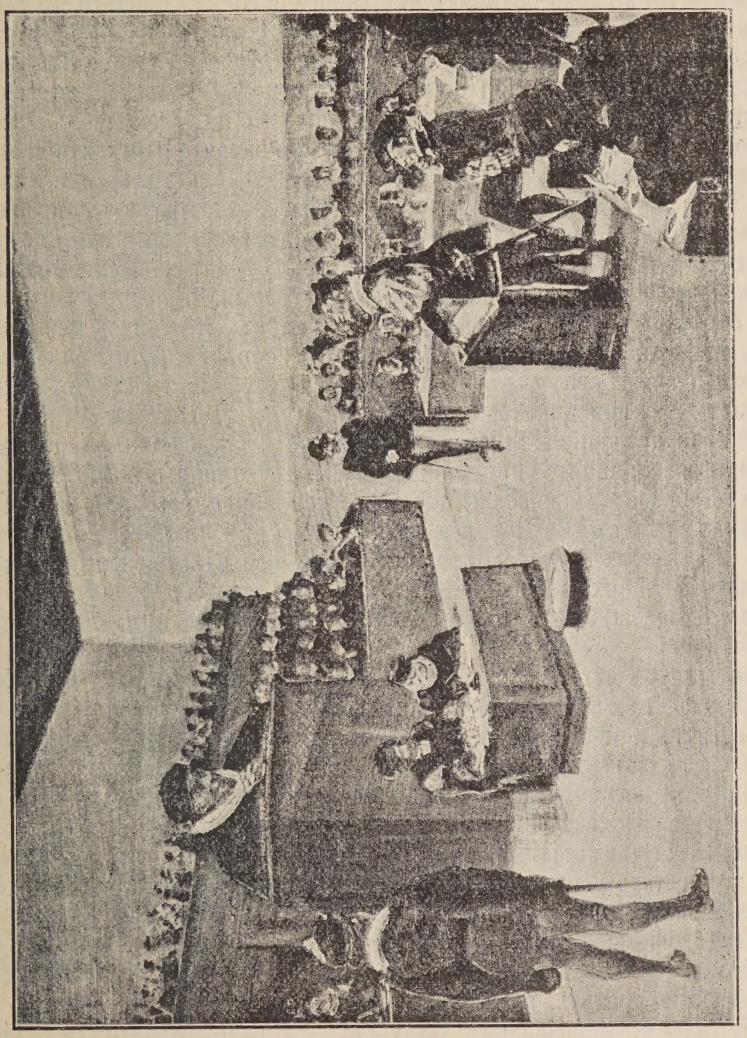
Съ этимъ охотно согласился и Пантагрюель.

Такъ дошли они до Гомфлера и здѣсь дожидались попутнаго вѣтра, чтобы ѣхать дальше на кораблѣ. Пантагрюель получилъ письмо отъ неизвѣстной ему дамы изъ Парижа. Собственно, это даже не было письмо, потому что, кромѣ кольца, завернутаго въ бумагу, и адреса, ничего не было. Тщетно гигантъ старался догадаться, отъ кого могла быть эта странная посылка; онъ ничего не могъ придумать, пока не увидалъ на внутренней сторонѣ кольца вырѣзанной надписи на еврейскомъ языкѣ: «Почему ты меня оставилъ?». Тогда только Пантагрюель вспомнилъ, что, благодаря поспѣшному отъѣзду, онъ не попрощался съ дамой, за которой очень усердно ухаживалъ. Желая загладить свою вину, онъ уже хотѣлъ было вернуться назадъ въ Парижъ, и только просьбы друзей удержали его отъ приведенія намѣренія въ исполненіе.

Черезъ нѣкоторое время Пантагрюель высадился вблизи города Аморотовъ и двинулся на непріятеля, вооружившись мачтой, оторванной отъ палубы корабля. Навстрѣчу ему вышелъ великанъ короля Анарха, по имени Лупгару, въ сопровожденіи трехсотъ другихъ гигантовъ. Лупгару, увидѣвъ Пантагрюеля одного и плохо вооруженнаго, оставилъ своихъ товарищей въ сторонѣ и захотѣлъ вступить съ своимъ противникомъ въ единоборство, надѣясь не только на свою громадную силу, но и на волшебныя латы, которыя невозможно было разбить никакимъ оружіемъ. Приблизившись къ Пантагрюелю, Лупгару съ крикомъ бросился на него и, замахнувшись мечомъ, вѣроятно, разсѣкъ бы Пантагрюеля на двѣ части, если бы нашъ принцъ успѣлъ во-время уклониться отъ удара и въ свою очередь ударить великана мачтой въ открытое мѣсто по шеѣ, между шлемомъ и колетомъ. Лупгару упалъ, обливаясь кровью, но черезъ мгновеніе снова былъ уже на ногахъ и снова мечъ опустился на Пантагрюеля. Однако, и въ этотъ разъ Пантагрюель успѣлъ отскочить въ сторону, мечъ же Лупгару съ размаха ушелъ въ землю, и, пока гигантъ старался его вытащить, Пантагрюель опять нанесъ ему ударъ мачтой; къ несчастью, ударъ пришелся по заколдованнымъ доспѣхамъ и крѣпкое оружіе принца разлетѣлось въ мелкіе куски, не причинивъ врагу никакого вреда. Это удивило принца, и онъ позвалъ къ себѣ на помощь Панурга. Но великаны короля Анарха не пустили Панурга, такъ какъ было рѣшено, что ни одна изъ сторонъ въ единоборство вмѣшиваться не будетъ. Между тѣмъ, Лупгару успѣлъ вытащить изъ земли свой мечъ и съ новой силой набросился на своего непріятеля. Пантагрюель, увернувшись нѣсколько разъ отъ меча, изловчился и нанесъ Лупгару такой сильный ударъ ногою въ животъ, что тотъ упалъ на спину и кровь хлынула у него изъ горла. На крикъ Лупгару тотчасъ бросились къ мѣсту битвы его великаны. Пантагрюель же, схвативъ убитаго ихъ начальника за ноги, напалъ на нихъ и, размахивая трупомъ, сталъ наносить смертельные удары. Завязалась кровопролитная битва; великаны валились, какъ подкошенные, Панургъ же съ товарищами приканчивалъ падавшихъ. Перебивъ всѣхъ непріятелей, принцъ еще разъ махнулъ убитымъ Лупгару и забросилъ его трупъ къ воротамъ города.

Послѣ такой славной побѣды Пантагрюель созвалъ всѣхъ своихъ друзей. Всѣ они явились цѣлыми и невредимыми, кромѣ Эпистемона, который оказался убитымъ. Пантагрюель съ горя хотѣлъ лишить себя

жизни, если бы его во-время не остановилъ Панургъ. Онъ обмылъ въ бѣломъ винѣ отрубленную голову Эпистемона и, приставивъ ее аккуратно на прежнее мѣсто къ шеѣ, перевязалъ пластыремъ. Затѣмъ Панургъ влилъ ему въ ротъ стаканъ превосходнаго вина, отчего Эпистемонъ черезъ мгновеніе началъ дышать и открылъ глаза. Совершенно оправившись, Эпистемонъ разсказалъ, что, пока его оживляли, онъ успѣлъ



Судъ Пантагрюеля.

уже побывать на томъ свѣтѣ, познакомился съ чертями и нашелъ, что они отличные товарищи. Что же касается умершихъ, то съ ними вовсе не такъ дурно обращаются, какъ это принято думать. Измѣняется только общественное положеніе умершаго. «Такъ, я видѣлъ, — продолжалъ Эпистемонъ, — что Александръ Македонскій заработываетъ пропитаніе, занимаясь починкою старыхъ сапогъ, Ксерксъ продаетъ горчицу, Киръ сдѣлался мясникомъ, Демосѳенъ — виноградаремъ, папа Юлій

торгуетъ пирожками и не носитъ больше бороды, Артаксерксъ продаетъ веревки,—однимъ словомъ, тотъ, кто въ этомъ мірѣ пользовался богатствомъ и счастьемъ, на томъ свѣтѣ превращался въ нищаго. И наоборотъ, философы и несчастливцы за гробомъ становились важными лицами. Я видѣлъ, напримѣръ, Діогена въ богатомъ пурпурномъ платьѣ, со скипетромъ въ рукахъ, жестоко бранившаго Александра Великаго за то, что тотъ плохо починилъ ему сапоги, и награждавшаго его палочными ударами. Я видѣлъ Эпиктета, одѣтаго по послѣдней французской модѣ; онъ вмѣстѣ съ дамами пѣлъ и плясалъ. Когда онъ увидѣлъ меня, то тотчасъ вѣжливо предложилъ мнѣ выпить съ нимъ, на что я, конечно, охотно согласился. Въ это время къ нему подошелъ Киръ и попросилъ у него, ради Меркурія, одинъ денье, чтобы купить себѣ на ужинъ луку. «Никакого денье я тебѣ не дамъ,—отвѣтилъ Эпиктетъ,—вотъ тебѣ экю, мошенникъ, ступай и будь порядочнымъ человѣкомъ».

Эпистемонъ разсказалъ еще нѣсколько случаевъ, видѣнныхъ имъ, которыхъ мы передавать здѣсь не будемъ: всѣ они подобны предыдущимъ. Наконецъ, Панургъ спросилъ Пантагрюеля, что онъ думаетъ сдѣлать съ королемъ Анархомъ, взятымъ въ плѣнъ. «Какому ремеслу обучимъ мы его, такъ, чтобы онъ былъ уже совсѣмъ приготовленнымъ къ ожидающей его участи, когда отправится ко всѣмъ чертямъ?». Пантагрюелю понравилась эта выдумка и онъ отдалъ Анарха въ полное распоряженіе Панурга, который, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, принялся приготовлять его къ жизни въ Елисейскихъ поляхъ. Онъ одѣлъ короля Дипсодовъ въ рваное платье и заставилъ продавать уксусъ. Спустя два дня, Панургъ женилъ его на старой бабѣ и завелъ ему маленькое хозяйство. Благодаря своему мягкому характеру, Анархъ быстро вошелъ въ роль торговца уксусомъ и, вѣроятно, былъ бы вполнѣ доволенъ своей судьбой, если бы его не била иногда жена.

Не станемъ останавливаться на подробностяхъ завоеванія королевства Дипсодовъ, а перейдемъ прямо къ третьей книгѣ. Она начинается съ того, что Пантагрюель переселяетъ въ новыя владѣнія своихъ подданныхъ, а затѣмъ награждаетъ друзей, помогавшихъ ему на войнѣ. Панурга онъ сдѣлалъ правителемъ Дипсодіи и предоставилъ ему пользоваться доходами со всей страны. На радостяхъ Панургъ ежедневно началъ задавать пиры, на которые могли приходить всѣ жители, и въ двѣ недѣли успѣлъ прожить всѣ вѣроятные и невѣроятные доходы за три года впередъ и еще надѣлалъ долговъ.

Пантагрюель, узнавъ о такой расточительности своего друга, нисколько не разсердился, а только замѣтилъ ему, что если онъ будетъ такъ безумно тратить, то врядъ ли онъ когда сдѣлается богачемъ.

«Богачемъ? — возразилъ Панургъ. — А развѣ вы хотѣли сдѣлать меня богатымъ? У меня только одно стремленіе—жить весело, быть же богатымъ я никогда не собирался».

Далѣе Панургъ объяснилъ, что забралъ впередъ все, что могъ, во-первыхъ, изъ благоразумія, такъ какъ неизвѣстно, кто будетъ жить и кто умретъ. «Кто знаетъ, что міръ простоитъ еще три года? Допустимъ даже, что онъ продержится это время, то найдется ли такой человѣкъ, который можетъ навѣрное сказать, что онъ проживетъ три года?». Во-вторыхъ, изъ справедливости,—покупая дешево въ кредитъ и продавая

дорого за наличныя. Въ-третьихъ, по необходимости,—вырубая лѣса и деревья, чтобы истребить дикихъ звѣрей и не дать селиться въ ихъ чащѣ разбойникамъ, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, изъ воздержанія,—питаясь хлѣбомъ, когда онъ еще только зазеленѣлъ, т. е. продавая его на корню.

«Но когда же вы перестанете должать?» спросилъ его Пантагрюель.

Измѣренія странъ.

«Когда весь свѣтъ будетъ доволенъ, когда вы будете наслѣдникомъ самого себя, — отвѣтилъ Панургъ. — Упаси меня Богъ быть когда-нибудь никому не должнымъ! И вамъ совѣтую тоже всегда должать, такъ какъ тогда каждый будетъ молить Бога о продленіи вашей жизни, изъ боязни не получить съ васъ денегъ; каждый повсюду будетъ хорошо отзываться о васъ, новые кредиторы помогутъ вамъ засыпать своей землей старую яму. Нѣкогда въ Галліи, по законамъ друидовъ, рабы и слуги сжигались вмѣстѣ съ трупомъ ихъ умершаго господина,—и какже они, вѣроятно, дорожили жизнью

своихъ сеньоровъ! Неужели вы думаете, они не молились объ ихъ здоровьи? Не старались услуживать имъ и беречь ихъ, такъ какъ знали, что живутъ лишь до смерти господина, которому служатъ? Повѣрьте, что кредиторы точно также горячо и искренно молятся Богу о вашемъ здоровьи, ибо для нихъ рукавъ важнѣе руки, а деньги важнѣе жизни... Чтобы уяснить мою идею, представьте себѣ міръ, гдѣ нѣтъ ни одного должника и ни одного кредитора. Міръ безъ долговъ! Да тамъ не будетъ даже правильнаго хода свѣтилъ. Все придетъ въ безпорядокъ. Юпитеръ изгонитъ изъ своей сферы Сатурна и при помощи своей цѣпи повѣситъ всѣхъ боговъ, демоновъ, геніевъ, героевъ, дьяволовъ, землю, море, всѣ элементы. Сатурнъ, соединившись съ Марсомъ, произведетъ въ этомъ мірѣ всеобщее смятеніе. Меркурій не станетъ услуживать другимъ; Венера не будетъ никѣмъ уважаема, такъ какъ сдѣлается неприступной. Луна останется кровавой и мрачной, потому что лишится солнечнаго свѣта. Солнце не станетъ освѣщать землю, звѣзды же перестанутъ проявлять свое доброе вліяніе, такъ какъ земля не будетъ питать ихъ своими испареніями.

«Среди элементовъ не будетъ ни связи, ни взаимодѣйствія, ибо никто не будетъ никому обязанъ. Земля не произведетъ воды, вода не обратится въ воздухъ, изъ воздуха не родится огня, огонь не будетъ согрѣвать землю. Земля станетъ порождать однихъ чудовищъ, титановъ, гигантовъ; не будетъ дождя, свѣта, вѣтра, лѣта, осени. Люциферъ освободится изъ ада вмѣстѣ съ чертями и рогатыми дьяволами и захочетъ низвергнуть съ небесъ боговъ.

«Люди не станутъ спасать другъ друга; на крикъ о помощи никто не отзовется, никто не поможетъ. Почему? Да потому, что никто никому не долженъ и никто никому ничего не одолжалъ. Никто не заинтересованъ въ смерти, въ несчастіи ближняго. Однимъ словомъ, вѣра, надежда, милосердіе будутъ изгнаны изъ міра, такъ какъ люди рождены, чтобы помогать одинъ другому. Вмѣсто нихъ воцарятся недовѣріе, презрѣніе, злоба, съ цѣлой свитой разныхъ болѣзней и несчастій. Можно подумать, что Пандора опрокинула на людей свой ящикъ. Люди превратятся въ волковъ, станутъ убивать, разбойничать, отравлять, ненавидѣть.

«Органы человѣческіе придутъ въ такой же безпорядокъ. Голова не будетъ одолжать зрѣніе глазамъ, чтобы руководить ногами и руками; ноги откажутся носить туловище, руки перестанутъ работать, сердце разсердится и не станетъ биться, легкія откажутся дышать и т. д.

«Напротивъ того,—продолжалъ Панургъ—представьте себѣ міръ, гдѣ всѣ другъ у друга одолжаются. О, какая гармонія возстановится среди небесныхъ свѣтилъ! Мнѣ кажется, что я уже и теперь ее слышу не хуже самого Платона. Какая симпатія между элементами! Какъ плодородна и цвѣтуща станетъ земля! Среди людей воцарятся миръ, любовь, вѣрность, преданность, тишина, банкеты, праздники, радость, золото, серебро, мелкая монета, товары, и всѣ радостно станутъ потирать руки. Ни процесса, ни войны, ни споровъ, не будетъ ни ростовщиковъ, ни лихоимцевъ. Праведный Боже, это ли не золотой вѣкъ царства Сатурна! Милосердіе царитъ, правитъ, ликуетъ! Всѣ будутъ добры, прекрасны, справедливы. О, міръ счастливый! О, счастливыя существа, живущія въ немъ! Да будутъ трижды благословенны ваши дни! Я уже воображаю себя среди васъ»...

Панургъ еще долго распространялся на эту тему, а затѣмъ вдругъ перевелъ разговоръ на другую тему и спросилъ Пантагрюеля: «Скажите, по какому праву имѣющіе новый виноградникъ, строящіе новые дома и вступившіе недавно въ бракъ освобождаются въ первый годъ отъ военнаго похода?» — «По закону Моисея», отвѣтилъ Пантагрюель. «Но по-

Борьба Пантагрюеля съ великаномъ Лупгару.

чему же именно вмѣстѣ съ виноградарями, строителями освобождаются и молодожены?» — «По моему мнѣнію, — возразилъ Пантагрюель, — это дѣлается для того, чтобы они могли на свободѣ наслаждаться любовью; тогда, по крайней мѣрѣ, если на второй годъ они будутъ убиты на войнѣ, останутся въ живыхъ ихъ наслѣдники, потому что года совершенно достаточно для того, чтобы жена успѣла если не родить, то

хоть забеременѣть. Къ тому же жены всегда могутъ выйти замужъ и во второй разъ».

«Варенскіе проповѣдники,—сказалъ Панургъ,—ненавидятъ людей, которые вступаютъ въ бракъ, и одинъ изъ нихъ клялся всенародно, что лучше растлить сто невинныхъ дѣвушекъ, чѣмъ одинъ разъ имѣть дѣло со вдовой. Но всетаки я нахожу ваши разсужденія не совсѣмъ справедливыми. Что вы скажете, если я вамъ объясню освобожденіе молодоженовъ отъ воинской повинности по другому? По моему мнѣнію, мужей не берутъ въ первый годъ супружеской жизни потому только, что они слишкомъ ретиво предавались любовнымъ утѣхамъ и такъ истощили себя, что не въ состояніи вынести военной жизни».

Пантагрюель ничего не возразилъ ему на эту, но Панургъ дѣлалъ эти подходы не спроста и на другой день объявилъ своему благодѣтелю, что хочетъ жениться. «Ну, что жь, въ добрый часъ,—сказалъ Пантагрюель.—Я очень радъ, что вы хотите начать, наконецъ, порядочную жизнь». Однако, какъ оказалось изъ дальнѣйшаго разговора, Панургъ рѣшилъ это еще не окончательно и сперва хотѣлъ навѣрное узнать, будетъ ли вѣрна ему будущая жена и не наставитъ ли она ему роговъ, а такъ какъ Пантагрюель не могъ отвѣчать съ увѣренностью на подобные вопросы, то они принялись гадать и для этого открыли наудачу «Энеиду» Виргилія и прочли первые попавшіеся стихи.

Въ первый разъ они нашли слѣдующій стихъ:

«Не былъ достоинъ съ богами сидѣть и возлежать на постели богини».

«— Ну, это говоритъ не въ вашу пользу,—промолвилъ Пантагрюель.— Отсюда ясно усматривается, что вы будете рогаты. Богиня, столь мало симпатизирующая вамъ, никто иная, какъ Минерва, могущественная дѣвственница, врагъ рогатыхъ мужей и вѣтреныхъ женъ, измѣняющихъ мужьямъ.

«— А мнѣ кажется эти слова нужно понимать совершенно иначе,— проговорилъ Панургъ.—Они предвѣщаютъ, что жена у меня будетъ женщина благоразумная, скромная и вѣрная.

«—Ну, хорошо,—сказалъ Пантагрюель,—открывайте во второй разъ».

Въ этотъ разъ попались слѣдующіе стихи:

«Сломаны были всѣ кости и члены, кровь же отъ страха въ тѣлѣ застыла.

«— Это доказываетъ,—объяснилъ Пантагрюель,—что она васъ будетъ тузить спереди и сзади.

«— Напротивъ,—возразилъ Панургъ,—эти слова относятся ко мнѣ и означаютъ, что я буду битъ ее, какъ лютый тигръ, когда она разсердитъ меня».

Открыли въ третій разъ и Панургъ прочелъ:

«По женской привычкѣ, страстью сгорая, она утащила всѣ вещи».

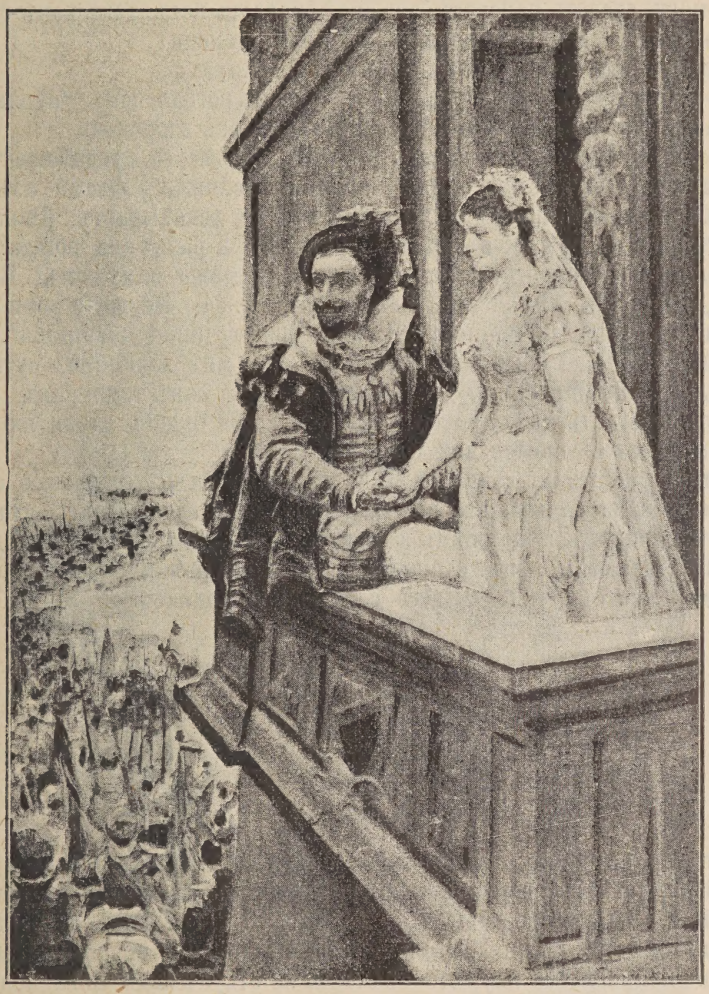
«— Она васъ обкрадетъ,—сказалъ Пантагрюель,—и мнѣ теперь ясно, что васъ ожидаетъ въ супружествѣ: вы будете рогаты, биты и обкрадены».

«— Напротивъ,—воскликнулъ Панургъ,—эти стихи доказываютъ, что она будетъ любить меня истинной любовью».

Не придя ни къ какому заключенію, они рѣшили гадать по снамъ. Панургъ обязался разсказать завтра, какой онъ увидитъ сонъ, и за-

тѣмъ предоставить его объяснять другимъ. На слѣдующій день въ семь часовъ утра Панургъ пришелъ къ Пантагрюелю разсказывать видѣнный имъ ночью сонъ.

«Вотъ идетъ нашъ сновидецъ,—пошутилъ надъ входящимъ Панургомъ Эпистемонъ.—Когда-то его за порядочную сумму продали дѣти Іакова».—«Я видѣлъ,—началъ женихъ,—прелестную молодую женщину,



Молодые супруги.

которая замѣчательно мило обходилась со мной. Никогда смертный не былъ такъ доволенъ и веселъ, какъ былъ я съ ней. Она цѣловала меня, обнимала, щекотала и въ концѣ концовъ сдѣлала на моей головѣ пару маленькихъ красивыхъ рожекъ. Немного спустя, не знаю, какимъ-то образомъ я былъ превращенъ въ тамбуринъ, а она въ ночную сову. На этомъ я проснулся, разсерженный, оскорбленный, возмущенный. Теперь объясните мнѣ, что это значитъ».

«— Я полагаю,—отвѣтилъ Пантагрюель,—что ваша жена не прилѣпитъ вамъ роговъ дѣйствительныхъ, на подобіе тѣхъ, которыми обладаютъ сатиры, но, тѣмъ не менѣе, она не будетъ вамъ вѣрна въ супружеской жизни и, отдаваясь другимъ, сдѣлаетъ васъ рогоносцемъ. Точно также я не вѣрю и тому, что вы преобразитесь въ вышеупомянутый инструментъ; по моему, это означаетъ, что она васъ будетъ лупцовать, какъ только ей вздумается. Насчетъ же ея превращенія въ сову могу сказать напередъ, что она обкрадетъ васъ, такъ какъ страсть къ воровству развита у совъ въ высокой степени».

Слыша эти слова, братъ Жанъ воскликнулъ:

«— Онъ правъ, ей Богу, правъ, ты будешь рогоносцемъ, увѣряю тебя. Ха-ха-ха, господинъ де-Cornibus, дай тебѣ Богъ здоровья!

«— Напротивъ,—возразилъ Панургъ,—мой сонъ предвѣщаетъ мнѣ счастливое супружество, я буду осыпанъ всякими благами изъ рога изобилія... Видѣть во снѣ рога еще ничего не доказываетъ: Діана тоже носитъ рога на головѣ въ видѣ полумѣсяца, а развѣ она рогата? Какъ можно назвать ее рогатой, если она не была даже замужемъ? Бахусъ, Панъ, Юпитеръ Аммонскій—всѣ носятъ рога. Неужели они рогоносцы? Значитъ, по вашему, Юнона—непотребная женщина? Нѣтъ, господа, рога, которые наставляла во снѣ мнѣ женщина, суть рога изобилія; женившись, я буду такъ же веселъ, какъ тамбуринъ, и буду звучать и играть не хуже его. Жена же моя будетъ столь же мила, какъ маленькая прелестная сова».

Однако, какъ ни старался Панургъ придать себѣ храбрости, сомнѣнія все же закрадывались ему въ душу, и, чтобы отогнать ихъ, онъ началъ обращаться ко всѣмъ за совѣтомъ. Прежде всего, по предложенію Пантагрюеля, онъ отправился къ колдуньѣ и спросилъ ее. Та дала ему листокъ сикоморы со слѣдующею надписью:

Ты лишишься
Своей чести.
Забеременѣетъ,
Но не отъ тебя.
Обкрадетъ,
Но не всего.
Будешь битъ
Довольно сильно.

Это пророчество довольно ясно подтверждало предсказанія Пантагрюеля, но Панургу очень не хотѣлось разставаться съ любимой мечтой и онъ все продолжалъ ее лелѣять. Отъ сивиллы онъ обратился за совѣтомъ къ нѣмому. Знаки, которые послѣдній показалъ Панургу, такъ не понравились ему, что онъ чуть не отдулъ бѣднаго глухонѣмого. Затѣмъ Панургъ пошелъ къ поэту Раминогробису, но тотъ насчетъ женитьбы высказался почти въ такомъ же духѣ, какъ и колдунья. Особенно не понравилось Панургу то обстоятельство, что онъ дурно отозвался о монахахъ-кордельерахъ. На жениха нашелъ благочестивый стихъ и онъ все время на обратномъ пути бранилъ, какъ только могъ, бѣднаго старика. Между прочимъ, разъ вспомнивъ о кордельерахъ, онъ разсказалъ своимъ спутникамъ случай, происшедшій съ однимъ изъ этихъ монаховъ. Сборщикъ податей Жанъ Додэнъ, встрѣтивъ однажды у рѣки монаха-кордельера Адама Кукуаля, пообѣ-

щалъ подарить ему новое платье, если тотъ возьмется перенести его черезъ рѣку на ту сторону. Братъ Кукуаль съ радостью согласился и, подобравъ рясу, посадилъ Додэна къ себѣ на плечи. Напѣвая Ave Maria stella, несъ онъ его, какъ Эней Анхиза, но, дойдя до середины по-

Сонъ Панурга.

тока, спросилъ, не имѣетъ ли Додэнъ при себѣ денегъ. Додэнъ отвѣчалъ, что у него полный кошель золота. «Какъ,—вскрикнулъ братъ Кукуаль,—и ты, зная, что намъ запрещено уставомъ носить при себѣ деньги, допустилъ совершить меня такой страшный грѣхъ! Несчастный, почему же ты не оставилъ золота на той сторонѣ у мельника? Теперь ты долженъ понести за это достойную кару» и, отпу-

стивъ ноги Додэна, заставилъ его нырнуть съ плечъ въ воду головою внизъ.

Наконецъ, Панургъ сталъ обращаться за разрѣшеніемъ своихъ вопросовъ къ разнымъ друзьямъ. Эпистемонъ далъ уклончивый отвѣтъ, зато братъ Жанъ съ свойственной ему экспансивностью горячо началъ защищать брачную жизнь.

«Женись, чортъ тебя возьми, — восклицалъ онъ,—женись, куманекъ! И куда ты себя сохраняешь? Развѣ не извѣстно тебѣ, что близится конецъ міра? Мнѣ говорили вѣрные люди, что ужь антихристъ народился. Правда, онъ покуда царапаетъ только своихъ мамокъ и нянекъ, потому что еще малъ. Или ты не хочешь предстать истасканнымъ на судъ Божій?.. Клянусь святымъ Ригоме,—продолжалъ братъ Жанъ,—я не посовѣтую тебѣ того, чего самъ не сдѣлалъ бы на твоемъ мѣстѣ. Только помни, что нужно непрестанно бить свою жену, если хочешь держать ее въ страхѣ и почтеніи».

Порѣшивъ съ этимъ вопросомъ, Панургъ спросилъ его, какого онъ мнѣнія о рогахъ.

«Видишь ли,—отвѣчалъ братъ Жанъ,—не всякій, кто хочетъ, можетъ быть рогоносцемъ. Если тебя украсятъ рожками, значитъ жена твоя будетъ хороша собой, слѣдовательно, у тебя будетъ много друзей и ты будешь спасенъ отъ одинокой жизни на старости лѣтъ. А вѣдь тебѣ только этого и нужно будетъ, грѣховодникъ. Богатство твое увеличится. И потомъ, разъ ужь это предназначено судьбой, неужели ты хочешь уклониться?».

Когда Панургъ вернулся изъ своего паломничества къ сивиллѣ, Пантагрюель созвалъ для совѣта теолога, доктора и законника. По мнѣнію теолога, жениться слѣдуетъ, насчетъ же роговъ онъ совѣтовалъ во всемъ полагаться на волю Божію. Конечно, это не удовлетворило Панурга и онъ обратился къ медику. Этотъ отвѣтилъ, что разъ Панургъ хочетъ жениться только для удовлетворенія своей похоти, то умертвить сладострастныя желанія можно и другимъ способомъ, не прибѣгая къ браку, а именно камфорой, усиленной физической и умственной работой, а также умѣреннымъ употребленіемъ вина. «Послѣднее совершенно правильно,—подтвердилъ братъ Жанъ,—я испыталъ это на себѣ: когда я бываю пьянъ, мнѣ хочется только спать». Противъ же невѣрности жены онъ далъ слѣдующее лекарство. Когда-то Юпитеръ учреждалъ дни праздниковъ всѣхъ боговъ и богинь, но къ несчастью позабылъ совсѣмъ о богѣ Рогоносцѣ, который въ это время слушалъ разбиравшееся въ Парижскомъ судѣ дѣло одной изъ его вѣрныхъ служительницъ. Нѣсколько дней спустя, богъ Рогоносецъ явился на Олимпъ и, узнавъ, что его обдѣлили, сталъ требовать у Юпитера учрежденія въ его честь особаго праздника, причемъ напомнилъ богу боговъ про услуги, оказанныя въ свое время Рогоносцемъ. Юпитеръ изъ чувства справедливости долженъ былъ уступить ему и повелѣлъ людямъ чтить этого бога. Но такъ какъ всѣ дни уже были разобраны, то праздникъ въ честь него былъ учрежденъ въ одинъ день съ праздникомъ богини Ревности. Въ его распоряженіе были отданы всѣ мужья, обладавшіе прелестными женами; мужьямъ предписано было приносить въ жертву ему подозрѣнія, недовѣріе, шпіонства, выслѣживанія. Кто не чтилъ бога Рогоносца, того онъ оставлялъ одного съ своей же-

ной, никогда имъ не помогалъ и даже совсѣмъ къ нимъ не заглядывалъ; напротивъ, кто приносилъ ему вышеуказанныя жертвы, съ тѣмъ Рогоносецъ пребывалъ безотлучно, заставлялъ его слѣдить за женой, помогалъ забрасывать и запутывать дѣла, награждалъ его ревностью, посѣщалъ его днемъ и ночью. Мораль этого разсказа такова: если мужъ не преслѣдуетъ своей жены ревностью—никогда не бу-

Адамъ Кукуаль и Жанъ Додэнъ.

детъ носить роговъ, потому что женщинѣ нравится только запрещенный плодъ.

Съ этимъ согласился и Карпалэнъ, законникъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ, что въ молодости всегда достигалъ цѣли у женщинъ, увѣряя ихъ, будто мужья сильно ревнуютъ ихъ. Присутствовавшій при разговорѣ Эпистемонъ разсказалъ комедію изъ семейной жизни, видѣнную имъ въ Монпелье. Однажды нѣкто женился на нѣмой. Соскучившись вѣчно молчать съ женой, онъ попросилъ докторовъ вылечить ее

отъ нѣмоты. Тѣ сдѣлали какую-то операцію, и жена стала говорить, но такъ неумолчно, что бѣдный мужъ обратился снова къ врачамъ и умолялъ ее сдѣлать опять нѣмою. Однако, доктора отказались, говоря, что это не въ ихъ власти, и, желая помочь хоть чѣмъ-нибудь мужу, превратили его въ глухого. Когда жена узнала, что мужъ не слышитъ, она пришла въ ярость. Черезъ нѣкоторое время явились доктора и стали требовать гонорара, но такъ какъ мужъ ничего не слышалъ, они, обозленные, насыпали ему на спину какого-то порошку, отъ чего онъ сошолъ съ ума и бросился вмѣстѣ съ разъяренной супругой бить врачей.

Выслушавъ эту исторію, Пантагрюель попросилъ философа Труиллогана отвѣтитъ на вопросъ: «Долженъ ли жениться Панургъ или нѣтъ?»—«И то, и другое», отвѣтилъ философъ. «Что вы говорите?» спросилъ Панургъ. «То, что вы слышите», былъ отвѣтъ. «Что я слышу?» возразилъ Панургъ. «То, что я говорю», отвѣчалъ Труиллоганъ. «Ну, однако, долженъ я жениться или нѣтъ?»—«Ни то, ни другое».—«Чортъ меня возьми,—проговорилъ Панургъ,—если я хоть что-нибудь понимаю во всемъ этомъ. Подождите, я одѣну очки на лѣвое ухо, чтобы васъ лучше слышать. Мнѣ положительно кажется, что я спускаюсь въ мрачный колодезь, на днѣ котораго, по увѣреніямъ Гераклита, спрятана истина. Я ни капли не вижу и ничего не понимаю; мысли и чувства у меня перемѣшались. Итакъ, начнемъ снова: жениться мнѣ или нѣтъ?»

Труиллоганъ. Повидимому, нужно.

Панургъ. А если я не женюсь?

Труиллоганъ. Не вижу въ этомъ никакого неудобства.

Панургъ. Вы не видите?

Труиллоганъ. Нѣтъ, или мнѣ измѣняетъ зрѣніе.

Панургъ. А вотъ я такъ нахожу до пятисотъ неудобствъ.

Труиллоганъ. Пересчитайте.

Панургъ. То есть, правильнѣе говоря, я взялъ первую попавшуюся цифру.

Труиллоганъ. Я слушаю.

Панургъ. Не могу же я, тысячу дьяволовъ, обходиться безъ женщины.

Труиллоганъ. Оставьте этихъ грубыхъ животныхъ.

Панургъ. Еще Дидо, жалуясь, сказалъ, что спать безъ жены или одному значитъ вести скотскую жизнь.

Труиллоганъ. Къ вашимъ услугамъ.

Панургъ. Гмъ... ну, такъ какже, долженъ я жениться?

Труиллоганъ. Это зависитъ отъ обстоятельствъ.

Панургъ. Но найду ли я хорошую жену?

Труиллоганъ. Какая попадется.

Панургъ. Предположимъ, попадется хорошая; буду ли я счастливъ?

Труиллоганъ. Пожалуй.

Панургъ. Ну, а если я встрѣчу нехорошую?

Труиллоганъ. Въ этомъ меня не вините.

Панургъ. Но посовѣтуйте же, что мнѣ дѣлать?

Труиллоганъ. Что хотите.

Въ этомъ родѣ Панургъ и философъ разсуждали довольно долго и не пришли ни къ какому результату. Пантагрюель, соскучившись этимъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, поднялся, поблагодарилъ гостей и отправился въ свои покои. Но, проходя мимо Панурга, онъ сжалился при видѣ его печальнаго лица и посовѣтовалъ ему

Болтливая жена.

обратиться къ какому-нибудь дураку. «Я слышалъ,—сказалъ Пантагрюель, — что глупцы часто даютъ совѣты не хуже умныхъ людей. Почемъ знать, можетъ быть, то, чего не могли сдѣлать ученые, рѣшитъ очень легко дуракъ».

На другой день Пантагрюелю пришлось присутствовать на судѣ судьи Бриндуа. Судью этого вызвали въ сенатъ, чтобы потребовать отъ него объясненій по поводу его явно безсмысленныхъ рѣшеній

въ послѣднее время. Бриндуа вмѣсто всякаго объясненія сослался на свою старость и на то, что глаза у него съ лѣтами стали такъ плохи, что онъ можетъ узнавать очки на игральныхъ костяхъ только на ощупь. Когда же его попросили выражаться яснѣе, Бриндуа разсказалъ, что въ судейскихъ дѣлахъ при рѣшеніи всѣхъ процессовъ онъ составлялъ приговоры—кто правъ, кто виноватъ—посредствомъ метанія костей. На вопросъ сенаторовъ, зачѣмъ онъ заставляетъ составлять бумаги и всякаго рода прошенія, старый судья отвѣчалъ, что дѣлается это имъ по тремъ причинамъ: во-первыхъ, для формы, безъ которой его рѣшенія не производили бы такого впечатлѣнія; во-вторыхъ, для здоровья, такъ какъ перелистываніе, пересматриваніе и перекладка бумагъ съ мѣста на мѣсто служатъ для него до нѣкоторой степени гимнастическимъ упражненіемъ, а вѣдь извѣстно, ни что такъ не сохраняетъ здоровья, какъ физическія упражненія, и въ-третьихъ, чтобы выиграть время, потому что, по пословицѣ, время—отецъ истины. Надо дать бумагамъ какъ слѣдуетъ улежаться, заставить тяжущихся тратить на адвокатовъ и на прошенія какъ можно больше денегъ и только послѣ всего этого объявить свой приговоръ, на который никакая изъ сторонъ не подастъ апелляціи, вслѣдствіе истощенія терпѣнія и денежныхъ средствъ.

Сенаторы не знали, какъ поступить съ судьей Бриндуа, и попросили Пантагрюеля высказать свое рѣшеніе. Молодой принцъ сказалъ, что, принимая во вниманіе старость судьи, его можно простить, тѣмъ болѣе, что судья рѣшилъ такимъ способомъ массу дѣлъ и сенатъ ни разу, исключая послѣдняго времени, не нашелъ къ чему придраться. Вмѣсто того, чтобы обижать старика и лишать его должности, Пантагрюель совѣтовалъ приставить къ нему какого-нибудь молодого юриста, который бы и руководилъ старымъ судьей. «Если же,—заключилъ онъ свою рѣчь,—вы не захотите оставить его у себя, подарите его мнѣ; въ моемъ обширномъ государствѣ найдется для него мѣсто».

Съ этими словами Пантагрюель вышелъ изъ зала и отправился домой, гдѣ Панургъ совѣтовался по поводу мучившихъ его сомнѣній насчетъ женитьбы съ дуракомъ Трибуле. Изложивъ ему въ вычурной рѣчи суть дѣла, Панургъ сталъ ждать отвѣта. Дуракъ прежде всего сильно ударилъ Панурга по спинѣ, потомъ вручилъ ему бутылку съ кускомъ свинины и, качая головой, промолвилъ:

— Ей Богу, сумасшедшій, берегись монаха, музыкантъ изъ Безансэ!

Проговоривъ эту фразу, онъ удалился отъ общей компаніи и больше отъ него нельзя было добиться ни одного слова.

— Не будемъ къ нему приставать, — замѣтилъ Пантагрюель, — а лучше понаблюдаемъ за нимъ. Вы, вѣроятно, видѣли какъ странно качалась его голова? По ученіямъ маговъ и древнихъ философовъ такое покачиванье надо принимать за наитіе свыше... онъ, кажется, назвалъ васъ сумасшедшимъ; это значитъ, что вы, желая жениться на старости лѣтъ, сдѣлаете большую глупость. Онъ сказалъ также: «Берегись монаха»; клянусь честью, васъ наградитъ рогами какой-нибудь монахъ... Бутылка же, которую онъ вамъ вручилъ, мнѣ думается, ясно показываетъ, что ваша жена будетъ пьяницей.

— Напротивъ, — возразилъ Панургъ,—вѣдь бутылка была пуста;

я готовъ поклясться, что Трибуле хотѣлъ этимъ намекнуть, чтобы я отправился къ оракулу «Божественной бутылки». Я знакомъ съ однимъ человѣчкомъ, которому хорошо извѣстно мѣсто ея нахожденія, то есть храмъ и оракулъ. Онъ насъ туда проводитъ. Поѣдемъ вмѣстѣ, умоляю васъ. Повѣрьте, мы увидимъ изумительныя вещи.

Панургъ въ поискахъ за истиной.

— Охотно,—отвѣтилъ Пантагрюель,—но, прежде чѣмъ отправиться въ это путешествіе, полное опасностей, случайностей...

— Какихъ опасностей?—возразилъ Панургъ.—Опасности убѣгаютъ отъ меня за семь льё въ окружности.

— Да, но всетаки намъ надо, во-первыхъ, отослать обратно въ Блуа Трибуле; во-вторыхъ, попрощаться съ моимъ батюшкой; въ-третьихъ, нужно запастись проводникомъ.

На послѣднее Панургъ возразилъ, что у него есть другъ Ксеноманъ; онъ отлично знаетъ языки и дорогу къ оракулу, такъ что никакого другого проводника не потребуется.

Нѣсколько дней спустя, Пантагрюель уже прощался съ своимъ отцомъ Гаргантюа, и въ сопровожденіи Панурга, Эпистемона, брата Жана, аббата Телемы, Ксеномана, великаго путешественника, явившагося по просьбѣ Панурга, и другихъ благородныхъ друзей, прибылъ въ гавань Талассо близъ Саламмо и, снарядивъ громадный флотъ, поплылъ отыскивать оракулъ «Божественной бутылки».

Описаніе этого путешествія составляетъ содержаніе четвертой книги. «Добрые люди, спаси и сохрани васъ Господь! — восклицаетъ авторъ въ прологѣ.—«Гдѣ вы? Не могу разглядѣть васъ. Подождите-ка, я надѣну очки. Ага, вотъ вы! Все идетъ, значитъ, по хорошему! Вы, ваши жены, дѣти, родственники и все семейство въ добромъ здоровьи. Это хорошо, это мнѣ нравится. Остается только поблагодарить Бога.

«Что касается меня, то, благодаря Его святой волѣ, я весь къ вашимъ услугамъ. Съ небольшимъ запасомъ пантагрюелизма (вы, вѣроятно, знаете, что это слово означаетъ извѣстную веселость духа, происходящую отъ презрѣнія къ происходящимъ событіямъ) я живъ, здоровъ и, если угодно, не прочь выпить... Я всегда твердо надѣюсь, что Богъ слышитъ наши молитвы и исполняетъ наши просьбы, лишь бы проситель не былъ черезчуръ требователенъ и придерживался бы золотой серединки.

«И вотъ тому примѣры.

«Нѣкій сынъ Израиля рубилъ дерево на берегу Іордана; какъ вдругъ топоръ соскочилъ съ рукоятки и упалъ въ рѣку. Еврей сейчасъ же обратился къ Богу съ просьбой о возвращеніи и, вѣруя во всемогущество Бога, бросилъ въ воду топорище вслѣдъ за топоромъ. Просьба была скромная, и Провидѣніе совершило чудо: желѣзный топоръ поднялся со дна и самъ собой прикрѣпился къ обуху. Если бы онъ захотѣлъ подняться на небеса въ огненной колесницѣ, на подобіе Иліи, или произвести столь же многочисленное потомство, какое произвелъ Авраамъ, или быть богатымъ, какъ Іовъ, сильнымъ, какъ Самсонъ, красивымъ, какъ Авессаломъ, то еще вопросъ, исполнилъ ли бы Богъ его просьбу.

«Подобную же исторію о топорѣ разсказываетъ въ своихъ апологахъ мудрый Эзонъ французскій.

«Однажды бѣдный крестьянинъ родомъ изъ Граво, по имени Куйлатрисъ, дровосѣкъ, потерялъ топоръ. Что ему было дѣлать? Безъ топора у него семья могла погибнуть съ голода. Въ отчаяніи дровосѣкъ сталъ громко призывать Юпитера, постоянно восклицая: «Мой топоръ, мой топоръ, и ничего больше! О, Юпитеръ, топоръ или денье, чтобы купить новый! Увы, мой бѣдный топоръ!». Юпитеръ же въ это время совѣтовался о важныхъ дѣлахъ съ другими богами; однако, громкіе крики Куйлатриса долетѣли до Олимпа и заставили бога боговъ оторваться отъ засѣданія. «Кой чортъ тамъ такъ ужасно завываетъ?» спросилъ Юпитеръ и послалъ Меркурія посмотрѣть сквозь облака на землю. «Такъ, такъ,—проговорилъ Юпитеръ, выслушавъ донесеніе Меркурія,— надо вернуть ему топоръ, но съ однимъ условіемъ. Вы спуститесь на землю и предъявите ему три топора: одинъ серебряный, другой золотой

и третій его собственный, желѣзный. Если онъ возьметъ свой, тогда отдайте ему остальные два, если же онъ ухватится за золотой или серебряный, отрубите ему голову».

«Меркурій тотчасъ спустился на землю и, кинувъ къ ногамъ дрово-

Судья Бриндуа.

сѣка три топора, сказалъ: «Ты довольно кричалъ. Твоя просьба услышана, вотъ выбирай, который топоръ твой». Куйлатрисъ поднялъ сперва золотой, повертѣлъ его въ рукахъ и, положивъ обратно, проговорилъ: «Нѣтъ, это не мой». Также отказался онъ и отъ серебрянаго. Затѣмъ, взявъ въ руки желѣзный, онъ взглянулъ на ручку и, увидавъ на ней свой значекъ, разсмѣялся и сказалъ: «Чортъ возьми, это какъ разъ бу-

детъ мой. Если вамъ угодно отдать мнѣ его, я обѣщаю принести вамъ въ жертву крынку молока пятнадцатаго мая».—«Возьми, добрый человѣкъ,—отвѣтилъ Меркурій,—всѣ три; ихъ даритъ тебѣ Юпитеръ за то, что ты скроменъ въ своихъ желаніяхъ».

«Куйлатрисъ вѣжливо поблагодарилъ Меркурія и, подвязавъ къ поясу топоры, отправился въ свою деревню и вскорѣ сталъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ поселянъ. Сосѣди, увидѣвъ его, стали, конечно, справляться, откуда и какимъ образомъ достались ему драгоцѣнные топоры, и узнавъ, что ихъ подарилъ ему Юпитеръ вмѣсто утеряннаго, тотчасъ же всѣ рѣшили потерять и свои. Разсказываютъ даже, что многіе небогатые дворяне продали свои шпаги и купили вмѣсто нихъ топоры, чтобы при случаѣ потерять ихъ и такимъ образомъ разбогатѣть.

«Вскорѣ воздухъ потрясся отъ криковъ и завываній. «Мой топоръ, мой топоръ, Юпитеръ!» оглашали окрестности крестьяне, потерявшіе свои топоры. Меркурій немедленно спустился на землю и бросилъ передъ каждымъ три топора. Всѣ, безъ сомнѣнія, выбирали золотой и нагибались, благодаря Юпитера. Но въ тотъ моментъ, когда они уже брались за топоры, Меркурій отрубалъ имъ головы, какъ приказалъ Юпитеръ. Головъ было отрублено ровно столько, сколько было утеряно топоровъ. Вотъ и все...

«Умѣряйте ваши желанія. Вы скажете, что Богу одинаково легко дать семьдесять восемь тысячъ, какъ и одну тринадцатую часть половины. Такъ какъ Онъ всемогущъ, милліонъ для Него одно и то же, что и оболъ. Ай, ай, и отъ кого только научились вы разсуждать такимъ образомъ о всемогуществѣ и предопредѣленіи Божіемъ, бѣдные люди? Ш-ш-ш... преклоняйтесь предъ Его святымъ ликомъ и кайтесь въ вашихъ прегрѣшеніяхъ».

Снарядивъ многочисленный флотъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ Пантагрюель и его друзья двинулись въ путь. Первый островъ, къ которому они пристали на четвертый день плаванія, назывался Медамоти (Нигдѣ). На немъ въ это время происходила ярмарка, и потому путешественники накупили здѣсь разныхъ картинъ, ковровъ и необыкновенныхъ звѣрей, мѣняющихъ свой цвѣтъ на подобіе хамелеона.

На пятый день, когда они объѣзжали полюсъ, имъ повстрѣчалось торговое судно. Во время обмѣна привѣтствіями Панургъ поссорился съ купцомъ Дендано. Причиной ссоры послужила слѣдующая выходка со стороны Дендано. Онъ, увидѣвъ Панурга безъ клапана на панталонахъ и съ очками, привѣшенными къ шляпѣ, сказалъ своимъ товарищамъ: «Посмотрите, этотъ рогоносецъ получилъ даже медаль».

— Какой я рогоносецъ, — возразилъ Панургъ, — я даже не женатъ, какъ ты, что можно заключить, глядя на твою отвратительную рожу.

— Да, правда,—отвѣчалъ торговецъ, — я женатъ и не согласился бы быть опять холостымъ за всѣ очки Европы. У меня жена одна изъ прелестнѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ женщинъ. Я везу ей въ подарокъ драгоцѣнный кораллъ. А ты кто такой, куда ѣдешь, что ты дѣлаешь, антихристъ очкастый? Отвѣчай, если вѣруешь въ Бога!

— А я тебѣ скажу, что имѣлъ дѣло съ твоей столь прелестной и честной женой, дѣло, которому такъ сочувствуетъ Пріапъ, богъ са-

довъ. Что жь ты молчишь? Говори, сводникъ Магомета, чортъ тебя побери!

— Я лучше угощу тебя ударомъ шпаги и заколю, какъ барана.

Сказавъ это, купецъ ухватился за мечъ, но пока онъ вытаскивалъ свой заржавленный клинокъ, къ ссорившимся подоспѣли Панта-

Ссора Панурга съ продавцомъ овецъ Дендано.

грюель и хозяинъ судна и помирили ихъ, заставивъ распить нѣсколько бутылокъ вина.

Примиреніе состоялось, однако, только наружное: въ глубинѣ души Панургъ все еще питалъ злобу къ торговцу и задумалъ ему отмстить. Угостивъ Дендано виномъ, Панургъ скромно попросилъ продать ему одну изъ его овецъ.

— Ахъ, вы, отважный покупатель овецъ, вамъ не покупать, а скорѣе воровать надо,—отвѣтилъ ему иронически купецъ.

— Хорошо, хорошо, — проговорилъ Панургъ. — но всетаки будьте такъ любезны, продайте мнѣ одну овцу; сколько вы хотите?

— Какъ,—возразилъ торговецъ,—вы развѣ не видите, что это длиннорунныя овцы. Язонъ дѣлалъ изъ нихъ золотое руно. Вѣдь это, поймите, восточные барашки.

— Пусть, — отвѣтилъ Панургъ, — а все же продайте, пожалуйста, мнѣ одного, я сейчасъ же вамъ заплачу наличными.

— Милый сосѣдъ, послушайте меня другимъ ухомъ.

— Хорошо.

— Вы ѣдете въ страну Свѣточей отыскивать оракулъ?

— Къ вашимъ услугамъ.

— Посмотрѣть свѣтъ?

— Пожалуй.

— Весело провести время?

— Вѣрно.

— Васъ вѣдь, кажется, зовутъ Робинъ-барашекъ?

— Какъ вамъ угодно.

— Я не хочу разсердить васъ.

— Я такъ и понимаю.

— Вы вѣдь состоите въ шутахъ у этого короля?

— Хорошо.

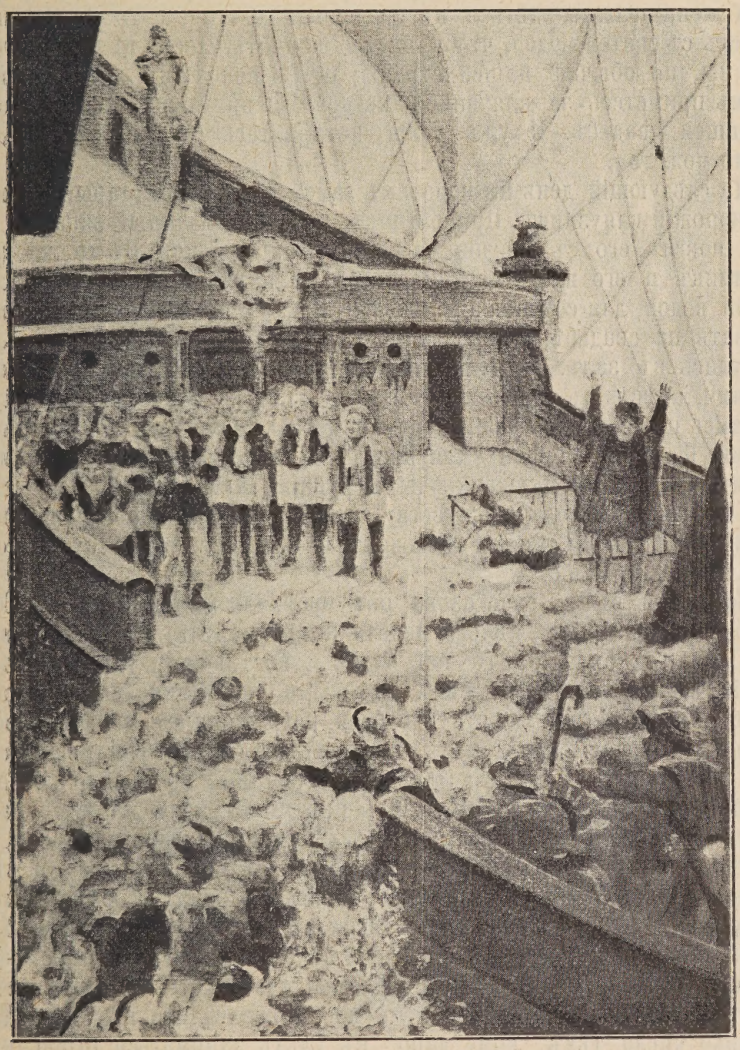
— Ха-ха, вы ѣдете посмотрѣть свѣтъ, вы шутъ короля, васъ зовутъ Робинъ-барашекъ, посмотрите вонъ на ту овцу, ее тоже зовутъ Робиномъ, какъ и васъ. Бе-бе! Какой прекрасный голосъ!

Купецъ еще долго издѣвался надъ Панургомъ, стараясь вывести его изъ терпѣнія, и только въ волю натѣшившись, продалъ ему овцу за три золотыхъ. Взявъ купленную овцу на руки, Панургъ тутъ же бросилъ ее въ воду, за нею тотчасъ попрыгали за бортъ и другія овцы. Напоръ ихъ былъ такъ стремителенъ и силенъ, что торговецъ и его помощники тщетно старались удержать и спасти хоть часть стада; ихъ силы оказались слишкомъ слабыми, и овцы столкнули своихъ хозяевъ въ море, гдѣ тѣ и утонули. Такъ жестоко отмстилъ за себя Панургъ.

Продолжая быстро путь при попутномъ вѣтрѣ, путешественники вскорѣ подъѣхали къ острову Союзовъ, на которомъ всѣ жители приходились другъ другу родственниками, но степени родства были установлены какимъ-то страннымъ, необыкновеннымъ способомъ. Такъ, трехлѣтняя дѣвочка называла старика «моя дочь», а старикъ въ свою очередь называлъ ее «мой отецъ». Въ другомъ мѣстѣ путешественники слышали, что юноша, прощаясь съ дѣвушкой, сказалъ: «Прощай, мое бюро!», а она отвѣтила ему: «Прощай, мой процессъ!»—«Клянусь святымъ Треньяномъ,—проговорилъ при этомъ Гимнастъ,—этотъ процессъ часто, должно быть, лежитъ на бюро!». Далѣе они слышали, что влюбленные называли другъ друга устрицей и раковинкой, мякишемъ и коркой, топоромъ и топорищемъ и т. д. Кромѣ того, всѣ жители этого удивительнаго острова имѣли носы въ видѣ трефоваго туза.

Продолжая дальше путь, они приплыли къ острову Кели (Губы), гдѣ были очень любезно приняты королемъ. Однако, любезности короля не шли дальше изліяній чувствъ, такъ что братъ Жанъ долженъ былъ пробраться потихоньку на кухню, чтобы отыскать чего-нибудь болѣе существеннаго. Затѣмъ они посѣтили островъ Прокуратуры, населенный кляузниками. Толмачъ по поводу этихъ жителей

разсказалъ нѣсколько любопытныхъ подробностей. Кляузники живутъ и думаютъ только объ одномъ—быть побитыми. Когда какой-нибудь дворянинъ, возмущенный ихъ кляузами и бранью, бросится на нихъ съ кулаками или вышвырнетъ изъ окна своего замка, они подаютъ на него жалобу въ судъ и требуютъ съ него вознагражденія; если же



«Панургово стадо».

ихъ долго никто не бьетъ, они голодаютъ всей семьей, а иногда даже и умираютъ.

Панургъ, присутствовавшій при этихъ разсказахъ, замѣтилъ, что отъ кляузниковъ можно хорошо отдѣлываться способомъ, который примѣнилъ храбрый рыцарь Баше. Онъ, вернувшись съ войны, въ которой отважно защищался противъ папы Юлія II, сталъ каждый день по-

лучать оскорбительныя письма. Чтобы отдѣлаться хоть какъ-нибудь отъ низкихъ кляузниковъ, Баше придумалъ такое средство. Позвавъ къ себѣ булочника Луаре съ женой и кюрэ Удара, онъ обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью: «Дѣти мои, вы знаете, какъ досаждаютъ мнѣ кляузниками; теперь я рѣшилъ проучить ихъ. Поэтому будьте готовы явиться по моему зову въ залъ, причемъ вы, Луаре, и ваша жена должны одѣться въ свадебныя платья, а господинъ кюрэ придетъ съ святой водой, чтобы васъ обвѣнчать. Послѣ вѣнчальнаго обряда вы, по обычаю нашей страны, шутя поколотите другъ друга, а затѣмъ приметесь за кляузника, котораго я приглашу присутствовать на вашей свадьбѣ. И ужъ тутъ постарайтесь! Отдѣлайте его, какъ только можете».

На слѣдующій день къ воротамъ замка подъѣхалъ старый, толстый краснорожій кляузникъ. Привратникъ, предувѣдомленный заранѣе, тотчасъ повелъ его съ поклонами во внутренніе покои. Въ то же время булочникъ и его жена надѣли свадебные наряды, а кюрэ явился съ святой водой для совершенія обряда. Кляузника пригласили присутствовать на свадьбѣ, и когда онъ выразилъ полную готовность, всѣ двинулись въ залъ. Молодые, обмѣнявшись нѣсколькими легонькими ударами, вмѣстѣ съ другими гостями подошли къ кляузнику и, пріятно улыбаясь и говоря ему разные комплименты, принялись тузить его кулаками. Въ концѣ концовъ кляузникъ, съ переломанными ребрами, съ подбитыми глазами и вывихнутыми руками, чуть живой добрался до дома и, только благодаря искусству врачей, кое-какъ снова поправился. Съ тѣхъ поръ этотъ милый господинъ забылъ всѣ свои кляузы и оставилъ въ покоѣ Баше.

Во время этихъ разсказовъ они проѣхали мимо островов Тохю-Бахю, на которыхъ ничего нельзя было сварить, такъ какъ великанъ Брингенарилъ съѣлъ всѣ чугуны, кастрюли и горшки, за неимѣніемъ вѣтряныхъ мельницъ, которыми, по обыкновенію, питался. Далѣе они встрѣтили девять кораблей, нагруженныхъ монахами всѣхъ орденовъ. Пантагрюель думалъ, что встрѣча съ благочестивыми старцами предвѣщаетъ имъ счастливое путешествіе, но вышло какъ разъ наоборотъ. Едва монахи скрылись изъ глазъ, какъ на морѣ разразилась ужасная буря. Небо покрылось тучами, загремѣлъ громъ, заблистала молнія, тьма окутала корабль, а высокія волны съ пѣной захлестали черезъ бортъ. Панургъ со страха охватилъ руками мачту и взывалъ ко всѣмъ святымъ. «Боже милостивый, Пресвятая Дѣва, нельзя ли теперь, сейчасъ опустить меня на твердую землю!—восклицалъ онъ.—О, трижды, четырежды счастливы тѣ, кто теперь садитъ разсаду! Боги, почему я не могу тоже садить разсаду? Какъ невелико число тѣхъ, кому дано въ удѣлъ заниматься огородничествомъ!».

Пантагрюель, помолившись Богу, сталъ на руль, а братъ Жанъ, Эпистемонъ и другіе помогали матросамъ. Только Панургъ продолжалъ трястись отъ страха у мачты и малодушно охать. «Бе-бе-бе,—кричалъ онъ брату Жану,—мой другъ, мой духовный отецъ, я тону, тону, вода черезъ воротникъ протекла мнѣ въ башмаки. Смотри, эта волна, о, братъ Жанъ, она утопитъ, уничтожитъ насъ, исповѣдуй меня, благослови!».

— Иди, чортъ тебя возьми,—отвѣчалъ ему братъ Жанъ,—иди лучше намъ помогать, тридцать тысячъ дьяволовъ тебѣ на шею.

— Не ругайтесь,—отвѣчалъ Панургъ,—потерпите, завтра сколь о угодно, только не сегодня.

Пока братъ Жанъ переругивался съ Панургомъ, вдругъ раздался

Баше проучаетъ кляузника.

зычный голосъ Пантагрюеля. «Земля, земля!—восклицалъ онъ.—Я вижу землю. Смѣлѣе, дѣти!». Всѣ засуетились, напрягли послѣднія усилія, и корабль быстро сталъ приближаться къ берегу. Буря понемногу утихала, небо прояснилось.

— Ха-ха,—смѣялся Панургъ,—все идетъ отлично. Опасность миновала. Будьте любезны, спустите меня на берегъ первымъ. Мнѣ очень нужно, у меня здѣсь дѣла. Что жь, помогать вамъ? Какъ, братъ Жанъ, вы ничего не дѣлаете? Но развѣ теперь время выпи-

вать? Кто можетъ поручиться, что буря не поднимется вновь? Отлично, отлично! А братъ Жанъ всетаки ничего не дѣлаетъ. Отнынѣ мы будемъ его называть «братъ Жанъ, ничего не дѣлающій». Сидитъ себѣ и смотритъ, какъ я потѣю, помогая матросамъ. Ахъ, да, извините за вопросъ, какой толщины борта нашего корабля?

— Они въ два пальца толщиной,—отвѣчалъ шкиперъ,—можете не бояться.

— Такъ, значитъ, мы были на два пальца отъ погибели. О, знаете, за меня вамъ бояться нечего, меня вѣдь зовутъ Гильомъ Безстрашный. Я не понимаю овечьей храбрости, а знаю только волчью храбрость. Вообще я ничего не боюсь, кромѣ разныхъ опасностей.

Островъ, къ которому пристали путники, назывался островомъ Макреонъ и былъ населенъ радушными, гостепріимными старцами (макреонъ по-гречески значитъ старикъ). Они на славу угостили Пантагрюеля, а затѣмъ показали ему дремучіе лѣса, гдѣ жили благотворные геніи. Когда кто-нибудь изъ этихъ геніевъ умиралъ, на свѣтѣ появлялись болѣзни, голодъ и частыя бури на морѣ; когда же они всѣ находились въ добромъ здоровьи, то и на землѣ шло все по хорошему.

Поблагодаривъ старцевъ, путешественники при попутномъ вѣтрѣ вышли въ открытое море и вечеромъ того же дня проѣхали мимо острова «Скрытнаго», гдѣ жило чудовище Unaresmeprenant, т. е. Постъ. Это страшилище питалось только рыбой и овощами, все время проводило въ слезахъ, раздавало индульгенціи, никогда не обѣдало, а только завтракало. На вопросъ спутниковъ, откуда могло взяться это «чудище обло и озорно», Пантагрюель далъ слѣдующее объясненіе.

Физисъ (природа) прежде всего произвела Красоту и Гармонію, Антифизисъ же, всегда враждовавшая съ природой, породила Безобразіе и Несогласіе. У нихъ была совершенно круглая голова, большія ослиныя уши, вытянутыя кверху, глаза были снаружи и сидѣли на костяныхъ отросткахъ, ноги и руки были вывернуты назадъ. Уроды эти ходили на головахъ колесомъ. Антифизисъ хвалила всѣмъ и каждому своихъ выродковъ и доказывала, что всякій благоразумный человѣкъ долженъ ходить вверхъ ногами, такъ какъ волоса не что иное, какъ корни, и потому должны быть всегда на землѣ. Глупые и безсмысленные, конечно, съ ней соглашались и даже подражали ей. Послѣ этого она произвела на свѣтъ папистовъ, ханжей, пустосвятовъ, сектаторовъ и другихъ безобразныхъ и противоестественныхъ чудовищъ.

Миновавъ островъ «Скрытный», они благополучно высадились на островѣ «Дикомъ». Онъ былъ населенъ колбасами, которыя, принявъ Пантагрюеля за «Постъ», рѣшили его захватить въ плѣнъ, такъ какъ все время враждовали съ нимъ. Колбасъ вышло противъ путешественниковъ сорокъ двѣ тысячи. Такое количество смутило даже Пантагрюеля, и онъ пригласилъ всѣхъ своихъ товарищей на общій совѣтъ.

Здѣсь Рабле, вѣроятно, чувствуя, что хватилъ нѣсколько черезъ край, старается доказать существованіе людей-колбасъ. «Вы, должно быть, не вѣрите, — спрашиваетъ онъ, — въ справедливость моихъ словъ? Впрочемъ, какъ хотите; если же не вѣрите, подите сами посмотрите. Но я говорю вамъ, что самъ лично ихъ видѣлъ на островѣ «Дикомъ». Я вѣдь его вамъ называю».

Далѣе приводятся доказательства.

Змѣя, соблазнившая Еву, была колбасоподобна.

«Швейцарцы, воинственный и храбрый народъ, въ древнее время, какъ извѣстно, были сосисками *). Гимантоподы, племя въ Эѳіопіи, по описанію Плинія, не что иное, какъ колбасы.

Панургъ во время бури.

«Если эти доказательства не удовлетворяютъ васъ, поѣзжайте въ Лузиньянъ, Партенэ, Вованъ, Мерванъ и Понсегъ въ Пуату. Тамъ вы найдете правдивыхъ, честныхъ свидѣтелей, которые поклянутся вамъ, что Мелузина, ихъ основательница, состояла изъ двухъ частей: верхняя половина тѣла была женская, нижняя же—змѣевидная колбаса, или кол-

*) Игра словъ—souisses и saulcisses.

басовидная змѣя, и тѣмъ не менѣе, она обладала смѣлыми, красивыми манерами, которымъ еще и теперь подражаютъ въ Бретани».

На совѣтѣ было рѣшено послать противъ колбасъ брата Жана съ поварами. Храбрый монахъ выполнилъ возложенное на него порученіе блестяще. Онъ быстро обратилъ въ бѣгство всю массу колбасъ, послѣ чего всѣ снова сѣли на корабль и поплыли дальше.

Дня два спустя, они прибыли на островъ Рюашъ, жители котораго питаются исключительно вѣтромъ. Простой народъ дѣлаетъ себѣ вѣера, богатые же живутъ подъ вѣтряными мельницами. Когда кто-либо устраиваетъ балъ или пиръ, то устанавливаетъ подъ одной или двумя мельницами столы, за которыми гости и угощаются вѣтромъ.

Осмотрѣвъ этотъ странный островъ, путники присталикъ острову Папефиговъ. Когда-то папефиги были богаты и сильны, теперь же вся страна ихъ разорена, а сами они находятся подъ властью папимановъ. Причина ихъ бѣдствій слѣдующая. Однажды они пришли на праздникъ въ Папиманію, и тамъ одинъ изъ земляковъ показалъ фигу папѣ, изображеніе котораго было выставлено для всеобщаго поклоненія. Папиманы оскорбились и, не объявляя войны, напали на бѣдныхъ папефиговъ, перебили всѣхъ мужчинъ, а женщинъ сдѣлали рабынями и наложницами.

Пантагрюель, прогуливаясь по острову, зашелъ въ церковь и тамъ увидалъ довольно странное зрѣлище. Въ чашѣ со святой водой, которая находилась въ притворѣ, сидѣлъ какой-то человѣкъ, а священники, собравшись вокругъ, читали надъ нимъ заклятія. Оказалось, что этотъ человѣкъ, бѣдный крестьянинъ, никакъ не можетъ избавиться отъ чорта. Дѣло въ томъ, что мужикъ имѣлъ небольшое поле; какъ-то разъ, когда онъ сѣялъ на этомъ полѣ рожь, къ нему явился чортъ и спросилъ, что онъ дѣлаетъ. Мужикъ отвѣтилъ. «Хорошо,—сказалъ чортъ,—работай, только знай, что половину урожая ты долженъ отдать мнѣ: послѣ того, какъ вы показали папѣ фигу, вы не имѣете права владѣть землей; но я добръ и возьму себѣ только корни, а тебѣ отдамъ стебли». Дождавшись іюля мѣсяца, мужикъ собралъ рожь и поѣхалъ продавать ее на базаръ, вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ и чортъ, везя съ собою корешки. На базарѣ у мужика рожь купили, надъ чортомъ же только посмѣялись. Это его обозлило и онъ сказалъ крестьянину, что на слѣдующій годъ возьметъ у него стебли, а ему отдастъ корни. Мужикъ посѣялъ рѣпу. Опять чортъ ничего не продалъ послѣ жатвы и рѣшилъ взять поле въ свою собственность. Онъ предложилъ мужику поцарапаться съ нимъ, и кто кого сильнѣе исцарапаетъ, за тѣмъ и останется поле. Придя домой, мужикъ разсказалъ свое горе женѣ, и та, ободривъ его, замѣтила, что сама раздѣлается съ чортомъ, а мужу велѣла пока идти и спрятаться въ церкви.

Во время этого разсказа отъ жены пришелъ въ церковь посланный и извѣстилъ, что крестьянка прогнала чорта слѣдующимъ образомъ. Спустя нѣкоторое время послѣ ухода мужа въ комнату ворвался чортъ и, не найдя крестьянина, обратился съ вопросомъ къ женѣ, гдѣ мужикъ. Крестьянка же вмѣсто отвѣта начала охать и стонать.

— Что съ вами?—спросилъ ее съ участіемъ чортъ.

— Ахъ,—отвѣчала она,—вы не знаете, что это за тиранъ, онъ послѣ разговора съ вами пришелъ и началъ пробовать свои длинные когти на мнѣ и царапнулъ меня мизинцемъ между ногъ. Ахъ, если бы

вы знали, какую онъ сдѣлалъ тамъ рану. Это звѣрь, а не человѣкъ. Теперь онъ пошелъ къ кузнецу еще подточить нѣкоторые ногти. Вы погибли, господинъ чортъ; спасайтесь, пока не ушло еще время. Посмотри-

Мелузина.

те-ка, что онъ мнѣ надѣлалъ,—и, поднявъ платье, она показала широкую зіяющую рану.

— Магонъ, Демиджонъ, Межугъ, Алекта, Перзефонъ! —воскликнулъ чортъ, увидѣвъ страшную рану, и быстро исчезъ изъ комнаты.

Дослушавъ эту любопытную исторію, Пантагрюель съ товарищами двинулся въ путь и вскорѣ очутился у острова Папимановъ. Не

успѣли они бросить якорь, какъ къ нимъ приблизилась лодка съ самыми почетными гражданами, которые еще издали кричали:

— Видѣли ли вы его, путешественники?

— Кого?—спросилъ Пантагрюель.

— Какъ, развѣ вы не знаете Единственнаго?

— Господа,—отвѣтилъ имъ Эпистемонъ,—мы не понимаемъ вашихъ выраженій. Объяснитесь, пожалуйста.

— Сущаго,—отвѣчали папиманы,—видали вы?

— Сущій,—отвѣчалъ Пантагрюель,—по нашему теологическому ученію, есть Богъ. Такъ назвалъ онъ себя Моисею. Его мы никогда не видали и вообще глазъ смертнаго не можетъ Его видѣть.

— Да мы говоримъ не о небесномъ Богѣ, а о земномъ. Видѣли ли вы его когда-нибудь?

— Они подразумѣваютъ папу,—сказалъ Карпанэль.

— Да, да, господа,—отвѣчалъ Панургъ,—я лицезрѣлъ цѣлыхъ трехъ и отъ сего лицезрѣнія никакой для себя выгоды не видѣлъ.

— Какъ,—спросили граждане,—по нашимъ священнымъ декреталіямъ, въ живыхъ бываетъ только одинъ.

— Да и я ихъ видѣлъ не всѣхъ сразу,—возразилъ Панургъ,—а другъ за другомъ.

Папиманы опустились передъ путниками на колѣни и стали цѣловать у нихъ ноги, но тѣ не позволили, говоря, что если имъ придется увидѣть лично папу, то ему уже нельзя будетъ оказать болѣе высокой чести.

— Нѣтъ, нѣтъ,—восклицали папиманы,—мы поцѣлуемъ его въ другое мѣсто, мы уже такъ заранѣе рѣшили, что приложимся къ нему пониже спины.

Пантагрюель спросилъ, кто они. Оказалось, что это депутація отъ четырехъ сословій, которой приказано пригласить гостей на берегъ, гдѣ имъ будетъ оказанъ хорошій пріемъ.

Услышавъ послѣднія слова, Панургъ не могъ воздержаться, чтобы не замѣтить тихо Пантагрюелю:

— Клянусь, что это будетъ такъ. Они сдержатъ обѣщаніе. Отъ лицезрѣнія папъ я не извлекъ никакой для себя пользы, но теперь, какъ мнѣ кажется, можно будетъ вознаградить себя.

Путники спустились на берегъ, гдѣ тѣснились толпы народа. Депутація, очищая дорогу, громко восклицала: «Они его видѣли, они его видѣли!». При этихъ словахъ народъ всталъ на колѣни и, простирая къ нимъ руки, привѣтствовалъ ихъ криками: «О, счастливцы, о, блаженные!». Затѣмъ прибѣжалъ учитель съ дѣтьми и всенародно принялся сѣчь учениковъ, чтобы лучше запечатлѣть въ ихъ памяти столь важный день. Это разсердило Пантагрюеля. «Господа,—сказалъ онъ,—если вы не перестанете драть ребятъ, мы уѣдемъ назадъ». За учителемъ съ цѣлой процессіей дьяконовъ и иподіаконовъ появился епископъ Гоменасъ и повелъ нашихъ путешественниковъ прежде всего въ церковь. Тамъ онъ показалъ имъ толстую книгу, украшенную драгоцѣнными каменьями, которая содержала въ себѣ священныя декреталіи. Потомъ онъ показалъ портретъ папы, до котораго благоговѣйно касался жезломъ, давая его затѣмъ цѣловать папиманамъ.

— Узнаете ли вы, кто здѣсь нарисованъ?—спросилъ Гоменасъ путниковъ.

— Это, по моему мнѣнію, портретъ какого-нибудь папы,—отвѣтилъ Панургъ.

— Да, это земное олицетвореніе Бога, пришествія котораго мы ждали съ благоговѣніемъ и котораго хоть разъ да надѣемся увидѣть въ нашей странѣ. О, какъ мы будемъ счастливы въ столь страстно ожидаемый день!

— Мнѣ кажется,—замѣтилъ Панургъ,—что этотъ портретъ не по-

Крестьянка и чортъ.

хожъ ни на одного изъ послѣднихъ папъ; по крайней мѣрѣ, тѣ, которыхъ я видѣлъ, носили вмѣсто тіары и рясы шлемъ и военные доспѣхи. Они всегда воевали, даже и тогда, когда другія государства жили другъ съ другомъ въ ладу.

— Вѣроятно,—возразилъ Гоменасъ,—они карали бунтовщиковъ, отчаянныхъ протестантовъ, не повиновавшихся этому земному Богу Это имъ не только разрѣшается, но даже повелѣвается священными декреталіями; они обязаны предавать огню императоровъ, королей, герцоговъ, принцевъ, республиканцевъ, если тѣ хоть на іоту ослушаются папскаго приказа. Папа можетъ лишить ихъ имущества, отнять у нихъ

владѣнія, изгнать ихъ, отлучить отъ церкви, и не только самихъ провинившихся, ихъ дѣтей и родственниковъ казнить смертью, но и души ихъ отправить въ самую бездну кипящаго ада.

— Ну, здѣсь, чортъ возьми,—промолвилъ Панургъ,—не найдется еретиковъ, подобныхъ проживающимъ въ Германіи и Англіи. Это все христіане, чрезъ сито просѣянные.

— О, да,—отвѣтилъ Гоменасъ,—зато мы всѣ будемъ спасены. Но отслушаемъ мессу, а потомъ пойдемъ обѣдать.

Послѣ мессы, во время которой по церкви ходило нѣсколько человѣкъ со сборомъ, требуя у молящихся пожертвовать на угощеніе тѣхъ, кто видѣлъ папу, Гоменасъ повелъ всѣхъ гостей обѣдать. За обѣдомъ вино буквально лилось рѣкою, а прислуживали путникамъ молодыя, красивыя и проворныя дѣвушки. Послѣ второго блюда Гоменасъ, выпивъ большой кубокъ вина, обратился къ присутствовавшимъ съ длинной рѣчью, прославляя декреталіи.

— О, серафимскія, херувимскія, ангельскія декреталіи,—восклицалъ онъ, — безъ васъ погибли бы бѣдныя души, заблудившись въ этой юдоли скорби! Увы, когда наступитъ для людей блаженное время, въ которое они начнутъ мучить только васъ и только васъ однѣхъ читать, примѣнять на практикѣ, воплощать, впитывать въ отдаленнѣйшія развѣтвленія мозга, въ глубину костей и въ лабиринтъ артерій? О, тогда и никакъ не раньше наступитъ золотой вѣкъ! Не будетъ тогда, ни града, ни мороза, ни инея, ни холода. Тогда будетъ изобиліе плодовъ земныхъ; наступитъ вѣчный миръ; прекратятся войны, грабежи, убійства, хищничества. Настанетъ радость, блаженство, счастье! Какая великая доктрина, какаябезцѣнная мудрость увѣковѣчена въ божественныхъ главахъ декреталій! Прочтите полъ-канона, маленькій параграфъ, одну единственную замѣтку этихъ священныхъ декреталій, и вы сейчасъ же почувствуете, какое пламя божественной любви зажжется въ вашемъ сердцѣ, какъ велико ваше состраданіе къ ближнему, если только онъ не еретикъ; у васъ немедленно проявится презрѣніе ко всему земному, преходящему, а духъ въ экстазѣ воспаритъ до третьяго неба... Клерисъ,—позвалъ Гоменасъ дѣвушку,—налей мнѣ еще: Итакъ я вамъ говорю,—продолжалъ онъ,—отдайтесь всецѣло изученію священныхъ декреталій, и вы будете богаты и почитаемы цѣлымъ міромъ. Кромѣ того, вы будете спасены и обезпечите себѣ царствіе небесное. О, мой земной Богъ, въ твоей власти открыть тайны декреталій и спасти отъ ужаснаго ада!

Гоменасъ пришелъ въ экстазъ: онъ плакалъ, билъ себя въ грудь, цѣловалъ сложенные крестомъ пальцы.

При видѣ этого зрѣлища Эпистемонъ, братъ Жанъ и Панургъ, закрывшись салфетками, притворились, что плачутъ, и принялись кричать: «Мяу, мяу, мяу».

Послѣ обѣда братъ Жанъ попросилъ Гоменаса подарить ему нѣсколько дѣвушекъ, которыя ему приглянулись. Онъ говорилъ, что при помощи ихъ хочетъ развести на континентѣ такихъ же добрыхъ христіанъ, какъ и папиманы; однако, Гоменасъ догадался объ истинныхъ замыслахъ монаха и отказалъ. Такъ они и уѣхали ни съ чѣмъ съ этого страннаго острова.

Въ открытомъ морѣ, когда всѣ пировали и веселились, Пантагрюель вдругъ услышалъ смѣшанный гулъ голосовъ. Сперва это явленіе всѣхъ поразило, а Панурга даже испугало, но затѣмъ все объяснилось. Боцманъ разсказалъ, что въ прошломъ году здѣсь зимой происходила битва, и крики воиновъ, шумъ оружія—все это замерзло въ воздухѣ и только теперь звуки начали оттаивать.

Вскорѣ за тѣмъ они посѣтили островъ, на которомъ царитъ Же-

Прибытіе Пантагрюеля въ Папиманію.

лудокъ, изобрѣтатель всѣхъ искусствъ. Этотъ суровый властелинъ подчинилъ себѣ не только людей, но и всѣхъ земныхъ тварей. Потомъ путники долгое время скучали, задержанные штилемъ, и чтобы хоть чѣмъ-нибудь развлечься, задавали другъ другу загадки, потѣшаясь надъ трусостью Панурга. Комическимъ случаемъ съ Панургомъ, который, по своей непристойности, не можетъ быть разсказанъ, кончается четвертая книга.

Въ пятой книгѣ продолжается описаніе путешествія. Путники по-

падаютъ на островъ Звенящій. Еще издали услышали они мелодичный звонъ, но никакъ не могли понять, откуда онъ исходитъ. Поэтому, изъ предосторожности, они сперва направились къ отшельнику, жившему на одной изъ сосѣднихъ скалъ. Отшельникъ принялъ ихъ довольно милостиво и объявилъ, что если они хотятъ видѣть чудеса этого острова, то должны сначала четыре дня пропоститься. Пантагрюель согласился, и по прошествіи четырехъ дней затворникъ далъ ему рекомендательное письмо къ маленькому плѣшивому старику, смотрителю острова, который тотчасъ повелъ всѣхъ знакомить съ достопримѣчательностями страны. Оказалось, что островъ былъ наполненъ разноцвѣтными птицами, сидѣвшими въ разныхъ клѣткахъ съ колокольчиками и распѣвавшими болѣе или менѣе мелодично. Самцы назывались Клерго, Монаго, Престрего, Аббего, Евего, Кардинго, Папего *) (единственный въ своемъ родѣ). Самки же назывались Клергиссы, Монагессы, Престрегессы, Аббегессы, Евегессы, Кардингессы, Папегессы. Кромѣ того, на волѣ летали по острову отвратительныя Каго (Cagots—ханжи), загаживавшія всю страну.

На вопросъ путниковъ, отчего на всемъ островѣ только одинъ Папего, смотритель отвѣчалъ, что Клерго рождаютъ Престрего и Монаго, а отъ Престрего происходятъ Евего, которые въ свою очередь производятъ Кардинго и только Кардинго, если не умретъ, можетъ переродиться въ Папего, который, какъ солнце, всегда бываетъ одинъ. Дѣйствительно, разъ какъ-то оказалось сразу два Папего, но отъ этого на свѣтѣ произошли такая сумятица и сумбуръ, что ничего нельзя было понять, и птицы чуть не переклевали другъ друга.

— Вотъ вы намъ объяснили, — сказалъ Панургъ, — откуда произошли Кардинго и Евего, но ничего не сообщили, откуда берутся сами Клерго.

— Они,—отвѣтилъ смотритель,—прилетаютъ къ намъ изъ большой страны, называемой Недоѣдъ (Joursanspain). Въ этой странѣ существуетъ обычай: чтобы не дробить наслѣдства между многими дѣтьми, родители отрѣзаютъ самымъ слабымъ и уродливымъ мальчикамъ и дѣвочкамъ нѣсколько волосъ на головѣ, произнося при этомъ какія-то таинственныя слова, послѣ которыхъ стриженыя дѣти превращаются въ птицъ. Кромѣ того, сюда же летятъ всѣ, кто не можетъ приносить пользы людямъ. Здѣсь они хорошо и сытно ѣдятъ, быстро толстѣютъ и находятся въ полной безопасности.

Путники попросили показать имъ Папего, и смотритель тихо и осторожно подвелъ ихъ къ большой клѣткѣ, въ которой сидѣлъ Папего, окруженный двумя маленькими Кардинго и шестью толстыми и жирными Евего. Панургъ, съ любопытствомъ осмотрѣвъ важную птицу, вдругъ громко воскликнулъ:

— Да вѣдь это удодъ **)!

— Ради Бога, говорите тише, — предупредилъ смотритель,—у него дѣйствительно хохолъ, но если онъ васъ услышитъ, вы погибли. Видите тамъ въ клѣткѣ бассейнъ? Оттуда онъ можетъ вызвать громъ, мол-

---

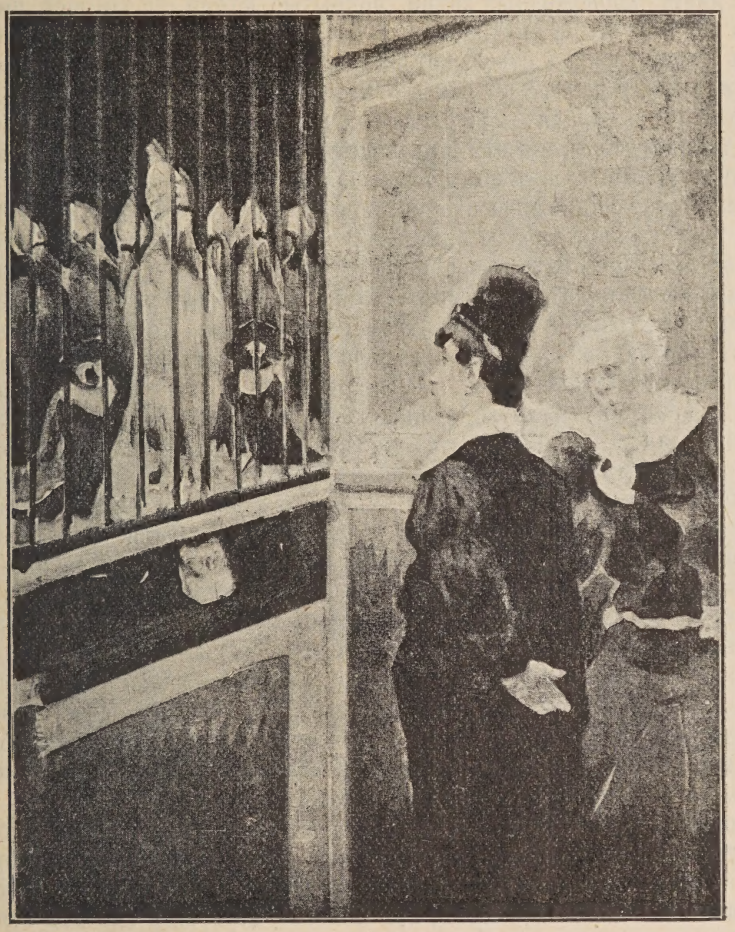
*) Производныя отъ словъ церковникъ, монахъ, священникъ, аббатъ, епископъ, кардиналъ, папа.

**) Удодъ—хохлатая птица, потатуйка.

нію, чертей и бурю, и вы въ одно мгновеніе уйдете въ землю на сто футовъ.

— Нѣтъ, ужь лучше пойдемъ выпьемъ,—предложилъ братъ Жанъ.

На обратномъ пути они встрѣтили стараго облѣзшаго Евего; онъ сидѣлъ и спалъ, не обращая вниманія на то, что бокъ-о-бокъ съ нимъ сидѣла прехорошенькая Аббегесса и напѣвала ему сладкимъ голоскомъ.



Панургъ передъ клѣткой Папего.

Панургъ поднялъ камень и хотѣлъ было пустить имъ въ стараго дурака, но его во-время удержалъ смотритель.

— Бейте, убивайте, кого хотите, — воскликнулъ онъ, — все проститъ Папего, но не трогайте этихъ священныхъ птицъ, если дорожите жизнью; не только вы, но ваши дѣти, друзья и родственники погибнутъ вмѣстѣ съ вами, если вы нанесете обиду какой-нибудь здѣшней птицѣ.

Старикъ-смотритель оказался большимъ любителемъ покутить и по-

пировать. Онъ на славу угостилъ путешественниковъ, а затѣмъ съ честью проводилъ ихъ на корабль.

При попутномъ вѣтрѣ Пантагрюель съ товарищами вскорѣ доплыли до острова Желѣзныхъ Издѣлій, гдѣ на деревьяхъ росли кинжалы, топоры, шпаги, а трава состояла изъ копій и стрѣлъ. Послѣ этого они проѣхали мимо острова Обмановъ, на которомъ обитали демоны азартныхъ игръ, и, наконецъ, высадились на островѣ Косматыхъ Кошекъ. Это были дикіе, кровожадные звѣри, покрытые кожей, на которой шерсть росла не наружу, а внутрь (здѣсь Рабле подъ видомъ кошекъ описываетъ французскихъ судей, которые, какъ извѣстно, носятъ горностаевыя мантіи); у каждой кошки, въ видѣ знака отличія, висѣлъ—у кого спереди, у кого сзади—полуоткрытый кошелекъ. Кромѣ того, онѣ обладали такими острыми и цѣпкими когтями, что отъ нихъ ничто не могло ускользнуть. На головѣ онѣ носили шапки или шляпы съ отогнутыми полями. Одинъ нищій такъ охарактеризовалъ этихъ чудовищъ: «При помощи таинственной кабалы они овладѣваютъ всѣмъ. Они жгутъ, четвертуютъ, арестовываютъ, разоряютъ, мучаютъ и убиваютъ, не отличая праваго отъ виноватаго. Порокъ они называютъ добродѣтелью, злость—добротою, измѣну—вѣрностью, тюрьму—свободой. Грабежъ—вотъ ихъ девизъ. Всякое низкое дѣло они совершаютъ съ непоколебимымъ авторитетомъ и безстрастностью, и если когда-нибудь вы услышите о чумѣ, голодѣ, войнѣ или о другомъ какомъ несчастіи, не приписывайте это вліянію планетъ или кознямъ Рима, тираніи государей или земныхъ князей, еретикамъ или же пророкамъ, злобѣ ростовщиковъ, неосторожности и невѣжеству врачей, хирурговъ, аптекарей, фальшивымъ монетчикамъ, но припишите все громадной, безмѣрной, невѣроятной, ужасной злобѣ, питаемой кошками къ роду человѣческому». Путники, не успѣвъ вступить на эту землю, оказались арестованными и были приведены на судъ къ начальнику страшныхъ кошекъ. Онъ предложилъ имъ загадку и пригрозилъ, что если они не разгадаютъ, то будутъ подвергнуты страшнымъ пыткамъ. Всѣ уже было приготовились къ мученіямъ, когда Панургъ вдругъ догадался бросить косматымъ кошкамъ мѣшокъ съ золотомъ. Этого только и нужно было начальнику, онъ подобралъ деньги и объявилъ преступниковъ оправданными, послѣ чего тѣ могли продолжать безпрепятственно свой путь.

Возблагодаривъ Бога за свое спасеніе, Пантагрюель двинулся снова въ путь и пріѣхалъ къ острову Невѣждъ. Здѣсь жители были необразованы и глупы, но это имъ всетаки не мѣшало построить множество большихъ и малыхъ прессовъ, при помощи которыхъ они изъ всякаго предмета и даже изъ цѣлыхъ парковъ, имѣній и стѣнъ выдавливали золото. Здѣсь, по словамъ комментаторовъ, Рабле высмѣиваетъ чиновниковъ счетной палаты, отъ которыхъ не требовалось никакого образовательнаго ценза, подъ видомъ же прессовъ изображены разныя бюро этой палаты.

Слѣдующимъ островомъ оказался островъ Outre (бурдюкъ), называемый такъ потому, что всѣ жители на немъ разжирѣли и растолстѣли отъ объяденія и готовы были лопнуть, какъ надутые козьи мѣхи.

Послѣ этого путешественники пристали къ острову Квинтъ-Эссенціи и были препровождены къ царицѣ страны. Она приняла ихъ очень милостиво

и, такъ какъ они все время молчали, предположила, что они пиѳагорейцы. Имъ подали очень вкусный обѣдъ, сама же царица ѣсть не стала, потому что питалась исключительно категоріями, абстракціями, вторыми понятіями, карадотами, антитезами, метампсихозами. Послѣ обѣда путники смотрѣли, чѣмъ развлекаются ея придворные; оказалось, что они вели безконечные споры о разныхъ quasi-философскихъ вопросахъ, рѣзали ножомъ огонь, на колѣняхъ ломали колбасы, черпали воду рѣшетомъ, мѣрили прыжокъ блохъ, изъ ничего творили великія вещи и,

Жертва суда.

наоборотъ, великія вещи превращали въ ничто. Вечеромъ въ честь гостей былъ устроенъ балъ, на которомъ танцовали древніе танцы и разыграно было нѣсколько шахматныхъ партій, въ которыхъ фигурами были живые люди. Записавъ путниковъ въ число своихъ абстракторовъ, царица отпустила ихъ на корабли.

Отъ Квинтъ-Эссенціи путешественники попали на островъ Одъ, на которомъ ходили дороги, такъ что людямъ стоило только стать на дорогу, а она уже сама шла за нихъ.

На островѣ Деревянной Обуви путники были очень хорошо приняты тамошнимъ королемъ, который, между прочимъ, показалъ имъ новооткрытое аббатство братьевъ Фредонъ (fredonner—пѣть вполголоса; Рабле подъ этимъ именемъ разумѣетъ орденъ іезуитовъ). Согласно своему уставу, братья Фредонъ носили форму пожарныхъ, соблюдали строго посты, говорили мало и односложно. Они ложились спать, не снимая

одежды, въ сапогахъ со шпорами и съ очками на носу, чтобы быть всегда готовыми предстать на Страшный судъ. Но, несмотря на эту наружную строгость, братья Фредонъ были въ сущности большіе обжоры и развратники: въ нижнемъ этажѣ аббатства они скрывали множество молоденькихъ дѣвушекъ, съ которыми каждую ночь, не стѣсняясь, кутили и развратничали.

Отъ монаховъ путники попали на островъ Матерій, названный такъ потому, что всѣ тамошнія дороги были изъ разныхъ матерій. На этомъ островѣ находилась страна шелка. Тамъ деревья никогда не теряли ни листвы, ни цвѣтовъ, которые были сдѣланы изъ дамасковыхъ тканей и узорнаго бархата. Животныя и птицы всѣхъ родовъ были вытканы, и если они не пѣли, то зато ничего и не ѣли и никого не кусали, какъ животныя другихъ странъ.

Довольно непривѣтливо встрѣченные на островѣ Матерій, путешественники отправились далѣе въ путь и на четвертый день плаванія приблизились къ странѣ Свѣточей, цѣли ихъ путешествія, гдѣ находился оракулъ Божественной бутылки. Войдя въ гавань Свѣточей, Пантагрюель увидѣлъ тамъ свѣточъ Ла-Рошели, Фароса, Акрополиса и Аѳинъ, посвященныхъ Палладѣ. На берегу была расположена маленькая деревушка, жители которой испускали изъ себя свѣтъ. Объяснивъ портовой стражѣ, что они пріѣхали просить королеву острова, чтобы она дала имъ въ проводники къ Божественной бутылкѣ какой-нибудь свѣточъ, путники отправились во дворецъ и представились королевѣ, которой Панургъ кратко объяснилъ причину ихъ пріѣзда. Королева обласкала далекихъ путешественниковъ, оставила ихъ ужинать и только на другой день дала имъ проводника, съ которымъ Пантагрюель съ товарищами поспѣшилъ къ оракулу.

— Наконецъ-то мы найдемъ, чего такъ долго ищемъ!—воскликнулъ Панургъ, обращаясь къ окружающимъ.

Свѣточъ вѣжливо попросилъ ихъ слѣдовать за нимъ и не бояться, если что-нибудь покажется имъ страннымъ. По дорогѣ къ Божественной бутылкѣ имъ пришлось пройти громадный виноградникъ, насаженный въ древности самимъ Бахусомъ, послѣ чего онъ постоянно былъ покрытъ листьями, цвѣтами и плодами въ одно и то же время. Проводникъ приказалъ путникамъ съѣсть каждому по три ягодки, положить въ обувь нѣсколько виноградныхъ листьевъ, а въ лѣвую руку взять зеленую вѣтвь. Въ концѣ виноградника возвышалась античная арка, украшенная трофеями пьянства: съ одной стороны изображены были бутылки, стаканы, штофы, съ другой—разныя соленыя закуски. Арка кончалась широкимъ тоннелемъ изъ виноградныхъ лозъ и зеленаго плюща. Тутъ свѣточъ велѣлъ всѣмъ сдѣлать себѣ изъ листьевъ шапки. «Когда мы проходили подъ виноградомъ,—объяснялъ путникамъ проводникъ,—это означало, что мы признаемъ могущество вина. Лица, желающія созерцать божественныя вещи, должны сохранять полную ясность ума, и вы не были бы допущены къ оракулу, если бы не положили въ обувь виноградныхъ листьевъ, въ знакъ того, что презираете пьянство и стоите выше наслажденія».

По лѣстницѣ, состоявшей изъ мистическаго числа ста восьми ступеней, путники спустились подъ землю и подошли къ великолѣпнымъ, украшеннымъ въ дорическомъ стилѣ, дверямъ, на которыхъ красовалась сдѣ-

ланная золотыми буквами надпись: «Въ винѣ истина» (In vino veritas). Двери открылись и заперлись сами собой. Храмъ, куда вошли путешественники, представлялъ чудо искусства. Его полъ весь былъ усѣянъ само-

По дорогѣ къ оракулу.

цвѣтными драгоцѣнными каменьями, а своды украшены великолѣпной мозаикой, изображавшей битву Бахуса въ Индіи. На переднемъ планѣ картины представлены были горящіе города, деревни, лѣса, въ то время какъ разныя чудовищныя женщины разрывали на куски быковъ, овецъ и тутъ же ихъ пожирали. Это означало, что Бахусъ, войдя въ Индію, все предалъ огню и мечу. Однако, индусы и не думали вступать съ нимъ въ битву. Отъ своихъ шпіоновъ они узнали, что ихъ непріятель никто

иной, какъ пьяненькій старикашка, окруженный голыми, вѣчно смѣющимися и вѣчно пьяными молодыми людьми и женщинами. Индусы считали постыднымъ драться съ такимъ войскомъ, а потому позволяли Бахусу грабить и выжигать страну. Авангардъ велъ Силенъ, личность довольно популярная въ разныхъ мѣстахъ. Это былъ трясущійся, сутуловатый старикашка, съ большимъ животомъ, прямыми длинными ушами, остренькимъ носомъ, густыми бровями. Ѣхалъ онъ на ослѣ. Его окружали веселые сатиры. Арьергардомъ командовалъ чудовищный Панъ. Нижней частью тѣла онъ напоминалъ козла, на головѣ у него были прямые рога. Рыжебородый, краснолицый, съ флейтой въ рукахъ, онъ наводилъ на всѣхъ ужасъ. За нимъ шли фавны.

Далѣе на картинѣ изображалась битва. Силенъ на своемъ ослѣ и тысячи сатировъ бросаются впередъ, за ними слѣдуетъ остальное войско съ крикомъ «Эвое». Индусы выставили плотной стѣной боевыхъ слоновъ съ башнями, въ которыхъ прячутся воины. Картина заканчивалась торжествомъ Бахуса. Всѣ сподвижники были изображены здѣсь увѣнчанными виноградными листьями; они пили и плясали, а у стѣнъ стояли плѣнные короли Индіи въ золотыхъ цѣпяхъ.

Весь храмъ освѣщался яркой, какъ солнце, лампой, висѣвшей надъ фантастическимъ фонтаномъ, къ которому подвела путниковъ главная жрица Бакбукъ (бутылка). Она предложила имъ попить воды изъ этого фонтана. Они нашли воду превосходной. «Эта вода,—сказала Бакбукъ,—имѣетъ свойство принимать вкусъ того вина, какое вы задумаете. Итакъ, если хотите, то попробуйте представить себѣ вкусъ какого-нибудь вина и затѣмъ попейте воды».—«Да, ей Богу же это Бонъ,—воскликнулъ Панургъ, хлебнувъ воды по совѣту жрицы,—и лучшій на свѣтѣ къ тому же». Брату Жану казалось, что онъ пьетъ Гравъ, Пантагрюелю—Мирево. «Пейте, сколько угодно, и каждый разъ вы почувствуете вкусъ и запахъ того вина, о которомъ будетъ думать,—сказала Бакбукъ—и вѣрьте, что для Бога нѣтъ ничего невозможнаго». Затѣмъ она спросила: «Кто изъ васъ хочетъ услышать слово Божественной бутылки?». Отозвался Панургъ. Жрица одѣла его въ новое платье, вымыла ему лицо въ чудесномъ фонтанѣ, затѣмъ обсыпала его мукой, произнесла нѣсколько заклятій и, наконецъ, увела его въ круглую капеллу, гдѣ посрединѣ находился бассейнъ изъ чистаго алебастра, наполненный прелестной, прозрачной, какъ хрусталь, водой, въ которой была полупогружена священная бутылка овальной формы. Здѣсь жрица заставила Панурга стать на колѣни, поцѣловать край бассейна, потомъ приказала ему танцовать, повторяя за ней нараспѣвъ таинственные стихи. Покончивъ со всѣми обрядами, жрица поставила Панурга противъ бутылки и велѣла ему слушать... «Trinc» (чокъ) вдругъ раздалось изъ бутылки. «Ахъ, чортъ возьми, — вскричалъ Панургъ, — она, кажется, лопнула. Точно также говорятъ и наши стеклянныя бутылки, когда ихъ поставишь противъ огня».

Бакбукъ, взявъ Панурга за руку, проговорила: «Другъ, возблагодарите небеса, что вамъ недолго пришлось ждать слова Божественной бутылки. Изъ всѣхъ слышанныхъ мною словъ это самое радостное, самое божественное, самое вѣрное. Встаньте и пойдемте въ храмъ, тамъ я объясню вамъ, что значитъ это слово».

Вернувшись въ храмъ, Бакбукъ достала большую книгу, по которой объяснила Панургу пророчество Божественной бутылки.

Божественная бутылка.

— Trinc (чокъ)—слово общенародное, извѣстное и всѣми понимаемое; оно означаетъ: «Пейте!» Знайте: не смѣяться, а пить — вотъ свойство человѣка. Я не говорю пить въ обыкновенномъ, вуль-

гарномъ смыслѣ, такъ пьютъ всѣ твари земныя, но я хочу сказать, что нужно пить хорошее свѣжее вино! Ваши академики производятъ слово вино отъ vis, что значитъ сила, могущество. И дѣйствительно, вино обладаетъ силой, могуществомъ наполнять душу истиной, знаніемъ, философіей. Если вы прочли надпись на дверяхъ храма, то, конечно, знаете, что въ винѣ скрыта истина: Божественная бутылка отсылаетъ васъ къ нему обратно, куйте сами свое счастье.

Путники тотчасъ послѣдовали совѣту жрицы и стали пить воду изъ фонтана, которая, какъ извѣстно, имѣла свойство обращаться въ вино. Передъ уходомъ Бакбукъ сказала имъ напутствіе: «Идите, друзья, и да хранитъ васъ та интеллектуальная сфера, центръ которой повсюду, а окружность нигдѣ, и которую мы называемъ Богомъ. Придя къ себѣ на родину, повѣдайте всѣмъ, что подъ землей скрыты великія сокровища и изумительныя вещи. Недаромъ Церера такъ почитается людьми, она научила ихъ земледѣлію. Ваши философы напрасно жалуются, что имъ не о чемъ писать, ибо древніе написали обо всемъ. Феномены неба и моря ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что скрыто подъ землей. Подземный богъ всегда и на всѣхъ языкахъ называется богомъ богатствъ. И когда ваши философы съ Божіей помощью станутъ работать усердно и старательно, они убѣдятся въ справедливости отвѣта мудраго Ѳалеса, даннаго королю египетскому Амазису. Когда король спросилъ, въ чемъ заключается благоразуміе, мудрецъ отвѣтилъ: «Во времени», такъ какъ только со временемъ будутъ узнаны всѣ тайны, и вотъ почему древніе называли Сатурна, Время, отцомъ Истины, а Истину—дочерью Времени... Теперь ступайте на ваши корабли и запаситесь всѣмъ нужнымъ для плаванія. Идите, друзья, съ легкимъ, веселымъ сердцемъ и отнесите это письмо вашему королю Гаргантюа, кланяйтесь ему отъ насъ, а также всѣмъ принцамъ и офицерамъ его двора».

Взявъ письма и подарки, которые должны были облегчить обратный путь, путешественники, пройдя по прекрасной живописной мѣстности, дошли до гавани, гдѣ ожидали ихъ готовые къ отплытію корабли.

* * *

На этомъ кончается эпопея. Можетъ быть, если бы Рабле прожилъ долѣе, онъ написалъ бы еще и шестую книгу, въ которой разсказалъ бы про обратный путь своихъ героевъ, но во всякомъ случаѣ и эти пять книгъ достаточно отражаютъ умственную жизнь эпохи Возрожденія.

Время, въ которое жилъ Рабле, было горячимъ временемъ ломки старыхъ порядковъ, эпоха открытій и изобрѣтеній, вѣкъ сатиры. Гуманисты уже давно высмѣивали общественные пороки, бичевали развратъ духовенства, но ихъ сочиненія, писанныя на латинскомъ языкѣ, читались только учеными да высшимъ образованнымъ классомъ. Въ народныя массы доходили лишь обрывки мыслей этихъ писателей. А между тѣмъ, чтобы уничтожить неправду, царившую какъ въ церкви, такъ въ общественномъ и государственномъ строѣ, нужно было пробудить народное сознаніе, заставить протестовать темный людъ. Это выполнилъ Франсуа Рабле. Занимая читателя похожденіями любимаго народнаго героя, онъ попеременно нападалъ то на церковь, то на общественные недостатки. Сначала его сатира вызываетъ въ читателѣ смѣхъ; несмотря на всю ея мѣткость, въ ней нѣтъ

особенной злобы, въ особенности въ первыхъ двухъ книгахъ, написанныхъ Рабле въ то время, когда гуманисты, чувствуя поддержку многихъ сильныхъ міра сего, были исполнены самыхъ лучшихъ, радужныхъ надеждъ, но зато въ послѣднихъ книгахъ насмѣшка дышитъ горечью и злобой. Рабле почти всю жизнь принадлежалъ къ монашескому ордену францисканцевъ и тѣмъ не менѣе въ своемъ романѣ чаще всего бичуетъ монаховъ. «Почему монаховъ выгоняютъ изъ всякаго порядочнаго общества?—переспрашиваетъ Эпистемонъ въ одной изъ первыхъ книгъ.—Да потому же, почему обезьяна вездѣ и всюду подвергается насмѣшкамъ. Обезьяна не сторожитъ дома, какъ собака, не можетъ тащить плуга, какъ волъ, не даетъ молока, какъ корова... Подобно ей, и монахъ не занимается хлѣбопашествомъ, какъ крестьянинъ, не оберегаетъ страны, какъ воинъ, и не приноситъ выгоды государству, какъ купецъ».—«Но они молятся за насъ», проговорилъ Грангузье. «Менѣе, чѣмъ кто-либо,—отвѣтилъ Гаргантюа.—Правда, они очень часто безпокоятъ сосѣдей колокольнымъ звономъ... Они бормочатъ часто псалмы и молитвы, которыя непонятны даже имъ самимъ, но вѣдь это скорѣй можно принять за насмѣшку, чѣмъ за молитву».

Въ этой насмѣшкѣ, несмотря на всю ея ядовитость, слышится веселый смѣхъ: въ ней нѣтъ той горечи, которой проникнуты описанія аббатства братьевъ Фредонъ, подъ которыми, какъ мы уже говорили, авторъ подразумѣвалъ новооснованный орденъ іезуитовъ. Въ этомъ явленіи онъ съ грустью усматривалъ побѣду католической церкви и не могъ воздержаться, чтобы не воскликнуть: «Да, теперь я убѣдился, что мы находимся въ странѣ антиподовъ: въ то время какъ Германія разрушаетъ монастыри, здѣсь ихъ возстановляютъ и открываютъ новые монашескіе ордена».

Послѣ монаховъ отъ Рабле особенно достается папѣ и его двору. Но и въ этихъ нападкахъ чувствуется два разныхъ тона: одинъ веселый и баззаботный, напримѣръ, при описаніи острововъ Папефиговъ и Папимановъ, а также въ рѣчи Гоменаса о священныхъ декреталіяхъ; другой грустный, озлобленный, въ которомъ разочарованный гуманистъ изливаетъ свою злобу, разсказывая, откуда вербуются Клерго, какъ выглядитъ птица Папего. Да и какъ было не разочароваться при тѣхъ событіяхъ, которыя происходили на глазахъ Рабле: Англія и половина Германіи отпали отъ католической церкви, отпаденіе вызвало жестокія религіозныя войны, въ самой Франціи происходили смуты и раздоры.

Но хотя религіозные вопросы были самыми важными въ тотъ вѣкъ, Рабле всетаки не могъ не коснуться и другихъ сторонъ жизни. Кромѣ духовныхъ особъ, своими насмѣшками онъ преслѣдуетъ еще юристовъ, законовѣдовъ, судей и мимоходомъ докторовъ Сорбонны, этихъ схоластическихъ темныхъ теологовъ. Многія изъ его шутокъ потеряли отъ времени соль, но тѣмъ не менѣе такія личности, какъ Жанотусъ де-Брагмардо, депутатъ города Парижа, не могутъ не вызывать смѣха даже и теперь. Этотъ въ сущности добродушный сорбоннистъ, отвлекающійся отъ предмета своей рѣчи, чтобы доказать пользу новыхъ штановъ, сравнивающій себя и всю Сорбонну то съ кобылой принца, то съ осломъ, является шедевромъ французской литературы. Не менѣе добродушно

осмѣянъ и судья Бридуа, рѣшающій всѣ тяжбы при помощи метанія костей. Зато въ пятой книгѣ островъ Косматыхъ Кошекъ и островъ Невѣждъ, судьи и чиновники счетной палаты высмѣиваются авторомъ зло и жестоко.

Мы не можемъ прослѣдить здѣсь развитіе сатиры Рабле шагъ за шагомъ: она затрогиваетъ слишкомъ много вопросовъ. Несмотря на безпорядочность, на отсутствіе плана, Рабле размашисто набросалъ намъ картину нравовъ своего времени. Франція при Францискѣ I вела постоянныя войны; самымъ длиннымъ перемиріемъ былъ шестилѣтній періодъ; немудрено, что характеръ народа отъ постоянной опасности и тревоги сдѣлался грубымъ и жестокимъ. Поэтому и герои романа грубы и жестоки. Панургъ, напримѣръ, не только допустилъ Дендано броситься въ море, но, взявъ въ руки багоръ, отталкивалъ его отъ корабля, не давая ему возможности спастись; такъ же жестоко и безжалостно поступаетъ на войнѣ и братъ Жанъ. Онъ, не обращая вниманія на мольбы о помилованіи лучника Пикрошоля, съ шуточками перерѣзываетъ ему горло. Эту грубость мужчины вносятъ и въ любовь. Положимъ, въ то время уже сочиняли любовные сонеты и рондо, но во всѣхъ этихъ лирическихъ изліяніяхъ слышится голосъ грубой чувственности. Рабле не поклонникъ салонной любви, онъ всегда предпочитаетъ молоденькихъ сельскихъ дѣвушекъ парижскимъ модницамъ. Панургъ у него слѣдующимъ образомъ объясняется въ любви одной свѣтской дамѣ: «Сударыня, было бы очень полезно для всего государства, пріятно для васъ и необходимо для меня, чтобы вы произвели отъ меня потомство». Неправда ли, милый способъ говорить комплименты? А вотъ какъ отзывается о женщинѣ докторъ Рондибилисъ: «Когда я говорю женщина, то подразумѣваю существо столь легкое, измѣнчивое, непостоянное и несовершенное, что, мнѣ кажется, природа, создавъ вселенную, лишилась разсудка и въ состояніи безумія произвела на свѣтъ женщину... Если бы природа не оросила чела женщины нѣкоторымъ стыдомъ, онѣ были бы неприличны».

На фонѣ этой громадной бытовой картины выступаетъ масса дѣйствующихъ лицъ, проходитъ кортежъ силуэтовъ, набросанныхъ геніальною кистью. Невозможно забыть эпизодическія фигуры вродѣ жалкаго Жанотуса въ его разорванныхъ штанахъ, наивнаго Бридуа, краснорѣчиваго Гоменаса и экспансивнаго, сангвиническаго Пикрошоля. Но эти личности не играютъ большой роли въ романѣ. Они появляются, на минуту приковываютъ къ себѣ вниманіе и затѣмъ исчезаютъ, чтобы больше не появляться. Неизмѣнными спутниками читателя остаются три лица, вокругъ которыхъ остальныя двигаются и смѣняются, какъ въ калейдоскопѣ. Эти три героя: Панургъ, братъ Жанъ, Пантагрюель.

Въ первую половину XVI вѣка право кулака еще не утратило своей силы во Франціи и жизнь для бѣдныхъ людей, не имѣвшихъ никакого капитала, кромѣ своего собственнаго ума, была очень тяжела. Въ это время число людей безъ пристанища и безъ опредѣленныхъ занятій, такъ называемыхъ declassés, значительно умножилось. Міръ переполнился толпой болѣе или менѣе талантливыхъ людей, слишкомъ лѣнивыхъ, чтобы чѣмъ-нибудь заниматься, и слишкомъ умныхъ, чтобы молча покориться существующему порядку. Они бродили изъ города въ городъ, съ презрѣ-

ніемъ отплачивая сытымъ буржуа и грубымъ баронамъ за свои неудачи. Изъ этой толпы голодныхъ бродягъ вышелъ Панургъ. Его имя въ переводѣ значитъ: человѣкъ на всѣ руки. Прошлаго его Рабле почти не разсказываетъ, за исключеніемъ фантастической исторіи о пребываніи въ плѣну у турокъ. Описаніе же наружности его авторъ дѣлаетъ дважды и въ видѣ отличительнаго признака прибавляетъ, что онъ всегда страдалъ безденежьемъ. Панургъ остроуменъ, знаетъ много языковъ, знаніе, впрочемъ, для него совершенно безполезное, онъ находчивъ и скоръ на отвѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ трусливъ до того, что всѣ путники во время плаванія потѣшаются надъ нимъ. Онъ всегда изыскиваетъ средства, какъ бы достать денегъ, а пріобрѣтя, тратитъ ихъ съ безумной расточительностью,—достаточно вспомнить его мотовство, когда онъ получилъ въ подарокъ отъ Пантагрюеля цѣлое царство. Этотъ declassé XVI вѣка былъ родоначальникомъ появившихся впослѣдствіи Маскариля, Скапена, Жиль-Блаза, Фигаро.

Другомъ и пріятелемъ Панурга, связаннымъ съ нимъ одной ненавистью къ ханжамъ и постникамъ, является веселый братъ Жанъ. Это живой протестъ противъ монашескаго аскетизма. По монастырскому уставу, нельзя упитывать плоть, а братъ Жанъ всегда ѣстъ и пьетъ за четверыхъ и заглядывается на молоденькихъ дѣвушекъ; монаху запрещено проливать кровь, но братъ Жанъ не обращаетъ вниманія на запретъ и первымъ бросается въ сраженіе, гдѣ рубитъ и колетъ не хуже любого рыцаря. Онъ «молодъ, вѣжливъ, отваженъ, любитъ приключенія, статенъ и высокъ ростомъ, отлично служитъ мессу, настоящій монахъ». Братъ Жанъ гораздо симпатичнѣе Панурга: тотъ эгоистъ, этотъ же защищаетъ слабыхъ и вездѣ является дѣятельнымъ и великодушнымъ.

Середину этихъ двухъ крайностей занимаетъ Пантагрюель. Онъ вездѣ является авторитетнымъ лицомъ, разрѣшающимъ споръ, благосклоннымъ господиномъ, знаменитымъ ученымъ, который никогда не прочь подшутить надъ Панургомъ и надъ его колебаніями. Онъ постоянно все объясняетъ Панургу въ другую сторону, тогда какъ тотъ только и ждетъ, чтобы его кто-нибудь подкрѣпилъ въ намѣреніи жениться. Если братъ Жанъ занимаетъ въ романѣ амплуа любовника, то Пантагрюель играетъ въ произведеніи Рабле роль резонера.

Не станемъ вдаваться въ разборы философской доктрины Рабле: новаго въ его оптимизмѣ мы ничего не найдемъ. Гораздо важнѣе его литературное вліяніе, такъ какъ онъ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ отцомъ французскихъ юмористовъ и реалистовъ. Его юморъ заключается не въ стилѣ и не въ разработкѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, а во всемъ произведеніи. Онъ первый проявилъ ту галльскую веселость, тотъ легкій смѣхъ, который съ тѣхъ поръ не переставалъ раздаваться во французской литературѣ и для опредѣленія котораго Рабле выдумалъ слово *пантагрюелизмъ*, т. е., какъ объясняетъ онъ въ одномъ изъ своихъ прологовъ, «веселость, происходящую отъ презрѣнія къ преходящимъ вещамъ». Рабле смѣялся здоровымъ, веселымъ смѣхомъ, и эхо этого смѣха спустя столѣтіе подхватилъ Мольеръ, затѣмъ отчасти Вольтеръ, а въ наше время Эмиль Ожье, который своимъ оптимизмомъ и жизнерадостностью напоминаетъ стараго мастера.

ГЛАВА IV.

Королева Наваррская, Маргарита Ангулемская.

Дѣтство.—Замужество.—Францискъ I и его дворъ.—Плѣнъ короля.—Путешествіе Маргариты въ Испанію.—Королева Наваррская.—Преобразованія.—Дворъ въ Неракѣ.—Защитница реформаторовъ.—Нападки Сорбонны.—Бракъ Жанны.—Болѣзнь короля.—«Гептамеронъ».—Послѣдніе годы жизни.—Смерть.—Заключеніе.

Маргарита Ангулемская, эта «Принцесса Ренессанса, ангелъ-хранитель Реформаціи, веселый и отважный разсказчикъ, мистическій поэтъ внутренняго міра», какъ характеризуетъ ее одинъ изъ біографовъ, была современницей и даже ровесницей Франсуа Рабле.

Она была дочерью графа Ангулемскаго Карла Орлеанскаго и Луизы Савойской и родилась въ 1492 году, 11 апрѣля, въ два часа утра, какъ это записано въ дневникѣ ея матери. Братъ ея Францискъ родился двумя годами позже. Отца своего Маргарита почти совсѣмъ не знала, такъ какъ онъ умеръ вскорѣ послѣ ея рожденія, зато мать Луиза имѣла на молодую принцессу огромное вліяніе. Удалившись послѣ смерти мужа въ уединенный замокъ Роморантэнъ, Луиза всецѣло отдалась заботамъ о воспитаніи своихъ дѣтей.

Читателямъ уже извѣстно, что въ началѣ XVI вѣка всѣ классы общества Европы были охвачены жаждой знанія. Луиза же была сама женщина образованная и, кромѣ того, въ глубинѣ души питала честолюбивые замыслы. Карлъ Орлеанскій, ея мужъ, имѣлъ право наслѣдовать французскую корону, но онъ не дожилъ до этого счастливаго времени и его права послѣ смерти перешли къ Франциску, который имѣлъ тѣмъ болѣе шансовъ, что у Людовика XII не было сына. Поэтому Луиза, воспитывая и обучая своихъ дѣтей, не только слѣдовала тогдашнему духу времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ приготовляла ихъ къ тому высокому положенію, которое они впослѣдствіи должны были занять. Къ Маргаритѣ она приставила въ качествѣ воспитательницы образованную и знатную даму, г-жу де-Шатильонъ, которая сумѣла пробудить въ дѣвочкѣ любознательность. Подъ ея руководствомъ Маргарита изучила древніе и новые языки, которые отворили ей двери ко всѣмъ наукамъ. Она не только знала греческій, латинскій и еврейскій языки, но совершенно свободно владѣла итальянскимъ, испанскимъ, англійскимъ и нѣмецкимъ. Она съ увлеченіемъ отдалась философіи и поэзіи, которыя какъ нельзя болѣе подходили къ ея восторженной и склонной къ мистицизму натурѣ.

Что же касается Франциска, то его Луиза воспитывала совсѣмъ какъ будущаго короля. Она окружила его знатными сверстниками, многочисленными профессорами, и такъ какъ въ замкѣ Роморантэнъ не могъ умѣститься весь штатъ юнаго дофина, то она, съ разрѣшенія короля, переѣхала на жительство въ Амбуазъ. Людовикъ XII къ тому времени примирился съ мыслью, что ему будетъ наслѣдовать Францискъ, и, какъ бы оффиціально утверждая этотъ фактъ, выдалъ за него въ 1507 году свою единственную дочь Клавдію. Послѣ свадьбы Францискъ и Маргарита стали жить при дворѣ.

Слава о красотѣ и образованности Маргариты уже разнеслась за предѣлы Франціи, и наслѣдникъ англійскаго престола прислалъ посольство къ французскому королю, прося руки молодой принцессы. Однако, государственный совѣтъ отклонилъ предложеніе, полагая, что союзъ съ Генрихомъ VIII можетъ повлечь впослѣдствіи безконечныя войны Франціи съ Англіей. По тѣмъ же причинамъ отказано было затѣмъ и Карлу Австрійскому, будущему императору Карлу V. Но такъ какъ Маргаритѣ уже было семнадцать лѣтъ, а брачные союзы въ ту эпоху заключались очень рано (сама Луиза Савойская вышла замужъ одиннадцати лѣтъ), то рѣшено было выдать молодую дѣвушку за герцога Алансонскаго. Почему именно выборъ короля (мать Маргариты была совершенно устранена и ея мнѣнія не спрашивали) палъ на незначительнаго герцога—неизвѣстно. Есть предположеніе, что жена Людовика, Анна Бретонская, настояла на этомъ бракѣ, къ слову сказать, далеко не блестящемъ, единственно съ той цѣлью, чтобы хоть чѣмъ-нибудь отравить материнскую радость Луизы, которую та не могла скрыть, добившись оффиціальнаго признанія своего сына наслѣдникомъ французскаго престола. Если это предположеніе справедливо, то можно съ увѣренностью сказать, что Анна достигла цѣли. Луиза была сильно огорчена и разочарована, когда узнала, что ея дочь будетъ простой герцогиней, тогда какъ могла быть королевой англійской или испанской. Къ тому же, герцогъ былъ бѣденъ, умственно ограниченъ, ревнивъ и подозрителенъ, однимъ словомъ, прямая противоположность своей будущей женѣ. Маргарита въ семнадцать лѣтъ считалась одной изъ самыхъ очаровательныхъ женщинъ при дворѣ короля и если не обладала совершенно правильными чертами лица, зато была въ высшей степени миловидна и граціозна, производя впечатлѣніе хрупкаго, нѣжнаго существа. Ея густые свѣтло-пепельные волосы были по тогдашней модѣ высоко зачесаны, что придавало ея блѣдному продолговатому личику выраженіе серьезности, почти суровости. Очень выразительные голубые глаза подъ дугообразными бровями смотрѣли ласково и вдумчиво, а нѣсколько длинный носъ былъ очерченъ, также какъ и маленькій ротикъ, очень тонко и красиво. Что же касается ея образованности, то о ней мы уже упоминали; Маргарита въ умственномъ отношеніи стояла неизмѣримо выше своего мужа, Карла Алансонскаго.

Отпраздновавъ пышно свадьбу въ Блуа, молодые въ 1509 году переѣхали въ Алансонъ. Почти шесть лѣтъ провела Маргарита въ этомъ уныломъ скучномъ городѣ, вдали отъ блеска двора, съ нелюбимымъ мужемъ. Только въ 1515 году, когда, послѣ смерти Людовика XII, на престолъ вступилъ Францискъ, Маргарита снова появляется при королевскомъ дворѣ. Францискъ съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ совѣтоваться съ своей «Миньоной», какъ онъ называлъ сестру, и почти всецѣло находился подъ ея вліяніемъ. Маргарита, какъ и мать, любила брата до самозабвенія. Будучи строгой къ себѣ, она прощала ему всѣ его легкомысленные поступки, ухаживала и заботилась о немъ, какъ о родномъ сынѣ. Францискъ отличался любовью къ блеску, къ рыцарскимъ подвигамъ, былъ поэтомъ въ душѣ, за что, несмотря на его эгоизмъ, на налоги, которыми онъ отягощалъ Францію, народъ любилъ его и сложилъ про него много пѣсенъ, въ которыхъ воспѣвались его личная храбрость и отвага на-ряду съ такимъ рыцаремъ безъ страха и упрека, какъ его совре-

менникъ Баярдъ. Маргарита, почти безвыѣздно проживавшая при дворѣ, увеличила престижъ Франциска еще тѣмъ, что собрала вокругъ себя знаменитѣйшихъ поэтовъ, учредила среди придворныхъ особые духовные союзы, члены которыхъ называли другъ друга братъ и сестра; они свободно могли проявлять свою любовь, не боясь быть заподозрѣнными, такъ какъ любовь не заходила дальше дружескихъ отношеній; это было до нѣкоторой степени возстановленіемъ старинныхъ рыцарскихъ временъ, когда каждая дама имѣла своего рыцаря, а каждый рыцарь—свою даму.

Примѣръ добродѣтели подавала сама Маргарита; ей пріятно было возродить прежніе cours d'amours, окружать себя поэтами, которые, какъ, напримѣръ, Маро, находились при ней въ должности valet de chambre, но дальше этого она никогда не заходила. И когда однажды адмиралъ Бониве, распалившись къ ней страстью, залѣзъ ночью черезъ окно въ спальню Маргариты, то со стыдомъ долженъ былъ обратиться вспять, «съ физіономіей, исцарапанной до крови», какъ разсказываетъ это приключеніе сама Маргарита въ IX новеллѣ «Гептамерона».

Маргарита Наваррская (въ молодости).

Охоты, балы, маскарады чередовались при французскомъ дворѣ, и вдругъ все это веселье разомъ прекратилось. Нежданно-негаданно налетѣла буря, уничтожила цвѣтъ аристократіи, а самого блестящаго короля унесла въ далекую Испанію и бросила въ руки врагу. Плѣнъ Франциска и все несчастье произошло влѣдствіе его собственнаго взбалмочнаго характера. Чуть не съ первой минуты вступленія на французскій престолъ Францискъ задумалъ пріобрѣсти Миланъ, на который онъ имѣлъ право, какъ Орлеанскій принцъ. Городъ этотъ былъ ключомъ ко всей Италіи; но король, съ своимъ артистическимъ темпераментомъ, въ мечтахъ превратилъ этотъ старый городъ въ какой-то поэтическій уголокъ, въ музей искусства и красивыхъ женщинъ.

Несмотря на просьбы матери, несмотря на то, что на защиту Милана выступилъ молодой императоръ Карлъ V съ многочисленной арміей, несмотря, наконецъ, на болѣзнь жены,—послѣдняя причина, положимъ, не могла сильно дѣйствовать на короля: Клавдія всю свою жизнь не пользовалась любовью своего царственнаго мужа,—Францискъ I въ сопровожденіи войска и большого числа приближенныхъ перешелъ черезъ Альпы. По дорогѣ короля настигъ гонецъ съ письмомъ отъ Маргариты, въ которомъ она сообщала, что Клавдія отдала Богу душу. Хотя Францискъ и не любилъ своей жены, но, тѣмъ не менѣе, былъ опечаленъ этимъ извѣстіемъ и почувствовалъ какъ бы угрызенія со-

вѣсти. «Никогда я не думалъ,—писалъ онъ Маргаритѣ,—чтобы такъ трудно было разрывать супружескія узы... Если бы для ихъ новаго возстановленія потребовалась моя жизнь, я заплатилъ бы ею отъ чистаго сердца».

Но новое несчастье вскорѣ заставило забыть первое. Битва, данная имъ подъ Павіей 15 февраля 1525 года, окончилась полнымъ пораженіемъ Франциска. Всѣ лучшіе воины, какъ Баярдъ, Ла-Палисъ, были убиты, а другіе вмѣстѣ съ королемъ попали въ плѣнъ.

Hélas! La Palice est mort,
Il est mort devant Pavie.
Hélas! s'il n'était pas mort
Il serait encore en vie...
Quand le Roy partit de France
A la malheure il partit.
Il en partit le dimanche
Et le lundi il fut pris *).

Такъ поется въ старинной народной пѣсенкѣ. Къ довершенію несчастья, виновникомъ пораженія французовъ оказался герцогъ Алансонскій, мужъ Маргариты.

Онъ командовалъ арьергардомъ и въ самый рѣшительный моментъ вдругъ отдалъ своимъ войскамъ приказъ отступить. Онъ не былъ убитъ, не попался даже въ плѣнъ, но, сознавая свою вину, всѣми проклинаемый и презираемый, вскорѣ по возвращеніи во Францію умеръ, даже не повидавшись съ Маргаритой.

Но Маргарита не особенно жалѣла мужа, она вся ушла въ несчастье, постигшее ея брата. Оправившись отъ неожиданности, она энергично принялась хлопотать о возвращеніи Франциска на родину. Однако, Карлъ V предлагалъ такія тяжелыя условія, что Францискъ почти потерялъ надежду когда-нибудь возвратиться во Францію. Императоръ перевезъ его въ Мадридъ и заключилъ въ Альказарѣ. Вскорѣ послѣ этого Маргарита лично отправилась въ Испанію хлопотать за брата. По дорогѣ она услышала, что Францискъ опасно заболѣлъ, а нѣсколько дней спустя по всей Франціи распространился слухъ, что король умеръ. Къ счастью, слухъ этотъ оказался ложнымъ.

Въ продолженіе долгаго пути Маргарита занималась въ каретѣ писаніемъ стиховъ, изъ которыхъ большая часть посвящаются страданіямъ брата и ея собственнымъ. «О, какъ была бы я рада,— пишетъ она въ одномъ изъ этихъ путевыхъ стихотвореній,—если бы кто-нибудь пришелъ и сказалъ бы мнѣ: «Король возвратился въ добромъ здоровьи!». Тогда его сестра съ восторгомъ бросилась бы цѣловать посланца, пусть онъ будетъ отвратительнѣе смерти, ради добрыхъ вѣстей о братѣ».

Однако, никто не приходилъ за обѣщаннымъ поцѣлуемъ, и Маргарита, гдѣ можно, справляясь о плѣнномъ монархѣ, наконецъ добралась до Мадрида. Императоръ вышелъ ей навстрѣчу и проводилъ до

---

*) Увы, Ла-Палисъ убитъ, подъ Павіей онъ убитъ. Увы, если бы онъ не былъ убитъ, то былъ бы еще въ живыхъ... Когда король покинулъ Францію, онъ на несчастье покинулъ ее. Въ воскресенье онъ уѣхалъ, а въ понедѣльникъ былъ взятъ въ плѣнъ.

комнаты плѣнника. Францискъ при видѣ сестры снова почувствовалъ приливъ силъ и впослѣдствіи говорилъ, что только ея присутствіе спасло ему жизнь.

Не теряя времени, Маргарита начала съ императоромъ переговоры объ освобожденіи брата. Карлъ во время болѣзни короля сдѣлался уступчивѣе, но когда Францискъ началъ поправляться, онъ возобновилъ прежнія свои требованія. Онъ требовалъ уступки нѣсколькихъ французскихъ провинцій, возстановленія Бурбона въ прежнемъ званіи конетабля, котораго тотъ лишился, измѣнивъ Франциску и перейдя на сторону Карла V. Конечно, согласиться на эти требованія не было никакой возможности, и Францискъ рѣшилъ отказаться отъ короны и написалъ актъ отреченія въ пользу своего малолѣтняго сына, опекуншей котораго назначалъ мать Луизу, а въ случаѣ ея смерти предоставлялъ право регентства «своей дорогой и возлюбленной сестрѣ».

Прежде чѣмъ везти этотъ актъ, Маргарита рѣшила испытать послѣднее средство. Она предложила Франциску убѣжать. Было рѣшено, что король вымажетъ себѣ сажей лицо, переодѣнется въ платье негра, прислуживавшаго ему, и попытается выйти на улицу, гдѣ будетъ ждать его сестра съ лошадьми. Возможно, что планъ этотъ удался бы, но ихъ разговоръ подслушалъ лакей и передалъ, конечно, все императору. Послѣ этого Маргаритѣ оставаться долѣе было неудобно, тѣмъ болѣе, что стороной она узнала, будто Карлъ хочетъ арестовать и ее, чтобы скорѣй заставить согласиться принять свои условія.

Спустя немного времени Маргарита выѣхала изъ Мадрида и благополучно достигла до Ліона, гдѣ тогда находилась Луиза. Туда же вскорѣ пріѣхалъ Генрихъ д'Альбрэ, наваррскій король, молодой человѣкъ, который вмѣстѣ съ королемъ попался въ плѣнъ, но, сумѣвъ обмануть стражу, бѣжалъ изъ заключенія. Между Генрихомъ и Маргаритой завязалась дружба, быстро перешедшая въ любовь, и когда король Францискъ, женившись на сестрѣ императора Леонорѣ Австрійской, вернулся снова во Францію, ему пришлось праздновать ихъ свадьбу. Это было 24 января 1527 года. Въ брачномъ контрактѣ Францискъ обѣщалъ возстановить Генриха въ прежнихъ королевскихъ правахъ и помочь вернуть ему отнятыя Карломъ въ Наваррѣ владѣнія.

Генрихъ д'Альбрэ въ одинаковой степени обладалъ положительными и отрицательными душевными качествами. Онъ былъ храбръ, питалъ любовь къ своему маленькому народу, но зато у него не было качествъ, нужныхъ для хорошаго мужа: онъ былъ ревнивъ, грубъ, меланхоличенъ отъ природы и въ то же время вѣтренъ, непостояненъ. Брачная жизнь Маргариты и Генриха часто нарушалась ссорами, которыя не рѣдко требовали вмѣшательства Франциска. Изъ двухъ дѣтей, родившихся отъ этого брака, первый—сынъ по имени Жанъ, умеръ двухъ лѣтъ отъ роду, а вторая—дѣвочка, родившаяся въ 1529 году, названная Жанной, имѣла впослѣдствіи громадное вліяніе на судьбы Франціи и была матерью Генриха IV.

Несмотря на несчастливую супружескую жизнь, Маргарита тѣмъ не менѣе усердно помогала мужу во внутреннемъ переустройствѣ своего государства. Дружно дѣйствуя въ этомъ направленіи, они скоро значительно повысили благосостояніе своихъ жителей. Францискъ I

хотя и обѣщалъ Генриху д'Альбрэ помочь вернуть его прежнія владѣнія, но у него въ то время было слишкомъ много другихъ враговъ, чтобы затѣвать еще новую войну съ Карломъ V. Генрихъ понималъ положеніе короля и, не мечтая получить отнятое обратно, старался укрѣпить свои оставшіяся владѣнія, чтобы обезопасить себя отъ захватовъ и нападеній испанцевъ. Маргарита, принявшая дѣятельное участіе въ трудахъ мужа, быстро завоевала себѣ симпатіи беарнцевъ, которые всегда съ радостью встрѣчали ее, когда она пріѣзжала со своимъ дворомъ въ Неракъ или По.

Дворъ Маргариты въ Неракѣ могъ съ успѣхомъ соперничать съ французскимъ по своему замѣчательному составу. Королеву Наваррскую окружали красивѣйшія женщины и образованнѣйшіе мужчины; вокругъ нея толпились ученые, поэты, музыканты, художники, однимъ словомъ, все то, что составляло цвѣтъ эпохи Возрожденія во Франціи. Ея комнату называли «Парнасомъ», потому что въ качествѣ камеръ-лакеевъ у нея служили: поэтъ Клеманъ Маро, сатирикъ Бонавентура де-Перье, элегантный переводчикъ Клодъ Грюге, Антуанъ дю-Мулэнъ, Де-Ла-Гэ и др. Съ утра до вечера въ залахъ дворца раздавалась музыка, стихи, непринужденный смѣхъ, разговоры, каждый сочинялъ, пѣлъ и разсказывалъ. Кромѣ общей любви къ поэзіи и искусствамъ, всѣхъ придворныхъ соединяла еще другая связь: этотъ дворъ былъ очагомъ реформаціи, а впослѣдствіи—кальвинизма. Маргарита, въ силу своей любознательности и вѣчнаго сомнѣнія, все время искала новыхъ идей и съ одинаковой страстью отдавалась то надеждамъ такихъ философовъ, какъ Рабле и Этьенъ Долэ, провозглашенныхъ впослѣдствіи атеистами, то съ энтузіазмомъ слушала евангельскія проповѣди Русселя, Кальвина и др.

При первыхъ гоненіяхъ на лютеранъ, въ 1523 году, Маргарита открыто заявила себя ихъ защитницей, почти единомышленницей. Она заставила освободить изъ тюрьмы Клемана Маро, котораго заключила туда Сорбонна за то, что онъ ѣлъ постомъ мясо; она отклоняла запрещенія, налагаемыя на такъ называемыя еретическія книги, и, наконецъ, въ своемъ дворцѣ устроила убѣжище для гонимыхъ во Франціи реформаторовъ, гдѣ, между прочимъ, довольно долго укрывался и Кальвинъ. Маро и нѣкоторые другіе поэты перевели по ея приказу церковные молитвы и псалмы, которые она затѣмъ раздала всѣмъ придворнымъ и Франциску I. Это нововведеніе понравилось королю и у него нѣсколько разъ совершали мессу на французскомъ языкѣ, пока не запретила провѣдавшая о такой ереси Сорбонна. Кромѣ того, Маргарита написала мистическую поэму подъ заглавіемъ «Зеркало души грѣшницы». Въ 1531 году эта поэма была напечатана, а черезъ два года Сорбонна запретила книгу, какъ содержащую въ себѣ противорелигіозныя тенденціи и мысли. По приказанію короля ректоръ университета, Николя Ко, защищалъ публично поэму, а фактъ запрещенія мотивировалъ тѣмъ, что сочинительница книги не выставила своего имени. Однако, приговоръ Сорбонны такъ подѣйствовалъ на возбужденные умы подданныхъ, что ученики Наваррскаго колледжа, разыгрывая какой-то фарсъ, вывели въ немъ королеву подъ видомъ адской фуріи. Францискъ не могъ простить этого молодымъ студентамъ и, чтобы наказать ихъ за оскорбленіе его «Миньоны», отправилъ свою гвардію съ приказомъ

арестовать виновныхъ. Дорого бы обошлась колледжу эта шутка, если бы за профессоровъ и студентовъ не вступилась Маргарита и не упросила короля вернуть войско назадъ.

По всей вѣроятности, Франциска удалось бы обратить въ лютеранство, такъ какъ онъ охотно прислушивался къ новымъ идеямъ, если бы сами реформаторы не испортили всего дѣла. Въ одну изъ ноябрьскихъ ночей 1534 года они расклеили на углахъ улицы прокламаціи, въ которыхъ грубо оскорбляли церковь и Божію Матерь. Узнавъ объ этой выходкѣ, король объявилъ себя защитникомъ католицизма и поклялся отмстить богохульникамъ. Съ этого времени во Франціи запылали костры, на которыхъ сжигали по нѣскольку еретиковъ сразу.

Маргарита Наваррская во время пребыванія въ монастырѣ Туссонъ.

Престижъ Маргариты теперь уже былъ недостаточенъ, чтобы защитить своихъ друзей, и она посовѣтовала имъ укрыться у себя въ Беарнѣ. Сама же она осталась при королѣ, надѣясь на любовь брата. И дѣйствительно, несмотря на старанія Сорбонны и происки ея враговъ, Францискъ попрежнему благоволилъ къ своей «Миньонѣ». Но эта умная женщина и сама старалась не подать поводакъ подозрѣнію. Оставаясь при французскомъ дворѣ, она для вида соблюдала всѣ требованія католической церкви и даже исповѣдывалась у придворнаго духовника. Зато у себя въ Неракѣ она не скрывала своихъ чувствъ. Тогда при ней почти безотлучно находились Кальвинъ и Маро, которые вскорѣ перебрались въ Пьемонтъ, такъ какъ въ дворцѣ Маргариты они не были увѣрены въ своей безопасности, боясь не совсѣмъ благосклоннаго къ нимъ Генриха. Король Наваррскій, оскорбленный слишкомъ фамильярными отношеніями, существовавшими между Маргаритой и ея приближенными, часто устраивалъ женѣ сцены и грубо обходился съ ней. Брантомъ разсказываетъ, что однажды Генрихъ, зная, что у жены находится лютеранскій проповѣдникъ, отправился къ ней въ комнату съ цѣлью выгнать священника, но, никого не найдя, съ бранью обрушился на Маргариту и далъ ей пощечину.

Эти оскорбленія Маргарита сносила съ истинно христіанскимъ смиреніемъ, находя утѣшеніе въ ежедневномъ чтеніи Священнаго Писанія и въ лютеранскомъ богослуженіи, совершавшемся въ под-

земельѣ замка По. Постоянное чтеніе Евангелія сдѣлалось у нея привычкой и она заимствовала изъ Новаго Завѣта нѣсколько сюжетовъ для своихъ комедій, написанныхъ по образцу старинныхъ мистерій. Комедіи эти (ихъ всѣхъ четыре) были исполнены съ большимъ успѣхомъ передъ цѣлымъ дворомъ итальянскими пѣвцами.

Слухъ объ ея принадлежности къ лютеранству проникъ въ народъ, и враги не замедлили воспользоваться этимъ, чтобы снова напасть на Маргариту. Смѣлость, съ которой ее обвиняли въ ереси, дошла до того, что какой-то монахъ ордена кордельеровъ съ церковной каѳедры всенародно назвалъ королеву Наваррскую лютеранкой, заслуживавшей, какъ и другіе еретики, быть брошенной въ воду въ зашитомъ мѣшкѣ. Слова эти были переданы королю, который велѣлъ схватить и казнить монаха такимъ же способомъ, къ какому онъ приговорилъ сестру короля. Но народъ воспротивился выдать монаха лейтенанту Денису дю-Жону, и только при вторичномъ приказѣ короля и при вмѣшательствѣ войска удалось схватить преступника и сослать его на галеры.

Францискъ, узнавъ подробно о комедіяхъ на священные сюжеты, о проповѣдяхъ и еретическихъ наклонностяхъ маленькаго двора, потребовалъ къ себѣ принцессу, которая немедленно отправилась въ путь. При встрѣчѣ съ сестрой король гнѣвно сталъ выговаривать ей, но когда она отвѣтила ему въ духѣ католицизма, переложилъ гнѣвъ на милость и уже больше не упрекалъ ея въ лютеранствѣ. Со времени этого путешествія Маргарита удерживалась открыто признавать новое ученіе, хотя до самой смерти не переставала быть въ душѣ вѣрной лютеранкой. Она удовольствовалась тѣмъ, что поощряла Маро, вернувшагося изъ изгнанія, во время его работъ надъ переводомъ псалмовъ Давида. Но теологическій факультетъ переводы Маро призналъ невѣрными, и бѣдный поэтъ, спасаясь отъ костра, снова покинулъ Францію и отправился въ Женеву. Королева же, видя, что Францискъ не желаетъ больше заступаться за реформаторовъ, тоже перестала помогать имъ; она не измѣнила своимъ убѣжденіямъ, но уже не осмѣливалась признавать ихъ публично и, продолжая переписку съ Кальвиномъ, старалась походить во всемъ на католичку. Не будучи въ состояніи помогать больше своимъ друзьямъ, она отдалась съ жаромъ благотворительности и почти всѣ свои деньги расходовала на поддержаніе и устройство госпиталей и сиротскихъ пріютовъ.

Однако, христіанское милосердіе королевы Наваррской не простиралось настолько, чтобы прощать все своимъ врагамъ, и, раздавая милостыню бѣднымъ, она въ то же время обдумывала способъ мести одному изъ главныхъ ея враговъ—Монморанси, конетаблю Франціи. Случай не замедлилъ представиться. Король, ища себѣ союзниковъ и находя повсюду только враговъ, рѣшилъ, ради привлеченія на свою сторону нѣмецкихъ герцоговъ и князей, выдать за одного изъ нихъ, а именно за герцога Клевъ, свою племянницу, дочь Маргариты, Жанну д'Альбрэ, едва достигшую двѣнадцатилѣтняго возраста. Бракъ дочери съ герцогомъ не представлялся Маргаритѣ блестящей партіей, и она упорно отказывала Франциску. Согласіе было дано, только когда король пообѣщалъ устранить отъ двора и отъ должности ненавистнаго Маргаритѣ Монморанси. Францискъ сдержалъ свое слово, и послѣ свадьбы на другой же день Монморанси покинулъ Парижъ.

Въ 1543 году король заболѣлъ и слегъ въ постель. Въ продолженіе всей болѣзни за нимъ ухаживала Маргарита. Король поправился, но съ этихъ поръ прежняя сила уже не возвращалась къ нему. Онъ старѣлъ съ каждымъ днемъ и дѣлался все раздражительнѣе и нервнѣе. Прежнія удовольствія—охота и любовь—стали для него недоступными. Чтобы хоть чѣмъ-нибудь развлечь его, Маргарита въ тѣ дни, когда король не выходилъ, читала ему новеллы Боккаччіо, только-что переведенныя съ итальянскаго. «Декамеронъ» натолкнулъ принцессу на мысль написать подобное же произведеніе для развлеченія Франциска, притомъ съ сюжетами изъ французской жизни. Задумавъ, Маргарита тотчасъ приступила и къ исполненію. Ей приходилось часто разъѣзжать по своимъ дѣламъ то въ Алансонъ, то въ Наварру. Вотъ во время этихъ-то переѣздовъ королева и занималась писаніемъ «Гептамерона», долженствовавшаго обезсмертить ея имя. Отрывки его она по возвращеніи читала Франциску. Но ему не пришлось дожить до окончанія сочиненія: въ 1547 году, 31 марта, король, еще не старый годами, но утомленный и обезсиленный тѣми заботами, посреди которыхъ ему пришлось жить и царствовать, умеръ. Эта потеря повергла въ безысходную печаль его сестру. Послѣ его смерти она и не подумала оканчивать «Гептамеронъ»; напротивъ того, чувствуя свою близкую кончину, она отказалась совсѣмъ отъ поэзіи и суетнаго міра. Въ 1549 году Маргарита переѣхала на жительство въ монастырь Туссонъ и здѣсь, среди монахинь, мирно проводила время. Ея покой нарушало только сознаніе близкаго конца—смерть пугала ее. Осенью того же года на небѣ появилась блестящая комета, предвѣщавшая, какъ говорили, близкую кончину папы Льва XII. Маргарита съ балкона любовалась на нее и, вѣроятно, припоминала о кометѣ, появившейся передъ смертью ея матери. Однажды вечеромъ во время этого занятія у Маргариты вдругъ перекосило ротъ. Докторъ сейчасъ же уложилъ ее въ постель. Но всѣ средства были напрасны—смерть приближалась быстрыми шагами. Три дня Маргарита не могла произнести ни слова и только за нѣсколько минутъ до смерти къ ней снова вернулась способность говорить. Она схватила Распятіе и, прижимая его къ груди, три раза воскликнула подавленнымъ голосомъ: «Іисусъ, Іисусъ, Іисусъ!».

Маргарита Ангулемская умерла 21 декабря 1549 г., пятидесяти семи лѣтъ отъ роду. Похоронили ее въ соборѣ Лескаръ, усыпальницѣ королей Наваррскихъ. Монморанси, призванный снова ко двору наслѣдникомъ Франциска I, не явился на похороны. Но бѣдные беарнцы собрались на погребеніе со всѣхъ сторонъ; къ нимъ присоединились ученые и поэты, выражая свою скорбь въ стихахъ и эпитафіяхъ, замѣчательныхъ по своей искренности. Олягарэ объявилъ, что «всѣ ученые, измученные жизнью, не перенесутъ этого удара». Королева, спасшая Русселя и Лефевра, Кальвина, Фареля и Клемана Маро, защитница Эразма и Меланхтона, муза, вдохновившая короля основать Колледжъ-де-Франсъ, Маргарита Маргаритъ, достойна такой похвалы. И Ронсаръ въ значительной степени правъ, говоря, что съ ней исчезло

Все, что было на нашей землѣ
Честнаго, прекраснаго, великодушнаго.

Позабывъ ревность и ссоры, Генрихъ Наваррскій оплакивалъ свою

жену. Въ ней онъ лишился лучшей опоры, рулевого, который правилъ умно и твердо его слабымъ, нерѣшительнымъ характеромъ.

Душа Маргариты не имѣла того блеска, который даетъ абсолютная чистота, но безграничная доброта, наполнявшая сердце королевы Наваррской, дѣлала эту душу рѣдкой и прекрасной. Вслѣдствіе этой доброты, этого великодушія, этой любви ко всему истинно прекрасному, которая цѣликомъ воплотилась въ ея поэмахъ и новеллахъ, память о королевѣ Маргаритѣ никогда не изгладится.

ГЛАВА V.

«Гептамеронъ».

Характеристика „Гептамерона".—Прологъ.—Первая новелла.—Одиннадцатая новелла.—Двадцать четвертая новелла.—Тридцать первая новелла.—Сорокъ четвертая новелла.—Сорокъ девятая новелла.—Пятьдесятъ вторая новелла.

Въ наше время «Гептамеронъ» читаютъ не изъ-за драматическаго интереса, не изъ-за поэзіи и страсти, которыми проникнуты его новеллы. Что могло интересовать Маргариту и ея читателей, не интересуетъ больше насъ. Современныхъ читателей трудно тронуть разсказами о несчастныхъ приключеніяхъ любовниковъ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти приключенія по существу довольно однообразны: молодые люди встрѣчаются, влюбляются, ихъ разлучаютъ, и они съ горя уходятъ въ монастырь. Интересъ «Гептамерона» для отдаленныхъ потомковъ королевы Наваррской заключается въ его жизнерадостномъ юморѣ и вѣрномъ изображеніи повседневной жизни эпохи Возрожденія.

Безпрерывные намеки на жизнь и идеи автора, описаніе нравовъ данной эпохи въ такихъ городахъ, какъ Алансонъ и Парижъ, составляютъ громадную цѣнность «Гептамерона». Изъ него мы можемъ почерпнуть вѣрныя свѣдѣнія о взаимномъ отношеніи различныхъ классовъ общества, о богатствѣ и комфортѣ, которыми они пользовались; при помощи этихъ новеллъ мы узнаемъ, сколько часовъ въ день посвящало общество праздности и лѣни и сколько часовъ бѣдные люди должны были отдавать труду, чтобы заработать себѣ дневное пропитаніе. Перелистывая это собраніе разсказовъ, иногда циничныхъ, иногда наивныхъ и поэтическихъ, мы чувствуемъ, какъ отъ нихъ вѣетъ ароматомъ старины, далекой прошлой жизни, которая воскресаетъ передъ нами, окутанная дымкой поэзіи. Какая-то тихая радость охватываетъ насъ, заставляетъ умиляться передъ прошлымъ и многое прощать ему.

Масса мелочей, вводимыхъ королевою въ ея новеллы, придаетъ имъ отпечатокъ искренности, правды. Съ первой же новеллы мы какъ бы окунаемся въ міръ странныхъ контрастовъ, въ міръ, гдѣ дамы проводятъ время то за вышиваніемъ, то за чтеніемъ «Жестокой красавицы», то развлекаются съ любовниками, то гадаютъ у городскихъ колдуновъ. Вся блестящая, чисто внѣшняя цивилизація этой эпохи есть не болѣе какъ картонный замокъ, стѣны котораго просвѣчиваютъ незадѣланными дырами. Пытки на судѣ еще въ полномъ ходу, за десять экю можно нанять убійцу. Безопасными мѣстами, мѣстами убѣ-

жищъ считаются только церковь и дворецъ. Но правосудіе и здѣсь сумѣло восторжествовать: бѣглецовъ въ церкви не трогаютъ, ихъ оттуда даже не гонятъ, а просто морятъ голодомъ.

Эти жестокости среди всеобщаго довольства и даже богатства кажутся анахронизмомъ. Всѣ горожане имѣютъ прислугу. Комнаты зачастую устланы коврами, кровати у господъ, также какъ у мелкихъ буржуа, съ балдахинами или за тяжелыми занавѣсями. «Почетная постель» (le lit d'honneur) достаточно обширна, чтобы вмѣстить четверыхъ, такъ какъ въ тѣ времена существовалъ обычай, чтобы почетнаго гостя класть на постель вмѣстѣ съ собой и своей женой. Апартаменты у всѣхъ таковы, что самый послѣдній лавочникъ имѣетъ свою туалетную комнату, свою гостиную. У каждаго дома имѣется палисадникъ, а иногда и обширный садъ. Женщины одѣваются въ тафту, шелкъ, нерѣдко въ бархатъ, «который прежде носили только женщины высшаго общества». Но ни комфортъ, ни богатство не мѣшаютъ всѣмъ этимъ людямъ дрожать за свою судьбу: по малѣйшему подозрѣнію ихъ могутъ до смерти замучить въ застѣнкѣ или сжечь на кострѣ за ересь

Главнымъ недостаткомъ этого всеобщаго довольства и богатства былъ развратъ духовенства. Общество шло по его стопамъ, испытывая при этомъ нѣкоторое удовольствіе при видѣ слабостей своихъ духовныхъ пастырей. Да, хорошее было время, веселое было общество, но и время, и общество были развращены до мозга костей!

Этотъ развратъ Маргарита открыто выставляетъ передъ читателемъ, предостерегая его противъ опасностей, которыя могутъ произойти, когда церковь, не довольствуясь духовнымъ владычествомъ, простретъ свою длань къ свѣтской власти. Эти предостереженія, указанія на необходимость реформы и въ обществѣ, и въ церкви можно резюмировать Грибоѣдовскимъ стихомъ:

Да, радикальныя потребны тутъ лекарства,
Желудокъ больше не варитъ.

Въ «Гептамеронѣ» мы находимъ еще ту веселую Францію, которую описываетъ въ «Гаргантюа» Рабле, въ то время какъ дофинъ съ своимъ лицемѣрно богомольнымъ дворомъ возвѣщаетъ приближеніе Тартюфа.

«Гептамеронъ»—жанровая картина, документъ, откуда мы черпаемъ свѣдѣнія о Франціи XVI вѣка и о характерѣ правителей націи. Король Францискъ обрисованъ въ немъ такимъ, какимъ онъ былъ всю жизнь: здѣсь перечисляются всѣ его блестящіе, разнообразные таланты, за которые его обожалъ народъ. Его приключенія, непостоянство, культъ красоты, любовь къ удовольствіямъ и развлеченіямъ, quasi-либеральныя убѣжденія, великолѣпіе и блескъ двора, несчастія, изумительно легкомысленное пренебреженіе опасностями,—все собрано заботливой, нѣжной рукой Маргариты, чтобы сдѣлать изъ этого взбалмошнаго характера типъ французскаго національнаго героя.

Познакомивъ насъ съ характеромъ Франциска, Маргарита мастерски набрасываетъ свой собственный портретъ въ годы зрѣлости Прежде всего въ прологѣ она появляется подъ именемъ г-жи Уазиль а затѣмъ въ одиннадцатой новеллѣ разсказываетъ приключеніе, бывшее съ ней самой, какъ это удостовѣряетъ Брантомъ *). Во всѣхъ

*) Brentom: «Les dames illustres».

новеллахъ она рисуетъ однѣ и тѣ же свои характерныя черты: истинную добродѣтель, свободныя манеры, любовь къ людямъ. Иногда, правда, она говоритъ о своихъ посѣщеніяхъ домовъ бѣдныхъ, о порывахъ мистицизма, но это только иногда, обыкновенно же она представляется свѣтской веселой женщиной.

Маргарита, разсказывая про адюльтеръ и преступныя связи, никогда не казнитъ своихъ героевъ; она всегда готова извинить невѣрность и радуется раскаянію грѣшницы. Тѣ, кто укоряютъ «Гептамеронъ» въ неприличіи и скабрезности, должно быть, никогда не потрудились прочесть разсужденія, слѣдующія за новеллой, а между тѣмъ изъ нихъ видно, что г-жа Уазиль изъ каждаго разсказа выводитъ нравоученіе и пользуется случаемъ, чтобы прочесть наставленіе своимъ молодымъ слушателямъ и слушательницамъ. Эти discours написаны вовсе не для замаскированія вольныхъ сюжетовъ: Маргарита, составляя «Гептамеронъ», разсчитывала втайнѣ склонить короля на свою сторону и пропитать его реформаціонными идеями. Затѣмъ, циничность нѣкоторыхъ разсказовъ «Гептамерона» всегда проникнута здоровымъ, жизнерадостнымъ юморомъ. Маргарита Наваррская, какъ и Рабле, въ такихъ случаяхъ всегда высказываетъ свою природную наклонность къ наслажденію жизнью, къ удовольствіямъ и приключеніямъ и всегда далека отъ пошлой сентиментальности.

Откровенная, непринужденная веселость, проявляющаяся въ перемежку съ вспышками мистицизма,—основныя черты характера королевы Наваррской, создавшей «Зеркало души грѣшницы» и «Гептамеронъ», два произведенія, въ которыхъ съ такой полностью отразился распущенный и вмѣстѣ съ тѣмъ религіозный XVI вѣкъ.

Прологъ.

Перваго сентября, когда купанья Пиренейскихъ горъ начинаютъ проявлять свои цѣлебныя свойства, въ Кальдрэ собралось много народа изъ Франціи, Испаніи и другихъ мѣстъ; одни пить воду, другіе—купаться, третьи—принимать грязи, настолько чудесныя, что онѣ возвращали здоровье даже и такимъ больнымъ, отъ которыхъ отказались доктора. Въ мои намѣренія не входитъ объяснять вамъ расположеніе и цѣлебныя свойства купаній и поэтому я теперь же займусь темой моего разсказа. На купаньяхъ всѣ больные оставались около трехъ недѣль, послѣ чего, поправившись окончательно, они рѣшили отправиться въ обратный путь. Но какъ разъ передъ самымъ отъѣздомъ полили такіе непрерывные и обильные дожди, что казалось, будто Богъ забылъ данное Ною обѣщаніе не наказывать землю потопомъ. Всѣ дома и хижины вышеназваннаго Кальдрэ оказались затопленными водою и въ нихъ нельзя было долѣе оставаться. Пріѣзжіе изъ Испаніи отправились обратно по горамъ, и только тѣ избѣгли опасностей, кто лучше другихъ зналъ дорогу. Французскіе же сеньоры и дамы (надѣясь возвратиться въ Тэрбъ съ тою же легкостью, съ какою они пріѣхали оттуда) нашли всѣ маленькіе ручейки до того вздувшимися, что лишь съ трудомъ перебрались черезъ нихъ. Но когда они достигли Гавъ-Бьернуа, въ обыкновенное время

бывшую не глубже двухъ футовъ, то увидѣли передъ собой такую бурную и широкую рѣку, что повернули и отправились отыскивать мостъ; но всѣ деревянные мосты были снесены теченіемъ. Нѣкоторые, вздумавшіе перебраться черезъ рѣку вплавь, были такъ стремительно унесены водою, что остальные потеряли всякую охоту слѣдовать за ними. Въ поискахъ за другими дорогами общество раздѣлилось. Одни, переваливъ черезъ горы и миновавъ Аррагонъ, пріѣхали въ графство Россильонъ, а оттуда въ Нарбонъ, другіе отправились прямо въ Барселону, откуда моремъ достигли до Марселя, а третьи поѣхали въ Эгюмортъ.

Но одна пожилая, опытная вдова (по имени Уазиль), отбросивъ опасенія насчетъ дурныхъ дорогъ, направилась въ монастырь Серранской Божіей Матери, увѣренная, что, если ей удастся благополучно миновать опасности, она найдетъ пріютъ у монаховъ. То поднимаясь на горы, то спускаясь, пройдя большую часть пути пѣшкомъ, такъ какъ всѣ слуги и лошади умерли отъ лишеній и трудовъ, она въ сопровожденіи только служанки и одного слуги, наконецъ, добралась до Серранса и была радушно принята монахами.

Среди прочихъ французовъ находились также два дворянина, пріѣхавшіе на купанья больше для того, чтобы сопутствовать дамамъ (которыхъ они были кавалерами), чѣмъ для поправленія здоровья. Эти сеньоры, видя, что компанія разстроилась и мужья увезли отъ нихъ своихъ женъ, рѣшили слѣдовать за ними издали, не говоря объ этомъ никому ни слова. Однажды вечеромъ супруги со своими женами остановились на ночлегъ въ домѣ какого-то крестьянина, который больше походилъ на разбойника, чѣмъ на земледѣльца, а молодые кавалеры расположились въ сосѣднемъ домѣ. Около полуночи они вдругъ услышали страшный шумъ и, вскочивъ на ноги, обратились съ вопросами къ хозяину. Бѣдный человѣкъ, съ своей стороны, очень перепуганный, объяснилъ имъ, что въ сосѣдній домъ ворвались негодяи и требуютъ своей доли отъ хозяина, у котораго остановились богатые люди. Молодые сеньоры, не медля ни минуты, схватили свое оружіе и вмѣстѣ съ слугами поспѣшили на выручку дамъ, ради которыхъ они готовы были скорѣй принять смерть, чѣмъ жить послѣ нихъ. Прибѣжавъ въ жилище, они увидѣли входную дверь сломанной, а двухъ дворянъ и ихъ слугъ храбро защищавшихся, но такъ какъ бандиты превосходили ихъ численностью, а также и потому, что оба господина были ранены, они уже начали отступать, потерявъ большую часть своихъ слугъ. Молодые сеньоры, увидѣвъ у окна плачущихъ дамъ, не помня себя отъ любви и жалости, какъ два разъяренныхъ медвѣдя, спустившихся съ горъ, бросились на разбойниковъ и въ одно мгновеніе усѣяли ихъ трупами полъ, а другихъ принудили отступить и искать спасенія въ бѣгствѣ.

Сеньоры, раздѣлавшись съ негодяями (среди убитыхъ оказался и самъ хозяинъ) и узнавъ, что хозяйка еще хуже мужа, ударомъ шпаги отправили и ее на тотъ свѣтъ, а затѣмъ, войдя въ низкую комнату, увидѣли, что одинъ изъ женатыхъ дворянъ уже умеръ, другой же былъ цѣлъ и невредимъ, если не считать, что платье его было въ нѣсколькихъ мѣстахъ разорвано, а шпага сломана. Этотъ господинъ, зная, какую они оказали ему помощь, послѣ поцѣлуевъ и благодарно-

стей просилъ не покидать его одного, на что тѣ съ величайшимъ удовольствіемъ согласились. Затѣмъ, похоронивъ убитаго и утѣшивъ, насколько это было возможно, его жену, всѣ вмѣстѣ отправились дальше, не зная дороги и во всемъ уповая на Бога. Если вамъ угодно узнать имена трехъ сеньоровъ, то женатаго звали Гирканъ, а его жену Парламанта, вдову же звали Лонгарина, а двухъ молодыхъ людей—Дагусэнъ и Сафреданъ.

Проѣхавъ верхомъ цѣлый день, къ вечеру путники замѣтили колокольню, къ которой тотчасъ же направились, и тамъ были при-

няты аббатомъ и монахами. Это аббатство называлось Сенъ-Савэнъ; аббатъ, происходившій изъ весьма хорошаго рода, съ честью встрѣтилъ ихъ и, приведя въ свою келью, сталъ разспрашивать про ихъ приключенія. Услышавъ отъ нихъ всю правду, онъ сказалъ, что они не единственные потерпѣвшіе, такъ какъ въ сосѣдней комнатѣ находятся еще двѣ дамы, которыя подвергались такой же опасности и даже, пожалуй, еще большей, потому что людямъ всетаки присуща жалость, тогда какъ звѣри не чувствуютъ ея вовсе; эти несчастныя дамы за полмили отсюда повстрѣчались съ медвѣдемъ, спускавшимся съ горъ,

и спаслись отъ опасности только благодаря быстрымъ конямъ, которые, примчавшись во дворъ монастыря, тутъ же издохли; двѣ служанки, пришедшія спустя долгое время, разсказали своимъ госпожамъ, что медвѣдь умертвилъ всѣхъ ихъ слугъ. Послѣ этого три сеньора и двѣ дамы вошли въ комнату, гдѣ сидѣли эти несчастныя, и застали ихъ въ слезахъ. Одна изъ этихъ дамъ называлась Номерфида, а другая Эмарсвита. Поцѣловавшись съ гостями, онѣ повѣдали имъ о своемъ несчастіи и нѣсколько успокоились, лишь прослушавъ утѣшенія добраго аббата. На утро они всѣ присутствовали на мессѣ и набожно возблагодарили Господа Бога за избавленіе отъ опасности.

Въ то время, какъ они стояли, слушая мессу, въ церковь ворвался какой-то человѣкъ въ одной рубашкѣ, громко призывая къ себѣ на помощь. Немедленно Гирканъ и другіе сеньоры бросились къ нему и, увидавъ, что его преслѣдуютъ двое мужчинъ, обнажили шпаги. Преслѣдователи, увидавъ большое общество, хотѣли было скрыться, но Гирканъ и его товарищи догнали ихъ и закололи. Когда Гирканъ возвратился, то въ этомъ полураздѣтомъ господинѣ онъ узналъ одного изъ ихъ спутниковъ, по имени Геброна, который разсказалъ, какъ близъ Пейршита къ нему въ избу, когда онъ уже лежалъ въ постели, явилось трое какихъ-то людей, которые и напали на него, и какъ онъ, вскочивъ въ одной рубашкѣ, такъ ловко ранилъ шпагой одного изъ нихъ, что тотъ упалъ на полъ, и, пока двое другихъ подбирали своего товарища, бросился бѣжать, куда глаза глядятъ, надѣясь, благодаря своему легкому туалету, уйти отъ разбойниковъ.

Отслушавъ мессу и пообѣдавъ, путешественники послали посмотрѣть, можно ли переправиться черезъ рѣку Гавъ, и, узнавъ, что переправа невозможна, долго не знали, какъ поступить, и, наконецъ, уступая просьбамъ аббата, согласились остаться въ монастырѣ до тѣхъ поръ, пока не спадетъ вода. Вечеромъ того же дня, когда всѣ уже собирались ложиться спать, изъ Серранса возвратился монахъ, который каждый годъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ ходилъ туда на богомолье. На вопросы, что видѣлъ онъ новенькаго во время своего паломничества, монахъ отвѣчалъ, что, благодаря разлитію рѣкъ, онъ совершилъ весь путь по горамъ и по такимъ дурнымъ дорогамъ, по которымъ ему никогда въ жизни не приходилось путешествовать. Между прочимъ, онъ встрѣтилъ одного дворянина по имени Симонто, который, соскучившись ждать спада воды, рѣшилъ переправиться черезъ рѣку вплавь верхомъ на лошади и, собравъ вокругъ себя всѣхъ слугъ, бросился вмѣстѣ съ ними въ воду, но, достигнувъ середины рѣки, всѣ люди и лошади были унесены сильнымъ теченіемъ. Самъ же дворянинъ, видя себя одинокимъ, повернулъ назадъ лошадь и старался выбраться снова на берегъ. Богу было угодно помочь сеньору вскарабкаться на четвереньках на берегъ, предварительно порядочно нахлебавшись воды, послѣ чего онъ, истощенный и обезсиленный, упалъ на прибрежные валуны, не будучи въ силахъ держаться на ногахъ гдѣ, вечеромъ пастухъ, гнавшій свое стадо, нашелъ его всего промокшаго и огорченнаго потерею своихъ слугъ. Пастухъ, узнавъ про его несчастье, взялъ его за руку и отвелъ въ свой бѣдный домъ и тамъ, насколько могъ, обсушилъ и согрѣлъ сеньора у своего маленькаго очага. Какъ разъ въ тотъ же вечеръ Богъ привелъ туда и стараго монаха, который разсказалъ дворянину, какъ

пройти въ монастырь Серранской Божіей Матери, гдѣ онъ можетъ отдохнуть лучше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, и гдѣ найдетъ пожилую вдову Уазиль, бывшую въ такомъ же безвыходномъ положеніи. Когда общество услышало о милой дамѣ Уазиль и благородномъ рыцарѣ Симонто, ликованію его не было границъ, и всѣ возблагодарили Бога, что Онъ, удовлетворившись слугами, пощадилъ господъ, и больше прочихъ и искреннѣе благодарила Парламанта, такъ какъ Симонто долгое время былъ ея преданнымъ кавалеромъ. Разспросивъ обстоятельно про дорогу и не слушая возраженій и предостереженій монаха о трудностяхъ пути, на другой день всѣ путешественники отправились въ Серрансъ. Аббатъ снабдилъ ихъ лучшими лошадьми, обильнымъ провіантомъ и хорошими проводниками, при помощи которыхъ все общество, пройдя пѣшкомъ большую часть пути и преодолѣвъ не мало трудностей, добралось, наконецъ, до монастыря Серранса, гдѣ аббатъ (хотя онъ и былъ довольно дурной человѣкъ) не осмѣлился отказать имъ въ гостепріимствѣ, боясь накликать на себя гнѣвъ короля наваррскаго, у котораго новоприбывшіе пользовались особой благосклонностью; поэтому, изобразивъ на своемъ лицѣ пріятное изумленіе, онъ повелъ ихъ представить г-жѣ Уазиль и дворянину Симонто.

Радость этой столь чудесно собравшейся компаніи была такъ велика, что для изліяній благодарности передъ Богомъ имъ, казалось, не хватитъ цѣлой ночи. Отдохнувъ немного, подъ утро они пошли прослушать мессу и пріобщились св. Таинъ, которыя соединяютъ воедино всѣхъ христіанъ, прося Того, Кто собралъ ихъ вмѣстѣ, дать возможность совершить благополучно путешествіе. Послѣ обѣда они послали поглядѣть, спала ли вода, и, узнавъ, что рѣка разлилась еще шире и, значитъ, пройдетъ много времени, прежде чѣмъ можно будетъ черезъ нее переправиться, рѣшили перебросить мостъ съ одной скалы на другую въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка была уже всего. Аббатъ былъ очень доволенъ этой выдумкой, такъ какъ, по его разсчетамъ, съ постройкой моста должно было увеличиться число пилигримовъ; онъ тотчасъ же нашелъ путешественникамъ рабочихъ, но самъ лично не истратилъ для этой цѣли ни одного денье,—скупость не позволяла ему этого. Рабочіе объявили, что мостъ не можетъ быть построенъ раньше, какъ дней черезъ десять или двѣнадцать, чѣмъ, конечно, не мало разочаровали общество какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Но Парламанта, жена Гиркана, никогда не впадавшая ни въ уныніе, ни въ меланхолію, спросивъ у мужа разрѣшеніе говорить, съ слѣдующими словами обратилась къ старой дамѣ Уазиль:

— Сударыня, меня удивляетъ, что вы, столь опытная дама, замѣняющая намъ въ настоящее время мать, не придумаете какого-нибудь времяпрепровожденія, которое развлекло бы хоть сколько-нибудь насъ, пока намъ придется здѣсь жить: вѣдь если у насъ не будетъ никакихъ интересныхъ и благочестивыхъ развлеченій, мы будемъ подвергаться опасности захворать.

— Но что еще хуже,—добавила молодая вдова Лонгарина, — мы сдѣлаемся злыми, а это уже болѣзнь неизлечимая, такъ какъ все зло на свѣтѣ рождается отъ нашей печали.

На это, улыбаясь, отвѣтила Эмарсвита слѣдующее:

— Не всѣ, какъ вы, лишились своихъ мужей, о потерѣ же слугъ горевать особенно нечего, ихъ можно замѣнить другими. Но тѣмъ не ме-

нѣе я придерживаюсь того же мнѣнія, что намъ слѣдовало бы придумать какое-нибудь развлеченіе.

Ея подруга Номерфида, присоединившись къ общему мнѣнію, присовокупила, что умерла бы, если бы ей пришлось прожить день безъ развлеченій. За нею подали свои голоса и кавалеры и стали упрашивать г-жу Уазиль, которая, наконецъ, отвѣтила имъ такъ:

— Дѣти мои, вы просите очень трудную вещь—найти вамъ такое развлеченіе, которое помогло бы разогнать скуку; отыскивая это лекарство всю свою жизнь, я нашла только одно, это чтеніе Св. Писанія, въ которомъ заключается истинное и совершенное наслажденіе для ума и покой для тѣла. И если вы спросите меня, какими средствами поддерживала я въ себѣ, несмотря на старость, бодрость и веселость духа, то я отвѣчу вамъ, что ежедневно, поднявшись съ постели, я принималась за чтеніе Св. Писанія, умиляясь волѣ Бога, пославшаго Своего Сына на землю возвѣстить Его святое слово и прощеніе грѣховъ; это созерцаніе такъ умиляетъ меня, что я беру псалтирь и самымъ набожнымъ образомъ пою сердцемъ и произношу устами прекрасные псалмы и пѣснопѣнія, которые св. Духъ вдохнулъ въ сердце Давида и другихъ псалмопѣвцевъ. Все это такъ хорошо на меня вліяетъ, что всѣ горести, могущія случиться со мной въ продолженіе дня, я принимаю какъ благословенія, сознавая, что мое сердце принадлежитъ Тому, Кто Свое принесъ за всѣхъ насъ. Вечеромъ же я вспоминаю всѣ свои поступки, прошу Бога простить мнѣ грѣхи, совершонные днемъ, и благодарю Его за милости, послѣ чего въ страхѣ, любви и мирѣ ухожу на отдыхъ, далекая отъ всѣхъ печалей. Вотъ, дѣти, мое времяпрепровожденіе, на которомъ я остановилась послѣ долгихъ и безплодныхъ поисковъ. Мнѣ кажется, что если вы будете каждый день въ продолженіе часа читать Св. Писаніе, а затѣмъ во время мессы припомните нѣсколько молитвъ, то и въ этой пустынѣ вы обрѣтете тѣ же удовольствія, какъ и во всякомъ городѣ. Познавъ Бога, всѣ вещи видишь прекрасными, безъ Него все становится мерзкимъ. Если вы хотите жить радостно, воспользуйтесь моимъ совѣтомъ.

На это ей возразилъ Гирканъ:

— Сударыня, — сказалъ онъ, — кто читалъ Св. Писаніе (а читали его, я думаю, мы всѣ), не можетъ не согласиться съ истинностью словъ вашихъ, но нужно помнить, что мы еще не настолько стары, чтобы отказаться отъ всякихъ физическихъ упражненій и другихъ удовольствій. Если бы мы были дома, то непремѣнно охотились бы, дамы же занимались бы рукодѣліемъ и хозяйствомъ, иногда устраивали бы танцы, а вы, какъ самая старшая изъ насъ, читали бы намъ по утрамъ жизнь Господа Нашего Іисуса Христа и Его великія чудеса. Теперь же отъ обѣда до вечерни намъ нужно придумать какое-нибудь развлеченіе, которое, не будучи грѣховно для души, было бы пріятно для плоти, и тогда мы весело проведемъ день.

Г-жа Уазиль сказала, что она давно уже оставила свѣтскую суету и теперь боится, что ея выборъ будетъ неудаченъ, но что лучше всего рѣшить это дѣло большинствомъ голосовъ, и попросила Гиркана высказать свое мнѣніе первымъ.

— Что касается меня, то еслибъ я былъ увѣренъ, что мой выборъ будетъ одобренъ одной присутствующей здѣсь особой, я высказался бы

сейчасъ же, но теперь я лучше помолчу и послушаю, что скажутъ другіе,— отвѣтилъ Гирканъ. Его жена, принимая эти слова на себя, краснѣя и смѣсь, отвѣтила ему:

— Можетъ быть, Гирканъ, развлеченіе, на которое вы намекаете, и имѣетъ свои хорошія стороны, но такъ какъ имъ могутъ наслаждаться только двое, то его придется оставить и придумать общее для всѣхъ.

— Такъ какъ моя жена,—обратился Гирканъ къ дамамъ,—очень вѣрно поняла, на что̀ я намекаю, и несогласна всетаки со мною, то, мнѣ кажется, она лучше всѣхъ разрѣшитъ интересующій насъ вопросъ, я же напередъ соглашаюсь съ ея мнѣніемъ.

Эти слова были одобрены всѣмъ обществомъ. Парламанта, видя, что жребій палъ на нее, начала такъ:

— Если бы я была такъ же геніальна, какъ древніе, которые изобрѣли искусство, я придумала бы для выполненія возложеннаго на меня порученія какую-нибудь свою собственную игру или развлеченіе, но, сознавая свои слабыя силы и способности, коихъ едва достаточно, чтобы удерживать въ памяти великія дѣянія другихъ, я счастлива уже и тѣмъ, что могу слѣдовать по стопамъ людей, разрѣшившихъ вопросъ о развлеченіи до меня. Между прочимъ, я думаю, что среди насъ нѣтъ такого, кто не читалъ бы ста новеллъ Джіованни Боккаччіо, недавно переведенныхъ съ итальянскаго на французскій языкъ, которыя наихристіаннѣйшій король Францискъ I, монсеньоръ дофинъ, его супруга и madame Маргарита такъ расхваливали, что если бы Боккаччіо могъ ихъ слышать, то, вѣроятно, воскресъ бы. Какъ я слышала, двѣ вышеупомянутыя дамы съ нѣсколькими другими придворными рѣшили составить нѣчто, подобное новелламъ Боккаччіо, съ тою только разницею, чтобы всѣ сюжеты новеллъ брать изъ дѣйствительной жизни. Эти дамы, а вмѣстѣ съ ними и монсеньоръ дофинъ приготовили каждый по десяти новеллъ и пожелали собрать общество изъ десяти человѣкъ, изъ которыхъ каждый бы разсказалъ что-нибудь; были выбраны самые достойнѣйшіе, за исключеніемъ только ученыхъ и литераторовъ, такъ какъ монсеньоръ дофинъ не хотѣлъ примѣшивать сюда искусство, боясь, что погоня за риторическими красотами невыгодно отзовется на истинности разсказа. Но великія событія, какъ-то: миръ съ Англіей, разрѣшеніе отъ бремени супруги дофина и другія, заставили забыть ихъ объ этомъ развлеченіи, которымъ, однако, можемъ воспользоваться теперь мы, пока будетъ строиться нашъ мостъ. Итакъ, если вамъ угодно, то каждый день отъ полудня до четырехъ часовъ дня въ этой прелестной долинѣ на берегу рѣки, подъ тѣнью густолиственныхъ деревьевъ, каждый изъ насъ разскажетъ исторію, видѣнную имъ самимъ или слышанную изъ устъ достойнаго довѣрія человѣка. Черезъ десять дней у насъ наберется сотня разсказовъ. И если Богу будетъ угоденъ нашъ трудъ, мы, по возвращеніи изъ путешествія, преподнесемъ его вышеупомянутымъ сеньорамъ и дамамъ, которымъ этотъ подарокъ, могу васъ въ томъ увѣрить, будетъ чрезвычайно пріятенъ. Тѣмъ не менѣе, если кто изъ насъ придумаетъ нѣчто болѣе занимательное, я готова присоединиться къ его мнѣнію.

Но всѣ отвѣтили, что ничего лучшаго нельзя придумать, и, дабы не откладывать, рѣшили завтра же начать игру.

Такимъ образомъ этотъ день прошелъ весело и оживленно. На другое утро всѣ вошли въ комнату г-жи Уазиль и, несмотря на ранній часъ, застали ее уже на молитвѣ. Выслушавъ ея наставленія, они отправились въ церковь, отстояли мессу, а затѣмъ, пообѣдавъ въ десять часовъ, разошлись по своимъ комнатамъ, чтобы собраться въ полдень въ долинѣ, какъ они заранѣе условились, которая была столь прекрасна, что для ея вѣрнаго описанія нужно было бы обладать искусствомъ Боккаччіо, но вы, надѣюсь, удовлетворитесь, если я скажу, что это было нѣчто невиданное. Когда собраніе усѣлось на зеленой травѣ, до того мягкой и нѣжной, что не потребовалось даже ковра, Симонто проговорилъ:

— Кто же у насъ будетъ главнымъ распорядителемъ?

На это ему отвѣтилъ Гирканъ:

— Разъ вы первый заговорили, то вы же и распоряжайтесь, потому что вѣдь въ игрѣ мы всѣ равны.

— Дай Богъ, — возразилъ Симонто, — чтобы мнѣ не пришлось распоряжаться ничѣмъ инымъ въ жизни, кромѣ этого общества.

При этихъ словахъ Парламанта вдругъ сильно раскашлялась, такъ что Гирканъ не замѣтилъ выступившей на ея лицѣ краски, и продолжалъ разговаривать съ Симонто:

— Итакъ, начните что-нибудь хорошенькое, а мы васъ послушаемъ,—сказалъ онъ.

— Милостивыя государыни, — началъ Симонто, — я былъ плохо вознагражденъ за свою долгую службу и, чтобы отмстить Амуру, который всегда сурово относится ко мнѣ, разскажу про тѣ дурныя продѣлки, при помощи которыхъ жены издѣваются надъ своими бѣдными мужьями, и буду говорить только одну чистую правду.

Первый день.

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Одна алансонская женщина имѣла двухъ друзей, одного для удовольствія, другого для выгоды; она заставила убить перваго, который узналъ объ ея невѣрности, а затѣмъ скрылась вмѣстѣ съ мужемъ отъ правосудія; мужъ же, чтобы спасти хотя часть своего имущества, обратился къ колдуну, гдѣ ихъ предпріятіе было раскрыто, а сами они наказаны.

Въ городѣ Алансонѣ при жизни герцога Карла, послѣдняго герцога Алансонскаго, проживалъ прокуроръ по имени Сенъ-Эньянъ, женатый на прелестной женщинѣ, болѣе красивой, чѣмъ добродѣтельной, которая, вслѣдствіе своей красоты и легкомыслія, подверглась настойчивымъ ухаживаніямъ прелата, объ имени котораго я умолчу изъ уваженія къ церкви. Чтобы достичь вѣрнѣе цѣли, прелатъ такъ усыпилъ бдительность мужа, что тотъ не только не замѣчалъ порочной ихъ связи, но, что еще хуже, забылъ свое всегдашнее рвеніе къ службѣ и изъ честнаго служаки превратился въ человѣка, который составилъ заговоръ съ цѣлью лишить жизни герцогиню. Такъ довольно долго жилъ прелатъ съ этой несчастной женщиной, покорявшейся ему больше изъ корыстолюбія, чѣмъ по любви. Но въ томъ же городѣ

жилъ еще молодой человѣкъ, сынъ намѣстника, въ котораго женщина эта влюбилась до сумасшествія. Чтобы видѣться съ сыномъ намѣстника, она часто пользовалась прелатомъ, заставляя его давать мужу разныя порученія. Такой образъ дѣйствій продолжался долгое время: прелата она держала ради собственныхъ выгодъ, а для наслажденій— юношу, которому она клялась всѣми святыми, что держитъ прелата единственно изъ-за того, что такъ они могутъ гораздо свободнѣе видѣться, и что, кромѣ него, ни прелатъ и ни кто-либо другой не пользуются ея милостями. Однажды, когда ея мужъ отправился къ пре-

лату, она отпросилась за городъ, говоря, что городской воздухъ вредно дѣйствуетъ ей на здоровье. Пріѣхавъ въ свое помѣстье, она немедленно написала сыну намѣстника, чтобы онъ зашелъ къ ней часовъ въ десять вечера. Въ назначенный часъ молодой человѣкъ явился, но въ дверяхъ его встрѣтила горничная слѣдующими словами: «Другъ мой, ступайте обратно, ваше мѣсто занято». Тотъ, думая, что здѣсь мужъ, спросилъ, какимъ образомъ онъ попалъ сюда. Бѣдная женщина сжалилась при видѣ этого прекраснаго, честнаго юноши, который такъ сильно любилъ и такъ мало былъ любимъ, и разсказала ему про легкомысліе своей госпожи, полагая, что если онъ все

узнаетъ, то перестанетъ ее любить. Она сказала ему, что сюда пріѣхалъ прелатъ и легъ съ ней спать, — обстоятельство, не предвидѣнное госпожей, такъ какъ она ожидала его не раньше слѣдующаго дня, но прелатъ, задержавъ ея мужа, подъ покровомъ ночи тайно пріѣхалъ къ ней. Сынъ намѣстника немало огорчился этимъ, но все еще не хотѣлъ повѣрить. Поэтому онъ спрятался въ сосѣднемъ домѣ и караулилъ до трехъ часовъ ночи, когда прелатъ вышелъ на улицу, хотя и переодѣтый, но всетаки же не настолько, чтобы его нельзя было не узнать. Въ отчаяніи юноша отправился въ Алансонъ, куда вскорѣ вернулась и его невѣрная подруга, которая, думая, что ему ничего неизвѣстно, встрѣтилась съ нимъ по-старому. Но въ отвѣтъ на ея привѣтствіе онъ отвѣчалъ, что она слишкомъ свята послѣ прикосновенія къ священнымъ предметамъ, чтобы разговаривать съ нимъ, такимъ грѣшникомъ, который, однако, теперь раскаивается и надѣется вскорѣ получить отпущеніе грѣховъ. Понявъ, что ея невѣрность обнаружена и что всѣ просьбы, клятвы и мольбы ни къ чему не поведутъ, она пожаловалась на него прелату. Послѣ всесторонняго обсужденія вопроса эта женщина объявила своему мужу, что не можетъ долѣе оставаться въ Алансонѣ, потому что сынъ намѣстника, котораго она такъ уважала, преслѣдуетъ ее съ безчестными намѣреніями, и, чтобы не навлекать на себя подозрѣній, она хочетъ переселиться въ Аржантонъ. Вполнѣ подчинявшійся ея желаніямъ мужъ согласился. Спустя нѣкоторое время эта несчастная потребовала къ себѣ сына намѣстника, какъ самаго мерзкаго человѣка, который позволилъ себѣ публично дурно отзываться о ней и о прелатѣ. Молодой человѣкъ, ни въ чемъ неповинный, но боясь попасть въ бѣду по проискамъ прелата, отправился въ Аржантонъ вмѣстѣ съ двумя своими слугами и нашелъ свою даму на вечернѣ у якобинцевъ. Онъ опустился на колѣни рядомъ съ ней и проговорилъ:

— Сударыня, я пришелъ сюда, чтобы поклясться Богомъ, что я никому на свѣтѣ ничего дурного про васъ не говорилъ. Вы очень дурно поступили со мной, но я даже и половины не сказалъ вамъ, чего вы тогда заслуживали. Я пришелъ сюда, чтобы изобличить во лжи того, будь это мужчина или женщина, кто скажетъ, что я хоть когда-нибудь въ разговорѣ касался вашей чести.

Она же, видя въ церкви большое скопленіе народа и двухъ служителей позади него, заговорила съ нимъ самымъ любезнымъ образомъ, увѣряя его, что она не сомнѣвается въ истинности его словъ и что считаетъ его за человѣка настолько порядочнаго, который никогда не позволитъ себѣ дурно отзываться о свѣтской дамѣ, а тѣмъ болѣе о ней, которая питала къ нему такую дружбу, но будто ея мужъ слышалъ что-то въ разговорѣ, почему она и проситъ его зайти къ ней и оправдаться передъ нимъ. На это молодой человѣкъ охотно согласился и, предполагая проводить свою бывшую возлюбленную домой, взялъ ее подъ руку, но она отговорила его идти вмѣстѣ съ ней, говоря, что это будетъ неудобно и мужъ можетъ подумать, что она подготовила его къ объясненію. Затѣмъ, взявъ за рукавъ одного изъ слугъ, она добавила:

— Отпустите со мной вотъ этого, и когда придетъ время, я пошлю его за вами, пока же ступайте, отдохните.

Не подозрѣвая объ ея умыслѣ, онъ согласился и ушелъ. Она же накормила слугу и на его вопросы, не пора ли идти за господиномъ, отвѣчала, что еще рано. Когда же наступила полночь, она потихоньку послала за молодымъ человѣкомъ своихъ слугъ, и тотъ немедленно же направился къ дому Сенъ-Эньяна, гдѣ дама задерживала его слугу, вслѣдствіе чего съ нимъ былъ только одинъ провожатый. При входѣ въ домъ слуга сказалъ ему, что госпожа, прежде чѣмъ отвести его къ мужу, хочетъ сама поговорить съ нимъ у себя въ комнатѣ, гдѣ она сидитъ съ его слугой, и посовѣтовалъ сопровождавшаго его другого лакея отослать назадъ. Когда молодой человѣкъ поднялся по маленькой темной лѣстницѣ, Сенъ-Эньянъ, скрывавшійся въ засадѣ со своими людьми, услышалъ шумъ и спросилъ:

— Кто тамъ?

Ему отвѣтили, что это какой-то человѣкъ крадется въ его жилище. Въ тотъ же моментъ Томъ Герэнъ, наемный убійца, выскочилъ изъ засады и, прежде чѣмъ молодой человѣкъ подумалъ защищаться, нанесъ ему столько ударовъ шпагой, что тотъ мертвый повалился на землю. Слуга, въ это время разговаривавшій съ госпожей, сказалъ:

— Я слышу шаги моего господина; не выйти ли къ нему?

Но дама удержала его:

— Не безпокойтесь, онъ сейчасъ тутъ самъ будетъ.

Немного спустя послышался голосъ господина:

— Я умираю, предаю духъ мой Господу Богу!

Услышавъ эти слова, слуга вскочилъ и хотѣлъ бѣжать на помощь, но дама опять удержала его:

— Не безпокойтесь,—говорила она,—это мужъ мой наказываетъ его за молодость, пойдемте, посмотримъ вмѣстѣ.—И, подойдя къ перилам лѣстницы, она спросила:—Ну, что, готово?

— Подите посмотрите,—отвѣтилъ тотъ,—теперь я отмстилъ за васъ тому, кто столько времени позорилъ васъ.

И, говоря это, онъ разъ десять или двѣнадцать ударилъ кинжаломъ мертваго, на котораго не осмѣлился бы напасть при жизни. Убравъ трупъ, Сенъ-Эньянъ позаботился сохранить все въ тайнѣ. Два лакея хотя и убѣжали, чтобы сообщить новость отцу убитаго, но это не имѣло большого значенія, такъ какъ ихъ свидѣтельству никто не далъ бы вѣры; кромѣ же нихъ, при убійствѣ присутствовали еще старая служанка и пятнадцатилѣтняя дѣвочка. Сенъ-Эньянъ рѣшилъ отдѣлаться отъ старухи, но она сумѣла скрыться у якобинцевъ; молодая же дѣвушка оставалась въ его домѣ. Чтобы скрыть окончательно всѣ слѣды преступленія, онъ велѣлъ сжечь трупъ, а оставшіяся кости бросить въ известковый растворъ, приготовленный имъ для постройки дома. Послѣ всего этого онъ отправилъ ко двору посланца съ просьбой о помилованіи, объясняя въ письмѣ, что, защищая свой домъ отъ лица, которое преслѣдовало съ низкими цѣлями его жену и которое, несмотря на ея отказы, всетаки проникло ночью къ нимъ въ жилище, онъ въ пылу гнѣва безъ всякой преднамѣренности убилъ его. Но письмо его еще не было доставлено по назначенію, какъ герцогъ и герцогиня узнали обо всемъ отъ бѣднаго отца и, не желая миловать, снеслись съ канцлеромъ. Преступникъ, зная, что его ожидаетъ, немедленно убѣжалъ

въ Англію вмѣстѣ съ женой и нѣсколькими родными. Передъ отъѣздомъ онъ объявилъ наемному убійцѣ, что имъ получено письмо отъ короля, въ которомъ приказывается схватить и казнить его, но въ благодарность за оказанную услугу онъ хочетъ спасти ему жизнь и, давъ убійцѣ десять экю, посовѣтовалъ ему покинуть границы королевства, что тотъ и сдѣлалъ. Преступленіе, благодаря показаніямъ двухъ слугъ покойнаго и старой служанки, затворившейся въ монастырѣ, а также и найденнымъ въ извести костямъ, было разсмотрѣно и обсужено во всѣхъ подробностяхъ въ отсутствіе Сенъ-Эньяна и его жены, послѣ чего ихъ обоихъ приговорили къ смертной казни, имущество же было конфисковано и тысяча пятьсотъ экю были присуждены отцу за судебныя издержки. Сенъ-Эньянъ при помощи своихъ родственниковъ такъ хорошо расположилъ къ себѣ англійскаго короля, что тотъ обратился къ французскому съ просьбой о помилованіи преступника и о возвращеніи ему прежняго имущества. Король, узнавъ, при какихъ обстоятельствахъ случилось это жестокое преступленіе, послалъ королю Англіи весь процессъ, чтобы онъ самъ убѣдился, заслуживаетъ ли помилованія преступникъ, прибавивъ, что только герцогъ Алансонскій имѣетъ право миловать въ своемъ герцогствѣ. Англійскій король, прочитавъ приложенные къ письму документы, немедленно выслалъ Сенъ-Эньяна изъ своего королевства, и тотъ принужденъ былъ вернуться во Францію. Думая избѣжать уплаты полторы тысячи экю, онъ обратился за помощью къ колдуну, по имени Галлери, и съ этой цѣлью отправился съ женой въ Парижъ. Такъ какъ мужъ подолгу запирался съ колдуномъ наединѣ и ни слова не говорилъ женѣ, то разъ утромъ она подсмотрѣла за ними и увидала, что Галлери, показавъ мужу пять деревянныхъ фигуръ, изъ которыхъ у трехъ руки были опущены, а у двухъ поднятыи, сказалъ ему:

— Люди, изображенные съ опущенными руками, должны быть умерщвлены, а съ поднятыми будутъ питать тогда къ намъ любовь.

На это Сенъ-Эньянъ отвѣтилъ:

— Я хочу быть любимымъ королемъ и алансонскимъ канцлеромъ г-номъ Бринонъ.

— Чтобы достичь этого,— заговорилъ снова колдунъ,—нужно положить всѣ изображенія подъ престолъ во время мессы съ извѣстными словами.

И потомъ объяснилъ ему, что для его благополучія слѣдуетъ убить отца молодого человѣка, потому что, пока онъ будетъ живъ, онъ не перестанетъ преслѣдовать прокурора, затѣмъ герцогиню Алансонскую, сестру короля, такъ какъ она очень любитъ несчастнаго старика, и, наконецъ, его собственную жену, виновницу всѣхъ несчастій. Когда молодая женщина, наблюдавшая въ дверную скважину, услышала, что она попала въ число жертвъ, она, не медля ни одной минуты, отправилась къ своему дядѣ и, занявъ у него денегъ, повѣдала ему, что замышляетъ ея мужъ. Дядя, старый человѣкъ, честно служившій своему герцогу, пошелъ къ канцлеру и разсказалъ тому всю исторію. Герцога и герцогини Алансонскихъ въ это время не было при дворѣ и потому канцлеръ передалъ свой разговоръ со старикомъ регентшѣ, матери короля, которая немедленно приказала парижскому старшинѣ схва-

тить заговорщиковъ, что тотъ безпрекословно и исполнилъ, арестовавъ прокурора и Галлери. Друзья пытались спасти жизнь Сенъ-Эньяну и увѣряли короля, что онъ сходился съ колдуномъ только для того, чтобы при помощи чародѣйства получить прощеніе, но король, которому жизнь сестры была такъ же дорога, какъ и своя собственная, повелѣлъ казнить его, и только герцогинѣ Алансонской удалось упросить брата замѣнить смертную казнь какимъ-нибудь другимъ наказаніемъ. Поэтому Галлери и Сенъ-Эньяна отправили въ Марсель на галеры Сенъ-Бланкара, гдѣ они и оставались до конца дней своихъ. Жена же въ отсутствіе своего мужа продолжала ту же развратную жизнь, пока не умерла въ несчастіи и одиночествѣ.

— Обратите, сударыни, ваше вниманіе, сколько зла можетъ надѣлать одна дурная женщина, сколько несчастья приносятъ ея грѣхи. Если серьезно разсудить, то увидите, что всѣ женщины, начиная съ Евы, которая заставила согрѣшить Адама, мучатъ, убиваютъ и дѣлаютъ несчастными мужчинъ. Что же касается меня, то я, навѣрное, въ концѣ концовъ умру отъ безнадежной любви къ одной изъ нихъ, и, несмотря на то, этотъ адъ мнѣ нравится всетаки больше, чѣмъ рай, обѣщанный другой женщиной.

Парламанта, стараясь не показать вида, что она поняла намекъ, отвѣтила ему:

— Если вамъ такъ пріятенъ этотъ адъ, вы, вѣроятно, не боитесь и дьявола, который васъ туда ввергнулъ?

— Если бы мой дьяволъ сдѣлался такъ же черенъ, какъ онъ дурно обращается со мной, — отвѣтилъ гнѣвно Симонто, — и наводилъ бы ужасъ на все наше общество, то и тогда я не переставалъ бы любоваться имъ. Но, чтобы прекратить этотъ разговоръ, я предлагаю высказаться г-жѣ Уазиль, увѣренный, что если она захочетъ говорить о женщинахъ, то непремѣнно подтвердитъ мое мнѣніе.

Г-жа Уазиль, разсмѣявшись, начала такъ:

— Мнѣ кажется, господа, что давшій мнѣ право голоса слишкомъ много дурного наговорилъ о женщинахъ, благодаря проступку одной, и, чтобы изгладить это впечатлѣніе, мнѣ приходится вспомнить далекое прошлое, когда я знала такихъ женщинъ, которыя своей добродѣтельностью могутъ заставить его измѣнить свое мнѣніе.

Второй день.

НОВЕЛЛА СЕМНАДЦАТАЯ.

Король Францискъ проявляетъ великодушіе къ графу Гильому, который хотѣлъ его убить.

Въ городѣ Дижонѣ въ Бургундскомъ графствѣ поступилъ на службу къ королю Франциску нѣмецкій графъ по имени Гильомъ, изъ Саксонскаго дома, тѣсно связаннаго узами дружбы съ домомъ Савойскимъ. Отважный и прекрасный графъ понравился королю и тотъ сдѣлалъ его однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ себѣ людей. Однажды бургундскій губернаторъ, господинъ де-Ла-Тремуйль, старый и вѣрный слуга

короля, былъ увѣдомленъ своимъ старымъ другомъ, что графъ Гильомъ получилъ отъ враговъ короля порядочную сумму за обѣщаніе такъ или иначе убить своего повелителя. Господинъ де-Ла-Тремуйль поспѣшилъ немедленно донести объ этомъ королю, а затѣмъ Луизѣ Савойской, его матери, которая хотя и любила графа, но тѣмъ не менѣе умоляла своего сына поскорѣе прогнать его. Король колебался уступить ея просьбамъ, говоря, что не можетъ быть, чтобы такой благородный сеньоръ могъ рѣшиться на такую низость. Черезъ нѣкоторое время было получено второе донесеніе, подтверждавшее первое, послѣ чего старый губернаторъ настойчиво сталъ просить разрѣшенія прогнать графа или отдать соотвѣтствующій приказъ, но король захотѣлъ сперва узнать всю истину. Отправляясь какъ-то разъ на охоту, король взялъ съ собою лучшую изъ имѣющихся у него шпагъ и, пригласивъ съ собою Гильома, приказалъ ему слѣдовать за собою неотлучно. Удалившись во время преслѣдованія серны отъ остальной свиты, король слѣзъ съ лошади и, вытащивъ изъ ноженъ шпагу, сказалъ графу:

— Неправда ли, какъ хороша эта шпага?

Графъ, осмотрѣвъ ее, отвѣтилъ, что ничего лучшаго не приходилось ему видѣть.

— Вы совершенно правы,—проговорилъ король,—и мнѣ кажется, что дворянинъ, рѣшившись убить меня и зная силу моей руки и крѣпость этой шпаги, два раза передумалъ бы, прежде чѣмъ напасть на меня. И все же, по моему мнѣнію, онъ былъ бы трусомъ, если бы, находясь со мной глазъ на глазъ, не попытался привести свой планъ въ исполненіе.

— Ваше величество, — отвѣчалъ изумленный графъ, — подлость преступленія велика, но безуміе замысла еще больше.

Король разсмѣялся и, вложивъ шпагу обратно въ ножны, вскочилъ на лошадь и соединился съ другими. Король никому не сказалъ ни слова о своемъ разговорѣ, но графъ Гильомъ, боясь, какъ бы его не заподозрѣли, на другое же утро отправился къ Робертэ, секретарю финансовъ Франциска, и объявилъ тому, что жалованіе, получаемое имъ, слишкомъ недостаточно, и если королю угодно будетъ удвоить ему окладъ, то онъ останется у него на службѣ, въ противномъ же случаѣ долженъ тотчасъ покинуть Францію. Какъ только король проснулся, Робертэ поспѣшилъ доложить ему просьбу графа Гильома, на что Францискъ, обращаясь къ Ла-Тремуйлю и адмиралу Бониве, сказалъ:

— Вотъ видите, вы хотѣли прогнать графа, а онъ самъ изгоняетъ самого себя. Скажите же ему, что если онъ не довольствуется жалованьемъ, которое удовлетворяетъ многихъ другихъ молодыхъ людей хорошихъ фамилій, то я не могу препятствовать ему искать въ другомъ мѣстѣ свое счастье.

Робертэ отнесъ графу отставку, и тотъ безъ промедленія въ тотъ же день простился королемъ и съ королевой-матерью. Послѣ всего этого король, видя, что всѣ удивлены этимъ внезапнымъ отъѣздомъ, разсказалъ все происшедшее во время охоты.

— Да, поэты уже давно писали, что пройти въ храмъ Благородства можно только черезъ Добродѣтель,—сказалъ Гебронъ.—Я знаю обоихъ героевъ вашего разсказа и мнѣ извѣстны храбрость и отвага короля.

— Клянусь честью,—воскликнулъ Гирканъ,—когда графъ Гильомъ

прибылъ во Францію, его шпага пугала придворныхъ больше, чѣмъ всѣ итальянскіе сеньоры вмѣстѣ!

— Вы знаете,—проговорила Эмарсвита,—что наши похвалы ничего ему не прибавятъ; лучше всего оставить этотъ разговоръ и попросить кого-нибудь разсказать что-нибудь другое.

— Вы такъ много наговорили дурного о женщинахъ,—обратилась Уазиль къ Гиркану,—что, я думаю вамъ, ничего не будетъ стоить разсказать что-нибудь хорошее о мужчинахъ, поэтому я передаю вамъ право разсказывать.

— Это дѣйствительно мнѣ очень легко будетъ исполнить,—отвѣтилъ Гирканъ,—такъ какъ я еще недавно слышалъ исторію про одного влюбленнаго молодого человѣка, поведеніе котораго заслуживаетъ похвалы.

Третій день.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Остроумная выдумка дворянина, который желалъ объясниться въ любви королевѣ, и что изъ этого вышло.

При дворѣ короля и королевы кастильскихъ (ихъ имена не будемъ называть) находился дворянинъ, обладавшій въ такой степени красотой и хорошими манерами, что ему не было равнаго во всей Испаніи. Всѣ удивлялись его благороднымъ качествамъ, но еще больше его странному образу жизни: никто никогда не зналъ, въ кого онъ былъ влюбленъ или за какой дамой онъ ухаживалъ, хотя при дворѣ были такія, что самый ледъ и тотъ при видѣ ихъ воспламенился бы, но этого дворянина—его звали Элизоръ—ни одна изъ нихъ не могла поймать въ свои сѣти. Даже королева, женщина высокой добродѣтели, но тѣмъ не менѣе пылкая и страстная, удивлялась на этого сеньора, не ухаживавшаго ни за одной изъ дамъ, и однажды спросила его, неужели онъ дѣйствительно такъ мало любитъ, какъ это показываетъ окружающимъ. На это онъ ей отвѣтилъ, что если бы она могла заглянуть ему въ сердце, то не задала бы подобного вопроса. На ея настойчивыя просьбы объясниться понятнѣе онъ повѣдалъ ей, что любитъ даму, которую считаетъ за самую добродѣтельную изъ всѣхъ христіанокъ. Всѣ дальнѣйшія просьбы и приказанія королевы сказать, кто она такая, не привели ни къ чему. Тогда королева, сдѣлавъ видъ, что раздражена его упрямствомъ, объявила ему, что не станетъ разговаривать съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не назоветъ своей возлюбленной. Дворянинъ, боясь потерять расположеніе своей повелительницы только изъ-за того, что не хочетъ сказать ей всей истины, тѣмъ болѣе что оскорбительнаго въ его намѣреніяхъ ничего не было, отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ:

— Сударыня, у меня нѣтъ силы, ни храбрости раскрыть свою тайну, но на слѣдующей охотѣ я укажу вамъ мою возлюбленную и увѣренъ, что вы сами признаете ее самой прекрасной и совершенной женщиной на свѣтѣ.

Получивъ такой отвѣтъ, королева немедленно велѣла устроить охоту. Элизоръ, предупрежденный заранѣе, досталъ себѣ зеркало изъ

полированной стали, сдѣланной въ видѣ кирассы, и, повѣсивъ на грудь, прикрылъ его богатымъ, вышитымъ шелкомъ и золотомъ чернымъ плащемъ. Затѣмъ онъ вскочилъ на вороного коня и, надѣвъ черную съ перьями и драгоцѣнными каменьями шляпу, поѣхалъ въ свитѣ королевы на охоту. Онъ такъ красиво выглядѣлъ въ своемъ богатомъ нарядѣ, что остальные придворные забыли даже ожидавшее ихъ развлеченіе, заглядѣвшись на него.

Проводивъ королеву до назначеннаго мѣста, Элизоръ спрыгнулъ съ коня, чтобы помочь ей сойти на землю. Въ то время, какъ она протягивала ему руки, онъ раскрылъ свой плащъ и, подхвативъ, показалъ ей зеркальный панцырь. «Посмотрите сюда, сударыня», сказалъ онъ и, не ожидая отвѣта, опустилъ ее на землю. Охота кончилась и королева, не перекинувшись съ рыцаремъ ни единымъ словомъ, вернулась въ замокъ, но послѣ ужина она позвала его и объявила, что считаетъ его большимъ обманщикомъ, такъ какъ онъ обѣщалъ показать ей во время охоты ту, которую онъ любитъ, и между тѣмъ не исполнилъ обѣщанія, въ силу чего отнынѣ онъ лишается ея благосклонности. Элизоръ, боясь, что она не поняла его словъ, отвѣчалъ ей, что онъ не заслуживаетъ такого наказанія, потому что показалъ ей свою любимую женщину. Она же возразила на это, что не слышала, чтобы онъ указывалъ ей на какую-либо изъ окружавшихъ ихъ женщинъ.

— Это вѣрно, — сказалъ Элизоръ,—но что показалъ я, помогая вамъ сойти съ лошади?

— Ничего,—отвѣтила королева,—кромѣ зеркала на груди.

— А что вы видѣли въ этомъ зеркалѣ?—спросилъ Элизоръ.

— Самое себя,—проговорила королева.

—Итакъ, сударыня,—возразилъ Элизоръ,—не смѣя ослушаться вашего повелѣнія, я сдержалъ свое обѣщаніе: въ моемъ сердцѣ никогда не былъ запечатлѣнъ другой образъ, кромѣ того, который вы видѣли въ зеркалѣ, и только эту женщину я желаю любить, обожать, не какъ простую смертную, но какъ земного бога, въ руки котораго отдаю рѣшеніе своей судьбы, умоляя васъ лишь объ одномъ, чтобы эта чистая любовь, поддерживавшая во мнѣ жизнь, пока я ее скрывалъ, не сдѣлалась бы для меня смертельной послѣ ея обнаруженія. И если вамъ будетъ непріятно теперь видѣть меня, не лишайте меня жизни, то есть позвольте находиться подлѣ васъ, какъ прежде, я не прошу большаго, но если вы и этого не разрѣшите мнѣ, вы потеряете одного изъ самыхъ преданныхъ вашихъ слугъ.

Королева, потому ли, что хотѣла показаться другой, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ, или чтобы испытать его любовь, а, быть можетъ, потому, что любила другого и не желала измѣнять ему, сдѣлала видъ, что недовольна его признаніемъ.

— Элизоръ,—сказала она,—я не спрашиваю васъ, какимъ образомъ пришла вамъ безумная мысль полюбить меня, стоящую неизмѣримо выше васъ, потому что знаю, что человѣческое сердце не слушается голоса разсудка и любитъ, и ненавидитъ, кого хочетъ, но разъ вы объяснились ужь, мнѣ хотѣлось бы узнать, сколько времени любите вы меня.

Элизоръ, слыша, съ какимъ участіемъ справляется она объ его страданіи, возымѣлъ уже было надежду, что она не откажетъ и въ исцѣле-

ніи, но, взглянувъ на ея серьезное, строгое лицо, сразу же измѣнилъ свое мнѣніе и съ испугомъ, точно отвѣчая судьѣ, сказалъ, что вотъ уже семь лѣтъ, какъ онъ страдаетъ этой болѣзнью, которая, однако, настолько пріятна ему, что выздоровленіе причинило бы ему смерть.

— Чтобы узнать, говорите ли вы истину,—отвѣтила королева,—я хочу испытать васъ, дабы никогда не сомнѣваться въ васъ, и если вы съ честью выйдете изъ этого испытанія, я соглашусь исполнить всѣ ваши желанія.

Элизоръ умолялъ подвергнуть его какому угодно испытанію, го-

воря, что для него нѣтъ такого труднаго подвига, котораго онъ съ радостью не исполнилъ бы, чтобы доказать ей свою горячую преданность. На это королева отвѣтила:

— Элизоръ, если вы дѣйствительно такъ меня любите, какъ говорите, то я увѣрена, что для достиженія моей благосклонности вамъ ничего не будетъ трудно сдѣлать. Поэтому я приказываю вамъ завтра же, не видѣвъ больше меня, отправиться въ такое уединенное мѣсто, гдѣ бы ни вы обо мнѣ, ни я о васъ не слыхали ни одной новости въ продолженіе семи лѣтъ. Вы, питая ко мнѣ страсть семь лѣтъ, знаете, что любите меня, я же по прошествіи другихъ семи лѣтъ буду имѣть доказательство вашей преданности.

Элизоръ, услышавъ жестокій приговоръ и съ одной стороны не вѣря, что она дѣйствительно хочетъ удалить его, а съ другой надѣясь, что испытаніе лучше словъ докажетъ его любовь, согласился исполнить приказаніе и отвѣтилъ:

— Если я могъ прожить эти семь лѣтъ, постоянно скрывая свою страсть и ни на что не надѣясь, то проживу и еще семь лѣтъ, утѣшая себя надеждами на будущее. Но, исполняя ваше повелѣніе, въ силу котораго я лишаюсь всего, что было дорого мнѣ въ этомъ мірѣ, какой залогъ дадите мнѣ въ томъ, что по прошествіи семи лѣтъ узнаете вашего вѣрнаго и преданнаго слугу?

— Вотъ кольцо,—проговорила королева, снявъ съ пальца золотое кольцо,—разрѣжьте его на двѣ части и одну возьмите себѣ, другую я сохраню у себя, и если всемогущее время сотретъ у меня изъ памяти черты вашего лица, я узнаю васъ, когда вы предъявите мнѣ недостающую половину кольца.

Элизоръ взялъ кольцо и, разломивъ его на-двое, одну половину вручилъ королевѣ, другую оставилъ себѣ, затѣмъ, попрощавшись, ушелъ изъ ея комнаты въ сильномъ огорченіи, чтобы приготовиться къ отъѣзду. Отославъ свои вещи домой, онъ въ сопровожденіи одного слуги отправился въ такое уединенное мѣсто, откуда о немъ ни разу за семь лѣтъ не пришло ни одного извѣстія. Намъ ничего неизвѣстно, какъ проводилъ онъ время и много ли грустилъ объ отсутствіи любимой особы, но тѣ, кто любитъ, могутъ догадаться и сами.

По прошествіи семи лѣтъ, однажды, когда королева отправилась въ церковь, къ ней подошелъ какой-то длиннобородый пустынникъ и, поцѣловавъ ея руку, подалъ ей пакетъ, на который она не обратила сразу никакого вниманія, такъ какъ уже привыкла получать разныя просьбы бѣдныхъ. Прослушавъ половину мессы, она распечатала пакетъ и нашла въ немъ ту часть кольца, которую отдала когда-то Элизору; прежде чѣмъ начать чтеніе письма, находившагося въ томъ же конвертѣ, она приказала вернуть пустынника, подавшаго это письмо. Но пустынника нигдѣ не могли найти, нѣкоторые видѣли только, что онъ сѣлъ на лошадь и уѣхалъ, но куда—никому не было извѣстно. Пока продолжались розыски, королева стала читать посланіе, которое заключало въ себѣ слѣдующее:

«Время своей властью и силой заставило меня узнать, что такое любовь. Время, зародившее въ моей душѣ любовь, показало, наконецъ, мнѣ эту любовь въ истинномъ свѣтѣ, и я, увидавъ, понялъ, что она не то, что я думалъ. Время показало мнѣ, что лежало въ основаніи моей любви; это основаніе была ваша красота, подъ которой скрывалась жестокость. Время заставило меня увидѣть, что красота есть ничто, а жестокость принесла мнѣ счастье, ею меня прогнали отъ красоты, и, не видя вашихъ совершенствъ, тѣмъ лучше почувствовалъ я вашу жестокость. Но я не остался послушенъ вамъ, чѣмъ чрезвычайно доволенъ, и, проживъ долгое время въ одиночествѣ, потерялъ охоту къ возвращенію, и если явился сюда теперь, то не для того, чтобы привѣтствовать васъ, но чтобы сказать вамъ послѣднее прости. Я прощаюсь съ жестокостью, съ страданіями, съ гордостью, съ ненавистью, съ той страстью, которой вы обладаете въ равной степени съ красотой. Мое полное избавленіе отъ горя, несчастья и отъ ада любви лучше всего выражаютъ два слова:

прощайте, сударыня, и оставьте всякую надежду гдѣ-нибудь еще встрѣтиться со мной».

Это посланіе было прочитано со слезами на глазахъ и съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ сожалѣніемъ, такъ какъ потеря преданнѣйшаго слуги, исполненнаго любовью, не могла быть возвращена за всѣ сокровища королевства. По возвращеніи изъ церкви королева надѣла глубокій трауръ, все еще продолжая горевать о такой тяжелой утратѣ. Затѣмъ она разослала отыскивать отшельника по всѣмъ лѣсамъ и горамъ, но Тотъ, Кто вырвалъ его изъ ея рукъ, не далъ рыцарю снова попасть въ ея власть.

— Изъ этого примѣра, сударыни, видно, что нельзя изъ одного недовѣрія требовать такихъ трудныхъ доказательствъ, изъ-за которыхъ потомъ можно лишиться возлюбленнаго.

— Вѣрно, Дагусэнъ,—сказалъ Гебронъ.—Прежде я считалъ эту королеву за самую добродѣтельную женщину, но теперь убѣдился въ ея безуміи и жестокости.

— Во всякомъ случаѣ,—промолвила Парламанта,—мнѣ кажется, она не совсѣмъ неправа, желая испытать любовь семилѣтней разлукой; мужчины такъ привыкли обманывать въ подобныхъ случаяхъ, что, прежде чѣмъ имъ повѣрить, надо непремѣнно подвергнуть ихъ продолжительному испытанію.

— Женщины, — сказалъ Гирканъ,—настолько умны, что могутъ убѣдиться въ истинности любви и въ семь дней, а не только въ семь лѣтъ.

— Этотъ дворянинъ долженъ быть благодаренъ, что дама обратила къ Богу его сердце,—сказала г-жа Уазиль.

— Да еще хорошо, что онъ обратился къ Богу,—воскликнулъ Сафреданъ,—а не отдался со скуки дьяволу.

— А когда съ вами дурно поступитъ ваша дама,—спросила Эмерсвита,—то вы, вѣроятно, продадитесь чорту?

— Тысячу и тысячу разъ,—отвѣтилъ Сафреданъ,—отдавался я дьяволу, но онъ, видя, что муки ада ничто въ сравненіи съ моими душевными муками, отказывался принимать меня, говоря, что не можетъ конкурировать съ любимой, но не любящей женщиной. Но скажите по совѣсти, похвальна ли подобная жестокость въ женщинѣ?

— По моему мнѣнію,—отвѣчала г-жа Уазиль,—она права, такъ какъ не хотѣла ни любить, ни быть любимой.

— Если она не имѣла такого желанія,—возразилъ снова Сафреданъ,—то зачѣмъ же она подала ему надежду на будущее?

— Я совершенно согласна съ вами,—подтвердила Лонгарина,—если не хочешь, чтобы тебя любили, не нужно было и поддерживать любовь.

— Мнѣ кажется,—сказала г-жа Уазиль,—что чѣмъ дальше будемъ мы продолжать этотъ разговоръ, тѣмъ больше будутъ нападать на насъ мужчины, поэтому прошу васъ, Дагусэнъ, передайте вашъ голосъ кому-нибудь.

— Я отдаю его,—отвѣтилъ тотъ,—Лонгаринѣ, увѣренный, что она разскажетъ намъ что-либо новенькое и ради истины не пощадитъ ни женщинъ, ни мужчинъ.

Четвертый день.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ НОВЕЛЛА.

Звѣрская жестокость монаха, желавшаго удовлетворить свою страсть, и наказаніе, понесенное имъ за свое дѣяніе.

На землѣ, принадлежавшей императору Максимиліану Австрійскому, народился всѣми почитаемый монастырь кордельеровъ; рядомъ съ монастыремъ какой-то дворянинъ построилъ себѣ домъ и, питая дружбу къ монахамъ, дѣлился съ ними, чѣмъ могъ. Среди братіи былъ красивый, высокій монахъ, которого дворянинъ сдѣлалъ своимъ духовнымъ отцомъ и уполномочилъ его распоряжаться у себя въ домѣ, какъ въ своемъ собственномъ. Кордельеръ этотъ, увидѣвъ жену дворянина, очень красивую и добродѣтельную женщину, влюбился въ нее до того, что почти лишился аппетита и разсудка. Однажды, рѣшивъ во что бы то ни стало обладать ею, онъ отправился въ домъ дворянина и, не найдя хозяина, обратился съ вопросомъ къ женѣ, куда тотъ ушелъ. Она отвѣтила ему, что ея мужъ уѣхалъ дня на два, на три по дѣламъ въ одно изъ своихъ помѣстій, но если у монаха спѣшное дѣло, то можно послать за нимъ слугу. Кордельеръ отвѣтилъ, что это лишнее, и съ видомъ человѣка, очень занятаго важными дѣлами, началъ прохаживаться взадъ и впередъ по дому. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, она обратилась къ одной изъ своихъ служанокъ (у нея ихъ было только двѣ) и проговорила:

— Подите къ святому отцу и спросите, чего онъ хочетъ; судя по его лицу, онъ чѣмъ-то недоволенъ.

Горничная пошла и спросила у монаха, не будетъ ли ему угодно что-либо приказать, на что тотъ отвѣтилъ, что ему ничего не надо, и, подведя ее къ углу, всадилъ ей въ горло кинжалъ. Въ это время какъ разъ на дворъ въѣхалъ слуга дворянина, возвращавшійся съ какой-то фермы. Сойдя съ коня, слуга подошелъ къ кордельеру поздороваться, и тотъ, обнявъ, закололъ и его кинжаломъ. Видя, что служанка не возвращается, дама начала безпокоиться и послала за ней другую:

— Подите посмотрите,—сказала она,—отчего такъ долго не возвращается ваша подруга.

Служанка вышла, и монахъ, увидѣвъ ее, умертвилъ и эту такъ же, какъ первую. Оставшись, наконецъ, одинъ въ домѣ, онъ пошелъ къ женѣ дворянина и, объяснивъ ей про свою страсть, сказалъ, что теперь насталъ часъ, когда она должна ему повиноваться.

— Но, отецъ мой,—отвѣтила она, сомнѣваясь еще въ серьезности его намѣреній,—вы первый бросите въ меня камень, если я соглашусь исполнить вашу волю.

— Выйдите на дворъ и вы увидите, шучу ли я,—сказалъ монахъ.

Когда она увидѣла мертвыми своихъ слугъ, то положительно оцѣпенѣла съ испуга и не могла выговорить ни слова. Злодѣй же, не желая завладѣть ею силой, проговорилъ:

— Не бойтесь, сударыня, вы въ рукахъ человѣка, который любитъ васъ больше всего на свѣтѣ.

Сказавъ это, онъ предложилъ ей переодѣться въ монашеское платье и пригрозилъ, что если она не согласится, онъ тотчасъ же убьетъ и

ее. Бѣдная женщина, дрожа отъ страха, не осмѣлилась ослушаться и, съ одной стороны, чтобы выгодать время, а съ другой, чтобы спасти свою жизнь, стала медленно раздѣваться. Когда она распустила волосы, монахъ, не обращая вниманія на ихъ красоту, сейчасъ же отрѣзалъ ихъ и, набросивъ ей на рубашку монашескую рясу, поспѣшно повелъ изъ дома. Но Богъ увидѣлъ слезы невинной и сжалился надъ ней: ея мужъ, покончивъ ранѣе, чѣмъ ожидалъ, со своими дѣлами, возвращался къ себѣ какъ разъ въ то время, когда она выходила за ворота съ монахомъ.

Замѣтивъ дворянина еще издали, кордельеръ обратился съ слѣдующими словами къ дамѣ:

— Вотъ возвращается вашъ мужъ. Если вы взглянете на него, онъ немедленно захочетъ вырвать васъ изъ моихъ рукъ, а потому ступайте впереди меня и не смѣйте поворачивать голову въ его сторону; если вы сдѣлаете малѣйшее движеніе, подарите ему хоть какой-нибудь знакъ, я въ ту же минуту всажу вамъ въ горло кинжалъ и ему не придется освободить васъ живой.

Въ это время дворянинъ приблизился къ монаху и, поздоровавшись съ нимъ, спросилъ, откуда онъ идетъ.

— Изъ вашего дома,—отвѣчалъ монахъ,—гдѣ видѣлъ вашу жену, которая съ нетерпѣніемъ васъ дожидается.

Дворянинъ прошелъ, не обративъ вниманія на жену, но слуга, сопровождавшій его и имѣвшій обыкновеніе разговаривать съ служкой кордельера, сталъ звать свою госпожу, полагая, что это обычный спутникъ монаха, братъ Жанъ. Бѣдная женщина, не смѣвшая повернуть голову въ сторону слуги, не отвѣчала ни одного слова, но тотъ, перейдя дорогу, заглянулъ ей въ лицо и, вернувшись къ своему господину, проговорилъ:

— Сударь, съ монахомъ идетъ не братъ Жанъ, какъ я думалъ, а другой кордельеръ, очень похожій на вашу супругу.

Дворянинъ замѣтилъ ему, что онъ, вѣроятно, грезитъ, и не придалъ его словамъ никакого значенія. Но слуга, настаивая на своемъ, попросилъ разрѣшенія прослѣдить за ними, чтобы посмотрѣть, куда они пойдутъ. Дворянинъ позволилъ ему и остановился, поджидая его возвращенія. Кордельеръ, замѣтивъ слугу позади себя, догадался, что онъ, должно быть, узналъ свою госпожу, и, выбравъ здоровую сучковатую палку, пошелъ къ нему навстрѣчу и такъ сильно ударилъ его, что тотъ упалъ съ лошади на землю. Тогда монахъ безъ промедленія вскочилъ къ нему на грудь и перерѣзалъ слугѣ горло. Господинъ, увидѣвъ издали паденіе слуги и подумавъ, что съ тѣмъ случилось какое-нибудь несчастье, поспѣшилъ къ нему на помощь, но кордельеръ, какъ только завидѣлъ его, бросился къ нему съ палкой и однимъ ударомъ сшибъ его съ ногъ; дворянинъ, однако, былъ силенъ и ловокъ, онъ такъ ухватился за монаха, что тотъ никакъ не могъ нанести ему удара кинжаломъ, который подбѣжавшая въ это время жена вырвала изъ рукъ монаха и вручила мужу. Черезъ нѣсколько мгновеній монахъ былъ побѣжденъ и, истекая кровью, признался во всемъ. Дворянинъ не хотѣлъ убивать монаха и попросилъ жену позвать людей, чтобы тѣ отнесли его къ нему въ домъ. Та немедленно все исполнила, а затѣмъ, сбросивъ съ себя монашеское платье, въ одной рубашкѣ убѣжала домой. Когда монахъ поправился, его отправили на судъ во Фландрію къ императору, гдѣ онъ, сознавшись въ своемъ преступленіи, показалъ также, что̀ впослѣдствіи было подтверждено и коммиссарами, что тѣмъ же самымъ способомъ, съ помощью котораго онъ хотѣлъ похитить жену дворянина, въ монастырь приводилось много красивыхъ дамъ и дѣвушекъ. Правительство, освободивъ заключенныхъ женщинъ, сожгло до основанія весь монастырь и всѣхъ монаховъ, находившихся въ немъ, въ наказаніе за ихъ преступленіе, которое доказываетъ, что нѣтъ ничего ужаснѣе любви, въ основѣ которой лежитъ порокъ, и наоборотъ, нѣтъ ничего возвышеннѣе и гуманнѣе любви, зародившейся въ благородномъ сердцѣ.

— Дѣйствительно, вотъ любовь, похожая больше на звѣрство,— проговорила Уазиль.

— Меня удивляетъ только, — сказалъ Симонто, — какъ это онъ устоялъ и не воспользовался ею, когда она была въ рубашкѣ.

— Это потому,—отвѣтилъ Сафреданъ,—что онъ былъ жаденъ и не хотѣлъ полакомиться одинъ разъ, когда могъ наслаждаться ею постоянно.

— Вовсе не потому,—возразила Парламанта,—онъ просто былъ трусливъ, какъ всѣ пылкіе люди, и, боясь, чтобы его не застали врасплохъ, думалъ унести свою жертву, какъ волкъ уноситъ овцу и потомъ съѣдаетъ ее на свободѣ.

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ Дагусэнъ,—я не думаю, чтобы онъ былъ влюбленъ въ нее: такія грубыя сердца не могутъ любить истинной любовью.

— Зато онъ былъ подѣломъ наказанъ,—промолвила Уазиль,—и я прошу Бога, чтобы подобныя дѣянія всегда были бы въ достаточной степени наказуемы. Но кто же будетъ теперь разсказывать?

— Не угодно ли будетъ принять вамъ на себя этотъ трудъ, сударыня?—обратился къ ней Гебронъ.

— Если насталъ мой чередъ, то я разскажу вамъ событіе, свидѣтельницей котораго мнѣ довелось быть въ старые годы.

Пятый день.

НОВЕЛЛА СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

О двухъ любовникахъ, искусно наслаждавшихся своей любовью, и о счастливой развязкѣ ихъ исторіи.

Въ городѣ Парижѣ жили два гражданина, принадлежавшіе къ среднему классу; одинъ изъ нихъ служилъ на государственной службѣ, другой торговалъ сукнами. Ихъ связывала вмѣстѣ старинная дружба и они часто навѣщали другъ друга. Сынъ чиновника, Жакъ, тоже нерѣдко заходилъ къ купцу, но не ради его самого, а главнымъ образомъ, чтобы повидать его дочь Франсуазу. Вскорѣ молодые люди пылко полюбили другъ друга. Но какъ разъ въ это самое время возгорѣлась война съ Карломъ Австрійскимъ и Жакъ долженъ былъ идти защищать родину. Находясь на полѣ битвы, онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ своего отца, что вдвойнѣ огорчило его—во-первыхъ, потому, что умеръ горячо-любимый отецъ, а во-вторыхъ, что теперь ему уже не такъ часто придется видѣться съ возлюбленной. Понемногу потеря отца стала имъ позабываться, но зато любовь въ отдаленіи отъ любимой дѣвушки разгоралась все сильнѣй и сильнѣй. Поэтому Жакъ по возвращеніи въ Парижъ только и думалъ, какъ бы найти предлогъ, чтобы снова начать свои посѣщенія въ домъ купца. Франсуаза же за его отсутствіе развилась умственно и физически и давно уже была желанной невѣстой, хотя отецъ изъ скупости и не хотѣлъ отдавать ее еще замужъ. Чтобы узнать, попрежнему ли она благосклонно относится къ нему, Жакъ сталъ посѣщать всѣ тѣ мѣста, гдѣ можно было видѣть дѣвушку, пока, наконецъ, не повстрѣчался съ ней въ церкви за обѣдней. Замѣтивъ, что Франсуаза обрадовалась, увидя его, онъ началъ постоянно попадаться ей на дорогѣ, когда она вмѣстѣ съ своей матерью по праздникамъ выходила изъ дому въ церковь, и вѣжливо раскланивался съ ней. По прошествіи года со смерти отца Жакъ рѣшилъ снять трауръ и обратился съ просьбой къ своей матери, чтобы она выбрала ему матерію, которая приличествовала его званію и положенію.

— Я думаю, намъ лучше всего обратиться къ куму Пьеру (такъ звали отца Франсуазы), онъ не обманетъ насъ, — отвѣтила сыну мать,

отлично понимая, что сыну не столько нужно новое платье, сколько хочется завязать прежнія отношенія съ родителями Франсуазы.

Но тотъ тѣмъ не менѣе продолжалъ скромничать и проговорилъ:

— Гдѣ дешевле, тамъ и купимъ. Но если ты полагаешь, что будетъ лучше сходить къ пріятелю нашего отца, то мнѣ все равно.

Въ назначенный день они отправились къ г-ну Пьеру и выбрали то, что имъ было нужно, но, не сойдясь въ цѣнѣ, принуждены были уйти обратно, ничего не купивъ. Послѣ этого они обошли нѣсколько другихъ магазиновъ, однако, Жаку нравилась только та матерія, которую они видѣли у Пьера, и мать въ концѣ концовъ принуждена была снова вернуться въ его лавку. Тамъ въ это время продавала жена Пьера, она запросила за товаръ еще дороже, такъ что Жакъ, не выдержавъ, воскликнулъ:

— Ахъ, сударыня, какъ вы безжалостны! Съ тѣхъ поръ, какъ мы потеряли отца, вы не хотите больше узнавать насъ.

И, прикидываясь, что плачетъ, онъ сталъ вытирать глаза.

— Дѣйствительно,—поддержала его мать,—со смерти мужа вы совсѣмъ забыли насъ, вотъ какъ относятся къ бѣднымъ вдовамъ!

При этихъ словахъ жена купца узнала ихъ и, утѣшивъ вдову, обѣщала попрежнему видѣться съ ними. Молодой человѣкъ, чувствуя, что наступилъ благопріятный моментъ, сказалъ:

— Вѣдь вы, сударыня, сколько мнѣ извѣстно, часто посѣщаете святыя мѣста и преимущественно монастыри, находящіеся въ нашемъ кварталѣ; вы намъ оказали бы честь, если бы соблаговолили зайти мимоходомъ въ нашъ домъ выпить стаканъ вина.

Купчиха, не подозрѣвавшая ничего дурного, отвѣтила, что дѣйствительно она въ будущее воскресенье пойдетъ съ дочерью въ монастырь и тогда, конечно, воспользуется случаемъ навѣстить ихъ. Купивъ матерію, такъ какъ не стоило изъ-за какихъ-то пустяковъ отказываться отъ хорошаго товара, Жакъ тотчасъ же пошелъ къ своему товарищу, чтобы вмѣстѣ съ нимъ обсудить задуманное предпріятіе. Въ назначенное воскресенье купчиха съ дочерью, возвращаясь изъ церкви, зашли къ вдовѣ, которую застали сидящею съ сосѣдкой на галереѣ, выходящей въ садъ, въ то время какъ ея дочь и сынъ съ товарищемъ прогуливались невдалекѣ по аллеѣ. Жакъ немедленно поспѣшилъ навстрѣчу гостямъ, и какъ это обыкновенно случается, что старыя ищутъ общества старыхъ, купчиха подсѣла къ его матери, а дочь пошла вмѣстѣ съ молодежью гулять по саду. Здѣсь Жакъ сталъ пылко объясняться въ любви Франсуазѣ, которая не безъ видимаго волненія слушала его страстную рѣчь; однако, чтобы не навлечь на себя подозрѣній, они нѣсколько разъ возвращались къ старухамъ, пока тѣ, увлекшись разговоромъ, не перестали совсѣмъ обращать на нихъ вниманія. Послѣ этого Жакъ сдѣлалъ знакъ Оливье, и тотъ такъ искусно отвлекъ вниманіе другой дѣвушки, что та даже не замѣтила, какъ влюбленная парочка, удалившись отъ нихъ, зашла въ уголокъ, густо заросшій вишневыми деревьями и шиповникомъ, гдѣ молодой человѣкъ, думая лишь насладиться любовью, лишилъ свою возлюбленную того, что больше всякихъ прелестей украшаетъ невинную дѣвушку. Франсуаза, стыдливо опустивъ голову, вышла въ садъ и не переставала плакать и вздыхать.

— И только для этого-то и любили вы меня, — повторяла она. — Ахъ, еслибъ я могла предвидѣть, что со мной здѣсь случится! Что теперь я стану дѣлать? Я потеряна на всю жизнь. Какого вы мнѣнія будете съ этихъ поръ обо мнѣ? Увы, лучше бы мнѣ умеретъ, чѣмъ впасть въ эту ошибку!

Она продолжала проливать слезы, и Жакъ, какъ могъ, утѣшалъ и успокоивалъ ее, давая ей всевозможныя клятвы и обѣты. Пройдя раза три по саду, Жакъ снова сдѣлалъ знакъ своему пріятелю и опять удалился съ дѣвушкою въ тотъ же уголокъ. Здѣсь, наконецъ, ему удалось

умилостивить ее, и они рѣшили отнынѣ тайно видѣться и наслаждаться любовью до тѣхъ поръ, пока отецъ не позволитъ ей выйти за Жака замужъ. Свиданія они устраивали въ домѣ сосѣдки Пьера, большой пріятельницы Франсуазы, а когда умеръ отецъ ея, мать пышно справила ихъ свадьбу.

— Вотъ, сударыни, дружба, хорошо начавшаяся и еще лучше кончившаяся. Въ противоположность общему правилу, распространенному среди мужчинъ, этотъ молодой человѣкъ, отнявъ у дѣвушки то, чего желаетъ всякій мужъ отъ своей молодой жены, не только не бросилъ своей жертвы, но, двигаемый истинной любовью, сгладилъ ея просту-

покъ, вступивъ съ ней въ законный бракъ, что, по моему мнѣнію, весьма похвально.

— А по моему, оба любовника достойны порицанія, — проговорила г-жа Уазиль,—и третій тоже заслуживаетъ упрека, такъ какъ своимъ присутствіемъ способствовалъ насилію.

— Почему вы называете это насиліемъ,—возразилъ Сафреданъ,— когда здѣсь было полное соглашеніе обѣихъ сторонъ? Развѣ первая ночь новобрачныхъ проходитъ не такъ же? А пословица говоритъ, что браки заключаются на небесахъ, что, конечно, не относится лишь къ бракамъ по разсчету и насильственнымъ.

— Вы можете говорить, что хотите, — сказала г-жа Уазиль, — насчетъ того, слѣдуетъ ли повиноваться родительской волѣ, но я позволю себѣ замѣтить, что если бы всѣ женились по своему желанію, то число рогоносцевъ значительно увеличилось бы. Развѣ молодые люди или молодыя дѣвушки въ двѣнадцать, пятнадцать лѣтъ могутъ знать, что имъ нужно? Кто вздумаетъ наблюдать за брачной жизнью, тотъ увидитъ, что люди, женившіеся по любви, живутъ гораздо хуже тѣхъ, кто женился по принужденію.

— Вы упускаете изъ вида, сударыня, — заговорилъ Гирканъ, — что дѣвушка эта была уже вполнѣ созрѣвшая и хранила свою дѣвственность только потому, что отецъ не хотѣлъ тратиться на приданое. Она уже давно, вѣроятно, готова была отдаться своему возлюбленному, и ея первое смущеніе происходило, вѣрнѣе всего, отъ того, что она не разобралась въ своихъ ощущеніяхъ; это видно уже потому, что она не особенно заставляла упрашивать себя во второй разъ.

— Всему виною, — подхватила Парламанта,— излишняя доброта и довѣрчивость ея матери, которая привела свою дочъ на закланіе.

— Скорѣй на свадьбу,—поправилъ ее Симонто.

— Оставимъ этотъ споръ. Не угодно ли вамъ будетъ теперь разсказать свою сказку? — обратилась Номерфида къ Симонто. — Я передаю вамъ право голоса.

Шестой день.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТАЯ.

Дама застаетъ врасплохъ своего мужа, который наединѣ обнимаетъ ея горничную.

Дама, о которой повѣствуется въ этомъ разсказѣ, вышла по взаимной любви замужъ за благороднаго дворянина изъ стариннаго богатаго рода. Она, какъ свѣтская женщина, окружила себя поклонниками, надъ которыми насмѣхалась, и увѣряла своего мужа, что они служатъ ей только для забавы. Сперва дворянина это интересовало, но затѣмъ надоѣло содержать такую массу гостей, которые не были ему ни родными, ни друзьями, и его начали сердить большіе расходы. Поэтому онъ переѣхалъ на жительство къ себѣ въ имѣніе, однако, посѣтителей отъ этого не убавилось, а вмѣстѣ съ ними не уменьшились, конечно, и расходы, потому что жена по каждому поводу устраивала либо балъ, либо игры и танцы. Въ отвѣтъ же на замѣчанія мужа, что ихъ

расходы слишкомъ велики, она всегда смѣясь говорила, что если онъ по милости ея и разорится, зато никогда не будетъ рогоносцемъ *). Она очень любила маскарады и просила мужа отвезти ее какъ можно скорѣй ко двору, гдѣ бы она могла блеснуть своими нарядами. Однажды, видя, что всѣ ея старанія склонить его на путешествіе не ведутъ ни къ чему, она замѣтила, что мужъ ея очень любезно обращается съ одной изъ ея горничныхъ, чѣмъ она и рѣшила воспользоваться. Вечеромъ она позвала дѣвушку къ себѣ въ комнату и отчасти просьбами и обѣщаніями, отчасти же угрозами вывѣдала у нея всю правду. Оказалось, что дворянинъ уже давно ухаживалъ за нею, но она все время упорно отказывала ему въ своемъ расположеніи. Дама, услышавъ о незаконныхъ поползновеніяхъ своего супруга, сильно разсердилась на него за то, что онъ, притворяясь влюбленнымъ, промѣнялъ ее на незначительную и менѣе красивую, чѣмъ она, горничную, но въ то же время и обрадовалась, такъ какъ думала, что если мужъ будетъ уличенъ въ измѣнѣ, онъ не станетъ послѣ того препятствовать ей окружать себя поклонниками и поѣдетъ съ ней ко двору. Чтобы достичь этого, она приказала служанкѣ уступать понемногу мужу, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она обо всемъ докладывала ей. Дѣвушка сначала боялась согласиться, но, успокоенная госпожей, уступила, наконецъ, ея просьбамъ. Дворянинъ, продолжая преслѣдовать свои цѣли, скоро замѣтилъ, что та стала уступчивѣй, и потому хотѣлъ скорѣй получить ея согласіе; но служанка, хорошо зная свою роль, начала жаловаться ему на свою бѣдность, говоря, что если узнаетъ госпожа, то выгонитъ ее вонъ изъ дома и ей придется влачить жалкое существованіе. На это господинъ отвѣчалъ, чтобы она ни о чемъ не заботилась, такъ какъ онъ обезпечитъ ея будущность и къ тому же никто не будетъ знать объ ихъ отношеніяхъ. Порѣшивъ на этомъ, они избрали для свиданія маленькій домикъ въ паркѣ. Дѣвушка же немедленно отправилась къ госпожѣ и передала ей весь разговоръ, а также и то, гдѣ они условились встрѣтиться на другой день послѣ обѣда. При этомъ она умоляла даму не пропустить условнаго часа и не дать ей погибнуть, на что та поклялась не покидать ея и защитить отъ ярости мужа. На другой день, пообѣдавъ, мужъ ласково обратился къ женѣ, не хочетъ ли она сыграть въ пикетъ, и когда та отказалась, онъ одинъ отправился къ гостямъ и сѣлъ за карты. Черезъ часъ дворянинъ объявилъ, что у него заболѣла голова и что онъ пойдетъ не надолго погулять. Жена, стоявшая за его кресломъ, отлично знала про его болѣзнь, но тѣмъ не менѣе согласилась сыграть за него и позволила ему удалиться часа на два. Немного спустя слѣдомъ за мужемъ вышла и жена, не желая, чтобы торгъ прошелъ въ ея отсутствіе, и, войдя потихоньку въ комнату, спряталась позади дворянина, слушая его краснорѣчивое объясненіе въ любви. Но когда она увидѣла, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, она приблизилась къ нему и проговорила:

— Я слишкомъ близко нахожусь отъ васъ, чтобы вы могли нуждаться въ другой.

Нечего и говорить, что дворянинъ вышелъ изъ себя отъ гнѣва—во-первыхъ потому, что ему помѣшали воспользоваться наслажденіемъ, кото-

*) Здѣсь игра словъ coquin—нищій и cocu—рогатый.

рое онъ уже предвкушалъ, а во-вторыхъ, потому, что, застигнутый на мѣстѣ преступленія женой, онъ навсегда лишался ея дружбы и довѣрія. И обвиняя во всемъ дѣвушку, онъ, не говоря ни слова, бросился на нее и убилъ бы несчастную, если бы дама во-время не оттолкнула его. Затѣмъ, чтобы загладить свою вину передъ женой, онъ поклялся исполнить всѣ ея желанія и покаялся, что былъ неправъ, когда сердился на нее за то, что она окружаетъ себя поклонниками,—красивая женщина, по его словамъ, могла оставаться всегда непорочной, но мужчина, ухаживающій за служанками, заслуживаетъ тяжкаго наказанія. Поэтому онъ обѣщалъ отправиться вмѣстѣ съ ней ко двору и не препятствовать окружать себя кавалерами, которыхъ она не любила, а только высмѣивала. Это, конечно, не могло не понравиться дамѣ, такъ какъ она получала желаемое. Дворянинъ такъ убѣждалъ ее въ своей любви, что въ концѣ концовъ они помирились и вернулись назадъ добрыми друзьями, а, чтобы не возвращаться больше къ этому воспоминанію, онъ просилъ ее прогнать служанку, что жена и исполнила, предварительно выдавъ дѣвушку замужъ и щедро наградивъ ее. Дворянинъ же въ награду за это повезъ немедленно свою жену ко двору и окружилъ ее такою пышностью, что она не могла не удовлетвориться.

— Вотъ, господа, примѣръ, какъ жена сумѣла покорить своего мужа.

— Вы дали хорошее описаніе умной жены и глупаго мужа,—сказалъ Гирканъ. — По моему, ему не слѣдовало останавливаться на полдороги.

— А что жь, по вашему, долженъ онъ былъ сдѣлать?—спросила Лонгарина.

— Доканчивать начатое, все равно жена одинаково бы разсердилась, совершилъ ли бы онъ преступленіе или не совершилъ, и, можетъ быть, она даже лучше отнеслась бы къ нему, если бы увидѣла въ немъ болѣе отваги.

— Все это хорошо,—возразила Эмарсвита,—но гдѣ найдете вы такихъ мужчинъ, которые могли бы насиловать двухъ женщинъ сразу? Вѣдь его жена защищала здѣсь свое право, а дѣвушка—свою честь.

— Это вѣрно, но сильный человѣкъ всегда можетъ справиться съ двумя слабыми,—сказалъ Гирканъ.

— Конечно, пустивъ въ дѣло шпагу, онъ убилъ бы обѣихъ,—продолжала Эмарсвита,—другого же выхода я не вижу.

— Зачѣмъ,—отвѣчалъ Гирканъ,—убивать не пришлось бы. На его мѣстѣ я поцѣловалъ бы жену и выпроводилъ бы ее вонъ, а затѣмъ овладѣлъ бы силой или по соглашенію дѣвушкой. Я не говорю, что мнѣ нравится его поступокъ, но, по моему, разъ ужь взялся за дѣло, надо довести его до конца; я хвалю человѣка, который любитъ свою жену, какъ то велѣлъ ему Богъ, но не могу простить ему, если онъ, не любя, боится ея.

— Совершенно справедливо,—отвѣтила Парламанта,—если бы вы не были хорошимъ мнѣ мужемъ по любви, я никогда не уважала бы васъ, если бы вы старались представиться таковымъ изъ одного страха ко мнѣ.

— Вы забываете, Парламанта, что любовь къ вамъ заставляетъ меня повиноваться вамъ больше, чѣмъ страхъ смерти и ада.

— Вы можете объяснять это, чѣмъ угодно,—проговорила Парламанта,—я довольствуюсь же тѣмъ, что имѣю, и въ томъ, чего не знаю, не хочу васъ подозрѣвать.

— По моему, ужасно глупо,—сказала Номерфида,—слѣдить за своимъ мужемъ.

— Конечно, это нехорошо,—подтвердила г-жа Уазиль,—но иногда проступокъ мужа можетъ обезчестить домъ и вызвать дурные толки въ обществѣ.

— Много несчастій случается также и потому, что мужья иногда плохо заботятся и пекутся о своихъ женахъ,—сказалъ Гебронъ.

— Если вамъ извѣстенъ какой-нибудь примѣръ подобнаго рода, то разскажите его, пожалуйста, намъ,—обратилась къ нему Лонгарина.

— Да, я знаю одинъ такой случай и, если хотите, подѣлюсь имъ съ вами.

Седьмой день.

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТАЯ.

Наивность старухи, принесшей горящую свѣчу въ Санъ-Жанъ въ Ліонѣ и прилѣпившей ее ко лбу солдата, который въ это время спалъ въ гробу, и что изъ этого вышло.

Въ Ліонѣ, въ церкви св. Жана, была очень темная часовня, гдѣ передъ плащаницей, высѣченной изъ камня, возвышались каменныя точно живыя изваянія, а вокругъ въ разныхъ позахъ каменныя же статуи воиновъ. Однажды солдатъ, прохаживаясь по церкви въ лѣтнюю пору, отъ сильной жары захотѣлъ соснуть и, увидѣвъ въ прохладной и темной часовнѣ гробницу, рѣшилъ улечься тамъ вмѣстѣ съ статуями. Въ то время, какъ онъ крѣпко спалъ, въ часовенку вошла чрезвычайно наивная и набожная старушка. Прочитавъ тихимъ шепотомъ молитвы, она захотѣла поставить къ гробницѣ свѣчку, которую держала зажженной въ своей рукѣ, и, находясь ближе всего къ спавшему солдату, стала прилѣплять свѣчу ему на лобъ, думая, что онъ каменный; однако, свѣчка не держалась. Тогда старуха, полагая, что статуя слишкомъ холодна, наклонила свѣчку огнемъ ко лбу, чтобы нагрѣть мраморъ и накапать воску, но статуя, не совсѣмъ нечувствительная къ огню, принялась кричать; женщина, напуганная почти до потери сознанія, отъ неожиданности и со страха закричала въ свою очередь: «Чудо, чудо!» и при томъ такъ громко, что всѣ бывшіе въ церкви со всѣхъ ногъ бросились одни къ ней, другіе же на колокольню звонить въ колокола. Бѣдная старушка хватала людей за рукавъ и тащила посмотрѣть на статую, которая неожиданно зашевелилась. Когда же всѣ увидали солдата съ обожженнымъ лбомъ, то разразились общимъ хохотомъ, и только нѣкоторые попы не могли никакъ успокоиться и продолжали сердиться, потому что въ умѣ они уже прикинули барыши, которые можно было извлечь изъ новоявленнаго чуда.

— Да, сударыни, совѣтую всегда смотрѣть, какому святому ставите свѣчу.

— Удивительное дѣло, — проговорилъ Гирканъ, — но женщины всегда являются причиной всего дурного.

— Что жь тутъ дурного,—возразила Номерфида,—что женщина принесла свѣчу въ церковь?

— Не нужно было прилѣплять свѣчу ко лбу мужчины; все хорошее не можетъ быть названо добромъ, если къ нему примѣшивается зло.

— Богъ смотритъ не на цѣнность приношенія, а на ту искренность, съ которой принесена ему жертва,—замѣтила имъ Уазиль,—можетъ быть, у этой женщины было любви къ Богу больше, чѣмъ у тѣхъ, кто жертвуетъ Ему цѣлые факелы, ибо, какъ говорится въ Евангеліи, она подаетъ отъ нужды.

— И всетаки,—возразилъ Садереданъ,—я не думаю, чтобы Богъ любилъ глупость, и хотя ему нравится простота, но, какъ написано въ Св. Писаніи, онъ презираетъ невѣжду и, повелѣвая быть невинными, какъ голуби, вмѣстѣ съ тѣмъ учитъ насъ быть мудрыми, подобно змію.

— Что касается меня,—продолжала Уазиль,—я всетаки не прочь быть одной изъ тѣхъ невѣжественныхъ женщинъ, которыя колѣнопреклоненныя держатъ въ рукахъ свѣчи и каются чистосердечно передъ Господомъ Богомъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, крѣпко уповая на его милосердіе и всепрощеніе.

— Дай Богъ,—сказалъ Дагусэнъ,—чтобы всѣ такъ понимали ихъ, какъ вы! Но я думаю, что эти бѣдныя глупыя созданія ничего подобнаго не думаютъ.

На это Уазиль возразила:

— Кто менѣе другихъ умѣетъ красно говорить, тотъ, повѣрьте, можетъ сильнѣе чувствовать любовь къ Богу и точнѣе исполнять его святую волю; поэтому не судите да не судимы будете!

— Ничего нѣтъ естественнѣе,—проговорила смѣясь Эмарсвита,—какъ ея испугъ при видѣ проснувшагося солдата; такія простыя женщины пугаются даже принцевъ, которымъ, однако, имъ никогда не приходилось прижигать лобъ.

— Я увѣренъ, что вы можете разсказать намъ что-нибудь по этому поводу, и потому прошу васъ занять мое мѣсто,—обратился къ ней Дагусэнъ.

— Моя сказка не будетъ длинна,—сказала Эмарсвита,—но если мнѣ удастся воспроизвести исторію подобающимъ образомъ, вамъ не придется плакать во время слушанія.

Ограничимся этими новеллами и не станемъ переводить другія; уже изъ вышеприведенныхъ читатель можетъ увидѣть, что Маргарита своимъ «Гептамерономъ» нарушаетъ длинную, непрерывную цѣпь насмѣшливыхъ и ядовитыхъ новеллъ, начавшихся съ фабліо и окончившихся Вольтеромъ, тѣмъ, что вноситъ въ нихъ серьезный, а иногда и трагическій элементъ. Эту непрерывность она нарушила также тѣмъ, что изъ разсказа, имѣвшаго единственную цѣль забавлять читателя, сдѣлала орудіе наблюденія, средство для изображенія человѣческихъ страстей. Въ «Гептамеронѣ» главный интересъ сосредоточенъ не на самомъ поступкѣ или происшествіи, но на тѣхъ обстоятельствахъ и побужденіяхъ, которыя имъ предшествовали. Въ своихъ новеллахъ королева Наваррская первая начала разработывать страсть сердца въ противоположность другимъ новеллистамъ, обращавшимъ въ то время вниманіе лишь на описаніе физической страсти.

«Гептамеронъ»,—говоритъ Лансонъ,—это руководство учтивости и морали. Этотъ сборникъ разсказовъ о супружескихъ непріятностяхъ, любовныхъ трагедіяхъ и антимонашескихъ продѣлкахъ можетъ быть названъ безнравственнымъ только съ точки зрѣнія приличій нашего вѣка, а извѣстно, какъ относительны и измѣнчивы понятія о приличіяхъ. Доарая королева писала въ тонѣ своего времени и сочиняла разсказы, которые тогда доставляли удовольствіе; отсюда не удивительное для насъ соединеніе благочестія, нескромной веселости и морали. Въ сущности это книга порядочной женщины, учившей своихъ читателей умѣнью жить и добрымъ нравамъ»*).

ГЛАВА VI.

Маккіавелли.

Двойственность характеровъ дѣятелей эпохи Возрожденія.—Дипломатическая карьера. Маккіавелли.—Изгнаніе его изъ Флоренціи.—Сельская жизнь—Вторичное поступленіе на службу.—Послѣднія огорченія.—Комедіи Маккіавелли.

Маколей въ превосходной статьѣ доказалъ, что гоненія критиковъ на Маккіавелли за его безнравственныя мысли, высказанныя въ «Il Principe», совершенно неосновательны, такъ какъ съ точки зрѣнія своихъ современниковъ Маккіавелли не совершилъ ничего предосудительнаго и наставленія государю, подобныя наставленіямъ Маккіавелли, были совершенно въ духѣ того времени, а вѣдь извѣстно, что съ волками жить по-волчьи и выть. Тѣмъ не менѣе имя Маккіавелли, и производное отъ него «маккіавеллизмъ» еще и теперь часто употребляются, какъ синонимы коварства и злокозненности; поэтому, нѣкоторые изъ нашихъ читателей, вѣроятно, не мало удивятся, когда прочтутъ имя Маккіавелли, поставленное на-ряду съ прочими сатириками и юмористами. Но въ томъ-то и дѣло, что Маккіавелли, занимаясь разработкой теоріи государственныхъ наукъ, не прочь былъ въ часы досуга обращаться къ изящной литературѣ и оставилъ послѣ себя нѣсколько остроумно написанныхъ комедій, которыя, стушевываясь передъ его капитальными сочиненіями, вроде «Discorsi» и «Il Principe», обыкновенно лишь вскользь упоминаются критиками.

Конечно, теперь странно какъ-то представить себѣ, чтобы дипломатъ или государственный дѣятель сталъ ни съ того, ни съ сего писать фарсы и фривольныя комедіи, но въ эпоху Возрожденія такіе контрасты никого не удивляли. То время исканія новыхъ путей и идеаловъ породило много великихъ людей, удивляющихъ до сихъ поръ двойственностью своихъ характеровъ. Ни объ одномъ изъ этихъ дѣятелей нельзя было сказать съ увѣренностью, что у него преобладаетъ, какая сторона сильнѣе, плотская или духовная. Они похожи на нашихъ теперешнихъ фокусниковъ-мимистовъ, у которыхъ въ одно и то же время одна половина лица горько плачетъ, другая весело

---

*) Г. Лансонъ. «Исторія французской литературы».

смѣется. Кто разгадаетъ, кѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ Рабле, философомъ ли гуманистомъ или гаеромъ, шутомъ, отпускавшимъ на площади уличныя шутки? Онъ то издаетъ «Ars Parve» Галена и пишетъ высокопарныя письма Эразму Роттердамскому, то въ фамильярныхъ выраженіяхъ обращается къ пьяницамъ и развратникамъ. А Маргарита Наваррская? Не странно ли, что эта королева способна была въ одно и то же время сочинять и мистическія поэмы, и веселыя, ничего съ мистицизмомъ общаго не имѣющія новеллы «Гептамерона»?

Эта же двойственность замѣчается въ характерѣ и образѣ жизни Никколо Маккіавелли. Родившись въ 1469 году во Флоренціи и получивъ гуманистическое образованіе, онъ съ молодыхъ лѣтъ поступаетъ на службу республики и въ 1498 году назначается уже на довольно важный постъ начальника второй канцеляріи, въ завѣдываніи которой находились военныя и иностранныя дѣла. Здѣсь ему приходится составлять множество разныхъ бумагъ и часто отлучаться изъ города для исполненія многочисленныхъ миссій политическаго характера. Серьезныя дѣла не мѣшаютъ однако, ему наполнять свои письма къ друзьямъ шутками и остротами и вести не совсѣмъ моральный образъ жизни, который, къ слову сказать, онъ не оставляетъ даже и тогда, когда, въ 1502 году, женится на Марріеттѣ Корсини, бывшей для него всю жизнь вѣрной и любящей супругой.

Флорентинская республика въ то время была занята вторичнымъ завоеваніемъ Пизы и, получивъ подкрѣпленія отъ Людовика XII, осадила городъ. Однако, вскорѣ отряды, посланные французскимъ королемъ, возмутились, недовольные платой и дурной пищей; осада вышла неудачной, а Людовикъ разгнѣвался на республику за то, что она опозорила его войска. Чтобы уладить это дѣло, городъ въ 1500 году отправилъ Маккіавелли во Францію, гдѣ его приняли съ высокомѣрной пренебрежительностью и предъявили несоразмѣрныя требованія къ его родному городу. Маккіавелли пришлось выносить униженія и оскорбленія, и всетаки въ концѣ концовъ ему не удалось умиротворить короля, такъ что республика принуждена была отправить на помощь Маккіавелли новаго посланника въ лицѣ Тера Франческо Тозинги. Несмотря на то, что на такія путешествія средства отъ казны выдавались очень скудныя, Маккіавелли не могъ не позволить себѣ нѣкоторой роскоши и часто запутывался въ долгахъ.

Мы не станемъ перечислять поочередно всѣ путешествія и многочисленныя миссіи, исполненныя Маккіавелли по порученію флорентинской республики; это будетъ утомительно и безполезно, достаточно сказать, что на дипломатическомъ поприщѣ Маккіавелли заявилъ себя человѣкомъ чрезвычайно способнымъ и его вѣрныя указанія и изворотливость принесли большую пользу республикѣ. Такая полная дѣятельности жизнь продолжалась у него безпрерывно до 1512 года, т. е. до того времени, когда французы, несмотря на одержанную побѣду при Равеннѣ, должны были отступить изъ Италіи, а Флоренція увидѣла себя скомпрометированной своими дружескими отношеніями къ Франціи. Въ республикѣ произошелъ переворотъ, послѣ чего въ городѣ снова призваны были Медичи, а Маккіавелли принудили отказаться отъ занимаемой имъ должности и, какъ приверженца стараго порядка, изгнали даже изъ города. Кромѣ того, его заподозрѣли въ участіи въ

заговорѣ и заключили въ темницу, откуда только послѣ пытки выпустили на свободу.

Маккіавелли удалился въ свое маленькое помѣстье близъ S. Casciano, за семь миль отъ Флоренціи, и лишь изрѣдка наѣзжалъ въ городъ. Хотя теперь ему уже не приходилось принимать никакого участія въ общественной жизни своей родины, онъ всетаки, какъ это видно изъ писемъ, живо интересовался политикой. Одинъ изъ друзей его, Франческо Веттори, посланникъ въ Римѣ, продолжалъ переписываться съ бѣднымъ изгнанникомъ и въ письмахъ предлагалъ ему вопросы о поведеніи князей, о надеждахъ на будущее, на что Маккіавелли отвѣчалъ всегда въ строгой послѣдовательности, посылая своему другу длинные отвѣты.

Замѣчательно, что, несмотря на свое несчастное положеніе, на свою, такъ сказать, оторванность отъ треволненій политической жизни, Маккіавелли среди отвлеченныхъ разсужденій, которыя оставались единственными утѣшеніями для его жаждущей дѣятельности натуры, не прочь, между прочимъ, отпустить какую-нибудь вольность или разсказать смѣшной анекдотъ. Видно, натуру нельзя было передѣлать и даже горе не могло безраздѣльно властвовать надъ этимъ человѣкомъ. Въ одномъ изъ такихъ писемъ Маккіавелли яснѣе всего показываетъ состояніе своей души и ту двойственность характера, о которой мы упомянули въ началѣ этой главы.

Маккіавелли.

Въ письмѣ отъ 23 ноября 1523 года Франческо Веттори описывалъ жизнь, которую онъ велъ въ Римѣ, гдѣ съ исполненіемъ немногочисленныхъ и несложныхъ оффиціальныхъ обязанностей онъ соединялъ чтеніе древнихъ классиковъ, а съ аккуратнымъ посѣщеніемъ мессы не менѣе аккуратное посѣщеніе куртизанокъ, и приглашалъ своего друга пріѣхать въ Римъ, чтобы принять участіе въ этой пріятной и удобной жизни. Дабы не остаться въ долгу, Маккіавелли въ своемъ отвѣтѣ также описываетъ свою деревенскую жизнь въ уединенномъ домикѣ близъ S. Casciano. Онъ встаетъ вмѣстѣ съ солнцемъ и отправляется прежде всего въ лѣсъ бесѣдовать съ мужиками, которые тамъ рубятъ дрова, затѣмъ онъ идетъ къ источнику и захватываетъ съ собою какую-нибудь книгу: либо Данте, либо Петрарку или Тибулла, Овидія, и тамъ читаетъ описанія любовныхъ страстей,—эти любовныя увлеченія напоминаютъ ему его собственныя, и онъ на мгновенье услаждается мыслью. Послѣ этого онъ приходитъ въ сельскую гостинницу, спрашиваетъ у проѣзжихъ, нѣтъ ли чего новенькаго, наблюдаетъ за ихъ вкусами, привычками и идеями и послѣ скуднаго обѣда уходитъ обратно, играетъ съ трактирщикомъ, съ мельникомъ, съ лѣсникомъ и съ двумя кирпичниками, при-

чемъ изъ-за какого-нибудь quatrino спорятъ такъ громко, что крики и суматоха доносятся до S. Casciano. Вечеромъ, по его словамъ, онъ снимаетъ съ себя будничное платье, облекается въ королевскія одежды и отправляется въ corti великихъ классиковъ, бесѣдуетъ съ ними и они отвѣчаютъ ему благосклонно,—«я питаюсь этою пищею, которая только и принадлежитъ мнѣ и для которой я родился». Такимъ образомъ проходятъ четыре часа въ его рабочемъ кабинетѣ и онъ не испытываетъ никакихъ заботъ, онъ забываетъ «всякое огорченіе, не боится бѣдности, не пугается смерти, всецѣло переселяется въ этихъ классическихъ авторовъ».

Эта свободная отъ всякихъ обязанностей жизнь, несмотря на скуку, имѣла и свои хорошія стороны: пользуясь безграничнымъ досугомъ, Маккіавелли почти весь отдался писательству.

За это время имъ написанъ знаменитый трактатъ о государѣ и «Разсужденія на первыя десять книгъ Тита Ливія». Вдаваться въ разборъ этихъ произведеній мы не станемъ, такъ какъ они, выражаясь оффиціальнымъ слогомъ, «находятся внѣ сферы нашей компетенціи», скажемъ лишь, что, поучая правителя государственной премудрости, Маккіавелли не забывалъ и себя и во многихъ мѣстахъ старается напомнить о своемъ горькомъ положеніи. Это стараніе, это заигрываніе съ Медичи замѣтно и въ комедіяхъ, написанныхъ тоже во время его невольной сельской жизни. Такъ, въ прологѣ къ «Мандраголѣ» онъ говоритъ: «Если кому придетъ въ голову мысль, что человѣку серьезному и умному неприлично заниматься такими пустяками, то извините автора,—этимъ развлеченіемъ онъ старается уменьшить свои горести, которыя преслѣдуютъ его, такъ какъ ему некуда обратить своихъ мыслей, ему не разрѣшено проявлять свои таланты какимъ-либо другимъ способомъ и нѣтъ у него награды, достойной его трудовъ».

Однако, ни льстивыя похвалы папамъ, ни успѣхъ его произведеній не приносили ему никакихъ существенныхъ выгодъ. Юліанъ дѣйствительно обѣщалъ принять его на службу, но не исполнилъ обѣщанія; Левъ X обращался много разъ къ нему за совѣтомъ, когда находился въ затруднительныхъ положеніяхъ, но тотчасъ же забывалъ о существованіи своего совѣтника, когда проходила въ немъ надобность. И такъ оставался Маккіавелли заброшеннымъ, забытымъ, одинокимъ, находя утѣшеніе лишь въ классикахъ, которые, по собственному его выраженію, «принимали его радушно въ свои объятія».

Наконецъ, счастье ему улыбнулось: Маккіавелли подружился съ кардиналомъ Юліемъ Медичи и тотъ далъ ему порученіе ѣхать къ миноритамъ въ Карни, чтобы выхлопотать для Флоренціи проповѣдника. Конечно, порученіе это не могло особенно польстить человѣку, который прежде являлся въ качествѣ посла у первостепенныхъ государей Европы, но Маккіавелли такъ надоѣла бездѣятельность, что онъ и за эту поѣздку ухватился съ радостью. Это было въ 1521 году, а черезъ два года Юлій Медичи взошелъ на папскій престолъ подъ именемъ Климента VII и началъ давать Маккіавелли болѣе важныя порученія. Между прочимъ, онъ послалъ его въ Венецію, а затѣмъ поручилъ устройства укрѣпленій во Флоренціи на случай войны, которая и не замедлила разгорѣться между лигой и императоромъ. Послѣдствіемъ этой войны было взятіе приступомъ Рима коннетаблемъ Бурбономъ и изгнаніе жителями Меди-

чей изъ Флоренціи. Сначала Маккіавелли мечталъ получить въ новой республикѣ какое-нибудь мѣсто, но его дружескія отношенія къ изгнанной фамиліи и полученіе отъ нея пенсіи за исторію Флоренціи помѣшали этому. Маккіавелли долженъ былъ вторично покинуть службу и вскорѣ, а именно 22 іюня 1527 года, умеръ отъ огорченія.

Итальянская комедія временъ Маккіавелли была двухъ родовъ: во-первыхъ, народная комедія, болѣе извѣстная подъ именемъ comedia dell'arte, о которой мы имѣли случай упоминать еще во вступленіи къ «Юмористамъ» и тогда же помѣстили характеристики ея главныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянныхъ типовъ: Арлекина, Пьеро, Панталона и Спарафуччо. Въ этой comedia dell'arte сами актеры были авторами,

Четыре главныхъ типа итальянской народной комедіи (Арлекинъ, Пьеро, Панталонъ и Спарафуччо).

каждый изъ нихъ, смотря по обстоятельству, подавалъ тутъ же сочиненныя реплики; для руководства же какъ актеровъ, такъ и публики на стѣнахъ сцены прибивалось двѣ афиши. Впослѣдствіи подобныя комедіи исполнялись и въ другихъ странахъ и даже при королевскихъ дворахъ главныхъ европейскихъ государствъ; вышеупомянутые типы же стали безсмертными. Но въ эпоху Возрожденія явилась ученая комедія, въ которой дѣйствующими лицами являлись не Арлекинъ и его товарищи, а люди изъ дѣйствительной жизни, болѣе или менѣе вѣрно списанные съ натуры. Основателемъ въ Италіи этой комедіи надо признать Аріосто, написавшаго четыре комедіи, хотя въ то же время его нельзя признать творцомъ своихъ произведеній, такъ какъ во всѣхъ четырехъ произведеніяхъ онъ рабски подражалъ Плавту и Теренцію и даже мѣсто дѣйствія переносилъ обыкновенно изъ Италіи въ Грецію. Это обстоятельство сильно вредило популярности новорожденной ученой комедіи и отнимало у нея жизненность. Маккіавелли тоже

воспиталъ свой талантъ на Плавтѣ и Теренціи, но, начавъ писать собственныя комедіи, былъ далекъ отъ рабской подражательности и далъ міру два недурныхъ драматическихъ произведенія, гдѣ съ свойственной ему смѣлостью и наблюдательностью изобразилъ упадокъ нравственности въ современномъ обществѣ и его соціальное разложеніе.

Въ тѣ давно прошедшія времена непристойность считалась необходимымъ элементомъ комическаго, вслѣдствіе чего слѣды скабрезностей мы находимъ во всей литературѣ XVI вѣка. Маккіавелли въ прологѣ къ комедіи «Clizia» высказываетъ желаніе не прибѣгать къ этому низкому способу смѣшить людей и думаетъ, что онъ достигъ цѣли въ своихъ произведеніяхъ, хотя бы даже настолько, чтобы не заставить краснѣть дамъ; но почитайте комедію, и вы увидите, что дамы той эпохи не слишкомъ скоро краснѣли.

Въ «Мандрагола« (La Mandragola), лучшей комедіи Маккіавелли, сюжетъ настолько скабрезенъ, что мы не рѣшаемся переводить ее буквально и удовольствуемся только пересказомъ и выпиской отдѣльныхъ сценъ. А между тѣмъ эта комедія давалась въ присутствіи цѣлаго папскаго двора, и самъ папа Левъ X остался очень доволенъ ею. Любопытная, характерная черта той эпохи!

Дѣйствіе отнесено, согласно указаніямъ первой сцены перваго акта, къ 1584 году. Каллимакъ пріѣзжаетъ изъ Парижа, гдѣ онъ жилъ въ продолженіе 20 лѣтъ, во Флоренцію съ единственной цѣлью посмотрѣть на жену Ничіа Лукрецію, которую ему описывали, какъ чудо красоты и добродѣтели. Завязка и отношенія дѣйствующихъ лицъ, какъ видятъ читатели, знакомые съ «Декамерономъ», тожественны съ новеллой Боккаччіо «Избитый, но довольный рогоносецъ». Каллимакъ встрѣчаетъ женщину и тотчасъ влюбляется въ нее. Онъ рѣшаетъ про себя, что будетъ во что бы то ни стало обладать ею. Страсть его настолько сильна, что онъ не останавливается ни передъ какими трудностями. «Я долженъ что-нибудь испытать,—говоритъ онъ себѣ,—будетъ ли это великое или опасное, вредное или безславное; лучше умереть, чѣмъ такъ жить». Ждать у него не хватаетъ терпѣнія. Надо отдать справедливость Маккіавелли, это животное стремленіе выражено у него съ такимъ мастерствомъ, съ какимъ никто до него не осмѣливался описывать низкія побужденія человѣка. Здѣсь вы не встрѣтите и намека на плаксивую риторику; въ естественныхъ, далекихъ отъ всякой напыщенности рѣчахъ любовника слышится голосъ бунтующей крови, безумной чувственности, которая, если не получитъ удовлетворенія, желаетъ смерти. «Если это случится (т. е. если что-нибудь помѣшаетъ исполненію задуманнаго плана), это будетъ послѣдняя ночь моей жизни, такъ какъ я или брошусь въ Арно, или повѣшусь, или выкинусь изъ окна, или заколюсь кинжаломъ на ея порогѣ, однимъ словомъ, что-нибудь да сдѣлаю надъ собой, чтобы не жить больше».

Но у Лукреціи, какъ мы сказали, есть мужъ Ничіа, который, по выраженію Маколея, является «вѣнцомъ пьесы» *). Ничіа—дуракъ положительный, родной братъ по уму Каландрино, дѣтищу Боккаччіо, неудачныя приключенія котораго потѣшаютъ вотъ уже пять съ лишнимъ столѣтій всю Европу. Какая-то особая простота всѣмъ его самымъ

*) Lord Macaulay, «Critical and Historical Essays». 5 v.

основательнымъ разсужденіямъ придаетъ характеръ наивности, комизма. Къ тому же этотъ дуракъ очень высокаго о себѣ мнѣнія, имѣетъ степень доктора правъ и, заслышавъ латинскій языкъ, моментально приходитъ въ состояніе, именуемое телячьимъ восторгомъ. Ничіа и его жена шесть лѣтъ какъ живутъ въ законномъ супружествѣ, но до сихъ поръ дѣтьми ихъ Богъ не благословилъ. Имѣть же хоть одного наслѣдника оба супруга желаютъ страстно. И вотъ на этой-то струнѣ и рѣшается сыграть Каллимакъ при помощи остроумнаго паразита Лигуріо. Каллимакъ подъ видомъ врача входитъ въ домъ къ супругамъ и предлагаетъ Лукреціи волшебное питье изъ мандраголы, при помощи котораго она можетъ получить желаемое. У этого лекарства только одно неудобство: первый, кто приблизится къ женщинѣ послѣ того, какъ она приняла снадобье, долженъ распроститься съ жизнью. Поэтому нужно, хотя бы даже силой, заставить какого-нибудь бродягу взять на себя эту опасность, и можно заранѣе уже догадаться, кто будетъ этимъ бродягой. Сначала Ничіа колеблется допустить или не допустить это, но узнавъ, что даже самъ король французскій прибѣгалъ къ такому средству, соглашается на все.

Склонивъ мужа, Каллимакъ съ Лигуріо приступаютъ къ Лукреціи и, зная, что она не настолько глупа, чтобы попасться на ту же удочку, на которую они поймали Ничіа, рѣшаются повліять на нее черезъ духовника.

— Но кто же поможетъ намъ уговорить ея духовника?—спрашиваетъ Каллимакъ.

— Ты, я, деньги, наша испорченность, его испорченность,—отвѣчаетъ Лигуріо.

Лигуріо немедленно отправляется къ духовнику Лукреціи, фра Тимотео, и, испытавъ сперва на другомъ дѣлѣ его продажность, объясняетъ затѣмъ свой настоящій планъ. Фра Тимотео колеблется нѣкоторое время, но жажда денегъ пересиливаетъ въ немъ его ничтожный запасъ порядочности, и онъ обѣщаетъ склонить Лукрецію къ грѣху. Добросовѣстность Лукреціи долго не уступаетъ увѣщеваніямъ аббата, и только видя, что всѣ сговорились дѣйствовать противъ нея, она, наконецъ, бросается въ объятія Каллимака. И когда тотъ признается ей въ своей любви, она отвѣчаетъ: «Такъ какъ твое коварство и глупость моего мужа, простота матери и безнравственность моего духовника принудили меня сдѣлать то, чего я не хотѣла, значитъ это было предопредѣлено въ небесахъ».

Пьеса кончается тѣмъ, что Ничіа благодаритъ въ трогательныхъ выраженіяхъ любовника своей жены за оказанную имъ услугу.

Вся эта комедія является, конечно, сатирой на современные нравы, но сатирой не грозной, бичующей, а скорѣе легкой, веселой насмѣшкой. Ни къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ у зрителя или читателя не пробуждается чувства негодованія. Даже Каллимакъ, соблазняющій чистую Лукрецію, изображенъ въ симпатичномъ видѣ. Онъ, напримѣръ, думаетъ, что за свои грѣхи ему придется горѣть въ вѣчномъ огнѣ, но, вспомнивъ о безчисленномъ множествѣ пріятныхъ, веселыхъ людей, въ компаніи которыхъ ему придется мучиться, невольно улыбается. Монахъ-духовникъ тоже не представляетъ изъ себя непріятной фигуры. Онъ самъ признается, что совершилъ грѣхъ, потому что его соблазнилъ

Лигуріо. Вотъ что онъ дѣлаетъ въ ночь, на которую назначено приведеніе въ исполненіе задуманнаго плана:

«Цѣлую ночь я не могъ сомкнуть глазъ, сгорая желаніемъ узнать, какъ выпутаются изъ этого дѣла Каллимакъ и другіе. Для препровожденія времени я обращался къ разнымъ занятіямъ: я прочелъ часы, прочелъ одно житіе, пошелъ въ церковь, зажегъ тамъ лампаду, которая потухла, перемѣнилъ покрывало на чудотворной иконѣ Мадонны; сколько разъ толковалъ я этимъ монахамъ, чтобы они держали ее въ чистотѣ, а потомъ будутъ удивляться, отчего это пропадаетъ благочестіе. Я помню время, когда у насъ было до пятисотъ иконъ, а теперь осталось только двадцать, и никто не виноватъ въ этомъ, кромѣ насъ; мы не умѣли сохранить репутацію нашего монастыря; прежде мы каждый вечеръ устраивали крестный ходъ и каждую субботу пѣли laudes, и церковь наша была полна новыми иконами; мы поощряли дѣлать обѣты на исповѣди мужчинъ и женщинъ; теперь не дѣлаютъ ничего этого и удивляются, почему дѣла идутъ плохо; ахъ, какъ мало мозгу у моихъ братьевъ!» *).

Фра Тимотео смотритъ на свое дѣло съ чисто ремесленнической точки зрѣнія и разсуждаетъ о выгодахъ и невыгодахъ своей профессіи, какъ купецъ.

Въ помѣщаемой ниже сценѣ съ прихожанкой онъ впервые появляется передъ зрителями **):

Тимотео. Если вы желаете исповѣдываться, я къ вашимъ услугамъ.

Дама. Не сегодня: меня ждутъ; я бы желала облегчить свою совѣсть такъ, мимоходомъ. Вы служили мессы Богородицѣ?

Т. Да.

Д. Возьмите этотъ флоринъ и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ служите, пожалуйста, заупокойныя мессы о душѣ моего бѣднаго мужа; хоть это былъ очень грубый человѣкъ, всетаки онъ былъ мой мужъ, и я чувствую нѣчто особенное, вспоминая о немъ. Вы думаете, онъ въ чистилищѣ?

Т. Безъ сомнѣнія.

Д. А я не увѣрена въ этомъ; вы знаете, какъ онъ обращался со мной; вы помните, какъ я вамъ жаловалась; я удалялась отъ него, сколько могла, но онъ былъ такой несносный! Ахъ, Господи!

Т. Не имѣйте сомнѣній, милосердіе Божіе велико; если у человѣка достанетъ рѣшимости, онъ всегда можетъ покаяться.

Д. Вѣрите вы, что турки въ этомъ году придутъ въ Италію?

Т. Да, придутъ, если вы не будете молиться.

Д. Боже мой, помоги намъ! Я ужасно боюсь этихъ дьяволовъ: они непремѣнно посадятъ на колъ...

Т. (*одинъ*). Женщины самыя милосердныя, но и самыя скучныя существа; отсылая ихъ, избавляешься отъ скуки, но теряешь выгоды; выслушивать ихъ выгодно, но скучно; правда, что нѣтъ меду безъ мухъ.

Когда онъ начинаетъ уговаривать Лукрецію измѣнить мужу, та сначала не вѣритъ своимъ ушамъ и спрашиваетъ его, серьезно ли онъ это говоритъ.

---

*) «Всеобщая Исторія Литературы. Подъ ред. В. Ѳ. Корша».
**) Ibidem.

Тимотео. Ахъ, Лукреція, развѣ можно шутить подобными вещами? Развѣ со вчерашняго дня вы меня знаете?

Лукреція. Нѣтъ, отецъ мой, но дѣло такъ странно, что я не слыхивала ничего подобнаго.

Т. Я вѣрю вамъ, но не хочу, чтобы вы такъ говорили. Есть много вещей, которыя издали кажутся ужасными, невозможными, странными, но посмотрите ихъ поближе,—онѣ дѣлаются человѣческими, легкими, весьма обыкновенными. Поэтому и говорятъ, что страхъ больше, чѣмъ самое зло, и наше дѣло именно такого рода... Общее правило: надо предпочитать вѣрное добро невѣрному злу... Не думайте, чтобы тутъ былъ какой-нибудь грѣхъ: погрѣшаетъ воля, а не тѣло; не исполнить воли мужа—это дѣйствительно грѣхъ, а вы исполняете его желанія и дѣйствуете противъ своей воли. Во всякомъ дѣлѣ важенъ результатъ а здѣсь результатъ будетъ тотъ, что вы пріобрѣтете мѣсто въ раю исполняя волю своего мужа и т. д. *).

Комедія «Клиція» (Clizia) гораздо слабѣе «Мандраголы» и представляетъ подражаніе «Казина» Плавта, т. е., значитъ, одной изъ слабѣйшихъ комедій талантливаго римскаго писателя. Маккіавелли перенесъ мѣсто дѣйствія во Флоренцію и довольно искусно приспособилъ интригу къ исторіи своего времени. Главныя дѣйствующія лица очерчены довольно слабо, но нѣкоторыя мѣста комедіи всетаки не лишены комическаго эффекта. Такъ, напримѣръ, очень интересенъ разсказъ о шуткѣ, сыгранной со старикомъ волокитою Никомако, и семейная сцена съ матерью Софроніей.

Третья комедія представляетъ полнѣйшую безсмыслицу, наборъ плоскихъ фразъ и приписывается Маккіавелли исключительно вслѣдствіе сходства почерковъ. Однако, довольно трудно допустить, чтобы человѣкъ, обладающій умомъ и наблюдательностью Маккіавелли, могъ написать такую галиматью.

Кромѣ этихъ комедій, Маккіавелли написалъ еще одну новеллу въ сатирическомъ духѣ. Будучи самъ женатъ довольно неудачно, онъ отмстилъ за себя и своихъ собратій по несчастной долѣ небольшой повѣстью «Бельфагоръ». Вотъ ея содержаніе:

Какой-то святой видѣлъ во снѣ слѣдующее видѣніе: вереница душъ грѣшниковъ, отправляясь въ адъ, жаловалась, что всѣ они идутъ принять мученіе изъ-за своихъ женъ. Два низшихъ дьявола доложили о случившемся своему владыкѣ Плутону, и тотъ, пожелавъ разслѣдовать дѣло, созвалъ на совѣтъ всѣхъ князей тьмы.

Черти, принявшись серьезно за дѣло, рѣшили открыть истину и расходились только въ способахъ, какъ это сдѣлать. Нѣкоторые предлагали послать на землю одного дьявола, другіе—нѣсколькихъ, чтобы испытать узы Гименея непосредственно самимъ на себѣ. Иные же думали, что не стоитъ дѣлать и этого, а взять просто извѣстное количество душъ грѣшниковъ и, подвергнувъ ихъ пыткамъ, разузнать у нихъ всю правду. Однако, большинствомъ голосовъ рѣшили сначала испробовать первый способъ. А такъ какъ охотниковъ на это дѣло не нашлось, то бросили жребій. Жребій палъ на архидьявола Бельфагора, прежде бывшаго архангеломъ. Онъ, несмотря на свое нежеланіе, не

*) Ibidem.

смѣлъ ослушаться приказанія Плутона и обѣщалъ исполнить принятыя на себя обязательства, состоявшія въ слѣдующемъ: Бельфагоръ долженъ былъ отправиться на землю въ человѣческомъ образѣ, захвативъ съ собой сто тысячъ дукатовъ, жениться по своему выбору, прожить съ женой десять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ будетъ подвергаться всѣмъ превратностямъ судьбы, какъ простой смертный, а по прошествіи назначеннаго срока ему предписывалось вернуться назадъ въ адъ и повѣдать о розахъ и шипахъ супружеской жизни людей.

Принявъ эти условія, Бельфагоръ въ сопровожденіи многочисленной свиты вступилъ на землю и прямымъ путемъ направился во Флоренцію,—этотъ городъ онъ избралъ потому, что въ немъ удобнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, заниматься ростовщичествомъ. Здѣсь онъ нанялъ домъ въ кварталѣ Всѣхъ Святыхъ и сталъ называться Родериго Кастильскій. Дабы скрыть свое происхожденіе, онъ разсказывалъ всѣмъ, что еще юношей покинулъ свою родину, Испанію, и, проживъ долгое время въ Сиріи, составилъ себѣ тамъ порядочное состояніе и теперь пріѣхалъ въ Италію съ единственнымъ намѣреніемъ жениться въ этой цивилизованной странѣ на благородной дѣвушкѣ. Онъ былъ уменъ, красивъ и молодъ, къ тому же его щедрость доказывала, что онъ былъ богатъ, а такъ какъ у многихъ знатныхъ гражданъ послѣднее качество отсутствовало, то они наперерывъ стали сватать ему своихъ дочерей.

Вскорѣ Родериго влюбился въ хорошенькую дѣвушку Онесту, дочь Америго Донати, знатнаго, но бѣднаго гражданина Флоренціи, у котораго, кромѣ этой, было еще три дочери и три сына. Родериго, какъ мы уже говорили, при выходѣ изъ ада пріобрѣлъ всѣ человѣческія слабости и потому вмѣстѣ съ прочими смертными находилъ удовольствіе въ праздности, великолѣпіи, въ льстивыхъ похвалахъ, а женившись на Онестѣ, такъ сильно влюбился въ нее, что она живо прибрала его къ рукамъ и помыкала имъ, какъ хотѣла. Ради нея онъ сталъ вести открытый образъ жизни, задавалъ у себя пиры и праздники, тратилъ громадныя деньги на ея туалеты. По ея настоянію, онъ надѣлилъ приданымъ трехъ другихъ дочерей своего благороднаго тестя, далъ заимообразно ея тремъ братьямъ кругленькія суммы для открытія торговли и въ концѣ концовъ не только истратилъ всѣ адскія деньги, но еще залѣзъ по уши въ долги и, разоренный, покинутый всѣми чертями, которые не захотѣли жить въ услуженіи у его капризной жены, принужденъ былъ бѣгствомъ спасаться отъ своихъ кредиторовъ. Однако, онъ врядъ ли избѣжалъ бы кары правосудія, если бы его не укрылъ какой-то бѣдный мужичекъ по имени Маттео.

Въ благодарность за такую услугу Бельфагоръ разсказалъ ему о себѣ всю истину и обѣщалъ обогатить мужика. Онъ началъ вселяться въ разныхъ, по преимуществу богатыхъ женщинъ, а Маттео предоставилъ право изгонять его. Бельфагоръ поочередно вселялся то въ богатыхъ флорентинокъ, то въ королевскихъ дочерей, чѣмъ дѣйствительно обогатилъ мужика. Однажды Маттео потребовали къ французскому королю, въ дочь котораго вселился Бельфагоръ. Крестьянинъ, не желая испытывать терпѣніе своего друга, отказался лечить, но флорентинское правительство чуть не силой отправило его въ Парижъ. Бельфагоръ и въ самомъ дѣлѣ на этотъ разъ велѣлъ мужику убираться прочь, король же съ своей стороны грозился повѣсить его, если онъ не изле-

читъ его дочери. Маттео, не зная, что дѣлать, рѣшился на послѣднее средство: онъ велѣлъ отслужить торжественную мессу въ присутствіи всего двора. По данному сигналу двадцать человѣкъ разомъ заиграли въ флейты и забили въ барабаны. Бельфагоръ, встревоженный этимъ шумомъ, спросилъ крестьянина, что значатъ эти приготовленія.

— Ахъ, мой бѣдный куманекъ Родериго,—отвѣтилъ Маттео,—жена твоя пріѣхала за тобой.

Не успѣлъ мужикъ кончить этой фразы, какъ Бельфагоръ покинулъ принцессу и въ ту же минуту навсегда исчезъ съ лица земли.

ГЛАВА VII.

Пьетро Аретино.

Вліяніе Аретино на своихъ современниковъ.—Его страсть къ деньгамъ.—Вымогательство. — Письма Аретино.—Его популярность. — Расточительность.—Истинная любовь.—Отношенія къ собратьямъ по перу.—Стиль Аретино.—Его комедіи.—Смерть.

Пьетро Аретино яснѣе другихъ сатириковъ доказалъ, какое громадное вліяніе можетъ оказывать на общественное мнѣніе сатира. Родившись въ бѣдной семьѣ сапожника (въ 1492 году), не получивъ почти никакого образованія, онъ достигъ такой извѣстности еще при жизни, что даже политика должна была считаться съ его голосомъ. Его могучее перо, какъ говорили друзья Аретино, имѣло силу погребать живыхъ и воскрешать мертвыхъ. Владыки и сильные міра заискивали у него, и онъ среди ихъ распрей игралъ роль независимой силы, которую каждый хотѣлъ имѣть на своей сторонѣ. Въ эпоху войнъ Карла V и Франциска I Аретино сталъ на сторону перваго, и благодарный императоръ осыпалъ его всевозможными почестями.

Но Аретино къ почестямъ и титуламъ относился болѣе чѣмъ индифферентно: главную притягательную силу для него имѣли деньги. Онъ издѣвался надъ глупой толпой, которая

Къ пустымъ чинамъ и почестямъ жадна,
Бѣжитъ изъ двери въ дверь съ поклономъ,
Чтобъ выпросить кусочекъ галуна,

хотя охотно принималъ изъявленія преданности, если они соединены были съ крупной денежной мздой.

Казалось бы, что человѣкъ съ такой безмѣрной любовью къ деньгамъ, къ роскоши при первомъ же удобномъ случаѣ поспѣшитъ устроиться у папы или у какого-нибудь маленькаго итальянскаго герцога и, осыпаемый золотомъ за свои таланты, проживетъ покойно свой вѣкъ. Между тѣмъ Аретино поступилъ на службу къ папѣ Клименту VII и, втершись къ нему въ довѣріе, вскорѣ покинулъ его, «пострадавъ за правду», и не только не пробовалъ пристроиться къ какому-нибудь другому владыкѣ, а даже отклонилъ любезныя приглашенія и переѣхалъ на жительство въ свободную, веселую Венецію. Объяснить это на первый взглядъ странное поведеніе очень легко. Аретино уже въ Римѣ прославился своимъ остроуміемъ и своими злыми сатирами, уже тамъ онъ могъ по своему желанію измѣнять общественное мнѣніе, и теперь, свободный отъ подчиненія папѣ, онъ являлся опаснымъ человѣкомъ,

который при помощи печатныхъ летучихъ листковъ, съ поразительной быстротой распространявшихся среди публики, сумѣлъ бы настроить толпу противъ кого угодно и кого угодно выставить въ смѣшномъ видѣ, надѣть на любого правителя дурацкій, шутовской колпакъ. Могущество это коварный итальянецъ сознавалъ отлично и живо догадался, что, оставаясь свободнымъ, онъ въ одно и то же время угрожалъ всѣмъ, а стало быть въ одно и то же время отъ всѣхъ могъ получать пенсіи и денежныя пособія.

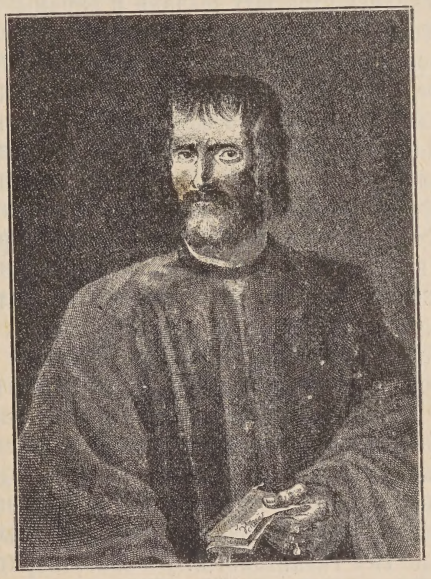
Венецію же онъ выбралъ для жительства потому, что тамъ онъ былъ огражденъ отъ всякой мести владыкъ, притомъ же этотъ городъ съ своей веселой, разнообразной, чувственной жизнью больше всего отвѣчалъ его природнымъ наклонностямъ. Въ этомъ городѣ онъ рѣшилъ вести независимую жизнь, заработывая себѣ пропитаніе «потомъ своихъ чернилъ», какъ онъ обыкновенно выражался, и на заглавныхъ листахъ сочиненій велѣлъ типографщикамъ печатать: «Божіей Милостью человѣкъ свободный» (per la grazia di Dio homo libero). И дѣйствительно, онъ зажилъ «потомъ своихъ чернилъ», но этотъ «потъ» проступалъ не отъ написанныхъ имъ книгъ, а отъ безчисленныхъ писемъ, которыя онъ разсылалъ по всему міру. Утилизируя свою репутацію злоязычника, Аретино въ широкомъ масштабѣ началъ практиковать систему вымогательствъ и выпрашиванья. Разсчетъ оказался вѣренъ: въ отвѣтъ на его то льстивыя, то угрожающія письма къ нему потекли со всѣхъ концовъ свѣта богатые дары, крупныя денежныя суммы, золотыя украшенія, серебряная утварь, богатыя матеріи и даже готовыя платья для его любовницъ.

Каждый разъ, какъ онъ знакомился съ человѣкомъ, отъ котораго можно было поживиться, онъ писалъ ему пространное письмо, сѣтуя по обыкновенію на злую судьбу, на то, что люди не хотятъ признать его геній, вслѣдствіе чего ему приходится влачить жалкое существованіе. Среди его адресатовъ фигурируютъ почти всѣ государи Италіи и другихъ странъ. Между прочимъ Барбароссѣ, адмиралу великаго султана, онъ послалъ медаль съ своимъ изображеніемъ, на что, конечно, получилъ благопріятный въ денежномъ смыслѣ отвѣтъ. Перо Пьетро Аретино готово было прославлять всякаго, кто заплатитъ, и кто больше дарилъ драгоцѣнностей, тому оно расточало больше и похвалъ. Принциповъ у Аретино не было никакихъ или, вѣрнѣе, принципы его зависѣли исключительно отъ денегъ. «Хотя мой талантъ и невеликъ,—пишетъ онъ Антонію де-Стейве,—но если вы согласитесь кормить меня тѣ двадцать или тридцать лѣтъ, которыя Господь Богъ еще даруетъ мнѣ для жизни, этого будетъ достаточно, чтобы имя ваше сохранилось слишкомъ тысячу лѣтъ». Въ другомъ письмѣ онъ признается довольно нагло, «что не слава пришпориваетъ его, а жало нужды заставляетъ его пачкать бумагу». Послѣ этого слѣдующая фраза принимаетъ новое освѣщеніе: «Какіе колоссы изъ серебра и изъ золота, не говоря уже о колоссахъ изъ мрамора и бронзы, могутъ сравняться съ тѣми изваяніями, которыя я воздвигъ папѣ Юлію, императору Карлу, королевѣ Катеринѣ и герцогу Франческо-Маріи? Они вѣчны, какъ солнце»... и затѣмъ опять признаніе: «Меня мало безпокоитъ то обстоятельство, что я лгу и хвалю тѣхъ, которые заслуживаютъ порицанія».

Эта наглая откровенность можетъ быть объяснена лишь тѣмъ, что въ концѣ Среднихъ вѣковъ и въ эпоху Возрожденія Аретино видѣлъ много людей, подобныхъ ему, гнавшихся за богатствомъ, особливо среди духовенства; недаромъ же Гильомъ Фигейрасъ, провансальскій трубадуръ, въ одной сирвентѣ противъ Рима восклицаетъ:

Римъ, изъ-за денегъ
Ты дѣлаешь гнусностей много,
И много злодѣйствъ,
И множество дѣлъ нечестивыхъ.

Слава Аретино, какъ сатирика, какъ человѣка, которому ничего не стоитъ затоптать въ грязь чужое имя, была настолько велика, что буквально ослѣпляла людей, ведшихъ съ нимъ переписку, иначе какъ они могли не замѣчать грубостей и лести, наполнявшихъ его письма? Карлу V, напримѣръ, онъ писалъ: «Достовѣрно, что какъ Богъ расширилъ міръ для того, чтобъ дать мѣсто его заслугамъ (т. е. заслугамъ Карла), такъ необходимо, чтобъ онъ взошелъ на небо, потому что пространство всего воздуха неспособно вмѣстить полетъ его славы». Императрицѣ Изабеллѣ: «Достовѣрно, что грѣшно не вѣрить и заблужеиіе— не говорить, что вы до времени были зачаты въ умѣ Господа и сохранились тамъ, пока Его воля не соединила васъ съ Августомъ». Генриху VIII онъ говоритъ, что ему не слѣдуетъ гнѣваться, если міръ не воздвигаетъ ему храмовъ и алтарей, «такъ какъ безконечное число вашихъ добродѣтелей затѣняетъ его совершенно такъ же, какъ насъ ослѣпило бы солнце, если бы природа, взявъ его съ обычнаго мѣста, помѣстила прямо передъ нашими глазами *)».



Пьетро Аретино.

Неправда ли, что подобныя похвалы болѣе похожи на насмѣшку, чѣмъ на дѣйствительныя похвалы? Но такова была сила этого «Бича царей» (il flagello dei principi), какъ назвалъ Аретино Аріосто; князья, министры, полководцы, кардиналы не только не сердятся на него, но, напротивъ, отвѣчаютъ ему въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ, въ чемъ убѣждаетъ насъ изданное Аретино собраніе его писемъ. На протяженіи шести томовъ всѣ великіе міра сего заискиваютъ, благодарятъ, восхваляютъ его. Какой-то громадный хвалебный хоръ! Его называютъ divinissimo, adorando. Микель Анджело называетъ его signore e fratello, герцогъ Мантуанскій—amico carissimo. Графъ Сталта проситъ смотрѣть

*) Гаспари, «Исторія итальянской литературы».

на него, какъ на своего слугу и сына. Даже женщины обращаются къ нему, чье имя впослѣдствіи считалось неприличнымъ произносить въ кругу цѣломудренныхъ дѣвицъ, даже женщины пишутъ ему съ почтеніемъ и преданностью. Нѣкій Игнацій изъ Фоссомброне восхваляетъ его красоту въ такихъ поэтическихъ выраженіяхъ, что для передачи ихъ мы не находимъ ничего лучшаго, какъ привести стихи Гейне съ измѣненіемъ, конечно, имени:

Съ прекрасной гордостью во всѣхъ чертахъ лица,
На лбу съ печатью мысли ясной,
Могъ покорять себѣ людскія всѣ сердца
Петръ Аретинъ, пѣвецъ прекрасный.

Среди писемъ есть и такія, въ которыхъ корреспонденты просятъ Аретино о заступничествѣ, о покровительствѣ или благодарятъ за полученныя благодѣянія. Популярность Аретино была огромная, въ его домъ стекались отовсюду рыцари и бароны, студенты и священники, монахи и солдаты. Одни приходили взглянуть на знаменитаго сатирика, другіе—просить у него помощи, совѣта. «Ступени моего крыльца,—говоритъ Аретино съ обычной своей кудреватостью,—болѣе истерты, чѣтъ мостовая Капитолія колесами тріумфальныхъ колесницъ». Портреты его были очень распространены среди публики, они попадались на фасадахъ домовъ, на рамахъ зеркалъ, на домашней утвари. Разные предметы назывались его именемъ: такъ, напримѣръ, въ то время были аретинскія вазы и аретинская порода лошадей. Три дѣвушки, жившія въ его домѣ и впослѣдствіи сдѣлавшіяся куртизанками, присвоили себѣ имя аретинянокъ; каналъ, близъ котораго находился домъ Пьетро Аретино, назывался въ честь его il rio dell Aretino; въ литературѣ говорилось про аретинскій стиль; площадные пѣвцы и жонглеры прославляли его въ своихъ пѣсняхъ и разсказывали о немъ анекдоты.

Это, безъ сомнѣнія, очень льстило сатирику, и онъ, чтобы поддержать свое реноме, дѣлалъ все отъ него зависящее. Онъ помогалъ всѣмъ прибѣгающимъ къ нему за помощью, не вдаваясь въ строгій разборъ нравственныхъ качествъ обращающагося за помощью лица. Бандитъ, поэтъ, ученый—всѣ находили у него открытый кошелекъ, лишь бы это былъ человѣкъ талантливый. Въ благотворительности Аретино не зналъ предѣловъ, какъ и во всемъ. Громадныя суммы, получаемыя имъ съ разныхъ концовъ свѣта, текли у него сквозь пальцы и исчезали съ тою же легкостью и быстротою, съ какой получались, и нерѣдко у него самого не оставалось ни гроша. Эта расточительность дѣлаетъ его нѣсколько схожимъ съ Панургомъ, который въ нѣсколько недѣль прокучиваетъ королевство. Въ домѣ Аретино жила цѣлая толпа прихлебателей и красивыхъ молоденькихъ дѣвушекъ, присматривавшихъ за хозяйствомъ и составлявшихъ гаремъ хозяина. Безумные пиры устраивались чуть не ежедневно. Самъ Аретино одѣвался роскошно и такъ же роскошно наряжалъ и своихъ любовницъ. «Для моей необузданной щедрости не хватилъ бы монетъ всего міра», говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ Якобо Сансовило.

Онъ ничего не скопилъ и послѣ смерти отъ него не осталось никакого наслѣдства. Въ этомъ отношеніи онъ руководствовался принципомъ, чуть ли не единственнымъ, которому не измѣнилъ въ продолженіе всей своей жизни, а именно брать жизнь прямо, какъ она есть, и наслаждаться ею широко и безъ колебаній.

Мертвый въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!

Онъ же это называлъ «il vivere risolutamente». И всю жизнь, до послѣднихъ дней, испытывалъ жажду наслажденій и умѣлъ ихъ изобрѣтать, никогда не помышляя отказывать себѣ въ чемъ-либо. Онъ всю жизнь открыто прославлялъ чувственность и развратъ, и венеціанскія куртизанки находили въ немъ всегда друга и совѣтчика. И всетаки, несмотря на свой легкій взглядъ на любовь, Аретино, будучи уже сорокапятилѣтнимъ мужчиной, не избѣгъ сильной и искренней страсти. Этотъ селадонъ, этотъ неисправимый бонвиванъ влюбился въ нѣкую Пьерину Пиррія, пріѣхавшую къ нему по дѣлу мужа. Пьетро говоритъ о ней, какъ о воплощеніи красоты и граціи, оставляетъ ее у себя и живетъ съ ней, какъ мужъ съ женой. Всѣ домашніе относятся къ ней съ полнымъ уваженіемъ, а самъ счастливый любовникъ, какъ говорится, души въ ней не чаетъ. Когда она захворала, онъ въ продолженіе тринадцати мѣсяцевъ буквально не отходилъ отъ нея. Но Пьерина, выздоровѣвъ, отплатила ему черной неблагодарностью, убѣжавъ изъ дома съ молодымъ любовникомъ. Аретино былъ возмущенъ и объявилъ безуміемъ всякую любовь, но когда бѣглянка снова вернулась къ нему больная, въ послѣдней степени чахотки, у него не хватило духа отказать ей въ пріютѣ, и она черезъ нѣсколько времени скончалась у него на рукахъ. Эта трагическая, короткая исторія вноситъ серьезный элементъ въ легкомысленную жизнь Аретино.

Пьетро вообще относился съ отеческой заботливостью къ своимъ любовницамъ и даже называлъ ихъ своими дочерьми. Онъ обыкновенно старался выдать ихъ замужъ, «пристроить къ мѣсту», если только онѣ уже раньше не были пристроены, и, что комичнѣе всего, пекся о томъ, чтобы супруги оставались имъ вѣрны.

Отношенія къ собратьямъ по перу у него были тоже довольно своеобразны. Самъ Пьетро не былъ, какъ мы уже сказали, образованъ и даже не былъ начитанъ, поэтому ученыхъ онъ недолюбливалъ и называлъ ихъ педантами. Онъ бранилъ рабство и подражательность, которыя тогда царили въ литературѣ. Школу онъ естественно не любилъ, такъ какъ она выпускала буквоѣдовъ и педантовъ, а педантизмъ, по его мнѣнію, породилъ все зло и произвелъ расколъ въ вѣрѣ. Онъ всегда стоялъ за искренность и естественность, но только на словахъ, на практикѣ же часто у него выходило разногласіе съ самимъ собой. Такъ, выдавая себя за апостола правды, за защитника разума и врага всякой искусственности и лицемѣрія, онъ нерѣдко ради выгодъ личныхъ, конечно,—иныхъ онъ не признавалъ,—поступался своими взглядами. Онъ льстилъ писателямъ такъ же безсовѣстно, какъ льстилъ вельможамъ и царямъ, хотя въ душѣ презиралъ и тѣхъ, и другихъ. Но, желая быть популярнымъ и добиваясь всеобщаго уваженія, онъ часто расхваливалъ того или другого литератора съ единственной цѣлью, что тотъ отплатитъ ему тою же монетою.

Кукушка хвалитъ пѣтуха
За то, что хвалитъ онъ кукушку.

Однако, если въ обмѣнъ на свои похвалы онъ встрѣчалъ недостатокъ въ уваженіи къ собственной персонѣ, тогда вмѣсто льстивыхъ выраженій сыпался градъ угрозъ, а иногда на провинившагося прямо выливался ушатъ литературныхъ помоевъ. Бернардо Тассо, напримѣръ, въ предисловіи къ собранію своихъ писемъ сдѣлалъ, между прочимъ, замѣчаніе, что на народномъ итальянскомъ языкѣ почти нѣтъ образ-

цовыхъ писемъ. Аретино, выпустившій незадолго передъ тѣмъ свои письма, счелъ это замѣчаніе за личное оскорбленіе и въ длинномъ письмѣ къ Бернардо обрушился на него всею тяжестью своего ѣдкаго остроумія. Онъ упрекалъ его за то, что тотъ, занимаясь всецѣло собой, не замѣчаетъ окружающаго и что, собственно говоря, самъ-то онъ, Бернардо, рѣшительно ничего не понимаетъ въ эпистолярномъ искусствѣ и новаго въ этомъ родѣ ничего не произвелъ, а рабски копируетъ его, Аретино. Впослѣдствіи, когда Бернардо передалъ ему въ даръ сто скуди, Аретино примирился съ нимъ и снова сталъ величать его «единственнымъ».

Въ XVI столѣтіи литературные враги боролись другъ съ другомъ всевозможнымъ оружіемъ, въ ходъ пускалась самая низкая клевета и всѣ способы, ведущіе вѣрно къ цѣли, считались приличными. Аретино въ этомъ отношеніи держался даже, пожалуй, лучше и благороднѣе другихъ. Въ минуту раздраженія онъ дѣйствительно могъ дойти до чудовищныхъ гиперболъ, но спустя немного времени, поостывъ, онъ умолкалъ и только изрѣдка снисходилъ до презрительныхъ замѣчаній о своихъ врагахъ.

Пьетро Аретино, высмѣивая петраркистовъ за ихъ страсть къ классическимъ оборотамъ и пародируя миѳологическіе образы, самъ нерѣдко уснащалъ свой языкъ витіеватыми, оригинальными метафорами. Въ то время, когда онъ выступилъ на литературное поприще, въ Италіи господствовала напыщенная школа Серафино, и Аретино остался ей вѣренъ до самой смерти. Какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ Аретино вездѣ замѣтно сходство съ манерой этого лирика. Но Пьетро, пожалуй, даже перещеголялъ его причудливостью своихъ образовъ. «Еслибъ я не боялся, — пишетъ онъ къ герцогинѣ Урбинской,— смутить воздухъ вашей скромности золотыми облаками почестей, которыя вамъ приличествуютъ, я не могъ бы удержаться отъ того, чтобы не распространить на окнахъ зданія славы тѣхъ свѣтлыхъ одѣяній, которыми рука похвалы украшаетъ спину именъ, даруемыхъ молвою созданіямъ превосходнымъ» *). Въ этомъ образномъ выраженіи что ни слово, то олицетвореніе; до такой способности надѣлять абстракціи и неодушевленныя вещи частями и дѣятельностью живыхъ существъ не дошли еще и наиболѣе ретивые современные декаденты.

Аретино говоритъ о «плечахъ сердца», о «груди духа», о «пальцахъ чернилъ», о «потѣ чернилъ, свѣтъ которыхъ не можетъ быть погашенъ вѣтромъ злобы или затемненъ облакомъ зависти». Однако, здѣсь слѣдуетъ сдѣлать маленькую оговорку: Аретино вдавался въ вычурность главнымъ образомъ только въ письмахъ къ высокопоставленнымъ особамъ, отъ которыхъ онъ намѣревался что-либо выудить, въ письмахъ же къ друзьямъ и въ сочиненіяхъ слогъ его хотя и богатъ гиперболами и сравненіями, тѣмъ не менѣе почти всегда остается естественнымъ, а иногда достигаетъ даже необыкновенной силы и выразительности. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ его письма къ Дольге: «Я говорю тебѣ и повторяю, что поэзія есть капризъ природы въ ея веселости, основывающейся на собственномъ вдохновеніи, такъ что, если въ этомъ послѣднемъ окажется недостатокъ,

*) А. Гаспари, «Исторія итальянской литературы».

поэтическое пѣснопѣніе превратится въ тамбуринъ безъ погремушекъ и въ колокольню безъ колокола» **).

Аретино въ молодости занимался художествомъ и хотя не достигъ въ этомъ искусствѣ совершенства, зато считался однимъ изъ выдающихся художественныхъ критиковъ. Его мнѣніемъ очень дорожили даже такіе художники, какъ Тиціанъ и Микель Анджело. Вообще Пьетро обладалъ немалыми природными талантами, хотя и не создалъ ничего великаго, такъ какъ это было невозможно при его манерѣ работать. Литературой онъ, напримѣръ, занимался весьма мало и посвящалъ писанію всего два утреннихъ часа. Работалъ же онъ съ невѣроятной быстротой и почти никогда ничего не передѣлывалъ и не переправлялъ, находя такое занятіе унизительнымъ для своего генія. Комедіи «La Cortegiana» и «Il Marescallo» отняли у него всего десять дней. Первая часть «Raggionamenti» была написана въ восемнадцать дней. Недаромъ же онъ говаривалъ, что если бы посвящалъ работѣ только треть того времени, которое тратилъ на удовольствія, то типографскіе станки всей Италіи печатали бы только его произведенія. Свои сочиненія онъ сравнивалъ съ художественными набросками, которые знатоками часто цѣнятся болѣе, чѣмъ гладко выписанныя полотна.

Конечно, отъ такой быстроты прежде всего пострадали его стихи. Разные хвалебные сонеты отличаются тою же витіеватостью, какую мы находимъ и въ его письмахъ. Многіе стансы представляютъ изъ себя одну сплошную напыщенную риторику. Въ нихъ онъ съ комическимъ паѳосомъ восхваляетъ анатомическія подробности своихъ любовницъ, призываетъ на нихъ благословеніе неба и приглашаетъ землю, море, боговъ и нимфъ преклониться предъ ихъ красотой.

«Raggionamenti» или «Dialoghi» дѣйствительно производятъ впечатлѣніе быстраго наброска. Главными героями являются три неизмѣнныхъ типа: блудница, сводница и распутникъ. Аретино съ полнымъ знаніемъ дѣла вводитъ насъ въ міръ порока и разврата и разсказываетъ цѣлый циклъ скандальныхъ анекдотовъ. Бесѣды происходятъ въ Римѣ, самомъ развратномъ городѣ Италіи въ то время. Нѣкая Нанна колеблется, незная, что сдѣлать изъ своей дочери Пинны: отдать ли ее въ монастырь, выдать ли замужъ или приготовить изъ нея хорошую куртизанку. Въ свое время сама Нанна испробовала на опытѣ всѣ три дороги и знаетъ выгоды каждаго положенія. Наконецъ она рѣшаетъ предоставить выборъ самой дочери, и когда та принимаетъ благородное рѣшеніе сдѣлаться куртизанкой, добрая мать начинаетъ поучать ее, какъ она должна обращаться съ коварнымъ мужскимъ поломъ, и знакомитъ ее съ ухищреніями и уловками женщинъ ея профессіи. Въ это время кума Нанны посвящаетъ старую кормилицу во всѣ тонкости искусства сводничества. Все это составляетъ двѣ первыя части и два первыхъ дня «Діалоговъ». Разговорная манера воспроизведена въ нихъ неподражаемо. Рѣчи присутствующихъ пересыпаны поговорками, образными выраженіями, которыми такъ богаты фразы простонародья. Если судить объ обществѣ, объ его нравственности по этимъ діалогамъ, то можно думать, что испорченность людей была прямо таки невѣроятной, безмѣрной. Честность сохранилась только у бѣдныхъ швей и работницъ, ко-

---

**) Ibidem.

торыхъ блескъ золота соблазняетъ не такъ сильно. Но Аретино, безъ сомнѣнія, сгустилъ краски и подъ предлогомъ рисовать жизнь, какъ она есть на самомъ дѣлѣ, написалъ большую порнографическую картину. Третій день «Діалоговъ» трактуетъ о дворахъ и карточной игрѣ. Многіе другіе діалоги Аретино слишкомъ неприличны, чтобы ихъ можно было пересказывать, а поэтому мы, оставляя этотъ родъ его произведеній, переходимъ къ комедіямъ.

Комедіи Аретино носятъ всѣ сатирическій характеръ, а фигуры хотя очерчены и грубо, но отчетливо. Онъ, какъ уже упоминалось нами, имѣлъ самыя скудныя познанія въ древности, поэтому его комедіи почти всѣ самостоятельны, всѣ онѣ написаны, повидимому, безъ плана и безъ усилій. Передъ глазами проходитъ цѣлый рядъ людей и дѣятелей той эпохи: придворные, любовники, глупцы, корчащіе изъ себя ученыхъ, хвастливые солдаты и опять, какъ въ діалогахъ, сводницы, блудницы, распутники.

Въ комедіи «Marescallo» герцогъ Мантуанскій продѣлываетъ шутку надъ своимъ кузнецомъ. Кузнецъ представляетъ завзятаго женоненавистника, но окружающіе предполагаютъ въ немъ другія наклонности, и герцогъ, призвавъ его къ себѣ, объявляетъ, что хочетъ его женить на богатой и красивой дѣвушкѣ. Вернувшись назадъ, кузнецъ приходитъ въ отчаяніе и сердится еще больше, когда придворные приходятъ поздравлять съ выпавшимъ на его долю счастьемъ. Старая кормилица старается утѣшить его и рисуетъ ему блаженство супружеской жизни, но женатый пріятель кузнеца, Амброджіо, говоритъ ему всю правду и въ черныхъ краскахъ рисуетъ ему все низкое, грустное положеніе мужа, брань и крики женъ. Но графъ и придворные то угрозами, то ласками заставляютъ его согласиться, и, наконецъ, свадьба совершается. Кузнецъ съ болью въ сердцѣ произноситъ свое «да», педантъ говоритъ рѣчь, новобрачные цѣлуются, и молодая жена, разоблачившись, оказывается молоденькимъ пажомъ графа Карло изъ Фало. Эта комедія имѣла большой успѣхъ, главнымъ образомъ, потому, что была заимствована изъ дѣйствительной жизни и зрители знали хорошо всѣхъ главныхъ героевъ комедіи.

«Куртизанка» написана на болѣе серьезную тему и въ ней ясно видна цѣль бичевать пороки и распутную жизнь папскаго двора. Въ этой комедіи переплетаются между собой два самостоятельные сюжета. Въ Римъ пріѣзжаетъ Мако, ученый дуракъ, цитирующій латинскихъ поэтовъ, и хочетъ добиться кардинальской шапки. Съ нимъ знакомится художникъ Андреа и, узнавъ объ его намѣреніи, начинаетъ знакомить его съ тѣми вещами, которыя будто бы необходимо знать человѣку придворному. При ихъ перечисленіи художникъ изображаетъ римскій дворъ, какъ скопище развратныхъ и распутныхъ людей. Другой сюжетъ слѣдующій: нѣкто Параболано влюбленъ въ Ливію; слуга его Россо, уговорившись предварительно со сводницей, ведетъ его не къ возлюбленной, а къ женѣ булочника. Когда обманъ обнаруживается, патрицій сперва сердится, но затѣмъ обращаетъ все дѣло въ шутку и заставляетъ булочника принять обратно свою жену.

Говорятъ, успѣхъ комедіи былъ такъ великъ, что Мако, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, взятый изъ дѣйствительной жизни и проживавшій въ то время въ Венеціи, долженъ былъ, во избѣжаніе на-

смѣшекъ надъ собой, переѣхать въ другую мѣстность. Особенно ярко въ «Куртизанкѣ» обрисованъ типъ Альвиджіи. Видя себя въ бѣдѣ, она начинаетъ молиться и давать обѣты. Въ комедіи «Ipocrito» Аретино выводитъ типъ лицемѣра, ханжи и святоши, который, видя, что паразитствомъ не много заработаешь, прикидывается Тартюфомъ, восхваляетъ добродѣтели своего господина, носитъ почти монашеское одѣяніе, а потихоньку занимается сводничествомъ, чѣмъ, какъ говорятъ о немъ старухи, отбиваетъ хлѣбъ у женщинъ. Онъ не играетъ въ комедіи главной роли, но является наиболѣе жизненнымъ въ ней лицомъ, такъ какъ остальныя дѣйствующія лица очерчены довольно слабо и говорятъ о любви черезчуръ напыщеннымъ языкомъ, напоминающимъ письма Аретино.

«Таланта» похожа на многія другія комедіи съ переодѣваніями. Куртизанка Таланта получаетъ въ даръ отъ двухъ любовниковъ раба и рабыню, которые, сами того не зная, оказываются впослѣдствіи братомъ и сестрой. Перерядившись она въ мужской, а онъ въ женскій костюмы, рабы убѣгаютъ обратно къ своимъ хозяевамъ, съ сыномъ и дочерью которыхъ они тайно сочетались бракомъ. Въ это время послѣ долгихъ поисковъ ихъ находитъ отецъ и объясняетъ, кто они такіе. Таланта, съ своей стороны, получаетъ удовлетвореніе: старики больше не надоѣдаютъ ей своимъ ухаживаніемъ и возлюбленный ея Орфино, прежде отвергнутый, снова пріобрѣтаетъ ея благосклонность. Въ этой комедіи очень интересны многія подробности, какъ, напримѣръ, то мѣсто, гдѣ венеціанецъ Верголо, странствуя по Риму верхомъ на мулѣ, управляетъ имъ, какъ гондолой, или сцена, когда Таланта снова завлекаетъ въ свои сѣти Орфино и заставляетъ подарить ей драгоцѣнности. Въ комедіяхъ Пьетро вообще часть драматическая гораздо слабѣе эпизодической. Почти въ каждомъ дѣйствіи у него появляются характерныя уличныя фигуры: мы видимъ, какъ ссорятся слуги, какъ они шутятъ и устраиваютъ разныя продѣлки.

Въ «Философѣ» для усиленія интереса мы опять сталкиваемся съ двумя драматизированными новеллами, которыя ничего общаго между собой не имѣютъ. Первый сюжетъ является заимствованной изъ Боккаччіо новеллой о похожденіяхъ Андреуччіо. Здѣсь очень естественно и живо переданы рѣчи воровъ и бесѣда съ куртизанкой. Въ другомъ разсказѣ героемъ является философъ Платористотиле, погруженный въ свои книги и совершенно пренебрегающій женой. Замѣтивъ однажды, что она ему измѣняетъ, онъ хочетъ поймать ее, но, къ своему великому изумленію, застаетъ вмѣсто любовника осла. Философъ спѣшитъ раскаяться и обѣщаетъ отнынѣ быть безупречнымъ мужемъ. Эффектна сцена, когда подруга жены мудреца разсказываетъ негодующему папѣ о мужьяхъ, забывающихъ о своихъ супружескихъ обязанностяхъ. Въ длинномъ обстоятельномъ разсказѣ она рисуетъ правдивую картину мелкихъ семейныхъ непріятностей, происходящихъ отъ жестокости и забывчивости мужей по отношенію къ своимъ бѣднымъ женамъ.

Вотъ краткій пересказъ всѣхъ комедій Аретино. Во всѣхъ въ нихъ онъ реальнѣе всего набросалъ эпизодическія лица; развить глубже характеры у Аретино не было возможности при той быстротѣ, съ которой онъ работалъ, но тамъ, гдѣ нѣсколькими штрихами требовалось на-

бросать живой образъ, этотъ оригинальный сатирикъ выказывалъ поистинѣ изумительный талантъ.

Кромѣ стиховъ и комедій, Аретино написалъ еще нѣсколько сочиненій на духовные сюжеты, вслѣдствіе чего онъ былъ твердо увѣренъ, что ему было уготовано мѣсто въ раю.

Въ послѣдніе годы жизни Аретино примирился съ папскимъ дворомъ и даже получилъ приглашеніе пріѣхать въ Римъ къ папѣ Юлію III, который былъ его землякомъ. Путешествіе въ Римъ вмѣстѣ съ герцогомъ Урбинскимъ было послѣднимъ тріумфомъ Аретино. Папа встрѣтилъ его очень радушно и даже поцѣловался съ нимъ, но даръ, который поднесли Аретино, показался ему слишкомъ ничтожнымъ, и онъ, огорченный, вернулся обратно въ Венецію, хотя ему была обѣщана кардинальская шапка.

Аретино умеръ въ томъ именно году, который предсказалъ ему одинъ изъ его литературныхъ враговъ. Смерть его послѣдовала 21 октября 1556 г. вслѣдствіе паденія со стула въ то время, какъ кто-то разсказывалъ ему скабрезные анекдоты объ его сестрахъ.

Вмѣстѣ со смертью этого грознаго «бича царей» умерла и слава Аретино, какъ писателя, и спустя короткое время имя его уже рѣдко произносилось въ обществѣ, отчасти потому, что враги постарались предать его забвенію, отчасти же потому, что нравы перемѣнились и сочиненія его были занесены въ index запрещенныхъ книгъ.

ГЛАВА VIII.

Іоганнъ Фишартъ.

Біографическія свѣдѣнія.—Сатиры на духовныхъ.—Подражанія Рабле.—Переводъ романа «Гаргантюа и Пантагрюель».—Мелкія произведенія.—«Блошиная травля».—«Счастливый корабль».—Стиль и особенности языка Фишарта.

Поэма о Рейнеке-Лисѣ, о которой мы уже говорили въ январьской книгѣ «Вѣстника», вызвала множество подражаній и произвела въ Германіи нѣсколько недюжинныхъ сатириковъ. Среди нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ геніальный Іоганнъ Фишартъ. Къ сожалѣнію, о жизни этого писателя до сихъ поръ извѣстно очень немного, несмотря на кропотливыя и настойчивыя изслѣдованія нѣмецкихъ ученыхъ.

Фишартъ, какъ полагаютъ, родился въ Майнцѣ, откуда произошло его прозвище «Ментцеръ», въ серединѣ XVI столѣтія, что тоже установлено лишь по догадкамъ. Начало его литературной дѣятельности относятъ къ 1570 году. Въ 1574 году онъ получилъ въ Базельскомъ университетѣ званіе доктора правъ и затѣмъ, въ качествѣ адвоката или судьи, достовѣрно неизвѣстно, жилъ попеременно въ Страсбургѣ, Шпейерѣ и Саарбрюкенѣ. Онъ много путешествовалъ, былъ въ Англіи и Франціи, и, слѣдовательно, могъ на мѣстѣ изучить англійскій и французскій языки, а также и литературу этихъ странъ.

Во время своей довольно продолжительной литературной дѣятельности, обнимающей періодъ отъ 1570 до 1590 года, т. е. до года его смерти, Фишартъ испробовалъ свои силы во многихъ литературныхъ формахъ и всегда съ большимъ успѣхомъ. Онъ оставилъ послѣ себя значительное число произведеній, написанныхъ прозою и стихами, проникнутыхъ неподдѣльнымъ, хотя нѣсколько и грубоватымъ юморомъ. Въ своихъ ѣдкихъ сатирахъ онъ остроумно вышучивалъ современное ему общество и духовенство, нещадно бичуя пороки, которые, по его собственному выраженію, безчисленны, «какъ небесныя звѣзды и морскіе пески».

Фишартъ былъ горячимъ поклонникомъ Лютера и другомъ Кальвина, а потому свои первыя сатирическія стрѣлы направилъ на защиту протестантизма. Въ 1570 году онъ выпустилъ своего «Ночного Ворона» (Nachtrabe), сатиру противъ нѣкоего Якова Рабе, измѣнившаго ученію Лютера и возвратившагося въ католицизмъ. Вскорѣ затѣмъ онъ написалъ «Пререканіе босоногихъ сектъ», небольшую книжечку, гдѣ зло высмѣивалъ монашескіе ордена францисканцевъ и доминиканцевъ. Самой популярной изъ его сатиръ противъ духовенства была передѣлка голландской книжки «Улей римскаго пчелинаго роя» и цѣлый рядъ сатирическихъ произведеній, направленныхъ противъ новооснованнаго въ то время ордена іезуитовъ, которыхъ онъ называетъ Jesuwider (противники Христа) Suiten (отъ лат. слова sus—свинья), учениками Игнатія Lugiovoll, т. е. Полнаго лжи.

Іоганнъ Фишартъ.

Побывавъ во Франціи, Фишартъ вернулся оттуда весь проникнутый духомъ и идеями своего великаго современника Франсуа Рабле и сталъ во многомъ подражать ему. Такъ, въ подражаніе Рабле имъ написана была «Бабушка всякой практики», книжка, гдѣ онъ высмѣиваетъ страсть общества къ астрологіи, къ разнаго рода гаданіямъ и предсказаніямъ, а затѣмъ перевелъ романъ «Гаргантюа и Пантагрюель». Впрочемъ, это произведеніе можно считать самостоятельнымъ, потому что Фишартъ обращался съ сюжетомъ очень свободно и придерживался подлинника только въ главныхъ чертахъ. Между прочимъ, онъ очень увеличилъ первыя главы знаменитаго романа Рабле, которыя и въ подлинникѣ можно считать самыми слабыми, такъ какъ рядъ цифровыхъ данныхъ, ссылки на миѳологію утомляютъ читателя и уменьшаютъ эпическій интересъ разсказа. Само заглавіе романа Фишарта носитъ непереводимое названіе и можетъ быть передано приблизительно такъ: «Изумительно-чудовищно-ужасное сцѣпленіе исторій о дѣлахъ и совѣтахъ не такъ давно описанныхъ героевъ и господъ Грангошье Горгеллантуа и вѣчно жаждущаго князя Пантагрюеля изъ Опиваль-

ной страны, короля Утопіи Повсюднаго и Небывалаго царства, а также новыхъ Канарскихъ, Диподскихъ и Пьянственныхъ островов и великаго князя Мрачно-Туманной страны, разсказанное по-французски господиномъ Францемъ Рабле, теперь же преужасно весело перелитое въ нѣмецкую форму Гульдрихомъ Эллопосклерономъ (греческій переводъ фамиліи Фишарта)».

Главная цѣль этого перевода была, конечно, сатира, если только можно назвать сатирой всю эту безформенную массу комическихъ намековъ, игру словъ, присказокъ, пословицъ, поговорокъ, замѣтокъ объ играхъ, модахъ, кушаньяхъ, сваленныхъ въ одну кучу безъ опредѣленнаго порядка, съ единственнымъ желаніемъ нагромоздить какъ можно больше всякой всячины и заставить читателя хохотать до упаду. Только нѣкоторыя главы имѣютъ болѣе или менѣе ясную тенденцію, по которымъ можно видѣть, что романъ написанъ не площаднымъ шутомъ, а образованнымъ гуманистомъ. Такъ, Фишартъ, подобно Рабле, высказываетъ свой взглядъ на воспитаніе дѣтей, предостерегаетъ отъ увлеченія крайностями, смѣется надъ людьми, гордящимися древностью своего родословнаго древа, бичуетъ невоздержанность и роскошь въ одеждѣ и противопоставляетъ плебейскую народную рѣзкость и грубость аристократической романтической вычурности. Этимъ сочиненіемъ Фишартъ отдалъ дань, конечно, исключая серьезныя главы романа, площадному юмору, который, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, въ то время нашелъ большое распространеніе среди низшихъ классовъ общества, а иногда проникалъ и въ высшія его сферы.

Фишартъ хлесталъ бичемъ своего остроумія повсюду, гдѣ находилъ что-либо, заслуживающее порицанія, и ради этого онъ не стѣснялся заимствовать у другихъ писателей. Такими заимствованіями и подражаніями является его «Подаграммическая утѣшительная книжка», трактующая «о судорого-членной ногощекотальницѣ» и «Брако-дисциплинная книжка» *).

Однако, ни въ этихъ книгахъ, ни въ духовныхъ сатирахъ не высказались блестящія качества его таланта съ такой полнотой, съ какой мы находимъ ихъ въ одномъ изъ лучшихъ его произведеній, въ «Блошиной травлѣ», написанной съ задорнымъ и вмѣстѣ добродушнымъ юморомъ. Фабула стихотворенія очень проста и несложна и нужно только удивляться, какъ могъ поэтъ на такой бѣдный сюжетъ написать болѣе четырехъ тысячъ стиховъ, при этомъ ни на одну минуту не утомляя читателя. Нужно сознаться, что въ поэмѣ недостаетъ искусной композиціи, но зато этотъ недостатокъ съ лихвой искупается внутренней ея красотой.

Повинуясь полету своей фантазіи, Фишартъ часто отдаляется отъ главной темы и, перепархивая съ предмета на предметъ, раздаетъ по старой памяти щелчки своимъ исконнымъ врагамъ: католическому духовенству и безнравственному обществу. Особенно усердно насмѣхается онъ надъ женщинами и попами; при этомъ нужно замѣтить, что за каждой насмѣшкой скрывается серьезная цѣль. Здѣсь нерѣдко можно наткнуться на вѣрное сужденіе, на блестящую сентенцію, а въ

*) «Всеобщая исторія литературы» Шерра.

непринужденномъ юморѣ слышится искренній, веселый нравъ писателя.

Въ посвященіи къ своей «Блошиной травлѣ» Фишартъ высказываетъ надежду, что этой книжечкой онъ заслужитъ симпатіи какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Мужчины станутъ его уважать за то, что блохи не будутъ больше кусать ихъ женъ, а женщины потому, что онъ научилъ ихъ, какъ истреблять этихъ коварныхъ насѣкомыхъ. «Эта книжка сдѣлается необходимостью въ каждомъ домѣ,—говоритъ онъ дальше,—и типографщикъ никогда не напечатаетъ ея въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ. Она будетъ пользоваться такимъ почетомъ, что ее, навѣрное, поставятъ рядомъ съ катехизисомъ и переплетутъ въ красивый переплетъ».

Вся поэма дѣлится на три части; первая носитъ слѣдующее названіе: «Возобновленная блошиная жалоба на женскія обиды»; вторая: «Вынужденный отвѣтъ женщинъ на неприличную жалобу блошиной толпы», и затѣмъ третья, самая маленькая, называется: «Рецептъ противъ блохъ» и стихотвореніе «О причинахъ блошиной битвы».

Первая часть написана въ формѣ діалога и содержитъ въ себѣ разговоръ мухи съ блохой. Муха, сидя въ комнатѣ, услышала доносящіеся къ ней изъ противоположнаго угла стоны и крики. Заинтригованная этимъ обстоятельствомъ, муха отправилась посмотрѣть, и глазамъ ея представилось ужасное зрѣлище: блоха съ переломанными и оторванными ногами, съ вывихнутою шеей лежала на полу чуть живая и жаловалась Юпитеру на людскую жестокость. Люди, по ея мнѣнію, неблагодарныя твари; они приставляютъ къ своему тѣлу піявокъ, чтобы тѣ высасывали изъ нихъ дурную кровь, а когда эту услугу имъ хотятъ оказать блохи, они ловятъ ихъ и «казнятъ на ногтѣ», а между тѣмъ гораздо лучше имѣть дѣло съ блохами, чѣмъ съ піявками, которыя водятся на днѣ мелкихъ, грязныхъ ручьевъ. Къ тому же укусъ блохи оставляетъ послѣ себя лишь маленькое красное пятнышко, которое на блѣдной щекѣ можетъ отлично сойти за румянецъ, слѣдовательно, блохи служатъ блѣднолицымъ вмѣсто румянъ или другихъ какихъ-либо косметическихъ средствъ. Муха, сочувственно выслушавъ эти жалобы, съ своей стороны замѣтила, что имъ всѣмъ вообще плохо живется и что мухъ, напримѣръ, маленькіе мальчишки нанизываютъ на булавки, а взрослые люди, и особенно священнослужители, любятъ истреблять ихъ, беззащитныхъ, хлопушками; кромѣ того, у мухъ есть вѣчный врагъ—паукъ. Но, по мнѣнію блохи, всѣ пауки ничто въ сравненіи съ женщинами, сѣтей которыхъ невозможно избѣжать. Онѣ не только сами охотятся за бѣдными насѣкомыми, но пріучаютъ къ этому же и дѣтей, заставляя ихъ такимъ образомъ съ малыхъ лѣтъ умерщвлять живыя существа, отъ чего тѣ впослѣдствіи становятся жестокими, а иногда и убійцами. О женской хитрости и женскомъ коварствѣ блоху, какъ единственнаго и неопытнаго сына, не разъ предупреждали родители. Такъ, съ блошиной точки зрѣнія, женщины нарочно украшаютъ бантами свое бѣлье, потому что въ складкахъ этихъ бантовъ любятъ поселяться блохи и, конечно, легко попадаютъ затѣмъ въ дамскія ручки. Въ Бельгіи, напримѣръ, служанки дѣлаютъ въ карманахъ большія прорѣхи, чтобы, не отрываясь отъ дѣла, можно было поймать блоху.

И всетаки, несмотря на всѣ родительскіе совѣты, блоха попалась. Вотъ какъ это случилось. Какъ-то разъ она заползла въ богатый барскій домъ и тамъ въ одной изъ комнатъ ей представилось невиданное дотолѣ зрѣлище. На богатой мягкой кровати, покрытой бѣлоснѣжной простыней сидѣла молодая дѣвушка въ одной рубашкѣ. Блоха поразилась нѣжностью кожи дѣвушки и разгорѣлась сильнымъ желаніемъ испробовать ея крови. Но какъ ни старалась, какія средства ни изобрѣтала, она не могла придумать, какъ попасть на ея кровать, забраться же въ платье тоже не было никакой возможности, ибо всѣ принадлежности туалета дѣвушки не валялись гдѣ попало, какъ это она обыкновенно привыкла видѣть, проживая постоянно у прислуги, но были развѣшаны въ большомъ порядкѣ на вѣшалкѣ. Долго сидѣла блоха, смотря издали на тѣло аристократки, и, наконецъ, ни съ чѣмъ отправилась обратно. Дома блоху встрѣтили мать и отецъ и, увидѣвъ, что сынъ ихъ чѣмъ-то встревоженъ, начали его допрашивать. Блоха разсказала имъ все видѣнное и объявила, что отнынѣ она не станетъ питаться ни кровью собаки Негро, ни служанокъ, и скорѣе готова умереть, чѣмъ отказаться отъ завѣтной мечты испробовать тѣла дѣвушки. Родители, конечно, начали съ отговариванья и представляли ей разныя серьезныя причины, но блоха и знать ничего не хотѣла, такъ что въ концѣ концовъ они рѣшили сопутствовать ей и даже помочь своимъ опытомъ. Выбравъ ночь, когда прислуга ушла со двора, все семейство и нѣсколько друзей отправились въ спальню къ богатой дѣвушкѣ. Дѣвушка уже спала. Блохи влѣзли на кровать и принялись за дѣло. Особенной ненасытностью отличался самъ зачинщикъ похода: онъ буквально не оставилъ ни одного живого мѣста на своей жертвѣ. Дѣвушка, разумѣется, вскорѣ проснулась отъ боли и, поднявшись съ кровати, начала ловить безпокойныхъ гостей. Первыми попались два пріятеля, за ними пріялъ мученическую кончину достопочтенный папаша, который, напитавшись, не выдержалъ и отъ старости уснулъ рядомъ съ своей супругой. Затѣмъ погибла мать; не миновать бы смерти и сыну, главному зачинщику нападенія, такъ какъ уже и его дѣвушка скатала въ пальцахъ и бросила о стѣну, но она промахнулась раздавить его ногой, и тотъ, съ переломанными ребрами и съ вывихнутой шеей, успѣлъ кое-какъ улепетнуть къ себѣ въ уголъ.

Выслушавъ эту невеселую повѣсть, муха посѣтовала вмѣстѣ съ блохой на несправедливость судьбы и, посовѣтовавъ блохѣ укрыться подъ ошейникъ къ цѣпной собакѣ, гдѣ та могла оставаться въ безопасности до полнаго выздоровленія, расправила крылышки и улетѣла.

Во второй части поэтъ, являясь въ видѣ уполномоченнаго отъ Юпитера, объявляетъ свой приговоръ. По этому приговору блохамъ не возбраняется кусаться, но за это онѣ будутъ подвергаться смерти со стороны женщинъ. Женщинамъ же предписывается казнить блоху смертью только въ томъ случаѣ, если женщина навѣрное будетъ знать, что ее укусила та самая блоха, которая попалась.

Блохамъ разрѣшается преимущественно кусать женщинъ только въ языкъ, которымъ онѣ такъ досаждаютъ своимъ мужьямъ; мѣстожительство отводится имъ въ рукавахъ и въ плоенныхъ воротничкахъ, а временемъ для укусовъ рекомендуется вечеръ, когда дамы обыкновенно

танцуютъ. Укусъ въ это время для нихъ какъ нельзя болѣе кстати: онъ подбодриваетъ и придаетъ имъ живости.

Въ заключеніе Фишартъ приводитъ нѣсколько рецептовъ противъ блохъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

«Возьми крикушную траву или громовый корень, свари въ водѣ и окропи отваромъ комнату,—всѣ блохи исчезнутъ».

«Сдѣлай подъ кроватью дырку и поставь подъ нее сосудъ съ клеемъ, тогда всѣ блохи попадаютъ туда, послѣ чего ты ихъ можешь утопить или чорту на новый годъ подарить».

«Карданусъ пишетъ, что блохи, мухи, комары и другія насѣкомыя не выносятъ собственнаго запаха, поэтому напусти у себя въ комнатѣ какъ можно больше блошинаго запаха,—и всѣ блохи разбѣгутся».

«Счастливый корабль» написанъ Фишартомъ по случаю поѣздки гражданъ Цюриха въ Страсбургъ. 20 іюня 1576 года двадцать четыре цюрихскихъ гражданина въ одинъ день на веслахъ доѣхали до Страсбурга и привезли страсбургцамъ горячую просяную кашу, сваренную въ Цюрихѣ. Эта поэма хотя и не имѣетъ чисто юмористическаго характера, тѣмъ не менѣе написана чрезвычайно весело и интересно.

У Фишарта вообще во всѣхъ произведеніяхъ сказывается его жизнерадостная натура, вслѣдствіе чего стихи читаются легко, несмотря на то, что языкъ его очень труденъ для современнаго читателя. Фишартъ, казалось, пренебрегалъ всякими законами языка, переставлялъ по своему произволу слова, изобрѣталъ новые глаголы и существительныя, чѣмъ принесъ несомнѣнную услугу своему языку и уничтожилъ множество устарѣвшихъ орѳографическихъ тонкостей.

ГЛАВА IX.

Народныя книжки.

Причины появленія новыхъ книжекъ.—Легенда о докторѣ Фаустѣ.—«Schimpf und Ernst».—«Телѣжка» Іорга Викрама.—Подражанія.—«Шутливые разсказы» Бебелея.—Заключеніе.

Еще до появленія на свѣтъ Фишарта у нѣмецкаго народа зародилась страсть къ шуткѣ, мѣткой и острой, но вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко грубой и циничной. Сначала толпу удовлетворяли разсказы изъ жизни Тилля Эйленшпигеля, о которомъ мы говорили въ «Введеніи», и приключенія шильдбургцевъ, но мало-по-малу и то, и другое стало надоѣдать публикѣ, и вотъ въ угоду этому вкусу на книжныхъ рынкахъ начали появляться новыя книги, сочинявшіяся единственно ради одного зубоскальства и только за рѣдкими исключеніями носившія характеръ сатиры. Жертву площаднымъ требованіямъ принесъ и Фишартъ нѣкоторыми своими сочиненіями. Изъ спеціально же народныхъ книжекъ прежде всего нужно отмѣтить «Исторію о докторѣ Фаустѣ», породившую громадную литературу, вѣнцомъ которой является «Фаустъ» Гёте.

Ученыя изысканія и изслѣдованія доказали, что Фаустъ дѣйствительно существовалъ. Родился онъ въ мѣстечкѣ Китлингенѣ, изучалъ магію, физику и химію. Онъ много путешествовалъ и повсюду называлъ себя «источникомъ некромантіи». Про него сложились цѣлыя

легенды. Разсказываютъ, что въ Венеціи онъ пробовалъ летать по воздуху, въ Эрфуртѣ, въ центрѣ германскаго гуманизма, онъ читалъ лекціи о Гомерѣ и вызывалъ изъ ада древнихъ героевъ, причемъ, вызвавъ Полифема, онъ никакъ не могъ отправить его назадъ, чѣмъ не мало напугалъ слушателей. Онъ вернулъ изъ преисподней Елену Прекрасную и долгое время жилъ вмѣстѣ съ ней. Отъ этого сожительства родился ребенокъ, который повѣдалъ Фаусту все будущее и прошедшее. Фаустъ заключилъ условіе съ сатаной и тотъ постоянно сопутствовалъ ему въ видѣ чернаго пуделя. Фаустъ всей душой былъ преданъ гуманизму и задался мыслью отыскать и возстановить всѣ комедіи Плавта и Теренція. Передъ смертью онъ отдалъ всѣ свои книги и волшебные сосуды ученику Вагнеру, а самъ удалился къ себѣ въ комнату. На другой день Фауста нашли мертвымъ на дворѣ въ навозѣ.

Одной изъ самыхъ популярныхъ народныхъ книжекъ является «Schimpf und Ernst», то есть «Шутливое и Серьезное». Въ XVI вѣкѣ она была самой любимой книгой, но въ слѣдующихъ столѣтіяхъ почти безслѣдно исчезла и была предана незаслуженному забвенію.

Іоганнъ Паули, составитель этой книги, происходилъ изъ еврейской семьи. Перейдя затѣмъ въ христіанство, онъ долгое время жилъ въ Страсбургѣ и былъ современникомъ Себастьяна Брандта, знаменитаго автора «Корабля дураковъ». Подъ старость Паули поступилъ въ францисканскій орденъ и былъ назначенъ библіотекаремъ при одномъ изъ францисканскихъ монастырей въ Виллигенѣ. Изъ Виллигена онъ былъ переведенъ впослѣдствіи въ Эльзасъ и тамъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ. «Шутливое и Серьезное» вышло въ свѣтъ въ 1522 году и въ короткое время выдержало 30 изданій. Въ этой книгѣ имѣются характеристики всѣхъ слоевъ общества; разсказы написаны простымъ языкомъ и здѣсь зачастую встрѣчаются мѣткія, остроумныя выраженія.

Сочинитель—настоящее дитя своего вѣка, онъ католикъ, но не прочь подшутить надъ духовенствомъ, анекдоты его иногда довольно терпки, но этого требовало тогдашнее общество. Во всякомъ случаѣ въ нихъ много искренней веселости и юмора, который можетъ позабавить даже и читателя XX столѣтія. Не имѣя возможности привести всѣ разсказы (ихъ болѣе трехсотъ), мы для примѣра выбираемъ лишь наиболѣе интересные и... скромные.

Въ краткомъ предисловіи Паули говоритъ, что въ настоящее смутное время, когда среди людей, благодаря разнымъ книгамъ, пошли споры и раздоры, а книги Священнаго Писанія забыты, его «Шутливое и Серьезное» можетъ явиться до нѣкоторой степени примирительной книгой. При составленіи ея онъ руководствовался евангельскимъ изреченіемъ, повелѣвающимъ собирать воедино и крошки, дабы онѣ не пропадали даромъ. Читатель же не долженъ сѣтовать на несовершенства книги, а напротивъ, исправлять и дополнять ее по своему разумѣнію. Точь-въ-точь какъ сказано у нашего поэта:

Что азъ же многогрѣшный
На бренныхъ сихъ листкахъ
Не дописахъ поспѣшно или переписахъ,
То спереди, то сзади,

Читая по вся дни
Поправь ты правды ради,
Писанья жь не кляни.

О добрыхъ и злыхъ дѣвахъ.

Въ одной изъ высшихъ школъ учился молодой дворянинъ. За время ученья онъ сошелся съ какой-то дѣвушкой, и когда насталъ ему срокъ уѣзжать, онъ пригласилъ ее съ матерью къ себѣ на ужинъ. Затѣмъ, распрощавшись, дворянинъ уѣхалъ, а дѣвушка, оставшись наединѣ съ матерью, горько заплакала.

— Чего ты плачешь, дочка,—утѣшала ее мать,—тутъ еще много осталось красивыхъ студентовъ!

— Ахъ, матушка, — заливалась слезами дѣвушка, — я не о томъ плачу, что онъ уѣхалъ, но мнѣ очень жаль, что онъ увезъ съ собой затканный серебромъ плащъ; мнѣ такъ хотѣлось имѣть его!

Вотъ любящая мать и отлично обученая дочь! Впрочемъ, дѣвушки всѣхъ странъ любятъ только деньги. Даромъ ни одна не хочетъ попасться чорту!

У одного бюргера было три дочери, изъ которыхъ каждой уже была пора выходить замужъ, и отецъ рѣшительно не зналъ, какую выдавать первой, тѣмъ болѣе, что у всѣхъ трехъ было по жениху. Тогда онъ призвалъ ихъ къ себѣ и сказалъ:

— Милыя дочки, вотъ вамъ вода, вымойте себѣ руки и, не вытирая, дайте имъ высохнуть такъ, и у кого у первой обсохнутъ руки, ту первую я отдамъ замужъ!

Дочери сдѣлали такъ, какъ приказывалъ отецъ. Но пока двѣ старшія сидѣли покойно, младшая все время махала руками и кричала: «Не хочу замужъ, не хочу замужъ!». Отъ этого маханья у нея у первой обсохли руки, и отецъ, конечно, выдалъ ее раньше двухъ другихъ.

О дуракахъ.

Одна женщина въ чемъ-то провинилась и должна была подвергнуться публичному наказанію у позорнаго столба. Горячо любившій ее мужъ, значитъ тоже не далеко ушедшій отъ дураковъ, получилъ позволеніе замѣнить ее и перенесъ наказаніе вмѣсто жены. Когда же впослѣдствіи они поссорились, то жена упрекала его даже при постороннихъ:

— Я-то,—говорила она,—слава Богу, порядочная женщина и не стояла у столба, какъ ты.

Однажды по городу проходило вооруженное подобающимъ образомъ войско. Стоявшій въ толпѣ дуракъ спросилъ:

— Куда это идутъ люди?

Ему отвѣтили:

— На войну.

— А что же дѣлаютъ на войнѣ?

— Сжигаютъ деревни, занимаютъ города, уничтожаютъ хлѣбъ и вино и умерщвляютъ другъ друга,—былъ отвѣтъ.

— Для чего же все это дѣлается?

— Для того, чтобы заключить миръ.

— Было бы лучше, — сказалъ дуракъ, — сразу заключить миръ, чтобы не причинять другимъ убытковъ. Если бы это отъ меня зависѣло, я до войны бы заключилъ миръ, а не послѣ.

Во Франціи у одного аббата былъ дуракъ, очень смирный и покойный малый. Случилось разъ, что къ аббату въ гости пришелъ какой-то дворянинъ, у котораго былъ ужасающихъ размѣровъ носъ. Когда всѣ сѣли за столъ и собирались уже начать ѣсть, пришелъ дуракъ и, изумленный величиной носа, обратился къ гостю съ вопросомъ: «Откуда это у тебя такой большой носъ?». Гость смутился и покраснѣлъ. Аббатъ разсердился и приказалъ слугамъ увести дурака изъ комнаты. Дуракъ, оставшись одинъ и обсудивъ сказанное, рѣшилъ поправить ошибку. Спустя нѣкоторое время онъ снова вошелъ въ столовую и, облокотившись на столъ противъ гостя, проговорилъ:

— О, какой у тебя маленькій носикъ!

Гость опять смутился, а дурака снова выгнали. Но онъ не успокоился и, подождавъ, вернулся вновь въ комнату, гдѣ сидѣлъ аббатъ съ дворяниномъ.

— Что за чортъ,—проговорилъ шутъ,—есть у тебя вообще-то носъ или его вовсе нѣтъ?

На этотъ разъ его окончательно выгнали.

У какого-то дворянина въ клѣткѣ висѣла драгоцѣнная птица, которую онъ показывалъ всѣмъ гостямъ и сильно расхваливалъ ее. Однажды въ отсутствіе хозяина шутъ его убилъ эту птицу и, зажаривъ, съѣлъ ее. Когда дворянинъ вернулся, дуракъ встрѣтилъ его съ недовольной миной.

— Ну, ужь твоя хваленая птица,—сказалъ онъ,—ты только обманывалъ меня, ничего въ ней нѣтъ хорошаго: я изжарилъ ее, и она оказалась жесткой!

О духовныхъ.

Однажды монахъ спросилъ мірянина, знаетъ ли онъ, почему попы ненавидятъ монаховъ и, наоборотъ, почему монахи ненавидятъ поповъ. На отрицательный отвѣтъ мірянина монахъ сказалъ:

— Вся вражда идетъ изъ-за яицъ! Монахи ѣдятъ столько яицъ, а попы столько куръ, что попы увеличиваютъ монахамъ цѣнность яицъ, а монахи дѣлаютъ дороже куръ.

Составитель книги, братъ Іоганнъ Паули, францисканецъ, то же подтверждаетъ съ своей стороны. Онъ высчиталъ, что только въ одномъ его монастырѣ въ Страсбургѣ шестьдесятъ монаховъ съѣдаютъ въ годъ 22.000 яицъ. Сколько же яицъ съѣдятъ другіе монастыри, особенно тѣ, гдѣ по указу запрещено ѣсть мясо? Если бы изъ этихъ яицъ вышли куры, то тогда на одинъ гульденъ можно было бы купить шестьдесятъ куръ, а если бы всѣ эти куры снесли яйца, то на шесть пфенниговъ давали бы тысячу яицъ. Поэтому-то такъ и велика эта обоюдная ненависть. Если эта причина тебѣ не нравится, придумай другую.

Богатые бюргеры охотно держатъ у себя маленькихъ собачекъ. Случилось однажды, что у какого-то бюргера одна такая собачка околѣла. Не долго думая, онъ отправился къ попу и просилъ его похоронить любимую собаку на кладбищѣ, за что предложилъ священной особѣ четыре гульдена. Священникъ взялъ деньги и похоронилъ собаку. Объ этомъ дѣлѣ провѣдалъ епископъ и приказалъ виноватому явиться къ нему. Бѣдный священникъ очень испугался, захватилъ полученные имъ четыре гульдена, приложилъ къ нимъ еще два своихъ и, придя къ епископу, передалъ деньги, говоря, что они отказаны ему по духовному завѣщанію гражданина «Шарика».

— Какъ ты его похоронилъ?—строго спросилъ его епископъ.

— Онъ принесъ его мнѣ вечеромъ въ мѣшкѣ,—отвѣтилъ священникъ.

— Это несправедливо,—возразилъ епископъ,—ты долженъ былъ похоронить его при свѣчахъ; за это принеси мнѣ еще двѣнадцать гульденовъ.

Бѣдному аббату ничего не оставалось, какъ только исполнить приказаніе.

Много было денегъ и богатства у одного священника и это причиняло ему не мало хлопотъ. Онъ постоянно боялся, что ихъ украдутъ у него. Наконецъ онъ спряталъ все свое имущество въ алтарѣ въ ящикѣ, а на ящикѣ написалъ: «Dominus est in isto loco», т. е. «На семъ мѣстѣ покоится Богъ». Какой-то воришка пронюхалъ объ этомъ секретѣ и, очистивъ ящикъ, приписалъ: «Surrexit, non est hic»—«Его здѣсь нѣтъ, Онъ воскресъ!». Говорятъ, священникъ чуть не умеръ съ горя.

О чортѣ.

Въ Римъ за папскимъ благословеніемъ поѣхали два бюргера. Одинъ былъ очень богатъ, другой бѣденъ. Первый купилъ отпущеніе во всѣхъ грѣхахъ, другой только покаялся. Богатый на обратномъ пути и по пріѣздѣ на родину постоянно хвастался своей индульгенціей. Черезъ нѣсколько лѣтъ бѣдный умеръ и попалъ въ адъ. Туда же въ скоромъ времени попалъ и богатый. Бѣдный бюргеръ, встрѣтивъ пріятеля, невольно удивился:

— Какъ, и ты здѣсь? Гдѣ жь твое папское письмо, которымъ ты такъ хвастался? Неужели оно тебѣ не помогло?

— Видишь ли,—отвѣтилъ богатый,—когда я умеръ, ко мнѣ явился чортъ неграмотный. Онъ не сталъ читать письма и прямо повелъ меня сюда, а оно здѣсь и сгорѣло.

О тяжкомъ супружескомъ гнетѣ.

Жена относилась къ мужу очень дружелюбно и часто говаривала, что съ радостью готова была бы умереть, если бы это потребовалось для сохраненія жизни мужа. Мужъ при этомъ всегда думалъ: «Интересно бы посмотрѣть, что бы она стала дѣлать послѣ моей смерти». Однажды у жены была большая стирка, продолжавшаяся до десяти часовъ вечера, такъ что ей некогда было поѣсть. Когда мужъ увидалъ, что она возвращается, онъ легъ на лавку, вытянулъ вдоль туловища руки и притворился мертвымъ. Жена, войдя въ комнату, испу-

галась, увидѣвъ его лежащимъ, подбѣжала къ нему, потрогала его за руку и, убѣдившись, что онъ мертвъ, остановилась въ раздумьи, не зная, что дѣлать. Начать кричать? Но она въ мокромъ платьѣ и еще ничего не ѣла. Поэтому она развела огонь, сдѣлала себѣ яичницу, съѣла оставшійся отъ вчерашняго дня кусокъ соленой рыбы и пошла въ погребъ за квасомъ. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она выносила квасъ, въ дверь постучались. Женщина поставила квасъ на полку и побѣжала отворять дверь. Оказалось, что ее пришла провѣдать сосѣдка.

— Что это у васъ домъ запертъ? Я ужь думала, не случилось ли чего?—спросила сосѣдка.

Вмѣсто отвѣта хозяйка разразилась рыданіями и объявила, что у нея умеръ мужъ. На громкіе стенанія и крики сбѣжались другіе сосѣди и въ числѣ двадцати человѣкъ столпились вокругъ умершаго.

— О, дорогой мужъ,—восклицала лицемѣрная жена,—на кого ты меня покинулъ? Что теперь со мной будетъ? Что я стану дѣлать?

«Ну, довольно шутокъ», подумалъ про себя мужъ и, поднявшись съ лавки, промолвилъ, обращаясь къ женѣ:

— Послѣ того какъ ты поѣла, я думаю, теперь тебѣ лучше всего напиться; вотъ тамъ на полкѣ стоитъ принесенный тобою квасъ, онъ облегчитъ твои страданія.

Такъ испыталъ мужъ любовь своей жены.

О пьянствѣ.

Въ Римъ разъ ѣхалъ швабъ. Когда онъ прибылъ въ Италію, то въ одной изъ таверенъ въ первый разъ узналъ вкусъ вина. Напившись чуть не до-пьяна, онъ разбушевался и, ударивъ въ ухо хозяина, спросилъ, чѣмъ это онъ напоилъ его. Трактирщикъ удивленно посмотрѣлъ на гостя и отвѣтилъ, что это вино «Лакрима Кристи» (слезы Христа). Въ ту же минуту честный швабъ присмирѣлъ и, поднявъ къ небу глаза, прошепталъ: «О, Боже, отчего не поплакалъ ты и въ нашей странѣ!»...

Пьяница привелъ на водопой осла. Оселъ, напившись до-сыта, хотѣлъ идти обратно, но хозяинъ удерживалъ его и нагибалъ ему морду къ ручью; однако, оселъ продолжалъ упираться. Наконецъ, хозяинъ не вытерпѣлъ и проговорилъ:

— Ей Богу, ты умнѣй меня! Ты какъ напился, такъ больше и не пьешь, а я напьюсь и потомъ всетаки продолжаю пить въ угоду пріятелей.

О покаяніи.

Вотъ какъ каялась разъ одна дѣвушка:

— Отецъ мой, я проспала ночь съ однимъ почтеннымъ старцемъ!

— Что жь, ты раздѣвшись спала?—спросилъ ее священникъ.

— Нѣтъ, батюшка, на мнѣ былъ чепчикъ,—отвѣчала прихожанка.

— Отецъ,—каялся крестьянинъ,—я прегрѣшилъ во всѣхъ семи чувствахъ!

— Да у людей только пять чувствъ!—удивился священникъ.

— Да, но я староста и потому обладаю двумя чувствами больше, чѣмъ другіе,—объяснилъ мужикъ.

Объ обѣтахъ.

На морѣ поднялась сильная буря и каждый мореплаватель призывалъ на помощь Бога и святыхъ. Хозяинъ одного корабля все время взывалъ къ Николаю Чудотворцу: «Святитель Николай, помоги намъ! Обѣщаю поставить тебѣ свѣчку толщиной въ мое колѣно!». Но такъ какъ море не переставало бушевать, то онъ продолжалъ кричать: «Помоги, отче Николай! Я принесу тебѣ свѣчу такую же тяжелую, какъ я самъ!». Однако, и это не помогло. Тогда хозяинъ воскликнулъ: «Святой Николай, спаси насъ, клянусь, что пожертвую для тебя свѣчу величиною съ мачту!».

— Откуда ты наберешь столько воску?—говорили ему прочіе люди, находившіеся на кораблѣ.—Такая жертва даже королю не подъ силу.

— Дурачье,—отвѣтилъ хозяинъ,—какъ вы не можете понять, что намъ бы только спуститься на берегъ, а тамъ онъ отъ меня и грошоваго ночника не дождется.

О художникахъ.

Какой-то художникъ замѣчательно красиво рисовалъ дѣтскія головки, жена же его приносила ему все какихъ-то уродовъ. Когда его спросили, отчего это на картинахъ у него выходятъ красавцы, а въ дѣйствительной жизни уроды, художникъ отвѣчалъ:

— Вѣдь рисую-то я днемъ.....

Теперь перейдемъ къ другимъ народнымъ книжкамъ, литература которыхъ очень богата. Одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ послѣ Паули занимаетъ Іоргъ Викрамъ. Онъ родился, какъ полагаютъ, въ Кольмарѣ, но въ которомъ году—остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Нѣмецкіе схоласты того времени мало заботились о сохраненіи дорогихъ именъ своего отечества, будучи всецѣло погружены въ греческихъ и римскихъ классиковъ. На литературное поприще Викрамъ выступилъ въ серединѣ XVI вѣка. Первое его сочиненіе, появившееся въ 1555 году, называется «Діалогъ о пьянствѣ». Его литературная дѣятельность была коротка: уже въ 1562 году типографщикъ города Страсбурга Тибальдъ Бергеръ, издавая его сочиненія, упоминаетъ о Викрамѣ, какъ объ умершемъ. Число же всѣхъ твореній Викрама доходитъ до двадцати. Самыми значительными изъ нихъ слѣдуетъ считать романъ подъ заглавіемъ «Золотая нить» и книгу «О добрыхъ и злыхъ сосѣдяхъ». Кромѣ того, онъ выпустилъ въ нѣмецкой обработкѣ «Овидіевы метаморфозы» и исправилъ и улучшилъ «Клятву дураковъ» Мурнера.

«Викрамъ,—пишетъ Гёдеке въ своихъ превосходныхъ очеркахъ исторіи нѣмецкой поэзіи,—создалъ своими разсказами о Рейнгартѣ и Габріото, о Вилибальдѣ и о добрыхъ и злыхъ сосѣдяхъ нѣмецкій романъ. Его «Телѣжка» дала комической литературѣ новое направленіе. Его значеніе, какъ и значеніе Ганса Закса, главнымъ образомъ заключается въ томъ, что онъ ввелъ поэзію въ среднее сословіе отчасти тѣмъ, что бралъ сюжеты изъ мѣщанской жизни, отчасти потому, что писалъ для мѣщанъ».

Мы не имѣемъ возможности передавать содержаніе романовъ Викрама и остановимся лишь на его юмористическомъ сочиненіи «Телѣжка».

Книга эта появилась въ 1555 году, а въ 1557 году послѣдовало два новыхъ изданія. «Телѣжка» должна была служить развлеченіемъ для путешественниковъ во время скучной ѣзды въ каретѣ или на кораблѣ. Авторъ не имѣетъ намѣренія поучать, онъ просто хочетъ позабавить читателя своими разсказами, набросанными въ эскизной формѣ, безъ всякихъ претензій на стильность или выдержанность тона. Нѣкоторые изъ критиковъ обвиняли Викрама въ циничности и неприличіи его набросковъ. Но вотъ какъ отзывается о немъ К. Панье, одинъ изъ знатоковъ литературы эпохи нѣмецкаго гуманизма: «Его исторійки въ характерѣ того времени: онѣ рѣзки, но не грубы, наивны, но не безстыдны... Къ тому же слѣдуетъ напомнить, что онѣ написаны для взрослыхъ, а не для дѣтей и пансіонерокъ... Для историка культуры разсказы Викрама имѣютъ еще то значеніе, что написаны они народнымъ языкомъ, носятъ на себѣ отпечатокъ народнаго свѣжаго юмора и народныхъ взглядовъ».

Въ предисловіи къ книжкѣ Викрамъ говоритъ, что хотя по нѣмецкой поговоркѣ на кораблѣ и въ телѣгѣ можно разсказывать всякія неприличныя вещи, онъ не слѣдуетъ этому правилу уже потому, что среди путешественниковъ часто находятся молодыя дѣвушки, уши которыхъ не нужно оскорблять. «Но такъ какъ люди привыкли забавлять себя разными исторіями во время пути, то я,—пишетъ Викрамъ,—съ любовью подношу вамъ эту небольшую книжечку, гдѣ вы не мало найдете коротенькихъ и забавныхъ разсказовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ, если кто почувствуетъ себя лично задѣтымъ или задѣтой какимъ-нибудь разсказомъ, не краснѣть и не мѣняться въ лицѣ; иначе остальные заподозрятъ васъ и подумаютъ про себя: «Когда въ собакъ чѣмъ-нибудь швырнутъ, то визжитъ только та, въ которую попало». Сохрани тебя Богъ, дорогой читатель!».

Такъ какъ разсказы Викрама еще ни разу на русскомъ языкѣ не появлялись, то мы приводимъ здѣсь нѣсколько избранныхъ.

О косарѣ, нашедшемъ двѣ головы въ своей кровати, когда онъ утромъ вернулся съ луга, чтобъ захватить точило.

Обыкновенно говорятъ, что у мужчинъ по утрамъ бываетъ туманъ въ глазахъ, а у женщинъ въ полдень; это повѣрье лучше всего доказываетъ слѣдующая сказочка. Въ одной деревнѣ жилъ косарь съ хорошенькой женкой, за которой ухаживалъ деревенскій попъ и вскорѣ добился ея взаимности. Мужикъ же слѣпо довѣрялъ своей женѣ и не подозрѣвалъ ея ни въ чемъ дурномъ. Когда косарь отправлялся на работу, съ утра къ женѣ приходилъ добрый священникъ, чтобы вмѣстѣ съ ней стеречь хозяйство. Случилось разъ, что косарь, захвативъ по утру косу, второпяхъ позабылъ про точило и ушелъ на лугъ. Пастырь же по обыкновенію забрался въ домъ и занялъ его мѣсто на постели. Косарь, пройдя ряда два съ косой, сталъ искать точило и, не найдя его при себѣ, отправился за нимъ домой. Чтобы не разбудить жены, мужикъ безъ шума вошелъ въ комнату и снялъ висѣвшій на стѣнѣ брусокъ. Но, выходя и затворяя за собой дверь, онъ взглянулъ

на кровать и, къ своему удивленію, замѣтилъ, что рядомъ съ жениной головой на подушкахъ лежала еще чья-то другая плѣшивая голова. Однако, такъ какъ онъ очень торопился, то не сталъ разглядывать и поспѣшилъ опять на покосъ. По уходѣ крестьянина священникъ хотѣлъ тотчасъ скрыться, полагая, что мужъ пошелъ за властями, чтобы арестовать его. Жена же стала уговаривать пастыря, чтобы онъ не безпокоился и что она сама устроитъ все дѣло по хорошему. Мужъ же, вернувшись на работу, только теперь началъ раздумывать о видѣнномъ. Въ полдень жена, приготовивъ мужу закуску, отправилась на лугъ и, подойдя къ нему, ласковымъ голосомъ проговорила:

— Съ добрымъ утромъ, друзья мои!

Мужъ, полагая, что на лугу еще кто-нибудь работаетъ, оглянулся, но, не найдя никого, сказалъ:

— Съ кѣмъ это ты, жена, здороваешься?

— Ахъ,—отвѣчала она,—отчего же ты мнѣ не сказалъ, что ты работаешь съ пріятелемъ, я бы приготовила обѣдъ на двоихъ. Впрочемъ, и теперь вамъ, пожалуй, хватитъ обоимъ.

— Что съ тобой, жена,—возразилъ крестьянинъ,—ты, кажется, съ утра выпила. Кромѣ меня, на лугу нѣтъ никого.

Когда хитрая женщина вплотную подошла къ мужу, она протерла себѣ глаза и воскликнула:

— И то правда! Стало быть, меня обмануло зрѣніе, а вѣдь я готова была на корову спорить, что васъ тутъ двое.

— Ну, вотъ,—возразилъ ея мужъ,—и со мной то же сегодня поутру случилось.—И онъ разсказалъ ей, какъ видѣлъ у себя на постели двѣ головы вмѣсто одной.

При этомъ жена стала хохотать съ самымъ наивнымъ видомъ.

— Только теперь, мой милый Гансъ, я могу повѣрить пословицѣ, которая говоритъ, что у мужчинъ туманъ въ глазахъ бываетъ поутру, а у женщинъ въ полдень,—сказала она,—это либо отъ пьянства, либо отъ долгаго спанья.

Тутъ они сѣли, выпили и закусили. Съ тѣхъ поръ мужъ не удивлялся, когда видѣлъ двѣ головы на своей кровати.

О портномъ, пришедшемъ на небеса.

Случилось въ одинъ прекрасный день, что Господь пошелъ гулять въ сопровожденіи всѣхъ святыхъ и апостоловъ, такъ что на небесахъ, кромѣ св. Петра, никого не осталось. Въ это время къ дверямъ подошелъ портной и постучался. Петръ-апостолъ спросилъ, кто онъ такой и что ему нужно.

— Я бѣдный портной и хотѣлъ бы попасть въ рай, — отвѣтилъ портной.

— Я не смѣю никого пускать,—сказалъ св. Петръ,—Богъ-Отецъ ушелъ и приказалъ мнѣ смотрѣть, чтобы кто-нибудь не вошелъ.

Но портной не унимался и продолжалъ упрашивать апостола, пока добродушный Петръ, наконецъ, не согласился впустить его, съ тѣмъ лишь условіемъ, что онъ будетъ сидѣть въ углу за дверью и никуда не выходить, дабы не разгнѣвать Бога. Портной обѣщалъ быть послушнымъ и сѣлъ въ уголку; но какъ только апостолъ Петръ отлучался

куда-нибудь на минутку, портной вставалъ и прохаживался по небу, разсматривая каждую вещь. Въ одномъ мѣстѣ онъ увидалъ массу дорогихъ стульевъ, въ серединѣ которыхъ стояло золотое, отдѣланное слоновой костью кресло; оно было гораздо выше прочихъ, а подъ нимъ находилась небольшая скамеечка для ногъ, тоже вся изъ золота; на этомъ креслѣ обыкновенно возсѣдалъ Богъ-Отецъ. Портной долго разсматривалъ это кресло, очень ужь оно понравилось ему. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ, подошелъ и сѣлъ на него. И вдругъ ему стало видно все происходившее на землѣ. Между прочимъ, онъ замѣтилъ, какъ какая-то старуха воровала пряжу у своей сосѣдки; это такъ разсердило портного, что онъ, не долго думая, схватилъ золотую скамейку и пустилъ ею съ неба на землю. Затѣмъ, испугавшись своего поступка, онъ потихоньку вернулся и сѣлъ на прежнее мѣсто къ дверямъ. Богъ-Отецъ, возвратившись, сѣлъ на свое кресло и, конечно, сейчасъ же замѣтилъ, что скамейка изъ подъ ногъ пропала. Онъ спросилъ о ней у апостола Петра, но тотъ отговорился незнаніемъ.

— Можетъ быть, тутъ кто-нибудь былъ?

— Не знаю, — отвѣтилъ св. Петръ, — я никого не пускалъ сюда, кромѣ одного портного, но тотъ и теперь сидитъ за дверью.

Господь позвалъ портного и спросилъ его, куда онъ дѣлъ его скамейку. Портной, испугавшись и трепеща всѣмъ тѣломъ, проговорилъ:

— Я сидѣлъ въ креслѣ и увидѣлъ, что какая-то старуха воруетъ пряжу у своей сосѣдки; это меня страшно разсердило и я запустилъ въ нее Твоей скамейкой.

— Ахъ, ты мошенникъ,—сказалъ Богъ,—еслибъ Я въ тебя каждый разъ, какъ ты воровалъ сукно у своихъ заказчиковъ, бросалъ чѣмъ-нибудь, то у Меня въ небесахъ не осталось бы ни одного стула, не только что скамеекъ.

Такимъ образомъ портной былъ уличенъ въ своихъ продѣлкахъ и его вытолкали изъ рая.

О бѣдномъ студентѣ изъ рая и о богатой крестьянкѣ.

Бѣдный студентъ съ скуднымъ запасомъ пропитанія проходилъ по деревнѣ и подошелъ къ дому богатаго крестьянина. Самого крестьянина не было дома, онъ уѣхалъ въ лѣсъ за дровами, а его жена, бывшая уже разъ замужемъ и теперь вышедшая во второй разъ, стояла около воротъ. Увидѣвъ студента, она заговорила съ нимъ и стала разспрашивать, кто онъ и откуда идетъ. Студентъ отвѣчалъ:

— Я бѣдный студентъ и иду изъ Парижа.

Простая женщина, не разслышавъ, вообразила, что онъ идетъ изъ рая *).

— Неужели изъ рая?—переспросила она студента.

— Да, добрая женщина, — подтвердилъ онъ,—живо смекнувъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Будьте добры, — продолжала крестьянка, — войдите къ намъ въ горницу, мнѣ хочется поразспросить васъ кое о чемъ. Другъ мой,—сказала она, усадивъ студента на лавку, — у меня уже былъ одинъ

---

*) Здѣсь игра словъ: Paris и Paradis.

же лицо въ колыбели, затѣмъ взрослымъ человѣкомъ и, наконецъ, шестидесяти-лѣтнимъ старикомъ; или при помощи трехъ мечей и словъ длиною въ туазъ проводятъ передъ вами всѣ войны Іорка и Ланкастэра, взрываютъ петарды, чтобы напугать дамъ, и разрушаютъ расшатавшіеся престолы, на забаву дѣтей *). Кромѣ того, драматическіе писатели старались главнымъ образомъ поразить публику чудовищными, неестественными образами своихъ героевъ, подѣйствовать на воображеніе изображеніемъ небывалыхъ приключеній.

Быть можетъ, продолжай такъ писать, они низвели бы въ Англіи драматическое искусство на степень балаганщины, не явись имъ противовѣсомъ два такихъ геніальныхъ драматурга и поэта, какъ Бенъ Джонсонъ и Вильямъ Шекспиръ.

Особенно горячо ратоборствовалъ за естественность на сценѣ Бенъ Джонсонъ. Онъ говорилъ, что намѣренъ выставить на сценѣ «такія дѣйствія и слова, какія встрѣчаются въ жизни, нарисовать картину своего времени, смѣяться надъ человѣческими глупостями. По его мнѣнію, театру нужны не чудовища, а люди, тѣ люди, которыхъ мы видимъ на улицахъ и въ домахъ, со всѣми ихъ недостатками и пороками, съ той преобладающей страстью, которая, увлекая въ одну сторону душевныя силы, каждому придаетъ свой особый отпечатокъ. Въ этомъ отношеніи онъ походитъ на Мольера, потому что также, какъ и французскій писатель, выводитъ не цѣльные человѣческіе характеры, но людей, у которыхъ одна какая-нибудь страсть всецѣло завладѣваетъ умомъ и сердцемъ и дѣлаетъ ихъ неспособными проявлять другія человѣческія чувства. Только Мольеръ своихъ Тартюфовъ и Мизантроповъ показываетъ публикѣ съ добродушной улыбкой парижанина и одобрительно треплетъ ихъ по плечу, когда они начинаютъ конфузиться великосвѣтскихъ зрителей, а Бенъ Джонсонъ выводитъ ихъ съ ненавистью моралиста, и когда они начинаютъ протестовать противъ несправедливо грубаго обращенія, заглушаетъ ихъ пискъ громовымъ хохотомъ. «Я стану ихъ бичевать,—говоритъ онъ въ одномъ прологѣ,—этихъ обезьянъ, я раскрою передъ ихъ милыми глазами такое обширное зеркало, какъ театръ, на которомъ мы находимся въ настоящее время. Они увидятъ въ немъ всѣ безобразія вѣка, обнажаемыя до послѣдняго нерва, до послѣдняго мускула, обнажаемыя съ твердымъ мужествомъ и презрѣніемъ страха... Моя крѣпкая рука нарочно была создана для того, чтобы хватать порокъ, свертывать

Бенъ Джонсонъ.

*) Тамъ же.

ему шею, чтобы живописать глупости тѣхъ все легко всасывающихъ въ себя душъ, которыя готовы лизать всякое пустое тщеславіе, всякую низость».

Прежде чѣмъ приступить къ разбору бытовыхъ и классическихъ комедій Бена Джонсона, мы скажемъ нѣсколько словъ объ его жизни.

Онъ родился въ 1574 году, апо другимъ источникамъ въ 1573 году, въ бѣдной семьѣ протестантскаго священника. Несмотря на крайнюю бѣдность, онъ получилъ хорошее образованіе: сперва учился въ Вестминстерскомъ классическомъ колледжѣ, а затѣмъ въ университетѣ въ Кембриджѣ. Когда умеръ отецъ, мать его вторично вышла замужъ за каменщика, и вотчимъ потребовалъ пасынка къ себѣ, чтобы помогать ему въ его дѣлѣ. Однако, Джонсонъ недолго пробылъ въ семьѣ и ушелъ вскорѣ въ солдаты; здѣсь онъ ограбилъ и убилъ солдата во время войны въ виду двухъ армій, принужденъ былъ бѣжать въ Лондонъ, гдѣ влачилъ жизнь нищаго, затѣмъ поступилъ актеромъ и, подружившись съ Шекспиромъ, послѣдовалъ его примѣру и сдѣлался драматическимъ писателемъ. Бенъ Джонсонъ былъ очень даровитый, энергичный писатель, обладавшій колоссальной памятью и громадной эрудиціей. Классиковъ онъ зналъ превосходно, любилъ ихъ и поклонялся имъ. Современные европейскіе писатели были ему тоже хорошо извѣстны. Онъ почти наизусть зналъ Петрарку, Лопе де-Вега, Боккаччіо, Сервантеса и считался однимъ изъ лучшихъ критиковъ своего времени. Въ силу своихъ литературныхъ симпатій Бенъ Джонсонъ близко сошелся съ кружкомъ писателей, завсегдатаевъ таверны «Сирена», и все почти свободное время проводилъ за литературными спорами. Особенно интересны были словесные диспуты Джонсона съ Шекспиромъ. Изъ записокъ современниковъ обоихъ великихъ поэтовъ мы видимъ, что любители театральнаго искусства сходились въ «Сирену» слушать споры, какъ на даровое представленіе. «Словесные поединки,—пишетъ Фоллеръ,—между Шекспиромъ и Б. Джонсономъ были нескончаемы. Одинъ казался испанскимъ большимъ гальономъ, другой англійскимъ военнымъ кораблемъ. Дядя Джонсонъ, какъ гальонъ, обладалъ большимъ запасомъ знанія, но въ движеніяхъ былъ неповоротливъ; Шекспиръ, какъ англійскій военный корабль, былъ значительно меньше по объему, но гораздо легче на ходу и могъ лавировать быстрѣе своего соперника при помощи своего тонкаго ума и изобрѣтательности». Бенъ Джонсонъ и по своей наружности много отличался отъ своего геніальнѣйшаго противника. Онъ былъ высокаго роста, плотный, обладавшій громадной физической силой, съ широкимъ длиннымъ лицомъ, испорченнымъ скорбутомъ, и хмурымъ, нѣсколько насупленнымъ взглядомъ. Когда споръ принималъ обостренный характеръ, «дядя Джонсонъ» былъ готовъ даже побить несговорчиваго противника и однажды, выведенный изъ себя, бросился съ кулаками на двухъ поэтовъ, Марстоне и Декера, но во-время успѣлъ опомниться и впослѣдствіи отплатилъ имъ тѣмъ, что злѣйшимъ образомъ осмѣялъ ихъ въ одной изъ своихъ комедій. Драматургъ Бомонъ съ сожалѣніемъ вспоминаетъ о минувшихъ временахъ веселыхъ литературныхъ сходокъ въ невзрачной тавернѣ, гдѣ веселье лилось черезъ край и гдѣ молодежь просиживала ночи напролетъ за дружеской литературной бесѣдой.

Въ спорахъ Бенъ Джонсонъ особенно возставалъ противъ тѣхъ писателей, которые готовы на все, чтобы потворствовать вкусамъ толпы.

Такихъ людей онъ презиралъ, потому что самъ всегда былъ очень высокаго мнѣнія объ искусствѣ. «Не судите о поэзіи,—говоритъ онъ въ прологѣ къ комедіи «Every man in his humour»,—по тому виду, въ какомъ она является у большинства современныхъ авторовъ,—бѣдной калѣкой въ заплатахъ и рубищѣ, лишенной насущной пищи—божественнаго вдохновенія, но поглядите на нее, когда она является въ чудномъ ореолѣ искусства, когда она изукрашена мощнымъ полетомъ фантазіи, возвеличена въ своемъ значеніи безцѣннымъ даромъ философіи. О, какимъ благороднымъ видомъ тогда она обладаетъ! Тогда ее должно созерцать благоговѣйно, какъ святыню».

Свои произведенія онъ цѣнилъ очень высоко и гордо, сверху внизъ, смотрѣлъ на толпу, презирая ея похвалы такъ же, какъ и ея свистки. «Судите меня, судьи нелицепріятные, со строгостью и суровостью на челѣ, раскройте пошире ваши глаза, чтобы лучше меня видѣть. Но знайте, что я не стану просить у васъ снисходительности, не стану рабской лестью искать себѣ похвалъ». Въ это время, когда большинство другихъ писателей поддѣлывались подъ вкусы толпы, Бенъ Джонсонъ одинъ осмѣливался говорить горькую истину всѣмъ въ глаза. Понятно, эта независимость создала ему массу враговъ. Однако, онъ смѣялся и надъ врагами. «Критій,—говоритъ одно дѣйствующее лицо въ его комедіи «The Magnetic Lady»,—люди отзываются о тебѣ дурно».—«Пускай,—отвѣчаетъ Критій,—и чѣмъ больше они такъ обо мнѣ отзываются, тѣмъ лучше: порицаніе презрѣнныхъ людей есть наивысшая похвала».

«На этотъ разъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—я надѣюсь насмѣшить публику; если же это мнѣ не удастся, не моя въ томъ вина, вѣдь извѣстно, что у искусства нѣтъ болѣе злыхъ враговъ, чѣмъ тупость и невѣжество. Если здравый смыслъ и любовь къ истинѣ не научили васъ различать хорошее отъ дурного, идите въ кукольный театръ или смотрите на пляшущихъ медвѣдей. Если вамъ не нравится то, что я предлагаю нынѣшній вечеръ вамъ, это не значитъ, что я потерялъ разсудокъ и способность хорошо писать, но это только доказываетъ, что вы перестали здраво судить».

Мы уже говорили, что Б. Джонсонъ, благодаря сатирическому направленію своего ума, занимался главнымъ образомъ комедіей нравовъ. Ни у кого изъ современныхъ ему писателей, даже у Шекспира, нѣтъ той отзывчивости на современные вопросы, какъ у него. Всѣ его пьесы—ихъ около пятнадцати—представляютъ богатый матеріалъ, годный для изученія того времени. Здѣсь все, что требуется для изученія быта той эпохи. Онъ подробно описываетъ костюмы придворныхъ франтовъ, ихъ цвѣтистую рѣчь, ихъ божбу, нравы и привычки; если онъ описываетъ уличное движеніе въ Лондонѣ, вы видите, какъ торопливо и озабоченно идутъ дѣловые люди, у которыхъ каждый шагъ—шилингъ, каждое слово—сдѣлка; тутъ же мимоходомъ онъ набрасываетъ толпу зѣвакъ, глазѣющую на ученаго пуделя, играющаго въ карты; проходятъ угольщикъ, трубочистъ; шикарно разодѣтая лэди пугливо бросается отъ нихъ въ сторону; возы съ тяжелой кладью громко катятся по только-что вымощенной мостовой; громко бранятся вѣчно полупьяные полисмэны; передъ кукольнымъ театромъ волнуется и гогочетъ чернь, а вдоль стѣны пробирается «странно одѣтый и коротко

остриженный пуританинъ»; степенно выступаютъ горожанки въ башмакахъ на высокихъ каблукахъ; два полисмэна разбрасываютъ отравленные комочки хлѣба бродячимъ собакамъ; въ табачной лавочкѣ важно засѣдаютъ курильщики, а два-три человѣка съ любопытствомъ смотрятъ на нихъ съ улицы, интересуясь этимъ недавно укоренившимся обычаемъ; нѣмецкіе наемные офицеры сидятъ на площадкѣ передъ военными погребами и, вѣроятно, бесѣдуютъ о своихъ необычайныхъ подвигахъ; шумно проходитъ ватага разгульной молодежи, слышны божба, брань, непристойность; недалеко пляшутъ испанскія танцовщицы съ гитарой и кастаньетами, а тамъ завязалась драка между ландскнехтами и матросами голландскаго корабля.

Другой разъ авторъ переноситъ зрителя въ домъ зажиточнаго буржуа. Стѣны въ этомъ уютномъ комфортабельномъ домѣ чисто выбѣлены; некрашенный досчатый полъ устланъ цыновками, на полкахъ разставлена посуда, а въ простѣнкахъ повѣшены картины, изображающія далекое плаваніе Дрэка. Въ домѣ все дѣлается по разъ заведенному порядку, все размѣрено по часамъ. Въ опредѣленное время читаютъ Библію, въ опредѣленное время обѣдаютъ, причемъ за столъ садятся всѣ вмѣстѣ, и господа, и слуги, большая солонка посреди стола служитъ границею, отдѣляющей однихъ отъ другихъ, всѣ блюда подаются разомъ на столъ и обѣдъ идетъ безпрерывно. У хозяина и у почетнаго гостя въ рукахъ вилки, другимъ членамъ семьи этой роскоши не полагается. Разговоръ за столомъ идетъ о томъ, о семъ, вспоминаютъ послѣдній каламбуръ Шарльтона, потомъ завязывается споръ о новой пьесѣ Мадльтона «Игра въ шахматы», гдѣ трактуется объ отношеніи англиканской церкви къ папѣ римскому. Кто-то изъ пожилыхъ пускается въ воспоминанія: «Въ наше время театръ былъ лучше, тогда всѣми увеселеніями завѣдывалъ Монди, онъ не чета нынѣшнимъ писакамъ». Особенный интересъ возбуждаетъ главная новость того времени—первая газета; отъ нея разговоръ переходитъ на издательское дѣло. Такимъ образомъ, комедія дѣлается какъ бы зеркаломъ того времени.

Теперь обратимся къ дѣйствующимъ лицамъ комедіи.

Бенъ Джонсонъ хорошо былъ знакомъ со всѣми слоями общества, отъ придворнаго до солдата и бродяги. Особенности языка каждаго тоже схвачены имъ вѣрно. Придворный, напримѣръ, разговаривая съ дамой, клянется бѣлоснѣжными лиліями ея рукъ, душистыми розами ланитъ, пурпуромъ устъ. «Всѣ боченки въ глубокомъ погребѣ моего сердца преисполнены опьяняющимъ виномъ страсти». Кромѣ того, придворный умѣетъ «придавать всѣ выраженія своему лицу, за исключеніемъ умнаго».

Типъ скряги выведенъ у Бена Джонсона въ одной изъ лучшихъ его комедій «Volpone» (производное отъ volpe—лисица). Мѣстомъ дѣйствія взята Венеція, но характеры и нравы чисто англійскіе. Богатый аристократъ Вольпоне всю жизнь только и дѣлаетъ, что копитъ богатства. Это узнается съ первой же сцены.

— Привѣтъ мой дню,—говоритъ Вольпоне,—потомъ привѣтъ, о золото, тебѣ! Открой раку, чтобъ я могъ видѣть моего святого.

Подъ святымъ, конечно, подразумѣвается золото и разныя драгоцѣнности.

Привѣтъ тебѣ, душа вселенной и моя! О, солнца сынъ,
Блестящій болѣе отца, позволь себя облобызать
Въ знакъ почитанія тебя и всѣхъ сокровищъ,
Благословенной этой комнаты священнѣйшихъ реликвій.

Въ это время карликъ, евнухъ и домашній андрогенъ поютъ что-то вродѣ языческой интермедіи, разсказывая въ стихахъ метаморфозы андрогена, который сначала былъ душою Пиѳагора.

Не имѣя ни дѣтей, ни родныхъ, Манифико Вольпоне прикидывается вѣчно больнымъ и подаетъ всѣмъ льстецамъ надежду сдѣлать каждаго изъ нихъ своимъ единственнымъ наслѣдникомъ. Онъ доволенъ тѣмъ, что можетъ вымогать такимъ образомъ у нихъ золото и въ то же время надувать ихъ, это доставляетъ ему двойное удовольствіе.

Но вотъ приходитъ адвокатъ Вольторъ и приноситъ въ даръ большое серебряное блюдо; Вольпоне обертывается пластырями и бинтами и ложится въ подушки.

Вольпоне. Ну, выручайте, апоплексіи, катарры, подагры, три года уже я обогащаюсь при вашей помощи.

Моска (слуга). Г-нъ Вольторъ пріѣхали узнать о вашемъ здоровьи.

Вольпоне (*кашляетъ*). Не слышу.

Моска. Господинъ адвокатъ пришелъ къ вамъ, его безпокоитъ состояніе вашего здоровья.

Вольпоне. Благодарю.

Моска. Онъ принесъ вамъ серебряное блюдо.

Вольпоне. Благодарю; проси его заходить почаще; онъ утѣшаетъ послѣднія минуты умирающаго. (*Вольторъ подходитъ къ самой постели и участливо спрашиваетъ о здоровьи*).

Вольпоне. Благодарю васъ; гдѣ вы? Я хочу осязать васъ; глаза плохо у меня видятъ... чувствую, что умираю... ваша доброта не останется безъ награды.

Моска. Слышите, слышите, это онъ васъ хочетъ сдѣлать наслѣдникомъ.

Вольторъ. Да вѣрно ли? Я ли наслѣдникъ?

Моска. Еще бы! Только умоляю васъ, синьоръ, возьмите меня въ число вашей прислуги. Вся надежда на васъ. Я погибну, если меня не озаритъ лучъ восходящаго солнца.

Вольторъ. Не только озаритъ, но и согрѣетъ тебя, Моска!

Моска. Повѣрьте, синьоръ, что я не изъ тѣхъ, которые лгутъ и обманываютъ. Вѣдь я берегу всѣ ключи отъ вашихъ будущихъ сокровищъ, я храню реестръ посуды и серебра; я экономъ вашего имущества.

Вольторъ. Но одинъ ли я наслѣдникъ?

Моска. Сургучъ еще не успѣлъ остыть и чернила высохнуть на завѣщаніи, сдѣланномъ въ вашу пользу.

Вольторъ. О, я счастливѣйшій изъ смертныхъ! Чему я обязанъ этимъ счастьемъ?

Моска. Своимъ достоинствамъ, синьоръ! Только этимъ и можно объяснить вашу удачу.

Моска пускается перечислять богатства своего господина, обѣщаетъ

достать реестръ имущества и показать копію съ духовнаго завѣщанія. Вольторъ, у котораго отъ подробностей и перспективы скораго обогащенія начинаетъ кружиться голова, уходитъ радостнымъ и довольнымъ изъ дома Вольпоне. На смѣну ему приходитъ Корбаччіо, больной и дряхлый старикъ. Моска и его привѣтствуетъ, какъ хорошаго знакомаго.

Корбаччіо. Какъ здоровье больного?

Моска. Какъ всегда, во всякомъ случаѣ не улучшается.

Корбаччіо. Такъ онъ не выздоравливаетъ?

Моска. Нѣтъ, синьоръ, ему все хуже.

Корбаччіо. Это хорошо. Можно его видѣть?

Моска. Онъ только-что заснулъ.

Корбаччіо. А какъ онъ почиваетъ?

Моска. Онъ почти всю ночь напролетъ не смыкаетъ глазъ и все время бредитъ.

Корбаччіо. Недурно! Ему слѣдовало бы посовѣтоваться съ докторами, а то пусть вотъ приметъ опіумъ, приготовленный моимъ докторомъ.

Моска. Что вы, что вы! О лекарствахъ онъ и слышать не хочетъ.

Корбаччіо. Напрасно. Я самъ лично присутствовалъ при изготовленіи лекарства, самъ свидѣтельствовалъ всѣ специи и увѣренъ, что оно принесетъ только пользу. Клянусь жизнью, что оно только усыпитъ его!

Вольпоне. Да, заснешь, чтобы больше не проснуться.

Моска. Синьоръ не вѣритъ медицинѣ.

Корбаччіо. Что такое вы говорите, а?

Моска. Онъ не довѣряетъ медицинѣ, говорю я; по его мнѣнію, всѣ доктора по большей части—наибольшая опасность и самая худшая болѣзнь, которую нужно по возможности избѣгать. Онъ мнѣ не разъ говаривалъ, что не назначитъ своимъ наслѣдникомъ вашего доктора.

Корбаччіо. Какъ, наслѣдникъ не я?

Моска. Наслѣдникомъ будетъ не вашъ докторъ.

Корбаччіо. Ну да, ну да! Я никогда объ этомъ и не думалъ.

Моска. Ему не нравится платить имъ гонораръ. Онъ говоритъ, что доктора, прежде чѣмъ убить своего паціента, грабятъ его.

Корбаччіо. Это вѣрно.

Моска. Они производятъ опыты надъ больнымъ, за которые получаютъ отъ правительства награду, а мой господинъ не хочетъ оплачивать пошлиной свою смерть. Вы меня понимаете?

Корбаччіо. Это совершенно вѣрно: они убиваютъ на тѣхъ основаніяхъ, какъ и судья.

Моска. Даже болѣе, такъ какъ судья можетъ убить васъ лишь въ томъ случаѣ, когда ему повелѣваетъ это законъ, а докторъ можетъ убить васъ, когда ему вздумается.

Корбаччіо. Да и меня, и всякаго другого. Ну, а какъ его апоплексія? Что, онъ все еще разбитъ?

Моска. И очень сильно, синьоръ. Голосъ у него прерывистый, глаза почти всегда закрыты, а лицо неимовѣрно вытянулось.

Корбаччіо. Какъ, какъ? Я не понялъ.

Моска. Лицо у него очень вытянулось, говорю я.

Корбаччіо. А, это хорошо!

Моска. Ротъ у него почти всегда полуоткрытъ, а вѣки закрыты.

Корбаччіо. Хорошо!

Моска. Всѣ его члены холодны, какъ ледъ, тѣло же приняло свинцовый оттѣнокъ.

Корбаччіо. О, это очень хорошо!

Моска. Пульсъ слабый и медленный.

Корбаччіо. Тоже хорошій симптомъ.

Моска. А изъ мозга...

Корбаччіо. Я васъ понимаю.

Моска. А изъ мозга безпрестанно струится холодная сукровица и вытекаетъ изъ угловъ глазъ въ видѣ гноя.

Корбаччіо. Возможно ли? О, въ такомъ случаѣ я поздоровѣе его буду. А какъ обстоятъ дѣла по части головокруженія?

Моска. О, синьоръ, онъ уже прошелъ этотъ періодъ. Теперь онъ потерялъ сознаніе и пересталъ двигаться. Едва слышно, какъ онъ дышитъ.

Корбаччіо. Превосходно, превосходно! Я увѣренъ, что переживу его: это молодитъ меня сразу на двадцать лѣтъ.

Моска. Я собирался только-что идти за вами.

Корбаччіо. Составилъ онъ духовное завѣщаніе? Что онъ мнѣ отказалъ?

Моска. Нѣтъ, синьоръ!

Корбаччіо. Какъ? Ничего?

Моска. Онъ еще не составлялъ духовнаго.

Корбаччіо. Такъ зачѣмъ же приходилъ сюда нотаріусъ Вольторъ?

Моска. Онъ почуялъ запахъ мертвечины, когда я посовѣтывалъ своему господину завѣщать все состояніе въ вашу пользу.

Корбаччіо. Онъ приходилъ къ нему?

Моска. Да, онъ принесъ ему въ подарокъ вотъ это серебряное блюдо.

Корбаччіо. Это для того, чтобы тотъ сдѣлалъ его наслѣдникомъ.

Моска. Не знаю, синьоръ.

Корбаччіо. Да, но я знаю. Хорошо же. Вотъ тебѣ, Моска, мѣшокъ съ блестящими секинами, они на вѣсахъ потянутъ больше серебрянаго блюда.

Моска. Отлично, синьоръ. Вотъ это лекарство настоящее; его нельзя сравнить съ какимъ-нибудь опіумомъ.

Корбаччіо. Еще бы, вѣдь это чистое золото!

Моска. Оно превосходно на него подѣйствуетъ.

Корбаччіо. Ну, этого я совсѣмъ бы не желалъ; тогда отдай мнѣ это обратно.

Моска. Что вы, что вы, синьоръ! Неужели вы себѣ добра не желаете. Я хочу вамъ дать добрый совѣтъ на счетъ полученія наслѣдства.

Корбаччіо. Какой же?

Моска. Все его имущество будетъ принадлежать вамъ безраздѣльно.

Корбаччіо. Но какимъ образомъ, Моска?

Моска. Я сейчасъ объясню все вамъ. Онъ переживетъ кризисъ.

Корбаччіо. Хорошо! А дальше?

Моска. И какъ только онъ достаточно окрѣпнетъ, я заставлю его передѣлать духовное въ вашу пользу.

Корбаччіо. Такъ, такъ.

Моска. А можно сдѣлать еще лучше, если вы меня послушаете, синьоръ!

Корбаччіо. Я готовъ отъ всего сердца.

Моска. Пойдите сейчасъ домой и приготовьте завѣщаніе, въ которомъ единственнымъ вашимъ наслѣдникомъ будетъ являться мой господинъ.

Корбаччіо. Какъ, лишить наслѣдства сына?

Моска. О, тѣмъ лучше, это произведетъ тѣмъ большій эффектъ!

Корбаччіо. Но что жь такое эффектъ!

Моска. Это завѣщаніе, синьоръ, вы пришлете мнѣ. И когда я послѣ того начну говорить о вашихъ заботахъ, о вашихъ молитвахъ и безпокойствахъ, о вашихъ безчисленныхъ подаркахъ, до сегодняшняго включительно, и, наконецъ, покажу ваше завѣщаніе, изъ котораго онъ увидитъ, что вы повили его своей любовью, какъ пеленами, и сдѣлали единственнымъ наслѣдникомъ, я думаю, онъ не будетъ такъ глупъ и глухъ, чтобы хоть ради одной благодарности...

Корбаччіо. Не сдѣлать меня въ свою очередь своимъ наслѣдникомъ.

Моска. Вѣрно!

Корбаччіо. Я уже думалъ объ этой комбинаціи.

Моска. Вѣрю вамъ.

Корбаччіо. Не вѣрите?

Моска. Нѣтъ, я вѣрю, синьоръ!

Корбаччіо. Это мой собственный проектъ.

Моска. Когда онъ осуществится...

Корбаччіо. Тогда я буду наслѣдникомъ Вольпоне.

Моска. А вы его, навѣрное, переживете.

Корбаччіо. Я?

Моска. Вы такъ сильны еще.

Корбаччіо. Это вѣрно!

Моска. Повѣрьте мнѣ, синьоръ.

Корбаччіо. Я объ этомъ уже думалъ.

Моска. Ну, еще бы!

Корбаччіо. Это мое изобрѣтеніе.

Моска. Небо свидѣтель, синьоръ, что я забочусь только о вашемъ благополучіи.

Корбаччіо. Я васъ понимаю, любезный Моска.

Моска. Для васъ я только и работаю здѣсь.

Корбаччіо. Да, да, я такъ и сдѣлаю.

Достигнувъ, чего ему нужно, Моска начинаетъ послѣ этого потѣшаться вслухъ надъ глухимъ Корбаччіо, устраивая такимъ образомъ своему господину безплатный спектакль.

Моска. Ну, убирайся, старая ворона!

Корбаччіо. Да, да, я знаю, что вы честный малый.

Моска. А вы старый плутъ.

Корбаччіо. И...

Моска. И вашъ разсудокъ не лучше вашихъ ушей.

Корбаччіо. Будь спокоенъ, я стану для тебя вторымъ отцомъ.

Моска. Я тоже. Можете не безпокоиться, охулки на руку не положу.

Корбаччіо. Да отчего же, можетъ быть, юность ко мнѣ и вернется.

Моска. Ваша честь оселъ и оселъ замѣчательный!

Корбаччіо. Что вы говорите?

Моска. Я говорю, что вамъ слѣдуетъ поторопиться, синьоръ.

Корбаччіо. Да, да, я сейчасъ пойду.

Вольпоне. Но это невозможно! Я лопну отъ смѣха.

Моска. Погодите, онъ сейчасъ уйдетъ. (*Корбаччіо уходитъ*).

Вольпоне. О, мой плутъ! Дай я тебя расцѣлую, Моска! Я и не подозрѣвалъ въ тебѣ такого ума.

Моска. Увы, синьоръ, я поступаю такъ, какъ меня учатъ, и слѣдую только вашимъ наставленіямъ: обманывать словами людей, лить имъ елей въ уши и затѣмъ отсылать.

Вольпоне. Вѣрно, вѣрно. Какое рѣдкое наказаніе скупости.

Моска. Съ нашей помощью, синьоръ!

Вольпоне. Но кто опять стучитъ?

Моска. Скорѣй въ кровать, синьоръ! Я узнаю этотъ голосъ. Это Корвино, торговецъ лимонада.

Вольпоне. Я готовъ.

Моска. Закройте глаза. Кто тамъ?..

Является купецъ Корвино и приноситъ крупную жемчужину и бриллiантъ.

— Наслѣдникъ я?—спрашиваетъ онъ у Моска *).

— Да, разумѣется, вы,—отвѣчаетъ ему Моска,—здѣсь были уже Корбаччіо, Вольторъ и сотня другихъ, но я взялъ перо и чернила и спросилъ, кого онъ хочетъ избрать наслѣдникомъ. «Корвино». А кого въ душеприказчики? «Корвино». На дальнѣйшіе мои вопросы онъ только покачивалъ головой, а я истолковывалъ ихъ въ вашу пользу.

— О, милѣйшій Моска! Однако, вѣдь у него могутъ оказаться дѣти?

— Незаконнорожденные. У него ихъ съ дюжину, если не больше, онъ прижилъ ихъ отъ разныхъ нищенокъ, цыганокъ, мавританокъ, жидовокъ. Да вы не бойтесь, онъ вѣдь глухъ и ничего не слышитъ. Смѣйтесь громко, ругайте и издѣвайтесь надъ нимъ. Хотите, я его прикончу.

— Пожалуйста, только послѣ моего ухода.

Корвино уходитъ, а Вольпоне сбрасываетъ съ себя пластыри и, разсмотрѣвъ приношенія, проситъ Моска приготовить все нужное для пира и наслажденія.

— Турокъ,—говоритъ Вольпоне,—не такъ сладострастенъ, какъ буду сладострастенъ сегодня я.

Моска въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ описываетъ ему красоту Челіи, жены Корвино. Вольпоне переодѣвается и идетъ пѣть подъ окна дома Корвино. Увидавъ Челію, онъ влюбляется и проситъ Моска во что

---

*) Мы слѣдуемъ дальше изложенію Тэна.

бы то ни стало привести ее къ нему. Моска отправляется къ Корвино и разсказываетъ ему, что докторъ при помощи особаго лекарства поставилъ на ноги его барина и теперь для окончательнаго выздоровленія ему нужна хорошенькая женщина.

— Докторъ уже предлагалъ намъ свою родственницу, да я отказалъ, боясь, что онъ этимъ пріобрѣтетъ благорасположеніе барина.

— Подлецъ, мерзавецъ!—восклицаетъ Корвино и, не желая, чтобы всѣ его труды пропали даромъ предлагаетъ Вольпоне свою жену, несмотря на всю свою ревность.

Онъ слишкомъ далеко зашелъ и отступать теперь поздно. Онъ ведетъ свою жену, всю въ слезахъ, къ Вольпоне. Моска является и докладываетъ барину.

Моска. Синьоръ Корвино, узнавъ, чѣмъ можно вамъ помочь, привелъ или, вѣрнѣе, рѣшилъ отдать на посрамленье...

Корвино. Благодарю, Моска.

Моска. И при этомъ, обратите, сударь, вниманіе, совершенно добровольно...

Корвино. Прекрасно.

Моска. Отдать вамъ на прокатъ свою законную жену, прелестную женщину, гордость Венеціи.

Корвино. Отлично, Моска!

Челія остается наединѣ съ Вольпоне, и тотъ, откинувъ притворную хворь, кидается къ ней, обнимаетъ ее, поетъ любовную пѣснь, раскладываетъ передъ ней жемчугъ и бриллiанты и приходитъ въ восторгъ при видѣ игры каменьевъ.

Вольпоне. Носи ихъ, теряй, бросай, дѣлай съ ними все, что хочешь, у меня остается еще пара серегъ, за которыя можно купить все государство, жемчужины для меня нипочемъ, мы ихъ много съѣдимъ за обѣдомъ, за нашимъ столомъ будутъ подаваться всякія рѣдкія блюда, соловьиные языки, павлиньи и страусовые мозги. Я буду купать тебя въ ваннахъ изъ молока единороговъ, изъ эссенціи розъ и эссенціи фіалокъ. Мы будемъ пить лучшія вина изъ золотыхъ кубковъ и пить до тѣхъ поръ, пока крыша не завертится надъ нашими головами, а въ это время насъ будутъ потѣшать карликъ, мой евнухъ и шутъ. Мы же сами изобразимъ въ лицахъ всѣ метаморфозы Овидія. Сначала я представлю Юпитера, а ты Европу, я возьму на себя роль Марса, а ты Венеры, и такъ далѣе, пока не переберемъ всѣ до единой.

Челія. Оставь меня во имя совѣсти.

Вольпоне. О, совѣсть—добродѣтель нищихъ! Если ты не уступишь мнѣ, я употреблю насиліе.

Завязывается борьба, но въ это время въ комнату врывается Бонаріо, сынъ Корбаччіо, и отнимаетъ Челію изъ рукъ Вольпоне, а затѣмъ подаетъ на него жалобу въ судъ.

Сцена на судѣ—одно изъ самыхъ сатирическихъ мѣстъ въ комедіи. Трое негодяевъ, претендующихъ на наслѣдство, являются защищать своего мнимаго благодѣтеля. Корбаччіо отказывается отъ сына и обвиняетъ его въ отцеубійствѣ. Корвино увѣряетъ всѣхъ, что жена его состоитъ въ прелюбодѣйной связи съ Бонаріо. «Женщина эта,—говоритъ онъ о своей женѣ,— просто непотребная женщина, господинъ судья, и въ высокой степени страстная, она всегда ржетъ, какъ кобыла». Въ

такомъ духѣ онъ продолжаетъ далѣе и доходитъ до непозволительныхъ деталей, пока Челія не падаетъ въ обморокъ. Вольпоне вносятъ на креслѣ всего перебинтованнаго, и адвокатъ Вольторъ защищаетъ его въ искусной рѣчи, каждое слово которой стоитъ по секину штука. Судья заключаетъ въ тюрьму Челію и Бонаріо и оправдываетъ Вольпоне. Эта удача дѣлаетъ его еще болѣе наглымъ и онъ рѣшаетъ сыграть штуку еще почище прежнихъ. Онъ распускаетъ слухъ о своей смерти, а завѣщаніе составляетъ въ пользу слуги Моски. Претенденты, конечно, тотчасъ же приходятъ къ нему на квартиру. Моска съ развернутымъ завѣщаніемъ сидитъ за столомъ и съ важнымъ видомъ перечитываетъ списокъ вещей: «Девять турецкихъ ковровъ, два ящика слоновой кости»...

Вольторъ. Гдѣ завѣщаніе, Моска?

Моска. Двѣ шкатулки: одна слоновая, другая перламутровая...

Корбаччіо. Гдѣ же завѣщаніе?

Моска. Два шитыхъ золотомъ костюма, три бархатныхъ плаща...

Корвино. Гдѣ завѣщаніе? Я сейчасъ же выгоню отсюда этихъ жадныхъ шакаловъ.

Моска (*черезъ плечо передаетъ ему завѣщаніе*). Два рѣзныхъ шкапа: одинъ съ серебромъ, другой...

Корвино (*съ ужасомъ*). Что же это значитъ? Наслѣдникомъ объявленъ Моска!

Наслѣдники волнуются и чуть не падаютъ въ обморокъ отъ неожиданнаго горя, Моска же, покончивъ съ чтеніемъ, выгоняетъ ихъ вонъ. Онъ говоритъ Корвино:

— Ну, чего вы здѣсь ждете, на что надѣетесь, вѣдь васъ не только я, всѣ считаютъ осломъ набитымъ и увѣрены, что вы согласились бы носить рога добровольно. Вы думаете, эта жемчужина и этотъ брилліантъ были ваши? Совершенно вѣрно. А теперь они мои и за это вамъ спасибо.

Корбаччіо. Плутъ, рабъ, такъ ты и меня обморочилъ?

Моска. Точно такъ, синьоръ. Только вы закройте вашу пасть, не то я вамъ выбью вашъ послѣдній зубъ. Вѣдь вы мерзкій скряга, который въ продолженіе трехъ лѣтъ ковылялъ сюда изо-дня-въ-день, вынюхивая своимъ поганымъ носомъ здѣсь добычу. Не вы ли хотѣли подкупить меня, чтобъ я отравилъ своего господина, не вы ли на судѣ клеветали на своего сына и принимали ложную присягу. Ступайте-ка теперь себѣ съ Богомъ домой и сгнивайте тамъ съ досады.

Чтобы добить ихъ окончательно, Вольпоне переодѣтымъ выходитъ въ комнату и привязывается къ каждому поочереди. Моска продолжаетъ распоряжаться въ домѣ, какъ полновластный хозяинъ, а затѣмъ требуетъ отъ своего господина половину состоянія. Между ними происходитъ ссора, доходящая до суда. Оба плута и трое претендентовъ приговариваются на галеры и заключаются въ тюрьму. Ихъ выставляютъ къ позорному столбу, «гдѣ народъ выбьетъ имъ глаза гнилыми яблоками и тухлыми яйцами».

Эта комедія по справедливости считается лучшей изъ всѣхъ бытовыхъ комедій Бена Джонсона. Характеръ Вольпоне разработанъ не такъ односторонне. Онъ не только скупецъ, собирающій богатства для богатства, но не прочь издѣваться надъ ближними и мучить ихъ ради своего собственнаго удовольствія. Моска представляетъ собой типъ слуги изворотливаго, изобрѣтательнаго плута и мошенника, типъ, ко-

торый много разъ попадается во французской литературѣ, особенно у Мольера (Скапэнъ, напримѣръ). Комедію «Вольпоне» можно отнести къ разряду комедій ситуаціи, такъ какъ запутанность положенія здѣсь на первомъ планѣ. Къ этому же разряду слѣдуетъ причислить и другое произведеніе Бена Джонсона, «Молчаливая женщина».

Морозъ—полупомѣшанный старикъ—не можетъ выносить шума и нарочно поселился на такой узкой улицѣ, по которой не въ состояніи проѣхать карета. Вожаковъ медвѣдей и дуэлистовъ, останавливающихся у его оконъ, онъ прогоняетъ палкой и отказываетъ слугѣ только потому, что у него скрипятъ новые башмаки. Новый слуга носитъ шерстяныя туфли и говоритъ шепотомъ въ слуховую трубу. Племянникъ его Дофинъ, умный человѣкъ, постоянно нуждающійся къ тому же въ деньгахъ и не могущій вырвать у дядюшки ни копейки, желая насолить, подсылаетъ къ нему красавицу Эпикену. Морозъ приходитъ въ восторгъ отъ ея краткихъ отвѣтовъ и чуть слышнаго голоса и женится на ней. Эпикена, едва вернувшись изъ подъ вѣнца, начинаетъ болтать и говоритъ такъ громко, какъ цѣлая дюжина бабья. Морозъ приходитъ, понятно, въ ужасъ, а жена набрасывается на него съ упреками: «Неужели ты думаешь,—кричитъ она,—что ты женился на статуѣ и на французской куклѣ, которая будетъ водить глазами, когда ее дернутъ за веревочку? Или ты думаешь, что я идіотка изъ сумасшедшаго дома и буду стоять, какъ окаменѣлая, руки по швамъ, ротъ на сторону и выпуча глаза?». Она отдаетъ приказаніе прислугѣ говорить громко и посылаетъ за своими подругами. Тѣ являются цѣлой толпой и шумно поздравляютъ молодыхъ. На Мороза накидываются нѣсколько женщинъ сразу и осаждаютъ его вопросами, забрасываютъ совѣтами и упреками. Приходитъ товарищъ Дофина съ музыкантами, и тѣ принимаются играть во всю мочь. «Но вѣдь это заговоръ, прямо таки заговоръ, — восклицаетъ Морозъ, — они бьютъ по мнѣ точно по наковальнѣ и скоро расколятъ меня на куски». Слуги приносятъ кушанья, гости шумно усаживаются за столъ, произносятъ тосты, поютъ, играютъ. Морозъ спасается на чердакъ, надѣваетъ на себя двадцать ночныхъ колпаковъ, затыкаетъ уши, а гости кричатъ: «Барабанщики, бей! Трубачи, играй! Теперь давайте пить и вольною пятою о землю бить».—«Подлецы, мерзавцы,—кричитъ Морозъ,—разбойники, что вамъ здѣсь нужно?». Но пиръ все продолжается, гвалтъ увеличивается. Какой-то подвыпившій капитанъ задѣваетъ честь молодой, та кидается на него съ кулаками, слышатся удары, крикъ, хохотъ, пѣсни, трескотня. Морозъ не выдерживаетъ характера, и съ помутившимися глазами, съ пѣной у рта, бросается на гостей съ длинной рапирой. Онъ разбиваетъ инструменты и прогоняетъ гостей. Тогда его начинаютъ увѣрять, что онъ лишился разсудка, и въ присутствіи его спорятъ о болѣзни. Обращаются къ медицинскимъ книгамъ и рѣшаютъ, что нужно громко читать по нимъ, чтобы вылечить его отъ болѣзни. При этомъ говорятъ, что его жена во снѣ бредитъ и храпитъ на подобіе морской свинки. «О, горе, горе!», восклицаетъ Морозъ и обращается съ просьбой о помощи къ Дофину. Племянникъ приводитъ къ нему двухъ шарлатановъ, изъ которыхъ одинъ одѣтъ священникомъ, другой адвокатомъ, и они, бомбардируя другъ друга латинскими цитатами, спорятъ и кричатъ больше, чѣмъ еврейскій кагалъ. По ихъ совѣтамъ, Морозъ

объявляетъ себя физически неспособнымъ къ брачному сожительству. Присутствующіе хотятъ покачать его на одѣялѣ, другіе предлагаютъ тотчасъ же освидѣтельствовать. Морозъ конфузится, не знаетъ, куда дѣться отъ стыда, а тутъ еще жена объявляетъ, что согласна сохранить его, какимъ онъ есть. Тогда законникъ предлагаетъ другой путь для развода. Пусть Морозъ докажетъ, что жена ему невѣрна. Два находящіеся тутъ кавалера хвастаютъ, будто были ея любовниками. Эпикена начинаетъ плакать. Морозъ прыгаетъ отъ радости, но законникъ говоритъ, что любовники у нея были до брака, а это недѣйствительно. Выходитъ, что Морозъ объявляетъ себя сперва неспособнымъ къ браку, затѣмъ женившимся на развратной женщинѣ и, что всего хуже, безъ всякаго для себя профита. Наконецъ, въ дѣло вмѣшивается Дофинъ: «Давайте, дядюшка, мнѣ по пятисотъ гиней въ годъ, и я васъ выручу». Старикъ съ радостью подписываетъ дарственную запись, послѣ чего племянникъ доказываетъ ему, что Эпикена переодѣтый мальчикъ.

Въ другихъ комедіяхъ Бенъ Джонсонъ попрежнему выводитъ общественные типы и язвительно бичуетъ пороки своихъ современниковъ. Къ такимъ комедіямъ прежде всего надо отнести «Алхимика».

Дѣйствіе открывается жестокой ссорой алхимика съ своимъ помощникомъ, въ кругъ обязанностей котораго входила задача распространять подъ сурдинку въ толпѣ молву о чудесныхъ знаніяхъ алхимика и раздавать адреса. Ссора происходитъ изъ-за дѣлежа денегъ, оба шарлатана укоряютъ другъ друга въ мошенничествѣ. Брань прекращаетъ дѣвушка, любовница алхимика и въ то же время гадальщица по магическому зеркалу. По законамъ магіи и чернокнижія, въ магическое зеркало могла смотрѣть только непорочная женщина, но чаще эту обязанность несла на себѣ жена алхимика или его любовница. Помирившись, сообщники приготовляются къ пріему посѣтителей. Бенъ Джонсонъ, описывая лабораторію, доказываетъ основательное знаніе не только тогдашней химіи, но и магіи, и чернокнижія. Начинаются визиты; появляются люди всѣхъ профессій и состояній; кто гадаетъ о будущемъ, кто покупаетъ средства разбогатѣть; тутъ и дворянинъ, и мелкій писецъ отъ нотаріуса, и строгій пуританинъ, купецъ, ханжа, священникъ, законникъ. Шарлатаны XVII вѣка, какъ и современныя гадалки, стараются окружить себя ореоломъ таинственности, а иногда и святости. Непремѣннымъ условіемъ алхимикъ ставитъ безусловную чистоту, одна грѣховная мысль, не говоря уже о поступкѣ, можетъ помѣшать исполненію желаемаго. Этимъ пріемомъ онъ достигаетъ сразу двухъ цѣлей: во-первыхъ, заманиваетъ къ себѣ различныхъ изувѣровъ и ханжей, во-вторыхъ, всегда въ случаѣ неудачи можетъ найти въ этомъ оправданіе. Другой пріемъ, которымъ алхимикъ ошеломляетъ своихъ кліентовъ, это масса всевозможныхъ техническихъ терминовъ и безсмысленныхъ заклинаній. Бенъ Джонсонъ съ неподражаемымъ юморомъ и талантомъ разоблачаетъ передъ зрителями эту пустую шумиху словъ. Пьеса оканчивается раскрытіемъ непозволительныхъ продѣлокъ алхимика, и его вмѣстѣ съ сообщникомъ сажаютъ въ тюрьму.

Серія общественныхъ типовъ появляется еще разъ въ другой комедіи «Посрамленный бѣсъ», сюжетъ которой, повидимому, навѣянъ повѣстью Маккіавелли «Бельфагоръ».

Сатана посылаетъ бѣса въ Лондонъ совращать людей съ пути истиннаго. Чортъ знакомится съ представителями всѣхъ слоевъ лондонскаго общества, но, несмотря на свою опытность, къ стыду своему, долженъ сознаться, что въ аду далеко отстали отъ столицы Англіи. Какіе бы способы разврата ни придумывалъ чортъ, представители высшихъ классовъ давали ему въ этомъ дѣлѣ нѣсколько очковъ впередъ и далеко превосходили его своей развратной жизнью. Чортъ сталъ придумывать остроумнѣйшіе способы надувать простаковъ, но лондонскіе купцы сумѣли перехитрить даже его самого. Одураченный и осмѣянный бѣсъ возвращается въ адъ и докладываетъ сатанѣ, что въ Лондонѣ чертямъ буквально нечего дѣлать.

Ни одинъ изъ писателей не далъ такихъ яркихъ типовъ своего времени, какъ Бенъ Джонсонъ. Кажется, нѣтъ ни одного сословія, котораго бы ни осмѣялъ этотъ остроумный сатирикъ. У него есть комическіе типы бездарнаго поэта, разбогатѣвшаго буржуа, заносчиваго придворнаго, сельскаго священника, ученой дамы, педанта-доктора, спекулянта, прожектера и т. п.

Типъ военнаго увѣковѣченъ Беномъ Джонсономъ въ лицѣ капитана Бобадиля,—роль, которую очень любилъ исполнять Чарльзъ Диккенсъ. Бобадиль глупъ, любитъ хвастать и врать. Познакомившись съ легковѣрнымъ джентльмэномъ, онъ разсказываетъ ему о своей изумительной храбрости, объ удивительномъ умѣньи фехтовать. Джентльмэнъ, чтобы упрочить такое лестное знакомство, ищетъ разыскивать его по городу и, къ немалому удивленію, узнаетъ, что знаменитый капитанъ живетъ въ домѣ водовоза, въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ кварталовъ города. На вопросъ, здѣсь ли живетъ капитанъ Бобадиль, ему отвѣчаетъ хозяйка дома: «Не только живетъ, но и должаетъ по шести пенсовъ въ день». Усадивъ гостя, капитанъ начинаетъ немилосердно хвастать, схватываетъ рапиру и наноситъ удары невидимому сопернику. «Я знаю punto, reverso, staccata и т. д. Я даже составилъ проектъ, который еще больше прославитъ меня: пусть мнѣ дадутъ десятка два такихъ же отчаянныхъ храбрецовъ, какъ я, и я ихъ научу тѣмъ ударамъ, которые извѣстны одному мнѣ: punto, reverso и т. д. Мы отправимся въ походъ и передъ лицомъ двухъ армій вызовемъ двадцать человѣкъ на единоборство; вотъ они выходятъ, мы нападаемъ и, такъ какъ они не знаютъ punto, reverso и т. д., мы ихъ убиваемъ; послѣ этого выходятъ еще двадцать, еще и еще, и мы всѣхъ убиваемъ. Если каждый изъ насъ убьетъ двадцать, то двадцать на двадцать будетъ двѣсти (капитанъ при всей своей храбрости плохой математикъ). Двѣсти враговъ на день или одна тысяча въ пять дней! Въ короткое время мы истреб...». Въ этотъ моментъ къ капитану входитъ одинъ изъ кредиторовъ и постыдно изгоняетъ его палкой.

Особенно часто Бенъ Джонсонъ насмѣхается въ своихъ комедіяхъ надъ пуританами, стараніями которыхъ нѣсколько лѣтъ позже были закрыты театры въ Англіи. «Ихъ лица багровы отъ религіознаго пламени, а, можетъ быть, и отъ пьянства,—говоритъ онъ о нихъ,—у нихъ такая обширная совѣсть и притомъ такая растяжимая, что можетъ стать шире океана».

Въ комедіи подъ заглавіемъ «Варѳоломеевская ярмарка» пуританамъ достается больше всего. Въ день ярмарки въ старой Англіи суще-

ствовалъ обычай подавать къ столу вареную свинину. У пуританина Визу спрашиваютъ, можно ли беременной женщинѣ ѣсть вареную свинину. «Желаніе это,—говоритъ Визу послѣ глубокаго размышленія,—дѣйствительно грѣховное, хотя и сродно женщинѣ... Свинина, если мы станемъ разсматривать ее съ философской точки зрѣнія, прежде всего мясо питательное и вкусное, а освященная свинина можетъ быть и святая. Но, разсуждая богословски, свинина эта была святою только во времена св. Варѳоломея, теперь же она не святая и... слѣдовательно, святою считать ее грѣхъ... да, больше даже—идолопоклонство!»—«Такъ научите насъ, какъ поступать въ данномъ случаѣ?»—«Гм... вопросъ этотъ довольно серьезный, а время теперь неподходящее для его разсмотрѣнія... впрочемъ, тутъ прежде всего два вопроса возникаютъ: если уничтожать свинину съ прожорливостью, то это будетъ грѣхъ, но если съ сердечнымъ сокрушеніемъ, то тутъ какой же грѣхъ? По моему, тогда ничего опаснаго, и я, если хотите, даже самъ попробую кусочекъ». Пуританинъ ѣстъ и пьетъ за четверыхъ и пьяный отправляется на площадь произносить проповѣдь. По дорогѣ ему попадается лотокъ съ дѣтскими игрушками, Визу опрокидываетъ его. «Это не игрушки,—кричитъ онъ,—а удочки дьявола, коими уловляются человѣки! Женщина, не препятствуй мнѣ, я ощущаю въ себѣ присутствіе духа, способнаго сокрушить сіе торжище идолопоклонническое и весь новый Вавилонъ съ нимъ!». Два констебля останавливаютъ его. «Кто вы такой?»—«Я тотъ, кто радуется всяческому поношенію и глумленію. Долой Ваала! Я разгромлю сей новый Вавилонъ!». Вдругъ онъ замѣчаетъ труппу актеровъ и устремляется на нихъ, но тѣ дружно принимаютъ его въ кулакъ и прогоняютъ толчками обратно.

Кромѣ комедій, Бенъ Джонсонъ писалъ еще трагедіи изъ римской жизни, которыхъ касаться мы не будемъ. Въ нихъ онъ также ярко проявилъ свой могучій талантъ и нѣкоторыя мѣста можно сравнить по силѣ съ Шекспировскими. Несмотря на большое количество пьесъ, Бенъ Джонсонъ подъ старость не сумѣлъ ничего скопить. Золото, получаемое имъ за сочиненія, быстро утекало изъ его дырявыхъ кармановъ и ему до самой смерти приходилось писать, чтобъ не умереть съ голоду. Между тѣмъ болѣзни—параличъ, скорбутъ, водянка—мѣшали ему заниматься съ прежнимъ рвеніемъ и усердіемъ, и послѣднія пьесы представляютъ лишь сплошныя слабыя мѣста, почти безъ искры вдохновенія. Жена и дѣти его умерли, и послѣдніе годы онъ жилъ совершенно всѣми покинутый. Умеръ Бенъ Джонсонъ въ 1637 году.

ГЛАВА XIII.

Шекспиръ.

Что такое англійскій юморъ? — Юморъ Шекспира. — Сцена изъ трагедіи «Антоній и Клеопатра» и «Троилъ и Крессида», какъ пародія на Иліаду Гомера.—Комедіи «Какъ вамъ угодно» и «Много шуму изъ ничего».—Беатриче и Розалинда.—Слуги и шуты.—Сэръ Джонъ Фальстафъ.

О Шекспирѣ такъ много писали, его столько разъ увѣнчивали лаврами и вновь развѣнчивали, сочиненія его разбирались такимъ множествомъ критиковъ, что сказать теперь о немъ что-либо новое стало почти не-

возможнымъ. Нѣкоторые изъ его поклонниковъ посвящали на изученіе этого великаго поэта цѣлую жизнь и, заканчивая разборъ произведеній Шекспира, говорили, что «лучшее и главное всетаки осталось невысказаннымъ»*). Что же должны сказать мы, разсматривающіе Шекспира, какъ одного изъ величайшихъ юмористовъ Англіи, хотя онъ и не былъ юмористомъ par excellence? Намъ остается только повторить Ломоносовскій стихъ: «Ты можешь ли Левіаѳана на удѣ вытащить на брегъ?»

Мы не станемъ разсказывать жизнь Шекспира,—о ней извѣстно очень мало и это малое знакомо каждому образованному человѣку, читавшему Шекспира. Къ тому же въ іюньской книжкѣ «Вѣстника» г. Дубинскій въ монографіи «Женщина» возобновилъ въ памяти читателей нѣкоторыя подробности изъ жизни великаго поэта. Поэтому, не желая повторяться, мы начнемъ прямо съ разбора произведеній Шекспира, въ которыхъ выразился его юморъ.

Юморъ Шекспира далеко не главная черта его творческаго генія. Это лишь одинъ изъ безчисленныхъ элементовъ поэзіи, которые вошли въ его творенія. Юморъ его никогда не заслоняетъ главной идеи комедіи, хотя по временамъ обнаруживается сильно и ярко, принимая при этомъ характеръ чисто англійскаго юмора.

Такъ какъ намъ еще не разъ придется прибѣгать къ этому выраженію при разборѣ другихъ англійскихъ юмористовъ и сатириковъ, то мы теперь разъ навсегда попробуемъ сдѣлать характеристику англійскаго юмора и отмѣтить его особенности. Понятіе объ юморѣ вообще довольно смутно въ литературѣ. Каждый критикъ характеризуетъ его по своему. Прочитывая разсужденія объ юморѣ Тэна, Жанъ-Поль Рихтера, Монтэня и др., наталкиваешься на множество противорѣчій, и лишь съ трудомъ можно вывести слѣдующую формулу: существенный характеръ юмора есть тѣсное органическое соединеніе веселаго, живого темперамента съ мыслью о тщетѣ и суетности всего земного. Юморъ считается почти исключительной принадлежностью англійской расы, хотя самые геніальные юмористы, какъ Рабле, Сервантесъ, Жанъ-Поль Рихтеръ, Гейне, принадлежатъ другимъ странамъ. Въ англійскомъ смыслѣ слово юмористъ означаетъ эксцентрика и оригинала. Любопытный портретъ такого юмориста даетъ Тэнъ въ своей «Histoire de la littèrature anglaise», въ лицѣ доктора Самуила Джонсона. Этотъ человѣкъ, больше похожій на быка по внѣшнему виду, имѣлъ массу странностей. Мы, для примѣра, приведемъ одну со словъ И. Тэна. «Его другъ разсказываетъ, что однажды онъ рѣшилъ подойти къ извѣстному мѣсту такъ, чтобы послѣдній шагъ былъ сдѣланъ правой ногой. Не успѣвъ въ этомъ въ первый разъ, онъ повторилъ опытъ снова и съ глубочайшимъ вниманіемъ отсчитывалъ шаги до тѣхъ поръ, пока блестящимъ образомъ не выполнилъ задуманнаго предпріятія».

Англійскій юморъ чуждъ веселости и добродушія. Французскій хроникеръ XIV столѣтія говоритъ, что «англичане смѣются печально». За исключеніемъ развѣ Стерна, всѣ остальные англійскіе юмористы представляютъ смѣсь разочарованія, мрачной мечтательности и глубокаго пессимизма. Свифтъ, напримѣръ, праздновалъ день своего

*) Кольриджъ.

рожденія тѣмъ, что читалъ то мѣсто въ Библіи, гдѣ Іовъ проклинаетъ день, въ который было сказано въ домѣ его отца, что сынъ людей родился.

У Шекспира есть одна превосходная юмористическая сцена съ такимъ именно мрачнымъ оттѣнкомъ. Это сцена, когда Помпей угощаетъ трехъ тріумвировъ: Октавія Цезаря, Антонія и Лепида, на палубѣ своего корабля *).

Антоній, подливая вина Лепиду, спаиваетъ его и затѣмъ, разсказывая ему про Египетъ, издѣвается надъ нимъ.

Лепидъ. У васъ тамъ водятся преудивительные гады.

Антоній. Водятся, Лепидъ.

Лепидъ. Сказываютъ, что ваши египетскіе гады зарождаются въ илѣ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, а также и крокодилы.

Антоній. Разумѣется.

Помпей. Прошу садиться. Вина! Здоровье Лепида!

Лепидъ. Я хоть и не совсѣмъ того... однако, не отстану.

Энобарбъ. Пока сонъ тебя не одолѣетъ. Боюсь только, что это случится раньше, чѣмъ отстанешь.

Лепидъ. Право, я слышалъ, что Птоломеевы пирамиды очень красивы, право, я слышалъ это.

Менасъ (*тихо Помпею*). Помпей, позволь тебѣ сказать два слова.

Помпей (*тихо Менасу*). Что тамъ такое? На ухо скажи!

Менасъ (*тихо*). Нѣтъ, встань изъ-за стола. Всего два слова.

Помпей (*тихо*). Такъ подожди. (*Громко*) Лепидъ, твое здоровье!

Лепидъ. Скажи мнѣ, что за штука крокодилъ?

Антоній. По наружному виду онъ совершенно походитъ на самого себя; именно: столько широкъ, сколько въ немъ ширины; какъ разъ такой длины, каковъ онъ есть, и движется помощью собственныхъ членовъ. Живетъ тѣмъ, чѣмъ питается, а когда лишается жизненной силы, переходитъ въ другія тѣла и образы.

Лепидъ. А какого онъ цвѣта?

Антоній. Также своего собственнаго.

Лепидъ. Удивительная гадина!

Антоній. Да, и слезы его мокры.

Цезарь. Удовлетворитъ ли его такое описаніе?

Антоній. При помощи Помпеева вина, на то онъ истый Эпикуръ.

(*Въ это время Менасу удается отвлечь Помпея въ сторону*).

Менасъ (*тихо Помпею*). Желаешь быть ты властелиномъ міра?

Помпей. Но какъ достигнуть этого?

Менасъ.

Скажи
Мнѣ только, что ты этого желаешь,
И несмотря на то, что я бѣднякъ,
Тебѣ доставлю власть надъ цѣлымъ міромъ.

Помпей.

Ты, вѣрно, выпилъ лишнее!

Менасъ.

Нѣтъ, къ чашѣ

---

*) «Антоній и Клеопатра» переводъ Корженевскаго. Эта и послѣдующія выписки сдѣланы нами изъ полнаго собранія драматическихъ произведеній Шекспира въ пер. русскихъ писателей, изданіе Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля, СПБ, 1876 г.

Не прикасался я. Итакъ, тебѣ
Лишь стоитъ пожелать, и будешь ты
Земнымъ Зевесомъ; захоти, и все,
Что океанъ и небо обнимаютъ,
Узнаетъ власть твою.

Помпей.

Но какъ, скажи мнѣ?

Менасъ.

Властители земли—три части міра—
На палубѣ пируютъ; ты вели мнѣ
Отрѣзать якорь и, отплывъ немного,
Бери за горло ихъ, и все твое!

Помпей.

Зачѣмъ же самъ ты этого не сдѣлалъ,
Не сообщая мнѣ? Сверши такой
Поступокъ я—его сочтутъ безчестнымъ,
Сверши же ты—услугой назовутъ.
Ты долженъ знать, что у меня, любезный,
Не честью правитъ польза, пользой—честь.
Напрасно же ты высказалъ, пріятель,
Твой замыселъ: не знай я про него,
Вкусилъ бы я плоды его охотно;
Теперь же долженъ имъ гнушаться. Брось
И пей.

Лепидъ въ это время напивается окончательно, и слуга, взваливъ его на плечи, уноситъ въ каюту. Энобарбъ, указывая на слугу, говоритъ Менасу:—Вотъ силачъ, взгляни-ка.

Менасъ.

Отчего же?

Энобарбъ.

Онъ несетъ
Треть міра, другъ, ужели ты не видишь?

Менасъ.

Такъ, стало быть, треть міра опьянѣла,
Желаю я и остальнымъ того же,
Пусть міръ кружится!

. . . . . .

Энобарбъ (*Антонію*).

Мой храбрый повелитель, протанцуемъ
Вакхическую пляску египтянъ,
Чтобъ ею увѣнчать попойку нашу.

Помпей.

Пожалуйста, товарищъ!

Антоній.

Такъ возьмемся
Всѣ за руки, составимъ круговую,
Пока вино не потопило въ Летѣ
Всѣхъ нашихъ чувствъ.

Энобарбъ.

Беритесь же за руки!
Пусть музыка гремитъ. Я, между тѣмъ,
Разставлю васъ, какъ надо. Этотъ мальчикъ
Пусть будетъ запѣвалой, а припѣвъ
Подхватывать всѣмъ разомъ, да погромче.

(*Музыка. Энобарбъ всѣхъ ставитъ въ кружокъ и заставляетъ взяться за руки*).

Цезарь.

Пора домой. Помпей, покойной ночи!

Любезный братъ, позволь тебѣ сказать,
Что важныя дѣла не ладятъ вовсе
Съ такою легкомысленной забавой.
Пора намъ разойтися, господа!
Смотрите, какъ пылаютъ наши щеки!
Самъ крѣпкій Энобарбъ вину поддался.
А мой языкъ не вяжетъ словъ. Мы всѣ
Ужь обезсилѣли отъ сумасбродной
Потѣхи этой. Что же дальше будетъ?
Покойной ночи. Руку, другъ Антоній.

Помпей.

Я васъ доставлю на берегъ.

Антоній.

Да, это
Твой долгъ. Дай руку мнѣ.

Помпей.

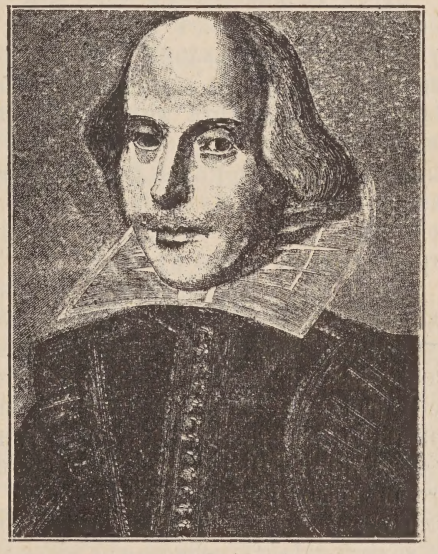
О, Маркъ-Антоній,
Моимъ отцовскимъ домомъ ты владѣешь...
Но для чего объ этомъ говоритъ!
Вѣдь мы друзья. Сойдемте въ лодку.

Энобарбъ

Тише,
Не упадите въ воду.

(*Помпей, Цезарь, Антоній и свита уходятъ*).

Вотъ поистинѣ пиръ на кратерѣ. Жизнь трехъ тріумвировъ висѣла на волоскѣ, и въ то время, какъ они, полупьяные, шутили и болтали всякій вздоръ, рѣшалась ихъ судьба и ихъ существованіе. Веселая сцена готова превратиться въ трагедію; все зависѣло отъ того, будетъ ли обрѣзанъ канатъ или не будетъ. Сцена, когда рабъ уноситъ на своихъ плечахъ пьянаго Лепида, резюмируетъ всю трагедію. Въ ней въ комическомъ видѣ представлено то, что чувствуешь при чтеніи «Антонія и Клеопатры». Во всей трагедіи видишь это постепенное паденіе античнаго міра, разрушающагося среди оргій и вакханалій. Римъ, отплясывая египетскую вакхическую пляску, смѣясь и напѣвая, близится къ своему печальному концу.



В. Шекспиръ.

Въ другой трагедіи на сюжетъ изъ древней жизни, въ «Троилѣ и Крессидѣ», Шекспиръ выводитъ на сцену всѣхъ героевъ «Иліады», но въ такомъ комическомъ видѣ, что при чтеніи этого произведенія современному читателю вспоминается больше оперетка «Прекрасная Елена», чѣмъ поэма Гомера. Шекспиръ по мановенію своего волшебнаго жезла низвелъ греческихъ героевъ Троянской войны съ ихъ пьедесталовъ,

снялъ съ нихъ праздничныя одежды, въ которыя облекъ ихъ «великій старецъ», и, облачивъ въ будничные халаты, заставилъ въ такомъ видѣ прогуливаться передъ публикой и выражаться самымъ тривіальнымъ языкомъ. Все очарованіе гомеровской далекой эпохи и гомеровскихъ героевъ исчезло разомъ. На первый планъ выступила грубая физическая сила, но не въ томъ видѣ, какъ она была воспѣта Гомеромъ, не какъ величайшая доблесть, а какъ слѣпое, безумное начало, готовое казнить правыхъ и виновныхъ. Чѣмъ руководствовался Шекспиръ, развѣнчивая древне-греческихъ героевъ и выставляя ихъ въ сатирическомъ духѣ,—остается до сихъ поръ неразгаданной загадкой. Единственнымъ, хотя и не особенно удовлетворительнымъ объясненіемъ служитъ тотъ фактъ, что уже до него нѣкоторые писатели пробовали сочинять пародіи на осаду Трои, а Чосеръ написалъ даже юмористическую поэму о Троилѣ и Крессидѣ. Но это неважно: гораздо интереснѣй заняться разборомъ самой комедіи и посмотрѣть, какими рисовались въ воображеніи геніальнаго поэта герои «Иліады» и «Одиссеи.»

Хотя пьеса и носитъ названіе «Троилъ и Крессида», однако, каждому прочитавшему ее станетъ ясно, что ихъ любовная исторія играетъ лишь второстепенную роль въ цѣлой трагикомедіи, весь же интересъ лежитъ въ томъ неподражаемомъ юморѣ, съ которымъ очерчены фигуры всѣхъ лицъ, игравшихъ болѣе или менѣе значительную роль во время осады Трои.

Пьеса начинается съ середины войны, приблизительно съ того момента, когда Ахиллъ отказывается сражаться и ведетъ бездѣятельную жизнь съ Патрокломъ у себя въ палаткѣ; конецъ ея совпадаетъ со смертью Гектора. Къ героямъ Трои поэтъ относится болѣе симпатично, чѣмъ къ грекамъ, хотя мимоходомъ подсмѣивается надъ Андромахой и Гекторомъ. Такъ, въ одной изъ первыхъ сценъ слуга Крессиды разсказываетъ, что Гекторъ былъ ужасно разсерженъ, вслѣдствіе своей неудачной схватки съ Аяксомъ, во время которой послѣдній сшибъ его съ ногъ, и потому побранился со своей женой, прибилъ слугу и рано утромъ вышелъ снова въ поле.

Болѣе всего иронизируетъ Шекспиръ, изображая грековъ. Вотъ, напримѣръ, портретъ Аякса: «Въ немъ соединились,—разсказываетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ—всѣ качества звѣрей: онъ храбръ, какъ левъ, грубъ, какъ медвѣдь, и тяжелъ, какъ слонъ. Въ немъ природа соединила всѣ крайности: онъ храбръ до глупости и глупъ до того, что иногда, самъ того не замѣчая, поступаетъ умно. Нѣтъ такого порока или такой добродѣтели, которыхъ не было бы въ немъ хоть частички. Онъ то угрюмъ безъ причины, то некстати веселъ. Онъ способенъ на все, а между тѣмъ все у него выходитъ комомъ. Онъ, какъ Бріарей, ничего не можетъ сдѣлать, несмотря на множество рукъ, или, какъ Аргусъ, весь усѣянъ глазами и ничего не видитъ». Аяксъ обрисованъ у Шекспира такимъ же неудержимо сильнымъ богатыремъ, какъ и у Гомера, но зато крѣпость мускуловъ отразилась у него на умственныхъ способностяхъ, и Терситъ говоритъ, что у Аякса мозгу въ головѣ меньше, чѣмъ у него, Терсита, въ локтяхъ. Это какой-то Марсовскій идіотъ, надутый и спесивый.

Другой герой, «быстроногій Ахиллъ», превратился подъ перомъ Шекспира въ тщеславнаго и лѣниваго бездѣльника. Его характеристику и характеристику Патрокла даетъ намъ Улиссъ.

Улиссъ.

Молва гласитъ, что будто бы Ахиллъ
Одинъ глава всѣхъ нашихъ предпріятій;
А онъ, надутый гордостью, спокойно
Лежитъ въ своей палаткѣ, насмѣхаясь
Надъ всѣмъ, что мы творимъ. Патроклъ туда же,
Разнѣжась на постели, глупо корчитъ,
Какъ гаеръ, наши лица, увѣряя,
Что всѣ его гримасы сходны съ нами.
Иной разъ онъ, прикинувшись вождемъ,
Представитъ изъ себя Агамемнона
И, какъ актеръ, способный лишь стучать
Котурнами на гаерскихъ подмосткахъ,
Позоритъ святость власти, представляя
Великій санъ вождя въ смѣшныхъ ужимкахъ.
И вдругъ начнетъ разбитымъ языкомъ,
Похожимъ на рычаніе тифона,
Дразнить слова вождя. А тутъ Ахиллъ,
Лежа въ своей постели и катаясь
Отъ хохота до слезъ, кричитъ: «Прекрасно!
Точь-въ-точь Агамемнонъ! Теперь представь
Мнѣ Нестора, какъ онъ всегда погладитъ
Себя по бородѣ, готовясь къ рѣчи».
И Несторъ вмигъ представленъ такъ же близко,
Какъ близки параллели, такъ же сходно,
Какъ схожъ Вулканъ съ Венерой; но Ахиллъ
Доволенъ всѣмъ и вновь кричитъ: «Прекрасно!
Представь теперь, какъ онъ въ ночной тревогѣ
Начнетъ вооружаться». Тутъ и старость
Становится постыдно цѣлью шутокъ:
Патроклъ начнетъ кряхтѣть, плеваться, кашлять,
Хватается безсильною рукой
За панцырь или пряжку, а герой
Хохочетъ больше прежняго, кричитъ:
«Довольно, стой, Патроклъ, а то я лопну,
Дай мнѣ стальныя ребра!». Такъ всѣ наши
Разумные труды, распоряженья,
Достоинства, совѣты, приказанья,
Успѣхъ и неудача — словомъ, все
Становится для нихъ предметомъ шутокъ.

Ахиллъ у Шекспира является не самымъ храбрымъ греческимъ княземъ, а только наиболѣе коварнымъ и, заставляя увѣровать всѣхъ въ его несокрушимую силу, наводитъ на присутствующихъ страхъ и пользуется полной независимостью. Онъ долго не выходитъ на поле битвы и избѣгаетъ встрѣчи съ Гекторомъ, но, огорченный смертью Патрокла, собираетъ свою свиту, кидается въ бой и убиваетъ Гектора, когда тотъ присаживается въ уединенномъ мѣстѣ, чтобы отдохнуть, и откидываетъ щитъ за спину; такимъ образомъ, Ахиллъ и здѣсь подтверждаетъ коварство своего характера. Съ Патрокломъ, «этой потаскушкой мужескаго рода», по рѣзкому выраженію Терсита, онъ дружитъ только потому, что видитъ въ немъ безхарактернаго, безвольнаго человѣка, слѣпо подчиняющагося его волѣ и готоваго съ радостью исполнять капризы Ахилла.

Противникомъ Аякса и Ахилла являются вожди Агамемнонъ и Улиссъ. Въ комедіи Шекспира Агамемнонъ является напыщеннымъ интриганомъ и вмѣстѣ съ Улиссомъ прибѣгаетъ къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы достичь своихъ цѣлей, которыхъ прямымъ путемъ они достичь не могутъ, такъ какъ всѣ греческіе князья хотя и признали

Агамемнона своимъ вождемъ, но не считаютъ себя обязанными подчиняться ему и поэтому нимало не слушаютъ его. Замыслы Улисса такъ тонко сплетены, что въ концѣ концовъ онъ самъ въ нихъ запутывается вмѣстѣ съ Агамемнономъ. Чтобы побудить Ахилла выйти въ поле, они начинаютъ усиленно льстить Аяксу и, хвативъ черезъ мѣру, чуть-чуть не лишаются и этого воина. Сцена, въ которой Агамемнонъ, Улиссъ и Несторъ—послѣдній, кстати сказать, изъ мужа разума и совѣта превращенъ Шекспиромъ въ слабоумнаго старикашку—гладятъ по шерсти сильнаго Аякса, отлично характеризуетъ и главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и самое комедію.

Сцена эта начинается тѣмъ, что Ахиллъ, несмотря на приходъ трехъ главныхъ предводителей, всетаки отказывается выйти изъ своей палатки. Улиссъ входитъ тогда самъ, чтобы подѣйствовать на Ахилла и уговорить его выйти завтра въ битву. Въ это время между Аяксомъ и Агамемнономъ завязывается слѣдующій разговоръ:

Аяксъ. Ахиллъ вообразилъ, что онъ лучше всѣхъ насъ.

Агамемнонъ. Пускай воображаетъ.

Аяксъ. А какъ ты думаешь, считаетъ онъ себя выше меня?

Агамемнонъ. Безъ сомнѣнія.

Аяксъ. А ты согласенъ съ нимъ въ этомъ?

Агамемнонъ. Нѣтъ, благородный Аяксъ! Ты такъ же уменъ, такъ же храбръ, такъ же твердъ, но гораздо уживчивѣе его.

Аяксъ. И отчего это люди бываютъ горды? Я не понимаю, что такое гордость.

Агамемнонъ. Это оттого, Аяксъ, что ты умнѣе и достойнѣе его. Гордость пожираетъ сама себя, она для человѣка—его зеркало, труба и исторія. Кто хвалится не дѣлами, уничтожаетъ этимъ и добро, которое сдѣлалъ.

Аяксъ. Гордецъ мнѣ противенъ, какъ жаба.

Несторъ (*въ сторону*). Однако, несмотря на это, ты очень любишь самъ себя, не странно ли это?

Улиссъ (*выходя изъ палатки Ахилла*).
Ахиллъ не выйдетъ завтра въ битву.

Агамемнонъ.
Чѣмъ же
Онъ извиняется?

Улиссъ.
Ничѣмъ, онъ просто
Велѣлъ сказать, что слѣдуетъ своимъ
Влеченьямъ прихоти и не желаетъ
Давать отчета никому.

. . . . . .

Аяксъ (*порываясь идти*).
Пустите! Я пойду, чтобъ дать ему
Пощечину!

Агамемнонъ.
О, нѣтъ, прошу, останься!

Аяксъ.
Пусть только онъ попробуетъ поднять
Свой носъ передо мной, я пособью
Ему излишекъ снесу!

Улиссъ.
Ни за что!
Подумай о своей великой славѣ.

Аяксъ. Глупое, надменное животное!

Несторъ (*въ сторону*). Описывай себя, описывай!

Аяксъ. Какъ будто онъ не можетъ быть учтивѣе.

Улиссъ (*въ сторону*). Воронъ бранитъ черный цвѣтъ.

Аяксъ. Я его раскровяню.

Агамемнонъ (*въ сторону*). Смотри, чтобъ лекарю не пришлось быть паціентомъ.

Аяксъ. Еслибъ всѣ думали, какъ я...

Улиссъ (*въ сторону*). Тогда умъ пришлось бы искать днемъ съ огнемъ.

Аяксъ. Я заставлю его проглотить кусокъ моего меча! Посмотримъ, побѣдитъ ли чванство.

Несторъ (*въ сторону*). Если побѣдитъ, то половина побѣды придется на твою долю.

Улиссъ. Нѣтъ, десять частей.

Аяксъ. Я буду молотить его, пока не сдѣлаю мягкимъ.

Несторъ. Подожгите его похвалами, онъ еще не довольно разгорячился; куйте желѣзо, пока горячо.

Улиссъ (*Агамемнону*).

О, государь, не придавай значенья
Претерпѣнной сегодня неудачѣ,
Есть средство все поправить.

Несторъ.

Не печалься,
Великій вождь!

Діомедъ.

Повѣрь, что мы найдемъ,
Кто выйдетъ въ бой за насъ и безъ Ахилла.

Улиссъ.

Я знаю кто. Ахиллъ не можетъ слышать
Безъ страха это имя. Но теперь
Я промолчу: о людяхъ неприлично
Судить при нихъ.

Несторъ.

Скажи, Улиссъ, вѣдь тотъ,
Кого ты разумѣешь, не кичливецъ
Подобно Ахиллесу?

Улиссъ.

Онъ извѣстенъ
По храбрости во всемъ подлунномъ мірѣ.

Аяксъ. Собачье отродье смѣетъ съ нами такъ обращаться! Желалъ бы я, чтобъ онъ былъ троянцемъ.

Несторъ.

Скажите мнѣ теперь, друзья, найдется ль
Хотя одинъ такой порокъ въ Аяксѣ?

Улиссъ.

Кичливъ ли онъ?

Діомедъ.

Хвастливъ?

Улиссъ.

Иль неуживчивъ?

Діомедъ.

Иль занятъ такъ собой?

Улиссъ.

Нѣтъ, слава Зевсу!

Аяксъ рожденъ иначе. Да пребудетъ
Во вѣки слава женщинѣ, родившей
Подобнаго героя и питавшей
Его своею грудью! Честь и слава
Наставникамъ, которые умѣли
Развить въ немъ такъ способности! Тому же,
Кто выучилъ Аякса драться, долженъ
Отдать безсмертье Марсъ. Милонъ, который
Носилъ быковъ, ничто предъ нимъ по силѣ.
О мудрости жь Аякса я не стану
И говорить; она въ немъ, какъ узда,
Умѣетъ удержать въ границахъ все,
Чтобъ онъ ни вздумалъ сдѣлать. Для сравненья
Возьму я старца Нестора. Онъ мудръ
И долженъ быть такимъ, благодаря
Своимъ годамъ. Но извини, достойный
И мудрый старецъ Несторъ, еслибъ ты
Внезапно сталъ бы такъ же юнъ годами,
А вмѣстѣ съ тѣмъ помолодѣлъ на столько жь
Своимъ умомъ, то ты бы былъ Аяксомъ.

Аяксъ.

Уллисъ, могу ли звать тебя отцомъ я?

Улиссъ.

Можешь,
Любезный сынъ.

Діомедъ.

Теперь, Аяксъ,
Ты долженъ ему повиноваться.

Улиссъ.

Намъ, однако,
Терять не должно времени. Ахиллъ
Скрывается, подобно лани въ чащѣ.
(*Агамемнону*).
Угодно ль, славный вождь, тебѣ собрать
Немедленно совѣтъ? Къ троянцамъ нынче
Прибудутъ новые вожди; поутру
Мы въ бой пойдемъ со всѣмъ наличнымъ войскомъ.
Аяксъ готовъ! Пусть врагъ нашъ вышлетъ въ бой
Свой лучшій цвѣтъ, ихъ встрѣтитъ нашъ герой.

Агамемнонъ.

Итакъ, въ совѣтъ! Оставимъ спать Ахилла
Завязъ корабль, такъ въ лодкахъ будетъ сила.

Въ комедіи есть одно дѣйствующее лицо, которое даетъ всѣмъ характеристики—это Терситъ. Его дурныя качества усугублены Шекспиромъ; кромѣ того, онъ обладаетъ желчнымъ остроуміемъ. Аяксъ и Ахиллъ попеременно привлекаютъ его на свою сторону и держатъ его при себѣ въ качествѣ шута. Нерѣдко, выведенные изъ себя его язвительными насмѣшками, они бьютъ его, и это особенно возмущаетъ и злитъ Терсита. Физической силой онъ не обладаетъ и потому вымещаетъ свой гнѣвъ насмѣшками, хотя, по собственному признанію, съ радостью перемѣнился бы ролями съ Аяксомъ, т. е. чтобъ онъ, Терситъ, могъ бить Аякса, а Аяксъ надъ нимъ смѣяться. Но такъ какъ это невозможно, то онъ своимъ языкомъ втаптываетъ въ грязь и дѣятелей, и само дѣло. Всѣ герои, по его мнѣнію, лизоблюды, бездѣльники, развратники. Агамемнонъ у него является большимъ любителемъ перепелокъ (легкихъ женщинъ) и былъ бы еще, пожалуй, при этомъ добрымъ ма-

лымъ, только жаль, что у него мозгу въ головѣ меньше, чѣмъ у Терсита въ локтяхъ. Ахиллъ и Аяксъ быки, запряженные въ плугъ Улиссомъ, и тоже такъ глупы, что если бы имъ понадобилось освободить муху изъ паутины, то и тутъ они, навѣрное, пустили бы въ ходъ мечи. Улиссъ—старая лисица, а Несторъ—старый, гнилой, изъѣденный мышами сыръ. Но больше всего достается Менелаю. «Менелай—вотъ-то образецъ рогатыхъ мужей! Онъ рожекъ для натягиванія башмаковъ, что болтаются на икрѣ Агамемнона. Но, впрочемъ, какъ ни изощряй остроумія, ему не приберешь лучшаго имени, какъ назвавъ Менелаемъ. Осломъ назвать его нельзя, потому что въ немъ много бычачьихъ свойствъ; но онъ и не быкъ, потому что слишкомъ похожъ на осла. Онъ и быкъ, и оселъ вмѣстѣ. Если бы судьба вздумала создать меня собакой, муломъ, хорькомъ, совой, селедкой—я не сказалъ бы ни слова, но если бы она вздумала сдѣлать меня Менелаемъ—я подрался бы съ самой судьбой. Если меня спросятъ, кѣмъ я желаю быть, если не Терситомъ, я отвѣчу, что скорѣе вошью прокаженнаго, чѣмъ Менелаемъ». Когда Гекторъ, прощаясь съ Менелаемъ, называетъ его «любезный Менелай», Терситъ замѣчаетъ: «Любезный Менелай! Лучше бы ты сказалъ: любезный навозъ, любезная грязь, любезная помойная яма, оно всетаки было бы учтивѣе». Обиженный и избитый, онъ проклинаетъ все и вся и восклицаетъ: «Мщеніе, мщеніе на весь лагерь, или нѣтъ, лучше сифилисъ: это самое приличное наказаніе для всѣхъ, кто воюютъ изъ-за юбки. Я покончилъ мои молитвы и пусть дьяволъ скажетъ: аминь!»... Во всемъ ходѣ вещей онъ видитъ только пустяки и обманъ. Борьба двухъ народовъ представляется ему просто взаимной потасовкой изъ-за какой-то потаскушки и ради желанія Менелая вызолотить собственные рога. «Чтобъ чума поразила виновницу войны, а моръ и распутство всѣхъ васъ!», заключаетъ онъ свою мысль.

Не останавливаясь на характеристикахъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, ограничимся лишь замѣчаніемъ, что ни одно изъ нихъ не можетъ привлечь симпатіи читателя, даже самъ Троилъ среди этихъ каррикатуръ получаетъ комическую окраску. До сихъ поръ еще ни одинъ критикъ не далъ утвердительнаго отвѣта, сатирическое или юмористическое намѣреніе положено въ основу этой пьесы, шутитъ ли или насмѣхается въ ней авторъ. «Этотъ колеблющійся характеръ драмы,—говоритъ Гервинусъ по поводу «Троила и Крессиды»,—и это случайное отношеніе поэта къ смутнымъ источникамъ, безъ сомнѣнія, и причиняютъ то, что читатель ни отъ какой шекспировской пьесы не отходитъ съ такой неудовлетворенностью, какъ отъ этой». Самые горячіе поклонники Шекспира останавливались передъ нею въ недоумѣніи, и даже Кольриджъ открыто сознавался, что онъ, собственно говоря, не знаетъ, что ему о ней слѣдуетъ сказать.

Англичане еще до Шекспира подъ словомъ комедія понимали не столько забавную фабулу пьесы, сколько плодъ блестящей фантазіи, непрерывный фейерверкъ остротъ, каламбуровъ и самыхъ неожиданныхъ, самыхъ капризныхъ выходокъ поэта. Въ этомъ искусствѣ Шекспиръ не только далеко превзошелъ своихъ современниковъ, но и для отдаленныхъ потомковъ остается до сихъ поръ недосягаемымъ образчикомъ. Въ его комедіяхъ дѣйствующія лица выпускаютъ другъ въ друга безпрестанные залпы шутокъ и остротъ; игра словъ, каламбуры иногда

увлекаютъ самого автора до того, что сюжетъ пьесы отходитъ на второй планъ и какъ бы стушевывается. Наибольшей утонченности и изящества въ этомъ родѣ искусства Шекспиръ достигаетъ въ «Виндзорскихъ кумушкахъ», въ комедіяхъ «Много шуму изъ ничего» и «Какъ вамъ угодно». Комедія «Виндзорскія кумушки» будетъ предметомъ нашихъ разсужденій нѣсколько позже; теперь же мы займемся двумя другими. Обѣ эти комедіи какъ нельзя лучше подтверждаютъ высказанную нами мысль объ англійской комедіи. Въ комедіи «Много шуму изъ ничего» любовныя перепитіи двухъ главныхъ персонажей отступаютъ на второй планъ и весь почти интересъ сосредоточивается на отношеніяхъ Беатриче къ Бенедикту. Это два любимца публики, появленіе которыхъ всегда встрѣчается смѣхомъ.

Бенедиктъ, по заключенію принца, человѣкъ благородный, испытанной храбрости и доказанной честности. Въ пьесѣ всюду, гдѣ онъ дѣйствуетъ, мы замѣчаемъ его правдивость и прямоту убѣжденій. По словамъ же его противницы, Беатриче, онъ непостоянный человѣкъ, мѣняющій своихъ друзей, какъ головные парики, трусъ, хвастунъ, франтъ и обжора. На самомъ дѣлѣ Бенедиктъ одаренъ неизсякаемымъ юморомъ и готовъ постоянно спорить и поддразнивать. Изъ всего злословія Беатриче его серьезно задѣваетъ только прозвище шута. Какъ всѣ Шекспировскіе юмористы, онъ не склоненъ къ сентиментальности и отъявленный врагъ мечтательности. Мнѣніе о женщинѣ онъ составилъ себѣ разъ навсегда. По его словамъ, всѣ женщины созданія вѣтряныя и измѣнчивыя, а потому вступать съ какой-нибудь изъ нихъ въ бракъ значитъ сдѣлаться самодовольнымъ рогоносцемъ или, по его образному выраженію, допустить, чтобъ въ головѣ играла «роговая музыка».

Беатриче, его веселая соперница, родилась подъ пляшущей звѣздой и потому все время только и дѣлаетъ что шутитъ и смѣется. Серьезна она бываетъ только во время сна да и то не всегда, потому что часто просыпается и смѣется надъ своими снами. Окружающіе говорятъ, что она умная и нравственная дѣвушка, прячущая свои достоинства подъ оболочкой веселости. По словамъ же Бенедикта, это гарпія, въ отсутствіе которой адъ благоденствуетъ и живетъ въ мирѣ и согласіи; онъ называетъ ее злой и опасной женщиной, языкъ которой столь же быстръ, какъ и ядовитъ.

Между ними при каждой встрѣчѣ происходитъ родъ умственнаго турнира. Бенедикта Беатриче сердитъ тѣмъ, что это чуть ли не единственная женщина, не замѣчающая его достоинствъ и не желающая преклоняться передъ нимъ; Беатриче же хочетъ наказать его за притязательность и за самомнѣніе и внушить ему лучшее мнѣніе о женщинахъ. Ихъ первую схватку поэтъ рисуетъ намъ при радостныхъ обстоятельствахъ. Донъ Педро, принцъ Аррагонскій, возвращается въ Мессину послѣ одержанной блестящей побѣды. Навстрѣчу ему входятъ всѣ придворные, въ томъ числѣ Беатриче, племянница мессинскаго намѣстника. Въ свитѣ же Донъ Педро находится ея врагъ Бенедиктъ.

Послѣ привѣтственныхъ словъ принца и намѣстника возникаетъ перестрѣлка между соперниками.

Бенедиктъ. А, насмѣшница, вы еще живы?

Беатриче. Можетъ ли насмѣшница умереть, пока насмѣшки ея

питаются такою сытною пищею, какъ синьоръ Бенедиктъ? Сама учтивость превращается въ насмѣшку, когда вы являетесь на сцену.

Бенедиктъ. Въ такомъ случаѣ учтивость вѣроотступница. Однако, что ни говорите, а всѣ женщины отъ меня безъ ума, кромѣ васъ одной, и мнѣ, право, жаль, что у меня такое жестокое сердце: я ни одной изъ нихъ не люблю.

Беатриче. Какъ онѣ счастливы! Онѣ избавлены отъ убійственнаго воздыхателя! Благодаря Бога и у меня кровь холодная: я тоже никого не люблю. Слушать клятвы въ любви! Нѣтъ, мнѣ пріятнѣе слушать, какъ моя собаченка лаетъ на воронъ.

Бенедиктъ. Да сохранитъ въ васъ Богъ такой образъ мыслей, это сохранитъ чье-нибудь лицо отъ ногтей.

Беатриче. Ногти не сдѣлаютъ его хуже, если оно похоже на ваше.

Бенедиктъ. Изъ васъ вышелъ бы превосходный попугай.

Беатриче. Говорящая птица лучше безсловеснаго животнаго.

Бенедиктъ. Не могу не пожелать моей лошади проворства и неутомимости вашего языка. Впрочемъ, продолжайте съ Богомъ: я молчу.

Беатриче. Вы всегда кончаете лошадиной остротой, не новость.

Бенедиктъ и Беатриче, благодаря одинаковымъ свойствамъ ума и воззрѣніямъ, невольно чувствуютъ другъ къ другу влеченіе, но духъ противорѣчія, господствующій въ нихъ взаимно, разводитъ ихъ, и это натяжное взаимное презрѣніе продлилось бы, вѣроятно, еще долгое время, не помоги имъ друзья. Во время маскарада они оба нападаютъ на одну мысль, что каждый изъ нихъ думаетъ скверно о другомъ. Бенедикта угнетаетъ мысль, что Беатриче назвала его принцевымъ шутомъ, а Беатриче недовольна тѣмъ, что Бенедиктъ подозрѣваетъ, будто она всѣ свои остроты заимствовала изъ книги «Сотня веселыхъ разсказовъ». Какъ разъ въ это время принцъ и нѣкоторые другіе придворные сговариваются влюбить ихъ другъ въ друга. Каждому изъ нихъ они высказываютъ похвалу, затѣмъ излагаютъ достоинства другого и, наконецъ, объявляютъ, что это добродѣтельное существо лежитъ у его ногъ.

Подѣйствовать на самолюбіе этой парочки очень легко, и они свободно попались на удочку. Но ни Беатриче, ни Бенедиктъ не думаютъ вначалѣ, что они влюблены другъ въ друга. У нихъ сперва зарождается лишь желаніе облегчить страданія другого и вознаградить за любовь. Бенедикта сначала останавливаетъ мысль, что друзья, узнавъ объ его свадьбѣ, поднимутъ его на смѣхъ за то, что онъ измѣнилъ тѣмъ принципамъ, которые съ такимъ мужествомъ защищалъ прежде. Съ этихъ поръ рѣзко измѣняются и ихъ характеры: Беатриче теряетъ свое остроуміе, начинаетъ вздыхать, а Бенедиктъ становится молчаливымъ и, чтобы избѣжать вопросовъ, отговаривается зубной болью. Однако, послѣ всѣхъ колкостей, которыя они наговорили другъ другу, имъ никакъ не удается перейти на тонъ влюбленныхъ и они все еще продолжаютъ пикироваться по привычкѣ. Объясненію помогаетъ только благополучная развязка любви Геро и Клавдіо. И когда этой парочкѣ удается, наконецъ, достичь желанной цѣли, только тогда Бенедиктъ рѣшается сдѣлать предложеніе своей возлюбленной. Но даже и тутъ эти непокорныя сердца чуть не отказываются отъ своего счастья, не помоги имъ снова друзья. Вотъ эта сцена:

Бенедиктъ.
Нѣтъ, еще постойте.
Кто Беатриче здѣсь?

Беатриче.
Я за нее (*снимаетъ маску*).
Что вамъ угодно?

Бенедиктъ.
Получить отвѣтъ:
Вы любите меня?

Беатриче.
Какъ всѣхъ, не больше.

Бенедиктъ.
Такъ принцъ и Клавдіо, и Леонато
Обмануты: они клялись въ противномъ

Беатриче.
А вы? Вы любите меня?

Бенедиктъ.
Какъ всѣхъ.

Беатриче.
Такъ Геро, Маргарита и Урсула
Обмануты: онѣ клялись въ противномъ.

Бенедиктъ.
Онѣ клялись, что вы влюбились на смерть.

Беатриче.
Клялись, что вы изсохли отъ любви.

Бенедиктъ.
Все ложь. Такъ вы не любите меня.

Беатриче.
Изъ благодарности слегка, не больше.

Леонато.
Довольно, Беатриче! Я увѣренъ,
Что онъ вамъ по сердцу.

Клавдіо.
А я божусь,
Что вы свели его съ ума. Взгляните,
Вотъ доказательство: хромой сонетъ
Во славу вашей красоты и сердца,
Посильный плодъ разстроеннаго мозга.

Геро.
А вотъ другой: твореніе кузины—
Собственноручный мадригалъ! Признанье
Въ глубокой пламенной любви!

Бенедиктъ. Чудеса чудесъ! Рука свидѣтельствуетъ противъ сердца. Перестаньте же! Вы моя, но клянусь дневнымъ свѣтомъ, я беру васъ изъ состраданія.

Беатриче. Я не хочу вамъ отказывать, но клянусь солнцемъ, соглашаюсь только потому, что другіе просятъ, и отчасти еще съ цѣлью спасти васъ отъ смерти: у васъ, говорятъ, чахотка.

Бенедиктъ. Полно! Я закрою вамъ ротъ (*цѣлуетъ ее*).

«Какъ вамъ угодно»—не столько комедія, сколько пастушеская пастораль. Въ ней къ дѣйствительности примѣшанъ фантастическій колоритъ, придающій всей пьесѣ большую поэтичность.

Волею поэта мы переносимся въ романтическую Аркадію, въ которую обращенъ Арденскій лѣсъ. Въ лѣсу скрывается изгнанный герцогъ со своей свитой и туда же приходятъ его дочь Розалинда и пле-

мянница Целія. Розалинда пылко влюблена въ молодого Орландо, хотя и видѣла его только одинъ разъ, когда тотъ боролся съ атлетомъ. Она томится и мучится этой любовью, но не высказываетъ про свои страданія, такъ какъ, переодѣвшись въ мужское платье и рѣшившись поддерживать свою слабую подругу, должна показывать ей примѣръ мужества. Только тогда Целія объявляетъ ей, что встрѣтила въ лѣсу Орландо; она обнаруживаетъ свою страсть и закидываетъ подругу вопросами:

— Что онъ дѣлаетъ? Какъ ты увидѣла его? Что онъ сказалъ? Какъ онъ выглядѣлъ? Какъ былъ одѣтъ? Зачѣмъ онъ здѣсь? Спрашивалъ ли онъ обо мнѣ? Гдѣ онъ живетъ? Какъ онъ разстался съ тобой? Когда ты опять увидишься съ нимъ? Отвѣчай мнѣ на все это однимъ словомъ.

Розалинда напоминаетъ по остроумію нѣсколько Беатриче, только безъ рѣзкостей послѣдней. Когда она, наконецъ, встрѣчается съ Орландо, то, несмотря на всю свою любовь, не кидается къ нему на шею, а, пользуясь своимъ мужскимъ костюмомъ, начинаетъ его дурачить и играть съ нимъ, какъ кошка съ мышкой. Она обѣщаетъ излечить Орландо отъ любви и предлагаетъ ему поухаживать за ней; тотъ, находя ее похожей на свою Розалинду, съ удовольствіемъ соглашается. Они садятся передъ хижиной, въ глухомъ, укромномъ мѣстѣ дремучаго лѣса.

Орландо. Такъ вы любите меня, Розалинда?

Розалинда. Хорошо, буду любить въ пятницу, субботу и во всѣ другіе дни.

Орландо. И ты согласна взять меня?

Розалинда. Да, и еще двадцать такихъ, какъ ты.

Орландо. Что ты говоришь?

Розалинда. Да вѣдь ты хорошій человѣкъ?

Орландо. Надѣюсь.

Розалинда. Ну, а можно ли не желать имѣть много хорошаго? Пожалуйста, сестрица, будь священникомъ и обвѣнчай насъ. Дайте мнѣ вашу руку, Орландо. Что ты говоришь, сестра?

Целія. Я не знаю, какія слова надо говорить при этомъ.

Розалинда. Ты должна начать такъ: «Согласны ли вы, Орландо».

Вслѣдъ затѣмъ она заставляетъ Целію произнести слова священника и тотчасъ пускается дразнить мужа: разсказываетъ ему, какія у нея будутъ дикія фантазіи, капризы, придирки. Ея язычекъ трещитъ безъ умолку, фразы сыплятся, какъ искры ракеты. Уходитъ Орландо, она набрасывается съ своей любовью на Целію. «О, кузина, кузина, кузина, милая кузиночка, если бы ты знала, насколько футовъ глубины я погрузилась въ любовь! Но эту глубину нельзя измѣрить: дно моей любви неизвѣстно, какъ дно Португальскаго залива».

Целія. Или, вѣрнѣе, твоя любовь бездонна; сколько въ нее ни лей— все пропадаетъ.

Розалинда. Нѣтъ, пусть этотъ злой незаконный сынъ Венеры, задуманный мыслью, зачатый сплиномъ и рожденный безуміемъ, этотъ слѣпой плутъ, мальчишка, который дурачитъ чужіе глаза потому, что потерялъ свои собственные, пусть онъ будетъ судьею глубины моей любви. Говорю тебѣ, Аліена, я не могу жить безъ Орландо. Пойду гдѣнибудь въ тѣни вздыхать и ожидать его прихода.

«Метафоры, переливающіяся будто трели,—говоритъ Тэнъ,—звучныя

рулады поэтическихъ гаммъ, лѣтнее щебетанье, не умолкающее подъ сводами листьевъ, придаютъ пьесѣ видъ настоящей оперы. Тутъ чувствуешь себя словно въ родномъ краю, испытываешь праздничное ощущеніе сумасбродной веселости, видишь въ свѣтлой золотистой дали граціозную чету, которая прогуливается въ пѣснѣ двухъ пажей, вокругъ зеленыхъ нивъ, среди жужжанія рѣзвыхъ насѣкомыхъ, въ ясный день цвѣтущей весны. Неправдоподобное становится натуральнымъ и не вызываетъ удивленія даже тогда, когда является Гименей съ обѣими невѣстами и вручаетъ ихъ будущимъ мужьямъ».

Комедіи «Двѣнадцатая ночь» и «Два веронца» заимствованы, очевидно, изъ одного и того же источника, т. е. изъ исторіи Фелисмены Монтемайора, гдѣ разсказывается, какъ одна дѣвушка отправилась въ путешествіе за своимъ возлюбленнымъ и оказывала ему услуги, переодѣвшись въ мужское платье.

Всѣ эти исторіи какъ нельзя лучше характеризуютъ комическій геній Шекспира. Его комедіи можно сравнить съ средневѣковыми романами съ множествомъ всевозможныхъ приключеній или съ волшебными сказками. Героями пьесъ являются молодые любовники, которые, вслѣдствіе разныхъ причинъ, разъединены другъ съ другомъ, они страдаютъ, наконецъ наступаетъ часъ свиданія и послѣ нѣсколькихъ, по большей части комическихъ, перипетій вступаютъ въ законный бракъ. Главныя дѣйствующія лица у него всегда влюбленные, но они не комичны, ихъ молодость и нравственныя достоинства заставляютъ зрителя всегда сочувствовать имъ и симпатизировать. Однако, чтобы не превратить веселую комедію въ сентиментальную пьесу, поэтъ украшаетъ ихъ роли остроумными діалогами. Игра словъ, каламбуры, остроты встрѣчаются въ комедіи Шекспира въ изобиліи. Авторъ заставляетъ насъ безпрерывно смѣяться, даже и тогда, когда герои пьесы попадаютъ иногда въ трагическое положеніе, но мы смѣемся не надъ комичными фигурами, а надъ тѣмъ остроуміемъ, которое проявляютъ дѣйствующія лица. Въ противоположность этимъ острякамъ мужского и женскаго родовъ, Шекспиръ выводитъ рядъ комическихъ персонажей—идіотовъ и дураковъ. Глупость ихъ идеальна и способствуетъ поддержанію веселаго настроенія читателя.

Дураки и шуты—самыя юмористическія лица у Шекспира и не только потому, что они смѣшатъ, но и потому, что часто являются выразителями идей самого автора. Шуты встрѣчаются у поэта почти въ каждой пьесѣ, причемъ ихъ личный характеръ и характеръ ихъ остротъ онъ разнообразитъ до безконечности. То онъ придаетъ шуту черты озлобленности и представляетъ то мизантропомъ вродѣ Терсита, то рисуетъ его беззаботно веселымъ добрякомъ вродѣ дурака Оливіи въ комедіи «Двѣнадцатая ночь». Дуракъ Оливіи отличается отъ остальныхъ дураковъ Шекспира именно тѣмъ, что его шутки и остроты не заключаютъ въ себѣ заранѣе преднамѣренной цѣли, не обладаютъ ни злобой, ни язвительностью. Онъ просто веселый шутникъ и рѣшительно не думаетъ бичевать пороки и недостатки людей. Слѣдующая сцена лучше всего подтверждаетъ наше мнѣніе.

Віола. Здравствуй, другъ, и съ твоей музыкой. Каково поживаешь ты при барабанѣ?

Дуракъ. Я поживаю, сударь, при церкви.

Віола. Развѣ ты церковникъ?

Дуракъ. Нѣтъ, не то, а проживаю я при церкви потому, что проживаю въ моемъ домѣ, а домъ стоитъ при церкви.

Віола. Да этакъ ты, пожалуй, можешь сказать, что церковь выстроена при барабанѣ, если барабанъ стоитъ подлѣ нея.

Дуракъ. Правда, сударь. Вотъ вѣкъ насталъ! Для умной головы всякая рѣчь—какъ карманъ: мысли вывернетъ наизнанку!

Віола. Ты не дуракъ ли Оливіи?

Дуракъ. Нисколько. У Оливіи нѣтъ дурачества и она до тѣхъ поръ не будетъ держать у себя дурака, пока не выйдетъ замужъ; а дураки относятся къ мужьямъ, какъ сардинка къ селедкамъ: мужъ наибольшій изъ двухъ. Собственно я не дуракъ ея, а слововыворачиватель.

Віола. На-дняхъ я видѣлъ тебя у графа Орсино.

Дуракъ. Глупость, какъ солнце, бродитъ вокругъ свѣта и свѣтитъ повсюду. Жаль, если дуракъ не будетъ посѣщать вашего господина такъ же часто, какъ мою госпожу. Кажись, я видѣлъ у нея вашу премудрость.

Віола. Если ты хочешь смѣяться надо мной, то мнѣ нечего больше съ тобой толковать, вотъ тебѣ на водку.

Дуракъ. Да подаритъ тебѣ Зевесъ для бороды первый клокъ, который у него сыщется.

Віола. Да я почти изнываю по ней (*въ сторону*), хотя и не желалъ бы, чтобы она росла на моемъ подбородкѣ. (*Громко*). Графиня дома?

Дуракъ (*указывая на деньги*). А что, можетъ эта пара прижить дѣтей?

Віола. И очень. Стоитъ ихъ свесть.

Дуракъ. Я хорошо сыгралъ бы роль Пандара, чтобы этого Троила свести съ Крессидой.

Віола. Понимаю; ты искусно нищенствуешь.

Дуракъ. Кажется, невелика штука; я прошу только о нищей, Крессида была нищая. Графиня дома, сударь. Я разскажу ей, откуда вы, кто вы и чего вы хотите, это внѣ моей «сферы»; я могъ бы сказать «горизонта», да это слово ужь больно истерто.

Оселокъ въ комедіи «Какъ вамъ угодно» является шутомъ нѣсколько высшаго свойства. Въ другихъ пьесахъ Шекспиръ выводилъ только такихъ клоуновъ, остроуміе которыхъ представляетъ нѣчто заученное и выражается забавно безсознательно. Если Оселокъ не такъ остроуменъ, зато онъ стоитъ нѣсколько выше прочихъ своихъ собратьевъ, потому что отлично сознаетъ свое положеніе и своими рѣчами высказываетъ основную мысль комедіи. Шекспиръ въ одно и то же время и вышучиваетъ, и воспѣваетъ пастушескую жизнь въ «Какъ вамъ угодно». «Ну, какъ вамъ нравится, почтеннѣйшій Оселокъ, эта пастушеская жизнь?», спрашиваетъ его Кориннъ. «Сказать тебѣ правду, пастухъ,—отвѣчаетъ шутъ,—разсматриваемая сама по себѣ, она хорошая жизнь; но разсматриваемая, какъ жизнь пастушеская, она ровно ничего не стоитъ. По своей уединенности она мнѣ очень нравится, но по своей отчужденности она мнѣ кажется самою паскудною жизнью. Какъ жизнь сельская, она мнѣ очень по сердцу;

но, принимая во вниманіе, что она проходитъ вдали отъ двора, я нахожу ее очень скучною. Какъ жизнь воздержанная, она, видите ли, вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ наклонностямъ, но какъ жизнь, лишенная изобилія, она совершенно противорѣчитъ моему желудку». Въ этомъ монологѣ на вѣрную мысль накинутъ покровъ безумія, и это почти всегдашній пріемъ Шекспира. Онъ всегда надѣляетъ своихъ безумныхъ героевъ величайшимъ остроуміемъ. Слушая бредъ Гамлета, Полоній замѣчаетъ: «Какъ тонки, однако, его выраженія! Сумасшествіе часто далеко находчивѣе разума!».

Мы не станемъ вдаваться въ разборъ характеровъ другихъ шутовъ и познакомимъ теперь читателя съ слугами и другими низшими персонажами Шекспировскихъ пьесъ, комическія фигуры которыхъ служатъ для шутовъ неистощимой пищей для насмѣшекъ. Эти лица глупы до святости и смѣхъ, вызываемый ими у зрителя или читателя. главнымъ образомъ происходитъ отъ ихъ безсмысленныхъ дѣйствій и тѣхъ выраженій, которыми они такъ идеально искажаютъ смыслъ того, что хотятъ сказать. Вотъ сцена изъ «Тимона Аѳинскаго», изображающая разговоръ слугъ.

Всѣ слуги. Кто мы такіе, Анемантъ?

Анемантъ. Ослы.

Всѣ слуги. Почему?

Анемантъ. Потому что вы спрашиваете меня, кто вы такіе, и не знаете самихъ себя. Шутъ, поговори-ка съ ними.

Шутъ. Какъ поживаете, господа?

Всѣ слуги. Покорно благодаримъ, добрый шутъ! Какъ здоровье твоей госпожи?

Шутъ. Она теперь кипятитъ воду, чтобы обварить такихъ цыплятъ, какъ вы. Очень мнѣ хотѣлось бы видѣть васъ въ Коринѳѣ!

Вотъ еще одинъ примѣръ и при этомъ самый комичный. На сцену выходитъ ночная стража Лондона.

Клюква. Что, вы народъ честный, благонамѣренный?

Кисель. Разумѣется; иначе жаль было бы, а пострадали бы ихъ тѣла и души.

Клюква. Нѣтъ, это наказаніе для нихъ было бы слишкомъ легко, такъ какъ къ нимъ имѣли столько довѣренности, что выбрали для почетной стражи принца.

Кисель. Ну, отдай имъ приказъ, сосѣдушка!

Клюква. Во-первыхъ, кто, по вашему, больше всѣхъ годенъ въ констэбли?

Первый сторожъ. Петръ Книшъ или Иванъ Уголекъ,—они грамотные.

Клюква. А, подойди сюда сватъ Уголекъ. Господь благословилъ тебя хорошимъ именемъ. Статный ты молодецъ—твое счастье, а что грамотный, такъ ужъ это такъ кому на роду написано.

Второй сторожъ. То и другое...

Клюква. Досталось на твою долю, хочешь ты сказать,—знаю. Ну, что до статей—благодари Бога, а чваниться нечего; касательно же грамотности—суета суетъ! Ты, говорятъ, наиспособнѣйшій въ констэбли, такъ возьми фонарь. Обязанность твоя—хватать всѣхъ праздношатающихся и всѣхъ останавливать во имя принца.

Второй сторожъ. А если кто не захочетъ остановиться?

Клюква. Такъ не обращай на него вниманія, пусть проваливаетъ; ты же созови своихъ товарищей и вмѣстѣ возблагодарите Бога, что избавились отъ мошенника.

Кисель. Если кто не остановится по приказу, значитъ онъ не принцевъ подданный.

Клюква. Правда; а съ чужими имъ связываться нечего. По улицамъ не шумѣть; часовой не долженъ болтать, это субординація, вещь непозволительная.

Второй сторожъ. Зачѣмъ болтать? Мы лучше вздремнемъ; мы знаемъ, какъ слѣдуетъ быть на часахъ.

Клюква. Э! Иной подумаетъ, что ты и Богъ знаетъ какой старый служивый; весь порядокъ знаешь—кто спитъ, тотъ не грѣшитъ. Только смотрите, чтобы алебарды у васъ не украли. По кабакамъ приказывать, чтобы пьяные ложились спать.

Второй сторожъ. А если они не захотятъ?

Клюква. Оставить ихъ въ покоѣ, пока не протрезвятся; если они и тогда не отвѣтятъ умнѣе, такъ можете сказать имъ, что они совсѣмъ не тѣ люди, за кого ихъ приняли.

Второй сторожъ. Слушаемъ.

Клюква. Въ случаѣ, нападете на вора, можете, въ силу вашего званія, подозрѣвать его въ мошенничествѣ. Съ такого рода людьми чѣмъ меньше связываются, тѣмъ лучше для нравственности.

Второй сторожъ. Такъ воровъ не хватать?

Клюква. Можете и хватать, въ силу вашего званія: только я вамъ скажу—тронешь грязь, самъ запачкаешься. А благоприличнѣе всего, если поймаете вора, пусть самъ докажетъ, что онъ за птица: дайте ему улизнуть.

Кисель. Недаромъ говорятъ, что ты милосердный человѣкъ.

Клюква. Я и собаку добровольно не повѣшу, а человѣка, въ которомъ есть еще хоть сколько-нибудь честности, и подавно.

Кисель. Если услышите, что дитя плачетъ, такъ кликните мамку, чтобы накормила его.

Второй сторожъ. А если она спитъ и не слышитъ?

Клюква. Такъ идите себѣ съ миромъ: дитя ужь разбудитъ ее. Овца, не внемлющая блеянію своего ягненка, не отвѣтитъ на мычаніе быка.

Кисель. Справедливо.

Клюква. Вотъ и всѣ обязанности. Ты констэбль, представитель лица самого принца, если встрѣтишь его ночью, можешь остановить и его.

Кисель. Ну, нѣтъ, этого-то онъ, я думаю, не можетъ.

Клюква. Пять противъ одного! Сошлюсь на кого угодно, кто знаетъ уставъ: онъ можетъ остановить его, разумѣется, съ соизволенія его высочества, потому что дозоръ не долженъ обижать никого, а остановить человѣка насильно—обида и насиліе.

Кисель. Что правда, то правда. Ей Богу такъ!

Клюква. Ха-ха-ха! То-то же! Ну, ребята, доброй ночи. Если случится что-нибудь важное, позовите меня. Смотрите же, всѣ вы! Держите ухо востро. Пойдемъ, сосѣдушка.

Второй сторожъ. Мы свое дѣло знаемъ; присядемъ вотъ здѣсь у церкви часовъ до двухъ, а тамъ и на боковую.

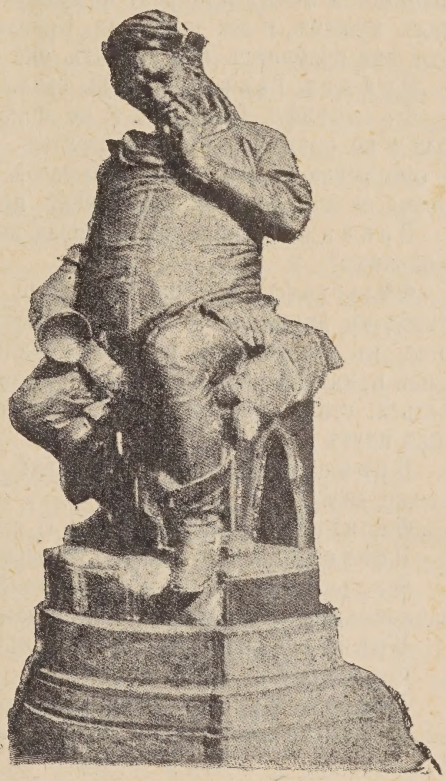
Замѣчательная черта Шекспировскаго юмора заключается еще въ томъ, что всѣ его комическія фигуры, даже и такія, какъ вышеприведенные Клюква и Кисель, проникнуты какимъ-то добродушіемъ, и читающій не только не презираетъ ихъ, но даже сочувствуетъ имъ. Его плуты, мошенники, развратники, пьяницы никогда не поглощены всецѣло своей страстью, но настолько еще разсудительны, что могутъ философствовать о бренности всего земного. Шекспиръ какъ бы окружаетъ ихъ поэтическимъ ореоломъ, влагаетъ имъ въ уста глубочайшія истины и тѣмъ дѣлаетъ ихъ притягательными. Такимъ представленъ сэръ Джонъ Фальстафъ.

Джонъ Фальстафъ, жирный рыцарь, несмотря на всѣ свои недостатки и пороки, пользуется вотъ ужь триста лѣтъ завидной любовью и симпатіей во всѣхъ частяхъ свѣта. Самъ Шекспиръ чувствовалъ какую-то особую привязанность къ своему толстому дѣтищу и два раза возвращался къ нему, не будучи окончательно въ состояніи распрощаться съ нимъ. И въ самомъ дѣлѣ, не только у Шекспира, но и во всей всемірной литературѣ не найдется такого другого весельчака, какъ Фальстафъ. Нѣтъ такого, кажется, порока, которымъ бы ни наградилъ его поэтъ, и, несмотря на то, онъ все же не производитъ на читателя отталкивающаго впечатлѣнія. Но, прежде чѣмъ показать Фальстафа во всей его красѣ, мы скажемъ нѣсколько словъ относительно его біографіи по тѣмъ отрывочнымъ намекамъ, которые тамъ и сямъ разбросаны Шекспиромъ. Джонъ Фальстафъ, или Джакъ, какъ его называетъ принцъ Генрихъ, происходитъ изъ дворянской фамиліи. Годъ рожденія его покрытъ мракомъ неизвѣстности. Въ дни счастливаго далекаго дѣтства, далекаго, потому что въ пьесахъ, гдѣ онъ дѣйствуетъ, это уже пожилой господинъ, Джакъ щипалъ гусей, погонялъ хлыстикомъ кубарь, бѣгалъ отъ учителей, однимъ словомъ, продѣлывалъ всѣ тѣ невинныя шалости, которыя такъ свойственны золотому дѣтству.

Въ школѣ Фальстафъ впервые познакомился съ будущимъ судьей Шалло, про котораго онъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «Я какъ теперь вижу его въ школѣ Климента: точь-въ-точь человѣчья фигурка, какую вырѣзаютъ дѣти за ужиномъ изъ корки сыра. Безъ платья весь свѣтъ принималъ его за двухвостую редиску, съ вырѣзанной наверху мордочкой. Онъ былъ такъ худъ, что близорукій не смѣрилъ бы его въ толщину, за что всѣ окрестныя дѣвки называли его мандраголой. Любилъ гоняться за модой и былъ страстенъ, какъ обезьяна. Бывало, подслушаетъ у извозчиковъ какую-нибудь паршивую пѣсню и начнетъ напѣвать ее своимъ сѣченымъ потаскушкамъ и божится, что это его собственныя поэтическія грезы. И этотъ шутъ теперь судья и землевладѣлецъ и говоритъ о Джонѣ Гонтѣ, какъ о равномъ, тогда какъ я готовъ присягнуть, что онъ Джона Гонта видѣлъ всего разъ въ жизни, когда тотъ проломилъ ему голову за то, что онъ втерся на турнирѣ въ толпу его лакеевъ».

Послѣднія слова нѣсколько напоминаютъ сплетню, но что дѣлать, такова уже несчастная привычка сэра Джона никогда ни о комъ хорошо не отзываться. Впрочемъ, нѣкоторыя фразы изъ этого монолога примѣнимы и къ самому Джону, особенно гдѣ онъ упоминаетъ о нравственности будущаго судьи. Среди другихъ школьныхъ товарищей Джона былъ Скогенъ, впослѣдствіи знаменитый придворный шутъ и со-

чинитель веселыхъ сказокъ. Этому Скогену Фальстафъ какъ-то разъ проломилъ голову. Вотъ и все, что мы знаемъ объ его дѣтствѣ. Фальстафъ-юноша дѣлается пажомъ герцога Норфолька, и когда того Ричардъ II изгоняетъ изъ Англіи, Фальстафъ, вѣроятно, сопровождаетъ его въ его путешествіи по континенту. Въ тавернахъ Франціи, Голландіи и Италіи онъ докончилъ свое воспитаніе и съ зачатками подагры и другихъ болѣзней, свойственныхъ главнымъ образомъ холостой молодежи, возвратился на родину. По наружному виду Джонъ въ тѣ далекія времена былъ тонокъ, какъ спичка, и совершенно свободно могъ пролѣзать въ кольцо съ пальца альдермана, но въ историческій періодъ его жизни, то есть уже въ первой части «Генриха IV», онъ раздулся до того, что не могъ видѣть собственныхъ колѣнъ. Въ смыслѣ нравственности дѣла обстоятъ не лучше: онъ сдѣлался циникомъ, плутомъ, трусомъ, безбожникомъ, который, какъ можно заключить изъ словъ его собутыльника Пойнса, продалъ свою душу дьяволу въ послѣднюю святую пятницу за стаканъ хереса и холоднаго каплуна. Съ принцемъ Генрихомъ онъ сошелся очень близко, называетъ его «Ты, Галь!» и смотритъ на него, какъ на щенка и мальчишку.



Фальстафъ (съ Гоуэрской статуи).

Товарищи его: Пойнсъ, Гадсхиль, Пето и Бардольфъ не лучше. Достаточно сказать, что Гадсхиль пользуется такой дурной славой, что даже извозчики не довѣряютъ ему на минуту фонаря. Самъ Фальстафъ въ это время уже извѣстенъ въ Лондонѣ такъ же, такъ и соборъ Св. Павла.

Въ первой части хроники «Генрихъ IV» мы присутствуемъ при одномъ изъ разбойничьихъ подвиговъ веселой компаніи. Гадсхиль, Пето, Бардольфъ и Фальстафъ нападаютъ ночью на большой дорогѣ на проѣзжихъ купцовъ, грабятъ ихъ и затѣмъ приступаютъ къ дѣлежу денегъ, но въ это время Пойнсъ съ принцемъ въ маскахъ въ свою очередь нападаютъ на мошенниковъ и отнимаютъ у нихъ деньги. По уговору компанія должна встрѣтиться въ тавернѣ «Кабанья голова» въ Истчипѣ. Принцъ съ Пойнсомъ приходятъ нѣсколько раньше и дурачатъ отъ скуки трактирнаго слугу. Немного погодя возвращаются и остальные, во главѣ съ Фальстафомъ, обозленные и недовольные своей не-

удачей. Фальстафъ сперва косвенно, а затѣмъ уже прямо обзываетъ Пойнса и принца трусами за то, что они уклонились отъ участія въ грабежѣ и не помогли имъ, когда было нужно. Не подозрѣвая, конечно, что ихъ грабители никто иной, какъ принцъ и Пойнсъ, Фальстафъ начинаетъ имъ разсказывать о своемъ приключеніи. «Я подлецъ, — восклицаетъ онъ, — если не сражался, по крайней мѣрѣ, два часа съ цѣлой дюжиной. Я остался живъ чудомъ. Я восемь разъ проколотъ сквозь камзолъ, четыре — сквозь исподнее платье. Мой щитъ изрубленъ вдоль и поперекъ; мой мечъ зазубренъ, какъ пила—ecce signum (вынимаетъ мечъ). Я ни разу не дрался такъ хорошо съ тѣхъ поръ, какъ сталъ мужемъ, и все напрасно. Проклятіе трусамъ! Спросите у нихъ. Если они прибавятъ или убавятъ, они будутъ мерзавцы, дѣти мрака»...

Принцъ Генрихъ. И вы сражались со всѣми?

Фальстафъ. Со всѣми? Я не знаю, что ты называешь со всѣми; но если я не сражался съ пятидесятью, назови меня пучкомъ редисокъ. Я отказываюсь отъ званія двуногой твари, если на стараго, бѣднаго Джона не напало, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ два или три человѣка.

Принцъ Генрихъ. Господи помилуй! Ужь, вѣрно ты убилъ нѣсколькихъ?

Фальстафъ. Ну, ужь тутъ было не до молитвъ. Двухъ я укокошилъ; съ двумя, я увѣренъ, разсчетъ конченъ, съ двумя бездѣльниками въ клеенчатыхъ плащахъ. Галь, если я лгу, наплюй мнѣ въ глаза и назови меня лошадью. Ты знаешь мою старую манеру защищаться: сталъ такъ и держу мечъ такъ. Четыре бездѣльника въ клеенкѣ идутъ...

Принцъ Генрихъ. Четыре? Какъ же ты сейчасъ сказалъ только два?

Фальстафъ. Четыре, Галь. Я сказалъ четыре.

Пойнсъ. Да, онъ сказалъ четыре.

Фальстафъ. Эти четверо стали передо мной и ну тыкать. Я, не раздумывая долго, поймалъ въ мой щитъ всѣ семь мечей—вотъ такъ.

Принцъ Генрихъ. Семь? Да вѣдь ихъ было только четверо.

Фальстафъ. Въ клеенкѣ?

Пойнсъ. Ну, да, четверо въ клеенкѣ.

Фальстафъ. Семеро! Клянусь этою рукояткою, семеро; иначе я подлецъ.

Принцъ Генрихъ. Оставь его, прибудетъ еще.

Фальстафъ. Галь, ты слушаешь?

Принцъ Генрихъ. Слушаю, Джонъ, слушаю.

Фальстафъ. Слушай, слушай, оно стоитъ, чтобы послушать. Ну, вотъ, какъ я сказалъ, эти девятеро въ клеенкѣ...

Принцъ Генрихъ. Ну, прибавилось еще двое.

Фальстафъ. Переломили мечи...

Пойнсъ. И потеряли штаны.

Фальстафъ. И начали отступать, но я за ними и быстрѣе мысли положилъ семерыхъ изъ одиннадцати.

Принцъ Генрихъ. Ужасно, одиннадцать человѣкъ въ клеенкѣ выросло изъ двухъ.

Фальстафъ. Но тутъ самъ дьяволъ напустилъ на меня трехъ бездѣльниковъ въ зеленомъ кендальскомъ сукнѣ, зашедшихъ ко мнѣ

въ тылъ. Примѣтить ихъ я не могъ, потому что ночь была такъ темна, Галь, что ты не увидалъ бы собственной руки.

Принцъ Генрихъ. Всѣ эти лжи подобны своему отцу: громадны, какъ горы, очевидны и ощутительны. Ну, какъ же ты, набитый грязью чемоданъ, безголовый чурбанъ, отвратительный комъ сала...

Фальстафъ. Ну что, ну что, съ ума ты сошелъ, что ли? Развѣ правда—неправда?

Принцъ Генрихъ. Ну, какъ же ты увидалъ, что они въ зеленомъ кендальскомъ сукнѣ, когда ночь была такъ темна, что ты не видѣлъ собственной руки? Ну, объясни же намъ это.

Пойнсъ. Объясняй, Джакъ, объясняй.

Фальстафъ. Какъ, по принужденію?.. Никогда! Да если бы меня вздумали пытать всевозможными пытками, я и тогда не сказалъ бы ни слова по принужденію! Еслибъ объясненія были дешевле пареной рѣпы, то и тогда вы не узнали бы отъ меня ничего, клянусь честью!

Принцъ Генрихъ. Нѣтъ, я не хочу носить этого грѣха на душѣ. Я обличу этого полнокровнаго труса, этого лежебоку, этого сокрушителя лошадиныхъ спинъ, эту громадную гору мяса.

Фальстафъ. Ахъ, ты, свинья, сухая шкура, бычачій языкъ, кишка, треска! У меня недостаетъ даже сравненій, на что ты похожъ. Ты портняжный аршинъ, пустыя ножны, старая, дрянная рапира...

Принцъ Генрихъ. Постой, постой, переведи духъ, а тамъ начинай опять, пока не истощишь свои низкія сравненія; а между тѣмъ выслушай вотъ это.

Пойнсъ. Слушай, Джакъ!

Принцъ Генрихъ. Мы вдвоемъ видѣли, какъ вы четверо напали на четверыхъ, связали ихъ и ограбили. Теперь смотри, какъ тебя уничтожитъ мой разсказъ. Мы двое напали на васъ четверыхъ и однимъ словомъ согнали васъ съ добычи. Она у насъ и я сейчасъ же могу тебѣ ее показать. И ты, Фальстафъ, помчалъ свое пузо такъ быстро, такъ проворно, и все бѣжалъ и ревѣлъ о пощадѣ, какъ самый рѣзвый и голосистый теленокъ. Ну, не подлецъ ли, ты иззубрилъ свой мечъ и увѣряешь, что это въ битвѣ. Какую ложь, какую несообразность выдумаешь ты теперь, чтобъ прикрыть этотъ очевидный срамъ?

Пойнсъ. Ну, послушаемъ, Джакъ, какую штуку ты придумаешь?

Фальстафъ. Клянусь Богомъ, я зналъ, что это вы, зналъ такъ же хорошо, какъ и тотъ, кто васъ сдѣлалъ. Послушайте, друзья: ну, могу ли я рѣшиться убить наслѣдника престола, обратить свой мечъ противъ истиннаго принца? Послушай, Галь, ты знаешь, я храбръ, какъ Геркулесъ, и остороженъ по инстинкту. И левъ не тронулъ бы истиннаго принца. Инстинктъ—великая вещь. Я поступилъ, какъ трусъ, но ради инстинкта. Это не повредитъ въ моемъ мнѣніи ни мнѣ, ни тебѣ, и я попрежнему считаю себя храбрымъ львомъ, а тебя истиннымъ принцемъ. Впрочемъ, я ей Богу радъ, что деньги у васъ. Хозяйка, запирай ворота! Кути сегодня, молись завтра! Славно, ребята, золотыя сердца! Вотъ истинное товарищество! Какую бы намъ выдумать потѣху? Не сыграть ли комедію?

Принцъ Генрихъ. Пожалуй; и твое бѣгство будетъ содержаніемъ.

Фальстафъ. Ну, полно, Галь! Пожалуйста, если ты меня любишь, объ этомъ ни слова болѣе.

Вранье Фальстафа не имѣетъ предѣловъ: оно безгранично такъ же, какъ и его остроуміе. У трактирщицы Куикли онъ занялъ 24 фунта и за это обѣщалъ на ней жениться. Когда она жалуется на него, онъ обзываетъ ее «штукой». Куикли обижается. «Какая я штука?», спрашиваетъ она. «А такая, съ какой имѣть дѣло не приведи Господи!»— «Нѣтъ, врешь, всякій со мной готовъ имѣть дѣло, а вотъ ты, не во гнѣвъ будь сказано твоему рыцарству, подлецъ, если меня такъ называешь».—«А ты, не во гнѣвъ твоей женственности, тварь, если ужь на то пошло».—«Какая же тварь, подлецъ, какая?»—«Какая? Выдра».— «Выдра, сэръ Джонъ, почему выдра?»—«Да потому, что она чортъ знаетъ что такое, ни рыба, ни мясо!».

Благодарную почву для изощренія остроумія Фальстафа представляетъ носъ Бардольфа. «Ты,—говоритъ онъ Бардольфу въ дружеской бесѣдѣ,—нашъ адмиральскій корабль съ фонаремъ на носу вмѣсто кормы; ты рыцарь пылающаго свѣтильника».

Бардольфъ. Что жь, сэръ Джонъ, мой носъ не дѣлаетъ тебѣ вреда.

Фальстафъ. Оборони Боже, напротивъ, онъ мнѣ приноситъ великую пользу, какъ видъ черепа или memento mori. Когда я гляжу на твой носъ, мнѣ непремѣнно приходитъ на мысль адскій огонь или богачъ, что ходилъ въ пурпурѣ. Онъ пылаетъ на твоемъ лицѣ въ самомъ яркомъ нарядѣ, и еслибъ въ тебѣ была хоть искра добродѣтели, то я непремѣнно сталъ бы клясться твоимъ носомъ, приговаривая: «Клянусь этимъ пламенемъ!». Но вѣдь ты совсѣмъ предался грѣху и, не будь этого огня на твоемъ лицѣ, ты былъ бы совершенно сыномъ мрака. Когда ты ночью бѣгалъ въ Гадсхилѣ за моей лошадью, я, ей Богу, принялъ тебя за ignis fatuus или огненный шаръ. Ты вѣчный, неугасаемый фейерверкъ и, благодаря тебѣ, я сберегъ по крайней мѣрѣ тысячу марокъ, которыя истратилъ бы непремѣнно на свѣчи для освѣщенія дороги, когда мы шатались ночью по тавернамъ. Впрочемъ, если принять въ соображеніе количество хересу, которое ты выпилъ на мой счетъ, то свѣтъ твой обошелся мнѣ, пожалуй, дороже, нежели покупка сала у самаго дорогого торговца. Вотъ уже тридцать два года, какъ я питаю эту огненную саламандру, и да наградитъ меня за это Господь!

Бардольфъ. Чортъ возьми, я желалъ бы, чтобы мой носъ былъ у тебя въ желудкѣ.

Фальстафъ. Сохрани Боже! Да я бы тотчасъ сгорѣлъ.

Вскорѣ послѣ грабежа въ Англіи разражается междоусобная война. Принцъ Генрихъ идетъ на войну самъ и опредѣляетъ Фальстафа въ пѣхоту. Ему поручаютъ набрать сто пятьдесять человѣкъ, но онъ сумѣлъ заработать на этомъ дѣлѣ триста фунтовъ. Фальстафъ вербовалъ только сыновей богатыхъ фермеровъ, которые войны боятся пуще огня и потому всегда спѣшатъ откупиться. Взамѣнъ ихъ онъ набралъ какую-то ватагу оборвышей, «похожихъ на Лазаря, когда псы лизали его раны». «Можно подумать,—разсуждаетъ онъ,—что я набралъ сто пятьдесять блудныхъ сыновей, только-что покинувшихъ свиную паству, помои и жолуди. Вѣдь сказала же какая-то каналья, что я поснималъ ихъ съ висѣлицъ». Войны Фальстафъ терпѣть не можетъ: онъ думаетъ, что время умирать для него не наступило: «Ну, на кой чортъ мнѣ соваться

впередъ? Кто меня толкаетъ? Честь. А если она толкнетъ меня на смерть, тогда что? Можетъ ли честь приставить руку? Нѣтъ. Вылечить рану? Нѣтъ. Значитъ, она хирургіи не знаетъ? Нѣтъ. Что жь такое честь? Слово. Что жь такое слово? Воздухъ. Стало быть, честь воздухъ? Славное пріобрѣтеніе. Кто жь ее пріобрѣлъ? А тотъ, кого убили въ сраженіи. Что жь, онъ ее чувствуетъ? Нѣтъ. Слышитъ? Нѣтъ. Стало быть, она не ощущается? Нѣтъ. Какъ же могутъ чувствовать мертвые? Развѣ она не можетъ уживаться съ живыми? Нѣтъ. Почему? Злословье не позволяетъ. Такъ и мнѣ ея не надо. Честь просто надгробная надпись. Вотъ и конецъ моего катехизиса».

Вотъ практическая философія Фальстафа. Но, несмотря на свое нежеланіе драться, ему приходится участвовать въ стычкѣ. На него нападаетъ Дугласъ, и Фальстафъ изъ боязни быть убитымъ прикидывается мертвымъ. Рядомъ съ нимъ лежитъ трупъ Перси, убитаго принцемъ Генрихомъ. Фальстафъ взваливаетъ его себѣ на спину и тащитъ къ королю, какъ доказательство своего подвига. Король награждаетъ его за храбрость, и народъ отъ верховнаго судьи до публичной женщины включительно преклоняется передъ его мужествомъ. Ему поручаютъ командованіе новымъ отрядомъ, такъ какъ прежній былъ весь уничтоженъ въ первомъ же бою: отъ ста пятидесяти оборванцевъ осталось только три человѣка, да и эти трое больше годны просить милостыню на церковной паперти, чѣмъ сражаться. Въ довершеніе всего его назначаютъ спутникомъ принцу Ланкастерскому, человѣку серьезному и строгому.

Но Фальстафъ и знать ничего не хочетъ о своемъ новомъ назначеніи. Онъ живетъ въ Лондонѣ, распутничаетъ, дерется съ женщинами и пьянствуетъ. Принцъ Генрихъ, возвратившись съ войны, идетъ отыскивать Фальстафа и находитъ его ужинающимъ въ компаніи съ трактирщицей Куикли и другой женщиной Доль. Жирный рыцарь чванится передъ нимъ, хвастаетъ и называетъ самого принца мальчишкой, годнымъ развѣ только въ хлѣбопеки. Отправляясь, наконецъ, къ герцогу Ланкастерскому, онъ снова вербуетъ солдатъ и опять по старой системѣ. Вотъ образчикъ этой вербовки.

Фальстафъ. Фу, что за дьявольская жара! Ну, что же, приготовили вы мнѣ штукъ шесть хорошихъ рекрутовъ?

Шалло. Какже, сэръ. Прошу васъ присѣсть.

Фальстафъ. Такъ нельзя ли мнѣ ихъ показать?

Шалло. Да гдѣ же списокъ? Куда онъ запропастился? Посмотримъ, посмотримъ. Да, да, почти такъ, сэръ: Ральфъ Заплѣсневѣлый! Ну, что же, пускай выходятъ по вызову. Заплѣсневѣлый!

Заплѣсневѣлый (*выходя*). Здѣсь, ваша милость.

Шалло. Ну, какъ вы его находите, сэръ Джонъ? Неправда ли, малый хоть куда. Молодъ, силенъ и изъ хорошей семьи.

Фальстафъ. Тебя зовутъ Заплѣсневѣлый?

Заплѣсневѣлый. Точно такъ, ваша милость.

Фальстафъ. Ну, такъ тебя надо употребить въ дѣло поскорѣй.

Шалло. Ха, ха, ха! Прекрасно, безподобно, заплѣсневѣлыя вещи надо употреблять въ дѣло скорѣй. Отлично сказано, сэръ Джонъ, превосходно сказано... Теперь другого, сэръ Джонъ, посмотримъ. Симонъ Тѣнь!

Фальстафъ. Хорошо. Подавайте его сюда, чтобъ я могъ сидѣть подъ тѣнью: изъ него, вѣрно, выйдетъ превосходный воинъ.

Шалло. Гдѣ же Тѣнь?

Тѣнь. Здѣсь, сэръ.

Фальстафъ. Чей ты сынъ?

Тѣнь. Моей матери, сэръ.

Фальстафъ. Совершенно справедливо, и въ то же время тѣнь отца. Вѣдь случается нерѣдко, что сынъ только тѣнь отца, безъ всякой примѣси отцовской плоти.

Шалло. Ну, какъ вы его находите, сэръ Джонъ?

Фальстафъ. Тѣнь годится для лѣта—отмѣтьте его. У насъ въ спискахъ есть тѣни почище: одни имена, а хозяева ихъ гуляютъ Богъ вѣсть гдѣ.

Шалло. Ѳома Бородавка!

Фальстафъ. Гдѣ же онъ?

Бородавка. Здѣсь, сэръ.

Фальстафъ. Твое имя Бородавка?

Бородавка. Точно такъ, сэръ.

Фальстафъ. Ты преуродливая бородавка.

Шалло. Отмѣтить его, сэръ Джонъ?

Фальстафъ. Нѣтъ, зачѣмъ, онъ отмѣченъ самой природой: смотрите—котомка приросла къ плечамъ, а ноги искривлены, какъ изломанныя палки.

Шалло. Ну, какъ вамъ угодно: я весь въ вашемъ распоряженіи. Френсисъ Слабость!

Слабость. Здѣсь, сэръ.

Фальстафъ. Какое твое ремесло, Слабость?

Слабость. Я дамскій портной, сэръ.

Шалло. Отмѣтить его, сэръ?

Фальстафъ. Можно; будь онъ мужской портной, онъ отмѣтилъ бы насъ. Ну, Слабость, сдѣлаешь ли ты столько прорѣхъ въ непріятельскомъ строю, сколько сдѣлалъ въ женскихъ юбкахъ?

Слабость. Сдѣлаю, что могу, сэръ; больше требовать нельзя.

Набравъ нѣсколько человѣкъ, Фальстафъ уходитъ съ Шалло обѣдать, поручая всю грязную работу Бардольфу. Работа эта состояла въ томъ, чтобы торговаться съ навербованными солдатами и содрать съ нихъ за освобожденіе возможно болѣе. Фальстафъ участвуетъ при взятіи Колевиля, а когда приходитъ извѣстіе о смерти короля Генриха IV и о вступленіи на престолъ его товарища и собутыльника принца Галя, Фальстафъ спѣшитъ въ Лондонъ, надѣясь достичь при помощи своего друга всякихъ земныхъ благъ. Но, увы, король не узнаетъ его, и когда жирный рыцарь на площади Вестминстерскаго аббатства заговариваетъ въ шутливомъ тонѣ съ королемъ, послѣдній обрываетъ его и отправляетъ въ ссылку.

Сколько времени продолжалась опала и смѣнилъ ли король гнѣвъ на милость—неизвѣстно. Въ эпилогѣ Шекспиръ обѣщаетъ продолжать исторію Фальстафа, но въ «Генрихѣ V» мы больше уже не встрѣчаемся съ нимъ и черезъ другихъ дѣйствующихъ лицъ узнаемъ объ его кончинѣ. Въ началѣ второго акта, въ то время, когда товарищи Фальстафа: Бардольфъ, Нимъ, Пистоль и Куикли (послѣдняя вышла замужъ за

Пистоля), переругиваются въ Истчипской тавернѣ, входитъ пажъ Фальстафа: «Хозяинъ Пистоль и вы, хозяйка, идите скорѣй къ моему господину,—говоритъ онъ,—онъ очень боленъ и хочетъ лечь въ постель. Добрый Бардольфъ, хоть бы ты сунулъ ему свой носъ подъ одѣяло вмѣсто грѣлки. Право, онъ захворалъ не на шутку». Мистриссъ Куикли разсказываетъ про смерть Фальстафа очень трогательно: «Онъ скончался такъ тихо, какъ можетъ умереть одинъ невинный младенецъ. Онъ отошелъ между двѣнадцатымъ и первымъ часомъ, какъ разъ въ промежутокъ между приливомъ и отливомъ. Я какъ только увидала, что онъ началъ обдергивать рубашку, играть цвѣтами и смотрѣть на концы своихъ пальцевъ, такъ тотчасъ же смекнула, что ему осталась одна дорога. Носикъ у него завострился, какъ перо, и онъ заболталъ что-то о зеленыхъ поляхъ. Я спросила: «Каково вамъ, сэръ Джонъ?». А онъ только пробормоталъ: «Господи, Господи, Господи!», раза три или четыре. «Полноте,—говорю я,—сэръ Джонъ, зачѣмъ вамъ напрасно безпокоить Господа, дурного еще ничего нѣтъ!». А онъ попросилъ положить ему побольше одѣялъ на ноги. Я сунула руку подъ одѣяло и пощупала ему ноги—холоднехоньки; я колѣнки пощупала—и они точно ледъ; я и выше пощупала—и тамъ все холодно.

Нимъ. Говорятъ, онъ проклиналъ хересъ?

Куикли. Ахъ, да, проклиналъ.

Бардольфъ. И женщинъ.

Куикли. Нѣтъ, нѣтъ, женщинъ не проклиналъ.

Мальчикъ. Конечно, проклиналъ; онъ говорилъ, что онѣ воплощенные дьяволы.

Куикли. Дьявола онъ, точно, не любилъ и боялся его.

Мальчикъ. Разъ онъ даже сказалъ, что если попадетъ въ когти дьяволу, такъ это будетъ за женщинъ.

Куикли. Ну, конечно, иной разъ случалось ему говорить дурно и о женщинахъ, особенно, когда онъ хандрилъ; но вѣдь онъ разумѣлъ тогда вавилонскую распутницу.

Мальчикъ. А помните, разъ онъ увидалъ блоху на носу у Бардольфа и сказалъ: «Это грѣшная душа жарится на адскомъ огнѣ».

Бардольфъ. Дрова, питавшія этотъ огонь, вышли, и онъ—вотъ все, что я получилъ отъ него въ наслѣдство.

Смерть Фальстафа, судя по ходу пьесы, послѣдовала передъ самымъ началомъ французской войны, т. е. лѣтомъ 1415 года.

Кончилъ Фальстафъ свою грѣшную жизнь, но не кончилъ писать о немъ Шекспиръ. Существуетъ преданіе, будто королева Елизавета захотѣла еще разъ увидѣть на сценѣ толстаго рыцаря и именно въ той роли, въ которой онъ не былъ изображенъ поэтомъ. Въ «Генрихѣ IV» Фальстафъ проявляетъ массу разнообразныхъ талантовъ: онъ и кутила, и развратникъ, и безчестный человѣкъ, однимъ словомъ, все, что хотите, но онъ не влюбленъ. И вотъ именно влюбленнымъ-то она и пожелала его увидѣть. По ея приказанію, Шекспиръ долженъ былъ написать комедію, въ которой центральной фигурой былъ бы влюбленный Фальстафъ.

Въ результатѣ появилась новая комедія «Виндзорскія проказницы». Какой періодъ жизни Фальстафа представляетъ намъ Шекспиръ—неизвѣстно; онъ нигдѣ объ этомъ не говоритъ. Компанія его уже въ пол-

номъ составѣ, кромѣ принца. Изъ этого послѣдняго факта можно сдѣлать предположеніе, что великій драматургъ описываетъ намъ періодъ опалы своего любимца, т. е. какъ разъ ту эпоху, когда принцъ Генрихъ, сдѣлавшись королемъ, удалилъ Фальстафа отъ двора. Фальстафъ поселился въ Виндзорѣ и продолжаетъ вести безпутную жизнь. Онъ получаетъ десять фунтовъ въ недѣлю; однако, денегъ этихъ ему не хватаетъ и онъ замѣтно нищаетъ. Скука и безденежье заставляютъ его пускаться на выдумки. Желая разомъ избавиться отъ того и другого, онъ вознамѣрился поиграть въ любовь. Сэръ Джонъ, какъ истый рыцарь, заводитъ разомъ двѣ любовныя интриги съ двумя простыми, но честными горожанками. «Онъ носомъ чуетъ благорасположеніе мистриссъ Фордъ къ себѣ», говоритъ онъ объ одной изъ нихъ; всѣ ея заигрыванія, все ея кокетство, по его мнѣнію, можно перевести словами: «Я вся принадлежу сэру Джону Фальстафу». Воображеніе его разыгрывается, и онъ уже видитъ себя мысленно полнымъ обладателемъ этихъ почтенныхъ дамъ, которыя будутъ его Остъ- и Вестъ-Индіей.

Къ несчастью, на дѣлѣ обстоятельства нѣсколько мѣшаютъ исполненію его проекта. Товарищи и спутники его—Нимъ, Пистоль и Бардольфъ—отказываются помогать ему. Отказъ возмущаетъ его, и онъ рѣшаетъ дѣйствовать одинъ.

«Онъ,—говоритъ Гервинусъ,—начинаетъ дѣло очень искусно: приступаетъ къ честнымъ горожанкамъ весьма почтеннымъ, по крайней мѣрѣ, тономъ. Сладкихъ рѣчей онъ не любитъ и причина этого кроется въ его мужественной натурѣ, которая и не дозволяетъ ему этого. Но при этомъ онъ простираетъ свое важничанье до такой небрежности, что посылаетъ обѣимъ женщинамъ совершенно одинаковыя письма. Успѣхъ посланія совершенно вскружилъ ему голову, но онъ же отнялъ у него все его прежнее остроуміе; внезапно овладѣвшее имъ самодовольство совершенно ослѣпляетъ его. И лишь только тщеславіе довело его до чрезвычайно высокаго мнѣнія о себѣ, лишь только онъ вообразилъ себѣ, что сдѣлался предметомъ любви, съ нимъ все можетъ статься. Такъ, онъ принимаетъ за чистую монету грубую лесть мистера Брука; самое нелѣпое предложеніе не кажется ему несбыточнымъ; онъ воображаетъ, что ему готова отдаться женщина, оставшаяся, какъ ему говорятъ, непреклонною къ искательствамъ порядочнаго человѣка, который вполнѣ ея стоитъ. Тщеславіе и высокомѣріе доводятъ его до безразсудной откровенности съ постороннимъ человѣкомъ, который ему, разумѣется, платитъ. Онъ сохранилъ за собою свое всѣмъ извѣстное безстыдство, которое подъ стать его откровенности, но зато, съ другой стороны, разсудокъ вполнѣ его оставляетъ. Два раза онъ поддается грубому обману: его полощатъ, валяютъ и катаютъ, и со всѣмъ тѣмъ, при третьемъ разѣ онъ не дѣлается нисколько осторожнѣй, несмотря на то, что еще при первомъ разѣ говорилъ, что если его еще разъ такъ одурачатъ, то онъ позволитъ мозгъ свой зажарить въ маслѣ и выбросить собакамъ. Веселыя женщины сговорились противъ него; презираемые имъ его слуги—тоже; его пажъ подкупленъ; неравныя и многочисленныя силы вооружились противъ него; но онъ сдается и слабѣйшимъ силамъ, послѣ того, какъ онъ разъ поскользнулся на своемъ самолюбіи. Стыдъ, удары, паровыя и холодныя ванны, денежный штрафъ, щипки, обжоги, рога, которые онъ готовилъ другимъ,—все это

падаетъ на него, возвращается ему же. Сознаніе своей вины, омраченіе разсудка доводятъ его при послѣднемъ приключеніи до того, что онъ вѣритъ въ существованіе фей и боится ихъ; онъ не узнаетъ даже по голосу пастора Эванса и принимаетъ его за домового! А когда ему, напослѣдокъ, разгадали загадку, то онъ, никогда не умѣвшій подняться до самосознанія, стоитъ пристыженный передъ самимъ собою,— до презрѣнія къ самому себѣ».

Дальше Гервинусъ начинаетъ упрекать Фальстафа въ безчисленномъ множествѣ пороковъ и въ его безпутствѣ, какъ будто Шекспиръ хотѣлъ олицетворить въ Фальстафѣ идеалъ нравственности. Посмотримъ теперь, какъ объясняется въ любви нашъ храбрый рыцарь.

Фальстафъ. Мистриссъ Фордъ, я не умѣю льстить, я не умѣю много говорить, мистриссъ Фордъ, согрѣшу я теперь помысломъ: мнѣ было бы желательно, чтобъ твой мужъ умеръ. Да, передъ знатнѣйшимъ лордомъ не задумаюсь я сказать: желалъ бы сдѣлать тебя моею лэди!

Мистриссъ Фордъ. Меня вашей лэди, сэръ Джонъ? Ахъ, жалкая лэди вышла бы изъ меня!

Фальстафъ. Пусть французскій дворъ покажетъ мнѣ подобную тебѣ! Твои очи, это я вижу, могли бы соперничать съ бриллiантами. Ты обладаешь тѣми прелестными дугами бровей, къ которымъ идетъ и шляпка корабликъ, и шляпка-амазонка, и всякая шляпка венеціанскаго покроя.

Мистриссъ Фордъ. Простой платокъ, сэръ Джонъ, вотъ что идетъ къ моимъ бровямъ, да и тотъ слишкомъ хорошъ для меня.

Фальстафъ. Клянусь Богомъ, ты совершаешь преступленіе, произнося такія слова. Нѣтъ, изъ тебя бы вышла придворная дама въ полномъ смыслѣ слова и твердая поступь твоей ноги придавала бы удивительную прелесть твоимъ движеніямъ въ полукруглыхъ фижмахъ. Если бы судьба не была твоимъ врагомъ, я знаю, чѣмъ была бы ты, имѣя такого друга въ природѣ. Перестань же скрывать это, ибо скрыть невозможно!

Мистриссъ Фордъ. Повѣрьте, ничего подобнаго нѣтъ во мнѣ.

Фальстафъ. Но за что же я полюбилъ тебя? Убѣдись хоть этимъ, что въ тебѣ есть нѣчто необыкновенное. Я не умѣю льстить, не умѣю говорить, что ты и такая, и этакая, какъ умѣютъ сюсюкать эти франтики, похожіе на женщинъ въ мужскомъ платьѣ и пахнущіе, какъ аптекарская кладовая во время сбора травъ, не умѣю я, но люблю тебя, одну тебя, и ты заслуживаешь это.

Мистриссъ Фордъ. Не обманывайте меня, сэръ, боюсь, вы любите мистриссъ Пэджъ.

Фальстафъ. Ты точно также могла бы сказать, что я люблю прохаживаться мимо долговой тюрьмы, которая для меня ненавистна такъ же, какъ дымъ отъ обжигаемой извести.

Мистриссъ Фордъ. Одному Богу извѣстно, какъ я люблю васъ, и когда-нибудь вы убѣдитесь въ этомъ.

Фальстафъ. Останься вѣрна этой любви, я сдѣлаюсь достойнымъ ея.

Мистриссъ Фордъ. Не могу скрыть отъ васъ, что вы и теперь достойны ея; иначе во мнѣ не было бы этого чувства.

Въ этомъ діалогѣ сэръ Джонъ рисуется во весь ростъ. Вы ясно видите, какъ эта громада жира, несмотря на свою кажущуюся флегматичность, при случаѣ можетъ казаться нѣжнымъ, вкрадчивымъ; разговоръ его, какъ всегда, не лишенъ своеобразнаго юмора и остроумія. Разсказъ о пребываніи въ корзинѣ съ грязнымъ бѣльемъ дополняетъ характеристику Фальстафа виндзорскаго періода: «Когда я такимъ образомъ очутился въ корзинѣ, мистриссъ Фордъ позвала двухъ мерзавцевъ, лакеевъ своего мужа, и велѣла нести меня въ видѣ грязнаго бѣлья на Дэтгетскій лугъ. Они подняли меня къ себѣ на плечи; въ дверяхъ встрѣтился съ ними мерзкій ревнивецъ, ихъ баринъ, спросившій разъ или два, что у нихъ въ корзинѣ. Я трепеталъ отъ страха при мысли, что этотъ подлый лунатикъ станетъ осматривать корзину; но судьба, обрекшая его на званіе рогоносца, удержала его руку. Ну, хорошо! Онъ отправился дальше на поиски, а меня понесли въ видѣ грязнаго бѣлья. Но замѣчайте, что было дальше, мистриссъ Брукъ! Я терпѣлъ муки трехъ различныхъ родовъ смерти: во-первыхъ, невыносимый страхъ, что ревнивый, гнусный баранъ найдетъ меня; затѣмъ, лежанье на пространствѣ какого-нибудь наперстка въ мучительно скорченномъ положеніи, головою къ пяткамъ; наконецъ, плотная укупорка моей персоны точно крѣпкаго спирта, въ вонючемъ бѣльѣ, разлагавшемся въ своемъ собственномъ салѣ. Представьте вы себѣ человѣка моей комплекціи, представьте себѣ это... А надо вамъ знать, что на меня жаръ дѣйствуетъ, какъ на масло: со мной происходитъ вѣчное растапливаніе, вѣчное таяніе; не понимаю, какимъ чудомъ я не задохся. И вотъ въ самомъ разгарѣ этой бани, когда я, точно голландское кушанье, наполовину сварился уже въ собственномъ жирѣ, меня вдругъ швырнули въ Темзу, мое до-красна раскаленное тѣло охладили въ этой влагѣ, какъ лошадиную подкову; представьте вы только себѣ это, раскаленное до-красна тѣло, представьте себѣ, мистеръ Брукъ.»

Фальстафа разбирали многіе критики и почти всегда останавливались съ удивленіемъ на томъ фактѣ, что сэръ Джонъ, несмотря на свои пороки, всетаки имѣетъ въ себѣ что-то симпатичное. Разрѣшеніе этой загадки Шекспиръ даетъ самъ, когда устами своего героя говоритъ слѣдующее: «Люди считаютъ за особую честь скалить надо мной зубы. Эта глина, что зовется человѣкомъ, не въ состояніи выдумать чего-либо остраго, если только не я предметъ ея глумленія; такъ что я не только остроуменъ самъ, но еще причина остроумія другихъ». Эта характеристика Фальстафа самого себя раскрываетъ намъ тайну его психической организаціи и привлекательности.

Простое его появленіе возбуждаетъ людей сцѣпиться съ нимъ на словахъ. Своимъ остроуміемъ онъ подзадориваетъ другихъ, и тѣ въ свою очередь начинаютъ сыпать шутками. Тутъ мы сталкиваемся съ любопытнымъ, мало изслѣдованнымъ психическимъ закономъ, такъ геніально подмѣченнымъ Шекспиромъ. Человѣкъ въ другихъ любитъ самого себя. Когда кто-нибудь дѣйствуетъ на насъ возбуждающимъ образомъ, пробуждаетъ въ насъ умственныя силы, энергію, то мы любимъ этого человѣка, не подозрѣвая даже, что онъ является лишь внѣшнимъ факторомъ подъема нашей энергіи. Мы его любимъ, потому что любимъ самихъ себя. Въ этомъ собственно и заключается вся тайна общенія между людьми, первичная и главная причина на-

шихъ симпатій и антипатій. Фальстафъ намъ безсознательно симпатиченъ, потому что онъ, благодаря своей богатой натурѣ, дѣйствуетъ на насъ возбуждающе. Его флегматическій темпераментъ, его физическая неподвижность, его острый творческій умъ, удивительное знаніе людей, его полный индифферентизмъ къ нравственнымъ идеаламъ—все это возбуждаетъ насъ въ высшей степени, и это пріятное ощущеніе возбужденія мы невольно приписываемъ ему.

Фальстафъ является олицетвореніемъ Шекспировскаго юмора, но онъ еще далеко не исчерпываетъ богатыхъ сокровищъ геніальнаго поэта. Юморъ и остроуміе разсыпаны у Шекспира повсюду, во всѣхъ его трагедіяхъ и комедіяхъ, но чтобы дать полную картину, чтобы вполнѣ охарактеризовать эту сторону его поэтическаго творчества, нужно написать не краткую характеристику, а цѣлый томъ.

ГЛАВА XIV.

Сервантесъ.

Испанія въ XVI вѣкѣ.—Происхожденіе и воспитаніе.—Юношескіе годы.—Алжирскій плѣнъ.—Служба въ Португаліи.—Пьесы для сцены.—Жизнь въ Севильи—Ламанчское преданіе о Сервантесѣ.—Выходъ первой части «Донъ-Кихота».—Пребываніе въ Мадридѣ.—Изданія «Образцовыхъ новеллъ».—Комедіи и интермедіи.—Вторая часть «Донъ-Кихота».—Смерть Сервантеса.—Первая часть «Донъ-Кихота» и ея характеристика.—Поддѣльная вторая часть.—Насмѣшки Сервантеса надъ ея авторомъ.—Вторая часть и ея характеристика.—Донъ Кихотъ и Санчо.

Съ конца XVI и до конца XVII столѣтія Испанія переживала свой золотой вѣкъ. Въ это время нація наслаждалась плодами своихъ завоеваній при Карлѣ V. Несмотря на то, что правленіе Филиппа II, этого мрачнаго деспота, уничтожившаго слѣды гражданской свободы, сдѣлавшаго церковный фанатизмъ основой своей политической тираніи и видѣвшаго въ ужасахъ ауто-да-фе въ одно и то же время и богослуженіе, и увеселеніе, указывало на приближеніе конца этому золотому вѣку, несмотря на то, что Испанія подъ его правленіемъ или позже неминуемо должна была погибнуть при безвольныхъ, слабыхъ правителяхъ, эта участь была еще слишкомъ далека и, приближаясь медленными шагами, не могла подавить народную духовную энергію.

Жестокость и тиранія Филиппа II не могли разомъ ослабить внутреннюю крѣпость страны, и Испанія въ теченіе цѣлаго XVII столѣтія удержала за собой значеніе наиболѣе могущественной державы. Тяжелый гнетъ царственной руки не могъ подавить національную гордость испанца, а упругость духа еще болѣе закалилась въ столкновеніи съ этимъ гнетомъ и окрѣпла для болѣе высокаго полета. Наибольшее развитіе духовныхъ силъ народа вовсе не совпадаетъ съ наилучшимъ матеріальнымъ состояніемъ страны и часто случается, что духовная и умственная дѣятельность народа достигаетъ кульминаціоннаго пункта какъ разъ во время упадка благосостоянія страны и распускается прелестнымъ яркимъ цвѣткомъ на ея развалинахъ. Если искусство и литература могутъ быть признаны вѣрнымъ масштабомъ, которымъ можно съ точностью измѣрить духовное содержаніе націи,

то время отъ конца XVI и до конца XVII столѣтія нужно считать самымъ благопріятнымъ для Испаніи, такъ какъ литература ея достигла своего апогея, а слѣдовательно и умственная жизнь била ключомъ въ продолженіе всего столѣтія.

Поэзія въ Испаніи началась съ эпическихъ романовъ, затѣмъ перешла къ лирикѣ и, получивъ художественную форму въ произведеніяхъ Боскана и Гарсиласо, обратилась какъ разъ въ тотъ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь,—къ драмѣ. Испанскій театръ, проплутавъ нѣкоторое время въ потемкахъ, попробовавъ подражать всевозможнымъ образцамъ, отдавъ дань ходульной риторикѣ, нашелъ, наконецъ, истинный путь. Онъ соединилъ въ себѣ всѣ духовныя потребности націи и, какъ въ фокусѣ, отражалъ всю ея жизнь, всѣ ея чувства, мысли, идеалы, вѣрованія, стремленія. Однако, театръ не поглотилъ всѣхъ производительныхъ силъ поэтовъ и возлѣ него осталось еще мѣсто другимъ видамъ поэзіи; особенно же развились въ это время романъ и новелла, великимъ мастеромъ которыхъ былъ геніальнѣйшій испанскій писатель Сервантесъ, любимый и уважаемый всѣми образованными народами.

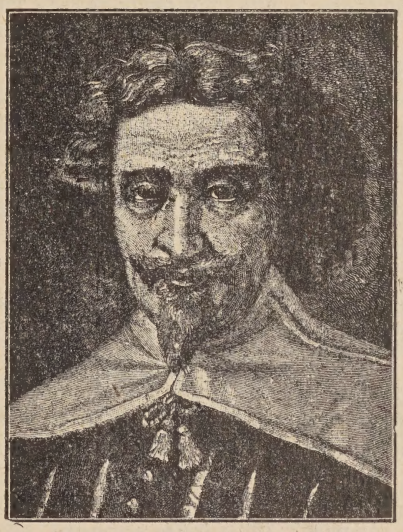
Мигуэль Сервантесъ Сааведра былъ родомъ изъ Галиціи. Фамилія Сервантесовъ была одна изъ самыхъ блестящихъ и многочисленныхъ; представители ея не только были разсѣяны по всей Испаніи, но находились также и въ другихъ частяхъ свѣта. Мигуэль родился отъ одной изъ обѣднѣвшихъ вѣтвей этой громадной фамиліи въ небольшомъ цвѣтущемъ городкѣ Алкала Энаресская, въ 1547 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Жестокая сестра генія, бѣдность, всю жизнь сопутствовала Мигуэлю и не давала ему ни на одну минуту перевести духъ.

Мигуэль былъ младшимъ изъ четырехъ дѣтей своихъ родителей. Объ его дѣтствѣ не дошло никакихъ свѣдѣній, если не считать нѣкоторыхъ отрывочныхъ замѣтокъ самого писателя. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома, причемъ, по его собственному свидѣтельству, пристрастился къ чтенію и читалъ все, что попадалось ему подъ руку. Позднѣе онъ поступилъ въ Саламанкскій университетъ, гдѣ, какъ полагаютъ, пробылъ два года. Здѣсь онъ впервые выступилъ публично съ своими стихотвореніями, помѣстивъ въ одномъ изъ университетскихъ сборниковъ шесть элегій на смерть Изабеллы Валуа. По словамъ Тикнора, эти элегіи говорятъ не много въ пользу поэтическаго таланта Мигуэля.

Въ 1570 году Сервантесъ покинулъ университетъ и родину и отправился въ Римъ съ кардиналомъ Аквавива въ качествѣ не то его дворецкаго, не то домашняго секретаря. Хотя кардиналъ взялъ Сервантеса главнымъ образомъ для того, чтобы содѣйствовать развитію его таланта, но молодой человѣкъ, очевидно, не удовлетворился скромнымъ и нѣсколько двусмысленнымъ положеніемъ и черезъ годъ, распрощавшись съ Римомъ, вернулся обратно въ Испанію. Въ это время Филиппъ II, заключивъ союзъ съ Венеціей и папой, снаряжалъ флотъ, чтобы отправить его противъ турокъ подъ начальствомъ своего побочнаго брата Донъ-Хуана Австрійскаго. Не долго думая, Сервантесъ поступилъ волонтеромъ въ ряды солдатъ Донъ-Хуана и 7 октября 1571 года принималъ участіе въ знаменитомъ морскомъ сраженіи при Лепанто. Галера,

на которой бился Сервантесъ, попала въ самый пылъ сраженія, и онъ, несмотря на мучившую его въ тотъ день лихорадку, проявилъ чудеса храбрости и лишился лѣвой руки. Эта рана заставила Сервантеса пролежать въ госпиталѣ въ Мессинѣ до 1572 года. Оправившись окончательно, онъ участвовалъ еще въ нѣсколькихъ походахъ и своей храбростью и мужествомъ снискалъ всеобщее расположеніе начальства, такъ что, когда, въ 1575 году, вышелъ въ Неаполѣ въ отставку и вознамѣрился возвратиться на родину, ему были даны рекомендательныя письма къ самому королю. Изъ Неаполя Сервантесъ отплылъ въ самомъ праздничномъ настроеніи, съ самыми радужными надеждами, такъ какъ передъ нимъ открывался свободный путь для достиженія всевозможныхъ земныхъ благъ. Но, увы, надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Во время плаванія на корабль, гдѣ находился Сервантесъ, напалъ алжирскій пиратъ Арнаутъ, знаменитый разбойникъ, не разъ упоминающійся въ романахъ того времени. Корсаръ захватилъ въ плѣнъ корабль, отвелъ его въ Алжиръ и тамъ Сервантесъ былъ проданъ въ рабство вмѣстѣ съ другими пассажирами. Въ плѣну Сервантесъ провелъ пять несчастнѣйшихъ лѣтъ своей жизни. Онъ служилъ поочередно у трехъ господъ: ренегата-грека, ренегата-венеціана и, наконецъ, у самого алжирскаго дея. Первые двое мучили и истязали его, потому что, будучи сами вѣроотступниками, въ каждомъ христіанинѣ видѣли живой укоръ себѣ; третій же былъ съ нимъ жестокъ, потому что Сервантесъ былъ ему страшенъ, вслѣдствіе цѣлаго ряда попытокъ бѣжать и освободить другихъ невольниковъ.



Мигуэль Сервантесъ Сааведра.

Жестокая неволя не сломила энергіи Сервантеса, а напротивъ, увеличила и закалила ее. Онъ нѣсколько разъ и разными способами пробовалъ вернуть себѣ свободу то одинъ, то съ товарищами, но постоянно неудачно. Всѣ его планы рушились по большей частью вслѣдствіе измѣны кого-нибудь изъ участниковъ побѣга. Наконецъ, Сервантесъ составилъ грандіозный проектъ возмущенія всѣхъ невольниковъ, проектъ не совсѣмъ неисполнимый, если принять во вниманіе, что въ Алжирѣ всѣхъ плѣнниковъ насчитывалось до двадцати пяти тысячъ. Эта дерзость не на шутку напугала дея и онъ приказалъ своимъ приближеннымъ «стеречь получше этого однорукаго испанца, если они хотятъ сохранить свои галеры и другихъ невольниковъ и даже самый городъ». За всѣ эти планы и попытки Сервантесъ терпѣлъ

жестокія наказанія. Четыре раза онъ ожидалъ, что будетъ сожженъ или посаженъ на колъ, но судьба хранила его.

Черезъ пять лѣтъ этой бурной, тревожной жизни пробилъ часъ освобожденія Сервантеса изъ плѣна. Старшій братъ, попавшійся въ плѣнъ вмѣстѣ съ Мигуэлемъ, былъ выкупленъ матерью раньше; теперь же дошла очередь и до младшаго. Для этой цѣли старухѣ пришлось продать все имущество и даже пожертвовать приданымъ дочери. Но и этого всего было мало; турки, найдя у Сервантеса рекомендательныя письма къ королю, считали его за важную особу и требовали большую сумму. Недоставало пятисотъ кронъ, которыя были пополнены мелкими займами и пожертвованіями религіозныхъ братствъ. 19 октября 1580 г. состоялся, наконецъ, выкупъ Сервантеса; деньги были доставлены какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ собирался отправиться на кораблѣ въ Константинополь.

Вернувшись на родину, Сервантесъ сначала, вѣроятно, отъ полученной свободы ходилъ какъ въ чаду и только спустя нѣкоторое время трезво поглядѣлъ на свое положеніе. А положеніе его было не изъ завидныхъ. Онъ возвратился на родину послѣ десятилѣтняго отсутствія въ томъ возрастѣ, когда уже трудно начинать жизнь сызнова и завоевывать себѣ общественное положеніе. Отца у него не было въ живыхъ. Мать и сестра послѣ двухъ выкуповъ разорились окончательно. Друзьями онъ былъ забытъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Сервантесъ въ это время началъ глядѣть на свѣтъ Божій нѣсколько пессимистически и не нашелъ ничего лучшаго, какъ снова поступить вмѣстѣ съ братомъ въ солдаты. Полкъ ихъ былъ отправленъ въ Португалію, и здѣсь Сервантесъ впервые познакомился съ португальской литературой. Это знакомство осталось не безъ вліянія на его первые серьезные литературные шаги и, главнымъ образомъ, на его пастушескій романъ, изданный вскорѣ послѣ возвращенія на родину. Въ Португаліи пастушескіе романы были любимѣйшей формой поэзіи. Эта любовь привилась и къ Сервантесу. Въ 1584 году первый его романъ «Галатея» вышелъ въ свѣтъ. Самъ поэтъ называетъ свое произведенія эклогой и предупреждаетъ читателей, что его герои пастухи и пастушки только по одеждѣ. Теперь уже извѣстно, что подъ именемъ Галатеи выведена его будущая жена, а въ лицѣ героя Элисіо поэтъ рисуетъ самого себя. Всѣ остальныя дѣйствующія въ романѣ лица взяты изъ жизни и представляютъ портреты друзей Сервантеса.

Произведеніе это, если полагаться на авторитетъ Тикнора, довольно неудачное, вслѣдствіе того, что оно основано, главнымъ образомъ, на аффектаціи. Плохія стихотворенія и метафизическія разсужденія усиливаютъ нагоняемую книгой скуку. Хотя романъ растянутъ на два тома, онъ всетаки не конченъ. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что Сервантесъ писалъ его съ цѣлью снискать расположеніе любимой дѣвушки, а такъ какъ вскорѣ послѣ выхода перваго тома онъ женился на ней и слѣдовательно достигъ цѣли, то отсюда понятно, почему романъ остался незаконченнымъ.

Молодая супруга Сервантеса была дѣвушкой честной, происходила изъ хорошей семьи, но была такъ же бѣдна, какъ и ея мужъ. Изъ чтенія романа мы можемъ узнать еще, что Сервантесъ имѣлъ сильнаго соперника въ лицѣ какого-то португальца, который одно время

чуть было не отбилъ у него невѣсту. Какъ бы тамъ ни было, супружеская тридцатилѣтняя жизнь Сервантеса, повидимому, была счастлива, по крайней мѣрѣ, намековъ или жалобъ на супружество и на женъ съ его стороны нигдѣ не встрѣчается, вродѣ тѣхъ, которые мы въ изобиліи находимъ въ пьесахъ Шекспира; вдова же его изъявила передъ смертью желаніе быть похороненной рядомъ съ мужемъ.

Чтобъ пропитать свою семью, Сервантесъ поселился, по всей вѣроятности, въ Мадридѣ или гдѣ-нибудь по близости (достовѣрно до сихъ поръ неизвѣстно) и, отказавшись отъ бродячей жизни, пытался прокормиться литературнымъ трудомъ.

Какъ человѣкъ, которому нуженъ немедленный заработокъ, Сервантесъ прежде всего обратился къ сценѣ и началъ писать пьесы для театра. Но драма еще въ то время была въ весьма грубомъ состояніи. Театры въ Испаніи того времени были хуже обставлены въ отношеніи костюмовъ и декорацій, чѣмъ кукольные театры нашего времени. Нѣкоторые писатели пытались вывести театръ изъ его первобытнаго состоянія, но попытки такъ и остались попытками, пока не явился Сервантесъ и не придалъ театру національнаго характера.

Сервантесъ самъ считалъ себя преобразователемъ сцены и въ видѣ доказательствъ приводилъ слѣдующіе факты: во-первыхъ, онъ уменьшилъ число актовъ съ пяти до трехъ, во-вторыхъ, ввелъ въ пьесы разныя аллегорическія фигуры какъ-то: Моръ, Голодъ, Войну и др., и, наконецъ, въ-третьихъ, старался разсказывать какъ въ драмахъ, такъ и въ повѣстяхъ разные случаи изъ своей полной приключеній жизни. Наивно было бы думать, что эти нововведенія могли оживить театръ. Самымъ важнымъ обстоятельствомъ, которое дѣйствительно повысило театръ и которое Сервантесъ упускаетъ изъ виду, были новизна и интересъ сюжета. Во всѣхъ пьесахъ авторъ является передъ нами чисто національнымъ поэтомъ. Имъ написано всего двадцать или тридцать драмъ, какъ онъ выражается самъ, съ какою-то характеристическою небрежностью. Изъ этихъ пьесъ ни одна не была издана и въ настоящее время отыскано только двѣ. Всѣ остальныя утеряны и въ томъ числѣ «La Confusa», которую Сервантесъ считалъ шедевромъ народной драмы.

Двѣ сохранившіяся драмы перваго періода дѣятельности Сервантеса не представляютъ изъ себя ничего выдающагося ни по замыслу, ни по выполненію. Первая носитъ названіе «Алжирскіе нравы» (El Tratos del Argel). Цѣлью автора было представить испанской публикѣ страданія алжирскихъ плѣнныхъ. Ради этой цѣли онъ мало заботился объ интригѣ пьесы и діалогѣ, вслѣдствіе чего какъ первая, такъ и второй очень слабы и блѣдны. Сюжетъ второй драмы основанъ на трагической судьбѣ города Нуманціи, который послѣ четырнадцатилѣтняго геройскаго сопротивленія римлянамъ былъ, наконецъ, принужденъ къ сдачѣ голодомъ. Пьесу эту Шлегель считаетъ однимъ изъ лучшихъ памятниковъ новѣйшей поэзіи. Сомнительно, чтобы это мнѣніе когда-нибудь достигло всеобщаго признанія. Пьеса почти абсолютно лишена сценической техники и драматической композиціи, а герои ея настолько ходульны, что не могутъ заинтересовать ни современнаго читателя, ни зрителя. Только своими нѣкоторыми эпизодами она трогаетъ сердце и какъ бы напоминаетъ о великихъ поэтическихъ дарованіяхъ ея

автора и объ его благородномъ стараніи усовершенствовать старинное драматическое искусство.

А въ усовершенствованіи чувствовалась настоятельная нужда. Не будь положеніе испанскаго театра такъ плохо, жизнь Сервантеса сложилась бы совершенно иначе. Несмотря на то, что публика одобряла его пьесы, онъ всетаки не получилъ почти никакого за нихъ вознагражденія и долженъ былъ обратиться къ другимъ источникамъ, чтобы получить необходимые рессурсы для жизни. Пробившись года три въ Мадридѣ, Сервантесъ въ 1588 году переѣхалъ въ Севилью и поступилъ сначала агентомъ къ королевскому коммиссару, а затѣмъ сборщикомъ недоимокъ правительству и частнымъ лицамъ. Мѣсто это, конечно, было болѣе, чѣмъ скромно, но все же оно давало средства имѣть постоянный кусокъ хлѣба, котораго онъ такъ долго и такъ тщетно добивался на другихъ поприщахъ. Кромѣ этой обезпеченности, мѣсто его имѣло еще одну хорошую сторону: Сервантесъ долженъ былъ все время странствовать по различнымъ частямъ живописнѣйшихъ испанскихъ провинцій Андалузіи и Гренады, что неминуемо благотворно отразилось на его геніи. Въ продолженіи десяти лѣтъ Сервантесъ занималъ свой постъ, но злая судьба не оставила его и тутъ. Въ послѣдніе годы онъ, отчасти вслѣдствіе банкротства нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, отчасти по собственной небрежности, сдѣлался должникомъ правительству и, обвиненный въ растратѣ, былъ заключенъ въ тюрьму.

Ничтожность суммы, которую Сервантесъ не могъ заплатить, лучше всего доказываетъ его бѣдственное матеріальное положеніе. Послѣ многократныхъ просьбъ правительство, наконецъ, освободило его, но денежные разсчеты съ нимъ продолжались до 1608 года.

О жизни Сервантеса отъ конца 1598 года и до начала 1603 г. мы ничего не знаемъ. А между тѣмъ, періодъ этотъ очень важенъ, такъ какъ онъ непосредственно предшествовалъ изданію первой части «Донъ-Кихота». Объ этомъ времени существуетъ лишь преданіе, разсказывающее, будто авторъ «Донъ-Кихота» получилъ отъ великаго пріора ордена св. Іоанна въ Ламанчѣ порученіе по части сбора платежей монастырю этого ордена въ деревнѣ Аргамазильѣ. Сервантесъ съ обычнымъ ему рвеніемъ приступилъ къ исполненію возложенныхъ на него обязанностей, но старанія его не увѣнчались успѣхомъ. Должники отказались платить и послѣ цѣлаго ряда притѣсненій бросили бѣднаго поэта въ тюрьму, гдѣ онъ съ отчаянія и изъ мести принялся писать своего «Донъ-Кихота», сдѣлавъ его уроженцемъ той деревни, жители которой такъ дурно обошлись съ нимъ, и пріурочивъ большую часть приключеній этого печальнаго рыцаря къ Ламанчѣ. Прямыхъ доказательствъ, подтверждающихъ это преданіе, мы не имѣемъ, хотя въ то же время нѣтъ основаній и отрицать его истинность. Въ предисловіи къ роману Сервантесъ говоритъ, что началъ его въ тюрьмѣ. Но, такъ какъ онъ имѣлъ несчастье не одинъ разъ подолгу, противъ собственной воли, проводить время въ этихъ общественныхъ учрежденіяхъ, то изъ этого сообщенія еще не явствуетъ, что романъ начатъ именно въ деревенской тюрьмѣ Аргамазильи. Достовѣрнымъ можно считать только то, что авторъ хорошо зналъ Ламанчъ, зналъ топографію этого мѣста, ея населеніе и древности.

Въ 1603 году Сервантесъ переѣхалъ въ Вальядолидъ, гдѣ осно-

вался временно король Филиппъ III. Однако, на несчастнаго калѣку никто не обратилъ вниманія и его оставили въ прежней бѣдности. Несчастье же, сопутствовавшее неизмѣнно поэту, настигло его и здѣсь. Во время одной изъ обычныхъ ночныхъ ссоръ между испанскими придворными подлѣ дома, гдѣ жилъ Сервантесъ, былъ убитъ какой-то иностранецъ. Подозрѣніе, конечно, пало на обитателей дома, и несчастный поэтъ былъ заключенъ въ тюрьму до производства надлежащаго разслѣдованія.

Продолжая кое-какъ перебиваться частными дѣлами, Сервантесъ въ свободное время подготовлялъ къ печати «Донъ-Кихота» и, наконецъ, въ 1605 году издалъ его первую часть. Успѣхъ книги былъ необычайный: въ томъ же году пришлось выпустить еще три изданія, а это для того времени была большая рѣдкость. Съ этого момента Сервантесъ понялъ свое призваніе и весь отдался литературѣ.

Въ слѣдующемъ году онъ переселился въ Мадридъ и, пользуясь временнымъ матеріальнымъ достаткомъ, наслаждался отдыхомъ, выпавшимъ, наконецъ, и на его долю послѣ столькихъ лѣтъ скитальческой и почти нищенской жизни. Писалъ за это время Сервантесъ немного и только въ 1613 году издалъ сборникъ съ двѣнадцатью «Образцовыми новеллами». Въ предисловіи къ сборнику онъ говоритъ слѣдующее: «Я первый написалъ испанскія новеллы, потому что многія произведенія этого рода, распространенныя на испанскомъ языкѣ, заимствованы отъ другихъ народовъ, а эти принадлежатъ мнѣ; онѣ не подражаніе и не кража: мой духъ произвелъ ихъ, мое перо вывело ихъ на свѣтъ Божій». И дѣйствительно, большая часть ихъ отмѣчена оригинальными особенностями его таланта, полна юмора и высокаго краснорѣчія и тѣхъ увлекательныхъ описаній природы, которыя всегда съ такою легкостью льются изъ подъ его пера. Это не граціозныя веселыя новеллы Боккаччіо и въ то же время не сухіе разсказы Дона Хуана Мануэля, всегда преслѣдующіе практическую мораль. Чѣмъ больше читаешь ихъ, тѣмъ больше убѣждаешься, что онѣ высоко оригинальны какъ по общему тону, такъ и по замыслу. Какъ произведенія творческой фантазіи, онѣ занимаютъ мѣсто непосредственно за «Донъ-Кихотомъ», но по правильности и прелести стиля превосходятъ его.

Испанская жизнь, особенно плутовскія стороны характера испанцевъ изображены во многихъ разсказахъ съ поразительной вѣрностью и блестящимъ юморомъ.

Геніальную картину воровскихъ нравовъ тогдашней Испаніи представляетъ «Ринконетъ и Кортадилло». Сюжетъ ея заимствованъ изъ дѣйствительной жизни: это исторія двухъ знаменитыхъ въ свое время воровъ, повѣшенныхъ въ Севильѣ въ 1569 году. Вотъ ея содержаніе:

Въ одной изъ придорожныхъ гостинницъ Кастиліи встрѣчаются двое молодыхъ бродягъ. Познакомившись и узнавъ, что каждый изъ нихъ принадлежитъ къ честному сословію воровъ, они рѣшаютъ отнынѣ дѣйствовать сообща и для дебюта обыгрываютъ, конечно, при помощи шуллерскихъ пріемовъ, погонщика муловъ. Какіе-то богатые путешественники берутъ ихъ съ собою въ качествѣ слугъ. Воришки съ удобствомъ доѣзжаютъ до Севильи, обкрадываютъ господъ при самомъ въѣздѣ въ городъ и благополучно скрываются. Осмотрѣвъ Севилью, Ринконетъ и Кортадилло избираютъ на первыхъ порахъ профессію носиль-

щика, покупаютъ нужные для того мѣшки и корзинки и на другой день являются на торговую площадь. Черезъ нѣсколько времени имъ подвертываются кліенты—воинъ и церковникъ. Церковникъ даетъ Кортадилло отнести покупки въ свою церковь, а воинъ посылаетъ Ринконета съ провизіей къ своей дамѣ сердца. По пути Кортадилло ухитряется украсть у своего господина кошелекъ и передать его товарищу. Разговоръ по поводу пропажи кошелька, настолько забавенъ, что мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ. Едва Ринконетъ успѣлъ спрятать кошелекъ, какъ къ друзьямъ прибѣжалъ взволнованный церковникъ и торопливо спросилъ Кортадо, не видалъ ли онъ кошелька такой-то и такой-то формы, который исчезъ у него съ пятнадцатью червонцами, тремя двойными реалами и нѣсколькими мараведисами.

Тотъ состроилъ невозмутимую мину.

— Все, что я могу сказать объ этомъ кошелькѣ,—отвѣчалъ онъ,— такъ это то, что онъ, вѣроятно, не потерянъ для васъ, если только не попалъ въ дурныя руки.

— Чортъ побери,— вскричалъ церковникъ,—да онъ, навѣрное, попалъ въ дурныя руки, если его у меня украли!

— Успокойтесь, ваше преподобіе,—сказалъ Кортадо,—есть лекарство противъ всѣхъ бѣдъ, кромѣ смерти. Ваша честь сдѣлаете лучше всего, если сначала запасетесь терпѣніемъ. Вѣдь послѣ каждаго дня наступаетъ другой, и если одинъ беретъ, другой зато даетъ. Можетъ быть, со временемъ къ вамъ и явится взявшій вашъ кошелекъ и возвратитъ его вашей чести съ процентами...

— О, проценты-то я охотно простилъ бы ему!—замѣтилъ церковникъ.

— Въ крайнемъ случаѣ,—продолжалъ нашъ герой попрежнему невозмутимо,—можно прибѣгнуть къ отлученію вора отъ церкви. Не желалъ бы я тогда быть на мѣстѣ этого мошенника! Вѣдь если хоть часть вашихъ денегъ ваше преподобіе получили отъ церкви, и то, укравъ ихъ, воръ сдѣлалъ великое святотатство.

— И еще какое святотатство!—сокрушенно воскликнулъ церковникъ.— Хотя я не ношу священническаго сана, но тѣмъ не менѣе мои деньги дѣйствительно были изъ церковныхъ доходовъ.

— Ахъ, мошенникъ!—ужаснулся Кортадо.—Чтобы ему подавиться деньгами вашего преподобія!..

— Но успокойтесь, настанетъ день послѣдняго суда, и тогда откроется, кто дерзнулъ похитить освященное серебро...

Послѣ ухода церковника молодые бродяги знакомятся съ мѣстнымъ воромъ и тотъ ведетъ ихъ къ начальнику хорошо организованной воровской шайки, сеньору Мониподіо. Подобныя шайки составляютъ частыя явленія въ исторіи испанскаго общества и нравовъ за послѣднія три столѣтія. Члены того союза, куда попадаютъ наши молодцы, ведутъ распущенную жизнь, но въ то же время весьма суевѣрны, почитаютъ иконы, слушаютъ мессы и даже ставятъ въ церквахъ свѣчи. Спутникъ по дорогѣ объясняетъ имъ нѣкоторыя правила, установленныя начальникомъ Мониподіо.

— Сеньоръ Мониподіо,—говоритъ онъ,—установилъ, чтобы извѣстная доля нашихъ барышей шла на поддержаніе неугасимой лампады передъ одной весьма чтимой нами иконой. Въ вознагражденіе за это небо удостоиваетъ насъ чисто чудесной помощи.

Мониподіо принялъ ихъ очень вѣжливо и, спросивъ, кто они и откуда родомъ, проговорилъ:

— Теперь, дѣти мои, я желалъ бы знать, что вы умѣете дѣлать, дабы васъ направить по той или другой спеціальности, сообразно вашему вкусу.

— Что касается меня,—началъ перечислять свои таланты Ринконетъ,—то я умѣю недурно лазить по чужимъ карманамъ, у меня чуткій нюхъ, въ карты я умѣю плутовать не только руками, но и ногами, въ печную трубу сумѣю пробраться такъ же, какъ другой въ двери, наконецъ, немного смыслю и въ употребленіи ножа.

— Увы, все это старыя штуки, такъ избитыя, что только новичекъ не знаетъ ихъ. Но не отчаявайся, сынъ мой, полдюжины уроковъ, и я надѣюсь, что съ Божьей помощью изъ тебя выйдетъ не только хорошій работникъ, но и мастеръ своего дѣла... Ну, а твои познанія каковы, Кортадилло?—спросилъ достойный сеньоръ Мониподіо.

— Я умѣю щупать карманы, сеньоръ...

— А еще?

— Увы, ваша милость, къ прискорбію, это единственный мой талантъ.

— Ну, что же, и этого пока будетъ... Не горюй, сынъ мой... Вы постучались въ двери дома, изъ котораго не услышите отказа; вы поступили въ школу, откуда не выпустятъ неуча...

Во время этого разговора караульный доложилъ почтенному атаману, что къ дому направляется альгвазилъ *). Онъ пришелъ, какъ оказалось, просить Мониподіо возвратить ему по старой дружбѣ кошелекъ, украденный утромъ у церковника. Когда просьба альгвазила была удовлетворена, всѣ присутствующіе воры усѣлись было за обѣдъ, принесенный двумя уличными танцовщицами, какъ вдругъ на дворикѣ, гдѣ засѣдала компанія, появилось новое лицо. Это былъ одинъ изъ постоянныхъ заказчиковъ. Онъ условился съ шайкой, что они за извѣстное вознагражденіе изуродуютъ лицо одному купцу, и теперь пришелъ справиться, почему заказъ не былъ исполненъ. Оказалось, что воръ, принявшій на себя эту обязанность, избилъ вмѣсто купца его лакея. Сеньоръ хотѣлъ было возроптать, но его тотчасъ же успокоили, пообѣщавъ въ скоромъ времени такъ отдѣлать купца, что на немъ не останется живого мѣста. Заказчикъ ушелъ, а Мониподіо, вытащивъ изъ кармана записную книжку, приказалъ Ринконету прочесть, какія порученія другихъ господъ стоятъ на очереди.

Ринконетъ раскрылъ книгу и по складамъ началъ разбирать стоявшія тамъ каракули:

— «Удары шпагой купцу, что живетъ на углу. Цѣна пятьдесятъ золотыхъ; тридцать выданы въ задатокъ. Поручено Хикизнаку»...

— Постой, сынъ мой,—остановилъ чтеца Мониподіо.—Припиши здѣсь, что заказъ повторенъ за ту же цѣну и деньги получены сполна.

Ринконетъ записалъ.

— Читай теперь дальше.

— «Удары палкой; трактирщику «Люцерны» дюжину перваго сорта. Цѣна по червонцу за штуку. Восемь уплачено въ задатокъ. Срокъ шестидневный. Исполнитель Маниферро».

---

*) Полицейскій.

— Можно получить и остальные четыре червонца,—отозвался Маниферро.—Сегодня ночью я на славу обработалъ трактирщика.

— Дальше, Ринконетъ!—сказалъ Мониподіо.

— «Горбатому портному Сильгуэро шесть ударовъ палкой по просьбѣ дамы, оставившей въ закладѣ ожерелье. Исполнитель Десморадо»...

— Странно,—проговорилъ Мониподіо, —Десморадо всегда былъ исправнымъ работникомъ, между тѣмъ въ этомъ дѣлѣ сплоховалъ: срокъ прошелъ еще третьяго дня, а заказъ все не исполненъ...

— Я вчера встрѣтилъ его,—объяснилъ Маниферро,—и онъ мнѣ сказалъ, что горбунъ по болѣзни все это время не выходитъ изъ дому...

— Ага, вотъ оно что!—замѣтилъ Мониподіо.—Ну, еще что тамъ, Ринконетъ?

— Больше ничего.

Мониподіо спряталъ книгу за пазуху и, подѣливъ поровну вырученныя деньги между всѣми членами союза, отпустилъ ихъ на заработки, пригласивъ въ воскресенье собраться снова.

Ринконета и Кортадилло онъ отправилъ вмѣстѣ со старымъ воромъ работать картами въ одинъ изъ многолюдныхъ кварталовъ Севильи и тѣ, поцѣловавъ его руку, вышли на улицу.

Такъ состоялся пріемъ этихъ воришекъ въ число членовъ воровского братства; о дальнѣйшихъ ихъ похожденіяхъ Сервантесъ обѣщалъ поговорить въ слѣдующей новеллѣ, но нигдѣ больше не упоминаетъ, и только сеньоръ Мониподіо еще разъ мелькомъ встрѣчается въ новеллѣ «Разговоръ двухъ собакъ» *).

Въ этой новеллѣ, отличающейся философско-сатирическимъ направленіемъ, изображена бесѣда двухъ госпитальныхъ собакъ. Сципіонъ и Берганца, улегшись ночью на цыновкахъ, вдругъ получили даръ слова и рѣшили воспользоваться имъ, чтобы разсказать другъ другу свою жизнь.

Первымъ началъ разсказъ Берганца: «Мнѣ кажется,—проговорилъ онъ,—что первыя минуты, въ которыя я увидѣлъ солнце, были въ Севильѣ, на скотобойнѣ у Мясныхъ воротъ; отсюда я полагаю (если даже не на основаніи того, что скажу потомъ), что мои родители должны быть изъ породы тѣхъ бульдоговъ, которыхъ воспитываютъ служители этихъ боенъ, называемые мясниками; первый, кого я считалъ своимъ господиномъ, былъ Николай Курносый, парень крѣпкій, сильный, сердитый, какъ и всѣ тѣ, кто занимается ремесломъ мясника; этотъ Николай училъ меня и другихъ щенковъ вмѣстѣ съ старшими овчарками нападать на быковъ и хватать за уши; при своей большой ловкости я сдѣлался орломъ въ этомъ искусствѣ».

Всѣ мясники, по словамъ Берганца, люди безъ души и безъ совѣсти. Въ каждое базарное утро къ нимъ приходятъ мальчики и дѣвочки съ мѣшками, въ которые мясники имъ накладываютъ лучшіе куски туши и посылаютъ своимъ любовницамъ. Воровство на скотобойнѣ практикуется въ широкомъ масштабѣ. Николай Курносый выучилъ Берганца носить въ зубахъ корзинку и, указавъ ему дворъ своей возлюбленной, каждое утро посылалъ собаку туда съ ворованной провизіей. Песъ исполнялъ очень аккуратно эту обязанность, пока съ нимъ не случилось

*) Переводъ проф. Л. Ю. Шепелевича.

слѣдующей оказіи. «Однажды, когда я въ полумракѣ бѣжалъ украдкой, чтобы передать ей добычу, я услышалъ, какъ меня позвали изъ окна по имени; я поднялъ глаза и увидѣлъ въ высшей степени красивую дѣвушку; я нѣсколько пріостановился, а она спустилась къ двери, ведущей на улицу, и опять стала звать меня; я подошелъ къ ней, чтобы посмотрѣть, чего она желаетъ; оказалось, что она пожелала лишить меня того, что я несъ въ корзиночкѣ, положивъ въ нее старый башмакъ; я подумалъ: мясо пошло къ мясу».

Берганца возвратился съ башмакомъ къ своему хозяину и тотъ, понявъ иронію, разсвирѣпѣлъ и чуть не убилъ собаку ножемъ. Конечно, послѣ этого умный песъ не захотѣлъ больше оставаться у мясника и отправился на улицу искать счастья. Выйдя за ворота города, онъ очутился въ полѣ и, пробродивъ всю ночь, на утро присталъ къ пастухамъ, чтобы стеречь вмѣстѣ съ ними стада овецъ. Присматриваясь къ жизни пастуховъ, Берганца прежде всего поразило то обстоятельство, что они живутъ вовсе не такъ, какъ это описывается въ книгахъ, въ тѣхъ книгахъ, которыя читала любовница Николая. Тамъ разсказывалось, что пастухи все свое время проводятъ, играя на флейтахъ, гобояхъ и другихъ музыкальныхъ инструментахъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они только иногда при пѣніи самыхъ простыхъ деревенскихъ пѣсенъ постукивали въ тактъ своими палками или черепками, которые вкладывали между пальцевъ. Большую часть дня они проводили не въ мечтахъ по своимъ красавицамъ-пастушкамъ, а починяя обувь и ища насѣкомыхъ. Они называли себя не Амарисами, Филидами, Галатеями, Лизардами, Гіацинтами, а Антонами, Доминиками, Павлами и Флорентами. Это абсолютное несходство между дѣйствительностью и тѣмъ, что написано въ книгахъ, на первыхъ порахъ сильно смущало его, пока, наконецъ, онъ не пришелъ къ заключенію, что подобныя книги написаны съ единственной цѣлью развлекать бездѣльниковъ. На этомъ Берганца и успокоился бы, если бы второе разочарованіе, болѣе сильное, не заставило его покинуть стада. Каждый разъ, какъ пріѣзжалъ хозяинъ, пастухи жаловались ему, что волкъ крадетъ у нихъ овецъ. Хозяинъ ругалъ пастуховъ, билъ собакъ, но поправить дѣла не могъ и исчезновеніе овецъ все продолжалось. Берганца много разъ сторожилъ волка по ночамъ, но все было напрасно.

«Всякую недѣлю насъ призывали къ тревогѣ, и въ одну очень темную ночь я открылъ волковъ, отъ которыхъ стаду невозможно было защититься. Я спрятался за кустарникомъ; собаки, мои товарищи, пробѣжали впередъ, и оттуда я замѣтилъ, что два пастуха схватили лучшаго барана въ стадѣ и убили его такимъ образомъ, что на самомъ дѣлѣ утромъ казалось, что убійцей его былъ волкъ; я былъ удивленъ и огорченъ, когда увидѣлъ, что пастухи были волками и что они уничтожали сами то стадо, которое должны были стеречь»... Послѣ этого открытія Берганца не захотѣлъ долѣе оставаться съ пастухами. «Я рѣшилъ прекратить это занятіе, хотя оно мнѣ казалось столь хорошимъ, и выбрать другое, чтобы поступать честно и если не быть вознагражденнымъ, то, по крайней мѣрѣ, не быть и наказываемымъ. Я вернулся въ Севилью и поступилъ въ услуженіе къ богатому купцу».

У новаго хозяина Берганца скоро сдѣлался общимъ любимцемъ. Особенно понравился онъ его сыновьямъ за то, что умѣлъ носить по-

носки. Они стали давать ему таскать свои книги въ училище и оставляли его въ классѣ до конца уроковъ. Другіе ученики баловали съ нимъ, приносили ему булки и орѣхи. Такъ привольно и хорошо текла жизнь Берганцы, пока учителя не замѣтили, что студенты во время рекреаціи вмѣсто повторенія уроковъ развлекались съ собакой; вслѣдствіе этого было отдано приказаніе не пускать больше собаку и Берганцу водворили въ сѣняхъ дома купца.

Здѣсь онъ оставался недолго и послѣ того, какъ негритянка по злобѣ хотѣла его отравить, поспѣшилъ при первой же возможности уйти, куда глаза глядятъ.

«Я вышелъ на улицу и менѣе чѣмъ черезъ сто шаговъ судьба столкнула меня съ альгвазиломъ, о которомъ я въ началѣ исторіи сказалъ, что это былъ большой пріятель моего хозяина Николая Курносаго. Алгвазилъ, увидѣвъ меня, окликнулъ по имени; я также узналъ его и при окликѣ, подбѣжалъ къ нему съ обыкновенными ласками и ужимками; онъ взялъ меня за шею и сказалъ своимъ крючкамъ: «Это ученый песъ, принадлежавшій моему другу, возьмемъ его домой».

Освоившись съ новымъ хозяиномъ, Берганца узналъ о немъ много интересныхъ подробностей, хорошо характеризующихъ нравы и общество того времени.

«Полицейскій находился въ дружбѣ съ нотаріусомъ, съ которымъ постоянно водилъ компанію. Они оба находились въ связи съ двумя дѣвками, которыя обладали или, вѣрнѣе сказать, не обладали репутаціей; въ самомъ дѣлѣ, онѣ обладали кое-какими прелестями, но еще болѣе распутствомъ и безстыдствомъ. Онѣ служили имъ сѣтью и крючкомъ, чтобы ловить рыбу на сушѣ. Онѣ одѣвались такимъ образомъ, что наружность сразу открывала ихъ профессію, и на ружейный выстрѣлъ ихъ можно было признать публичными женщинами. Онѣ отправлялись на домъ къ чужестранцамъ, когда бывали ярмарки въ Кадиксѣ и Севильѣ; приходила очередь ихъ улова, и не было бретонца, котораго онѣ бы не обработали. Если одинъ изъ толстяковъ попадалъ въ руки этихъ красотокъ, онѣ извѣщали полицейскаго, гдѣ и въ какую гостинницу онѣ направлялись. Тамъ, когда всѣ были вмѣстѣ, ихъ хватали, какъ прелюбодѣевъ, но никогда не отправляли въ тюрьму, такъ какъ чужеземцы всегда искупали деньгами вину. Случилось, что Колиндресъ—такъ звали подругу полицейскаго—выудила бретонца, жирнаго и грязнаго; она назначила ему ужинъ въ своей гостинницѣ, дала вѣсточку своему другу, и только-что они раздѣлись, какъ альгвазилъ, нотаріусъ, два полицейскихъ и я явились къ нимъ. Смутились любовники. Альгвазилъ составилъ протоколъ о случившемся преступленіи, приказавъ имъ одѣться какъ можно скорѣе, чтобы вести въ тюрьму; бретонецъ былъ огорченъ; тронутый нотаріусъ вмѣшался и, уступая настойчивымъ просьбамъ, свелъ наказаніе къ штрафу въ 100 реаловъ. Бретонецъ сталъ искать шаровары изъ верблюжьей кожи, которыя онъ положилъ на стулѣ у ногъ кровати, гдѣ у него были деньги, чтобы заплатить за свое освобожденіе, но шаровары не появлялись и не могли появиться вотъ почему: когда я вошелъ въ комнату, до ноздрей моихъ дошелъ запахъ окорока, который меня привелъ въ восторгъ; я нюхомъ открылъ его мѣстонахожденіе и нашелъ его въ кар-

манѣ шароваръ: я дѣйствительно нашелъ кусокъ прекраснаго окорока и, чтобы насладиться имъ и съѣсть безъ помѣхи, вытащилъ шаровары на улицу и тамъ на досугѣ справился съ окорокомъ. Когда я вернулся въ комнату, то засталъ бретонца, вопившаго ломанымъ языкомъ, чтобы ему отдали брюки, такъ какъ въ нихъ было 50 скудій золотомъ. Нотаріусъ вообразилъ, что или крючки, или Колиндресъ утащили ихъ; то же подумалъ и альгвазилъ. Онъ отозвалъ ихъ въ сторону, но никто не признался и всѣ стали отправлять другъ друга ко всѣмъ чертямъ. Когда я увидѣлъ, что происходитъ, то вернулся на улицу, гдѣ оставилъ брюки, чтобы принести ихъ, но и мнѣ не удалось найти денегъ, такъ какъ какой-то счастливецъ, проходившій по улицѣ, успѣлъ унести ихъ. Когда альгвазилъ увидѣлъ, что бретонецъ не имѣлъ денегъ для выкупа, онъ впалъ въ отчаяніе и предположилъ взять отъ хозяйки дома то, чего не имѣлъ бретонецъ. Онъ позвалъ ее; она пришла полуодѣтая, услышала крики и жалобы бретонца, увидала Колиндресъ раздѣтую и плачущую и городового, подбирающаго, что можно было найти въ комнатѣ, и осталась весьма недовольна. Альгвазилъ приказалъ ей накрыться и идти съ ними въ тюрьму, такъ какъ она позволяла сходиться въ своемъ домѣ людямъ дурного поведенія. Шумъ былъ большой, но онъ еще увеличился, когда голоса стали возвышаться и увеличилось смущеніе, такъ какъ хозяйка сказала: «Сеньоръ альгвазилъ и сеньоръ нотаріусъ, не вамъ со мной говорить, ибо я вижу всю продѣлку; не со мной тебѣ говорить и хвастаться. Закрой ротъ и поди съ Богомъ, въ противномъ случаѣ, клянусь крестнымъ знаменіемъ, что я выброшу все за окно *) и выведу наружу всю подноготную этой шутки. Я хорошо знаю сеньору Колиндресъ и знаю, что уже много мѣсяцевъ, какъ сеньоръ альгвазилъ состоитъ ея покровителемъ; не заставляйте меня говорить больше, но отдайте деньги этому сеньору и разстанемся по добру, по здорову; я очень пожилая женщина и имѣю мужа съ дворянскимъ дипломомъ, притомъ съ ad perpetuam rei de memoria со свинцовыми кольцами, да будетъ хвала Господу. Я имѣю это заведеніе чистенькимъ и никому не должна. Прейсъ-курантъ у меня виситъ тамъ, гдѣ его видитъ всякій, со мной нѣтъ торга, и знаетъ Богъ, что я умѣю сбросить съ себя малѣйшія подозрѣнія; я очень любезна, такъ какъ по моему распоряженію женщины приходятъ съ гостями, у нихъ даже есть ключи отъ комнатъ; у меня не рысьи глаза, чтобы видѣть, что дѣлается за семью стѣнами». Мои хозяева были очень огорчены, выслушавъ болтовню хозяйки, какъ она излагала исторію ихъ жизни, однако, видя, что, кромѣ нея, нельзя ни у кого получить денегъ, они упорствовали на необходимости взять ее въ тюрьму. Трактирщица взывала къ небу въ виду несправедливости и обиды, ей наносимой, особенно въ виду отсутствія ея мужа, столь знатнаго дворянина. Бретонецъ взывалъ къ своимъ 50 скуди; полицейскіе утверждали, что они не видѣли шароваръ, и да хранитъ ихъ Богъ отъ чего-либо подобнаго! Нотаріусъ шепнулъ, что необходимо осмотрѣть платье Колиндресъ, такъ какъ онъ подозрѣваетъ, что эта красотка подхватила 50 скуди: она имѣла обыкновеніе ревизовать платье тѣхъ, кто съ нею связывался. Колиндресъ кри-

*) То есть все объясню.

чала, что бретонецъ пьяница и что, должно быть, совралъ относительно денегъ. Въ результатѣ получилось полное смятеніе, крики, проклятія, и не было средствъ ихъ успокоить; они и не успокоились бы, если бы неожиданно не вошелъ въ комнату полицейскій офицеръ, который пришелъ сдѣлать обыскъ въ этой гостинницѣ и былъ привлеченъ криками; онъ спросилъ, какая причина этого шума; трактирщица разсказала все до мелочей. Она сказала, кто была г-жа Колиндресъ, которая была уже одѣта, объяснила объ ея дружбѣ съ альгвазиломъ, извлекла наружу ихъ продѣлки и способъ грабежа, обвинила себя самое, что съ ея согласія часто входили въ ея домъ женщины дурного поведенія, провозглашала себя святой, а своего мужа блаженнымъ и приказала служанкѣ бѣжать и принести изъ сундучка дворянскую грамату мужа, чтобы сеньоръ офицеръ могъ ее видѣть и убѣдиться, что супруга столь знатнаго мужа не можетъ быть повинна въ чемъ-либо безнравственномъ; если же она держитъ эти комнаты и отдаетъ внаймы, то это происходитъ оттого, что иначе она не можетъ устроиться. Господь знаетъ, какъ ей это тяжело, она предпочитала бы имѣть какой-либо ежегодный доходъ и насущный хлѣбъ, чѣмъ заниматься этимъ ремесломъ. Офицеръ, наскучивъ ея болтовней и хвастовствомъ дворянскимъ дипломомъ, сказалъ:

«— Госпожа квартиросодержательница, я охотно вѣрю, что вашъ мужъ имѣетъ дворянскій дипломъ, и вы утверждаете, что онъ съ большимъ почетомъ исполняетъ обязанности хозяина постоялаго двора.

«— Съ большимъ почетомъ,—отвѣтила хозяйка.

«— Вотъ что я вамъ скажу, милая: одѣньтесь и ступайте въ тюрьму.

«Несмотря на крики, необыкновенно строгій лейтенантъ увелъ ихъ всѣхъ въ тюрьму. Потомъ я узналъ, что бретонецъ потерялъ свои 50 скуди и что его присудили къ уплатѣ судебныхъ издержекъ; хозяйка уплатила столько же, а Колиндресъ убѣжала по добру, по здорову и въ тотъ же день выудила моряка, который заплатилъ за бретонца при помощи той же хитрости».

Хозяинъ Берганцы, кромѣ того, находился въ стачкѣ съ ворами Севильи и частенько заходилъ во дворъ къ Мониподіо, гдѣ его принимали, какъ родного. Впрочемъ, не всегда альгвазилу удавалось надувать другихъ, иногда и онъ самъ дѣлался жертвой мошенническихъ продѣлокъ изобрѣтательныхъ испанскихъ воровъ. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ. Два вора украли разъ превосходную лошадь и рѣшили спустить ее въ Севильѣ, а чтобы ихъ не заподозрѣли въ кражѣ, они пустились на слѣдующую хитрость. Прибывъ въ Севилью, они остановились въ разныхъ гостинницахъ. Затѣмъ одинъ изъ нихъ отправился въ судъ и подалъ на другого искъ въ 400 реаловъ, которые будто бы были взяты у него подъ расписку. Судья, убѣдившись въ законности иска, призвалъ на судъ отвѣтчика, но тотъ объявилъ, что не можетъ уплатить такой суммы. Тогда судья приговорилъ его къ аресту и приказалъ альгвазилу, хозяину Берганцы, описать имущество отвѣтчика. Черезъ нѣсколько дней по просьбѣ кредитора описанное имущество, и въ томъ числѣ украденная лошадь, назначено было къ продажѣ съ аукціона. Альгвазилу еще раньше понравилась эта лошадь и онъ рѣшилъ пріобрѣсти ее въ свою собственность. Для этого

онъ послалъ на аукціонъ подставное лицо и купилъ ее за 500 реаловъ, хотя она въ дѣйствительности стоила въ полтора раза дороже, но такъ какъ интересъ воровъ заключался, главнымъ образомъ, въ скорости продажи, то они отдали ее за то, что имъ предложили. Такимъ образомъ воръ покрылъ свой долгъ и получилъ назадъ дутый вексель и быстро убрался съ товарищемъ изъ города. Хозяинъ же Берганцы черезъ два дня уже гарцовалъ на площади Св. Франциска на прекрасномъ конѣ и обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Въ то время, какъ знакомые усердно поздравляли его съ выгодной покупкой, къ нему подошли двое мужчинъ и попросили вернуть лошадь имъ, такъ какъ она, по ихъ словамъ, была украдена у нихъ нѣсколько дней тому назадъ. Они представили свидѣтелей и доказывали столь убѣдительно, что альгвазилъ, боясь доводить дѣло до суда, долженъ былъ отдать имъ коня назадъ.

Это постоянное мошенничество надоѣло Берганцѣ и онъ убѣжалъ отъ своего хозяина. Покинувъ Севилью, Берганца присоединился къ компаніи солдатъ, направлявшихся къ морю, чтобы сѣсть на суда и ѣхать въ Карѳагенъ. Изъ солдатъ имъ больше всѣхъ занялся барабанщикъ: онъ началъ его дрессировать и, обучивъ всевозможнымъ фокусамъ, давалъ съ нимъ въ каждой деревнѣ представленія до тѣхъ поръ, пока гдѣ-то крестьяне не приняли его за чорта въ образѣ собаки и чуть не убили. Берганца спасся, но отъ солдатъ попалъ къ цыганамъ. Бродяжничая съ ними, онъ изучилъ ихъ нравы и обычаи и составилъ о нихъ довольно нелестное мнѣніе.

«Весь этотъ народецъ, — разсказывалъ онъ Сципіону, — занимается изобрѣтеніемъ новыхъ средствъ для обмана и воровства. Однажды одинъ изъ нихъ разсказывалъ въ моемъ присутствіи, какъ онъ обманулъ и обворовалъ одного земледѣльца. У цыгана былъ безхвостый оселъ; къ небольшой оконечности хвоста, лишенной растительности, цыганъ привязалъ кусокъ шкуры, казавшейся настоящимъ хвостомъ. На рынкѣ цыгану далъ за осла 10 червонцевъ одинъ земледѣлецъ. Получивъ съ него деньги, цыганъ сказалъ, что если онъ хочетъ купить другого осла, столь же хорошаго и подходящаго къ этому, то цыганъ доставитъ ему скотину за болѣе сходную цѣну. Земледѣлецъ отвѣтилъ, что ему это подойдетъ, пусть цыганъ отправится за осломъ, а онъ возвратится домой. Земледѣлецъ уѣхалъ, цыганъ послѣдовалъ за нимъ и такъ или иначе нашелъ способъ украсть у земледѣльца осла, котораго онъ ему продалъ; немедленно онъ оторвалъ поддѣльный хвостъ, оставивъ лишь прежній кусокъ, перемѣнилъ потникъ и сѣдло и отправился къ земледѣльцу съ предложеніемъ купить осла. Земледѣлецъ, не замѣтивъ еще пропажи перваго осла и послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, купилъ второго. Отправившись на постоялый дворъ вмѣстѣ съ цыганомъ, онъ не нашелъ тамъ осла; хотя и самъ былъ большимъ осломъ, но возымѣлъ подозрѣнія, что цыганъ похитилъ осла, и не хотѣлъ уплатить денегъ. Цыганъ обратился къ свидѣтелямъ и нашелъ такихъ, которые принимали пошлину при покупкѣ перваго осла; они поклялись, что цыганъ продалъ земледѣльцу осла съ очень длиннымъ хвостомъ и весьма отличнаго отъ второго. При всемъ этомъ присутствовалъ полицейскій, который усердно поддерживалъ цыгана, такъ что земледѣлецъ долженъ былъ заплатить два раза».

Въ тщетныхъ поискахъ за нравственнымъ человѣкомъ, Берганца отъ цыганъ попалъ къ мавру. Мавръ оказался еще бо́льшимъ мошенникомъ, чѣмъ цыгане, и, вдобавокъ, совсѣмъ не кормилъ Берганцу, и тотъ умеръ бы, вѣроятно, съ голоду, если бы не познакомился съ поэтомъ, который удѣлялъ ему частицу своей весьма скудной трапезы. Этотъ поэтъ писалъ драму; окончивъ, онъ прочелъ актерамъ; тѣ же не только не одобрили ея, но еще избили бѣднаго драматурга за то, что онъ заставилъ ихъ слушать такую галиматью. Берганца послѣ подобнаго казуса потерялъ къ поэту всякое уваженіе и перешелъ на службу къ директору театровъ. Здѣсь его пріучили играть въ интермедіяхъ и комедіяхъ.

«Мнѣ надѣли суконный намордникъ и научили набрасываться въ театрѣ на тѣхъ, на кого слѣдовало. Интермедія обыкновенно оканчивается свалкой; меня хозяинъ и его компанія науськивали, и я бросался и сбивалъ съ ногъ всѣхъ, къ большому удовольствію толпы и прибыли моего хозяина».

Въ одной изъ такихъ свалокъ его опасно ранилъ какой-то актеръ. Берганца поклялся отмстить ему и, вѣроятно, исполнилъ бы свое обѣщаніе, если бы сильное чувство отвращенія къ своимъ занятіямъ не заставило его покинуть это мѣсто и искать другое. Въ Вальядолидѣ онъ однажды вечеромъ встрѣтилъ Сципіона, несущаго фонарь передъ госпитальнымъ слугой. Это показалось Берганцѣ полезнымъ и похвальнымъ дѣломъ и онъ тотчасъ же присоединился къ слугѣ, который и привелъ его въ госпиталь.

Въ госпиталѣ были разные больные, но особенно поразили и привлекли его вниманіе четверо: поэтъ, алхимикъ, математикъ и прожектеръ. Разъ они всѣ жаловались другъ другу на свою судьбу. Поэтъ написалъ великолѣпную поэму звучными стихами, но не находилъ достойнаго князя, которому могъ бы ее посвятить, и потому до сихъ поръ поэма лежитъ у него неизданная; математикъ всю жизнь искалъ точку опоры и квадратуру круга; иногда ему казалось, что точка уже у него въ карманѣ, но на дѣлѣ оказывалось, что онъ все еще такъ же далекъ отъ нея, какъ и въ первый день своихъ поисковъ; алхимику нужно было всего два мѣсяца для изобрѣтенія философскаго камня и нѣсколько денегъ, которыхъ, однако, никто ему не хотѣлъ дать; прожектеръ подавалъ массу проектовъ королю, изъ которыхъ каждый являлся кладомъ для страны, но король всѣ ихъ отвергалъ; послѣдній поданный имъ проектъ касался упорядоченія финансовъ; онъ предлагалъ, чтобы каждый подданный въ возрастѣ отъ 14 до 60 лѣтъ одинъ разъ въ мѣсяцъ питался бы хлѣбомъ и водой, а ту сумму, которую онъ обыкновенно затрачивалъ на дневное пропитаніе, отдавалъ въ казну; отъ этого проекта, по мнѣнію прожектера, государство имѣло бы до трехъ милліоновъ реаловъ въ годъ лишняго дохода. И всѣ эти люди, находившіеся наканунѣ славы, извѣстности, богатства и благополучія, игрою судьбы приведены были на больничныя койки! Изъ дальнѣйшихъ наблюденій Берганца вывелъ заключеніе, что всѣ подобные люди умираютъ нищими въ больницахъ.

Сентенціей Сципіона, что добродѣтель и талантъ всегда одинаковы, одѣтые или нагіе, въ уединеніи или въ обществѣ, и что они могутъ терять въ оцѣнкѣ иныхъ людей, но истинная ихъ цѣнность останется всегда неизмѣнной, заканчивается разговоръ двухъ собакъ.

Не станемъ пересказывать другія новеллы, такъ какъ и этихъ двухъ достаточно, чтобы убѣдиться, съ какимъ талантомъ обработывалъ Сервантесъ разнообразные сюжеты. Остальныя новеллы изобилуютъ тѣми же чертами, полными правды и искренности. Сюда относится, напримѣръ, разсказъ о прекрасной Преціозѣ («Маленькая цыганка»), украденной еще въ дѣтствѣ изъ благородной семьи и выросшей среди дикой бродячей жизни цыганъ, этого загадочнаго племени, которое съ XV столѣтія и до нашихъ дней постоянно процвѣтало въ Испаніи. Отдѣльныя части этой исторіи разсказаны живо и правдиво. Описаніе перваго появленія Преціозы въ Мадридѣ, ея успѣхъ, удивленіе толпы, ея посѣщеніе разныхъ домовъ богачей,—все это разсказано удивительно рельефно и не оставляетъ сомнѣнія въ реальности фактовъ. Но и другія новеллы выросли на почвѣ національнаго характера и написаны такою сочною кистью, такими яркими красками, такъ изящно, что до сихъ поръ представляютъ недосягаемый образецъ подобнаго рода произведеній. Въ девять лѣтъ онѣ выдержали десять изданій.

Черезъ годъ послѣ изданія новеллъ, въ 1614 г., Сервантесъ издалъ «Путешествіе на Парнасъ», одну изъ тѣхъ сатиръ на своихъ собратьевъ по перу, которыя тогда были въ большой модѣ. Произведеніе это не отличается большими литературными достоинствами, по отношенію же къ личности поэта въ ней интересенъ только юмористическій діалогъ подъ заглавіемъ «Adjunta», въ которомъ онъ защищаетъ свои пьесы и нападаетъ на актеровъ, отказывающихся играть ихъ.

Къ этому времени Сервантесъ былъ уже авторомъ восьми пьесъ и восьми интермедій. Длинныя пьесы его, несмотря на разнообразіе сюжетовъ, скучны, обработка же ихъ небрежна. Гораздо лучше интермедіи. Въ этихъ веселыхъ шуткахъ Сервантесъ чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ, и, оставаясь всегда самимъ собою, съ особой силой проявляетъ свой комическій талантъ.

«Языкъ этихъ пьесъ,—говоритъ объ интермедіяхъ одинъ изъ критиковъ Сервантеса,—естественъ и вѣренъ относительно лицъ и положеній, остроуменъ, живъ и блеститъ народными оборотами, пословицами и поговорками. Хотя этотъ родъ произведеній начинается только съ Сервантеса, но онъ же и довелъ его и до высшаго совершенства. Написанныя въ началѣ XVII вѣка, онѣ и теперь представляютъ для читателя немалый интересъ, какъ будто лица, изображаемыя въ нихъ, взяты изъ общества, насъ окружающаго, что доказываетъ (и въ этомъ состоитъ ихъ главная заслуга), что нѣтъ предмета, какъ бы низокъ онъ ни казался, который бы не ожилъ и не получилъ важнаго значенія въ рукахъ истиннаго генія, потому что онъ умѣетъ помѣстить въ простомъ и маломъ такой общій и человѣческій интересъ, который заставитъ его выплыть въ потокѣ вѣковъ».

Это короткіе фарсы, въ большинствѣ случаевъ написанные прозою, съ легкой интригой и даже совсѣмъ безъ нея, назначеніе которыхъ состоитъ лишь въ томъ, чтобы забавлять публику въ антрактахъ между актами болѣе серьезныхъ пьесъ. «Зеркало чудесъ», напримѣръ, есть только рядъ шутокъ съ цѣлью напугать зрителей представленія, убѣдивъ ихъ, что они видятъ то, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Вотъ содержаніе этого фарса:

Въ маленькое глухое мѣстечко заходятъ двое бродячихъ актеровъ,

женщина и мужчина, и съ ними карликъ, назначеніе котораго состоитъ въ томъ, что онъ долженъ смѣшить публику во время перерывовъ своими ужимками и гримасами. Эти актеры—мужчину зовутъ Чанфалья, женщину Чириносъ—рѣшили выкинуть маленькую хитрость, чтобы сорвать съ простодушныхъ обитателей мѣстечка небольшую денежную мзду. Навстрѣчу имъ попадаются: губернадоръ, т. е. бургомистръ, Бенито Ренольо алькальдъ, Хуанъ Кастрадо рехидоръ и Педро Капачъ письмоводитель. Чанфалья спрашиваетъ, кто изъ нихъ губернадоръ, и затѣмъ обращается къ нему съ льстивой рѣчью: «Если бы у меня было только двѣ унціи смысла,—говоритъ онъ,—и то я сейчасъ же долженъ бы былъ догадаться, что этотъ перипатетическій, пространный и торжественный выходъ не можетъ принадлежать никому другому, кромѣ достойнѣйшаго губернадора этого города, который вы, ваша милость, скоро покинете, занявъ должность намѣстника цѣлой области» *).

Чириносъ. Да, клянусь жизнью сеньоры и маленькихъ сеньоровъ, если сеньоръ губернадоръ ихъ имѣетъ.

Капачо. Не женатъ сеньоръ губернадоръ.

Чириносъ. Ну, когда будутъ; отъ моихъ словъ убытка нѣтъ.

Губернадоръ разспрашиваетъ, кто они и зачѣмъ пришли. Чанфалья объясняетъ, что онъ содержатель театра чудесъ и ѣдетъ изъ столицы по приглашенію госпитальнаго братства.

Губернадоръ. А что это значитъ: театръ чудесъ?

Чанфалья. Отъ чудесныхъ вещей, которыя на этомъ театрѣ изъясняются и показываются, произошло и названіе театра чудесъ. Этотъ театръ изобрѣлъ и устроилъ мудрецъ Дурачина, подъ такими параллелями, ромбами, звѣздами и созвѣдіями, съ такими условіями, особенностями и соблюденіями, что чудеса, которыя на немъ представляютъ, не можетъ видѣть ни одинъ изъ тѣхъ, которые имѣютъ въ крови хоть какую-нибудь примѣсь отъ перекрещенцевъ или которые родились и произошли отъ своихъ родителей не въ законномъ бракѣ. И кто зараженъ этими двумя столь обыкновенными недостатками, тотъ лучше откажись видѣть никогда невиданныя и неслыханныя представленія моего театра.

Бенито. Вотъ извольте видѣть, каждый день какія-нибудь новости являются на бѣломъ свѣтѣ. А этотъ мудрецъ названъ Дурачиной оттого, что онъ этотъ театръ изобрѣлъ.

Чириносъ. Дурачиной онъ названъ потому, что родился въ городѣ Дураково Поле. Про него идетъ молва, что у него борода была по поясъ.

Бенито. Люди съ большими бородами по большей частью мудреные.

Губернадоръ. Сеньоръ рехидоръ Хуанъ Кастрадо, съ вашего позволенія, я полагаю, что сегодня вечеромъ выходитъ замужъ сеньора Тереса Кастрадо, ваша дочь, которой я довожусь крестнымъ отцомъ. Для увеселенія на этомъ праздникѣ я желаю, чтобы сеньоръ Монтіель далъ въ вашемъ домѣ свое представленіе.

Рехидоръ приглашаетъ Чанфалью пожаловать къ нему въ домъ со своимъ театромъ, но тотъ отказывается. Ему невыгодно давать безплатно

---

*) Выписки сдѣланы изъ перевода А. Н. Островскаго: „Интермедіи Мигуэля Сервантеса Сааведры“, изд. Н. Г. Мартынова, 1886 г.

спектакль сегодня на свадьбѣ, гдѣ будетъ столько народу, онъ завтра надѣется показать свои чудеса за плату, а кто къ нему пойдетъ за деньги, если увидитъ все сегодня даромъ. Чириносъ поддерживаетъ своего спутника и прибавляетъ:

— Нѣтъ, сеньоры, ante omnia, пусть намъ заплатятъ, что слѣдуетъ.

Бенито. Сеньора директорша, здѣсь нѣтъ никакой Антоніи, никакого Антонія, чтобъ заплатить вамъ. Сеньоръ рехидоръ Хуанъ Кастрадо заплатитъ вамъ болѣе, чѣмъ честно, а если не онъ, такъ общинный совѣтъ. Его знаютъ здѣсь хорошо. Здѣсь, родная моя, мы не дожидаемся, пока какая-нибудь Антонія заплатитъ за насъ.

Капачо. Ахъ, грѣхи тяжкіе! Опять вы, сеньоръ Бенито Ренольо, не туда попали. Сеньора директорша не говоритъ, чтобъ ей платила какая-то Антонія, а только чтобъ заплатили ей немедленно прежде всего; это и значитъ ante omnia.

Послѣ этого актеры соглашаются показать свои чудеса, но снова напоминаютъ о тѣхъ качествахъ, которыя должны имѣть зрители, желающіе видѣть чудесное представленіе. Представители деревенской аристократіи увѣряютъ Чанфалью, что всѣ они законные дѣти своихъ родителей безъ малѣйшей примѣси крови иновѣрцевъ.

Вечеромъ Чанфалья, усадивъ передъ занавѣской гостей и получивъ, конечно, сполна условленную плату, начинаетъ представленіе.

Чанфалья. Вниманіе, сеньоры! Начинаю. О, ты, кто бъ ты ни былъ, ты, который устроилъ этотъ театръ съ такимъ чудеснымъ искусствомъ, что онъ получилъ имя театра чудесъ! Ради добродѣтели, которая въ немъ заключается, заклинаю тебя, заставляю тебя и приказываю тебѣ, чтобы сейчасъ, сію минуту показалъ ты нѣкоторыя изъ тѣхъ чудесныхъ чудесъ этимъ сеньорамъ для ихъ утѣшенія и увеселенія, безъ всякаго скандала. Но вотъ я ужь вижу, что ты мою просьбу исполняешь, потому что съ этой стороны является фигура сильнѣйшаго Самсона, обнимающаго столбы храма, чтобы повергнуть ихъ на землю и отомстить своимъ врагамъ. Стой, храбрый рыцарь, стой ради Самого Бога! Удержись отъ такого злого дѣла! Ты разрушишь домъ и превратишь въ яичницу столь многихъ и столь благородныхъ людей, каковы собравшіеся здѣсь.

Бенито. Остановись, прахъ тебя побери! Хорошо будетъ, если вмѣсто удовольствія, за которымъ мы пришли, насъ расплюснутъ въ лепешку. Остановись, сеньоръ Самсонъ, чтобъ тебѣ провалиться! Тебя просятъ честные люди.

Капачо. Видите вы его, Кастрадо?

Хуанъ. Еще бы не видать! У меня глаза-то на затылкѣ, что ли?

Капачо. Удивительное это дѣло: я также вижу тамъ Самсона, какъ турецкаго султана, хотя поистинѣ я законный сынъ и старый христіанинъ.

Чириносъ. Берегитесь, идетъ быкъ, тотъ самый, который убилъ носильщика въ Саламанкѣ. Ложись, ложись! Сохрани тебя Боже, сохрани тебя Боже!

Чанфалья. Ложитесь всѣ, ложитесь всѣ! Ухъ, ухъ, ухъ! (*Всѣ ложатся и трепещутъ*).

Бенито. Въ этомъ быкѣ сидитъ самъ дьяволъ; если я не присяду, онъ меня вздернетъ кверху...

Гобернадоръ (*про себя*). Ну, пускай всѣ видятъ то, чего я не вижу: подъ конецъ и я скажу, что все видѣлъ, а то стыдно будетъ.

Актеры продолжаютъ показывать свои чудеса: то они говорятъ, что передъ зрителями находится стадо мышей, прямыхъ потомковъ тѣхъ, которыя были въ Ноевомъ ковчегѣ, то двѣ дюжины львовъ и нѣсколько сѣрыхъ медвѣдей; зрители въ страхѣ жмутся другъ къ другу, дамы подбираютъ юбки, хотя никто ровно ничего не видитъ. Только гобернадоръ никакъ не можетъ догадаться, что всѣ окружающіе его представляются, и продолжаетъ ворчать себѣ подъ носъ: «Это чортъ знаетъ что такое! Неужели же я между столькими законными дѣтьми одинъ незаконнорожденный?».

Суматоха постепенно все возрастаетъ, слышатся крики испуга и, наконецъ, нѣкоторые обращаются съ просьбой показать что-нибудь менѣе страшное.

Тогда Чириносъ вызываетъ Продіаду и предлагаетъ желающимъ съ нею потанцовать.

Бенито. Это такъ! Фу, ты пропасть! Какая милая фигурка, пріятная и свѣтленькая! Ахъ, ты, шлюха! Какъ вертится-то дѣвчонка! Племянникъ Ренольо, ты кой-что умѣешь на кастаньетахъ, пособи ей и пойдетъ у насъ пиръ горой.

Племянникъ. Я здѣсь, дядя Бенито Ренольо.

(*Танцуетъ сарабанду, карликъ играетъ*).

Капачо. Клянусь дѣдушкой, значитъ сарабанда и гакона очень древніе танцы.

Посреди всеобщаго гама и шума входитъ вѣстовой и приказываетъ гобернадору приготовить помѣщеніе для тридцати кавалеристовъ, которые должны пріѣхать сюда слѣдомъ за ними. Ему никто не хочетъ вѣрить; потомъ думаютъ, что эти кавалеристы напущены на деревню Дурачиной, и, наконецъ, чтобы его подкупить, показываютъ ему Продіаду. Вѣстовой, конечно, ничего не видитъ и предполагаетъ, что весь этотъ народъ спятилъ съ ума. «Значитъ, сеньоръ фурьеръ не видитъ продіанской дѣвицы?» спрашиваютъ его. «Да какого чорта и какую дѣвушку мнѣ видѣть?» задаетъ вопросъ фурьеръ въ свою очередь.

Капачо. Довольно, ex illis est *)

Гобернадоръ. Ex illis est, ex illis est.

Хуанъ. Онъ изъ тѣхъ, сеньоръ фурьеръ, изъ тѣхъ, онъ изъ тѣхъ.

Фурьеръ. Что за подлая порода! А вотъ клянусь Богомъ, коли положу я руку на шпагу, такъ придется вамъ въ окна метаться, а не въ дверь.

Капачо. Довольно, ex illis est.

Бенито. Довольно, онъ изъ тѣхъ, потому что не видитъ ничего.

Фурьеръ. Ахъ, гнусные канальи, если еще разъ вы мнѣ скажете, что я «изъ тѣхъ», на васъ живого мѣста не останется.

Бенито. Никогда еще перекрещенцы и незаконнорожденные храбры не бывали, и потому мы можемъ сказать: онъ изъ этихъ, онъ изъ этихъ.

---

*) Ex illis est значитъ «онъ изъ тѣхъ», то есть изъ перекрещенцевъ или изъ незаконнорожденныхъ. Прим. перевод.

Фурьеръ. Ахъ, проклятая деревенщина! Погодите жь! (*Беретъ шпагу и дерется со всѣми. Алькальдъ бьетъ палкой карлика, Чириносъ сдергиваетъ занавѣсъ*).

Чириносъ. Чортъ ихъ принесъ, эту трубу и кавалеристовъ; точно ихъ въ колоколъ сзывали!

Чанфалья. Мы имѣемъ необыкновенный успѣхъ. Хорошія качества нашего театра обнаружились и завтра мы можемъ показать его городу; а сами можемъ воспѣть тріумфъ этой битвы, восклицая: да здравствуютъ Чириносъ и Чанфалья!

Другая интермедія «Бдительный стражъ», кромѣ своего безобиднаго, веселаго юмора, имѣетъ еще тотъ интересъ, что Сервантесъ здѣсь рисовалъ самого себя подъ видомъ солдата.

Бѣдный солдатъ въ рваной перевязи и въ очкахъ цѣлыми днями стоитъ у оконъ своей возлюбленной судомойки Кристины и буквально никого не пропускаетъ къ ней въ домъ. Но Кристина остается равнодушной къ этой собачьей вѣрности и питаетъ нѣжныя чувства къ сакристану (пономарь) приходской церкви. Дѣйствіе начинается пикировкой солдата съ своимъ счастливымъ соперникомъ. Сакристанъ хочетъ пройти въ улицу, гдѣ живетъ Кристина, солдатъ его не пускаетъ?

Солдатъ. Ты, чего добраго, не Кристиночку ли ищешь, судомойку изъ этого дома?

Сакристанъ. Tu dixisti.

Солдатъ. Ну, такъ поди сюда, валетъ *) сатаны!

Сакристанъ. Ну, такъ я останусь здѣсь, мнѣ и тутъ хорошо, кислая пиковая дама.

Солдатъ. Прекрасно, валетъ и дама, недостаетъ туза, но ты скоро его получишь. Поди сюда, еще разъ говорю я тебѣ. А знаешь ли ты, Пасильясъ, рожонъ тебѣ въ горло, что Кристина мой предметъ.

Сакристанъ. А знаешь ли ты, улитка въ человѣчьемъ платьѣ, что этотъ твой предметъ я выручилъ и закрѣпилъ за себя и что онъ мой по всѣмъ правиламъ и законамъ?

Солдатъ. Нѣтъ, какъ Богъ святъ, я тысячу разъ пырну тебя шпагой и исполосую твою голову въ клочки.

Сакристанъ. Съ тебя довольно и тѣхъ клочковъ, которые у тебя на штанахъ и на колетѣ, а голову мою ужь оставь въ покоѣ!

Солдатъ. Да ты разговаривалъ когда-нибудь съ Кристиной?

Сакристанъ. Всегда, когда только мнѣ угодно.

Солдатъ. Давалъ ей подарки?

Сакристанъ. Много.

Солдатъ. Сколько и какіе?

Сакристанъ. Я подарилъ ей коробочку изъ подъ айвы, очень большую, полнехоньку просвирныхъ обрѣзковъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, и на придачу четыре восковыхъ огарка, тоже бѣлыхъ, какъ горностай.

Солдатъ. А еще что?

Сакристанъ. А еще письмо со вложеніемъ ста тысячъ... желаній служить ей.

---

*) Тутъ игра словъ; Пасильясъ sota-sacristan—слово sota по-испански значитъ и подъ (предлогъ), и валетъ. Пасильясъ называетъ солдата caballo, а это слово значитъ и лошадь, и дама въ картахъ. Прим. перев.

Солдатъ. И что она тебѣ отвѣтила?

Сакристанъ. Обнадеживаетъ, что скоро моей женой будетъ.

Сакристанъ въ свою очередь спрашиваетъ солдата, посылалъ ли онъ что-нибудь Кристинѣ. На это солдатъ отвѣчаетъ, что посылалъ ей: «вздохи, слезы, рыданія, пароксизмы, обмороки и всякія необходимыя демонстраціи, къ которымъ прибѣгаютъ добрые любовники, чтобы открыть свою страсть». Такъ какъ солдатъ грозится проломить сакристану черепъ, если онъ осмѣлится приблизиться къ дому судомойки, тотъ уходитъ, пообѣщавъ вернуться съ оружіемъ и дать подобающій отпоръ воину. Солдатъ же продолжаетъ стоять на часахъ и, жалуясь на свою несчастную судьбу гонитъ всѣхъ и каждаго отъ дверей своей пассіи. Сперва онъ отгоняетъ парня, сборщика подаяній для иконы, потомъ разносчика, торгующаго полотномъ, нитками и другимъ подобнымъ товаромъ, и даже башмачника, принесшаго Кристинѣ башмаки, которые она отдавала чинить. Когда на улицѣ показывается хозяинъ Кристины, солдатъ хочетъ остановить и его, но узнавъ, что это домовладѣлецъ, рекомендуется ему и проситъ руки Кристины. Въ это время Пасильясъ, сопутствуемый сакристаномъ, выходятъ изъ-за угла. Въ рукахъ у Пасильяса крышка отъ кадки и перержавленная шпага, у его товарища на головѣ каска, а въ рукѣ палка, къ концу которой привязанъ лисій хвостъ. Разыгрывается бурная сцена; солдатъ кричитъ и негодуетъ: «Видано ли что-нибудь безстыднѣе этого негодяя! —восклицаетъ онъ.—Онъ идетъ на меня съ лисьимъ хвостомъ; на меня, когда я не побоялся и не ужаснулся громовыхъ выстрѣловъ большой пушки Діо, которая находится въ Лиссабонѣ!».

На шумъ выбѣгаетъ хозяйка съ Кристиной. Онѣ съ безпокойствомъ спрашиваютъ хозяина, не раненъ ли онъ, но тотъ объясняетъ своей женѣ, что вся эта кутерьма завязалась изъ-за судомойки. Хозяйка обращается къ Кристинѣ съ вопросомъ, правда ли это. Кристина подтверждаетъ.

Хозяйка. Смотрите, она, нисколько не стыдясь, признается. Кто-нибудь изъ нихъ тебя обезчестилъ?

Кристина. Да, сеньора.

Хозяйка. Кто же?

Кристина. Меня обезчестилъ сакристанъ тогда, какъ я танцовать ходила.

Хозяйка. Сколько разъ говорила я вамъ, сеньоръ, что не надо пускать эту дѣвчонку изъ дому, что она уже на возрастѣ, и мы не должны ее съ глазъ пускать. Что теперь скажетъ ея отецъ, который сдалъ намъ ее безъ пылинки и безъ пятнышка? Куда же, предательница, онъ заманилъ тебя?

Кристина. Да никуда, среди улицы.

Хозяйка. Какъ среди улицы?

Кристина. Тамъ, среди Толедской улицы, онъ передъ Богомъ и всѣми добрыми людьми назвалъ меня неряхой и безчестной, безстыдницей и безтолковой и всякими другими обидными словами подобными, и все оттого, что ревнуетъ меня къ этому солдату.

Хозяинъ. А еще ничего между вами не было, кромѣ этого безчестія, которое онъ сдѣлалъ тебѣ на улицѣ?

Кристина. Конечно, нѣтъ, потому что сейчасъ у него сердце и прошло.

Хозяйка. Ну, теперь у меня душа опять дома, а то было ушла въ пятки.

Кристина. И вотъ еще: все, что онъ мнѣ говорилъ, онъ подтвердилъ въ этой запискѣ, гдѣ обязался взять меня замужъ. Я ее берегу, какъ золото, въ оберточкѣ.

Хозяинъ. Покажи пожалуйста!

Хозяйка. Прочтите громко, мой другъ!

Хозяинъ. Писано вотъ что: «Я, Лоренцо Пасильясъ, подсакристанъ здѣшняго прихода, говорю, что люблю и очень люблю сеньору Кристину Паррасесъ; въ удостовѣреніе этой истины даю ей эту записку, утвержденную моимъ подписомъ. Дано въ Мадридѣ, въ монастырской церкви св. Андрея, 6 мая сего 1611 года. Свидѣтели: мое сердце, мой умъ, моя воля и моя память. Лоренцо Пасильясъ». Отличный способъ давать брачныя обязательства!

Кристину спрашиваютъ, хочетъ ли она выйти замужъ и за кого именно. Та конфузится и совѣстится выбирать жениха; видя ея нерѣшительность, женихи начинаютъ выхвалять свои достоинства.

Солдатъ. Дитя, взгляни на меня, посмотри, какъ я изященъ! Я солдатъ; думаю быть кастеляномъ; имѣю храброе сердце; я самый любезный человѣкъ въ мірѣ, и изъ каждой нитки этого худого колета ты можешь намотать цѣлый клубокъ моего благородства

Сакристанъ. Кристина, я музыкантъ, хотя и колокольный; украсить гробницу, убрать церковь къ годовому празднику—въ этомъ ни одинъ сакристанъ не можетъ превзойти меня; эти обязанности я могу исполнять и женатый и тѣмъ доставлять себѣ княжеское пропитаніе.

Хозяинъ. Ну, дѣвушка, выбирай изъ двухъ любого; выберешь, такъ и я одобрю. Этимъ выборомъ ты помиришь двухъ храбрыхъ соперниковъ.

Солдатъ. Я подчиняюсь ей.

Сакристанъ. И я покоряюсь.

Кристина. Ну, такъ я выбираю пономаря.

На сцену выходятъ музыканты и пьеса кончается всеобщимъ весельемъ.

Интермедія «Cueva de Salamanca» (Саламанкская пещера) принадлежитъ къ числу тѣхъ шутокъ насчетъ мужей, которыя въ Испаніи были распространены не менѣе, чѣмъ и въ другихъ странахъ. Были ли онѣ основаны на дѣйствительности —другой вопросъ, но колоритъ правды и реализма, которымъ онѣ окрашены, безспорно входилъ въ намѣренія автора.

Мужъ собирается въ отъѣздъ на свадьбу къ своей сестрѣ. Жена плачетъ, падаетъ въ обмороки, жалуется, что ея страданія будутъ неизмѣримы, однимъ словомъ, трогаетъ мужа до глубины души своею преданностью и любовью. Послѣ его отъѣзда она сулитъ ему тысячу чертей и приготавливается вмѣстѣ съ горничной къ пріему своихъ любовниковъ. Тѣ прислали къ нимъ корзину съ разной закуской и фруктами, и женщины уже собрались было готовить ужинъ, какъ въ комнату входитъ студентъ и проситъ ночлега. Сострадательныя дамы рѣшаютъ оставить его у себя и просятъ помочь имъ ощипать каплуновъ. Приходятъ цырульникъ, любовникъ горничной, а съ нимъ сакристанъ,

любовникъ хозяйки. Компанія усаживается за ужинъ. Они пьютъ, играютъ на гитарахъ, но въ самый разгаръ веселья, когда сакристанъ пускается въ плясъ, раздается стукъ въ двери. Это вернулся мужъ. Во время пути у кареты сломалось колесо и онъ возвратился, чтобы не ночевать среди поля. Поднимается переполохъ, и пока Кристина, горничная, прячетъ любовниковъ и ужинъ, жена старается задержать мужа подольше за дверями.

Леонарда. Кто тамъ? Кто стучитъ?

Панкрассіо. Твой мужъ, Леонарда моя. Отопри, ужь я полчаса колочу въ двери.

Леонарда. По голосу-то мнѣ кажется, какъ будто это мой чурбанъ Панкрассіо, но вѣдь голоса-то что у того, что у другого пѣтуха всѣ похожи; не могу сказать навѣрное...

Панкрассіо. Вотъ умная-то жена! Какая необыкновенная осторожность! Это я, жизнь моя, твой мужъ, Панкрассіо, отпирай, не сомнѣвайся.

Леонарда. Подите-ка сюда, я посмотрю. Что я дѣлала, когда мужъ уѣзжалъ сегодня вечеромъ?

Панкрассіо. Вздыхала, плакала и, наконецъ, упала въ обморокъ.

Леонарда. Правда. Но всетаки скажите мнѣ еще, какіе у меня знаки на плечѣ и на какомъ?

Панкрассіо. На лѣвомъ родимое пятно, величиной въ полъреала, съ тремя волосками, какъ три золотыя ниточки.

Леонарда. Правда; а какъ зовутъ дѣвушку-служанку въ домѣ?

Панкрассіо. Ахъ, дурочка, довольно, надоѣла. Кристиночкой ее зовутъ; ну, что тебѣ еще?

Леонарда. Кристиночка, Кристиночка, это твой сеньоръ; отопри, дитя мое.

Мужа впускаютъ, наконецъ, въ домъ и засыпаютъ вопросами, почему онъ такъ скоро пріѣхалъ назадъ. Едва тотъ начинаетъ отвѣчать, какъ за сценой раздаются крики студента. Мужъ удивленъ, но жена тотчасъ же успокоиваетъ его, объясняя, что онѣ по добротѣ душевной пріютили бѣднаго малаго на эту ночь. Черезъ нѣсколько минутъ Кристина приводитъ студента въ комнату. «Если бы я не былъ такъ совѣстливъ,—говоритъ студентъ,—то не подвергался бы риску быть задушеннымъ въ соломѣ и могъ бы добыть себѣ отличный ужинъ». Этотъ намекъ заинтересовываетъ простоватаго Панкрассіо и онъ начинаетъ разспрашивать молодого человѣка, какимъ способомъ онъ могъ бы получить ужинъ и ночлегъ. Тотъ объясняетъ, что будто онъ получилъ отъ демоновъ, у которыхъ обучался въ Саламанкской пещерѣ *), могущество повелѣвать дьяволомъ и всегда можетъ потребовать себѣ все, что угодно; единственно, что его останавливаетъ, такъ это страхъ передъ инквизиціей. Панкрассіо проситъ его не стѣсняться и вызывать дьяволовъ съ ужиномъ. Тогда студентъ становится въ позу и произноситъ заклинаніе:

О, жалкіе, что въ угольномъ чуланѣ
Скрываетесь, приказъ услышьте грозный!

---

*) Саламанкская пещера, по народному испанскому повѣрью, служила мѣстомъ шабаша для вѣдьмъ.

Несите къ намъ легко и граціозно
Въ корзинѣ ужинъ, стряпанный заранѣ.
Вы слушайтесь, пока прошу учтиво,
И грубымъ быть меня не принуждайте!
Или сейчасъ идите, или знайте,
Что день для васъ не кончится счастливо!

Онъ уходитъ въ угольный чуланъ, перешептывается тамъ съ цырульникомъ и сакристаномъ и, наконецъ, выводитъ ихъ обоихъ къ мужу Леонарды. Панкрассіо непритворно удивленъ, видя двухъ дьяволовъ въ образѣ людей съ корзиной разныхъ яствъ и винъ, удивляется, что они такъ похожи на мѣстныхъ жителей, но тѣмъ не менѣе не отказывается сѣсть вмѣстѣ съ ними за столъ и весело отужинать.

Сюжетъ этой интермедіи очень стараго происхожденія: въ фабліо XII и XIII вѣковъ встрѣчается нѣсколько варіантовъ на тему неожиданнаго возвращенія мужа домой. Нѣсколько позднѣе этотъ сюжетъ обработывался итальянскими новеллистами. Прообразомъ для «Саламанкской пещеры» послужило, какъ кажется, французское фабліо «Бѣдный клеркъ». Изъ этого разсказа въ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи была сдѣлана комическая опера или, вѣрнѣе, оперетта «Soldat magicien». Котляревскій воспользовался этой пьесой и передѣлалъ ее въ малороссійскую оперетку «Москаль-чаривникъ», которая во время оно въ Москвѣ пользовалась большимъ успѣхомъ.

Другія интермедіи тоже по большей части затрогиваютъ семейныя отношенія разныхъ представителей средняго класса. Тутъ жена приводитъ къ себѣ любовника и развлекается съ нимъ почти на глазахъ своего ревниваго мужа («Ревнивый старикъ»), тамъ мужья являются къ судьѣ и просятъ ихъ развести съ дражайшими половинами, потому что имъ не въ моготу больше выносить капризный и сварливый нравъ послѣднихъ («Судья по бракоразводнымъ дѣламъ»).

Но, несмотря на такія животрепещущія темы, ни драмы, ни интермедіи не пользовались большимъ успѣхомъ у современниковъ Сервантеса. Особенно въ этомъ отношеніи не повезло драмамъ. Онѣ даже и позже, когда популярность Сервантеса достигла своего зенита, ни кѣмъ не читаются. Причину этой неудачи брались истолковывать многіе критики, но, увы, до сихъ поръ безуспѣшно. Одинъ изъ нихъ, Блазъ де-Нассаре, старался убѣдить даже, что всѣ пьесы Сервантеса написаны съ единственной цѣлью пародировать и высмѣять драмы Л. де-Веги. Хороши же, значитъ, пародіи, которыя долгое время считались за серьезныя пьесы, и хороши же серьезныя драмы, которыя при желаніи можно принять за пародіи! Недурной способъ защищать репутацію писателя. Б. де-Нассаре за свою медвѣжью услугу, однако, похвалы себѣ не услышалъ и остался одинъ при своемъ мнѣніи, другіе же критики теперь присоединились къ мнѣнію Тикнора, который сдѣлалъ предположеніе, что Сервантесъ дѣйствительно написалъ нѣсколько пьесъ, по достоинству стоящихъ гораздо ниже, чѣмъ могъ бы онъ написать, но сдѣлалъ это, по всей вѣроятности, въ угоду народному вкусу, который въ то время, какъ мы уже замѣтили выше, находился въ первобытномъ состояніи.

Какъ бы то ни было, но подъ давленіемъ этихъ неудачъ жизнь Сервантеса быстро близилась къ концу. Въ октябрѣ 1615 года онъ издалъ вторую часть «Донъ-Кихота», гдѣ въ посвященіи говоритъ о своемъ

разстроенномъ здоровьи, выражая опасеніе, что проживетъ не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Веселое расположеніе духа, повидимому, не покидало его до конца жизни; иначе онъ не могъ бы произвести на свѣтъ такое произведеніе, какъ вторая часть «Донъ-Кихота». Хотя силы его были растрачены, а здоровье потеряно, Сервантесъ съ неослабной энергіей продолжалъ писать новый романъ «Персилесъ и Сигизмунда», боясь, что не успѣетъ окончить его. Уже лежа на смертномъ одрѣ, онъ продиктовалъ предисловіе къ этому роману. Въ этомъ предисловіи онъ съ свойственнымъ ему задушевнымъ, незлобивымъ юморомъ описываетъ свою недавнюю встрѣчу со студентомъ-медикомъ, который надавалъ ему кучу разныхъ хорошихъ совѣтовъ, какъ избавиться отъ водяной (болѣзнь, сведшая въ могилу Сервантеса). Сервантесъ, выслушавъ совѣты, поблагодарилъ и пожалѣлъ только о томъ, что не можетъ воспользоваться ими, такъ какъ, судя по состоянію своего пульса, разсчитывалъ умереть не далѣе ближайшаго воскресенья. «Итакъ,—заканчиваетъ онъ это замѣчательное предисловіе,—прощайте, шутки, прощай, веселое настроеніе духа, прощайте, друзья: я чувствую, что умираю, и у меня остается только одно желаніе увидѣть васъ вскорѣ счастливыми на томъ свѣтѣ».

Въ такомъ расположеніи духа, сохранивъ до конца дней своихъ всѣ душевныя и умственныя способности, Сервантесъ 23 апрѣля 1616 г., шестидесяти восьми лѣтъ отъ роду, отправился въ то далекое путешествіе, откуда не возвращался еще ни одинъ смертный. Его похоронили въ женскомъ монастырѣ св. Троицы; спустя нѣсколько лѣтъ монастырь былъ перенесенъ въ другую часть города, и что сталось съ прахомъ величайшаго генія Испаніи, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. По поводу даты его смерти случилось маленькое недоразумѣніе. Извѣстно, что Шекспиръ умеръ тоже 23 апрѣля 1616 года; на этомъ совпаденіи строились самыя фантастическія предположенія, но, какъ это выяснено теперь, всѣ они были несостоятельны: Сервантесъ умеръ 23 апрѣля по новому стилю, а Шекспиръ—того же числа по старому, слѣдовательно, на десять дней позже.

Спустя шесть мѣсяцевъ вдова Сервантеса получила разрѣшеніе издать посмертный романъ своего мужа «Персилесъ и Сигизмунда», и въ 1617 году это произведеніе было напечатано. Намѣреніе автора состояло въ томъ, чтобы дать Испаніи образецъ серьезнаго романа. Но серьезный романъ—продуктъ нашей современной цивилизаціи, во времена же Сервантеса романъ находился еще въ зародышевомъ состояніи. Тогда не было ничего, что могло бы быть названо серьезнымъ романомъ; мнимыя путешествія Лукіана, нѣсколько греческихъ романовъ, да громадное по числу и низкое по качеству собраніе рыцарскихъ романовъ—вотъ все, что было написано въ этомъ родѣ. Это отсутствіе хорошихъ образцовъ да еще чисто юмористическій талантъ Сервантеса, мало способный къ обработкѣ серьезной темы, были, по всей вѣроятности, главными причинами, что романъ оказался неудачнымъ. Свое произведеніе онъ назвалъ «Сѣвернымъ романомъ», потому что главнымъ сюжетомъ его взяты страданія Персилеса, сына короля исландскаго, и Сигизмунды, дочери фрисландскаго короля. Дѣйствіе одной части происходитъ на сѣверѣ, другой—на югѣ. У Сервантеса были кое-какія свѣдѣнія о морскихъ пиратахъ сѣверныхъ морей, но зато отсутствовали знанія по географіи. Нѣтъ поэтому ничего болѣе фантастичнаго и не-

лѣпаго, какъ его описаніе сѣверныхъ дикарей и обледенѣлыхъ островов, гдѣ по его желанію имѣютъ мѣсто причудливыя приключенія. Вообще этотъ романъ далекъ отъ того, чѣмъ его считали самъ Сервантесъ и его друзья, видѣвшіе въ немъ образцовое произведеніе и лучшее твореніе его автора.

Такая честь безспорно принадлежитъ комическому роману Сервантеса «Донъ-Кихотъ», произведенію, которое болѣе чѣмъ какое другое отразило въ себѣ національный характеръ испанцевъ, за что и пользуется всеобщей любовью вотъ уже скоро три столѣтія.

Многіе не въ мѣру старательные критики хотѣли навязать этому безсмертному роману цѣль, которой самъ авторъ никогда въ виду не имѣлъ. Въ самомъ началѣ своего произведенія Сервантесъ ясно и опредѣленно говоритъ, что единственная его цѣль—подорвать славу и авторитетъ рыцарскихъ романовъ. Почти то же самое повторяетъ онъ и въ концѣ книги: «Единымъ моимъ желаніемъ было предать всеобщему посмѣянію сумасбродно лживыя рыцарскія книги, и, пораженныя на смерть истинной исторіей моего Дона Кихота, онѣ тащатся уже пошатываясь и скоро падутъ и во вѣки не поднимутся» *). Предсказаніе Сервантеса сбылось.

Въ XVI столѣтіи увлеченіе рыцарскими романами въ Испаніи дошло до такихъ грозныхъ размѣровъ, что многіе благоразумные люди стали настаивать на ихъ запрещеніи. Повѣствованія о небывалыхъ, неслыханныхъ приключеніяхъ воспламеняли воображенія испанцевъ. Особенно вредно дѣйствовали романы на молодежь. Она уже не могла довольствоваться серьезной стороной исторіи и жадно набрасывалась на эти произведенія извращенной, нелѣпой фантазіи поэтовъ, принимая ихъ за образецъ, достойный подражанія. Этому увлеченію сочувствовали и поддерживали его многіе высокопоставленные люди. Король Карлъ, напримѣръ, наслаждался чтеніемъ «Бельяниса» Граціена, одного изъ самыхъ нелѣпѣйшихъ романовъ этого рода, и когда его сестра, королева венгерская, задумала отпраздновать свое возвращеніе во Фландрію, она не могла изобрѣсти для своего брата большаго удовольствія, какъ представить на праздникѣ всѣхъ героевъ этого произведенія въ живыхъ лицахъ. Рыцарскіе романы проникали повсюду и, какъ вредные паразиты, прочно основывались даже въ такихъ мѣстахъ, какъ монастыри: монахи и монахини зачитывались ими и сочиняли новые. Придворный и ученый Карла I, Гевера, говоритъ, что въ его время публика ничего не читала, кромѣ постыдныхъ книгъ, вродѣ: «Амадиса Гальскаго», «Тристана» и т. п. Многіе уважаемые голоса возвышались противъ этого позорища литературы, закономъ нѣсколько разъ повелѣвалось прекратить печатаніе и переизданія рыцарскихъ романовъ, но все было напрасно до тѣхъ поръ, пока Сервантесъ не взялся за перо и не высмѣялъ ихъ такъ жестоко, что послѣ появляніе «Донъ-Кихота» ни одинъ изъ прежнихъ борзописцевъ не рискнулъ выпустить на книжный рынокъ рыцарскій романъ.

Такой практическій успѣхъ чуть ли не единственный примѣръ, когда геніальное произведеніе такъ быстро принесло столь ощути-

---

*) Эта и слѣдующія цитаты выписываемъ изъ прекраснаго перевода «Донъ-Кихота» В. Карелина.

тельные плоды. Уничтожить страсть, глубоко вкоренившуюся во всѣхъ классахъ общества, отвратить публику отъ чтенія, считавшагося самымъ моднымъ для того времени, заставить смѣяться и иронизировать надъ тѣмъ, что одной минутой раньше было огульнымъ увлеченіемъ,— для этого нужно обладать геніальнымъ перомъ Сервантеса и его захватывающимъ и всепобѣждающимъ юморомъ.

Если бы природа наградила Сервантеса громовымъ хохотомъ Рабле или желчью и злобной ироніей Свифта, онъ не повліялъ бы въ талой степени на своихъ современниковъ. Вся тайна успѣха автора «Донъ Кихота» состоитъ именно въ томъ, что онъ мягко и симпатично подходитъ къ читателю со своимъ симпатичнымъ героемъ и вышучиваетъ его съ такимъ видомъ, какъ будто и не сомнѣвается, что читатель съ нимъ заодно. Сервантесъ нигдѣ не набрасывается съ укоромъ на читателя за его увлеченіе рыцарской дребеденью, онъ смѣется лишь надъ сочинителями и надъ ходульными героями. Планъ, принятый Сервантесомъ, какъ и всѣ геніальныя идеи, былъ простъ. Его герой, провинціальный дворянинъ или гидальго, человѣкъ честный, мягкаго характера, уважаемый друзьями и любимый слугами, отъ продолжительнаго чтенія рыцарскихъ романовъ сходитъ съ ума и проникается желаніемъ сдѣлаться странствующимъ рыцаремъ. Онъ мастеритъ себѣ домашнимъ способомъ вооруженіе, беретъ оруженосца и пускается вмѣстѣ съ нимъ странствовать по бѣлу свѣту, защищая слабыхъ и угнетенныхъ и прославляя повсюду красоту избранницы его сердца, Дульцинеи Тобозской, однимъ словомъ, поступаетъ такъ, какъ поступали герои прочитанныхъ имъ романовъ. Дальнѣйшее содержаніе романа составляютъ встрѣчающіяся ему съ оруженосцемъ на пути приключенія, которыя въ изобиліи находитъ воспаленная фантазія бѣднаго гидальго даже тамъ, гдѣ бы ихъ не должно было быть.

Одно изъ первыхъ приключеній, испытанныхъ Донъ-Кихотомъ, была битва съ мельницами. Рыцарь съ оруженосцемъ, отъѣхавъ небольшое разстояніе отъ дома, замѣтили отъ тридцати до сорока мельницъ. Увидя ихъ, Донъ-Кихотъ воскликнулъ:

— Судьба устраиваетъ дѣла наши лучше, чѣмъ мы могли ожидать. Видишь ли, Санчо, эту толпу великановъ? Клянусь Богомъ, я уничтожу ихъ всѣхъ. Разореніемъ ихъ мы положимъ основу нашему богатству и совершимъ дѣло, угодное Богу, ибо велика передъ Нимъ заслуга человѣка, стирающаго съ лица земли проклятое племя великановъ.

— Какихъ великановъ? —спросилъ Санчо.

— Тѣхъ, которые стоятъ вонъ тамъ съ огромными руками, длина которыхъ у многихъ изъ нихъ доходитъ до двухъ миль, — сказалъ Донъ-Кихотъ, указывая на мельницы.

— Помилуйте,—возразилъ Санчо,—это мельницы, а не великаны, и руки этихъ небывалыхъ великановъ не что иное, какъ мельничныя крылья, двигающіяся жерновами при помощи вѣтра.

— Санчо, ты неопытенъ въ дѣлѣ приключеній,—отвѣчалъ Донъ-Кихотъ,—я тебѣ говорю, что это великаны, и если ты страшишься ихъ, то отъѣзжай въ сторону и молись Богу тѣмъ временемъ, какъ я вступлю съ ними въ неравный и ужасный бой.

Въ то же мгновеніе, пришпоривъ Россинанта и не слушая клятвъ своего оруженосца, не перестававшаго увѣрять его, что онъ прини-

маетъ вѣтряныя мельницы за великановъ, онъ скачетъ впередъ, и чѣмъ ближе подъѣзжаетъ къ мельницамъ, тѣмъ сильнѣе убѣждается, что видитъ передъ собой великановъ.

— Не убѣгайте,—кричалъ онъ во все горло мельницамъ,—не убѣгайте, презрѣнныя твари! Вы видите, что я одинъ готовлюсь поразить васъ.

Въ эту минуту дунулъ легкій вѣтерокъ, и крылья мельницъ пришли въ движеніе.

— Двигайте, двигайте вашими руками,—продолжалъ кричать Донъ-Кихотъ,—я не устрашусь васъ, хотя бы вы двинули бо̀льшимъ числомъ рукъ, чѣмъ сколько ихъ было у великана Бріарея, потому что сію минуту я уничтожу ихъ всѣ.

Обратясь затѣмъ съ воззваніемъ къ своей дамѣ, прося ее одушевить своего рыцаря въ предстоящей битвѣ, онъ прикрылся щитомъ и, укрѣпивъ въ рукѣ копье, устремился на ближайшую мельницу, въ крыло которой со всего размаха вонзилъ свое копье. Въ то же мгновеніе вѣтеръ повернулъ крыло такъ сильно, что, разбивъ вдребезги копье Донъ-Кихота, оно повалило его самого на землю вмѣстѣ съ Россинантомъ. Увидѣвъ это, Санчо во всю прыть своего осла поскакалъ на помощь къ рыцарю, ударившемуся такъ сильно, что онъ не чувствовалъ себя въ силахъ шевельнуть ни ногой, ни рукой.

— Владычица Богородица!—воскликнулъ Санчо.—Не говорилъ ли я вамъ, что вы нападаете на вѣтряныя мельницы? Право, нужно имѣть въ головѣ такія же мельницы, чтобы принять ихъ за великановъ.

— Молчи,—сказалъ Донъ-Кихотъ.—Узнай прежде, что ничто не подвержено въ такой степени превратностямъ судьбы, какъ война, эта олицетворяеемая превратность. Сказать ли тебѣ, что я думалъ и въ чемъ я увѣренъ вполнѣ? Случившаяся съ нами мистификація—это новая продѣлка проклятаго Фрестона, похитившаго кабинетъ съ моими книгами и теперь преобразившаго великановъ въ вѣтряныя мельницы, желая отнять у меня славу великой побѣды, которую предстояло мнѣ одержать; но какъ ни непримирима его вражда ко мнѣ, тѣмъ не менѣе, наступитъ минута, когда мой мечъ восторжествуетъ надъ его искусствомъ.

— Дай Богъ, — проговорилъ Санчо, помогая своему господину взобраться на Россинанта, у котораго одна нога была почти вывихнута.

Вечеромъ того же дня Донъ-Кихотъ съ оруженосцемъ остановились переночевать въ придорожной корчмѣ. Такъ какъ въ домѣ не было ни одной свободной комнаты, то ихъ положили на чердакѣ. Недалеко отъ нихъ помѣстился на хомутахъ погонщикъ муловъ, къ которому обѣщала придти въ ту ночь служанка Донъ-Кихотъ отъ боли не могъ уснуть и, лежа на кровати, воображалъ, что находится въ волшеб-

номъ замкѣ и что сейчасъ къ нему должна придти дочь владѣтеля замка, влюбившаяся въ него. Какъ разъ въ разгарѣ его бреда скрипнула половица и онъ увидѣлъ осторожно двигавшуюся тѣнь женщины. Донъ-Кихотъ сѣлъ на кровати и, когда служанка приблизилась къ нему, заключилъ ее въ свои объятія. Дѣвушка стала вырываться, завязалась борьба, услышанная ея возлюбленнымъ, парнемъ ражимъ и сильнымъ; онъ прибѣжалъ на шумъ и, недолго думая, такъ отработалъ кулаками Донъ-Кихота, что тотъ замертво повалился на кровать, которая, не выдержавъ по ветхости происшедшей на ней битвы, съ трескомъ подломилась. Этотъ шумъ услыхалъ хозяинъ корчмы. Онъ началъ звать служанку, но та, конечно, не откликалась; тогда онъ поднялся и, засвѣтивъ фонарь, пошелъ на чердакъ самъ. При его появленіи служанка поспѣшила укрыться на постели Санчо, спавшаго до того мертвымъ сномъ. Хозяинъ, войдя, закричалъ:

— Что здѣсь за шумъ?

Этотъ окрикъ разбудилъ Санчо и онъ, чувствуя близъ себя чье-то постороннее тѣло, принялся спихивать служанку, которая тоже сопротивлялась и, наконецъ, кинулась на Санчо съ кулаками. Санчо не оставался въ долгу и сталъ тузить ее. Погонщикъ, увидѣвъ въ бѣдѣ служанку, поспѣшилъ на выручку къ ней и бросился на бѣднаго оруженосца, а хозяинъ, желая разнять драку,—на погонщика. Пошла такая кутерьма, что и разобрать ничего нельзя было. Служанка била Санчо, Санчо билъ служанку, погонщикъ Санчо, а погонщика хозяинъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы во время драки не постучался въ дверь блюститель благочестія, членъ святой германанды, что и заставило драчуновъ разбѣжаться.

Много разнообразныхъ приключеній случилось съ странствующимъ рыцаремъ и его оруженосцемъ, разсказать ихъ всѣ по порядку мы не можемъ, этого не позволяютъ размѣры нашей книги, къ тому же, для большинства читателей разсказъ не представилъ бы новизны. Поэтому мы ограничимся пересказомъ еще двухъ или трехъ наиболѣе выдающихся случаевъ изъ жизни Донъ-Кихота.

Однажды во время своихъ безцѣльныхъ странствованій Донъ-Кихотъ пріѣхалъ въ деревню Тобозо, гдѣ, какъ извѣстно, жила его несравненная Дульцинея, которую, къ слову сказать, онъ никогда въ глаза не видѣлъ. Днемъ они не рѣшились въѣхать въ деревню и спрятались въ близъ лежащей дубовой рощѣ.

При наступленіи темноты они крадучись вошли въ деревню. Донъ-Кихотъ горѣлъ нетерпѣніемъ узрѣть свою очаровательную красавицу. Ночью, однако, ему это не удалось, такъ какъ, проплутавъ впотьмахъ по деревнѣ, онъ не могъ отыскать дворецъ (а по увѣреніямъ Санчо избу) Дульцинеи по весьма простой причинѣ: онъ не зналъ, гдѣ она находится. Пришлось дождаться разсвѣта. На другой день, отъѣхавъ нѣсколько отъ деревни, Донъ-Кихотъ послалъ къ Дульцинеи Санчо.

Хитрый оруженосецъ, конечно, и не подумалъ искать ее, а, увидѣвъ ѣхавшихъ по дорогѣ крестьянокъ, воротился къ рыцарю и объявилъ ему, что Дульцинея ѣдетъ сама къ нему. Вскорѣ дѣйствительно съ нашими героями поровнялись три крестьянки, одну изъ которыхъ Донъ-Кихотъ принялъ за свою красавицу, хотя это была толсторожая, курносая деревенская дѣвка съ рыжими волосами, похожими на что-то вродѣ коровьяго хвоста, и съ выпученными козлиными глазами. Донъ-Кихотъ и оруженосецъ встали передъ ней на колѣни и привѣтствовали ее выспренними фразами, что она, весьма естественно, приняла за насмѣшку и отвѣтила имъ грубой бранью. Сперва это было удивило Донъ-Кихота, но затѣмъ, благодаря своей начитанности, онъ скоро нашелся, рѣшивъ, что волшебникъ, строющій ему козни, нарочно превратилъ этотъ идеалъ красоты въ грубую крестьянку, чтобы тѣмъ насолить благородному рыцарю.

Въ концѣ второй части Донъ-Кихотъ съ оруженосцемъ попадаютъ ко двору герцога (имени котораго Сервантесъ не называетъ). Герцогиня и самъ герцогъ, узнавъ, что они за люди, не преминули надъ ними позабавиться. Одна изъ такихъ шутокъ была поѣздка на деревянномъ конѣ Клавиленѣ. Къ Донъ-Кихоту въ саду въ присутствіи герцога и герцогини явилась какая-то дуэнья и просила рыцаря печальнаго образа освободить ее и ея подругъ отъ чаръ злого волшебника Маламбруно, который по злобѣ надѣлилъ ихъ всѣхъ бородами. Чтобы побѣдить чародѣя и лишить женщинъ ненужной растительности, Донъ-Кихотъ долженъ былъ вмѣстѣ съ своимъ оруженосцемъ Санчо сѣсть на деревяннаго коня и при помощи его подняться въ заоблачныя сферы и тамъ вызвать на бой коварнаго Маламбруно. Рыцарь, безъ сомнѣнія, съ радостью соглашается выполнить столь славный подвигъ и уговариваетъ упиравшагося Санчо. Имъ завязываютъ глаза, сажаютъ на деревянную лошадь и для полноты иллюзіи дуютъ на нихъ раздувальными мѣхами. Въ то время какъ все общество втихомолку покатывалось со смѣху, Донъ-Кихотъ и Санчо, предполагая, что уже полетѣли, вели серьезный разговоръ.

— Санчо,—сказалъ Донъ-Кихотъ, почувствовавъ воздухъ отъ мѣховъ, — мы, безъ сомнѣнія, поднялись теперь во вторую воздушную сферу, гдѣ образуются громъ и молнія, и если мы станемъ подниматься выше и выше, мы скоро достигнемъ, пожалуй, сферы огня. И я, право, не знаю, какъ мнѣ удержать эту пружину, чтобы не подняться туда, гдѣ мы растопимся.

Въ эту самую минуту къ лицу рыцаря и оруженосца подняли на концѣ длинной трости горящую паклю, которую также легко воспламенить, какъ и затушить.

Санчо первый почувствовалъ жаръ.

— Пусть меня повѣсятъ, если мы не поднялись уже въ область огня или, по крайней мѣрѣ, очень близко къ ней, потому что половина

моей бороды уже прогорѣла и я, право, хочу открыть глаза, чтобы посмотрѣть, гдѣ мы теперь.

Чтобы достойно завершить это путешествіе, подъ хвостъ Клавилена положили кусокъ горящей пакли, и такъ какъ внутри коня находились ракеты и петарды, то онъ въ ту же минуту съ страшнымъ трескомъ взлетѣлъ на воздухъ, сбросивъ Донъ-Кихота и Санчо на траву. Очнувшись, Донъ-Кихотъ медленно приподнялся и былъ страшно удивленъ, увидѣвъ себя въ томъ же саду и на томъ же самомъ мѣстѣ, а все знакомое ему общество лежащимъ на землѣ. Но удивленіе его еще больше возросло, когда въ концѣ сада онъ разглядѣлъ воткнутое въ землю копье съ висѣвшимъ на немъ пергаментомъ, на которомъ золотыми буквами было написано, что волшебникъ Маламбруно удовлетворился одной готовностью Донъ-Кихота вступить съ нимъ въ бой и снимаетъ съ бородатыхъ дуэній свои чары.

Въ другой разъ съ ними разыграли еще болѣе невѣроятную шутку. Въ одной изъ комнатъ былъ поставленъ катафалкъ, въ который положили молодую дѣвушку. Эту дѣвушку долженъ воскресить Санчо своей волшебной, сверхъестественной силой. Чтобы возвратить жизнь мнимо-умершей, оруженосцу нужно было только получить двадцать четыре щелчка по носу, двѣнадцать щипковъ въ руку и шесть булавочныхъ уколовъ въ поры. Условіе легко выполнимое, но Санчо и здѣсь не преминулъ предварительно поломаться и не хотѣлъ подставлять свое тѣло побоямъ ради какой-то дѣвчонки, какъ заявлялъ онъ. Въ концѣ концовъ онъ уступилъ настойчивымъ просьбамъ своего господина и хотя съ криками и проклятіями, но перенесъ все: и щелчки, и щипки, и уколы, къ немалому развлеченію публики,

Во второй части сумасбродства Донъ-Кихота достигаютъ высшей точки, но въ концѣ бѣдный рыцарь возвращается домой къ себѣ и здѣсь послѣ тяжкой болезни излечивается отъ своего безумія и умираетъ, произнося проклятіе рыцарскимъ романамъ. Эту вторую часть Сервантесъ видимо спѣшилъ выпускать въ свѣтъ какъ можно скорѣе, такъ какъ на то были причины. Вскорѣ послѣ появленія первой части романа какой-то неизвѣстный писатель, по имени Авельянеда, написалъ и издалъ вторую часть «Донъ-Кихота», въ которой нападаетъ на Сервантеса, разсказываетъ похожденія рыцаря во второй его выѣздъ, а затѣмъ обѣщаетъ дать третью часть. Вотъ это-то и побудило Сервантеса какъ можно скорѣе напечатать свою вторую часть съ нѣкоторыми измѣненіями отъ первоначальнаго плана. Несмотря на то, что вторая часть Авельянеды очень слаба (авторъ, между прочимъ, упрятываетъ Донъ-Кихота въ желтый домъ), Сервантесъ все же опасался конкуренціи и не желалъ понести убытокъ.

Въ обѣихъ частяхъ своего романа Сервантесъ обнаруживаетъ съ особенной ясностью свое геніальное дарованіе въ обрисовкѣ характеровъ героевъ. Донъ-Кихотъ и Санчо—главныя дѣйствующія лица его

романа, и онъ по мѣрѣ возможности держитъ ихъ всегда на первомъ планѣ. Подвигаясь постепенно впередъ, Сервантесъ все больше и больше привязывается сердцемъ къ своимъ героямъ и они, видимо, не только интересуютъ его, но и пользуются его любовью. Рыцарь, который первоначально долженъ былъ явиться карикатурой на различныхъ Амадисовъ, Тристановъ, Роландовъ и пр., мало-по-малу изъ пародіи превращается въ живое лицо съ самобытнымъ симпатичнымъ характеромъ. У него оказывается столько истинной деликатности, столько беззавѣтной преданности, такой запасъ самоотверженной любви ко всему прекрасному и доброму, что читатель проникается къ нему почти такой же любовью, какъ и его друзья, священникъ и цырульникъ, и печалится при его кончинѣ не менѣе, чѣмъ его близкіе.

Такому же если не большему превращенію подвергается и характеръ Санчо. Вначалѣ онъ вводится въ романъ, какъ прямая противоположность Донъ-Кихота, съ единственнымъ намѣреніемъ оттѣнять еще больше странности и поэтическій бредъ своего господина. Въ половинѣ же первой части мы встрѣчаемъ въ его рѣчи первую пословицу, послѣ которой онъ уже не перестаетъ уснащивать свою рѣчь всевозможными поговорками и пословицами, составляющими главную и наиболѣе комичную часть его разговора; далѣе, когда Санчо выступаетъ въ роли губернатора, являясь въ одно и то же время смѣлымъ и легковѣрнымъ, характеръ его выливается въ окончательную форму. Этимъ романомъ какъ нельзя лучше оправдываются слова Гейне, который говоритъ, что перо генія захватываетъ всегда шире, чѣмъ предполагаетъ рука.

Сервантесъ въ продолженіе писанія своего романа сжился со своими героями, полюбилъ ихъ и началъ обращаться съ ними съ такой серьезностью и заботливостью, которыя много способствуютъ иллюзіи читателя. И Донъ-Кихотъ, и Санчо являются передъ нами до того реальными личностями, что образы помѣшаннаго, худого, какъ щепка, но проникнутаго собственнымъ достоинствомъ рыцаря и жирненькаго, маленькаго, эгоистичнаго, плутовато-хитраго оруженосца Санчо до сихъ поръ живутъ въ воображеніи всѣхъ сословій христіанскаго міра болѣе, чѣмъ какое-либо другое созданіе человѣческаго генія. Великія творенія Гомера, Гейне, Данта, Шекспира, Мильтона, можетъ быть, затрогивали сильнѣе благородныя струны человѣческаго сердца, парили выше, но Сервантесъ, творя подъ непосредственнымъ побужденіемъ своего генія и перенося безсознательно характерныя черты своей націи, сталъ ближе, родственнѣе всѣмъ народамъ всѣхъ временъ, стоящимъ какъ на самыхъ низкихъ, такъ и на самыхъ высокихъ ступеняхъ составной лѣстницы, и поэтому больше чѣмъ всякій другой писатель привлекаетъ симпатіи и удивленіе всего человѣчества.

ГЛАВА XV.

Карикатура въ эпоху Возрожденія и Реформаціи.

Сатирическія нападки народа и писателей на королей, папъ, женщинъ.—Пасквиль.—Первыя карикатуры —Карикатуры Лютера на папу.—Карикатуры на Лютера.

Задолго до того времени, когда художники стали примѣнять свое искусство и талантъ для высмѣиванія людскихъ пороковъ и недостатковъ, писатели и прежде всего драматурги уже казнили ихъ со сцены. Въ царствованіе Людовика XII актеры часто прохаживались насчетъ склонности къ экономіи Людовика, доходившей до скряжничества, и потѣшались надъ его ссорой съ римскимъ дворомъ. Дерзкія выходки драматурговъ и актеровъ, однако, мало смущали короля, и на предложенія своихъ приближенныхъ примѣрно наказать насмѣшниковъ онъ говаривалъ одно: «Пусть ихъ забавляются, лишь бы они не затрогивали чести дамъ. Меня ихъ выходки нисколько не сердятъ и я хочу, чтобы потомки знали, что въ мое время свобода выраженій не притѣснялась».

При Францискѣ I многіе поэты позволяли себѣ вслухъ дурно отзываться объ образѣ жизни и правленіи этого рыцаря-короля. Эразмъ въ «Похвалѣ глупости» жестоко нападалъ на царственныхъ особъ и, тѣмъ не менѣе, не только не навлекъ на себя наказанія, но еще получилъ приглашеніе во Францію въ новооткрытый College de France профессоромъ. Но больше всѣхъ отличался на этомъ поприщѣ Франсуа Рабле; изъ его романа «Гаргантюа и Пантагрюель» мы могли бы привести десятки самыхъ нелестныхъ отзывовъ о короляхъ, но ограничимся для примѣра только однимъ: «Эти черти-короли,—говоритъ Панургъ,—просто телята ничего не стоющіе и не знающіе, за исключеніемъ развѣ только какъ дѣлать всякія непріятности своимъ подданнымъ да мутить весь міръ войнами, единственно ради собственнаго увеселенія».

Иногда послѣ какой-нибудь незаконной выходки короля къ писателямъ присоединялся и народъ и публично, подъ видомъ какой-нибудь аллегорической процессіи, высказывалъ свое неудовольствіе. Въ эпоху Возрожденія, когда сатира достигла наивысшаго процвѣтанія, подобныя сатирическія процессіи устраивались довольно часто. Объ одной изъ нихъ разсказываетъ въ своей хроникѣ Франсуа де-Бонниваръ.

Францискъ I, по словамъ этого хроникера, всю жизнь, отъ колыбели и до могилы, обожавшій женщинъ и тратившій на нихъ громадныя деньги, часто, чтобъ вознаградить ту или другую любовницу, опустошалъ до дна государственную кассу. Однажды, за неимѣніемъ въ наличности денегъ, ему пришлось отказать тысячу двѣсти солдатъ, не уплативъ имъ жалованья. Вскорѣ послѣ этого случая базошскіе клерки устроили слѣдующую процессію.

Выстрогавъ изъ дерева громадныхъ размѣровъ мужской органъ и прицѣпивъ къ телѣгѣ, они повезли его по улицамъ, безпрерывно нахлестывая кнутомъ. Встрѣчные останавливались и спрашивали: «Кому принадлежитъ онъ и отчего съ нимъ такъ дурно обходятся?».—«Онъ принадлежитъ королю и заслуживаетъ еще большаго наказанія»,

отвѣчали везущіе. «Что же онъ такое сдѣлалъ? Можетъ быть, растлилъ свою кузину?», задавали вопросъ прохожіе. «Много хуже».—«Ну, такъ, можетъ, онъ изнасиловалъ свою сестру?»—«Хуже!»—«Мать?»—«Еще хуже!»—«Какое же ужасное преступленіе совершилъ онъ?», спрашивалъ народъ. «Онъ изнасиловалъ тысячу двѣсти солдатъ», отвѣчали въ заключеніе клерки.

Хотя, какъ мы говорили, Людовикъ XII требовалъ, чтобы никто не затрогивалъ чести женщинъ, но его слова, вѣроятно, пропустили мимо ушей, иначе какъ объяснить цѣлую массу книгъ, относящихся къ тому времени и трактующихъ о женщинахъ, объ ихъ порокахъ и любовныхъ интригахъ, объ ихъ химерической супружеской вѣрности, объ ихъ туалетахъ, кокетствѣ и пр.; хроникеры, поэты, сатирики, беллетристы XV и XVI вѣковъ—всѣ пишутъ о женщинахъ, и только художники оставляютъ въ покоѣ эту тему или довольствуются тѣмъ, что иллюстрируютъ мысль поэта. Такъ, на заглавномъ листѣ сатирической книги о женщинахъ «Les quinze joies de mariage» (пятнадцать радостей супружеской жизни) помѣщенъ рисунокъ, изображающій нѣсколько дураковъ, плавающихъ вокругъ верши, внутри которой находится женщина. Плавающіе дураки идутъ на приманку и другъ за другомъ попадаютъ въ вершу.

Эта виньетка имѣла большой успѣхъ и была помѣщена еще въ другой книгѣ, въ такъ называемей «Книгѣ друзей» (Le livre des amis), изданной въ XVI вѣкѣ и представляющей изъ себя любопытный сборникъ всевозможныхъ карикатуръ на женщинъ. Между прочимъ, тамъ имѣется интересный рисунокъ, изображающій охоту женщинъ на мужчинъ. Двѣ женщины, разстеливъ по землѣ сѣти, мирно сидятъ въ своей хижинѣ. Вокругъ сѣти поставлены клѣтки, изъ которыхъ видны женскія головы. Господинъ среднихъ лѣтъ, молодой человѣкъ и дуракъ уже запутались въ сѣтяхъ, а двое другихъ мужчинъ, изъ которыхъ одинъ монахъ, сидя на сосѣднихъ деревьяхъ, еще противостоятъ искушенію. Подъ рисункомъ надпись: «Sic Venus a tota gente tributa petit». Среди другихъ рисунковъ выдается еще одинъ, на которомъ представленъ согбенный мужчина, несущій прялку, въ то время какъ его жена съ удобствомъ расположилась у него на спинѣ.

До появленія Лютера и реформаторовъ, приготовившихъ ему путь во Франціи и Германіи, раздавались жалобы на духовенство и папу. Возставали трубадуры, иногда монахи, и голоса эти, наконецъ, стали раздаваться въ самой Италіи, въ Римѣ, и, несмотря на суровыя мѣры, принимаемыя духовенствомъ противъ такихъ еретиковъ, папскій престолъ не переставалъ служить цѣлью самыхъ жестокихъ нападокъ.

Портной по имени Пасквиль или Пасквинъ въ XIV вѣкѣ не побоялся критиковать дѣла и поступки папы, кардиналовъ, прелатовъ и другихъ высокопоставленныхъ особъ. Благодаря своему ѣдкому остроумію, онъ скоро достигъ популярности и на него смотрѣли, какъ на второго Діогена. Когда онъ умеръ, близъ его дома найденъ былъ обломокъ какой-то античной статуи, которую народъ поставилъ передъ дворцомъ Памфилія и сталъ называть его Пасквилемъ. Послѣ него другіе поэты и придворные выпускали свои сатиры подъ этимъ популярнымъ именемъ. Пасквиль писалъ свои памфлеты простымъ народнымъ языкомъ. Ему старались подражать, и послѣ его смерти памфлеты,

написанные на статую, получили названіе пасквилей. Это въ концѣ концовъ вывело изъ себя папу Адріена VI, и, чтобы разъ навсегда покончить со всѣми памфлетистами, онъ приказалъ утопить статую въ Тибрѣ. «Какъ это можно допустить,—говорилъ онъ,—чтобы въ городѣ, гдѣ каждому я имѣю право запечатать уста навсегда, я не могъ бы заставить молчать нѣмую статую, кусокъ мрамора?»—«Если мы утопимъ Пасквиля, то онъ станетъ кричать еще сильнѣе,—отвѣтилъ папѣ одинъ изъ его приближенныхъ,—если же его сжечь, то поэты подобьютъ народъ собираться каждый годъ на то мѣсто, чтобы почтить память сожженнаго и поносить того, кто отдалъ этотъ, по ихъ мнѣнію, безчеловѣчный приказъ». Такимъ образомъ, Пасквиль избѣгъ Тибра и еще долго продолжалъ высмѣивать папъ.

Карикатура въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ теперь, началась во Франціи въ концѣ XV вѣка, если только одинъ экземпляръ можетъ считаться за авангардъ арміи гравюръ, появившихся во время Реформаціи. Эта первая ласточка знатоками относится къ 1499 году и называется «Закулисная игра швейцарцевъ». Въ ней въ лицахъ представленъ важный вопросъ о завоеваніи неаполитанскаго королевства. На рисункѣ Людовикъ XII, Генрихъ VII, король англійскій, папа Александръ VI, венеціанскій дожъ, Маргарита и швейцарцы играютъ въ карты. Швейцарцы, поддерживаемые Нидерландами и Англіей, объявили, что помѣшаютъ Людовику въ его предпріятіи, однако, на дѣлѣ не оказали никакого серьезнаго сопротивленія.

Карикатура довольно холодно изображаетъ заинтересованныхъ игрою лицъ. Вся соль собственно, заключается въ ихъ положеніи. Король Людовикъ XII, положивъ карты на столъ, объявляетъ, что у него козыри, швейцарецъ и дожъ, какъ бы признавая за нимъ выигрышъ, кладутъ точно также свои. Вокругъ стола толпятся другія лица, тоже заинтересованныя игрою. На правой сторонѣ рисунка король Генрихъ VII разсуждаетъ о чемъ-то съ королемъ Испаніи, а папа, союзникъ Людовика, недовѣрчиво заглядываетъ ему въ карты. Въ общемъ карикатура исполнена тускло и сильно смахиваетъ на обойный рисунокъ въ нашихъ современныхъ квартирахъ.

Въ концѣ XVI столѣтія карикатура начинаетъ быстро развиваться. Художники уже не довольствуются сатирическими рисунками на заглавныхъ листахъ разныхъ сочиненій и издаютъ карикатуры самостоятельно. Къ этому времени относится сборникъ Екатерины Медичи, хранящійся въ національной французской библіотекѣ. Въ этомъ сборникѣ заключается приблизительно все, что болѣе или менѣе можетъ быть названо карикатурой. Тутъ и пословицы въ лицахъ, и пороки, насмѣшки надъ духовенствомъ и аллегорическія изображенія несчастія человѣка: смерть, война, бѣдность и, главнымъ образомъ, женщина. Одна изъ лучшихъ карикатуръ этого сборника представляетъ какъ бы иллюстрацію къ Грибоѣдовскому стиху: «Какъ не порадѣть родному человѣчку». Какой-то принцъ, сидя передъ своей палаткой, выдуваетъ изъ рога осла въ одеждѣ прелата; подъ рисункомъ подпись: «Я—оселъ, возвышающійся благодаря доброжелательству сильныхъ». На второмъ планѣ видны другіе крылатые ослы въ разныхъ священническихъ одѣяніяхъ. Не станемъ приводить описанія другихъ карикатуръ, такъ какъ безъ рисунковъ онѣ не могутъ быть интересны, скажемъ только, что

въ тотъ вѣкъ при полной свободѣ говорить и писать обо всемъ, наряду съ нѣсколькими остроумными карикатурами на то или другое историческое событіе, появлялась куча всякаго хлама, которая подъ своей массой нерѣдко погребала настоящіе шедёвры.

Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ рисунковъ XVI вѣка было символическое изображеніе колеса Фортуны. Въ своемъ постоянномъ вращеніи оно первыхъ дѣлаетъ послѣдними и то поднимаетъ на вершину счастья, то низвергаетъ въ бездну. Эта тема, варьируемая на разные лады, переходила изъ вѣка въ вѣкъ и довольно часто встрѣчается даже и въ наше время. Наиболѣе древній экземпляръ, дошедшій до насъ, относится къ 1525 году; онъ былъ изданъ въ Германіи для поддержки мужества крестьянъ при ихъ распряхъ съ феодальными баронами. Когда разразилась религіозная революція, колесо Фортуны особенно часто изображалось въ заголовкѣ разныхъ памфлетовъ. Наверху колеса въ подобныхъ случаяхъ рисовались фигуры крестьянъ или «вѣрныхъ христіанъ», какъ они называли себя, внизу же романисты, т. е. партизаны Рима, или софисты. Подъ рисункомъ обыкновенно помѣщались зажигательныя или угрожающія надписи. Страсти третьяго сословія разгулялись въ это время, что называется, во всю и грозили уже соціальной революціей, такъ что самому Лютеру, главному руководителю народа, пришлось сдерживать народныя массы отъ возстанія. Лютера занимала религіозная реформа, коммунистическія же идеи мужиковъ его пугали. Отлично зная, какъ медленно движется колесо Фортуны и что потребуются цѣлые вѣка, чтобы уравнять бѣднаго съ богатымъ, великій реформаторъ выказалъ себя радикаломъ только относительно Рима.

Противъ этого города и его священной главы Лютеръ пустилъ въ ходъ всѣ средства и, главнымъ образомъ, насмѣшки. Здѣсь-то во время этой борьбы поняли, какимъ сильнымъ оружіемъ можетъ быть карикатура въ рукахъ ловкаго борца. До этой эпохи карикатура находилась въ зачаточномъ состояніи. Римъ, самъ того не желая, вызвалъ ее къ жизни и надломилъ въ борьбѣ съ нею свое могущество.

Въ римской церкви карикатура нашла себѣ достойнаго врага. Когда Лютеръ съ приверженцами открыто поднялся противъ папы, Германія, Франція, Англія и Италія раздѣлились на два враждующіе лагеря: католиковъ и протестантовъ, которые награждали другъ друга такой отборной бранью, выливали на голову враговъ столько всякой грязи, что даже странно кажется, какъ это правительство не приняло мѣръ къ обузданію расходившихся теологовъ. Смыслъ многихъ карикатуръ того времени довольно теменъ, хотя сюжеты и повторяются; обыкновенно рисунки сопровождали въ видѣ иллюстрацій разные памфлеты и только въ рѣдкихъ случаяхъ печатались отдѣльно. Къ первому разряду относится «Римская Папка», памфлетъ англійскаго происхожденія. На обложкѣ его, раздѣленной на нѣсколько частей, въ одной представленъ «Римскій птицеловъ», разстилающій сѣти, чтобы уловить въ нихъ протестантовъ и враговъ Рима, въ другой части изображена «Римская печь», въ которую монахи бросаютъ дрова, чтобы сжечь принцевъ и дворянъ, держащихъ сторону Лютера. Но самой интересной карикатурой должно признать «Римское зачатіе», изображающее папу въ родильныхъ мукахъ, окруженнаго кардиналами и священниками, которые ждутъ счастливаго разрѣшенія отъ бремени своего духовнаго отца, готовые еже-

минутно воспринять имѣющіе родиться громы Ватикана. Эта гравюра, благодаря оригинальному сюжету, не разъ перепечатывалась и вызывала подражанія.

Такого же рода карикатуры были изданы въ Виртембергѣ Лютеромъ въ 1545 году. На нихъ было изображено, какъ дьяволъ выводитъ на свѣтъ папу и кардиналовъ. «Вотъ рожденіе антихриста»—объявляла подпись. Мегера кормитъ маленькаго папу своею грудью, ея подруга Алекто его убаюкиваетъ, а Тизифона водитъ на помочахъ. На другомъ рисункѣ папа ставитъ ногу на голову распростертаго передъ нимъ Генриха II. «Что Богъ установилъ и повелѣлъ уважать, святой отецъ топчетъ въ прахъ», говоритъ подпись подъ гравюрой.

Интересна также гравюра на заглавномъ листѣ «Поэмы о волкѣ». На ней представлены всѣ члены католическаго духовенства во главѣ съ папой съ волчьей физіономіей, занятые ловлей въ свои сѣти коронованныхъ гусей. Сатира рисунка ясна и гораздо остроумнѣе, чѣмъ содержаніе поэмы.

Въ 1523 году появился памфлетъ, украшенный странной фигурой, похожей на ярморочное чудовище. Ослица, покрытая чешуей, наполовину женщина, наполовину животное, протягивала впередъ двѣ руки, изъ которыхъ одна похожа на слоновою лапу, другая—на руку мужчины; ноги этого чудища тоже были разнокалиберны: одна оканчивалась копытомъ, другая—пѣтушьей ногой. Этотъ сложный феноменъ—продуктъ той эпохи, когда граверы постоянно боялись, что ихъ не поймутъ, и лишними деталями, вмѣсто того чтобы уяснить, еще болѣе затемняли главную идею рисунка.

Гравюра эта была исполнена по заказу М. Лютера и онъ же, по всей вѣроятности, при помощи друга своего Меланхтона сдѣлалъ ея первый набросокъ. Къ рисунку было приложено довольно пространное объясненіе. Голова осла на тѣлѣ женщины, говорится въ объясненіи, такъ же не подходитъ, какъ не подходитъ къ церкви папа, который глава этой церкви, и какъ мозгъ осла разнится отъ мозга человѣка, такъ доктрины папы разнятся отъ тезисовъ церкви.

Правая рука, похожая на лапу слона, показываетъ, что папа губитъ боязливыхъ и слабыхъ; лѣвая же рука означаетъ его временное могу-

щество; онъ поступилъ противъ заповѣди Христа и сталъ повелѣвать князьями и царями. Никто столько не проливалъ крови и не велъ войнъ, какъ папа; занятый мірскими дѣлами, онъ покинулъ церковь и забылъ святое ученіе.

Правая нога съ бычачьимъ копытомъ означаетъ его духовный авторитетъ, которымъ онъ пользуется, чтобы губить чужія души; лѣвая же, похожая на лапу грифа, намекаетъ на его гражданскій авторитетъ: какъ грифъ, разъ схвативъ что-либо рѣдко выпускаетъ изъ своихъ когтей, точно также и приспѣшники папы, отнявъ при помощи пушекъ богатства всей Европы, удерживаютъ ихъ у себя и никому не отдадутъ назадъ.

Женское туловище означаетъ свиту кардиналовъ, прелатовъ и прочихъ, которые только и дѣлаютъ что пьютъ, ѣдятъ и развратничаютъ.

Чешуя аллегорически представляетъ мірскихъ князей и сеньоровъ: они, какъ чешуя, крѣпко прилегаютъ къ папству. Голова старика показываетъ ветхость и близкое паденіе папства, а драконъ, служащій продолженіемъ головы,—угрозы, отлученія и проклятія, посылаемыя духовенствомъ, чувствующимъ, что скоро имъ придется распрощаться съ земнымъ владычествомъ.

Этотъ комментарій, хотя и сокращенный нами, нѣсколько длиненъ, но иначе гравюра не была бы понятна. Въ заголовкѣ ея сказано, что она найдена Лютеромъ и Меланхтономъ, и это совершенная правда. Въ англійскомъ музеѣ до сихъ поръ хранится единственный экземпляръ, послужившій прообразомъ для воспроизведеннаго нами рисунка. Этотъ рисунокъ принадлежалъ карандашу извѣстнаго въ концѣ XV столѣтія художника Венцеслава Ольмютца и относится къ 1497 году. Карикатура Лютера является копіей его съ самыми незначительными измѣненіями. Такое пользованіе чужими идеями и сюжетами рисунковъ было весьма распространено во время Ренессанса, и изучая внимательно сатириковъ того времени, то-и-дѣло натыкаешься на заимствованія одного писателя у другого, а художники стѣснялись въ этомъ смыслѣ еще меньше и чужое клише выдавали за свою собственную композицію.

Лютеръ, пуская карикатуру противъ папы, скоро долженъ былъ узнать, что это оружіе обоюдоострое, такъ какъ римскій дворъ отъ нападокъ началъ отбиваться тѣмъ же самымъ.

13 іюня 1525 года Лютеръ женился на молодой монахинѣ Екатеринѣ Бора. Противники осыпали въ продолженіе полугода этотъ бракъ цѣлымъ дождемъ насмѣшекъ. Памфлеты породили карикатуры, карикатуры—пѣсни. Къ этому времени относится карикатура, представляющая великаго реформатора съ его женой и собаченкой. Въ одной рукѣ Лютеръ держитъ папскую тіару опрокинутой книзу дномъ и

выставленную впередъ какъ бы для сбора подаяній, другой толкаетъ тележку, на которой покоится его животъ. На спинѣ у него помѣщается ящикъ, нагруженный людьми всѣхъ сословій, вѣроятно, его приверженцами. Его жена слѣдуетъ за нимъ, держа на рукахъ новорожденнаго младенца, за спиной же у нея болтается большая книга, должно быть, Библія. Молодые супруги идутъ проповѣдывать въ новообращенныя страны.

Въ одной изъ книгъ того времени «Centuries» помѣщено нѣсколько интересныхъ карикатуръ на Лютера. Такъ, одна изображаетъ Лютера и его жену Екатерину, слушающихъ дьявола, наставляющаго ихъ, какъ нужно служить мессу.

Докторъ Конрадъ Вимпфинъ напечаталъ во Франкфуртѣ цѣлую коллекцію карикатуръ на Лютера. Здѣсь и спальня Лютера, и пляска монаха и монахини, и первая брачная ночь ихъ, и пр., и пр.

— Пусть свиньи хрюкаютъ, сколько имъ будетъ угодно,—говорилъ Лютеръ о памфлетахъ своихъ противниковъ.

Защитники церкви жестоко насмѣхались надъ Екатериной Бора и въ этомъ случаѣ не походили на реформатора, всегда очень сдержанно отзывавшагося о женщинахъ. «Тотъ, кто оскорбляетъ женщинъ,—писалъ онъ своему другу,—никогда ничего не достигнетъ: онѣ рожаютъ намъ дѣтей и ими держатся семья и государство. Кто презираетъ ихъ, презираетъ Бога и людей».

Протестанты, не довольствуясь гравюрами, довольно часто чеканили разныя сатирическія медали, оскорбляющія папу; католики стали въ свою очередь дѣлать то же самое, изображая то Лютера, то Кальвина въ видѣ дьявола или съ дурацкимъ колпакомъ на головѣ. Эти медали ввели въ курьезное недоумѣніе одного французскаго ученаго нумизматика Жобена, писавшаго исторію медалей. При видѣ этихъ безсмысленныхъ, на его взглядъ, медалей, онъ всталъ втупикъ и не зналъ, къ какому разряду ихъ отнести. Бѣдный ученый, погруженный въ свои медали, никогда не слыхалъ о враждѣ католиковъ и протестантовъ.

Реформаторы-памфлетисты, кромѣ серьезныхъ, имѣющихъ глубокій символическій смыслъ гравюръ, выпускали множество разныхъ рисунковъ ради одного издѣвательства, въ которыхъ осыпали папу и князей церкви грубой бранью, призывая на нихъ чуму, моровую язву, смерть отъ разврата и прочія подобныя удовольствія. Защитники католицизма защищались не менѣе яростно, и чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только просмотрѣть «Происхожденіе и гибель гугеноговъ», сочиненіе Габріеля Законэ, архидіакона ліонской церкви. Гугеноты раздѣлены имъ на нѣсколько родовъ *): одни, какъ Лютеръ, представлены съ собачьими головами, другіе—съ волчьими, какъ, напримѣръ, Кальвинъ, а нѣкоторые изображены не то лисицами, не то обезьянами.

Большинство карикатуръ и памфлетовъ противъ протестантовъ выпускалось изъ Ліона, особенно приверженнаго къ католицизму. Въ 1562 году сектанты не выдержали насмѣшекъ и подъ предводительствомъ барона Адрэ произвели нападеніе на Ліонъ. Ліонскіе ма-

---

*) Предполагаютъ, что слово huguenot произошло отъ guenau—названіе породы обезьянъ.

нускрипты содержатъ много интересныхъ подробностей, касающихся гражданскихъ и религіозныхъ войнъ, разрывавшихъ Францію на части во время правленія сыновей Екатерины Медичи. На нѣкоторыхъ ліонскихъ изданіяхъ реформаціонной эпохи красуются изображенія сектантовъ, по большей части съ обезьяними физіономіями. Къ Лютеру еще во Франціи относились довольно равнодушно, но зато на Кальвина и его приверженцевъ карикатуры и насмѣшки сыпались дождемъ.

До сихъ поръ въ Тулузѣ въ церкви св. Серпэна можно видѣть барельефъ, посвященный Кальвину. Барельефъ изображаетъ троихъ какихъ-то мужчинъ, созерцающихъ свинью, сидящую на проповѣдническомъ креслѣ. Въ положеніи группы людей, изъ которыхъ одинъ стоитъ колѣнопреклоненный съ книгой въ рукахъ, и въ утрированно-важномъ видѣ проповѣдующей свиньи чувствуется сатирическое намѣреніе художника; подпись же еще болѣе укрѣпляетъ въ этомъ мнѣніи: «Кальвинъ свинья»—подписано подъ барельефомъ.

По какому случаю и когда устроили этотъ барельефъ?—возникаетъ вопросъ. На это даетъ отвѣтъ исторія самой церкви. Въ Тулузѣ въ прежнія времена ежегодно праздновали день освобожденія церквей изъ рукъ еретиковъ, то есть реформаторовъ, которые до 1562 года владѣли всѣми церквами этого города и совершали въ нихъ свои мессы. Торжествуя побѣду, католики, безъ сомнѣнія, захотѣли ознаменовать это событіе чѣмъ-нибудь непріятнымъ для кальвинистовъ и заказали мѣстному скульптору этотъ обидный для протестантовъ барельефъ.

Такого сорта памятники въ настоящее время съ большимъ вниманіемъ изучаются археологами, такъ какъ нерѣдко одинъ какой-нибудь барельефъ или орнаментъ освѣщаетъ эпоху религіозной вражды гораздо ярче, чѣмъ цѣлый историческій трактатъ.

Книга вторая.

Классическій періодъ литературы въ Европѣ.

ГЛАВА I.

Поль Скарронъ, Сирано де-Бержеракъ и Мольеръ.

Характеристика XVII и XVIII вѣковъ.—Шуточная поэзія.—Жизнь Скаррона и его произведенія.—Сирано де-Бержеракъ.—Его «Путешествія на луну и солнце».—Комическій геній Мольера.

XVII и XVIII столѣтія были наиболѣе блестящими въ Европѣ. Каждая нація, за исключеніемъ только Россіи и Италіи, дала лучшихъ писателей, образцовыя, геніальныя произведенія которыхъ считаются

до сихъ поръ классическими. Разумъ въ періодъ Ренессанса глубоко погрузился въ античную поэзію и, уловивъ ея духъ, понявъ ея идеалы и стремленія, вынырнулъ обновленнымъ и лишеннымъ всякой схоластической рутины. Время подражаній прошло и съ XVII вѣка начинается главнымъ образомъ эпоха національнаго творчества. До того времени произведенія, носившія національный отпечатокъ, являлись исключеніями; въ XVII вѣкѣ, наоборотъ, даже подражанія греческимъ и римскимъ классикамъ не могутъ избѣжать его и старанія авторовъ придать своимъ твореніямъ древній характеръ остаются тщетными. Всѣ герои Корнеля, Расина, несмотря на переодѣваніе ихъ въ античныя тоги, несмотря на ихъ античныя же имена, походятъ больше на французскихъ придворныхъ, чѣмъ на грековъ и римлянъ. Даже Шекспиру, великому Шекспиру въ «Смерти Юлія Цезаря» и въ «Коріоланѣ» не удалось изобразить римской толпы и изъ-за плечъ каждаго гражданина Вѣчнаго города, толкущагося на Форумѣ, выглядываетъ серьезный лондонскій житель и вѣрный подданный ея величества королевы Елизаветы.

Языкъ въ XVII вѣкѣ у каждой страны достигаетъ своего полнаго развитія, составляются грамматики и синтаксисы, обогащаютъ лексиконъ изобрѣтеніемъ новыхъ словъ, усовершенствованіемъ старыхъ и, наконецъ, обращаются къ народу, учатся и заимствуютъ у него не только отдѣльныя слова, но цѣлые обороты и выраженія, какъ это дѣлалъ Малэрбъ, ходившій нарочно для этого на Гревскую площадь, гдѣ прислушивался къ говору крючниковъ. Зато позднѣйшіе писатели уже все рѣже и рѣже прибѣгали къ латинскому языку, когда желали что-либо повѣдать міру, родной языкъ сталъ настолько богатъ, что на немъ можно было выразить ясно и опредѣленно каждую мысль.

Естественно, что литература, становясь національнѣе, должна была заинтересовать всѣ классы общества, сдѣлаться всеобщимъ достояніемъ. Поэтому XVII вѣкъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ обществѣ, до высшихъ слоевъ включительно, пробуждается интересъ къ литературѣ гораздо интенсивнѣе, чѣмъ когда-либо до того времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ является любопытство познакомиться поближе съ самими писателями. Для удовлетворенія послѣдняго нѣкоторыя лица изъ высшаго круга открываютъ двери своихъ салоновъ для талантливыхъ поэтовъ и знаменитыхъ ученыхъ. Во Франціи эта мода принимать у себя литературныхъ знаменитостей распространилась очень широко. Особенно блисталъ именами отель Рамбулье, хозяйка котораго соединила въ своихъ салонахъ все, что было въ Парижѣ знатнаго, талантливаго и остроумнаго. Здѣсь аристократія ума въ первый разъ столкнулась съ родовой аристократіей, и изъ искры, вылетѣвшей отъ этого столкновенія, черезъ сто лѣтъ образовался пожаръ революціи.

На первыхъ порахъ, конечно, писателей только терпѣли среди аристократическихъ салоновъ, но скоро картина измѣнилась. Бѣдный поэтъ-калѣка началъ собирать гостей у себя и, благодаря своему неисчерпаемому юмору, благодаря блестящей красотѣ своей жены, привлекъ въ свои апартаменты не только всѣхъ собратьевъ-писателей, но и всю знать. На его вечера буквально собирался «весь Парижъ», т. е. все, что было въ немъ выдающагося и знатнаго. Графы, маркизы, вліятельные сановники считали за честь получить приглашеніе въ

отель Труа, гдѣ проживалъ, не сходя весь вѣкъ съ кресла, знаменитый поэтъ, принцъ шутки, несчастный калѣка Поль Скарронъ.

Рѣдко кто изъ писателей достигалъ при жизни такой популярности, пользовался такимъ успѣхомъ, какъ только-что названный поэтъ. Онъ сдѣлалъ эпоху во французской литературѣ, ввелъ въ нее новый неизвѣстный дотолѣ родъ поэзіи, написалъ въ этомъ новомъ родѣ нѣсколько образцовыхъ произведеній и сталъ идоломъ парижанъ.

Сынъ чиновника средняго достоинства и достатка, Поль Скарронъ *) прославился тремя «качествами»: перенесъ изъ Италіи новый жанръ поэзіи, извѣстной подъ именемъ «poesie burlesque» (шуточная поэзія), имѣлъ красавицу жену, ставшую впослѣдствіи негласной женой Людовика XIV, знаменитую г-жу де-Ментенонъ, и въ-третьихъ, съ молодыхъ лѣтъ былъ разбитъ параличомъ и страдалъ ревматизмомъ въ такой степени, что всю жизнь не могъ двигаться безъ посторонней помощи.

Несмотря на почти непрерывныя физическія страданія, Скарронъ оставилъ послѣ себя произведенія, могущія по своему высокому комизму состязаться съ шедеврами всемірной литературы. Въ этихъ произведеніяхъ нѣтъ, положимъ, ничего глубокаго, ничего, что напоминало бы тенденцію, но зато они такъ веселы, такъ полны комичныхъ мѣстъ, что читателю не приходится скучать.

Уже первая его шуточная поэма «Тифонъ» доставила ему славу, которая затѣмъ разросталась съ каждымъ новымъ твореніемъ. Сюжетъ этой поэмы несложенъ. Гигантъ Тифонъ, играя въ мячъ, закидываетъ его нечаянно на небеса и разбиваетъ имъ въ буфетѣ на Олимпѣ столовую посуду. Боги возмущаются дерзостью великана, и посовѣтовавшись другъ съ другомъ, затѣваютъ войну. Но гиганты даютъ такой отпоръ богамъ, что тѣ, терпя пораженіе за пораженіемъ, обращаются въ бѣгство и только при помощи Геркулеса побѣждаютъ, наконецъ, отважныхъ смертныхъ. На этой простой канвѣ Скарронъ расшилъ живописные, оригинальные узоры. Прежде всего, слѣдуя греческимъ вѣрованіямъ, что боги не чужды ничему человѣческому, онъ наградилъ ихъ новыми характеристиками. Его Юпитеръ напоминаетъ опереточнаго бога. Это старый волокита, въ спокойное время потихоньку отъ жены высматривающій черезъ окно на землю, не пройдетъ ли гдѣ-нибудь хорошенькая смертная, съ которой можно было бы позабавиться; въ минуты гнѣва онъ заряжаетъ ветхую пищаль и шлетъ на землю громъ и молнію. Супруга его Юнона изображена въ поэмѣ ревнивой, подозрительной женщиной, потерявшей стыдъ и совѣсть и вѣчно готовой сцѣпиться на словахъ съ кѣмъ-нибудь изъ небожителей; къ этому нужно прибавить, что она держитъ мужа въ полномъ у себя повиновеніи, т. е., выражаясь фигурально, подъ башмакомъ. Остальные боги не лучше: Нептунъ—круглый чванливый дуракъ, большой пустомеля и хвастунъ, Бахусъ, какъ и слѣдуетъ ожидать,—пьяница и обжора, Меркурій—жуликъ и пройдоха.

Разбитые на голову боги торопятся убѣжать съ поля сраженія и превращаются въ разныхъ животныхъ: Юпитеръ обращается въ барана, Юнона—въ корову, Аполлонъ—въ ворону, Бахусъ—въ козла,

*) Родился въ 1610 году, умеръ въ 1660 г.

Марсъ—въ зайца и т. д. Венера не въ состояніи поспѣть за этимъ стадомъ разнообразныхъ животныхъ и въ полномъ изнеможеніи падаетъ на траву около дороги. Меркурій, видя ея безпомощность, жалѣетъ ее и снимаетъ съ нея драгоцѣнное жемчужное ожерелье, чтобы затѣмъ продать въ Мемфисѣ еврею Исааку. Богъ мошенничества и торговли и тутъ вѣренъ самому себѣ. Повстрѣчавшись съ Геркулесомъ, вся компанія проситъ у него заступничества и, подхрабриваемая имъ, снова нападаетъ на гигантовъ и побѣждаетъ ихъ. Въ концѣ поэмы Скарронъ изъ всей этой смѣшной чепухи выводитъ серьезную мораль на тему, что всякое беззаконное возстаніе будетъ наказано и справедливость восторжествуетъ.

Успѣхъ поэмы былъ громадный и заставилъ Скаррона продолжать и дальше въ томъ же духѣ.

Въ результатѣ появилась передѣлка или, вѣрнѣе, пародія «Энеиды» Виргилія. Такая передѣлка существуетъ и на малорусскомъ языкѣ, написанная малороссійскимъ поэтомъ Котляревскимъ. Читатели, быть можетъ, помнятъ начало этой поэмы:

Эней бувъ парубокъ моторный
И хлопецъ хоть куды казакъ...

Комизмъ какъ русской, такъ и французской пародій заключается въ модернизированіи героевъ и въ неожиданныхъ анахронизмахъ. Такъ, французскій Эней, сдѣлавшись правителемъ Лавинія, получаетъ 15.000 ливровъ ежегоднаго дохода, а уѣзжая въ Африку, интересуется насчетъ религіи ея обитателей, спрашивая, христіане они или магометане. Дидона передъ обѣдомъ читаетъ молитву Benedicite, а Юнону носятъ въ носилкахъ; эта богиня, между прочимъ, все время не можетъ простить Парису его судъ и пренебреженіе ея прелестями. Муженекъ ея, Юпитеръ, какъ и всегда, распутничаетъ помаленьку на старости лѣтъ, а Меркурій, его вѣрный postillon d'amour, интересуется литературой и читаетъ парижскія газеты. Характеръ главнаго героя, Энея, этого Вильгельма Завоевателя доисторическихъ временъ, передѣланъ Скарономъ совершенно: мужественнаго, отважнаго воина онъ преобразилъ въ какого-то плаксу, вѣчно источающаго слезу и вѣчно ноющаго. Дидона въ передѣлкѣ является пышной вдовой, женщиной бальзаковскаго возраста, съ пылкимъ, страстнымъ темпераментомъ, чуть не насильно заставляющая нюню Энея «соотвѣтствовать ея страсти». Не придерживаясь другой цѣли, кромѣ какъ вызвать у читателя веселый смѣхъ, Скарронъ вслѣдствіе этого не придерживался строго подлинника и, выбирая лишь наиболѣе удобныя для передѣлки мѣста, колесилъ по творенію Виргилія взадъ и впередъ, какъ ему заблагоразсудится.

Передѣлка «Энеиды» имѣла самый крикливый успѣхъ у современниковъ, даже появленіе «Roman comique» («Комическій романъ») не было встрѣчено такъ шумно. А между тѣмъ, «Комическій романъ»—лучшее произведеніе поэта и имъ еще до сихъ поръ зачитываются во Франціи, въ то время какъ всѣ другія поэмы уже давно позабыты. Въ этомъ романѣ Скарронъ съ свойственной ему веселостью чрезвычайно живо и остроумно нарисовалъ картину нравовъ XVII столѣтія, изобразивъ два интересныхъ самостоятельныхъ мірка—міръ провинціаловъ

и міръ странствующихъ актеровъ. Въ дальнѣйшій разборъ романа мы пока входить не будемъ, такъ какъ редакція «Вѣстника Иностранной Литературы» рѣшила на будущій годъ издать этотъ романъ со множествомъ иллюстраціей въ видѣ особаго приложенія къ журналу.

Въ заключеніе отмѣтимъ одну особенность таланта Скаррона: онъ умѣлъ подмѣчать смѣшное, какъ никто, и находилъ комичныя стороны нерѣдко тамъ, гдѣ другіе буквально ничего не замѣчали. Увеселяя парижанъ, Скарронъ принесъ несомнѣнную услугу Франціи тѣмъ, что доказалъ на примѣрѣ, какимъ успѣхомъ могутъ пользоваться въ его отечествѣ юморъ и комизмъ. Кто знаетъ, быть можетъ, Мольеръ и Лафонтенъ, эти два самыхъ популярныхъ генія Франціи, безъ Скаррона и его примѣра никогда не заняли бы своего теперешняго мѣста и оставили бы послѣ себя нравоучительныя басни въ духѣ Фенелона, если бы мода на Скаррона не заставила ихъ подражать ему и завоевывать успѣхъ у публики тѣмъ же могущественнымъ оружіемъ, которое употреблялъ онъ, т. е. смѣхомъ.

Само собой разумѣется, что популярность Скаррона, его успѣхъ должны были подѣйствовать на другихъ поэтовъ и вызвать съ ихъ стороны подражанія ему. Много писателей пробовали свои силы въ шуточной поэзіи, но время стерло ихъ имена и изъ современниковъ Скаррона, увлекавшихся poesie burlesque, до насъ дошло только имя Сирано де-Бержерака, философа, поэта, бретера и воздушнаго путешественника. Его жизнь, похожденія, характеръ недавно воскресилъ въ памяти людей талантливый французскій драматургъ Э. Ростанъ въ драмѣ подъ заглавіемъ «Сирано де-Бержеракъ».

Сирано родился въ 1620 году, получилъ въ Парижѣ очень хорошее образованіе и нѣкоторое время вмѣстѣ съ Мольеромъ слушалъ лекціи философіи у знаменитаго Гассенди. Юношескіе годы прожиты были Сирано чрезвычайно бурно, не проходило почти дня, чтобы онъ не дрался на дуэли. Поводомъ къ поединкамъ служилъ главнымъ образомъ носъ Бержерака. Эта часть лица у него была развита чрезвычайно и поэтъ не могъ равнодушно слышать намека на его безобразіе. Въ скоромъ времени онъ такъ прославился своимъ умѣньемъ фехтовать, что у многихъ отпала охота шутить надъ его носомъ. Храбрость и дерзость Сирано были изумительны. Про него разсказывали чудеса. Такъ, однажды онъ одинъ со шпагой въ рукѣ напалъ на цѣлую толпу, состоящую чуть не изъ ста человѣкъ, и, убивъ и ранивъ нѣсколькихъ, остальныхъ обратилъ въ бѣгство.

Сирано всю жизнь усердно занимался науками, философіей, придумывалъ летательныя машины, писалъ стихи, но прославился своимъ сочиненіемъ подъ названіемъ «Комическая исторія государствъ на лунѣ и на солнцѣ».

Въ началѣ этой книги онъ говоритъ, что однажды, послѣ дружеской бесѣды, ему пришло въ голову, что на лунѣ могутъ быть такіе же люди, какъ и на землѣ. Чтобы убѣдиться въ справедливости своего мнѣнія, онъ рѣшилъ попробовать залетѣть на луну. Прежде всего онъ сталъ изобрѣтать разные способы летать по воздуху. Замѣтивъ, что роса каждое утро при восходѣ солнца испаряется въ воздухѣ, онъ собралъ съ вечера большое количество росы въ особые сосуды и, привязавъ ихъ къ своему тѣлу, сталъ на возвышенное мѣсто въ ожиданіи восхода

солнца. Дѣйствительно, съ первыми же лучами дневного свѣтила поэта стало поднимать на высоту и скоро онъ уже высоко парилъ надъ землей. Но, къ несчастью, его притягивало не къ лунѣ, а къ солнцу, и Сирано пришлось вылить росу и вернуться обратно на землю.

Эта неудача сначала обезкуражила его, но затѣмъ онъ принялся за изобрѣтеніе летательной машины, и старанія его увѣнчались успѣхомъ. Онъ придумалъ машину, которою можно было управлять, и полетѣлъ на луну. Здѣсь его приняли за неизвѣстную породу обезьянъ, такъ какъ жители луны, по словамъ Сирано, ходятъ на четвереньках и имъ странно было видѣть существо, двигающееся только на двухъ ногахъ. Его взялъ какой-то предпріимчивый антрепренеръ и, заставляя дѣлать разные прыжки и ужимки, показывалъ его за недорогую плату любопытной публикѣ. Въ такомъ положеніи путешественнику пришлось бы пробыть, весьма вѣроятно, очень долго, если бы судьба не свела его съ добрымъ геніемъ. Этотъ житель луны попеременно вселялся во всѣхъ великихъ философовъ земли, начиная съ Сократа, и отлично зналъ людей. Онъ познакомился съ поэтомъ, приходилъ къ нему и до нѣкоторой степени облегчалъ ему участь своими учеными бесѣдами. Наконецъ, слухъ о диковинной обезьянѣ дошелъ до короля и тотъ потребовалъ ее къ себѣ. Сирано вмѣстѣ съ своимъ добрымъ геніемъ отправился къ королю и только теперь по дорогѣ могъ изучать нравы и обычаи лунныхъ обитателей.

Въ первой же гостинницѣ, куда они пришли, его поразили два обстоятельства. Какъ оказалось, образъ жизни лунныхъ жителей значительно разнился отъ нашего. Проводникъ позвалъ Сирано обѣдать, но когда они пришли въ столовую, поэтъ не замѣтилъ въ комнатѣ никакихъ приготовленій къ обѣду. Вскорѣ, однако, черезъ открытую дверь въ столовую сталъ проникать вкусный запахъ разныхъ блюдъ и паръ густыми волнами окуталъ путешественниковъ. Сирано съ удовольствіемъ вдыхалъ запахъ жаркихъ и, къ своему удивленію, почувствовалъ себя сытымъ. По словамъ проводника, лунные жители всегда питались не самыми кушаньями, а только паромъ, который, по ихъ мнѣнію, самая питательная часть всякаго блюда. Это доказывается тѣмъ, что повара и кухарки, постоянно вдыхающіе паръ отъ кушанья, толстѣютъ и жирѣютъ обыкновенно гораздо больше своихъ господъ

Когда они уходили изъ гостинницы, провожатый расплатился съ хозяиномъ какой-то бумажкой. Сирано полюбопытствовалъ, что онъ ему далъ—чекъ или наличныя деньги; оказалось, однако, что это были стихи. На лунѣ размѣнной монеты не существуетъ, а расплачиваются стихами. Каждый житель, сочинивъ сонетъ, эклогу, оду или другое какое-либо стихотвореніе, несетъ его въ казенное учрежденіе, гдѣ засѣдаютъ судьи, которые и оцѣниваютъ по достоинству поэтическое произведеніе. Такимъ образомъ, на лунѣ умираютъ съ голоду только тупицы и люди неспособные написать ни одной риѳмованной строчки; поэты же, въ противоположность нашимъ, живутъ роскошно и вполнѣ обезпеченно.

Безъ особыхъ приключеній они достигли столичнаго города и были приведены во дворецъ. Здѣсь ихъ тотчасъ же окружила толпа придворныхъ во главѣ съ королемъ и королевой, и послѣ перваго осмотра всѣ рѣшили, что странное двуногое существо не что иное, какъ самка другой обезьяны, уже имѣющейся въ звѣринцѣ королевы. Чтобы удосто-

вѣриться въ этомъ, къ Сирано привели испанца. Этотъ испанецъ объяснилъ нашему поэту, что онъ нѣсколько времени тому назадъ нашелъ способъ летать по воздуху и, попавъ на луну, былъ заключенъ въ королевскій звѣринецъ. Имъ обоимъ было очень пріятно встрѣтиться и впослѣдствіи, будучи посажены въ одну клѣтку, они коротали время за безконечными разговорами. Въ произведеніи Бержерака разговоры вообще занимаютъ главное мѣсто. Онъ ведетъ длинные, нескончаемые философскіе споры съ своимъ демономъ, съ испанцемъ, съ лунными философами и, наконецъ, съ дочерью королевы. Темы такъ же разнообразны, какъ и собесѣдники. Говорятъ и объ астрономіи, и о философіи, и объ естественныхъ наукахъ. Огромное большинство этихъ разговоровъ носитъ, какъ и все сочиненіе, сатирическій характеръ, но передавать ихъ мы не станемъ, такъ какъ они слишкомъ длинны и утомительны.

Жизнь Сирано при дворцѣ въ клѣткѣ текла довольно монотонно. Народъ, стекавшійся, чтобы посмотрѣть на двухъ чудовищъ, сначала относился къ нему враждебно, но затѣмъ, когда поэтъ выучился ихъ языку и сталъ объясняться съ толпой, многіе жители почувствовали къ нему сожалѣніе и даже осмѣливались утверждать, вопреки общему мнѣнію, что онъ былъ не животное, а существо, стоящее нисколько не ниже, по своему развитію, лунныхъ жителей. Это послѣднее мнѣніе такъ распространилась, что подданные короля раздѣлились на два враждебные лагеря, изъ которыхъ одни утверждали, что Сирано—существо разумное, а другіе признавали его за животное. Вражда дошла до того, что понадобилось содѣйствіе правительства для ея умиротворенія. Спокойствію страны угрожала главнымъ образомъ ересь, которую проповѣдывалъ Сирано. Онъ публично утверждалъ, что міръ, гдѣ они живутъ, не что иное, какъ луна, а то, что они считаютъ за луну, есть на самомъ дѣлѣ міръ. Чтобы успокоить страну, король вернулъ поэту свободу, но предварительно приказалъ ему публично отречься отъ своей мысли.

Сирано съ удовольствіемъ исполнилъ это приказаніе и, получивъ свободу, снова соединился съ своимъ добрымъ геніемъ. За время его послѣдняго странствованія по лунѣ съ нимъ случилось еще нѣсколько любопытныхъ случаевъ. Такъ, идя однажды по улицѣ, онъ захотѣлъ узнать, который часъ, но на всѣ вопросы къ прохожимъ ему никто ничего не отвѣтилъ. Вмѣсто отвѣта каждый останавливался передъ нимъ и запрокидывалъ назадъ голову, оскаливая при этомъ зубы. Придя домой, онъ разсказалъ о случившемся своему покровителю.

— Какъ,—вскричалъ тотъ,—вы не знали до сихъ поръ, что у насъ такимъ образомъ показываютъ часъ? Когда кто-нибудь хочетъ узнать точное время, то другой, обративъ къ солнцу свое лицо, обнажаетъ зубы, и тѣнь, падающая на нихъ отъ носа, показываетъ, который теперь часъ. У насъ,—продолжалъ онъ,—существуетъ законъ, чтобы всѣ жители имѣли длинные носы, поэтому, когда женщина рождаетъ ребенка, то она должна черезъ годъ принести его въ синдикъ, и тамъ измѣряютъ его носъ. Если находятъ, что носъ короче установленной мѣрки, то ребенка тотчасъ же оскопляютъ. Вы, можетъ быть, спросите меня о причинѣ этого варварскаго обычая въ странѣ, гдѣ отношенія мужчины къ женщинѣ пользуются полной свободой и дѣвственность считается преступленіемъ? Но знайте, что въ продолженіе тридцати вѣковъ мы имѣли слу-

чай убѣдиться, что длинный носъ есть вѣрный признакъ человѣка талантливаго, умнаго и великодушнаго, поэтому наша республика находитъ лучше совсѣмъ не имѣть дѣтей, чѣмъ управлять тупыми и глупыми гражданами.

Въ другой разъ ему захотѣлось почитать; онъ спросилъ себѣ книгу. Описаніе книги нѣсколько напоминаетъ нынѣшній фонографъ. Сирано въ этомъ случаѣ является какъ бы пророкомъ будущаго. Это былъ, по его словамъ, небольшой ящичекъ съ очень сложнымъ механизмомъ, напоминавшій часы. «Когда кто нибудь желаетъ читать,—описываетъ онъ,—нужно поставить иглу на извѣстное мѣсто, и тогда изъ отверстія ящичка слышатся какъ бы произносимыя человѣкомъ слова».

Изъявивъ желаніе вернуться домой на родную землю, Сирано, къ своей радости, узналъ, что это будетъ вовсе не такъ трудно; его другъ, добрый геній, могъ свободно летать по воздуху и, взявъ поэта на руки, онъ послѣ полутора сутокъ путешествія опустилъ нашего героя въ Неаполѣ на твердую землю. Отсюда Сирано моремъ доѣхалъ до Марселя, а затѣмъ благополучно прибылъ въ Парижъ.

Другое крупное произведеніе Сирано де-Бержерака, «Путешествіе на солнце», осталось неоконченнымъ. Однажды, возвращаясь домой, на него—случайно или намѣренно, неизвѣстно—уронили сверху изъ окна бревно. Сирано упалъ; всѣ думали, что онъ умеръ, но, къ счастью, опасенія оправдались только наполовину—умеръ только разумъ, тѣло еще осталось жить. Ударъ по головѣ былъ настолько силенъ, что у бѣднаго поэта оказалось сотрясеніе мозга, повліявшее сильно на состояніе всего организма. Сирано перевезли изъ Парижа въ деревню и друзья тщательно ухаживали за нимъ, но спасти всетаки не могли, и въ 1655 году Сирано де-Бержерака не стало.

А теперь послушаемъ Шарля Нодье, который въ своемъ очеркѣ о Сирано съ трогательной симпатіей относится къ этому непонятому и забытому генію.

«Казалось бы,—пишетъ онъ,—что человѣкъ, открывшій новые пути таланту и самъ пробовавшій свои силы на всѣхъ этихъ новыхъ путяхъ, долженъ оставить послѣ себя извѣстное въ литературѣ имя. Но подите спросите, что значитъ во Франціи литературное имя Сирано?

«Деревянная лошадь, вмѣщавшая въ себя всѣхъ побѣдителей Иліона, одна не извлекла для себя никакой выгоды изъ общаго тріумфа. Это похоже на феерическую сказку, а между тѣмъ это исторія.

«Бѣдный деревянный конь! Бѣдный Сирано!

«Если бы,—говоритъ дальше Нодье,—Сирано поступалъ, какъ другіе поэты, и льстилъ и продавалъ свои стихи высокопоставленнымъ особамъ, его ожидали бы довольство при жизни и слава послѣ смерти.

«Но онъ умеръ отъ горя, страданій, можетъ быть, даже съ голода, едва достигнувъ того возраста, когда геній начинаетъ только сознавать свои силы и измѣрять высоту, на которую онъ можетъ подняться. Къ чему было ему избирать карьеру писателя, когда онъ не могъ по своему прямому характеру ужиться съ обществомъ и имѣлъ душу, неспособную отрѣшиться отъ своей свободы?

«За какимъ чортомъ пошелъ онъ работать на эту галеру?

«Бѣдный Сирано!».

Современникомъ Сирано и товарищемъ по училищу былъ одинъ изъ

величайшихъ комическихъ геніевъ Франціи—Мольеръ (род. въ 1622 г., ум. въ 1673 г.).

Жанъ-Батистъ Мольеръ.

Мольеръ больше чѣмъ кто-либо истинный французъ. Его вдохновителями были не греки и не римляне, вдохновлявшіе Расина и Корнеля, а старинные авторы фабліо, фарсовъ и французскій же юмористъ Рабле. Ихъ присутствіе чувствуется во всѣхъ его произведеніяхъ, какъ въ самыхъ значительныхъ, такъ и въ наиболѣе слабыхъ. Родственность по духу съ старинными французскими авторами видна въ его свободѣ вы-

раженій и разработкѣ сюжетовъ. «Вы,—пишетъ онъ,—очень милые люди съ вашими многочисленными правилами, отягощающими невѣждъ и оглушающими насъ... Мнѣ хотѣлось бы знать, неужели самое главное изъ всѣхъ правилъ—это никому не нравиться?». Родственность находимъ мы также и въ манерѣ созерцать жизнь и видѣть въ человѣчествѣ главнымъ образомъ его низкія животныя стороны. Напрасно стали бы вы искать у него поэтическихъ крошекъ, которыя попадаются у Шекспира, въ его самыхъ развеселыхъ буффонадахъ. Среди многочисленныхъ фигуръ, то отвратительныхъ, то смѣшныхъ, у Мольера не найдется ни одного характера, который болѣе или менѣе можно было бы назвать идеальнымъ. Здравый смыслъ у него представленъ въ лицѣ Горжибуса, честность—Оргона, который, однако, глупъ. Мольеръ находитъ смѣшныя стороны во всемъ, даже въ добродѣтели, и поэтому, «внимая равнодушно добру и злу», не старается въ своихъ пьесахъ возвеличивать добродѣтель, казнить порокъ и пристегивать къ окончанію выспреннюю мораль.

Это равнодушіе для враговъ Мольера было какъ нельзя болѣе кстати и они не преминули укорить поэта въ безнравственности. Такъ, Боссюетъ говоритъ объ этихъ пьесахъ, гдѣ добродѣтель и состраданіе всегда являются въ смѣшномъ видѣ, а порокъ всегда извиняется и «показывается въ благопріятномъ освѣщеніи». Руссо же со своей стороны замѣчаетъ: «Съ какимъ скандаломъ разрушаетъ онъ всѣ самые священные устои, на которыхъ покоится общество, какъ уничтожаетъ онъ уважаемыя права отцовъ надъ ихъ дѣтьми, мужей надъ ихъ женами, господъ надъ ихъ служащими». Друзья же Мольера, наоборотъ, изъ его пьесъ выуживаютъ нравственныя поученія.

На самомъ же дѣлѣ Мольеръ не заботился о поученіи и не собирался ничего подрывать. Альцестъ убѣгаетъ въ пустыню, въ то время какъ въ салонъ Селимены прибываютъ посѣтители. Гарпагонъ продолжаетъ жить попрежнему, Клеантъ не перестаетъ дѣлать долговъ, а Анжелика—тузить Жоржа Данцена. Мольеръ не пишетъ рецептовъ, а констатируетъ только болѣзнь. Онъ знаетъ, что въ жизни дурные люди—не только самые ловкіе, но въ то же время и наиболѣе сильные. И единственная мораль, если ужь непремѣнно нужно выводить изъ его произведеній мораль, это—предостереженіе отъ злыхъ и дурныхъ людей.

Умъ Мольера и тонъ его насмѣшки тоже галльскаго происхожденія. Насмѣшки у него очень часто жестоки. Нѣкоторыя несчастія, кажущіяся намъ въ настоящее время трагическими, у Мольера вызываютъ смѣхъ. Рыданія Арнольда заставляютъ насъ забыть его смѣшную фигуру, вызываютъ въ насъ сочувствіе; Мольеръ же хочетъ этимъ только усилить смѣхъ; мученія Альцеста трогаютъ насъ до глубины души, Мольеръ же старается обратить все наше вниманіе на его странныя выходки. Для насъ Гарпагонъ чудовище, для автора это шутъ. Выводимые Мольеромъ типы и характеры заставляютъ иногда невольно сравнивать ихъ съ героями романовъ Бальзака, и только старанія Мольера находить всегда такую точку зрѣнія, съ которой всѣ человѣческія движенія души кажутся комичными, не заставляютъ васъ трепетать при чтеніи отъ ужаса.

И тѣмъ не менѣе чтеніе произведеній Мольера оставляетъ послѣ себя

впечатлѣніе горечи и печали. Мы не хотимъ этимъ сказать, что Мольеръ былъ наблюдатель суровый, заставляющій себя насильно смѣяться, нѣтъ, это доказываетъ только, что онъ былъ тонкій и вѣрный психологъ. Онъ лучше другихъ умѣлъ погружаться въ душу человѣческую и, со смѣхомъ роясь въ ея тайникахъ, вылавливалъ противъ своего желанія печаль.

Нарисовать картину человѣческой жизни—вотъ цѣль, которой задался Мольеръ. Не только въ комедіяхъ, но даже въ фарсахъ онъ пригоршнями разсыпалъ результаты своихъ наблюденій. Въ главныхъ же комедіяхъ можно легко замѣтить, что онъ поступается всѣмъ ради полнаго и всесторонняго изученія человѣческаго сердца. Несмотря на то, что въ современной ему комедіи интрига занимаетъ первое мѣсто, Мольеръ часто неглижируетъ ею, а въ «Мизантропѣ» такъ ея даже совсѣмъ нѣтъ. То же самое можно сказать и о развязкѣ, часто неожиданной и маловѣроятной. Это все мало интересуетъ Мольера, событія сами по себѣ ему ничего не говорятъ,—для него комедія есть не что иное, какъ рядъ сценъ, предназначенныхъ для полнаго выясненія характеровъ; разъ достигнувъ этой цѣли, онъ кончаетъ пьесу и ему нѣтъ никакого дѣла, какъ выпутаются дѣйствующія лица изъ того лабиринта, куда онъ ихъ завелъ.

Характеръ—это душа пьесы. Онъ создаетъ положенія, среду, лица. Альцестъ, для того чтобы его манія могла имѣть больше случаевъ для своего проявленія, посѣщаетъ высшее общество маркизовъ и кокетокъ. Гарпагонъ богатъ и долженъ поддерживать свое общественное положеніе. Филинтъ, пылающій любовью ко всему свѣту, является нарочно для контраста съ мизантропомъ, точно также какъ для контраста со скупымъ Клеантъ награжденъ авторомъ характеромъ расточителя.

Всѣ наблюденія Мольера основаны на вѣрной психологіи. Заставляя Альцеста влюбиться въ Селимену, авторъ дѣлаетъ это не только для того, чтобы увеличить мизантропію героя, но также и потому, что ему извѣстно, что человѣческой натурѣ свойственны самыя неожиданныя противорѣчія. И не для одной только убѣдительности Мольеръ сопоставляетъ два противорѣчивые характера, но также и для того, что каждый характеръ много выигрываетъ въ своей наглядности, будучи сопоставленъ съ совершенно противоположнымъ ему характеромъ.

Наконецъ, Мольеръ выбираетъ тотъ моментъ, когда страсть уже достигла послѣдняго періода и возвратъ уже невозможенъ. Отъ начала до конца пьесы характеръ остается вѣренъ самому себѣ. При поднятіи занавѣса онъ уже совершенно сформировался. Все лицемѣріе Тартюфа заключается въ его первыхъ стихахъ:

Я кончилъ, да... спрячь плеть и власяницу
И будь благословенъ. А если спросить кто,
Скажи, что я отправился въ темницу
Раздать несчастнымъ кое-что...

Въ концѣ пьесы дѣйствующее лицо остается обыкновенно въ томъ же положеніи, т. е. не исправившись. Тартюфъ только уличенъ, Альцестъ бѣжитъ отъ людей, скупой возвращается къ своей шкатулкѣ, а

послѣдній крикъ Донъ-Жуана вырывается у него отъ физической боли, а не отъ раскаянія. Герой обыкновенно вполнѣ охваченъ своимъ заблужденіемъ, такъ что не видитъ и не слышитъ ни насмѣшекъ, ни совѣтовъ окружающихъ. Мало того, даже всѣ остальныя человѣческія чувства глохнутъ въ немъ и мало-по-малу совершенно атрофируются. Гарпагонъ перестаетъ быть не только человѣкомъ, но даже отцомъ, — это просто скупой.

Немудрено поэтому, если Мольера упрекали въ утрировкѣ характера. Онъ исчерпываетъ до дна каждаго изъ своихъ героевъ и концентрируетъ въ одномъ лицѣ всѣ формы интересующаго его порока. Въ силу этого послѣдняго обстоятельства Мольеръ возводилъ свои характеры въ цѣльные типы.

Приступать къ разбору мольеровскихъ типовъ мы не будемъ: они, во-первыхъ, слишкомъ хорошо извѣстны, а во-вторыхъ, это завело бы насъ слишкомъ далеко; вмѣсто этого скажемъ два слова о характерѣ шутокъ Мольера. Онѣ далеко не литературны и никогда не заключаются въ игрѣ словъ. Въ этомъ случаѣ Бомарше и Дюма-сынъ гораздо остроумнѣе Мольера. Свою шутку Мольеръ превосходно опредѣлилъ, когда, оправдываясь за какое-то выраженіе въ «Школѣ женъ», писалъ слѣдующее: «Авторъ употребилъ это выраженіе не потому, чтобы оно было само по себѣ очень остроумно, а потому, что оно характеризуетъ человѣка», т. е., разумѣется, того человѣка, который говоритъ его въ данномъ настроеніи. Въ этомъ вся сила мольеровской шутки: его дѣйствующія лица не забрасываютъ другъ друга каламбурами, не говорятъ безконечныхъ остротъ, а шутятъ и смѣются каждый сообразно своему характеру и, пожалуй, даже общественному положенію, потому что Мольеръ всегда строго придерживался правды даже въ стилѣ, и его слуги и господа говорятъ разнымъ языкомъ.

Въ заключеніе скажемъ, что изъ всѣхъ французскихъ писателей XVII столѣтія Мольеръ наиболѣе широко и полно представлялъ собою именно французскаго писателя— болѣе, пожалуй, даже, чѣмъ Лафонтенъ, который для этого былъ слишкомъ поэтъ; талантъ же Мольера, какъ мы уже говорили, заключался въ его чисто французскихъ качествахъ, доведенныхъ до высшей степени силы и ясности. Отсюда его успѣхъ громадный и постоянный, несмотря на всѣ подкопы его враговъ. Маркизы, тюрлипены *) и пети-метры, осмѣянные Мольеромъ, первые же апплодировали. Король и наслѣдникъ всю жизнь относились къ нему благосклонно. Самое большее, чего достигли враги, это то, что, благодаря ихъ навѣтамъ, придворные стали находить, будто Мольеръ въ послѣдніе годы жизни слишкомъ часто возвращался къ изображенію буржуазныхъ нравовъ, вмѣсто того, чтобы изображать придворные нравы. Въ его послѣднихъ пьесахъ не находили достаточнаго количества маркизовъ! Но едва Мольеръ умеръ, какъ всѣ завистливыя нападки и критическіе оговоры прекратились; его признали неподражаемымъ и несравненнымъ геніемъ и, быть можетъ, никакая другая репутація не поддерживалась съ такимъ постоянствомъ до нашихъ дней включительно.

---

*) Turlupin—имя скомороха XV вѣка, обратившееся въ нарицательное и прилагающееся къ человѣку, отличающемуся пошлыми шутками.

ГЛАВА II.

Жанъ де-Лафонтенъ и Ренэ Лесажъ.

Жизнь и характеръ Лафонтена.—Его «Разсказы».—«Басни».—Біографическія данныя о Лесажѣ.—«Хромой чортъ».—Комедіи Лесажа.—«Жиль Блазъ».

Другой геніальный писатель Франціи, не менѣе популярный, чѣмъ Мольеръ, это Жанъ де-Лафонтенъ. Онъ родился въ 1621 году 7 іюля въ Шато-Тьери въ провинціи Шампань, гдѣ его отецъ былъ

смотрителемъ рѣкъ и лѣсовъ. Образованіе онъ получилъ въ коллежѣ родного города, но, по свидѣтельству критиковъ, довольно ограниченное. Въ девятнадцать лѣтъ, увлеченный чтеніемъ Библіи, онъ почувствовалъ въ себѣ призваніе къ духовной жизни и поступилъ было въ семинарію. Вскорѣ, однако, онъ оттуда вышелъ и, принявъ отъ отца его должность, поселился окончательно въ Шато Тьери, женившись въ 1647 г. на Маріи Герикаръ, молоденькой пятнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, обладавшей въ равной степени умомъ и красотой. Но Лафонтенъ по своему характеру недолго могъ вы-

носить узы брачной жизни и скоро покинулъ свою жену и ребенка. Нѣсколько стихотвореній, вольный переводъ «Евнуха» Теренція доставили ему извѣстность. Въ это время, т. е. около 1657 года, его представили Фуке и тотъ назначилъ ему пенсіонъ. Паденіе Фуке вызвало на свѣтъ первое геніальное стихотвореніе Лафонтена «L'élégie aux nymphes de Vaux» (1661).

Его «сказки» начали появляться съ 1664 г. «Басни» были выпущены тремя сборниками: въ 1668 году первыя шесть книгъ вышли подъ заглавіемъ «Басни Эзопа, переложенныя стихами Лафонтеномъ», въ 1678 и 1679 гг. появились другія пять книгъ, содержавшія самыя лучшія, и, наконецъ, двѣнадцатая книга въ 1694 г.

Шестидесяти трехъ лѣтъ Лафонтенъ былъ принятъ въ академію; до того времени онъ дважды пробовалъ попасть въ нее, но Людовикъ XIV каждый разъ откладывалъ его просьбу, не желая простить ему нѣкоторыхъ вольностей въ его «Разсказахъ».

Лафонтенъ всю свою жизнь пользовался поддержкой богатыхъ меценатовъ, приходившихъ ему всегда на помощь и заботившихся объ его матеріальномъ положеніи. Въ 1664 году герцогиня Орлеанская назначила ему пенсію, которой онъ было лишился послѣ паденія Фуке. Послѣ смерти герцогини, въ 1672 г., онъ сдѣлался постояннымъ гостемъ или, вѣрнѣе, жильцомъ у г-жи де-Сабліеръ, домъ которой не покидалъ вплоть до ея смерти, случившейся въ 1693 году. Затѣмъ онъ переѣхалъ къ г. д'Эрваръ. Ведя довольно беззаботную по части нравственности жизнь, Лафонтенъ много разъ давалъ обѣщаніе исправиться, но всегда напрасно. Въ послѣднее время онъ раскаивается въ этомъ съ трогательной откровенностью передъ своимъ другомъ Мокруа. Вотъ одно такое письмо отъ 10 февраля 1695 г.:

«Ты жестоко ошибаешься, мой дорогой другъ, если только вѣрно то, что передавалъ мнѣ г-нъ де-Суассонъ, будто ты говоришь, что я больше боленъ душою, нежели тѣломъ. Онъ говорилъ мнѣ это, чтобы поддержать во мнѣ бодрость духа, но я въ этомъ не чувствую недостатка. Увѣряю тебя, что лучшій изъ твоихъ друзей разсчитываетъ прожить не больше двухъ недѣль. Вотъ уже два мѣсяца скоро, какъ я почти никуда не выхожу, если не считать моихъ посѣщеній академіи, которая не перестаетъ занимать меня. Вчера на возвратномъ пути, на улицѣ Шантръ, меня вдругъ охватила такая слабость, что я, право, подумалъ, что пришелъ мой конецъ. О, другъ мой, умереть это еще ничего, но подумай, что скажу я, представъ предъ Богомъ? Ты знаешь, какъ я жилъ. Можетъ быть, прежде чѣмъ ты получишь эту записку, врата вѣчности откроются для меня».

Лафонтенъ умеръ 13 апрѣля того же года.

Біографы изображаютъ Лафонтена въ видѣ добродушнаго человѣка, безъ особенно крѣпкихъ нравственныхъ устоевъ, большимъ ребенкомъ, который геніально писалъ, но не обладалъ ни твердой волей, ни умомъ, чтобы идти прямо по своей дорогѣ. Его жизнь состоитъ изъ однихъ порывовъ: послѣ чтенія Библіи онъ поступаетъ въ семинарію, затѣмъ сразу бросается въ другую крайность и вступаетъ въ бракъ, потомъ покидаетъ жену и живетъ на счетъ великодушныхъ покровителей литературы; ода Малэрба пробуждаетъ въ немъ поэтическій талантъ и онъ самъ берется за перо. Эту порыви-

стость онъ не скрываетъ и выражается о ней въ слѣдующихъ стихахъ:

Je suis chose légère et vole à tout sujet:
Je vais de fleur en fleur et d'objet en objet.

Причина такого непостоянства происходитъ у него изъ его природной любви ко всей вселенной. Каждый существующій предметъ въ мірѣ интересуетъ его и вызываетъ въ немъ симпатію. Онъ самъ называетъ себя Polyphile, т. е. человѣкомъ, который любитъ все. У него та универсальная симпатія, которая является для каждаго истиннаго поэта главнымъ душевнымъ качествомъ. Вслѣдствіе этой симпатіи Лафонтенъ обожаетъ всѣ литературы и говоритъ, что «читаетъ писателей Юга и Сѣвера». Никто въ XVII вѣкѣ не восхищался древними писателями и, пожалуй, никто ихъ такъ вѣрно не понималъ, какъ Лафонтенъ. Но этотъ культъ не носилъ исключительнаго характера. «Онъ обожалъ Аріоста и преклонялся передъ Тассо, углублялся въ Макіавелли и былъ безъ ума отъ Боккаччіо». Французская литература Среднихъ вѣковъ тоже была ему не чужда, и, можетъ быть, подъ вліяніемъ Рабле у него образовался тотъ чисто галльскій умъ, живой, ѣдкій и игривый. Въ его разсказахъ часто можно встрѣтить заимствованія изъ средневѣковыхъ фабліо, которымъ онъ обыкновенно старался подражать, даже передавая сюжеты, взятые изъ иностранныхъ литературъ.

Въ своихъ «Contes» (разсказы) Лафонтенъ оставался всегда лишь подражателемъ, но подражателемъ геніальнымъ:

Mon imitation n'est point un esclavage,
Je ne prends que l'idée et les tours et les lois,
Que nos maîtres suivaient eux-mêmes autrefois *).

Эти разсказы являются образчикомъ поэзіи, извѣстной подъ именемъ легкой. Изысканная вычурность прежнихъ поэтовъ перешла въ XVII столѣтіи въ непринужденное изящество или даже въ великосвѣтскую небрежность. Въ легкой поэзіи нѣтъ ни страсти, ни глубины, ни эмоцій, это—изящные, прелестные стихи, это—остроумная, пріятная болтовня, какъ бы квинтъ-эссенція салоннаго ума, написанная легкимъ и быстрымъ размѣромъ. Въ наше время «Разсказы» Лафонтена уже не производятъ того впечатлѣнія и не пользуются той популярностью, какою пользовались при жизни автора, хотя все же эти веселыя бездѣлки читаются легко и съ удовольствіемъ. Для примѣра мы разскажемъ содержаніе перваго разсказа «Жоконда», который Буало считалъ однимъ изъ лучшихъ во всемъ сборникѣ.

Когда-то въ Ломбардіи царствовалъ король, прекрасный, какъ день. Разъ, смотрясь въ зеркало, онъ сказалъ, что готовъ держать какое угодно пари, что во всей Италіи не найдется никого, кто могъ бы сравниться съ нимъ красотой. На это какой-то придворный, родомъ изъ Рима, замѣтилъ, что его братъ Жоконда, пожалуй, ни въ чемъ ему не уступитъ: ни въ стройности, ни въ красотѣ. Астольфъ (имя короля) приказалъ тотчасъ же съѣздить за Жокондой и привезти его къ нему; при этомъ онъ далъ слово, что молодому человѣку ничего ни будетъ сдѣлано дурного.

Жоконда въ это время только-что женился и еще справлялъ съ молодой женой свой медовый мѣсяцъ, а потому ему страшно не хотѣлось

*) Мое подражаніе не рабское, я беру только сюжетъ, да обороты, да законы, которымъ когда-то слѣдовали и наши учителя.

уѣзжать изъ дома. Жена тоже уговаривала его остаться съ ней и пренебречь предложеніемъ короля. Но блескъ двора, богатая жизнь сильно манили Жоконду и онъ, наконецъ, не выдержалъ и рѣшилъ поѣхать. Всю ночь жена плакала и безконечно цѣловала красавца-мужа, а утромъ передъ отъѣздомъ дала ему на прощанье свой браслетъ съ тѣмъ, чтобы онъ постоянно носилъ его на рукѣ въ воспоминаніе о ней. Выѣхавъ за городъ, Жоконда вдругъ вспомнилъ, что забылъ данный ему на прощанье браслетъ, и не долго думая поскакалъ обратно. Такъ какъ было еще очень рано и въ домѣ всѣ спали, то онъ, не желая никого будитъ, потихоньку прокрался въ спальню. Каково же было его удивленіе, когда, приблизясь къ постели, онъ увидалъ свою жену спящею въ объятіяхъ мужлана-лакея. Въ первую минуту онъ хотѣлъ было ихъ обоихъ отправить на тотъ свѣтъ, но, поразмысливъ, рѣшилъ не дѣлать этого и такъ же, никѣмъ не замѣченный, вышелъ обратно.

Всю дорогу онъ взлыхалъ, страдалъ и плакалъ, и когда, наконецъ, пріѣхалъ къ королю ломбардскому, то отъ печали и горя превратился изъ красавца въ сморщенный лимонъ. Понятно, что король, поставивъ его рядомъ со собою, былъ по всеобщему приговору признанъ красивѣе. Однако, братъ Жоконды увѣрилъ всѣхъ, что съ Жокондой что-нибудь стряслось, такъ какъ раньше онъ былъ куда лучше, и попросилъ дать ему съ дороги отдохнуть и поправиться. Просьба эта была уважена, тѣмъ болѣе, что, несмотря на худобу и болѣзненный цвѣтъ лица, черты лица Жоконды были правильны и красивы. Ему отвели комнату. Однажды, прогуливаясь по апартаментамъ дворца, Жоконда нечаянно подслушалъ разговоръ королевы съ придворнымъ карломъ. Королева упрекала этого уродца, что онъ къ ней за послѣднее время сталъ относиться гораздо холоднѣе и больше любитъ играть въ карты съ пажами, чѣмъ цѣловать ее. Это поразило Жоконду, и мысль, что королева промѣняла красивѣйшаго въ мірѣ короля на какого-то шута, обрадовала его, и ему съ этихъ поръ стало легче переносить свое горе. Онъ повеселѣлъ, на щекахъ у него вновь появился румянецъ. Для короля не прошла безслѣдно эта перемѣна и онъ обратился къ Жокондѣ за разъясненіемъ. Тотъ сначала скрытничалъ, но въ концѣ концовъ разсказалъ все имъ слышанное. Король захотѣлъ убѣдиться въ правдивости его словъ, и Жоконда свелъ его въ ту комнату, откуда не только можно было слышать, но и видѣть все, что происходило во внутреннихъ покояхъ королевы. Чудовищность поступка королевы смѣшала въ немъ всѣ чувства, но воспитаніе взяло верхъ и онъ рѣшилъ никому не подавать даже вида о томъ, что онъ знаетъ.

Черезъ нѣсколько дней между королемъ и Жокондой произошелъ приблизительно слѣдующій разговоръ:

— Наши жены,—сказалъ онъ,—гнусно обманываютъ насъ, отомстимъ имъ, поѣдемъ путешествовать и вездѣ, гдѣ будемъ останавливаться, станемъ ухаживать за чужими женами и ставить рога мужьямъ, вродѣ тѣхъ, которые получили сами.

Жоконда одобрилъ съ удовольствіемъ такой проектъ.

— Мы, конечно, поѣдемъ инкогнито,—продолжалъ король,—и ты станешь называть меня кузеномъ. Мы возьмемъ чистую тетрадь и будетъ записывать имена всѣхъ невѣрныхъ женъ, и я увѣренъ, что,

прежде чѣмъ мы достигнемъ границы Италіи, она будетъ вся усѣяна ими отъ начала до конца.

Взявъ небольшой багажъ, оба красавца отправились странствовать по свѣту и соблазнять чужихъ женъ. Ихъ надежды оправдались: женщины охотно отдавались имъ, и побѣдамъ не было бы конца, если бы побѣдители сами не остановились. Любовь, какъ и пища, въ большомъ количествѣ трудно переваривается. Чтобы зажить безъ хлопотъ, они рѣшили взять одну дѣвушку и пользоваться ею вдвоемъ поровну. Выборъ ихъ палъ на молоденькую дочку хозяина гостинницы, гдѣ они въ то время остановились. Они пригласили ее къ себѣ и, обѣщая осыпать ее золотомъ, откровенно объяснили ей все дѣло. Дѣвушка согласилась, и первое время все шло по хорошему.

Однако, вскорѣ вышелъ инцидентъ, ясно доказавшій, что ихъ выдумка никуда не годится. Дѣло въ томъ, что у хозяйской дочки до того былъ любовникъ, который, видя, что дѣвушка относится къ нему гораздо холоднѣе, чѣмъ прежде, сталъ допрашивать ее и просилъ настоятельно сказать ему причину ея холодности. Узнавъ, что она согласилась жить сразу съ двумя и что ей за то обѣщали подарить колечко, парень сталъ упрашивать провести съ нимъ хотя одну ночь.

— Но это положительно невозможно,—отнѣкивалась дѣвушка,— я сплю съ ними на одной постели и они лежатъ у меня по бокамъ.

— Это ничего не значитъ,—возразилъ парень,—оставь только открытой дверь, а остальное я устрою.

Когда настала ночь и молодые люди стали ложиться спать, дѣвушка пришла, по обыкновенію, въ ихъ спальню, легла между ними и только дверь оставила открытой. Черезъ нѣсколько минутъ парень прошмыгнулъ къ кровати и, приподнявъ съ ногъ одѣяло, сжалъ въ своихъ объятіяхъ молодую любовницу и такъ пробылъ на ней, пока не загорѣлась заря. Жоконда и король, конечно, и не подозрѣвали, что къ ихъ компаніи присоединился третій, и, лежа по бокамъ дѣвушки, удивлялись—король бѣшеной страсти Жоконды, а Жоконда—удивительной выносливости короля, пока, наконецъ, оба не заснули. Любовникъ же подъ утро такъ же тихо скрылся. Утромъ, поднимаясь, король, увидавъ Жоконду, проговорилъ:

— Какъ, вы встаете? Я думалъ, вы теперь будете отдыхать до завтра.

— Напротивъ,—возразилъ Жоконда, — ужь если кому слѣдуетъ спать, такъ это вамъ: вы провели ужасную ночь.

— Я?—удивился король.—Я дѣйствительно собирался поохотиться, но конь все время былъ подъ вами.

— Извините, это вы безъ зазрѣнія совѣсти мучили голубку, такъ что даже мнѣ стало жалко бѣдняжку.

Слово за слово, и два друга уже готовы были поссориться, но вовремя одумались и позвали разсудить ихъ дѣвушку, которая нѣсколько ранѣе встала и ушла по хозяйству.

— Скажи намъ,—обратились они къ ней, когда она вошла въ комнату,—кто сей отважный боецъ, въ одну ночь выдержавшій такое безчисленное количество битвъ?

Дѣвушка смутилась, а главное испугалась, что теперь не придется получить обѣщанное колечко. Но, услышавъ, что господа хотятъ узнать только правду, призналась имъ во всемъ. Признаніе разсмѣшило короля

и Жоконду и они поняли, что сколько у женщины ни было бы любовниковъ, она найдетъ способъ измѣнить имъ всѣмъ съ кѣмъ-нибудь другимъ. Придя къ такому печальному выводу, они рѣшили вернуться къ своимъ женамъ, которыя если не лучше, то и не хуже другихъ въ отношеніи супружеской вѣрности.

Остальные разсказы написаны въ такомъ же духѣ. Лафонтена, какъ разсказчика, слѣдуетъ поставитъ выше королевы Наваррской и даже, пожалуй, выше Боккаччіо. Его стихъ красивъ и легокъ, какъ стихъ Расина, и, какъ Расину же, ему они удавались лишь съ большими трудностями: онъ нерѣдко по нѣскольку разъ передѣлывалъ свои сказки и басни.

Наша характеристика осталась бы неполной, если бы мы не сказали о Лафонтенѣ, какъ о баснописцѣ. Только въ баснѣ поэтъ является во всемъ своемъ величіи. Басня, какъ извѣстно, стихотвореніе, въ которомъ поэтъ-моралистъ подъ видомъ животныхъ изображаетъ человѣческое общество. Въ нее входятъ два элемента: разсказъ и мораль или нравоученіе. Древніе баснописцы—Эзопъ, Федръ—первой части посвящали лишь нѣсколько строчекъ, развивая главнымъ образомъ мораль. Средневѣковые же отводили разсказу такъ много мѣста, чта за деталями нельзя было отыскать намѣреніе автора. Заслуга Лафонтена состоитъ въ томъ, что онъ слилъ оба элемента въ одно гармоничное цѣлое. Онъ самъ говоритъ, что хотѣлъ сдѣлать изъ басни «обширную комедію въ сто разныхъ актовъ»:—une ample comédie à cent actes divers.

И дѣйствительно, басня Лафонтена—это настоящая комедія. Въ ней есть быстро развивающееся дѣйствіе съ натуральной развязкой, столкновеніе интересовъ, изъ которыхъ само собой зарождается живой діалогъ, игра характеровъ и страстей. Дѣйствующія лица, выводимыя на сцену, по большей части животныя. Они появляются, сохраняя всѣ свои прирожденныя отличительныя черты, и описаны съ такимъ мастерствомъ, какого никогда не достигалъ ни одинъ изъ натуралистовъ. Тутъ и левъ, и лисица, и котъ «бархатистый, пушистый, съ длиннымъ хвостомъ, смиреннымъ видомъ и съ блестящими глазами», и цапля «съ длиннымъ клювомъ, удлиненнымъ еще шеей», и кроликъ. Ихъ внѣшнія отличія, походка, манеры заставляютъ угадывать ихъ нѣкоторыя нравственныя качества. Вѣдь всегда кажется естественнымъ, если мы приписываемъ льву великодушіе, лисицѣ—хитрость, коту—предательство, кролику—легкомысленную вѣтренность, ослу—глупость. Этими же качествами обладаютъ и люди, и съ этой стороны животныя Лафонтена—близкіе сосѣди человѣчеству. Можно, пожалуй, даже утверждать, что звѣри Лафонтена очень похожи на людей его вѣка. Дворъ льва, напримѣръ, во многомъ похожъ на дворъ Людовика XIV.

Нѣкоторые высказывали мнѣніе, будто Лафонтенъ, сочиняя свои басни, очень мало заботился о морали, но это неправда. Онъ самъ говоритъ:

En ces sortes de feintes il faut instruire et plaire
Et conter pour conter me semble peu d'affaire *).

---

*) Т. е. въ такого рода вымыслахъ нужно и поучать, и развлекать, разсказывать же только для того, чтобы разсказывать, мнѣ кажется не великой заслугой.

И на самомъ дѣлѣ Лафонтенъ не только разсказываетъ, но и поучаетъ. Только это поученіе не всегда заключалось въ заключительныхъ стихахъ, а чаще въ самомъ разсказѣ, гдѣ каждый штрихъ, каждое выраженіе были направлены на то, чтобы произвести должный эффектъ. Но въ чемъ же состоитъ мораль Лафонтена? Прежде всего не надѣйтесь отыскать ее въ видѣ поучительныхъ лекцій. Поучать во имя извѣстнаго догмата всегда было противно поэту. Онъ довольствуется тѣмъ, что слѣдитъ за ходомъ вещей и попутно поучаетъ насъ. Такимъ образомъ, мораль его является какъ бы продуктомъ пережитаго, плодами долгаго опыта. Лафонтенъ въ своихъ басняхъ объективенъ и открыто не становится ни на какую сторону. Такъ, напримѣръ, онъ часто заставляетъ хохотать надъ обкраденными и удивляться ловкому мошеннику. По временамъ ему казалось, что слабость не заслуживаетъ снисхожденія. Когда лягушки просятъ Юпитера перемѣнить ихъ миролюбиваго царя на болѣе подвижного, поэтъ не жалѣетъ ихъ и отдаетъ на съѣденіе цапли. Въ другой разъ козелъ не выдерживаетъ искушенія и залѣзаетъ въ колодецъ, гдѣ находитъ себѣ кончину; Лафонтенъ остается къ нему безжалостнымъ—это его ошибка, не лѣзь, куда не нужно. Поэтъ не сострадаетъ слабымъ; слабость и глупость, по его мнѣнію, самые опасные враги человѣка.

Конечно, эта мораль мало похожа на прописную, но спрашивается, чѣмъ она хуже? По крайней мѣрѣ, тотъ, кто пройдетъ его школу, не захочетъ быть ни дуракомъ, ни жертвой. Блюдя свои интересы, онъ не даетъ застать себя врасплохъ и далекъ отъ несбыточныхъ мечтаній и фантазій устроитъ себѣ пріятное существованіе разумнаго эпикурейца.

Теперь отъ разсказчика въ стихахъ перейдемъ къ разсказчику въ прозѣ.

Лесажъ родился въ 1668 году въ Нижней Бретани, недалеко отъ Сентъ-Жильда, гдѣ знаменитый Абеляръ былъ аббатомъ. Отецъ Лесажа былъ нотаріусъ и умеръ, когда сыну исполнилось четырнадцать лѣтъ; мать умерла еще раньше. Опекуны отдали мальчика въ коллежъ въ Ваннѣ, а затѣмъ отправили въ Парижъ доканчивать образованіе. Пріѣхавъ въ этотъ городъ двадцати-двухлѣтнимъ юношей, Лесажъ повелъ свободный образъ жизни парижскихъ баккалавровъ, приключенія которыхъ онъ впослѣдствіи описалъ съ такой живостью. Но любовныя похожденія молодого адвоката продолжались недолго: 26-ти лѣтъ онъ женился на бѣдной молоденькой дѣвушкѣ и сразу сдѣлался серьезнымъ, занимаясь усиленно адвокатской дѣятельностью.

Однако, избранная имъ профессія приносила молодой четѣ слишкомъ малыя средства и, чтобы увеличить ихъ, Лесажъ пустился въ писательство. Въ то время литературой заработывали себѣ пропитаніе только самые жалкіе писаки. Мало-мальски талантливые всѣ имѣли сильныхъ и богатыхъ покровителей. Лесажъ первый пренебрегъ подачками высокопоставленныхъ лицъ и тѣмъ положилъ основаніе новому классу писателей, работающихъ ради куска хлѣба. Онъ свелъ литературу на степень ремесла. Первыя его попытки на литературномъ поприщѣ были безуспѣшны. Успѣхъ очень значительный выпалъ на его долю въ 1707 году послѣ появленія въ свѣтъ его комедіи «Криспэнъ, соперникъ своего господина» и романа «Хромой чортъ».

Дѣйствіе и дѣйствующія лица въ «Хромомъ чортѣ» взяты изъ испанскаго романа, и Лесажъ приспособилъ только его къ парижской точкѣ зрѣнія. Онъ наполнилъ его намеками на современные нравы и въ сатирическомъ видѣ изобразилъ всѣмъ знакомую картину города и его жителей. Онъ нѣсколько разъ передѣлывалъ книгу, прибавляя къ этой картинѣ новые штрихи, выставляя на смѣхъ пороки, недостатки и смѣшныя стороны всѣхъ слоевъ общества.

Представьте себѣ состояніе общества въ моментъ появленія «Хромого чорта», старость Людовика XIV, его набожность и ханжество окружающихъ. И вдругъ Асмодей съ молодымъ ученикомъ появляются

надъ городомъ и начинаютъ заглядывать въ дома, приподнимая крыши. Сколько тутъ появляется на свѣтъ Божій скрытыхъ пороковъ при показной добродѣтели. Успѣхъ былъ огромный, книжку покупали нарасхватъ. Въ одинъ годъ разошлось два изданія. Въ одномъ изъ современныхъ журналовъ разсказывается, какъ два дворянина обнажили шпаги, не желая уступить одинъ другому послѣдній экземпляръ второго изданія.

Буало, увидавъ «Хромого чорта» въ рукахъ у своего лакея, пригрозилъ выгнать его, если увидитъ еще разъ эту книгу. Онъ сказалъ, что подобная книжка для лакея не годится. Еще бы, въ ней вѣдь заключалось та же мораль, какъ и въ басняхъ Лафонтена: не давай себя дурачить другимъ.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этого произведенія:

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Что за чортъ хромой чортъ.—Гдѣ и по какому случаю донъ Клеофасъ Леандръ Перецъ Замбуло познакомился съ нимъ.

Октябрьская ночь тяжелой тьмой окутала знаменитый городъ Мадридъ; уже жители, разойдясь по домамъ, оставили улицы для влюбленныхъ, желавшихъ излить въ пѣніи свои страданія или радости подъ балкономъ любовницъ; уже звуки гитаръ причиняли безпокойство отцамъ и будили ревность въ мужьяхъ,—однимъ словомъ, было уже около полуночи, когда донъ Клеофасъ Леандръ Перецъ Замбуло, студентъ Алкалы, неожиданно выскочилъ изъ слухового окна дома, куда нескромный сынъ Цитеры завелъ его. Онъ тщился спасти свою жизнь и честь отъ преслѣдовавшихъ его трехъ или четырехъ забіякъ, намѣревавшихся либо убить его, либо силой женить на дамѣ, съ которой они его только-что застали врасплохъ.

Хотя онъ былъ одинъ, онъ тѣмъ не менѣе отважно защищался и обратился въ бѣгство единственно только потому, что у него выбили изъ рукъ шпагу. Нѣкоторое время они преслѣдовали его по крышамъ, но онъ успѣлъ, благодаря темнотѣ, обмануть ихъ. Онъ направлялся на свѣтъ, замѣченный имъ еще издали и который, какъ, ни былъ онъ слабъ, служилъ ему путеводной звѣздой. Послѣ бѣга, во время котораго онъ не разъ рисковалъ сломать себѣ шею, онъ добрался, наконецъ, до чердака, откуда выходили лучи свѣта, и влѣзъ въ окно исполненный радости не меньше, чѣмъ боцманъ, вводящій благополучно въ гавань свое судно, угрожаемое бурей.

Оглянувшись по сторонамъ и удивленный, что никого не видитъ въ комнатѣ, казавшейся ему довольно таки странной по внѣшнему виду, онъ принялся осматривать все съ большимъ вниманіемъ. Онъ увидалъ привѣшенную къ потолку жестяную лампу, книги и бумаги, въ большомъ безпорядкѣ валявшіяся на столѣ, глобусъ и компасъ на одной сторонѣ, пузырьки и банки на другой, что привело его къ убѣжденію, что внизу живетъ какой-нибудь астрологъ, приходящій сюда дѣлать свои наблюденія.

Онъ еще мечталъ о томъ, какъ счастливо удалось ему избѣжать опасности, и раскидывалъ умомъ, остаться ли ему здѣсь до завтра или идти искать другое убѣжище, когда вдругъ услышалъ, что возлѣ него кто-то тяжко и продолжительно вздохнулъ. Рѣшивъ, что это галлюцинація его возбужденнаго ума, онъ, не останавливаясь, продолжалъ свои размышленія.

Услыхавъ вторичный вздохъ, онъ уже не сомнѣвался больше въ его реальности, но, не видя никого въ комнатѣ, не воздержался и воскликнулъ:

— Какой чортъ тутъ вздыхаетъ?

— Это я, сеньоръ студентъ,—тотчасъ же отвѣтилъ ему не совсѣмъ обыкновенный голосъ.—Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ я закупоренъ въ одной изъ этихъ банокъ. Въ этомъ домѣ живетъ ученый астрологъ и магъ; онъ, благодаря могуществу своего искусства, держитъ меня въ этомъ узкомъ плѣну.

— Такъ вы духъ, что ли?—спросилъ донъ Клеофасъ, немного смущенный новизною приключенія.

— Я демонъ,—возразилъ голосъ.—Вы пришли какъ разъ кстати, чтобы освободить меня изъ неволи. Я изнываю отъ бездѣйствія, такъ какъ я считаюсь въ аду однимъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ и дѣятельныхъ демоновъ.

Эти слова нѣсколько напугали сеньора Замбуло, но такъ какъ онъ, разумѣется, былъ храбръ, то, собравшись съ духомъ, проговорилъ тономъ рѣшительнымъ и строгимъ:

— Послушайте, сеньоръ чортъ, будьте любезны сказать мнѣ, къ какому классу чертей вы принадлежите: благородный вы демонъ или нѣтъ?

— Я очень важный дьяволъ,—отвѣтилъ голосъ,—и притомъ самый популярный какъ на томъ, такъ и на этомъ свѣтѣ.

Донъ Клеофасъ пробуетъ угадать имя чорта, но это ему не удается, и наконецъ голосъ, запертый въ банкѣ, объясняетъ, что онъ Асмодей, по прозванію Хромой чортъ, занимающійся на землѣ любовью. Когда студентъ разбиваетъ банку и такимъ образомъ освобождаетъ чорта, то тотъ въ благодарность обѣщаетъ показать ему жизнь, какъ она есть, а чтобы картина была понятнѣе, берется быть его руководителемъ и объяснять ему всѣ сокровенныя мысли людей. Асмодей предлагаетъ молодому человѣку взяться за его плащъ и затѣмъ въ одинъ моментъ изъ лабораторіи мага переносится по воздуху на башню Санъ-Сальвадора. По одному жесту чорта крыши на домахъ безслѣдно исчезаютъ и студенту представляется полная возможность наблюдать домашнюю жизнь мадридскихъ гражданъ. Мы не станемъ разсказывать по порядку все, что видѣлъ донъ Клеофасъ, а возьмемъ лишь на выдержку двѣ главы: «О ссорѣ трагическаго поэта съ комическимъ» и «О невольникахъ».

— Сеньоръ Асмодей,—проговорилъ ученикъ,—не могу устоять противъ искушенія, чтобы не спросить васъ, что означаетъ сцена, привлекающая мое вниманіе, несмотря на весь интересъ, который я чувствую къ вашему разсказу. Тамъ въ комнатѣ я вижу двухъ мужчинъ въ однѣхъ рубашкахъ, хватающихъ другъ друга за горло и за волосы, и нѣсколько постороннихъ въ халатахъ, старающихся ихъ разнять.

Демонъ, который только о томъ и думалъ, чтобы доставить удовольствіе молодому человѣку, объяснилъ эту сцену слѣдующимъ образомъ:

— Люди въ рубашкахъ—это два французскихъ автора; а изъ тѣхъ, которые ихъ разнимаютъ, двое нѣмцевъ, одинъ фламандецъ и одинъ итальянецъ. Всѣ они живутъ вмѣстѣ въ меблированномъ отелѣ, гдѣ обыкновенно останавливаются только иностранцы. Одинъ изъ писателей сочиняетъ трагедіи, другой—комедіи. Первый покинулъ Францію изъ-за какой-то непріятности и пріѣхалъ въ Испанію, второй, недовольный ходомъ своихъ дѣлъ, отправился въ путешествіе, надѣясь устроиться удобнѣе въ Мадридѣ.

«Поэтъ трагическій въ большой степени обладаетъ чванностью и надутостью и, наперекоръ здравому смыслу, пользуется въ своей странѣ огромной репутаціей. Чтобы не дать погибнуть своей музѣ, онъ сочиняетъ каждый день и сегодня ночью, не будучи въ состояніи уснуть, принялся писать трагедію на сюжетъ, заимствованный изъ «Иліады». Онъ написалъ одну сцену, и такъ какъ самый маленькій его недостатокъ состоялъ въ томъ, чтобы мучитъ и убивать другихъ людей чтеніемъ своихъ произведеній, то онъ, со свѣчей въ рукѣ, въ одной рубашкѣ, громко сталъ стучать въ дверь къ комическому писателю, воспользовавшемуся своимъ временемъ съ большой пользой и спавшему глубокимъ сномъ.

«Этотъ, проснувшись, отворилъ дверь трагику, который съ видомъ полуумнаго воскликнулъ, входя къ нему въ комнату:

«— На колѣни, мой другъ, на колѣни, преклоняйтесь предъ геніемъ, которому покровительствуетъ сама Мельпомена. Я только-что произвелъ на свѣтъ Божій стихи... т. е. что я говорю? Самъ Аполлонъ продиктовалъ ихъ мнѣ. Еслибъ я былъ въ Парижѣ, я пошелъ бы читать ихъ изъ дома въ домъ, теперь же, какъ только разсвѣтетъ, я отправлюсь съ ними къ нашему посланнику, а потомъ стану очаровывать ими всѣхъ французовъ, живущихъ въ Мадридѣ, но прежде всего я хочу прочесть ихъ вамъ.

«— Благодарю за честь,—возразилъ комическій авторъ,—но, видите ли, вы выбрали неподходящее время. Я поздно легъ сегодня, меня клонитъ ко сну и я не надѣюсь прослушать ваши стихи, не задремавъ во время чтенія.

«— О, за это я отвѣчаю,—сказалъ трагическій авторъ.—Если бы вы умерли, то сцена, сочиненная мною, способна была бы вернуть вамъ снова жизнь. Мои стихи не какое-нибудь сборище обыденныхъ чувствъ, выраженныхъ тривіальнымъ языкомъ, это мужественная поэзія, волнующая сердце и поражающая умъ. Я не изъ тѣхъ стихоплетовъ, жалкія произведенія которыхъ появляются и исчезаютъ со сцены, какъ загробныя тѣни; мои пьесы вмѣстѣ съ моей статуей достойны храниться въ латинской библіотекѣ, онѣ собираютъ толпы зрителей даже послѣ тридцатаго представленія; но вернемся къ стихамъ, которыми я хочу васъ облагодѣтельствовать.

«Моя трагедія называется «Смерть Патрокла». Сцена первая. Появляются плѣнные Ахилла, они рвутъ на себѣ волосы и ударяютъ кулаками въ грудь, чтобы тѣмъ выразить печаль по поводу гибели Патрокла. Подъ тяжестью отчаянія они не могутъ долѣе держаться на ногахъ и валятся посреди сцены. Вы, можетъ быть, находите этотъ пріемъ нѣсколько рискованнымъ, но я именно этого и добиваюсь. Сколько мелкихъ геніевъ держатся въ узкой границѣ подражанія, не рѣшаясь

осмѣлиться перешагнуть ее. Я же, наоборотъ, обожаю новшество и придерживаюсь того мнѣнія, что для того, чтобы тронуть и очаровать зрителей, нужно давать имъ то, чего они никакъ не ожидаютъ.

«Итакъ, плѣнные легли на землю. Фениксъ, наставникъ Ахиллеса, находится тутъ же и помогаетъ имъ подняться. Затѣмъ онъ начинаетъ декламировать слѣдующіе стихи:

Долженъ Пріамъ потерять и городъ, и сына,
Греки ему отомстятъ за смерть друга Ахилла:
Въ томъ поклялись Агамемнонъ и гордый Камемосъ,
Зевсу подобный Несторъ и отважный Эмемосъ,
Ловкій Леонтъ, а съ нимъ Одиссей,
Мужъ краснорѣчивѣе Греціи всей...

«Я остановлюсь, чтобы дать вамъ вздохнуть,—продолжалъ трагическій писатель,—такъ какъ, если я прочту безъ перерыва всю сцену, красота моего стиха и высокія мысли пройдутъ для васъ незамѣченными. Я знаю, у васъ есть умъ и вы оцѣните мое произведеніе.

«— Я ужь и такъ очарованъ,—отвѣчалъ комическій писатель съ странной усмѣшкой,—ничего не можетъ быть прекраснѣе, особливо хорошо то мѣсто, гдѣ вы говорите, какъ Ѳетисъ отгонялъ троянскихъ мухъ отъ трупа Патрокла.

— Не совѣтую вамъ насмѣхаться,—возразилъ трагикъ.—Поэтъ съ талантомъ можетъ описывать все. Всѣ мои творенія отмѣчены геніемъ, и когда я ихъ читаю, мнѣ приходится останавливаться чуть не на каждомъ стихѣ, чтобы принимать комплименты и поздравленія. Мнѣ вспоминается тотъ день, когда я въ Парижѣ читалъ мою трагедію въ одномъ салонѣ, куда сходились лучшіе умы и среди которыхъ я —могу сказать это безъ всякаго хвастовства — былъ не послѣднимъ. На чтеніи присутствовала графиня Воель-Брюнъ; она обладаетъ тонкимъ и деликатнымъ вкусомъ и я самый любимый ея поэтъ. Она плакала горькими слезами. Съ первой же сцены во второмъ актѣ ей пришлось перемѣнить платокъ, въ третьемъ она рыдала, въ четвертомъ ей сдѣлалось дурно, и я боялся, какъ бы она не умерла во время чтенія пятаго акта вмѣстѣ съ моимъ героемъ.

«При этихъ словахъ комикъ не выдержалъ и разразился смѣхомъ.

«— Ахъ, какъ я узнаю въ этомъ бѣдную добрую графиню!—воскликнулъ онъ.—Эта женщина не выноситъ комедіи и питаетъ къ ней такое отвращеніе, что уходитъ изъ театра тотчасъ же по окончаніи серьезной пьесы. Трагедія—ея страсть. Будь ваше произведеніе изъ рукъ вонъ плохо, но разъ въ немъ имѣется несчастный любовникъ, графиня непремѣнно разжалобится. Говоря откровенно, если мнѣ когда-нибудь случится написать серьезную вещь, то я не хотѣлъ бы имѣть ее своимъ судьей.

«— О, меня слушали и другіе, и я слышалъ одобренія отъ милліона особъ мужескаго и женскаго рода...

«— Сомнѣваюсь насчетъ ихъ критическихъ способностей,—перебилъ комическій писатель.—И знаете почему? Потому что большинство подобныхъ слушателей бываютъ слишкомъ разсѣянны во время чтенія, чтобы схватить и замѣтить красоту каждаго стиха или тонкости чувства.

«— Если вы ни во что не ставите такихъ судей, то я могу сослаться на апплодисменты партера.

«— Э, не предавайтесь иллюзіямъ, вашъ хваленый партеръ иногда такъ грубо ошибается и только спустя нѣсколько мѣсяцевъ замѣчаетъ, что апплодировалъ плохой пьесѣ, и развѣнчиваетъ писателя.

«— Ну, этого несчастія мнѣ опасаться нечего,—возразилъ трагикъ,— мои пьесы перепечатываются каждый разъ, какъ ихъ ставятъ на сценѣ. Это вѣдь не то, что комедіи, всѣ слабости которыхъ обнаруживаются при чтеніи, комедіи, будучи простой шуткой, произведеніемъ легкаго ума...

«— Поосторожнѣй, поосторожнѣй, господинъ трагическій авторъ, прошу васъ говорить при мнѣ о комедіи съ уваженіемъ. Неужели вы думаете, что комедію легче написать, чѣмъ трагедію? Разувѣрьтесь, сударь, заставить честныхъ людей смѣяться столь же трудно, какъ и плакать. Разработать сюжетъ на современные нравы нисколько будетъ не легче героическаго сюжета.

«— Ахъ, чортъ возьми,—вскричалъ трагикъ насмѣшливо,—забавно, какъ вы разсуждаете объ этомъ съ серьезнымъ видомъ. Обѣщаю вамъ, г-нъ Калида, чтобы не продолжать долѣе спора, уважать ваши пьесы отнынѣ настолько, насколько я прежде ихъ презиралъ.

«— Меня очень мало безпокоитъ ваше презрѣніе, г-нъ Жиблэ,— отвѣчалъ съ живостью комическій авторъ,—и въ отвѣтъ на вашу иронію скажу вамъ откровенно, что думаю о вашихъ стихахъ: они смѣшны, а мысли, высказанныя въ нихъ, хотя и заимствованныя изъ Гомера, довольно плоски. Невелика честь древнимъ, когда ихъ передѣлываютъ такимъ образомъ.

«— Вы не можете воспарять, какъ геніи,—сказалъ Жиблэ,—и не можете понять красоты моей поэзіи, а потому я не стану читать вамъ продолженія.

«— Я ужь раскаиваюсь теперь, что согласился слушать начало. Самое скверное мое произведеніе неизмѣримо выше вашихъ трагедій; описывать великія движенія души легче, чѣмъ изобрѣсти тонкую шутку.

«— Боже милостивый,—воскликнулъ съ оскорбленнымъ видомъ трагикъ,—дворъ и тотъ лучше думаетъ обо мнѣ, и пенсія, назначенная мнѣ...

«— Ахъ, пожалуйста не надоѣдайте вы мнѣ съ вашими пенсіями,— прервалъ его Калида,—я отлично знаю, какими путями онѣ достигаются. Повторяю вамъ еще разъ: не величайтесь никогда передъ комическими писателями. А чтобы доказать вамъ, что я считаю легче писать серьезныя драматическія поэмы, чѣмъ комическія, я по возвращеніи во Францію, если мнѣ не повезетъ на комическихъ пьесахъ, спущусь до трагедіи.

«— Для сочинителя фарсовъ у васъ порядочно-таки хвастовства.

«— А для такого сквернаго стихоплета и риѳмача, какъ вы, у васъ слишкомъ много чванства.

«— Вы просто нахалъ, мой милый г-нъ Калида, и не будь я у васъ въ гостяхъ, я научилъ бы васъ уважать котурну.

«— Сдѣлайте милость, не обращайте на это обстоятельство никакого вниманія, г-нъ Жиблэ,—отвѣтилъ Калида.—Если вамъ хочется быть избитымъ, я могу вамъ сдѣлать это одолженіе какъ у меня, такъ равно и во всякомъ другомъ мѣстѣ.

«Въ тотъ же моментъ они вцѣпились другъ другу въ волосы и принялись нещадно бить одинъ другого руками и ногами. Итальянецъ, слушавшій весь этотъ разговоръ изъ сосѣдней комнаты, изъ чувства состраданія къ французамъ сталъ звать на помощь. Одинъ фламандецъ, два нѣмца, вмѣстѣ съ итальянцемъ, поспѣшили къ дерущимся и принялись ихъ разнимать.

Глава «О невольникахъ» заключаетъ въ себѣ рядъ коротенькихъ исторійкъ о судьбѣ и жизни алжирскихъ христіанскихъ невольниковъ. Мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ этой главы. Передъ однимъ изъ домовъ донъ Клеофасъ замѣтилъ густую толпу и спросилъ, что это за сборище. Оказалось, что то были выкупленные католическими монахами алжирскіе невольники.

— Многіе изъ этихъ освобожденныхъ плѣнниковъ,—продолжалъ хромой чортъ,—не особенно радуются, что получили свободу. Нѣкоторые, конечно, нетерпѣливо ожидаютъ встрѣчи со своими родственниками, но другіе страшатся узнать, что во время ихъ рабства случилось въ семьѣ какое-нибудь ужасное несчастіе.

«Въ такомъ, напримѣръ, положеніи эти двое, идущіе впереди всѣхъ. Одинъ, уроженецъ маленькаго городка Велилы Аррагонской, въ продолженіе десятилѣтняго пребыванія у турокъ, не получалъ никакихъ извѣстій отъ своей жены и теперь найдетъ ее вступившею во второй бракъ и матерью пятерыхъ дѣтей. Другой, сынъ купца, былъ увезенъ корсаромъ лѣтъ двадцать тому назадъ. Онъ не надѣется найти семью въ томъ же положеніи и это ожиданіе справедливо: мать и отецъ его умерли, а братья, раздѣливъ наслѣдство, промотали всѣ деньги.

— Я внимательно всматриваюсь вонъ въ того молодого плѣнника и по его лицу замѣчаю, что онъ очень радъ.

— Этотъ плѣнникъ имѣетъ причины радоваться,—сказалъ чортъ,—онъ знаетъ, что его тетка, у которой онъ единственный наслѣдникъ, лежитъ при смерти и ему вскорѣ достанется огромный капиталъ. За то у другого, который шагаетъ рядомъ, скребутся на сердцѣ кошки. Когда его захватили пираты, онъ въ то время любилъ даму, отвѣчавшую ему взаимностью; теперь, освободившись отъ оковъ, онъ безпокоится, осталась ли она ему вѣрна.

— А сколько мѣсяцевъ пробылъ онъ въ неволѣ?—спросилъ студентъ.

— Восемнадцать мѣсяцевъ.

— Ну, я думаю, этотъ кавалеръ предается напраснымъ страхамъ, времени прошло не такъ много.

— Вы ошибаетесь,—отвѣтилъ чортъ,—его принцесса тотчасъ же обзавелась другимъ любовникомъ, едва узнавъ, что онъ попался въ плѣнъ къ варварамъ.

— А кто этотъ старикъ съ добродушной физіономіей?

— Это цырульникъ изъ Гипюскоа, возвращающійся въ Бискайю послѣ сорока лѣтъ невольнической жизни. Передъ плѣномъ у него была жена, два сына и дочь; изъ нихъ въ живыхъ теперь только одинъ сынъ, нажившій въ Перу большіе капиталы и купившій у себя на родинѣ два чудныхъ имѣнія.

— Какая радость будетъ для сына встрѣтить своего отца!—воскликнулъ донъ Клеофасъ.

— Вы говорите, какъ нѣжный сынъ, сынъ же цырульника вмѣсто

радости испытаетъ, вѣроятно, скорѣй огорченіе. Онъ даже врядъ ли оставитъ его у себя въ домѣ и вѣрнѣе всего, что пошлетъ старика въ качествѣ сторожа въ одно изъ своихъ помѣстій.

«Позади этого добродушнаго старца идетъ другой, какъ двѣ капли похожій на старую обезьяну: это незначительный аррагонскій врачъ, въ Алжирѣ онъ пробылъ съ полмѣсяца. Какъ только турки узнали, какой онъ профессіи, они не захотѣли держать его у себя и даромъ отдали монахамъ, которые, вѣроятно, тоже не стали бы тратиться на его выкупъ и не привезли бы его въ Испанію, ко всеобщему сожалѣнію.

Затѣмъ Замбуло обратилъ свое вниманіе на одного мужчину, шедшаго совершенно спокойно. Хромой чортъ, чтобы удовлетворить его любопытство, сталъ разсказывать студенту его исторію, какъ вдругъ среди разсказа Асмодея объялъ трепетъ и онъ перемѣнился въ лицѣ.

— Что съ вами?—спросилъ его студентъ.—Что васъ такъ разомъ обезпокоило и лишило дара слова?

— Ахъ, сеньоръ Леандръ,—воскликнулъ демонъ дрожащимъ голосомъ,—какое несчастье! Магъ, державшій меня заключеннымъ въ банкѣ, замѣтилъ мое исчезновеніе изъ лабораторіи: сейчасъ онъ станетъ призывать меня такими сильными заклинаніями, противъ которыхъ я не буду въ состояніи удержаться.

— Какая жалость,—сказалъ съ грустью донъ Клеофасъ,—неужели намъ придется разстаться навѣки?

— Не думаю,—отвѣтилъ Асмодей.—Можетъ быть, волшебникъ потребуетъ отъ меня какой-нибудь услуги и послѣ въ видѣ благодарности отпуститъ меня на всѣ четыре стороны. Если такъ случится, какъ я ожидаю, то можете снова разсчитывать встрѣтиться со мной, но, разумѣется, лишь въ томъ случаѣ, если все происшедшее сегодняшнею ночью останется между нами, въ противномъ случаѣ, предупреждаю, что мы никогда не увидимся.

«Что меня утѣшаетъ,—продолжалъ онъ,—такъ это то, что я устроилъ вашу судьбу. Женитесь на прекрасной Серафинѣ, я влюбилъ ее въ васъ до безумія. Сеньоръ донъ Педро де-Эсколано ничего не будетъ имѣть противъ этого брака, не пропускайте такого удобнаго случая устроить свои дѣла. Но, увы, я слышу уже голосъ волшебника; весь адъ содрогается отъ ужасныхъ заклятій этого грознаго кабалиста. Я не могу больше оставаться съ вами. До свиданія, дорогой Замбуло!

Сказавъ это, онъ поцѣловалъ дона Клеофаса и исчезъ, перенеся предварительно студента въ его жилище.

Какъ мы уже сказали, послѣ появленія «Хромого чорта» и комедіи «Криспэнъ» Лесажъ сталъ извѣстенъ.

Во французской литературѣ найдется немного такихъ веселыхъ комедій, какъ «Криспэнъ, соперникъ своего господина». Уже одна изъ первыхъ сценъ между двумя слугами, Криспэномъ и Лабраншемъ, показываетъ ту легкость шутки, которая такъ присуща таланту Лесажа. Двое слугъ, повстрѣчавшись, дѣлятся своими впечатлѣніями; прежде они были откровенными мошенниками; поступивъ въ услуженіе, они, по ихъ мнѣнію, исправились совершенно. Особенно хвалится Лабраншъ, онъ теперь идетъ по хорошей дорогѣ: его господинъ, молодой человѣкъ, разсказываетъ онъ, любитъ сыграть въ карту, не дуракъ выпить и большой охотникъ до женщинъ, однимъ словомъ, «универсальный че-

ловѣкъ». «Мы съ нимъ вмѣстѣ производимъ дебоши всякаго рода. Это меня развлекаетъ и отдаляетъ отъ зла».

— Невинная жизнь,—подхватываетъ Криспэнъ.

Съ этой пьесы Лесажъ начинаетъ нападать на финансистовъ, онъ какъ бы предвидитъ, что послѣ смерти Людовика XIV наступитъ власть разныхъ парвеню. Криспэнъ, получивъ отвращеніе къ лакейской должности, въ такомъ родѣ разговариваетъ самъ съ собой: «Ахъ, Криспэнъ, это твоя ошибка! Ты всегда занимался пустяками, между тѣмъ какъ могъ бы блистать въ финансовомъ мірѣ... Съ твоимъ-то умомъ, чортъ возьмы! Я ужь раза два успѣлъ бы обанкротиться». Ломать рубль, какъ видно, еще въ XVII столѣтіи считалось выгоднымъ дѣломъ.

Несмотря на ѣдкую сатиру, комедіи «Криспэнъ» и «Тюркарэ» написаны такъ весело, что не вызываютъ въ читателѣ чувства горечи. Въ такомъ же родѣ написанъ и его знаменитый романъ «Жиль Блазъ», этотъ восхитительный шедевръ, съ которымъ имя Лесажа связано навѣки.

«Жиль Блазъ»—это книга въ одно и то же время и утѣшающая васъ, и издѣвающаяся надъ вами, книга, которая вводитъ васъ въ кругъ, въ толпу людей, подобныхъ вамъ. Когда вамъ кажется все въ мрачномъ свѣтѣ и вы начинаете вѣрить въ злой рокъ, въ фатумъ, и приходите къ убѣжденію, что необычайныя вещи случаются только исключительно съ вами, возьмите и читайте «Жиль Блаза», и найдете, что съ нимъ приключалось то же, что съ вами, или нѣчто подобное, что онъ, однако, принималъ за простую случайность и живо утѣшался, не думая никогда падать духомъ.

Въ «Жиль Блазѣ» встрѣчаются всѣ формы жизни и всѣ разновидности человѣческой натуры, всѣ, исключая только тѣхъ, которыя приближаются къ идеалу. Лесажъ, самъ человѣкъ идеальной честности, не любилъ описывать чистыхъ, безупречныхъ людей. «Самыя совершенныя произведенія ума есть тѣ,—говорилъ онъ,—въ которыхъ меньше всего недостатковъ, точно такъ же, какъ самые порядочные люди есть тѣ, кто въ меньшей степени обладаетъ пороками». Эту аксіому примѣнилъ онъ къ роману, и самые честные люди, выводимые въ этомъ романѣ, всетаки имѣютъ какіе-нибудь недостатки. Главный его герой Жиль Блазъ, чтобы остаться вполнѣ натуральнымъ, не долженъ былъ возвышаться надъ толпой и представлять изъ себя дѣйствительнаго героя. Въ немъ вы не встрѣтите ничего страннаго, ничего, что было бы присуще ему одному. Жиль Блазъ—это вы, я, весь свѣтъ. Поэтому его нельзя сравнивать ни съ Панургомъ, ни съ Фигаро, какъ это не разъ дѣлали критики. Въ Панургѣ и Фигаро немало, конечно, расовыхъ чертъ, но немало также и своеобразныхъ характеристическихъ отличій, принадлежащихъ всецѣло имъ однимъ. Жиль Блазъ, наоборотъ, не представляетъ въ своемъ характерѣ никакой оригинальности, это сборный типъ, и, читая его приключенія, мы, ставя себя на его мѣсто, не можемъ не признаться, что поступили бы точно такъ же, какъ и онъ*).

Лесажъ писалъ этотъ романъ почти всю свою жизнь и послѣднюю

---

*) Выдержекъ изъ «Жиль Блаза», не приводимъ, такъ какъ въ будущемъ 1901 году, подписчики получатъ весь романъ съ иллюстраціями въ видѣ безплатнаго приложенія.

часть онъ выпустилъ шестидесяти семи лѣтъ. Три года спустя, въ 1738 году, онъ напечаталъ послѣдній романъ «Саламанкскій ученикъ», которому придавалъ большое значеніе, какъ произведенію зрѣлыхъ лѣтъ. Однако, по существу этотъ романъ стоитъ гораздо ниже другихъ его сочиненій и только манера разсказывать и веселый непринужденный комизмъ по временамъ напоминаютъ прежняго мастера.

Послѣдніе годы (съ 1743 г.) жизни Лесажъ провелъ у своего сына въ Булони. Глухота, появившаяся у него на сороковомъ году, увеличилась въ послѣднее время до такихъ размѣровъ, что ему приходилось прибѣгать къ слуховой трубкѣ. Умственныя способности тоже сильно ослабѣли. Только около полудня онъ владѣлъ всѣми своими чувствами, къ вечеру же и по утрамъ дѣятельность организма почти прекращалась. Лесажъ умеръ въ 1747 году, 17-го ноября, на восьмидесятомъ году жизни.

Послѣ смерти Лесажъ занялъ подобающее ему мѣсто въ литературѣ и теперь его имя ставится на-ряду съ такими разсказчиками, какъ Фильдингъ и Гольдсмитъ, и съ такими драматургами, какъ Мольеръ

ГЛАВА III.

Вольтеръ, Бомарше и Монтескьё,

Жизнь Вольтера.—Его умъ и произведенія.—„Орлеанская Дѣвственница".—Мнѣніе Кондорсе.—Жизнь и произведенія Бомарше.—„Севильскій Цырульникъ".—„Свадьба Фигаро".—Монтескьё.—„Персидскія письма".

Франсуа Аруэ, получившій всемірную историческую извѣстность подъ именемъ Вольтера, родился въ Парижѣ 21 ноября 1694 года. Образованіе онъ получилъ въ лицеѣ Людовика Великаго у іезуитовъ и уже тамъ проявилъ свой скептицизмъ настолько ярко, что разъ какъ-то одинъ изъ учителей, выведенный изъ терпѣнія его вопросами, воскликнулъ: «Несчастный, ты водрузишь со временемъ знамя деизма во Франціи!». Вольтеръ родился въ буржуазной семьѣ; его отецъ былъ нотаріусомъ и чиновникомъ при счетной палатѣ парламента, но, несмотря на это происхожденіе, молодой человѣкъ всѣми силами души стремился къ аристократіи. Онъ обладалъ острымъ умомъ, живостью воображенія; но всего этого еще было мало, чтобы стать на равной ногѣ съ аристократами. Въ лицеѣ онъ запасся нѣсколькими товарищами изъ высшихъ слоевъ общества, а по окончаніи курса его крестный отецъ, аббатъ Шатонёфъ, ввелъ его въ кружокъ современныхъ остряковъ и развратниковъ. Вольтеръ со всѣмъ пыломъ молодости сталъ прожигать жизнь и скоро пріобрѣлъ извѣстность среди аристократической молодежи за свой ѣдкій и острый умъ.

Въ это время въ Парижѣ по рукамъ ходили двѣ злобныя сатиры на правительство, авторомъ которыхъ называли Вольтера; теперь уже выяснено, что вторая была произведеніемъ не его рукъ, но тогда ея настоящій авторъ не былъ извѣстенъ, и Вольтера засадили въ Бастилію. Въ заключеніи онъ просидѣлъ 11 мѣсяцевъ и здѣсь началъ писать поэму «Генріада». Послѣ смерти Людовика XIV, при началѣ правленія регента, Вольтеръ былъ выпущенъ на свободу, а за посвященіе стихотво-

ренія регенту ему была назначена пенсія. Вольтеръ снова повелъ разсѣянный образъ жизни, снова началъ посѣщать великосвѣтскіе салоны, но теперь они уже меньше привлекали его къ себѣ. Собственно роскошь, комфортъ, славу и почести Вольтеръ продолжалъ любить всю жизнь, но онъ былъ самолюбивъ, а при этомъ качествѣ простому буржуа приходилось нерѣдко выносить обиды за свое низкое происхожденіе. Какъ-то разъ, не стерпѣвъ укола своему самолюбію, Вольтеръ въ отместку оскорбительно сострилъ по адресу де-Рогана. Герцогъ ничего ему не отвѣтилъ, но подослалъ къ его дому своихъ слугъ и тѣ жестоко избили его палками. Вольтеръ вскипятился, послалъ вызовъ на дуэль; де-Роганъ, вмѣсто того, чтобы принять вызовъ, обратился къ полиціи, слѣдствіемъ чего было вторичное заключеніе Вольтера въ Бастилію. На этотъ разъ Вольтеръ просидѣлъ недолго, всего пять мѣсяцевъ, а затѣмъ былъ отправленъ въ Англію въ ссылку. Эта ссылка благотворно подѣйствовала на развитіе генія Вольтера. Въ продолженіе трехлѣтняго пребыванія въ Англіи онъ успѣлъ изучить, а впослѣдствіи открыть и показать Франціи такихъ писателей, какъ Шекспиръ и Мильтонъ. Онъ жадно набрасывался на все, что было новаго въ Англіи, и отъ философіи Ньютона неожиданно перескакивалъ къ оспопрививанію, а отъ оспопрививанія къ англійскимъ классикамъ; мало того, онъ занимался въ это время даже религіозными вопросами, съ интересомъ слѣдя за борьбой пуританъ и католиковъ. Вернувшись въ 1729 году въ Парижъ, Вольтеръ проявилъ кипучую дѣятельность: онъ докончилъ свою «Генріаду» и затѣмъ началъ издавать философскія письма объ англичанахъ. Эти письма были запрещены во Франціи и поэтому печатались въ Англіи, но, тѣмъ не менѣе, какимъ-то чудомъ проникли въ Парижъ и распространились среди читающей публики. Въ нихъ Вольтеръ не столько писалъ объ Англіи, сколько указывалъ на упадокъ французскаго общества и халатность правительства. За такія разсужденія ему опять пригрозили Бастиліей, и молодой философъ бѣжалъ въ Лотарингію, откуда затѣмъ ему дали неоффиціальное разрѣшеніе поселиться въ Сиреѣ, въ замкѣ г-жи дю-Шатлэ. «Прекрасная Эмилія» цѣлыхъ десять лѣтъ держала его у себя въ плѣну. Г-жа де-Графинье одна изъ свидѣтельницъ жизни Вольтера въ Сиреѣ, самымъ тщательнымъ образомъ описываетъ, какъ проводилъ Вольтеръ тамъ свои дни. Каждый вечеръ въ девять часовъ садились за ужинъ, затягивавшійся въ разговорахъ за полночь. Здѣсь Вольтеръ являлся во всемъ своемъ блескѣ. Въ Сиреѣ былъ театръ, на которомъ играли все, начиная отъ кукольныхъ комедій и кончая драмами и трагедіями. Въ спектакляхъ участвовали всѣ обитатели замка, даже у двѣнадцатилѣтней дочери г-жи дю-Шатлэ были свои роли. «Въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ,—пишетъ г-жа де-Графинье,—тамъ успѣвали сыграть или прорепетировать тридцать три дѣйствія разныхъ комедій, оперъ и трагедій». Другимъ большимъ развлеченіемъ было чтеніе Вольтеромъ его новыхъ произведеній. Вольтеръ былъ крайне самолюбивымъ авторомъ, не могъ переносить критическихъ замѣчаній и каждое слово, если только, конечно, это была не похвала, считалъ за личное оскорбленіе.

У Вольтера былъ удивительно непріятный характеръ: вспыльчивый чувствительный и придирчивый, онъ иногда по цѣлымъ часамъ дулс

на г-жу дю-Шатлэ за то, что она отказывала ему дать лишній стаканъ рейнвейна, потому что это вино было для него вредно; въ продолженіе десяти лѣтъ онъ безпрестанно ссорился съ ней и, будучи слабаго здоровья, вѣчно пичкалъ себя разными лекарствами; иногда онъ казался совсѣмъ умирающимъ, а черезъ минуту снова оживалъ и развеселялся, пока какое-нибудь ничтожное обстоятельство не измѣняло его настроенія; вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ упорный и страстный работникъ. Г-жа дю-Шатлэ тоже много работала и любила заниматься науками. Это послѣднее обстоятельство нерѣдко возмущало Вольтера: «Бросьте вы, пожалуйста, вашего Ньютона,—говаривалъ онъ, —все это пустыя бредни; да здравствуетъ поэзія!». Она же, напротивъ, отговаривала его писать стихи, хотя дѣлала это не вслѣдствіе отвращенія къ поэзіи, а потому, что слишкомъ хорошо помнила, сколько пришлось Вольтеру перестрадать за нихъ, и даже во время сожительства съ ней онъ послѣ напечатанія «Le Mondain» принужденъ былъ нѣкоторое время скрываться въ Голландіи.

Вольтеръ.

Послѣ смерти г-жи дю-Шатлэ Вольтеръ снова появился въ Парижѣ. Здѣсь одна небольшая комедія, написанная по случаю свадьбы дофина, неожиданно возвеличила Вольтера. Его приглашаютъ ко двору и дѣлаютъ придворнымъ исторіографомъ. Въ бытность свою въ Англіи Вольтеръ имѣлъ случай наблюдать, какъ тамъ награждаютъ талантливыхъ писателей. Съ тѣхъ поръ въ немъ пробудилось желаніе также блистать при дворѣ и вліять на политику. Эта мечта теперь осуществилась: его принималъ король, ему поручали исполнять разныя неоффиціальныя миссіи и открывали двери во всѣ государственные архивы. Однако, такое положеніе продолжалось недолго: неосторожная острота насчетъ маркизы Помпадуръ поссорила его съ королемъ и онъ былъ отставленъ. Поэтъ-философъ сперва уѣхалъ было въ Люневиль, затѣмъ снова вернулся въ Парижъ. Въ то время уже начиналось броженіе умовъ. Вольтеръ захотѣлъ принять участіе въ общемъ движеніи, но вскорѣ замѣтилъ, что прежде всего ему необходимо было для личной безопасности покинуть Францію.

Онъ уже давно велъ переписку съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ Великимъ. Фридрихъ еще при жизни своего отца сталъ питать слабость ко всему французскому, ему нравился острый умъ Вольтера, его безвѣріе, его насмѣшки надъ патерами и монахами, его драмы и даже холодная, напыщенная «Генріада». До чего доходило это поклоненіе, можно усмотрѣть изъ фразы, сказанной Фридрихомъ по поводу «Генріады» Вольтера: «Для человѣка безпристрастнаго,—сказалъ какъ-то разъ молодой король,—«Генріада» будетъ интереснѣе всѣхъ поэмъ Гомера». Вступивъ

на престолъ, Фридрихъ чуть не въ каждомъ письмѣ приглашалъ Вольтера къ себѣ въ гости, пока, наконецъ, тотъ съ досады, что его не хотятъ признать въ своемъ отечествѣ, не принялъ предложенія.

Первое время жизни въ Берлинѣ Вольтеръ находился какъ бы въ эмпиреяхъ, но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ у него начались ссоры съ королемъ. Въ началѣ своего пріѣзда онъ посылалъ въ Парижъ письма, полныя энтузіазма. «150.000 побѣдоносныхъ солдатъ и ни одного прокурора, опера, комедія, философія, поэзія, король-герой, философъ и поэтъ, величіе и красота, гренадеры и музы, трубы и скрипки, платоновскіе пиры, общество и свобода,—можно ли этому повѣрить? А между тѣмъ это правда». Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: «Каждый день я занимаюсь одинъ часъ съ прусскимъ королемъ, поправляю его прозу и стихи; я его учитель, но не камердинеръ».

Спустя нѣкоторое время Вольтеръ позавидовалъ Моперту, президенту берлинской академіи, пользовавшемуся большимъ расположеніемъ у короля, и жестоко напалъ на него въ своемъ памфлетѣ «Діатриба доктора Акакія», который впослѣдствіи былъ сожженъ рукой палача. Это послужило причиной къ разрыву. Отношенія между королемъ и писателемъ сдѣлались натянутыми. «Когда изъ лимона выжатъ весь сокъ, его бросаютъ», сказалъ Фридрихъ. «Мнѣ приходится,—замѣтилъ какъ-то разъ Вольтеръ,—стирать грязное бѣлье короля». Каждый изъ друзей отвѣчалъ презрѣніемъ на презрѣніе, и 26 марта Вольтеръ покинулъ Берлинъ. Во Франкфуртѣ онъ былъ остановленъ прусскимъ офицеромъ, потребовавшимъ отъ него возвращенія томика стихотвореній своего короля.

Послѣ такой неудачной попытки ужиться при чужомъ королѣ Вольтеръ рѣшился найти такой уголокъ, гдѣ бы онъ могъ чувствовать себя безопаснымъ отъ какихъ бы то ни было нападокъ правительства. Съ этимъ намѣреніемъ онъ пріобрѣлъ почти у самыхъ воротъ Женевы небольшое имѣніе и назвалъ его Отраднымъ (Délices). Вначалѣ все шло по хорошему, но потомъ между нимъ и городскимъ управленіемъ возникли недоразумѣнія. Дѣло въ томъ, что Вольтеръ устроилъ у себя въ домѣ театръ, куда приглашалъ многихъ женевскихъ жителей; Женева же въ то время была еще полна духомъ Кальвина, всякія развлеченія и увеселенія были изгнаны изъ этого города и въ немъ царили строгіе протестантскіе нравы. Муниципалитету не понравилось, что Вольтеръ явился развратителемъ жителей, и они предложили ему убираться по добру по здорову. Вольтеру ничего не оставалось, какъ согласиться и отыскать себѣ другое мѣстожительство. Его доходы отъ литературныхъ произведеній въ то время были громадны и онъ разомъ пріобрѣлъ два новыхъ имѣнія: Турень и Ферней. Въ Фернеѣ Вольтеръ жилъ, какъ маленькій царекъ: у него былъ свой дворъ, къ нему пріѣзжали разныя высокопоставленныя лица, съ нимъ переписывались коронованныя особы, между прочимъ, императрица Екатерина II, онъ вліялъ изъ своего имѣнія на умы всѣхъ французовъ, горячо полемизировалъ за дорогія его сердцу идеи и еще имѣлъ время писать стихи и комедіи.

Нѣкоторые процессы, въ которые вмѣшивался Вольтеръ, получили, благодаря ему, широкую огласку. Таково, напримѣръ, дѣло Каласа, суть котораго вкратцѣ слѣдующая: молодой человѣкъ, по имени Каласъ, лишилъ себя жизни; его родители-протестанты были обвинены

въ убійствѣ; носились слухи, что они задушили сына, потому что онъ былъ католикъ; отецъ Жана Каласъ былъ четвертованъ 10 марта 1762 года. Только благодаря усиліямъ Вольтера честь этого старика была снова возстановлена.

Въ Фернеѣ Вольтеръ написалъ «Исторію Россіи при Петрѣ Великомъ», философскій словарь и комментаріи къ Корнелю, цѣлую массу памфлетовъ и сатиръ, въ которыхъ безжалостно осмѣивалъ своихъ враговъ.

Въ 1778 году Вольтеръ покинулъ Ферней и отправился въ Парижъ. Народъ сдѣлалъ ему торжественную встрѣчу. Это былъ рядъ безконечныхъ тріумфовъ: Франклинъ подвелъ къ нему своего сына подъ благословеніе, безчисленныя толпы народа тѣснились при его проѣздѣ, ему устраивали оваціи при каждомъ удобномъ случаѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ театръ на шестое представленіе «Ирены», на сценѣ увѣнчали его бюстъ лавровымъ вѣнкомъ. «Что же, вы хотите уморить меня вашими прославленіями?» воскликнулъ при этомъ Вольтеръ. И дѣйствительно, волненія фатально отозвались на его разстроенномъ уже здоровьи, и 30 мая 1778 г. Вольтеръ умеръ. По поводу его смерти ходили противорѣчивые слухи.

Вольтеръ испробовалъ свои силы во всѣхъ родахъ литературы, но ни въ одномъ не достигъ совершенства и всегда былъ только вторымъ. Его философскія убѣжденія, его деизмъ въ свое время нашли много поклонниковъ и приверженцевъ; «вольтерьянство» было въ большой модѣ, но недолго, и въ наше время «вольтерьянецъ», который бы заявилъ себя таковымъ въ обществѣ или въ литературѣ, показался бы всѣмъ какимъ-то ходячимъ анахронизмомъ и послужилъ бы мишенью для насмѣшекъ. Также выдохлись и канули въ Лету почти всѣ произведенія Вольтера,—его почти не читаютъ, почти совсѣмъ забыли. Это не то, что Ж.-Ж. Руссо, произведенія котораго одно время хотя и подверглись было забвенію, но теперь снова волнуютъ умы и снова нашли себѣ послѣдователей даже среди сильныхъ умовъ.

Вольтеръ оставилъ потомкамъ въ наслѣдство изрядное количество произведеній, но изъ нихъ по адресу дошли только нѣсколько. Изъ всего имъ написаннаго теперь болѣе или менѣе часто упоминаются три произведенія: философскій романъ «Кандидъ», трагедія «Магометъ» и комическая поэма «Орлеанская Дѣвственница».

Такъ какъ два первыя сочиненія не относятся къ юмористическимъ произведеніямъ, то мы займемся третьимъ, т. е. «Орлеанской Дѣвственницей», которая къ тому же еще ни разу не переведена на русскій языкъ. Эта поэма начата Вольтеромъ въ 1730 году, а первое ея изданіе появилось въ 1755 году. Ея появленіе вызвало цѣлый взрывъ энтузіазма и негодованія. Въ тотъ день, когда Вольтера увѣнчивали въ театрѣ, толпа кричала вокругъ него: «Vive la «Henriade»! Vive «Mahomet»! Vive la Pucelle!».

Какъ почти во всѣхъ комическихъ произведеніяхъ Вольтера, въ «Орлеанской Дѣвственницѣ» слышится сатирическое направленіе; его нападкамъ больше всего подвергаются ханжи и монахи, особенно монахи: Вольтеръ обрушивается на нихъ всею силою своей насмѣшки; общество, его упадокъ въ нравственномъ отношеніи служатъ тоже мишенью для злыхъ шутокъ Вольтера, но авторъ боится лишиться попу-

лярности и потому никогда не рискуетъ терзать, подобно Свифту, своихъ соотечественниковъ; пороки, въ которыхъ Вольтеръ обличаетъ французовъ, вызываютъ скорѣе смѣхъ, нежели раскаяніе.

Въ одной изъ первыхъ главъ онъ разсказываетъ бѣдствіе Франціи, которую захватили побѣдоносныя англійскія войска. На помощь осажденнымъ въ Орлеанѣ французамъ является заступникъ Франціи, св. Денисъ; онъ объявляетъ войскамъ, что Францію можетъ спасти и освободить отъ врага только дѣвственница. «Когда онъ кончилъ рѣчь, всѣ принялись смѣяться; а Ле-Ришмонъ, веселый насмѣшникъ и шутникъ, отвѣтилъ ему слѣдующимъ образомъ: «Право, дорогой пророкъ, не стоило спускаться съ небесъ, чтобы предъявлять къ этому испорченному народу такія требованія. Чтобы спасти народъ, не нужно никакой дѣвственницы, и зачѣмъ искать ихъ непремѣнно у насъ, когда ихъ столько живетъ въ раю? Въ Римѣ и Лоретѣ въ сто разъ меньше свѣчей, чѣмъ среди святыхъ дѣвственницъ. У французовъ же, увы, ихъ больше нѣтъ: наши свободные стрѣлки, наши офицеры и наши короли давно лишили провинціи этого украшенія, а потому, мой дорогой Денисъ, поищите дѣвственницъ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ».

Вотъ въ какомъ веселомъ тонѣ упрекаетъ Вольтеръ своихъ соотечественниковъ. Онъ не только не видитъ ничего дурного въ общемъ развратѣ, но даже какъ будто хвалится этимъ.

Вольные стрѣлки и принцы, должно быть, не зѣвали въ свободное отъ занятій время: во всей Франціи нашлась только одна невинная дѣвушка—Жанна Д'Аркъ. Ее находятъ какъ разъ въ то время, когда влюбленный монахъ чуть-чуть было не лишилъ ея навсегда возможности спасти отечество. Во дворцѣ ея появленіе производитъ сенсацію, никто не хочетъ вѣрить, чтобы она была невинной, и приходится созвать цѣлый ареопагъ изъ докторовъ и пожилыхъ матронъ, которые своими подписями свидѣтельствуютъ о ея дѣвственности. Когда фактъ удостовѣренъ, за Жанной начинается цѣлая охота. Ея красота, молодость, а пуще всего дѣвственность влекутъ къ ней всѣхъ придворныхъ. Жанна и сама не прочь полюбить кого-нибудь, но бдительный Денисъ каждый разъ спасаетъ ее на краю погибели. Больше всѣхъ ею прельщается храбрый Дюнуа, онъ вмѣстѣ съ нею отражаетъ англичанъ и долгое время странствуетъ по Франціи и Италіи. Описывая различныя приключенія Жанны и Дюнуа, Вольтеръ не придерживается исторической истины и впадаетъ въ явное подражаніе Аріосту: онъ разсказываетъ о несуществующихъ короляхъ, рисуетъ фантастическіе замки, приплетаетъ сюда валаамскую ослицу и повѣствуетъ объ единоборствахъ Жанны, которыхъ на самомъ дѣлѣ никогда не было. Мы приведемъ здѣсь на выдержку одно изъ такихъ приключеній Жанны: «По выходѣ изъ замка Кютандръ кавалькада, состоявшая изъ короля, его любовницы Агнесы Сорель, Дюнуа, Ла-Тримуйля и Жанны, встрѣчаетъ Жана Шандо, англійскаго рыцаря. оскорбленные имъ король и его придворные бросаются, чтобы сразиться съ нимъ, Жанна же въ это время бѣжитъ за кустъ, надѣваетъ тамъ свое оружіе, затѣмъ вскакиваетъ на осла и, потрясая копьемъ, призываетъ на помощь одиннадцать тысячъ прекрасныхъ дѣвственницъ. Съ бѣшенствомъ Жанъ и Жанна несутся другъ на друга, оба исполнены отвагой; оселъ и лошадь, закованные въ желѣзо и пришпориваемы, мчатся, какъ молнія, и, сталкиваясь головами, разбиваютъ свою броню;

вылетаютъ искры и течетъ кровь, шумъ отъ столкновенія будитъ эхо; оба животныя падаютъ на колѣни, а воины отъ сильнаго удара откидываются на крупъ. Свидѣтели битвы уже считаютъ умершими какъ коней, такъ и рыцарей. Отважная француженка не была такъ сильна и крѣпка, ея кости и мускулы были слабѣй, чѣмъ у гордаго Жана Шандо, и, потерявъ равновѣсіе, она опрокинулась назадъ, обнаживъ свою прелестную грудь, чудныя ножки и все остальное. Шандо въ первую минуту подумалъ, что онъ сразилъ либо Дюнуа, либо самого короля, а потому захотѣлъ посмотрѣть на побѣжденную жертву: снявъ каску, Шандо видитъ лицо съ блестящими и черными глазами; онъ спѣшитъ разстегнуть кирасу, и (о, восторгъ, о, чудо!) его глазамъ предстали два полныхъ, бѣлыхъ, гладкихъ полушарія. При этомъ зрѣлищѣ онъ въ первый разъ громкимъ голосомъ возблагодарилъ Бога. «Она моя, французская дѣвственница! — воскликнулъ онъ. — Удовольствуемся такой местью, я могу теперь вдвойнѣ поразить эту гордую красавицу; Марсъ и Амуръ поддерживаютъ мои права, и я воспользуюсь». Бывшій тутъ его конюшій замѣтилъ: «Упрочьте судьбу англійскаго трона, милордъ, монахъ Лурдисъ намъ говорилъ, что эта дѣвственница залогъ побѣды французовъ, это ихъ свѣточъ и его надо забрать».—«О, да,—отвѣтилъ Шандо,—и мнѣ въ одно и то же время достались слава и удовольствіе». Жанна со страхомъ слушала этотъ разговоръ и, за неимѣніемъ ничего лучшаго, давала тысячу обѣтовъ св. Денису. Великій Дюнуа всей душой хотѣлъ бы помѣшать этому безстыдному тріумфу, но не зналъ, какъ это сдѣлать, не нарушивъ законовъ поединка. Съ поднятымъ забраломъ и съ поникшей головой, печальнымъ окомъ смотрѣлъ онъ на Жана Шандо. Въ его душѣ уже давно таилось пламя любви къ дѣвственницѣ, онъ питалъ къ ней нѣжныя, деликатныя чувства, почти неизвѣстныя среди ословъ его страны.

«Но св. Денисъ не могъ позволить, чтобъ Жанъ Шандо такъ грубо оскорбилъ его избранницу, а вмѣстѣ съ ней и Францію. Шандо вдругъ почувствовалъ, что его пылъ обращается въ ледъ и всѣ старанія не могутъ привести къ желанному результату. Такъ цвѣтокъ, опаленный дневнымъ зноемъ, опускаетъ вѣнчикъ и клонится стеблемъ къ землѣ, напрасно моля о влагѣ, которая бы ему возвратила и жизнь, и окраску. Вотъ какимъ образомъ добрый Денисъ не позволилъ гордому англичанину воспользоваться своимъ правомъ побѣды. Жанна, освободившись отъ смущеннаго побѣдителя и собравшись съ силами въ то время, какъ тотъ ихъ потерялъ, грознымъ голосомъ промолвила: «Ты видишь, что въ самый рѣшительный моментъ битвы Богъ покинулъ тебя, а твой конь палъ; придетъ день, я отомщу за Францію, Денисъ того хочетъ, я въ томъ увѣрена, и вмѣстѣ съ другими воинами приглашаю тебя на свиданіе къ стѣнамъ Орлеана». На это гордый Шандо ей возразилъ: «Подожди, красавица, ты меня еще увидишь и дѣвственницей или не дѣвственницей, но будешь моей, за меня сильный св. Георгъ и я обѣщаю тебѣ исправить свою неловкость».

О скабрезности «Дѣвственницы» Вольтера писалось много разъ. Мы лично не станемъ вмѣшиваться въ эти разсужденія, предоставляя ихъ людямъ болѣе компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, и ограничимся лишь выпиской изъ предисловія къ этому сочиненію Вольтера, написаннаго Кондорсе. Онъ говоритъ: «Намъ кажется, что

есть только два рода сочиненій, могущихъ повлiять въ дурную сторону на общественные нравы: во-первыхъ, такія, въ которыхъ авторы утверждаютъ, что люди могутъ позволить себѣ безъ стыда и совѣсти совершать преступленія вродѣ насилія, адюльтера, соблазненія невинности или безстыдныя дѣйствія, которыя, не будучи по существу преступленіями, отвратительны и непріятны сами по себѣ; и во-вторыхъ, произведенія, гдѣ смакуются разныя тонкости разврата и ненормальныя измышленія распущеннаго воображенія.

«Такія книги опасны потому, что могутъ попасть въ руки молодымъ людямъ, читающимъ ихъ съ жадностью въ тотъ моментъ, когда они только начинаютъ созрѣвать.

«Дѣвственница» не заслуживаетъ ни одного изъ этихъ упрековъ. Сладострастныя картины любовныхъ похожденій Алисы и Доротеи могутъ позабавить воображеніе, но не смутить его; вольныя шутки, разсѣянныя тамъ и сямъ по поэмѣ, не представляютъ изъ себя апологіи къ этимъ картинамъ.

«Эта поэма предназначена преподать урокъ мудрости подъ прозрачнымъ покрываломъ сладострастія и безумія. Авторъ иногда оскорбляетъ вкусъ, но никогда нравственное чувство.

«Мы не думаемъ изображать эту поэму въ видѣ какого-нибудь катехизиса; это произведеніе вродѣ застольныхъ пѣсенъ, въ которыхъ восхваляются безпечность, удовольствіе чувственной жизни, свобода и веселые пиры. Авторовъ этихъ пѣсенъ нельзя упрекать въ томъ, что они какъ будто старались отклонить людей отъ своихъ обязанностей и приглашали проводить жизнь въ объятіяхъ женщинъ за убранными столами; поэты эти просто хотѣли показать, что лучше вести жизнь чувственную, чѣмъ заниматься интригами, сгорать отъ зависти и представляться ханжой».

Въ общемъ поэма Вольтера блещетъ комическими искорками и остротами, написана легкимъ граціознымъ стихомъ и единственно, въ чемъ ее можно упрекнуть, такъ это въ нѣсколько вольномъ отношеніи къ религіознымъ вопросамъ.

Вольтеръ изъ незначительнаго, никому невѣдомаго юноши достигъ, благодаря уму, тонкому знанію людей и остроумію, вліятельнаго положенія и былъ принимаемъ не только среди аристократіи, но и у коронованныхъ особъ. Такіе случаи въ XVIII вѣкѣ были довольны часты: это былъ вѣкъ не только расцвѣта литературы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣкъ авантюристовъ. Другой примѣръ подобнаго же возвышенія являетъ собой современный Вольтеру комическій писатель Пьеръ-Августинъ Каронъ, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ «Бомарше».

Авторъ «Севильскаго Цырульника» и «Свадьбы Фигаро» представляетъ изъ себя чистый типъ француза: живой, какъ ртуть, вѣчно дѣятельный и энергичный, вѣчно влюбляющійся, искатель приключеній, смѣлый, талантливый и безконечно веселый. Сынъ незначительнаго часовыхъ дѣлъ мастера, Бомарше, почти не получивъ никакого образованія, случайно попадаетъ во дворецъ, дѣлается королевскимъ часовщикомъ и, пользуясь близостью къ вліятельнымъ лицамъ, куетъ свое счастье. Бомарше въ молодости былъ красивъ, ловокъ, великолѣпно игралъ на арфѣ, очаровывалъ всѣхъ окружающихъ своимъ

остроуміемъ и веселостью. Благодаря этимъ качествамъ, онъ входитъ въ интимную связь съ г-жей Франке и двадцати трехъ лѣтъ женится на этой женщинѣ, которая одиннадцатью годами старше его.

Причина этого брака было желаніе устроить нѣсколько лучше свое матеріальное положеніе. Въ погонѣ за деньгами Бомарше провелъ всю свою жизнь и скорѣй походилъ на финансиста, чѣмъ на литератора. Бракъ, однако, не помогъ ему устроить денежныя дѣла. Черезъ годъ послѣ свадьбы жена умерла и родственники покойной оттягали судомъ отъ Бомарше почти все имущество. Судьба, покровительствовавшая Бомарше, вскорѣ помогла ему разбогатѣть другимъ способомъ. Финансистъ по имени Пари-Дюверне, довѣренный маркизы Помпадуръ, построилъ на Марсовомъ полѣ школу для молодыхъ офицеровъ. Вмѣстѣ съ Помпадуръ онъ долгое время упрашивалъ Людовика XV осчастливить своимъ посѣщеніемъ эту школу. Людовикъ все не соглашался. Тогда Дюверне обратился за помощью къ Бомарше: онъ обѣщалъ Бомарше, что если тотъ уговоритъ короля, то будетъ его другомъ на всю жизнь. Бомарше давалъ уроки игры на арфѣ дочерямъ короля, и такъ какъ тѣ очень благоволили къ своему учителю, то ему нетрудно было склонить ихъ на свою сторону, а тѣ въ свою очередь добились того, что король вмѣстѣ съ ними отправился осматривать новое зданіе. Послѣ этого Дюверне всю жизнь не оставлялъ своею помощью и совѣтами Бомарше, такъ что вскорѣ молодой человѣкъ оказался обладателемъ довольно солиднаго капитала. Финансовая дѣятельность, въ которую окунулся Бомарше, повидимому, пришлась ему по вкусу и онъ всю жизнь не оставлялъ ея. Онъ занимался экспортомъ, поставкою оружія и провіанта для французской арміи, былъ негласнымъ торговымъ агентомъ правительства и даже отправлялъ собственные корабли въ Америку.

Бомарше.

Но среди этой кипучей дѣятельности Бомарше приходилось еще возиться съ судомъ; его процессы въ свое время производили сенсацію. Разъ дѣла забросили его въ Испанію. Въ то время въ Мадридѣ проживали его двѣ сестры, одна замужемъ за архитекторомъ, а другая считалась невѣстой испанскаго литератора по имени Клавиго. Какъ разъ въ самый пріѣздъ Бомарше Клавиго вдругъ отказался отъ

руки своей невѣсты. Бомарше, узнавъ объ отказѣ, бросился къ литератору, уговорилъ его, и тотъ измѣнилъ свое рѣшеніе, но черезъ нѣсколько времени неизвѣстно куда скрылся. Тогда Бомарше обратился къ посредничеству самой королевы. Этотъ скандалъ надѣлалъ столько шуму, что проникъ не только во Францію, но даже и въ Германію, гдѣ молодой Гёте, по просьбѣ одной дѣвушки, написалъ на этотъ сюжетъ драму. Другой процессъ имѣлъ нѣсколько романическую подкладку. Маркизъ де-Шонъ познакомилъ какъ-то Бомарше со своей содержанкой-актрисой; дѣвушкѣ веселый Бомарше понравился больше своего содержателя и она отдала ему предпочтеніе. Маркизъ изъ ревности задумалъ убить Бомарше, и тотъ, узнавъ объ этомъ намѣреніи, подалъ на него въ судъ, который для умиротворенія враждующихъ сторонъ посадилъ обоихъ въ тюрьму. Впрочемъ, въ тюрьмѣ Бомарше оставался недолго, его скоро выпустили и онъ могъ заняться другимъ процессомъ, который былъ начатъ еще раньше наслѣдниками Пари-Дюверне, требовавшими отъ Бомарше довольно крупную сумму денегъ, которую онъ будто бы остался долженъ умершему. Дѣло это въ первой инстанціи было рѣшено въ пользу Бомарше, но наслѣдники подали апелляцію. Бомарше, чтобы склонить въ свою пользу судей, подарилъ женѣ одного изъ нихъ золотые часы, усыпанные брилліантами, сто луидоровъ деньгами и, кромѣ того, еще пятнадцать луидоровъ для передачи секретарю, съ условіемъ, что если процессъ будетъ имъ проигранъ, то деньги и часы будутъ возвращены ему обратно. Дѣло было рѣшено не въ пользу Бомарше. Жена судьи переслала ему обратно сто луидоровъ и часы. Бомарше этимъ не удовольствовался и потребовалъ еще пятнадцать луидоровъ, а когда та отказалась, подалъ на нее въ судъ. Такъ какъ у Бомарше не было никакихъ доказательствъ, то судъ не только не принялъ его стороны, но еще его самого обвинилъ въ клеветѣ. Бомарше этимъ не удовольствовался и обратился къ суду публики. Въ горячо написанномъ памфлетѣ онъ укорялъ судей въ лицепріятствѣ и поднялъ такой шумъ, что добился таки пересмотра своего дѣла. На засѣданіи суда, продолжавшемся съ утра до вечера, г-жа Гетцъ въ концѣ концовъ созналась, что деньги, пятнадцать луидоровъ, она раздала нищимъ.

Бомарше былъ до мозга костей сыномъ своего вѣка и, какъ всѣ люди того времени, преклонялся передъ женщиной. Ему было тринадцать лѣтъ, когда онъ влюбился въ первый разъ, и такимъ же влюбленнымъ сошелъ въ могилу. Однако, въ его безчисленныхъ любовныхъ приключеніяхъ страсть не всегда занимала первое мѣсто. Въ любви ему больше всего нравилась интрига и поэтому онъ не могъ долго оставаться вѣрнымъ и часто мѣнялъ предметы своей любви. Онъ гнался за удовольствіями, точно также за богатствомъ и велъ свои любовныя и финансовыя дѣла одинаково отважно и весело. Молва послѣ смерти его второй жены обвиняла его въ томъ, что онъ отравилъ обѣихъ. Вольтеръ, до котораго дошли эти слухи, замѣтилъ: «Такой живой и страстный человѣкъ, какъ Бомарше, можетъ дать пощечину своей женѣ, но никогда не отравитъ ея».

Позднѣе, когда Бомарше издавалъ полное собраніе сочиненій Вольтера, онъ приписалъ свое замѣчаніе къ этимъ словамъ: «Я утверждаю, что этотъ Бомарше былъ самъ иногда битъ женщинами, какъ

большинство мужчинъ, которые слишкомъ ихъ любили, но никогда не поднималъ ни на одну изъ нихъ своей руки».

Этому замѣчанію можно повѣрить на слово. Чтобы добиться любви, ему не нужно было прибѣгать къ такимъ сильнымъ средствамъ. Его остроуміе, статная фигура и красивое лицо дѣлали его неотразимымъ какъ въ финансовыхъ салонахъ, такъ и за театральными кулисами. По свидѣтельству современниковъ, Бомарше былъ страстно любимъ своими любовницами и тремя женами.

Мы уже говорили о первомъ его бракѣ; теперь скажемъ нѣсколько словъ о двухъ другихъ. Однажды какой-то другъ сказалъ Бомарше, что онъ понравился недавно овдовѣвшей дамѣ, г-жѣ Левекъ, и что его приглашаютъ на завтра въ одну изъ уединенныхъ аллей Елисейскихъ Полей, именуемую не безъ причины «аллеей вдовъ». Бомарше ѣдетъ на свиданіе, встрѣчаетъ въ указанномъ мѣстѣ двухъ дамъ и проситъ позволенія войти къ нимъ въ карету. Завязывается разговоръ, Бомарше приглашаетъ ихъ къ себѣ обѣдать. Тѣ соглашаются, и Бомарше чуть не въ тотъ же день дѣлаетъ предложеніе. Г-жа Левекъ, прежде чѣмъ рѣшиться на бракъ, обращается къ будущему супругу съ такой рѣчью: «Г-нъ Бомарше, я вдова, мнѣ хорошо извѣстно, какъ мало придаютъ мужчины значенія обѣтамъ, произносимымъ передъ алтаремъ. Я знаю, что вы обожаете женщинъ, но обѣщайте мнѣ, какъ честный человѣкъ, и я вамъ готова вѣрить, что вы не заставите меня проливать слезы одинокой на супружескомъ ложѣ и не сдѣлаете изъ меня жертву подозрѣній ревности». Бомарше обѣщалъ, и такъ какъ ихъ совмѣстная жизнь продолжалась всего лишь около трехъ лѣтъ, то Бомарше, по всей вѣроятности, сдержалъ свое обѣщаніе.

Третью жену онъ встрѣтилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Вскорѣ послѣ перваго представленія «Цырульника», когда Бомарше достигъ апогея славы, къ нему какъ-то разъ мадмуазель Виллермола присылаетъ своего знакомаго и проситъ у него одолжить ей арфу. Бомарше отвѣчаетъ, что онъ ничего не одолжаетъ, но что если угодно придти къ нему, то онъ будетъ счастливъ сыграть передъ ней. Мадмуазель Виллермола приходитъ къ музыканту. «Ихъ сердца,—говоритъ Гюденъ, свидѣтель этого нѣжнаго свиданія,—соединились съ этого момента и уже больше не разставались». Эта послѣдняя жена была добрая и умная женщина, измѣны Бомарше не охладили ея любовь, а ужасныя времена революціи не лишили ея мужества. Какъ сильно былъ любимъ ею Бомарше, можно видѣть изъ письма, которое она писала спустя нѣсколько дней послѣ его смерти. «Наша потеря невозвратима. Другъ, жившій вмѣстѣ со мной въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, умеръ, оставивъ меня въ ужасномъ одиночествѣ съ вѣчными воспоминаніями. Онъ отъ души простилъ и забылъ всѣхъ враговъ. Онъ былъ добрый отецъ, вѣрный другъ и защитникъ всѣхъ угнетенныхъ».

Бомарше писалъ довольно много: писалъ по необходимости, ради защиты своихъ интересовъ, писалъ по творческой потребности, чтобы облегчить умъ и душу. Его драмы теперь уже забыты и не ставятся ни на какой сценѣ; мемуары же только иногда приводятся въ выдержкахъ, но рѣдко кѣмъ читаются. Зато всѣмъ большое удовольствіе доставляютъ его двѣ комедіи. Если ихъ даже перестанутъ ставить на сценѣ, то всетаки типъ Фигаро не перестанетъ жить въ умахъ

французовъ, такъ какъ въ немъ слишкомъ много національныхъ черточекъ, чтобы онъ могъ быть окончательно забытъ. Въ оправданіе пословицы, что каждый чей-нибудь сынъ, критики потратили много труда, чтобы отыскать предковъ Фигаро: одни производили его отъ Жиль-Блаза, другіе—отъ Панурга, но намъ кажется, что предковъ Фигаро нужно искать еще раньше, и мы не ошибемся, если скажемъ, что прообразъ Фигаро находится въ древнихъ французскихъ фабліо; черты его характера довольно ясно проглядываютъ въ жонглерѣ, который продалъ Апостолу Петру всѣ души, находившіяся въ аду *). Панургъ же, Жиль-Блазъ и Криспенъ, хотя и приходятся сродни Фигаро, но сами ведутъ свой родъ отъ того же жонглера.

Типъ Фигаро не придуманъ Бомарше, а списанъ имъ съ натуры и именно съ самого себя. Весь свой жизненный опытъ, весь свой умъ и все свое сердце онъ вложилъ въ этотъ характеръ, такъ что Фигаро съ головы до ногъ похожъ на своего автора. Придуманы только одни приключенія. Бомарше, какъ извѣстно, не былъ ни найденышемъ, ни слугой Альмавивы. Зато нравственное сходство обоихъ прямо поразительно; никогда еще комическій авторъ не выставлялъ себя съ такой полнотой передъ публикой. Фигаро высказываетъ всѣ идеи Бомарше и такимъ образомъ является нелитературнымъ типомъ, какъ Тартюфъ, Жиль-Блазъ и многія другія фиктивныя лица, изобрѣтенныя писателями при помощи наблюденія и вызванныя къ жизни съ помощью искусства. Фигаро же портретъ самого художника; артистъ надѣлъ на него маскарадное платье, но голосъ, взглядъ и улыбка остались тѣ же. Со всѣмъ своимъ знаніемъ жизни, со всѣмъ остроуміемъ Фигаро еще не могъ бы сдѣлаться самымъ популярнымъ героемъ во французской литературѣ, если бы не отражалъ въ себѣ характера цѣлой націи. Онъ вмѣщаетъ въ себѣ тѣ качества, которыми больше всего гордится французъ, и тѣ пороки, которые онъ легче всего себѣ прощаетъ. Онъ безконечно веселъ, у него та особенная галльская веселость, которая отличаетъ француза отъ всѣхъ другихъ народовъ и поддерживаетъ въ нихъ хорошее расположеніе духа. Фигаро просебя говоритъ, что онъ спѣшитъ засмѣяться, чтобы не заплакать, и поэтому каждая его мысль принимаетъ форму насмѣшки. Второе неотъемлемое его качество—это любовь къ интригамъ, страсть къ разнаго рода ухищреніямъ; онъ всегда готовъ измышлять всевозможные фокусы, то для помощи влюбленнымъ, то просто ради собственнаго развлеченія. Онъ подговариваетъ графа Альмавиву явиться въ домъ своей возлюбленной, явиться подъ видомъ учителя музыки, и когда туда же приходитъ донъ Базиліо, учившій все время Розину пѣнію, Фигаро заставляетъ повѣрить ревниваго Бартоло, что тотъ боленъ, и выпроваживаетъ его изъ дома; освободившись отъ этого визитера, Фигаро всѣми силами старается отвлечь вниманіе стараго Бартоло отъ двухъ влюбленныхъ. Эта сцена замѣчательна по своему комизму и мы приведемъ ее цѣликомъ:

Бартоло (*важнымъ тономъ*). Съ этимъ человѣкомъ не совсѣмъ ладно.

---

*) См. Введеніе къ всемірнымъ сатирикамъ и юмористамъ. «Вѣстникъ Иностранной Литературы» за январь.

Розина. У него какой-то блуждающій взоръ.

Графъ. И очень важный видъ.

Фигаро. А видѣли, какъ онъ самъ съ собой разговаривалъ? Должно быть, про насъ что-нибудь. (*Къ Бартоло*). Ну, что жь, вы рѣшитесь на этотъ разъ. (*Пододвигаетъ ему кресло какъ можно дальше отъ графа и подвязываетъ салфетку*).

Графъ. Прежде чѣмъ кончать, сударыня, я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ объ искусствѣ, которому я имѣю честь обучать васъ. (*Приближается и говоритъ ей тихо на ухо*).

Бартоло (*обращаясь къ Фигаро*). Послушайте, мнѣ кажется, что вы нарочно становитесь такъ, чтобъ помѣшать мнѣ видѣть...

Графъ (*тихо Розинѣ*). У насъ есть ключъ и мы будемъ ровно въ полночь.

Фигаро (*завязывая салфетку вокругъ шеи Бартоло*). Чего вамъ смотрѣть? Если бы это еще былъ урокъ танцевъ, туда сюда, но пѣніе!.. Ай, ай!

Бартоло. Что такое?

Фигаро. Не знаю, что-то попало въ глазъ. (*Наклоняетъ голову*)

Бартоло. Да не трите!

Фигаро. Что-то въ лѣвомъ глазу. Будьте любезны, дуньте мнѣ туда посильнѣй. (*Бартоло беретъ голову Фигаро и смотритъ черезъ нее, затѣмъ съ силой отталкиваетъ и подходитъ сзади къ влюбленнымъ, чтобы послушать ихъ разговоръ*).

Графъ (*тихо Розинѣ*). Ваше письмо привело меня въ такое замѣшательство...

Фигаро (*издали, чтобы предупредить*). Кхе, кхе.

Графъ. Я рѣшилъ переодѣться...

Бартоло (*появляясь между ними*). Какъ переодѣться?

Розина (*въ испугѣ*). Ахъ!

Бартоло. Очень хорошо, сударыня, не стѣсняйтесь. Какъ, на моихъ глазахъ, въ моемъ присутствіи и меня же осмѣливаются обманывать такимъ образомъ!

Графъ. Что съ вами, сударь?

Бартоло. О, вѣроломный Аленцо.

Графъ. Г-нъ Бартоло, если вы часто бываете такъ подозрительны, какъ я имѣлъ случай убѣдиться сегодня, то меня болѣе не удивляетъ, что мадмуазель не желаетъ быть вашей женой.

Розина. Его женой! Чтобъ я стала проводить свою жизнь рядомъ съ этимъ старымъ ревнивцемъ, который вмѣсто счастья и радости предлагаетъ мнѣ безпросвѣтное рабство!

Бартоло. Что я слышу?

Розина. Да, и я громко утверждаю, что отдамъ свою руку и сердце тому, кто вырветъ меня изъ этой отвратительной тюрьмы, гдѣ меня лично и мое состояніе удерживаютъ вопреки всякой справедливости (*Розина уходитъ*).

Бартоло. Гнѣвъ душитъ меня.

Графъ. Но это же вѣрно, сударь, что трудно молодой женщинѣ...

Фигаро. Въ томъ-то и дѣло, что молодая женщина и старые годы помутили умъ этого старика.

Бартоло. Какъ, я же ихъ засталъ на мѣстѣ преступленія, а этотъ проклятый цырульникъ!... Меня разбираетъ охота....

Фигаро. Я ухожу, онъ съ ума спятилъ.

Графъ. Я вмѣстѣ съ тобой, и то онъ сумасшедшій.

Фигаро. Спятилъ, спятилъ. (*Уходятъ*).

Бомарше имѣлъ одно изъ главныхъ достоинствъ комическаго автора: онъ умѣлъ оживлять своихъ героевъ. Альмавива, Бартоло, Розина и Сузанна являются передъ читателями живыми лицами. Оживляетъ онъ ихъ тѣмъ же способомъ, какъ и Фигаро, т. е. вкладывая въ нихъ свои идеи, заставляя смотрѣть ихъ на все его собственными глазами. Въ разсужденіяхъ графа Альмавивы о любви такъ и проглядываетъ вѣтренный и измѣнчивый Бомарше; особенно это ярко сказывается въ сценѣ, когда графъ объясняется въ любви своей женѣ, принимая ее за Сузанну, жену Фигаро. Вотъ эта сцена:

Графъ (*беря руку жены*). Какая нѣжная, атласистая кожа. Вотъ если бы у жены была такая же нѣжная, красивая рука.

Графиня (*въ сторону*). О, предубѣжденіе!

Графъ. Если бы у ней была такая же пухленькая ручка и такіе красивые пальчики, такіе граціозные и шаловливые.

Графиня (*подражая голосу Сузанны*). Итакъ, любовь...

Графъ. Любовь—это романъ сердца, а удовольствіе—его фабула, и она приводитъ меня къ твоимъ ногамъ.

Графиня. Такъ вы ея не любите больше?

Графъ. Очень люблю, но три года сожительства охладили меня.

Графиня. Чего жь бы вы хотѣли отъ нея?

Графъ (*лаская ее*). Того, что я нахожу въ тебѣ, моя красота.

Графиня. Но что именно?

Графъ. Не знаю, немножко поменьше однообразія, побольше пикантности и того, что составляетъ прелесть въ женщинѣ, иногда отказъ, вообще я не знаю чего! Наши жены думаютъ, что исполняютъ свой долгъ, если любятъ насъ, а разъ онѣ любятъ, то становятся такими постоянными, такими однообразными, что въ одинъ прекрасный вечеръ тамъ, гдѣ искалъ счастья и наслажденія, находишь одну сытость.

Графиня (*въ сторону*). Ахъ, какой урокъ!

Графъ. Говоря откровенно, Сузанна, я тысячу разъ приходилъ къ заключенію, что если мы гоняемся за удовольствіями внѣ дома, то потому, что наши жены недостаточно изучаютъ искусство поддер-

живать въ насъ вкусъ, искусство возобновлять любовь и, такъ сказать, одушевлять свои прелести посредствомъ разнообразія.

Графиня (*раздражаясь*). Такъ, значитъ, онѣ должны заботиться обо всемъ?...

Графъ (*смѣясь*). А мужчина ни о чемъ. Можно ли измѣнить порядокъ вещей въ природѣ? Наша задача завладѣть ими, ихъ же...

Графиня. Ихъ же?...

Графъ. Удержать насъ. Это слишкомъ часто забываютъ.

Графиня. Ну, въ этомъ больше не придется меня обвинять.

Графъ. Ни меня.

Фигаро (*въ отдаленіи*). Ни меня.

Сузанна (*въ отдаленіи*). Ни меня.

Графъ (*беря жену за руку*). Здѣсь эхо, будемъ говорить тише. Тебѣ не о чемъ безпокоиться, ибо любовь создала тебя такой красивой и такой живой. Съ небольшимъ количествомъ каприза ты будешь самой очаровательной любовницей (*цѣлуетъ ее въ лобъ*). Милая Сузанна, у кастильскаго дворянина есть только честь, и только этимъ золотомъ могу я заплатить тебѣ за очаровательное мгновеніе, проведенное вмѣстѣ съ тобой. Но такъ какъ твоя красота безцѣнна, то я присоединяю еще этотъ брилліантъ съ тѣмъ, чтобъ ты носила его изъ любви ко мнѣ.

Графиня (*кланяясь*). Сузанна принимаетъ все.

Фигаро (*въ сторону*). Глупѣе нельзя быть.

Графъ (*въ сторону*). Она заинтересована, тѣмъ лучше.

Графиня (*смотря въ глубину сцены*). Я вижу факелы.

Графъ. Это приготовленіе къ твоей свадьбѣ. Зайдемъ въ этотъ павильонъ и подождемъ, пока люди пройдутъ.

Графиня. Какъ, безъ свѣта?

Графъ (*нѣжно привлекая ее*). А на что онъ намъ, вѣдь мы не читать тамъ будемъ.

Фигаро (*въ сторону*). Пошла, ей Богу, пошла! А я было сомнѣвался. (*Выходитъ изъ-за куста*).

Графъ (*сердитымъ голосомъ*). Кто здѣсь?

Фигаро (*гнѣвно*). Проходите, некогда!

Графъ (*тихо графинѣ*). Это Фигаро. (*Убѣгаетъ*).

Графиня. Я за вами. (*Входитъ въ павильонъ направо въ то время, какъ графъ скрывается въ чащѣ лѣса*).

Кромѣ остроумія и интриги, комедіи Бомарше имѣютъ еще ту прелесть, что въ нихъ зритель или читатель присутствуетъ при пробужденіи любви. «Созрѣвшій плодъ, сочный и румяный, виситъ на вѣткѣ и готовъ каждую минуту упасть; всѣ руки тянутся, чтобы сорвать его, и чувственность, хотя и прикрытая, но не менѣе вызывающая, является передъ вами то въ ухаживаніяхъ графа, то въ томленіи графини, въ наивности Фаншеты, въ веселыхъ шуткахъ Фигаро, въ вольностяхъ Сузанны и въ осторожности Керубина» *).

При жизни Бомарше его комедіи носили еще сатирическій характеръ, такъ какъ въ нихъ были нападки на дворянство, на привилегію рожденія, на прессу и на цензурныя стѣсненія. Фигаро въ то время являлся представителемъ третьяго сословія, а графъ Альмавива—дворянства, но всѣ эти нападки имѣютъ теперь лишь историческій интересъ; единственно, что осталось, такъ это протесты противъ неравенства. До тѣхъ поръ, пока будутъ богатые и бѣдные, пока будутъ притѣснять умныхъ и ставить у власти людей дюжинныхъ, Фигаро сохранитъ весь свой престижъ.

Бомарше оказалъ Франціи услугу еще въ томъ отношеніи, что вызвалъ къ жизни начинавшую уже было глохнуть комедію интриги. До него въ этомъ родѣ писалъ только Реньяръ; послѣ его комедій этотъ жанръ какъ-то совсѣмъ затерялся, и только Бомарше вновь вывелъ на сцену интригу и непринужденную веселость. «Я,—пишетъ онъ въ предисловіи къ «Свадьбѣ Фигаро»,—давно раздумывалъ и пришелъ къ заключенію, что если какой-нибудь смѣльчакъ не стряхнетъ всей этой пыли, то отъ скуки французы перейдутъ къ фривольной комической оперѣ, а можетъ быть, пойдутъ и дальше въ этомъ направленіи, на бульвары, на подмостки, воздвигнутыя, къ нашему стыду, гдѣ свобода, изгнанная изъ французскаго театра, превратилась въ распущенность, гдѣ молодежь научается сальностямъ и теряетъ вмѣстѣ съ нравственностью вкусъ и пониманіе великихъ классиковъ. Я попытался быть этимъ смѣльчакомъ, и если мои произведенія не такъ талантливы, зато въ нихъ повсюду ясно видно мое намѣреніе». Бомарше могъ бы, положимъ, относиться къ комической оперѣ и не такъ строго, потому что его «Севильскій Цырульникъ» предназначался сначала для итальянской комической оперы и только послѣ былъ передѣланъ въ комедію, но тѣмъ не менѣе онъ вѣрно опредѣлилъ оригинальное отличіе своихъ комедій: веселость и интрига.

Въ отношеніи интриги «Севильскій Цырульникъ» представляетъ шедёвръ. Положимъ, сюжетъ не новъ и подобныя имъ аналогичныя положенія можно встрѣтить во многихъ французскихъ и итальянскихъ комедіяхъ, зато той прелести и ловкости, съ которой онъ запутываетъ, распутываетъ и вновь запутываетъ дѣйствіе, той быстроты и неожиданныхъ эффектовъ не найдешь ни въ какой современной ему комедіи. Планъ сдѣланъ блестяще, характеры очерчены ярко и опредѣленно въ нѣсколькихъ словахъ; комедіи остается только развиваться.

---

*) H. Taine. «Ancien Régime».

Въ «Цырульникѣ» только одна интрига, въ «Свадьбѣ» же развивается разомъ нѣсколько. Фигаро защищаетъ Сузанну, а графъ въ то же время добивается благосклонности Фаншеты, Марселина страдаетъ по Фигаро, а вѣтреный пажъ все запутываетъ еще больше. И все это распутывается Бомарше съ удивительнымъ искусствомъ.

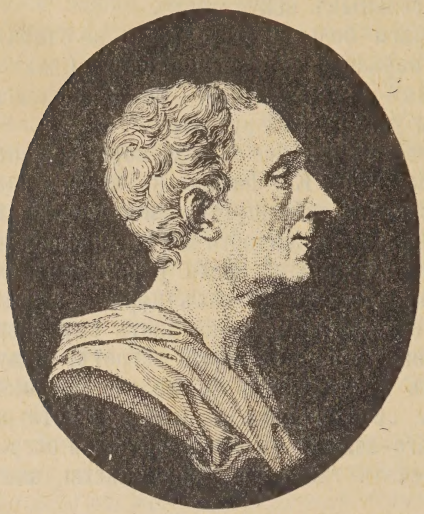
Это возрожденіе комедіи интриги больше всего (если не считать сатирическихъ вылазокъ автора) поразило современниковъ. «Свадьбу Фигаро» называютъ литературнымъ «чудовищемъ»,—такъ обозначалось все, что выходило за предѣлы устарѣвшей рутины.

Бомарше ввелъ еще одно новшество, которое съ тѣхъ поръ и вплоть до нашего времени примѣняется на сценѣ. Его Фигаро не можетъ раскрыть рта безъ того, чтобы не сказать либо шутки, либо насмѣшки, отчего его краткія реплики пріобрѣтаютъ живость и оригинальность. Онъ остритъ безъ устали и кстати и некстати. Если у него имѣется въ запасѣ острота или каламбуръ, то онъ до тѣхъ поръ и будетъ вертѣться вокругъ и около, пока его собесѣдникъ не дастъ ему ввернуть острое словечко. Этотъ безконечный фейерверкъ остротъ, выпускаемый Фигаро, всегда забавлялъ публику, что заставляло позднѣйшихъ драматурговъ выводить въ своихъ пьесахъ особое дѣйствующее лицо, на обязанности котораго лежало смѣшить зрителей остротами, но, увы, не всѣ могутъ пускать такія блестящія ракеты, какъ Фигаро.

Въ прежнія времена резонеръ старинныхъ пьесъ усыплялъ зрительный залъ своими нравоученіями, въ нашъ же вѣкъ часто приходится испытывать нравственныя страданія, слушая плохіе каламбуры современныхъ Фигаро.

Въ то время, какъ Вольтеръ занимался поддразниваніемъ правительства, а Фигаро пускалъ со сцены блестящія остроты, одинъ изъ величайшихъ умовъ Франціи XVIII вѣка сходилъ съ литературнаго поприща. Это былъ авторъ философскихъ и сатирическихъ сочиненій, Шарль де-Секонда, баронъ де-ла-Бредъ и де-Монтескьё. Родившись въ 1679 году въ дворянской фамиліи, насчитывавшей двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, Монтескьё былъ аристократомъ душой и тѣломъ и совѣстился своей страсти къ сочинительству и къ наукѣ. О жизни его имѣется очень мало свѣдѣній, такъ какъ самъ онъ почти никогда ничего о себѣ не говорилъ; можно лишь предполагать, что она прошла у него безъ особенно сильныхъ разочарованій, по крайней мѣрѣ, это можно вывести изъ его словъ: «Я,—говорилъ онъ,—не знаю такого огорченія, которое не разсѣялось бы у меня послѣ одного часа чтенія». Изъ этой фразы, конечно, можно сдѣлать и другое заключеніе, а именно, что Монтескьё очень любилъ читать, и это предположеніе будетъ столь же вѣрно, какъ и первое: онъ дѣйствительно съ молодыхъ лѣтъ съ жаромъ изучалъ естественныя науки и исторію и, несмотря на то, что былъ только простымъ любителемъ, достигъ настолько обширныхъ знаній, что въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ касался этихъ наукъ съ увѣренностью знатока и спеціалиста. «Персидскія письма», одно изъ первыхъ его сочиненій, появились въ 1721 году и произвели большую сенсацію. Успѣхъ книги былъ вызванъ тѣмъ, что въ ней сатира на правительство и общество очень удачно чередовалась съ сладострастными описаніями.

Востокъ въ концѣ XVII вѣка очень интересовалъ французовъ и книга Дюфрена, описывавшая «забавныя и серьезныя приключенія одного сіамца», пользовалась большой популярностью. Монтескьё позаимствовалъ у Дюфрена идею и описалъ впечатлѣнія двухъ персіанъ, Рики и Узбека, пріѣхавшихъ въ Парижъ и брошенныхъ неожиданно изъ сераля въ самый центръ европейской цивилизаціи. Персіане переписываются съ друзьями, съ женами, съ начальниками гаремовъ и пространно повѣствуютъ о своихъ похожденіяхъ въ Европѣ.



Монтескьё.

Монтескьё мастерски владѣетъ перомъ и устроумно осмѣиваетъ предразсудки и обычаи своихъ соотечественниковъ. Онъ издѣвается надъ празднымъ любопытствомъ парижскихъ зѣвакъ, надъ блестящей пустотой свѣтскаго разговора, надъ женскимъ кокетствомъ и надъ различными формами самодовольной глупости, встрѣчающейся въ свѣтѣ. Всякій разъ, когда общественная сатира замѣняетъ у него мѣсто критики нравовъ, тонъ его становится еще рѣзче. Онъ осуждаетъ все правительство, громитъ финансистовъ, которые, по словамъ перса, выбираются изъ среды лакеевъ, указываетъ на злоупотребленія привилегіями дворянства и бичуетъ жадность придворныхъ. Онъ безъ устали высказывается по всѣмъ вопросамъ, но больше всего нападаетъ на ненавистный ему деспотизмъ Людовика XIV.

Онъ заставляетъ своихъ персовъ презирать все безъ исключенія и въ этомъ сказывается неясность и нѣкоторая сбивчивость еще неустановившихся понятій автора. Самыя поверхностныя описанія перемѣшиваются у него съ глубокими изслѣдованіями Кромѣ того, въ «Письмахъ» нельзя замѣтить психологической проницательности. Въ общемъ они являются произведеніемъ блестящимъ, остроумнымъ, но малосвязнымъ по идеѣ и написаннымъ безъ опредѣленнаго плана, почему многія мѣста кажутся туманными и сбивчивыми.

ГЛАВА IV.

Свифтъ и Стернъ.

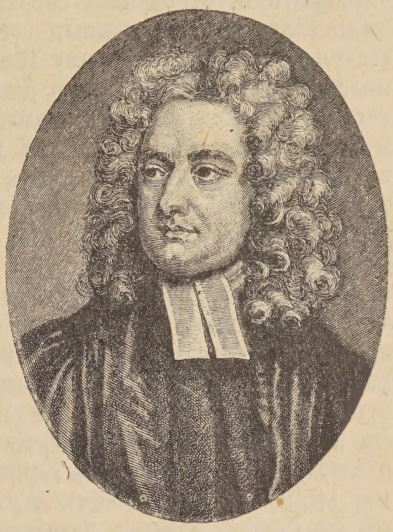
Первые годы Свифта.—Его странный характеръ.—Отношенія къ женщинамъ.—Свифтъ журналистъ.—«Письма суконщика» и «Сказка о бочкѣ».—«Путешествія Гулливера».—Выдержки.—Слогъ Свифта и Стерна.—Причуды Стерна.—Юморъ и мелочность психологіи.—Чувствительность и склонность къ неприличностямъ.—Мнѣніе Тэна.

Въ періодъ времени отъ царствованія королевы Анны и до Георга III развилась и образовалась новая Англія. Ея богатая литература со

всей полнотой отражала въ себѣ общественные нравы и обычаи. Наиболѣе употребительными формами этой литературы были романъ и памфлетъ. Самымъ ѣдкимъ и самымъ даровитымъ памфлетистомъ того времени слѣдуетъ считать Джонатана Свифта.

Свифтъ родился въ 1667 году 30 ноября въ Дублинѣ. Подъ конецъ своей жизни онъ ежегодно въ день своего рожденія впадалъ въ мрачность, считая этотъ день днемъ печали и поста, и не забывалъ никогда прочесть третью главу книги Іова, именно то мѣсто, гдѣ Іовъ проклиналъ день, когда онъ былъ зачатъ, и тотъ часъ, въ который возвѣстили, что родился младенецъ мужского пола.

Свифтъ лишился отца за нѣсколько времени до своего рожденія и потому заботу о воспитаніи взялъ на себя его дядя. Окончивъ первоначальное образованіе, Джонатанъ 14 лѣтъ поступилъ въ Дублинскій университетъ. Особенными успѣхами молодой студентъ не отличался, поведеніе его тоже было не безукоризненно, такъ что для полученія ученой степени баккалавра словесныхъ наукъ ему пришлось просидѣть лишнихъ три года.



Джонатанъ Свифтъ.

Съ этого момента для Свифта начинается рядъ непрерывныхъ несчастій и огорченій; силы его надломились въ борьбѣ съ жизнью, характеръ огрубѣлъ, въ немъ развилось болѣзненное самолюбіе, онъ сдѣлался гордъ и высокомѣренъ. Простой журналистъ и священникъ съ скромными доходами отъ своего прихода въ Ирландіи, онъ обращался высокомѣрно со всѣми вельможами. Первый министръ Гарлей прислалъ ему банковый билетъ за первыя статьи; онъ обидѣлся, что его считаютъ продажнымъ, и не только вернулъ деньги, но потребовалъ еще извиненія. Когда министръ извинился, Свифтъ написалъ: «Я возвратилъ свое благоволеніе г-ну Гарлею». Свифтъ былъ рѣзокъ и причудливъ. Адиссонъ разсказываетъ про него, что онъ ежедневно приходилъ въ одно кафэ и по нѣскольку часовъ сряду прогуливался по комнатѣ изъ угла въ уголъ, затѣмъ, не проронивъ ни слова, разсчитывался и уходилъ. Однажды въ это кафэ зашелъ какой-то иностранецъ. Свифтъ неожиданно подошелъ къ нему и спросилъ: «Скажите пожалуйста, сударь, былъ ли у васъ во всей жизни хоть одинъ хорошій день?». Иностранецъ отвѣтилъ, что у него было нѣсколько такихъ дней. «А вотъ я такъ не могу запомнить ни одного такого дня: то бываетъ слишкомъ жарко, то слишкомъ холодно, то очень сыро, то очень сухо, и всетаки Богъ устраиваетъ такъ, что все обстоитъ благополучно». Въ другой разъ Свифтъ получилъ приглашеніе на обѣдъ къ графу Берлингтону; когда гости выходили изъ-за стола, Свифтъ, поблагодаривъ хозяйку, сказалъ: «Я слышалъ, графиня, что вы недурно поете, спойте намъ

что-нибудь». Хозяйка, взбѣшенная такимъ безцеремоннымъ обращеніемъ, не говоря ни слова, вышла изъ комнаты. Но священникъ рѣшилъ не отставать. Когда она вернулась въ комнату, онъ снова спросилъ ее: «Ну, что же, графиня, споете вы намъ или нѣтъ?». Графиня расплакалась, а графъ захохоталъ. Такія рѣзкости не прошли для Свифта даромъ и онъ никогда не могъ добиться сана епископа, несмотря на то, что одно время, проживая у своего дяди Вильяма Темпля, часто сопровождалъ на прогулкахъ англійскаго короля Вильяма III. По его собственнымъ словамъ, король научилъ его только ѣсть спаржу по-нѣмецки, т. е. весь стволъ съ головкой.

Любовныя отношенія Свифта къ его двумъ подругамъ жизни не менѣе странны и задернуты таинственной завѣсой. Свифтъ, выйдя изъ университета, отправился сперва къ матери въ Англію, но у матери были слишкомъ ничтожныя средства и она посовѣтовала ему обратиться къ его дядѣ Вильяму Темплю. У этого дяди Свифтъ и познакомился съ дѣвушкой Эсѳирью Джонсонъ, болѣе извѣстной подъ поэтическимъ именемъ Стеллы. Молодые люди скоро полюбили другъ друга и Стелла послѣдовала за нимъ въ Ирландію; но здѣсь они жили все время на разныхъ квартирахъ и видились всегда въ присутствіи третьяго лица. Свифту часто приходилось отлучаться въ Англію, и письма, присылаемыя имъ оттуда Стеллѣ, дышатъ нѣжностью и любовью. Однако, въ одну изъ своихъ поѣздокъ онъ влюбился въ извѣстную лондонскую красавицу Ванонгригъ, называемую имъ Ванессой. Красавица отвѣтила ему взаимностью и послѣ его отъѣзда отправилась тоже въ Ирландію и поселилась невдалекѣ отъ Свифта. Скоро слухи о любви Свифта къ Ванессѣ дошли до ушей Стеллы. Дѣвушка такъ разстроилась, что опасно захворала. На Свифта это ужасно подѣйствовало; онъ въ страшномъ волненіи прибѣжалъ къ епископу и между ними произошелъ горячій разговоръ; что было говорено между ними, остается до сихъ поръ тайной. Епископъ впослѣдствіи называлъ Свифта самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Одно время утверждали, что Свифтъ и Стелла были братомъ и сестрой, но теперь это объясненіе отвергнуто, какъ невѣрное, и Тэнъ предполагаетъ, что причиной странныхъ отношеній Свифта и Стеллѣ была его физическая немощь. Впослѣдствіи Свифтъ женился на Стеллѣ, и когда Ванесса въ свою очередь потребовала, чтобы ихъ связь была освящена бракомъ, Свифтъ ей, разумѣется, отказалъ и лондонская львица вскорѣ послѣ этого умерла съ горя.

Политическая и литературная дѣятельность Свифта отличалась большимъ разнообразіемъ. На первыхъ порахъ онъ выступилъ со своими памфлетами противъ партіи торіевъ. Но когда виги не оказали ему протекціи и не предоставили въ его распоряженіе прихода, Свифтъ измѣнилъ имъ и перешелъ на сторону консерваторовъ. Всѣ свои памфлеты онъ пускалъ въ свѣтъ безъ имени, предоставляя имъ пробивать самимъ себѣ дорогу. Его остроуміе, рѣзкость и неумолимая логика такъ сильно вліяли на толпу, что онъ по своему желанію могъ руководить массами. По пріѣздѣ въ Ирландію онъ первый выступилъ бойцомъ за конституціонныя права страны. Однажды англійское правительство дало разрѣшеніе ирландскому заводчику Вуду чеканить мѣдную монету. Въ народѣ распространился слухъ, будто монета была легче уста-

новленнаго образца. Была назначена особая коммиссія, въ числѣ членовъ которой былъ Ньютонъ; она признала отчеканенную монету установленнаго достоинства. Но Свифтъ поддержалъ народъ и восторжествовалъ надъ государствомъ, выпустивъ цѣлый рядъ памфлетовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Писемъ суконщика». Вотъ что онъ писалъ въ нихъ:

«Братья, друзья, земляки и товарищи! То, что я скажу вамъ теперь послѣ вашихъ обязанностей къ Богу и заботъ о вашемъ спасеніи, составляетъ самый важный интересъ какъ для васъ самихъ, такъ и для вашихъ дѣтей; отъ этого зависятъ вашъ хлѣбъ, ваша одежда, все необходимое для жизни. Вотъ почему я настоятельно убѣждаю васъ, какъ христіанъ, какъ отцовъ семейства, какъ друзей своей родины, прочитать внимательнымъ образомъ этотъ листокъ или попросить другихъ прочитать его вамъ. Чтобы это обошлось для васъ какъ можно дешевле, я приказалъ напечатать его и продавать по самой ничтожной цѣнѣ»*).

«Журналъ вашъ утверждаетъ, будто качество монеты повѣрено,— пишетъ Свифтъ немного далѣе.—Какая наглость и безстыдство! Вудъ постарается сдѣлать десятокъ или два монетъ изъ хорошаго металла, пошлетъ ихъ въ Тоуэръ, тамъ найдутъ ихъ удовлетворительными и они должны отвѣчать за всѣ тѣ, которыя онъ отчеканилъ или можетъ отчеканить! Разумѣется, когда какой-нибудь джентльмэнъ пришлетъ ко мнѣ въ лавку взять образчикъ матеріи, то я добросовѣстно отрѣжу его отъ штуки, и если образчикъ понравится, онъ ко мнѣ приходитъ самъ или пришлетъ, сравниваетъ присланный образчикъ съ цѣлою штукою и, по всей вѣроятности, мы съ нимъ сойдемся; но если бы мнѣ вздумалось купить сотню барановъ, а гуртовщикъ показалъ бы мнѣ одного барана, въ видѣ образчика, и потомъ потребовалъ, чтобы я заплатилъ ему ту же цѣну за сотню остальныхъ, не позволяя даже посмотрѣть на нихъ прежде уплаты денегъ или не давая мнѣ никакого ручательства, что возвратитъ деньги за тѣхъ барановъ, которые окажутся тощими, стриженными или паршивыми, то я не желалъ бы имѣть съ нимъ дѣла. Мнѣ разсказывали анекдотъ, какъ одинъ изъ домовладѣльцевъ, желая продать свой домъ, носилъ въ карманѣ кусокъ кирпича и показывалъ его въ видѣ образчика, чтобы заинтересовать покупателей; это какъ двѣ капли воды похоже на пробу монеты Вуда».

Свифтъ въ своихъ памфлетахъ никогда не приводитъ вѣскихъ доказательствъ: для этого у него слишкомъ слаба научная подготовка; зато онъ геніально иронизируетъ; это Гомеръ ироніи; оскорбить и вышутить кого-нибудь Свифтъ умѣлъ, какъ никто другой. Онъ мимоходомъ задѣваетъ своихъ противниковъ, своихъ политическихъ враговъ и двумя-тремя желчными восклицаніями убиваетъ ихъ наповалъ.

Его «Сказка о бочкѣ» представляетъ жесткую сатиру на христіанскую религію. Вотъ вкратцѣ ея содержаніе. У одного отца было три сына: Петръ, Мартынъ и Иванъ. Умирая, онъ каждому оставилъ по новому платью (христіанская истина) и просилъ ихъ ничѣмъ не украшать платья, кромѣ только тѣхъ украшеній, которыя упоминалъ въ его духовномъ завѣщаніи. Послѣ смерти отца братья долгое время путешествовали по разнымъ странамъ, сражались съ драконами и вели-

*) И. Тэнъ, «Исторія англійской литературы».

канами (намекъ на гоненіе христіанской религіи), наконецъ, вернулись обратно и поселились въ большомъ городѣ. Въ это время образовалась секта, основнымъ принципомъ которой было положеніе, что міръ есть только гардеробъ нарядовъ. Земля, по мнѣнію этихъ сектантовъ, представляла изъ себя не что иное, какъ кафтанъ съ зелеными вышивками, море—жилетъ водяного цвѣта, совѣсть—штаны, прикрывающіе грязь и безстыдство, которые, однако, легко сбрасываются, когда дѣло идетъ о пользѣ того или другого и т. д. Сектанты говорили, что одежда есть душа, и ссылались при этомъ на Священное Писаніе, потому что она даетъ намъ жизнь, движеніе и бытіе. Три брата, очутившись въ своей скромной одеждѣ среди такихъ людей, чувствовали себя неловко. Какъ разъ въ то время вышла мода носить наплечные банты. Братья открыли духовное завѣщаніе, но тамъ не нашли никакого упоминанія о такихъ бантахъ. Долгое время они не знали, что дѣлать, пока одинъ изъ братьевъ не вывелъ остальныхъ изъ затрудненія. «Если,—сказалъ онъ,—тутъ нѣтъ прямого разрѣшенія, то мы, можетъ быть, найдемъ его, складывая первые слоги отдѣльныхъ словъ». Всѣ съ радостью ухватились за эту мысль и принялись складывать; однако, желаемаго результата не получилось; но тотъ же братъ послѣ первой неудачной попытки предложилъ испробовать другой способъ составить разрѣшеніе изъ разныхъ буквъ завѣщанія. Сначала все шло удачно и первое слово shoulder было найдено довольно скоро, но при составленіи второго слова они не могли отыскать буквы «к»; во всемъ завѣщаніи не было ни одного «к». Тутъ уже брату-казуисту пришлось высказать всю свою изобрѣтательность; онъ долго ломалъ голову и, наконецъ, придумалъ объясненіе; по его словамъ выходило, что буква «к» и не могла быть въ завѣщаніи, такъ какъ эта буква новѣйшаго происхожденія и завѣщаніе составлено гораздо раньше. Послѣ этого случая братья уже всегда слѣдовали за модой, хотя для приличія и справлялись съ духовнымъ завѣщаніемъ. Но вотъ разъ какой-то актеръ сыгралъ новую роль въ кафтанѣ, обшитомъ серебряною бахромою, послѣ этого вскорѣ весь городъ, изъ подражанія актеру, сталъ тоже носить такіе же кафтаны. Братья открыли духовное завѣщаніе, думая найти тамъ разрѣшеніе, но при самомъ же началѣ наткнулись на мѣсто, гдѣ отецъ просилъ ихъ никогда не носить серебряной бахромы на кафтанахъ. Два первые брата уже готовы были впасть въ отчаяніе, но тотъ, который не разъ помогалъ имъ, нашелся и теперь: онъ объяснилъ братьямъ, что слово серебряная бахрома употреблено отцомъ въ аллегорическомъ смыслѣ и означаетъ наметельникъ. Одинъ изъ братьевъ сдѣлалъ было возраженіе: зачѣмъ отцу вздумалось запрещать имъ украшать кафтаны наметельниками, но его просто остановили и сказали, что если онъ не понимаетъ аллегорій, то пусть лучше и не разсуждаетъ объ отвлеченностяхъ. Въ концѣ концовъ старшій братъ заперъ въ ящикъ ветхое духовное завѣщаніе и всѣ зажили, какъ кому хотѣлось. Но потомъ братъ Петръ возгордился передъ другими и приказалъ титуловать себя монсиньоромъ. Изъ-за этого поднялся споръ, братья перессорились, духовное завѣщаніе снова извлечено было на свѣтъ Божій, Мартынъ поснималъ съ себя нѣкоторыя украшенія, а Иванъ такъ исполосовалъ все платье, что остался въ рубищѣ и впослѣдствіи не разъ завидовалъ другимъ братьямъ.

Вотъ остовъ этой замѣчательной сказки. Попутно Свифтъ раздаетъ щелчки антипатичнымъ для него профессіямъ и ученымъ, высмѣиваетъ философовъ, математиковъ, педантовъ. Это было первое его крупное сочиненіе, надѣлавшее много шуму и повредившее его карьерѣ. Когда вскорѣ послѣ напечатанія сказки вліятельные друзья задумали доставить Свифту мѣсто епископа въ Ирландіи, то другія духовныя лица возмутились противъ него и лично просили королеву Анну не дать возможности этому безбожнику надругаться еще больше надъ англиканскою церковью. Просьба эта была уважена королевой, и Свифтъ не пошелъ дальше декана.

Въ 1727 году появились «Путешествія Гулливера». Книга эта произвела всеобщую сенсацію; публика читала ее нарасхватъ, ее можно

Гулливеръ у Лиллипутовъ.

было найти какъ въ кабинетѣ ученаго, такъ и въ дѣтской комнатѣ. Интересъ къ ней еще увеличивался тѣмъ, что имя автора было для всѣхъ глубокой тайной; даже издатель не зналъ, кто написалъ ее. Свифтъ, вѣроятно, боясь преслѣдованія правительства, обставилъ выпускъ своего главнаго сочиненія непроницаемой тайной, только ближайшіе друзья знали, что онъ давно работалъ надъ ней. По своей ироніи и злому комизму «Путешествія Гулливера» вызывали смѣхъ у читателей, и въ этомъ случаѣ къ нимъ какъ нельзя болѣе были примѣнимы безсмертныя слова Гоголя: «Надъ кѣмъ смѣетесь—надъ собой смѣетесь». Въ этой книгѣ Свифтъ осмѣиваетъ не какой-нибудь исключительный порокъ, пишетъ сатиру не на одно лицо; онъ иронизируетъ надъ всѣмъ человѣческимъ родомъ и не столько веселитъ людей, сколько терзаетъ ихъ.

Весь талантъ и всѣ его странности отразились въ этомъ произведеніи Свифта. Однимъ изъ главныхъ его стараній было желаніе разсказать

фантастическую исторію, но такъ, чтобы она показалась вполнѣ достовѣрной. Поэтому онъ вездѣ въ своихъ путешествіяхъ старается подражать сухому и ясному изложенію морскихъ путешественниковъ, описываетъ съ точностью весь путь, обстоятельно разсказываетъ о маневрахъ съ парусами во время бури и такимъ образомъ даетъ читателю полную иллюзію. Вотъ, напримѣръ, описаніе его перваго знакомства съ лиллипутами. Какъ извѣстно, Гулливеръ, попавъ на незнакомый ему островъ, отъ утомленія вскорѣ уснулъ; проспавъ около девяти часовъ, онъ хотѣлъ было подняться, но не могъ сдвинуться съ мѣста. «Я спалъ на спинѣ и теперь чувствовалъ, что мои руки и ноги крѣпко привязаны къ землѣ съ каждой стороны, и мои густые и большіе волосы прикрѣплены къ ней точно такъ же. Я чувствовалъ на всемъ тѣлѣ, отъ груди до бедръ, какія-то тонкія повязки или бинты. Я не могъ смотрѣть иначе, какъ только вверхъ; солнце начинало жечь и его лучи ослѣпляли глаза. Кругомъ меня слышался какой-то странный шумъ, но я не могъ повернуться и видѣлъ только небо. Спустя минуту, я почувствовалъ, что у меня по лѣвой ногѣ движется что-то живое, что тихо приближается на грудь и останавливается какъ разъ въ уровень съ моимъ подбородкомъ. Опустивъ глаза внизъ насколько возможно, я распозналъ, что передо мною стоитъ человѣческое существо, величиною не болѣе шести дюймовъ, въ рукахъ у него лукъ и стрѣлы, а на спинѣ колчанъ. Въ то же время я почувствовалъ присутствіе на своемъ тѣлѣ, по крайней мѣрѣ, около сорока подобныхъ же созданій, которыя, по моимъ догадкамъ, были одного вида съ первымъ и слѣдовали за нимъ. Въ страшномъ изумленіи, я такъ громко вскрикнулъ, что всѣ они въ ужасѣ разбѣжались и, какъ мнѣ говорили потомъ, нѣкоторые изъ нихъ, прыгая и падая съ моихъ реберъ на землю, получили значительныя раны. Однако, скоро они возвратились снова и одинъ, желая разсмотрѣть меня, отважился подойти къ моему лицу. При этомъ онъ въ удивленіи поднялъ кверху руки и глаза и рѣзкимъ, но яснымъ голосомъ прокричалъ слѣдующія слова: «Гекина дегуль». Всѣ остальные нѣсколько разъ повторили то же, но я не понялъ значенія этихъ словъ».

Свифтъ часто беретъ за основу нелѣпое положеніе и затѣмъ развиваетъ его послѣдствія. Онъ дѣлаетъ это совершенно серьезно, но зато какая сила таится за этою серьезностью! Могутъ ли не казаться смѣшными наши страсти и наши интересы, низведенные до ничтожности лиллипутовъ или поставленные рядомъ съ великанами Бробдиньяка? Что такое будетъ красота, если всякое тѣло, увеличенное во сто разъ, въ тысячу разъ, кажется ужаснымъ и отвратительнымъ? По мнѣнію Свифта, большая часть нашихъ чувствъ есть просто нелѣпость, а слабость органовъ единственная причина нашей любви. Общество подвергается у него еще большимъ насмѣшкамъ, чѣмъ самъ человѣкъ. Въ Англіи въ его время царила страсть ко всякимъ зрѣлищамъ, тогда, какъ и теперь, паяцъ былъ въ полной славѣ и составлялъ какъ бы постоянную принадлежность народнаго развлеченія. Эту страсть подмѣтилъ Свифтъ и упоминаетъ о ней, описывая зрѣлище, какое представлялъ Гулливеръ для Бробдиньякскихъ крестьянъ: «Меня помѣстили на столѣ въ самомъ большомъ залѣ гостинницы; залъ, вѣроятно, имѣлъ до трехъ сотъ квадратныхъ футовъ. Моя маленькая кормилица сидѣла на низкомъ табуретѣ возлѣ самаго стола, съ цѣлью наблюдать за мной и объяс-

нять, что я долженъ дѣлать. Во избѣжаніе толкотни, хозяинъ впускалъ въ домъ за одинъ разъ не болѣе тридцати человѣкъ. По командѣ дѣвочки, я ходилъ по столу; она предлагала такіе вопросы, на которые знала, что я могу отвѣчать на ихъ языкѣ, и я произносилъ эти слова такъ громко, какъ только могъ. Я нѣсколько разъ обращался къ присутствующимъ, то свидѣльствуя имъ свое почтеніе, то желая ихъ ви-

Гулливеръ у Бробдиньяковъ.

дѣть еще у себя въ гостяхъ, то произнося всякія другія слова, которыя подсказывала мнѣ дѣвочка. Затѣмъ я бралъ наперстокъ, наполненный питьемъ, и выпивалъ его за здоровье публики. Вынувъ шпагу, я маневрировалъ ею въ воздухѣ, какъ это дѣлаютъ эспадронами учителя фехтованія въ Англіи. Моя кормилица дала мнѣ соломину и я, выучась еще въ дѣтствѣ упражненіемъ съ пикой, продѣлывалъ ихъ теперь. Въ этотъ день было двѣнадцать перемѣнъ публики, причемъ каждый разъ я начиналъ тѣ же паясничества; они страшно надоѣли мнѣ и истомили до полусмерти. Видѣвшіе представленіе передавали обо мнѣ такія чудеса, что народъ ломился въ двери, желая получить мѣсто. Мой хозяинъ, въ своихъ интересахъ, не позволялъ никому до

меня дотрогиваться, кромѣ дочери, и, для предупрежденія опасности, скамьи были отставлены далеко отъ стола. Несмотря на это, какому-то школьнику удалось пустить мнѣ въ голову орѣхъ, который былъ брошенъ съ такой силой, что чуть не раскроилъ черепа, такъ какъ этотъ орѣхъ по величинѣ равнялся нашей небольшой тыквѣ. Я съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ публика, наказавъ школяра, выгнала его изъ зала.

Мой хозяинъ объявилъ о будущихъ моихъ представленіяхъ въ ближайшій базарный день. Въ ожиданіи этого, онъ сдѣлалъ нѣкоторыя болѣе удобныя приспособленія для перевозки меня, что было совершенно основательно, такъ какъ первое путешествіе и непрерывное восьмичасовое представленіе до того утомили меня, что я насилу стоялъ на ногахъ и едва могъ выговорить слово. Не менѣе какъ черезъ три дня я пришелъ въ себя и возстановилъ силы. Но мнѣ и дома не давали покоя. Всѣ сосѣдніе дворяне, на сто миль въ окружности, услыша обо мнѣ, являлись къ хозяину посмотрѣть на диковину. Эта страна очень населена и потому любопытные прибывали не менѣе тридцати человѣкъ разомъ. Хозяинъ, являясь къ нимъ со мной, всегда требовалъ плату за полный залъ, хотя бы въ ней находилось только одно семейство. Такимъ образомъ, пока мы не отправились въ городъ, я не имѣлъ въ теченіе недѣли ни одного свободнаго дня, кромѣ среды—ихъ воскресенья».

Свифтъ осмѣиваетъ всѣ классы общества: дворянинъ изъ подъ его пера выходитъ умственно и физически прогнившимъ человѣкомъ, король—главнымъ проводникомъ всевозможныхъ пороковъ въ жизнь, неспособнымъ примѣнить съ пользой порядочнаго человѣка, юристъ—продажнымъ лгуномъ, привыкшимъ за многолѣтнюю казуистическую практику извращать на всѣ лады истину, министръ—благодаря пустозвоннымъ фразамъ объ общественныхъ интересахъ или благодаря развратной жизни своей жены дѣлается распорядителемъ всѣхъ общественныхъ мѣстъ, воруетъ общественныя деньги и подкупаетъ ими депутатовъ; про сенаторовъ онъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «Каждый сенаторъ, высказавъ въ государственномъ совѣтѣ мнѣніе по обсуждаемому вопросу и представя аргументы въ пользу этого мнѣнія, обязанъ былъ вотировать въ смыслѣ прямо противоположномъ защищаемому имъ мнѣнію, такъ какъ только въ такомъ случаѣ въ результатѣ получится общественное благо». Получившимъ аудіенцію у перваго министра Свифтъ рекомендуетъ, изложивъ въ самыхъ короткихъ, простыхъ и точныхъ выраженіяхъ сущность дѣла, ущипнуть министра за носъ или дать ему пинка въ животъ, или наступить на мозоль, или потеребить его трижды за уши, или уколоть черезъ штаны иголкой, чтобы заставить его не забыть о дѣлѣ, такъ какъ общая болѣзнь всѣхъ придворныхъ фаворитовъ: короткая и слабая память.

Если въ государствѣ существуютъ политическія партіи, онъ предлагаетъ слѣдующее замѣчательное средство для успокоенія умовъ: берутъ сотню предводителей каждой партіи и распредѣляютъ ихъ парами по росту, такъ, чтобы головы каждой пары находились на одной линіи, затѣмъ два искусныхъ оператора одновременно спиливаютъ у каждой пары черепъ сверху до затылка такимъ образомъ, чтобы мозгъ раздѣлился на двѣ равныя половины. Тогда, мѣняя отдѣльныя части, при-

кладываютъ затылокъ съ головы одного на голову другого и обратно. Повидимому, эта операція требуетъ большой аккуратности и осторожности, но профессоръ увѣрялъ насъ, «что если ловко сдѣлать ее, то выздоровленіе больного несомнѣнно», причемъ онъ приводилъ слѣдующіе доводы въ ея пользу: «двѣ половины различнаго мозга, будучи сложены въ одномъ черепѣ, для рѣшенія между ними спорнаго вопроса,

Умиротвореніе политическихъ противниковъ.

скоро придутъ въ соглашеніе и произведутъ ту умѣренность и то равновѣсіе мыслей, которыя такъ желательны для головъ, воображающихъ себя призванными стоять на стражѣ общественныхъ движеній и руководить ими». Что касается качественнаго и количественнаго различія мозга у предводителей партіи, то по увѣреніямъ доктора, основаннымъ на его личныхъ знаніяхъ, «это сущіе пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить».

Всѣ эти гиперболы и на первый взглядъ безсмысленныя утрировки дѣлаются Свифтомъ съ цѣлью разоблачить природу человѣка и сбросить съ нея покровы, въ которые облекли ее сами же люди. Чтобы показать всю низость человѣческой натуры, Свифтъ прибѣгаетъ къ по-

слѣднему и самому сильному средству. Ему, какъ Гётевскому Фаусту въ старости, весь міръ съ его волненіями кажется пустой блестящей мишурой. Фаустъ въ одномъ изъ монологовъ говоритъ:

Всему,что сердце обольщаетъ,
Я шлю проклятіе, всему,
Что нашу душу увлекаетъ,
Что льститъ несчастному уму.
Проклятье—выспренное мнѣнье
О духѣ—разумѣ людскомъ...

Свифтъ тоже проклинаетъ разумъ и, желая показать человѣчество въ первобытномъ состояніи, отбрасываетъ разумъ въ сторону и представляетъ людямъ ихъ прототипъ въ лицѣ Ягу.

«Наконецъ я увидѣлъ въ полѣ какихъ-то животныхъ; изъ нихъ два или три сидѣли на деревьяхъ. Ихъ въ высшей степени странный и безобразный видъ нѣсколько смутилъ меня и я прилегъ за кустомъ, чтобы лучше разсмотрѣть этихъ животныхъ. Нѣкоторыя подошли близко къ тому мѣсту, гдѣ я лежалъ, такъ что мнѣ было весьма удобно наблюдать за ними. Голова и грудь у нихъ были покрыты густыми волосами; у однихъ волосы вились, а у другихъ были гладкіе; у каждаго висѣла борода, напоминавшая козлиную, вдоль спины спускались длинныя пряди волосъ, которыми также были покрыты наружныя части голени и ступни; всѣ же остальныя части тѣла обнажены, а грубая кожа темно окрашена. У нихъ нѣтъ ни хвоста, ни волосъ на задней части тѣла, одно только заднепроходное отверстіе окаймлено волосами, которые, я полагаю, предохраняютъ его во время сидѣнія на землѣ. Эти созданія могутъ сидѣть, лежать, подниматься на заднія ноги и стоять. Вооруженныя сильно развитыми крючковатыми и заостренными когтями, они съ ловкостью бѣлки быстро лазаютъ по высокимъ деревьямъ. Они прыгаютъ, скачутъ и цѣпляются за вѣтви съ удивительнымъ проворствомъ. Самки нѣсколько меньше самцовъ; длинные, мягкіе волосы покрываютъ ихъ голову; лицо самки голое, а все остальное тѣло покрыто легкимъ пухомъ, кромѣ заднепроходнаго отверстія и срамныхъ частей; груди висятъ между передними ногами, и часто, когда животное ползаетъ на четвереренькахъ, онѣ касаются земли. Волосы какъ у самцовъ, такъ и у самокъ различныхъ цвѣтовъ: темные, черные, красные и золотистые. Вообще надо замѣтить, что я никогда прежде во всѣ мои путешествія не встрѣчалъ болѣе отвратительнаго и болѣе антипатичнаго животнаго, которое съ перваго же взгляда такъ отталкивало отъ себя».

Эти отвратительныя животныя наши братья; такъ же, какъ и мы, они ненавидятъ другъ друга и терзаютъ одинъ другого при всякомъ удобномъ случаѣ. Если имъ попадется трупъ дохлой коровы, они съ жадностью набрасываются на него, но вмѣсто того, чтобы мирно подѣлиться между собою, начинаютъ свирѣпо грызться, хотя бы ихъ всего было пятеро, а падали хватило бы на пятьдесятъ,—это источникъ и первообразъ нашихъ ссоръ и войнъ. Они собираютъ блестящіе камешки и металлы, глубоко закапываютъ ихъ у себя въ конурѣ и жалобно воютъ, когда открываютъ у себя пропажу,—это начало нашей страсти къ золоту. Въ каждомъ стадѣ у нихъ есть начальникъ, самый злой и свирѣпый; онъ выбираетъ себѣ фаворитовъ, обязанности котораго состоятъ въ томъ, чтобы лизать начальнику ноги и заднія части тѣла.

Иногда вождю надоѣдаетъ прежній фаворитъ и онъ выбираетъ себѣ новаго; тогда все стадо бросается на опальнаго и обдаетъ его экскрементами,—вотъ наше правительство въ миніатюрѣ. Но этого всего не довольно Свифту и онъ утверждаетъ, что Ягу гораздо лучше людей, потому что мы при помощи разума увеличили всѣ эти пороки. По мнѣнію короля Гуигнгнмовъ, человѣческая порода есть самая вредная по-

Гулливеръ у Гуигнгнмовъ.

рода червей, которыхъ когда-либо природа допускала пресмыкаться на землѣ.

Въ видѣ контраста и для большаго униженія этой ненавистной ему «породы червей» авторъ выводитъ лошадей подъ именемъ Гуигнгнмовъ. Благородныя животныя являются не только нравственнѣе и чище людей, но представляютъ собой совершенство природы. Попавъ въ ихъ страну, Свифтъ, какъ это онъ уже не разъ дѣлалъ раньше, принялся ревностно изучать ихъ языкъ. Черезъ десять недѣль онъ уже могъ понимать большинство предлагаемыхъ ему вопросовъ, а черезъ три мѣсяца и отвѣчать на нихъ и спрашивать въ свою очередь. Изъ разговоровъ Гуигнгнмовъ авторъ могъ сдѣлать заключеніе объ ихъ искренности и правдивости. «Я помню,—разсказываетъ Гулливеръ,—что

раньше, когда у насъ заходилъ разговоръ о людяхъ, живущихъ въ другихъ частяхъ свѣта, и когда я, разбирая природу человѣка, кстати упоминалъ о лжи и обманѣ, хозяинъ, несмотря на свою сообразительность вообще, въ этомъ случаѣ съ трудомъ понималъ меня. Онъ разсуждалъ такъ: «Мы одарены способностью говорить для того, чтобы понимать другъ друга и получать познанія о различныхъ предметахъ; но если кто-нибудь станетъ утверждать то, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ, тогда цѣли нашей рѣчи совершенно не достигаются, потому что въ этомъ случаѣ я не могу утверждать, что понялъ своего собесѣдника; мало того, тогда я такъ далекъ отъ истиннаго пониманія, что оно хуже полнаго незнанія, ибо меня хотятъ увѣрить, что черное—бѣло, а короткое—длинно». Этими простыми замѣчаніями и ограничивались всѣ его понятія о свойствѣ лжи и обмана, которые такъ распространены среди всякаго человѣческаго общества и такъ понятны каждому изъ насъ.

Чувства дружбы и доброжелательства составляютъ главныя основанія добродѣтели Гуигнгнмовъ; эти чувства они распространяютъ на всю расу. Такимъ образомъ, чужеземецъ пользуется у нихъ такимъ же вниманіемъ и гостепріимствомъ, какъ самый близкій сосѣдъ. Гуигнгнмы строго соблюдаютъ скромность. Своихъ жеребятъ они любятъ, но не больше, чѣмъ другихъ; по ихъ понятіямъ, природа научаетъ насъ любить всю свою породу и одинъ только разумъ налагаетъ на личность отличіе. Волокитство, любовь, подарки, приданое, наслѣдство послѣ смерти мужа,—всѣ эти понятія совершенно неизвѣстны Гуигнгнмамъ. Юношей съ дѣтства пріучаютъ къ труду и опрятности, мальчиковъ и дѣвочекъ воспитываютъ одинаково. Письменность у Гуигнгнмовъ неизвѣстна, вслѣдствіе этого всѣ ихъ знанія сохраняются только въ преданіяхъ; зато въ поэзіи они превосходятъ всѣхъ смертныхъ, ихъ мѣткія сравненія, метафоры и эпитеты неподражаемы. Архитектурныя постройки ихъ не блещутъ фантастичностью замысловъ, но прекрасно приспособлены для защиты отъ зноя и стужи. Гуигнгнмы живутъ до семидесяти или семидесяти пяти лѣтъ и только рѣдко достигаютъ восьмидесятилѣтняго возраста.

Мы нарочно привели краткое описаніе нравственныхъ качествъ Гуигнгнмовъ, такъ какъ оно имѣетъ громадное значеніе для общей характеристики Свифта. Многіе критики описывали его, какъ человѣконенавистника, но намъ кажется, что это мнѣніе совершенно несправедливо, и описаніе характера Гуингнгмовъ служитъ тому доказательствомъ. Свифтъ своимъ мрачнымъ, проникновеннымъ умомъ видѣлъ въ жизни больше зла, чѣмъ кто-либо другой изъ его современниковъ; униженія и притѣсненія богатыми бѣдныхъ людей, ложь и обманъ, подкупы и всевозможные пороки, царившіе въ правительственныхъ сферахъ, потрясающе дѣйствовали на него; его сильному характеру была непонятна пришибленность низшихъ классовъ, непонятна эта пассивная покорность передъ мишурнымъ блескомъ власти, и онъ хохоталъ надъ тѣми и другими, онъ осмѣивалъ какъ слабыхъ, такъ и сильныхъ, но сквозь этотъ видимый міру смѣхъ лились невидимыя міру слезы. Общество сдѣлало его мизантропомъ, но не настолько, чтобы потушить въ немъ совершенно огонь любви къ ближнему, и, нахохотавшись истерически надъ жалкимъ общественнымъ строемъ, Свифтъ въ лицѣ своихъ

Гуигнгнмовъ рисуетъ идеальное общество, даетъ намъ утопію, которая, по его мнѣнію, должна уравнять бѣднаго съ богатымъ. Если бы это былъ бездушный эгоистъ, холодный человѣконенавистникъ, онъ не сталъ бы такъ нервно, такъ желчно вышучивать своихъ современ-

Леронсъ Стернъ.

никовъ и еще менѣе придумывать лекарства для излеченія болѣзней общества. Это была страстная, увлекающаяся натура, близко принимавшая къ сердцу страданія человѣчества; его умъ и сердце были исполнены міровою скорбью, но онъ чувствовалъ себя безсильнымъ выступить въ одиночку на борьбу съ пороками, ему оставалось выби-

рать либо рыданія, либо смѣхъ; онъ выбралъ послѣднее и всю жизнь безумно хохоталъ надъ человѣческой комедіей. Этотъ громовой хохотъ замолкъ только тогда, когда Свифтъ, не будучи въ состояніи разыгрывать дольше роль демократа, сошелъ съ ума. Неужели человѣкъ, ненавидящій близкихъ, въ состояніи потерять разсудокъ при видѣ ихъ несчастій?

Слогъ Свифта не заключалъ въ себѣ того, что̀ мы привыкли считать поэтическимъ слогомъ; это былъ слогъ хирурга или коммерсанта, подходившаго къ вопросу безъ всякихъ околичностей и излагавшаго суть дѣла серьезно и обстоятельно.

Совсѣмъ другое представляетъ собою слогъ Лоренса Стерна, тоже юмориста, ирландца и современника Свифта (родился въ 1713 году, умеръ въ 1768 году). Стернъ не такъ серьезно смотрѣлъ на пороки и слабости людей; благодаря собственнымъ слабостямъ, физическому недомоганію и перенесеннымъ имъ въ дѣтствѣ огорченіямъ и разнымъ несчастнымъ приключеніямъ, онъ умѣлъ прощать многое своему ближнему. Въ своихъ сочиненіяхъ Стернъ всегда старается забавлять читателя, и это прежде всего замѣчается въ его слогѣ. Стернъ никогда не доводитъ начатаго разсказа до конца, все время говоритъ отрывочными, краткими фразами и чтеніе его произведеній можно сравнить съ ѣздой на тряскомъ тарантасѣ по неровной каменистой дорогѣ. Въ концѣ концовъ отъ этихъ маленькихъ предложеній у читателя захватываетъ духъ; Стернъ начинаетъ разсказывать про одно, но затѣмъ самымъ неожиданнымъ образомъ перескакиваетъ и переноситъ васъ безъ всякаго предупрежденія въ середину другого событія. Такъ, въ началѣ своего «Сентиментальнаго путешествія по Франціи и Италіи» онъ разсказываетъ о томъ, какъ залѣзъ въ пустую карету для написанія предисловія, и, преподнося читателю это предисловіе, не окончивъ фразы въ самой серединѣ, передаетъ разговоръ съ двумя англичанами,—вотъ это мѣсто: «Знаніе въ большинствѣ своихъ отраслей и въ большинствѣ случаевъ все равно, что музыка на итальянскихъ улицахъ, гдѣ ею можно пользоваться безплатно. Но нѣтъ народа подъ небесами,—и мнѣ свидѣтель Богъ (передъ Чьимъ судилищемъ я долженъ буду предстать и дать отчетъ за эту книгу), что я говорю безъ хвастовства,—но нѣтъ подъ небесами народа, столь богатаго самыми разнообразными знаніями, гдѣ бы за наукой ухаживали болѣе достодолжнымъ образомъ и болѣе вѣрнымъ способомъ пріобрѣтали ее, какъ у насъ, гдѣ искусство покровительствуется и скоро достигнетъ высокаго развитія, гдѣ природу (беря ее цѣликомъ) ни въ чемъ нельзя упрекнуть, и въ заключеніе, гдѣ больше остроумія и разнообразія въ характерахъ, способныхъ питать разумъ... Куда же вы стремитесь, дорогіе соотечественники?

«— Мы просто хотѣли посмотрѣть коляску,—отвѣчали они.

«— Вашъ покорнѣйшій слуга,—сказалъ я, выскакивая изъ la désobligeante и снимая шляпу.

«— Мы удивлялись,—сказалъ одинъ изъ нихъ, котораго я призналъ за любознательнаго путешественника,—что могло быть причиной ея движенія.

«— То было волненіе при писаніи предисловія, — холодно отвѣчалъ я.

«— Я никогда не слыхалъ,—сказалъ другой простой путешественникъ,—что предисловія писались въ la désobligeante.

«— Лучше писать ихъ vis-à-vis,—отвѣчалъ я.

«Но англичанинъ путешествуетъ не для того, чтобъ видѣть англичанъ, а потому я ушелъ въ свою комнату».

Стерну, должно быть, нравится ставить читателя втупикъ, сбивать его съ толку перерывами и ожиданіями. Въ то время, какъ въ нормальномъ, здоровомъ мозгу идеи чередуются одна за другой, у Стерна онѣ, подобно шумной толпѣ карнавальныхъ масокъ, вихремъ мчатся, обгоняя другъ друга и таща одна другую какъ попало—за руки, за голову, за

фалды кафтана, съ шумомъ и гамомъ. Начавъ описывать чей-нибудь характеръ или портретъ, Стернъ никогда почти не доведетъ его сразу до конца, его вниманіе привлекаетъ каждая малость: плохо сдѣланный проборъ на головѣ даетъ ему поводъ къ нескончаемымъ разсужденіямъ, отъ пробора онъ переходитъ къ общему строенію головы, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на ненормальность мозга, что, по его мнѣнію, было вслѣдствіе какой-нибудь маніи отца, повліявшей при зачатіи на ребенка; онъ переберетъ всѣхъ тетушекъ, братьевъ и сестеръ, укажетъ на прошедшее и сдѣлаетъ предположеніе насчетъ будущей судьбы человѣка съ косымъ проборомъ. Онъ всегда старается доискаться въ каждомъ дѣйствіи до первой причины, и потому, несмотря на всю мелочность психологіи, вывыводимые имъ типы въ концѣ концовъ выходятъ чрезвычайно рельефно и представляются воображенію, какъ живыя лица.

Въ одной изъ гостинницъ Стернъ взялъ слугу по имени Лафлеръ, который, однако, какъ оказалось, ничего не умѣлъ дѣлать, кромѣ какъ играть на флейтѣ и вязать гамаши, но это былъ добрый малый и онъ всѣмъ сердцемъ старался угодить своему барину. Вотъ какъ Стернъ описываетъ его усердіе къ службѣ:

«Счастье не улыбалось Лафлеру; ему не было удачи въ рыцарскихъ подвигахъ и не представлялось еще ни одного повода обнаружить свою ревность на службѣ мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ на нее поступилъ, то есть въ теченіе почти сутокъ. Бѣдняга сгоралъ отъ нетерпѣнія; приходъ слуги графа Л. съ письмомъ оказался первымъ удобнымъ случаемъ для этого, и Лафлеръ ухватился за него. Ради оказанія чести своему господину, онъ увлекъ посланнаго въ заднюю комнату въ гостинницѣ и угостилъ его стаканчикомъ-другимъ лучшаго пикардійскаго вина; слуга графа Л. въ отвѣтъ на угощеніе и ради того, чтобъ не отстать въ вѣжливости отъ Лафлера, пригласилъ его въ домъ своего барина. Предупредительность Лафлера (его взглядъ служилъ ему паспортомъ) вскорѣ заставила всю прислугу въ кухнѣ смотрѣть на него, какъ на своего человѣка, и, благодаря тому, что французъ, какими бы талантами онъ ни обладалъ, нимало не стыдится ихъ показывать, не прошло и пяти минутъ, какъ Лафлеръ вынулъ свою флейту и, пустясь въ плясъ съ первой нотой, увлекъ за собой горничную, метрдотеля, повара, поваренка, словомъ, всю прислугу, и собакъ, и кошекъ, и вдобавокъ старую обезьяну. Полагаю, что ни въ одной кухнѣ не было такъ весело со временъ всемірнаго потопа.

«Г-жа Л., проходя изъ комнатъ своего брата въ свою, услышала, какъ сильно веселятся внизу, и позвонила горничную, чтобы узнать о причинѣ; узнавъ, что это слуга англійскаго джентльмэна такъ развеселилъ всѣхъ своей флейтой, она приказала позвать его наверхъ.

«Нельзя же было бѣдному малому явиться съ пустыми руками, а потому, поднимаясь по лѣстницѣ, онъ нагрузилъ себя тысячами поклоновъ г-жѣ Л. отъ своего господина, прибавилъ къ нимъ цѣлый рядъ апокриѳическихъ вопросовъ насчетъ здоровья г-жи Л. и сказалъ ей, что его господинъ au désespoir, боясь, что она утомилась отъ путешествія, и въ довершеніе всего, что monsieur получилъ письмо, которое madame имѣла честь...

«— И онъ сдѣлалъ мнѣ также честь,—прервала Лафлера г-жа Л.,— и прислалъ отвѣтъ?

«Г-жа Л. сказала это такимъ увѣреннымъ тономъ, что Лафлеръ не посмѣлъ обмануть ея ожиданій; онъ затрепеталъ за мою честь, а можетъ быть, обезпокоился вмѣстѣ съ тѣмъ и за свою собственную, какъ человѣка, который могъ поступить на службу къ господину, способному

проступиться en égards vis-à-vis d'une femme! А потому, когда г-жа Л. спросила Лафлера, принесъ ли онъ письмо, онъ отвѣчалъ: «Oh, qu'oui!» и, положивъ на полъ шляпу и придерживая клапанъ у кармана съ правой стороны лѣвою рукою, онъ правой рукой сталъ искать письмо; затѣмъ тоже наоборотъ. Diable! Затѣмъ онъ, обыскавъ всѣ карманы одинъ за другимъ, не забылъ и карманчика для часовъ. Peste! Затѣмъ Лафлеръ

выложилъ все изъ кармановъ на полъ; онъ вынулъ грязный галстухъ, носовой платокъ, гребень, наконечникъ отъ бича, ночной колпакъ, затѣмъ заглянулъ въ шляпу. Quelle étourderie! Онъ забылъ письмо въ гостинницѣ на столѣ; онъ сейчасъ сбѣгаетъ за нимъ и вернется черезъ три минуты.

«Я только-что отужиналъ, какъ вошелъ Лафлеръ, чтобъ дать отчетъ о своемъ приключеніи; онъ разсказалъ всю исторію просто, какъ она случилась, и прибавилъ только, что если monsieur забылъ (par hasard) написать отвѣтъ madame, то обстоятельства дозволяютъ ему исправить этотъ faux pas. Если же нѣтъ, то пусть все останется попрежнему.

«Я не былъ вполнѣ увѣренъ, какъ слѣдовало поступить по правиламъ этикета: писать или не писать; но если мнѣ слѣдовало написать, то и самому чорту не за что было бы разсердиться; то была простая служебная ревность къ моей чести со стороны благорасположеннаго ко мнѣ человѣка; поступая такъ, онъ могъ, конечно, попасть не на ту дорогу и поставить меня въ затрудненіе, но его сердце въ этомъ было невиновно; мнѣ не предстояло никакой необходимости писать, и самое главное, Лафлеръ вовсе не имѣлъ вида человѣка, поступившаго дурно.

«— Все это прекрасно, Лафлеръ,—сказалъ я.

«Этого было достаточно. Лафлеръ, какъ молнія, вылетѣлъ изъ комнаты и воротился съ перомъ, чернилами и бумагой въ рукахъ; подойдя къ столу, онъ сложилъ ихъ возлѣ меня съ такимъ восторгомъ въ лицѣ, что я не могъ удержаться и взялъ перо.

«Я нѣсколько разъ принимался за письмо, и хотя мнѣ нечего было ей сказать, и это «ничто» могло быть выражено полдюжиной строкъ; я съ полдюжины разъ на разные лады начиналъ письмо и ни однимъ не былъ доволенъ.

«Кратко, я былъ въ нерасположеніи писать.

«Лафлеръ вышелъ и принесъ воды въ стаканѣ, чтобы разбавить мнѣ чернила; затѣмъ онъ сходилъ за пескомъ и сургучемъ. Ничто не помогало; я писалъ и зачеркивалъ, и рвалъ, и жегъ, и снова начиналъ писать. «Le diable t'emporte!—сказалъ я наполовину самому себѣ.—Я не могу написать этого письма». И, говоря это, я съ отчаянія бросилъ перо.

«Едва я бросилъ перо, какъ Лафлеръ самымъ почтительнымъ образомъ подошелъ къ столу и, тысячу разъ извиняясь въ той вольности, которую позволяетъ себѣ, сказалъ, что у него есть письмо барабанщика ихъ полка къ женѣ капрала, которое, какъ онъ смѣетъ думать, подойдетъ къ настоящему случаю.

«Я дозволилъ бѣдному малому удовлетворить свою фантазію.

«— Пожалуйста, покажи же его,—сказалъ я.

«Лафлеръ немедленно вытащилъ небольшой засаленный бумажникъ, весь набитый письмецами и любовными записочками въ самомъ жалкомъ состояніи, и положилъ его на столъ; затѣмъ, развязавъ шнурокъ, чѣмъ они были связаны, пересмотрѣлъ ихъ одно за другимъ, пока добрался до искомаго письма. «La voilà», сказалъ онъ, всплеснувъ руками, и, развернувъ письмо, положилъ передо мною и, пока я читалъ, отступилъ на три шага отъ стола.

Письмо.

«Сударыня, я проникнутъ самой сильной печалью и въ то же время приведенъ въ отчаяніе внезапнымъ возвращеніемъ капрала, которое превращаетъ наше свиданіе сегодня вечеромъ въ самую невозможную на свѣтѣ вещь. Но да здравствуетъ радость! А моя будетъ состоять въ томъ, чтобъ думать о васъ. Любовь ничто безъ чувства, а чувство безъ любви еще меньше. Говорятъ, что никогда не слѣдуетъ отчаяваться. Говорятъ также, что г. капралъ въ среду пойдетъ въ караулъ; тогда настанетъ мой чередъ: у всякаго свой чередъ. Въ ожиданіи—да здравствуетъ любовь и да здравстуетъ шалость!

«Пребываю съ почтительнѣйшими и нѣжнѣйшими чувствами.

Весь вашъ Жакъ Рокъ.»

«Стоило только замѣнить капрала графомъ и ничего не говорить относительно караула въ среду—и письмо оказывалось ни хорошо, ни дурно. Чтобъ доставить удовольствіе бѣдному малому, который дрожалъ за мою честь и за свою собственную, и за честь своего письма, я снялъ съ него сливки и, взбивъ ихъ по своему, запечаталъ письмо и отослалъ съ Лафлеромъ къ г-жѣ Л. На слѣдующее утро мы отправились въ дальнѣйшій путь въ Парижъ».

Стернъ удивительно тонко оттѣняетъ природныя черты каждой націи. Слуга Лафлеръ никогда не измѣняетъ себѣ, это истый французъ съ головы до пятъ. Въ такомъ же духѣ нарисованы у него и другіе характеры, особенно въ романѣ «Тристрамъ Шенди». Онъ дѣлаетъ это, нисколько не утрируя личности героя, пока не касается описанія его конька. По мнѣнію Стерна, всѣ люди до нѣкоторой степени маніаки, но ихъ маніи или, какъ онъ называетъ, «коньки» совершенно безобиднаго свойства; онъ говоритъ, что есть конекъ національный, т. е. манія, присущая цѣлой націи, и, кромѣ того, у каждаго человѣка еще свой собственный. Этотъ конекъ, какъ бородавка на лицѣ, сперва бываетъ чуть замѣтенъ, но бородавка растетъ, лелѣемая заботами ея собственника, пускаетъ отъ себя отростки, вызрѣваетъ и разростается до такихъ размѣровъ, что все лицо превращается въ одинъ сплошной красный нарывъ. Въ такомъ духѣ описывается дядя Тоби съ его фортификаціонными затѣями и оригинальный философъ Шенди. Описаніе чувствъ Стернъ дѣлаетъ по тому же способу, какъ и описаніе характеровъ: изъ кучи маленькихъ, едва замѣтныхъ для простого человѣка фактовъ онъ постепенно рисуетъ передъ читателями картину душевной борьбы. Описанія эти такъ нѣжны, что ихъ невозможно приводить въ пересказѣ, они какъ крылья бабочки: чуть дотронешься до нихъ грубыми руками—и блестящій рисунокъ стертъ! Поэтому, чтобъ не лишать аромата оригинальное произведеніе, мы выпишемъ здѣсь одну изъ лучшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пикантныхъ картинокъ сентиментальнаго путешествія.

По возвращеніи своемъ изъ Версаля, куда авторъ ѣздилъ для полученія паспорта, въ гостинницѣ ему доложили, что его ждетъ горничная отъ знакомой дамы.

«Былъ чудный тихій вечеръ въ самомъ концѣ мая; кармазинныя занавѣски у оконъ (одинаковаго цвѣта съ занавѣсками у кровати) были спущены; солнце садилось и, проходя сквозь нихъ, отражалось такимъ теплымъ свѣтомъ на лицѣ хорошенькой горничной, что я подумалъ,

будто она покраснѣла; отъ этой мысли я покраснѣлъ самъ; мы были совершенно одни, и у меня на лицѣ снова вспыхнулъ румянецъ, раньше чѣмъ сошелъ первый.

«Есть особаго рода пріятный, но полу-грѣховный румянецъ, въ которомъ виновна болѣе кровь, чѣмъ человѣкъ; кровь при этомъ несдержимо бросается изъ сердца, и вслѣдъ за нею устремляется и добродѣтель, но не ради того, чтобъ воротить ее, а для того, чтобъ ощущеніе стало еще восхитительнѣе для нервъ; онѣ обѣ въ заговорѣ.

«Но я не стану описывать... Я сначала почувствовалъ внутри себя нѣчто, не вполнѣ согласное съ урокомъ нравственности, который я преподалъ ей вчера вечеромъ. Я пять минутъ проискалъ карточку, хотя и зналъ, что у меня нѣтъ ни одной. Я взялъ перо и опять положилъ; руки у меня дрожали; въ меня вселился дьяволъ.

«Я знаю не хуже другихъ, что этотъ противникъ, когда мы оказываемъ ему сопротивленіе, убѣгаетъ отъ насъ; но я рѣдко оказываю ему какое-либо противленіе изъ страха, что даже въ случаѣ моей побѣды я все же буду раненъ въ борьбѣ; поэтому я предпочитаю безопасность побѣдѣ и вмѣсто того, чтобъ обращать его въ бѣгство, обыкновенно самъ бѣгу отъ него.

«Хорошенькая горничная близко подошла къ бюро, гдѣ я искалъ карточку; она сперва подняла перо, которое я уронилъ, и затѣмъ предложила мнѣ подержать чернильницу; она предлагала такъ мило, что я хотѣлъ было согласиться, но не посмѣлъ.

«— Мнѣ не на чемъ написать, моя милая,—сказалъ я.

«— Напишите,—просто отвѣчала она,—на чемъ придется.

«Я чуть не крикнулъ, что напишу на ея губкахъ!

«— Если я это сдѣлаю, то погибну,—сказалъ я про себя.

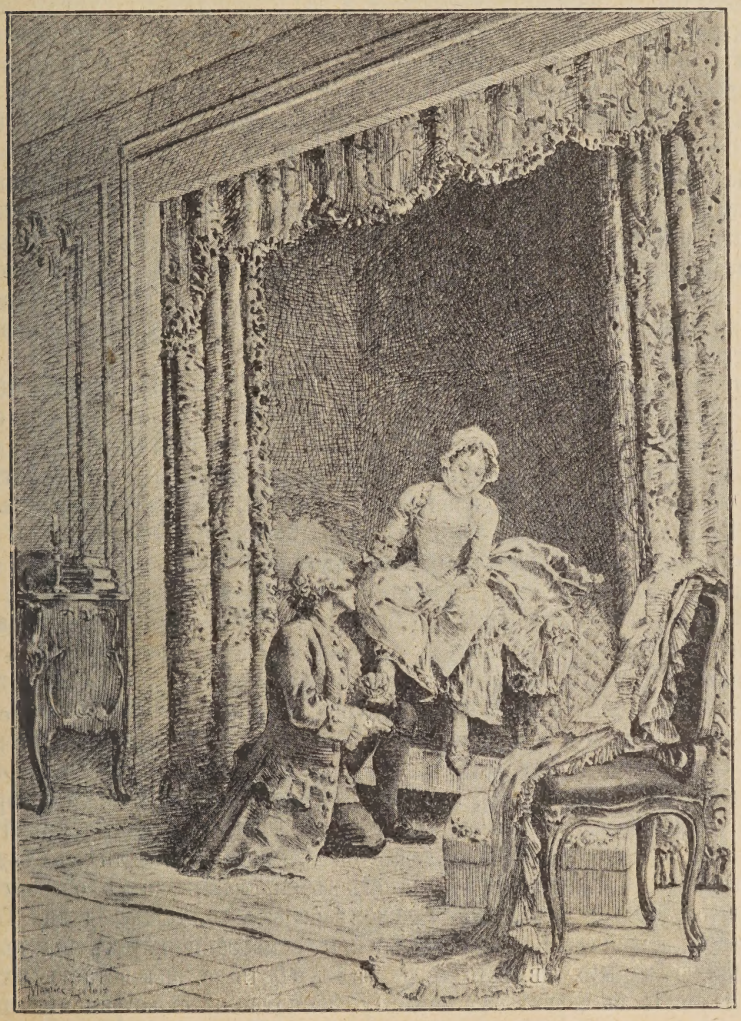
«И, взявъ ее за руку, я довелъ ее до двери и попросилъ ее не забывать моего урока. Она отвѣчала, что не забудетъ, и, съ нѣкоторой важностью произнеся эти слова, обернулась и положила обѣ свои сложенныя ручки на мою; въ такомъ положеніи нельзя было не пожать ихъ. Я хотѣлъ выпустить ихъ и все время, пока ихъ держалъ, въ душѣ упрекалъ себя за это. Черезъ двѣ минуты я подумалъ, что мнѣ приходится начинать всю борьбу съ начала, и при этой мысли почувствовалъ, что у меня трясутся и ноги, и все тѣло.

«Край кровати приходился въ полутора ярдахъ отъ того мѣста, гдѣ мы стояли. Я все еще держалъ ее за руки; и какъ-то случилось, я не знаю, но я не просилъ ея, я не увлекалъ ея, я и не подумалъ о кровати, но какъ-то случилось, что мы оба сѣли.

«— Я вамъ покажу сейчасъ,—сказала хорошенькая горничная,— небольшой кошелекъ, который сшила сегодня для вашего экю.

«И она опустила руку въ правый карманъ, который приходился съ моей стороны, и поискала въ немъ, затѣмъ въ лѣвомъ. «Она его потеряла». Мнѣ никогда не приходилось переносить испытанія такъ спокойно; наконецъ, кошелекъ отыскался въ правомъ карманѣ; она его вынула; онъ былъ изъ зеленой тафты со стеганой подкладкой изъ бѣлаго атласа и какъ разъ такой величины, чтобъ помѣстить одно экю. Она положила мнѣ его на руку; онъ былъ прелестенъ; я продержалъ его десять минутъ, причемъ тылъ моей руки упирался о ея колѣно; я взглядывалъ то на кошелекъ, то въ сторону.

«У меня въ складкахъ галстуха лопнула стяжка-другая; хорошенькая горничная, не говоря ни слова, вынула свой нессесеръ, вдернула нитку въ иголку и стала зашивать. Я предвидѣлъ, что рискую славой нынѣшняго дня, и въ то время, когда она при шитьѣ двигала туда и



сюда рукой около моей шеи, я чувствовалъ, какъ на моей головѣ колеблются лавры, которыми ихъ увѣнчало воображеніе.

«Отворотъ у ея башмака ослабѣлъ на ходу и съ него только-что свалилась пряжка.

«— Посмотрите,— сказала горничная, приподнимая ногу.

«Я, по совѣсти, не могъ не услужить ей въ свою очередь, не прикрѣпивъ пряжки и не поправивъ отворота; но, окончивъ, я приподнялъ

также и другую ногу, чтобы посмотрѣть, все ли въ исправности на обѣихъ; но я сдѣлалъ это слишкомъ спѣшно, и хорошенькая горничная потеряла равновѣсіе, и тогда»...

Но Стернъ не можетъ долго оставаться въ одномъ настроеніи, ему необходимо разнообразіе; отъ гривуазнаго разсказа онъ переходитъ къ сатирѣ, отъ сатиры впадаетъ въ чувствительный тонъ, приходитъ въ умиленіе передъ каждымъ пустякомъ и все время держитъ читателя въ напряженномъ нервномъ состояніи и то смѣшитъ его, то заставляетъ плакать. Это какой-то злой буфонъ, который читателя превращаетъ и дѣлаетъ его похожимъ на извѣстную дѣтскую игрушку: дергунчика или паяца. Онъ держитъ въ рукахъ нити отъ вашей души и все время, пока вы его читаете, дергаетъ васъ то за одну, то за другую чувствительную струнку. Одна изъ главныхъ заботъ его—это забота смѣшить постоянно читателя; онъ прибѣгаетъ ко всякимъ уловкамъ съ единственной цѣлью вызвать у васъ на лицѣ улыбку; ради этого онъ иногда впадаетъ въ преувеличеніе и въ одинъ мигъ накидываетъ передъ вами кучу смѣшныхъ вещей, но, нужно отдать ему справедливость, шаржъ встрѣчается всетаки довольно рѣдко: у него слишкомъ сильно развито чувство художественной мѣры.

Стернъ въ дѣтствѣ, да, пожалуй, и въ позднѣйшіе годы жизни, испыталъ много страданій и сильныхъ потрясеній; такъ, напримѣръ, семи лѣтъ онъ упалъ въ открытый мельничный шлюзъ и, только благодаря счастливой случайности, остался живъ и невредимъ. По его собственнымъ словамъ, народъ стекался со всѣхъ мѣстъ, чтобы посмотрѣть на него. Въ семейной жизни онъ былъ несчастливъ, жилъ въ вѣчномъ разладѣ съ своей женой, такъ что та въ концѣ концовъ уѣхала отъ него на жительство во Францію и увезла вмѣстѣ съ собой дочь Лидію, которую онъ любилъ до обожанія. Все это подѣйствовало на организмъ Стерна: онъ сдѣлался нервенъ и чрезвычайно чувствителенъ. Онъ часто приходитъ въ умиленіе, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы онъ былъ нѣжнаго и добраго характера; напротивъ, по свидѣтельству современниковъ, это былъ эгоистическій человѣкъ, и у него бывали лишь минуты, когда ему хотѣлось плакать и заставлять другихъ проливать вмѣстѣ съ нимъ слезы. Его трогаютъ сидящій въ клѣткѣ скворецъ и повторяющій безсмысленно одну и ту же фразу: «Я не могу выйти»; околѣвшій отъ переутомленія оселъ, на которомъ крестьянинъ ѣздилъ на богомолье. Такимъ образомъ, онъ въ ничтожнѣйшихъ обстоятельствахъ открываетъ прелесть и даже героизмъ. Однажды дядя Тоби, отставной капитанъ, послѣ долгихъ и напрасныхъ попытокъ ловитъ надоѣдавшую ему муху; вмѣсто того, чтобы убить ее, онъ встаетъ изъ-за стола, проходитъ черезъ всю комнату, несмотря на свою раненую ногу, отворяетъ окно и, выпуская ее, говоритъ: «Пошла, пошла, мерзавка, очень нужно мнѣ вредить тебѣ, міръ довольно великъ, чтобы мы могли больше не встрѣчаться». Подобная чисто женская чувствительность такъ тонка, что не можетъ быть выражена словами. Выѣхавъ изъ Парижа, Стернъ близъ Мулена встрѣчается съ помѣшанной дѣвушкой Маріей. Авторъ находился это время, по всей вѣроятности, въ умиленномъ настроеніи, а потому не могъ пройти мимо, не остановившись. «Я сѣлъ близко подлѣ нея, и Марія позволила мнѣ вытирать платкомъ слезы, по мѣрѣ того, какъ онѣ лились. Затѣмъ я смочилъ его своими и

опять ея, и опять своими, и затѣмъ снова отеръ ея слезы. И, дѣлая это, я чувствовалъ въ груди такое неописуемое волненіе, что увѣренъ, что его невозможно объяснить никакими комбинаціями матеріи и движенія». Поговоривъ съ нею, авторъ еще больше растрогался.

«— Природа,—продолжаетъ онъ, —размягчилась во мнѣ, и Марія, видя, что я вынимаю платокъ, который былъ уже черезчуръ смоченъ и потому не годился для употребленія, во что бы то ни стало хотѣла вымыть его въ ручьѣ.

«— А гдѣ же вы высушите его, Марія?—спросилъ я.

«— Я высушу его на моей груди,—сказала она,—и мнѣ отъ этого станетъ легче».

Какъ эта сцена напоминаетъ намъ, современнымъ читателямъ, романтиковъ конца XVIII и начало XIX столѣтій! Такъ и напрашивается на сравненіе «Бѣдная Лиза» Карамзина.

Нѣжность и умиленность Стерна еще больше оттѣняются его дурачествами и неприличностями, которыя иногда самымъ неожиданнымъ образомъ слѣдуютъ непосредственно за этими сентиментальными описаніями и, какъ пошленькій избитый мотивчикъ, заглушаютъ торжественные аккорды баховской ораторіи.

Стернъ часто циниченъ, но даже и въ цинизмѣ онъ никому не подражаетъ; въ запрещенномъ плодѣ ему нравится не самый плодъ, но запретъ, положенный на него. Ему пріятно обнажать и описывать тѣло не потому, что оно красиво, а потому, что тамъ есть запрещенныя скрытыя мѣста; эти-то мѣста и привлекаютъ его вниманіе, онъ любитъ все грязное, неприличное, скандализирующее.

Однимъ изъ такихъ нѣсколько скабрезныхъ описаній Стернъ заканчиваетъ свое« Сентиментальное путешествіе» или, вѣрнѣе, обрываетъ его на полусловѣ, такъ какъ оно осталось незаконченнымъ за смертью автора. Случайно ему пришлось ночевать въ грязненькой харчевнѣ, куда судьба завела также молодую даму и ея горничную. Кроватей въ комнатѣ было только двѣ, да одна еще въ холодномъ чуланѣ. Послѣ долгихъ переговоровъ было рѣшено, что горничная ляжетъ въ чуланѣ, а дама въ одной комнатѣ со Стерномъ; при этомъ дама потребовала, что-бы послѣ того, какъ онъ ляжетъ въ постель; свѣча была потушена и во всю ночь не было произнесено ни одного слова.

«Одинъ только пунктъ былъ опущенъ въ договорѣ, а именно: какимъ образомъ дама и я должны будемъ раздѣться и лечь въ постель; существовалъ только одинъ способъ, какъ это устроить, и я предоставляю его догадливости читателя, протестуя заранѣе, что если онъ окажется не самымъ деликатнымъ въ свѣтѣ, то по винѣ его воображенія, противъ чего мнѣ приходится жаловаться не въ первый разъ.

«Когда мы улеглись, то не знаю, отъ новизны ли положенія или отъ чего другого, только я никакъ не могъ сомкнуть глазъ; я пробовалъ на одной сторонѣ и на другой; я вертѣлся и переворачивался до часу пополуночи; наконецъ истощились и природа, и терпѣніе.

«— О, Боже!—сказалъ я.

«— Вы нарушили договоръ, сударь,—сказала дама, которой спалось не больше моего.

«Я попросилъ тысячу разъ извинить меня, но настаивалъ на томъ, что то было не болѣе, какъ молитвенное восклицаніе; она поддерживала, что договоръ нарушенъ вполнѣ. Я поддерживалъ, что это предвидѣно примѣчаніемъ къ третьему пункту.

«— Даю честное слово, сударыня,—сказалъ я, протягивая руку въ знакъ клятвеннаго утвержденія.

«Я хотѣлъ прибавить, что ни за цѣлый міръ, я не желалъ ни малѣйшимъ образомъ проступиться противъ благопристойности.

«Но горничная, услышавъ, что мы разговариваемъ, и опасаясь, чтобы затѣмъ не послѣдовали враждебныя дѣйствія, потихоньку выползла изъ чулана и, благодаря совершенной темнотѣ, прокралась такъ близко къ кроватямъ, что очутилась въ узкомъ проходѣ между ними и подвинулась въ немъ настолько, что была какъ разъ между мною и своей г-жей.

«Такимъ образомъ, когда я протянулъ руку, то схватилъ горничную за»...

Въ заключеніе приведемъ мнѣніе И. Тэна о Стернѣ: «Это безспорно странный талантъ,—пишетъ французскіи критикъ,—обладающій слѣпо-

тою и ясновидѣніемъ, напоминающій болѣзнь сѣтчатой оболочки глаза, при которой напряженный нервъ дѣлается одновременно и тупымъ, и прозорливымъ, неспособнымъ замѣтить то, что видитъ обыкновенное зрѣніе, и способнымъ подмѣчать то, что неуловимо для самаго проницательнаго зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, Стернъ больной юмористъ и эксцентрикъ, монахъ и развратникъ, скрипачъ и философъ, который стонетъ надъ издохшимъ осломъ и покидаетъ родную мать, эгоистъ на дѣлѣ,

чувствительный на словахъ, отыскивающій во всемъ обратную сторону самого себя и другихъ. Книги его похожи на обширный магазинъ рѣдкостей, гдѣ нагромождены какъ попало древнія вещи всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ міра, тексты отлученія отъ церкви, медицинскія консультаціи, выписки изъ неизвѣстныхъ или вымышленныхъ авторовъ, отрывки схоластической эрудиціи, предлинные и нелѣпые эпизоды, разсужденія, обращеніе къ читателю. Онъ идетъ вслѣдъ за перомъ безъ плана, безъ всякой послѣдовательности, даже, напротивъ, чуть замѣчаетъ онъ порядокъ, какъ нарочно разрушаетъ его; на начатый разсказъ свой онъ однимъ пинкомъ сваливаетъ цѣлый рядъ близъ лежащихъ фоліантовъ и прыгаетъ черезъ нихъ»*).

ГЛАВА V.

Сѣверные писатели-юмористы.

Гольбергъ.—Его сатирическія произведенія.—Вліяніе Гольберга на литературу Даніи.—Андерсенъ.—Его произведенія.

Въ датско-норвежской литературѣ прошлаго и начала истекающаго вѣковъ есть два колосса, пользующихся до сихъ поръ популярностью не только на своей родинѣ, но и за границей—это два великихъ юмориста: Гольбергъ и Андерсенъ.

Людвигъ Гольбергъ родился въ Бергенѣ 3 декабря 1684 года и первые годы ученья провелъ въ крайней бѣдности. Окончивъ съ трудомъ университетъ, онъ поступилъ домашнимъ учителемъ въ домъ одного проповѣдника, который прежде много путешествовалъ и велъ путевой дневникъ. Гольбергъ случайно прочиталъ этотъ дневникъ и въ немъ зародилась страсть къ путешествіямъ. Съ небольшой суммой денегъ онъ отправился въ Голландію, гдѣ, однако, пробылъ недолго и вскорѣ вернулся обратно учительствовать въ маленькій городокъ Христіанзандъ.

Литературная дѣятельность Гольберга началась въ 1711 году изданіемъ краткой всеобщей исторіи и другими болѣе или менѣе обширными историческими трудами, которые проложили ему дорогу въ университетъ, куда онъ былъ приглашенъ въ 1714 году въ качествѣ экстраординарнаго профессора, въ первое время, однако, безъ жалованья.

Получивъ прочное положеніе профессора, Гольбергъ на первыхъ порахъ всецѣло отдался своимъ любимымъ наукамъ исторіи—и географіи, но около 1720 года его образъ мыслей принялъ совершенно противоположный оборотъ. Когда то въ школѣ онъ пробовалъ сочинять стихи, затѣмъ забросилъ это занятіе, и поэзія стала ему настолько чужда, что онъ, по собственнымъ его словамъ, не могъ безъ зѣвоты слушать чтеніе стиховъ, хотя бы даже и хорошихъ. Вернувшись изъ своего большого путешествія, во время котораго посѣтилъ Римъ и Парижъ, Гольбергъ, издавъ нѣсколько полемическихъ статей сатирическаго характера, захотѣлъ испробовать свои силы въ стихотворствѣ и написалъ сатиру въ ювеналовскомъ родѣ. Попытка оказалась удачной, и

*) «Исторія англійской литературы» И. Тэна.

вскорѣ за ней послѣдовалъ цѣлый рядъ комическихъ произведеній, прославившихъ имя Гольберга больше, чѣмъ всѣ другія сочиненія.

Сатирическую дѣятельность Гольбергъ началъ въ 1719—20 гг., выступивъ подъ псевдонимомъ Ганса Миккельсена, пивовара изъ Коллундборга. Первымъ сатирическимъ произведеніемъ была большая исполненная комизма поэма о торговцѣ Педерѣ Порсѣ, который по пути къ невѣстѣ терпитъ кораблекрушеніе въ Каттегатѣ около острова Ангольта и испытываетъ разнообразныя приключенія. Первоначально авторъ задался цѣлью написать пародію на Гомера и Виргилія и началъ свое стихотвореніе веселыми, причудливыми картинами, но вскорѣ измѣнилъ тонъ и, поставивъ себѣ болѣе серьезныя цѣли, достигъ плодотворныхъ результатовъ. Уже въ этомъ произведеніи видимъ мы цѣлую галерею отлично очерченныхъ, озаренныхъ яркимъ юморомъ комическихъ типовъ, въ которыхъ воплотились отрицательныя стороны того времени.

Гольбергъ.

Гольбергъ съ талантомъ юмориста соединялъ чувство тончайшаго психологическаго пониманія и въ послѣдующихъ за «Педеромъ Порсомъ» комедіяхъ вывелъ цѣлый рядъ типовъ, выхваченныхъ прямо изъ жизни тогдашняго времени и нарисованныхъ необычайно ярко и живо. Долгое пребываніе его за границей неизбѣжно должно было повліять благодѣтельно на человѣка, одареннаго острой наблюдательностью: оно должно было открыть ему глаза на всѣ смѣшныя стороны своихъ соотечественниковъ, на все глупое и жалкое, что коренилось въ то время въ Даніи. Тамъ же за границей онъ познакомился съ новой драматической формой и, когда его попросили написать что-нибудь для только-что открытаго національнаго театра, онъ ощутилъ въ себѣ достаточно силы изобразить людей своего времени, изобразить при этомъ такимъ образомъ, что обрисованные типы, сохраняя вполнѣ мѣстный колоритъ, имѣютъ еще въ себѣ нѣчто общечеловѣческое. Передъ нами, какъ живые, встаютъ разныя лица: политиканствующій оловяничникъ Германъ, голова котораго до такой степени наполнена разными политическими комбинаціями, что онъ совершенно забываетъ о своей работѣ; далѣе Жанъ де-Франсъ или попросту Гансъ Франсенъ, какъ онъ назывался до своей поѣздки въ Парижъ; хвастливый солдатъ Яковъ Тибо, крестьянскій сынъ Расмусъ Бергъ или Эрасмусъ Монтанусъ, который, побывавъ въ университетѣ, дѣлается надутымъ и влюбленнымъ въ самого себя,—словомъ, цѣлая портретная галерея, взятая изъ столичной жизни.

Подобно французскому предшественнику Мольеру, Гольбергъ за-

имствуетъ свои сюжеты у разныхъ древнихъ и современныхъ авторовъ; но творческій геній никогда не покидаетъ его и, заимствуя матеріалъ, Гольбергъ съ такимъ искусствомъ переработываетъ его, что получается совершенно оригинальное произведеніе.

Такъ какъ прямо указывать людямъ на ихъ недостатки значитъ навлечь на себя всеобщее неудовольствіе, то Гольбергъ старался примѣшивать къ своимъ комедіямъ, какъ онъ выражается самъ, разныя смѣшныя «сумасбродства», нерѣдко производившія шокирующее впечатлѣніе и вызывавшія недоразумѣнія разнаго рода. Эти недоразумѣнія стали возникать уже съ появленіемъ первыхъ пѣсенъ его комической поэмы «Педеръ Парсъ». На первыхъ порахъ на него обидѣлся владѣлецъ острова Ангольта, про жителей котораго авторъ сказалъ, что они живутъ, какъ добрые христіане, и «честно кормятся результатами кораблекрушеній». Затѣмъ непріязненное чувство вызывалось также и тѣмъ, что серьезный, ученый профессоръ занимается такими «глупостями»; съ другой стороны, многіе чувствовали себя оскорбленными и считали, что Гольбергъ выставляетъ ихъ въ карикатурномъ видѣ въ своихъ комедіяхъ. Если, несмотря на всѣ эти непріятности, онъ не палъ духомъ и не отклонился отъ прямого пути, по которому шелъ, то это только доказываетъ, какъ глубоко онъ былъ проникнутъ сознаніемъ важности своей задачи.

На склонѣ лѣтъ Гольбергъ не ограничивался изображеніемъ комическихъ сторонъ датской жизни и направилъ сатиру противъ всей европейской жизни въ сочиненіи, написанномъ на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Подземное путешествіе Нильса Клима». Въ ней разсказывается, какъ Нильсъ Климъ по счастливой случайности попадаетъ въ подземный міръ и знакомится съ массой новыхъ государствъ и народовъ. Описывая ихъ, Гольбергъ пользуется случаемъ и, какъ Свифтъ, высказываетъ въ юмористическомъ духѣ замѣчанія объ отношеніяхъ, существующихъ на землѣ. Книга эта возбудила большой интересъ въ публикѣ и была переведена на многіе европейскіе языки.

Вліяніе Гольберга на литературу и на духовное развитіе Даніи было громадно. Его умѣнье подмѣчать смѣшныя и отрицательныя стороны было такъ неограниченно, что онъ сумѣлъ искоренить вѣковые предразсудки и проложить дорогу для болѣе свободнаго развитія. Все добытое Гольбергомъ у другихъ писателей пошло на пользу родному народу и соприкосновеніе съ иностранными образцами оказало благотворное вліяніе на развитіе самобытныхъ задатковъ. Кромѣ того, Гольбергъ, какъ народный писатель, заложилъ прочное основаніе, на которомъ выросла настоящая народная литература. Главная заслуга Гольберга состоитъ въ томъ, что онъ подготовилъ почву для будущихъ талантовъ.

Другой датскій писатель-юмористъ, Гансъ-Христіанъ Андерсенъ, (1805—1875) былъ сыномъ бѣдныхъ родителей, которые не могли дать ему надлежащаго образованія. На четырнадцатомъ году Андерсенъ отправился въ Копенгагенъ и поступилъ въ театръ актеромъ, но успѣха не имѣлъ. Въ это время добрые люди помогли ему поступить въ университетъ, который онъ началъ посѣщать въ 1828 году. Будучи студентомъ, онъ написалъ нѣсколько недурныхъ стихотвореній, полное собраніе которыхъ появилось въ 1829 году. Послѣ этого, одна книга за другой, вышли его романы и драмы.

Въ 1835 году вышла его первая тетрадь сказокъ, обезсмертившихъ имя своего автора. Сказки и «Книга картинъ безъ картинъ» осуществили мечты о славѣ, которыя Андерсенъ лелѣялъ съ самаго дѣтства,—эти произведенія были переведены на всѣ языки. Не только дѣти, но и взрослые зачитывались этими легкими поэтическими вещичками, отдѣланными съ большимъ искусствомъ. Въ сказкахъ Андерсенъ не имѣетъ себѣ равнаго. Даже въ послѣднихъ собраніяхъ, изданныхъ имъ въ преклонномъ возрастѣ, мы находимъ тѣ же качества юмора, граціи и свѣжести, какими отличались произведенія зрѣлыхъ лѣтъ. Чрезвычайно оригинальны его сказочныя комедіи, какъ, напримѣръ, «Ойле-Лукай», дававшаяся въ Копенгагенѣ съ необычайно большимъ успѣхомъ. Въ числѣ другихъ сочиненій интересна также его автобіографія «Сказка моей жизни».

Андерсенъ.

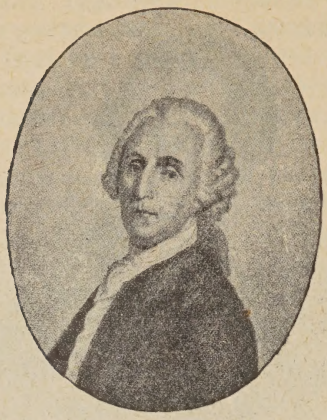
ГЛАВА VI.

Геллертъ и Жанъ-Поль Рихтеръ.

Жизнь Геллерта. — Басни. — Нападки на женщинъ.— Начало юмористическаго романа въ Германіи.—Романы Ж.-П. Рихтера.—«Титанъ».—Мнѣніе Шерра.

Христіанъ Геллертъ, прозванный нѣмецкимъ Лафонтеномъ, родился 4 іюля 1716 года, близъ Фрейберга. Склонность къ поэзіи пробудилась въ немъ очень рано и первымъ его опытомъ слаганія стиховъ было стихотвореніе въ день рожденія отца. По окончаніи богословскаго факультета Геллертъ сдѣлался пасторомъ, но слабость груди и робость, недостатокъ памяти и голоса помѣшали ему создать себѣ имя среди духовныхъ ораторовъ. Въ 1742 году Геллертъ сталъ издавать журналъ подъ названіемъ «Belustigungen des Verstandes und Witzes», снабжая его своими повѣстями, баснями и разнаго рода прозаическими статьями. Живой и легкій языкъ молодого писателя понравился публикѣ, а басни и сказки читались съ жадностью, весьма понятной при жалкомъ положеніи тогдашней нѣмецкой литературы. Успѣхъ журнала побудилъ Геллерта отказаться навсегда отъ другихъ родовъ поэзіи и почти исключительно отдаться сочиненію басенъ и сказокъ. Въ его стихахъ преобладаетъ не басня, а разсказъ, и, въ противоположность Лафонтену, героями у него большею частью бы-

ваютъ люди, а не животныя. Его свободная, плавная рѣчь украшается непринужденными, какъ бы случайно вступающими риѳмами, а ловкій разсказъ, кажется, только подражаетъ болтовнѣ ежедневной жизни; между тѣмъ онъ выражается очень точно и рисуетъ дѣйствительность грубыми штрихами.



Геллертъ.

Свои сюжеты онъ иногда заимствовалъ изъ англійскихъ еженедѣльныхъ журналовъ, характеры же беретъ не изъ жизни, а изъ литературной традиціи; такъ, напримѣръ, женщины у него всегда являются сварливами щеголихами, непостоянными, болтливыми и эгоистичными. Но Геллертъ не бранитъ женщинъ, а только смѣется надъ ними. Иногда эти насмѣшки принимаютъ довольно злой характеръ, какъ, напримѣръ, въ баснѣ «Счастливый мужъ», которую мы здѣсь и приводимъ въ переводѣ И. Хемницера:

Дѣтина по уши въ красавицу влюбился
И, наконецъ, во что бъ ни стало то, рѣшился
Имѣть ее женой.
Недаромъ столько онъ красавицей плѣнился:
Красавицы еще не видано такой.
Да только – вотъ бѣды какія:
Обыкновенно ужь красавицы такія,
Что каждый, думаю, узналъ,
Кто въ этомъ случаѣ бывалъ:
Чѣмъ болѣе ихъ обожаютъ,
Тѣмъ болѣе онѣ суровыми бываютъ.
Дѣтина этотъ тожь ужь очень испыталъ:
Три года по своей красавицѣ вздыхалъ,
Стеналъ, страдалъ,
Терзался, рвался и крушился,
Однако же, не могъ никакъ ее склонить,
Чтобы любовь къ себѣ взаимну получить.
Что жь, съ грусти, наконецъ, онъ странствовать пустился
И для красавицы—что можетъ злѣе быть—
Въ дорогѣ съ бѣсомъ подружился
И письменно договорился
Въ услуженьи его два года жить,
Чтобы красавицу лишь въ жены получить.
У бѣса тотчасъ все съ дѣтиною рѣшилось:
Рукописанье бѣсъ беретъ –
И слово честное дѣтинѣ бѣсъ даетъ;
А что обѣщано—и дѣломъ совершилось;
Хоть бѣсъ обыкновенно лжетъ,
Однако, тутъ сдержалъ, что сказано имъ было.
И время трехъ недѣль еще не проходило,
Какъ для дѣтины день счастливый наступилъ:
Красавицу свою въ жену онъ получилъ.
Но что жь, и двухъ недѣль съ женой не проживаетъ,
Ужь бѣса въ помощь призываетъ.
«Ахъ!—говоритъ ему,—не вѣдаешь всего
Ты горя моего:

Два года я тебѣ служить вѣдь обѣщался,
Когда красавицы тобой я домогался;
Но нѣтъ, избавь меня ты отъ нея, избавь,
А къ услуженію хоть годъ еще прибавь».
Но бѣсъ той просьбы не внимаетъ;
А молодой—
Вдобавокъ чорту годъ, вдобавокъ и другой,
И къ году годъ еще къ услугамъ прибавляетъ.
«Хоть тяжко,—говоритъ,—у чорта быть слугой,
Однако, легче все, чѣмъ съ злою жить женой».

Съ Лафонтеномъ Геллертъ сходится только въ томъ, что какъ у одного, такъ и у другого стихъ граціозенъ и дышитъ поэзіей, которая въ то время въ Германіи еще только начинала расцвѣтать. За это публика обожала его, путешественники искали случая его видѣть, а лучшіе люди страны гордились его знакомствомъ и даже самъ Фридрихъ Великій называлъ его умнѣйшимъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Басни его, говоритъ нѣмецкій критикъ Шерръ, составляютъ эпоху; онѣ по своей наглядной, хотя часто плоской ясности, по своему добродушно-мягкому порицанію слабости и пороковъ, по своей морали, рекомендующей во всемъ середину, пріобрѣли неслыханную до того времени популярность въ Германіи, особенно между среднимъ сословіемъ, участіе котораго въ національной литературѣ было главнымъ образомъ возбуждено этими баснями.

У насъ въ Россіи Геллертъ нашелъ себѣ отличныхъ переводчиковъ въ лицѣ такихъ баснописцевъ, какъ Крыловъ и Хемницеръ. Его «Лжецъ» одна изъ самыхъ популярныхъ басенъ не только среди дѣтей, но и среди взрослыхъ. Содержаніе ея извѣстно почти каждому грамотному русскому, поэтому приводить ея мы не станемъ, а напомнимъ здѣсь другую не менѣе интересную басню въ переводѣ Хемницера: «Домовой».

Домовой.

Пусть люди бы житья другъ другу не давали;
Да ужь и черти тожь людей тревожить стали!
Хозяинъ, говорятъ, одинъ какой-то былъ,
Которому отъ домового
Покою не было въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ:
Что ночь, то домовой пугать его ходилъ.
Хозяинъ, чтобъ спастись несчастія такого,
Все дѣлалъ, что онъ могъ: и ладаномъ курилъ,
Молитву отъ духовъ творилъ,
Себя и весь свой домъ крестами оградилъ;
Ни двери, ни окна хозяинъ не оставилъ,
Чтобъ мѣломъ крестика отъ чорта не поставилъ;
Но ни молитвой, ни крестомъ
Онъ отъ нечистаго не могъ освободиться.
Случилось стихотворцу въ домъ
Къ хозяину переселиться.
Хозяинъ радъ, что есть съ кѣмъ скуку раздѣлить;
А чтобъ ему смѣлѣе быть,
Когда нечистый появится,
Зоветъ его къ себѣ съ нимъ вечеръ проводить,
Потомъ просилъ его, чтобъ сдѣлать одолженье,
Изъ собственныхъ стиховъ прочесть бы сочиненье,
И стихотворецъ, въ угожденье,
Одну изъ слезныхъ драмъ хозяину читалъ

(Однако, имя ей комедіи давалъ),
Которою хотя хозяинъ не прельщался,
Да сочинитель самъ, однако, восхищался.
Нечистый духъ, какъ часъ насталъ,
Хозяину хоть показался,
Но и явленія не выждалъ одного,
По кожѣ подрало его—
И стало не видать. Хозяинъ догадался,
Что домовой чего-то не взлюбилъ.
Другого вечера дождавшись, посылаетъ,
Чтобъ посидѣть опять къ нему писатель былъ,
Котораго опять читать онъ заставляетъ—
И онъ читаетъ.
Нечистый только лишь придетъ
И тѣмъ же часомъ пропадетъ.
«Постой же,—разсуждалъ хозяинъ самъ съ собою,—
Теперь я слажу съ сатаною:
Не станешь болѣе ты въ домъ ко мнѣ ходить!».
На третью ночь одинъ хозяинъ нашъ остался.
Какъ скоро полночь стало бить,
Нечистый тутъ; но чуть лишь только показался,
«Эй, малый, поскорѣй!—хозяинъ закричалъ,—
«Чтобъ стихотворецъ ту комедію прислалъ,
Которую онъ мнѣ читалъ».
Услыша это, духъ нечистый испугался,
Рукою замахалъ,
Чтобы слуга остался—
И, словомъ, домовой
Пропалъ и въ этотъ домъ ужь больше ни ногой.

* * *

Вотъ если бы стиховъ негодныхъ не писали,
Которые мы такъ бранимъ,
Какимъ бы способомъ другимъ
Чертей мы избавляться стали?
Теперь хоть тысячи бѣсовъ и домовыхъ
Къ намъ въ домы станутъ появляться,
Есть чѣмъ отъ нихъ
Обороняться.

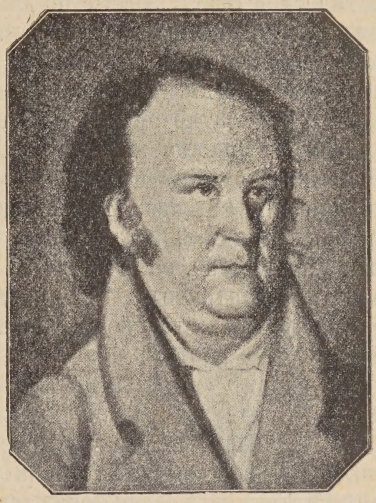
Геллертъ пробовалъ свои силы и въ романѣ, но его романы, образцомъ для которыхъ служилъ Ричардсонъ, блѣдны и безсодержательны. Романъ развился въ Германіи послѣ его смерти.

Юмористическій романъ находился подъ вліяніемъ «Тристрама Шенди» Лоренца Стерна. Рѣшительное отсутствіе формы, безконечное уклоненіе, остроумныя, ученыя, замысловатыя, двусмысленныя, грубыя рѣчи англійскаго автора пришлись по вкусу нѣмцамъ и нашли себѣ подражателей. Этотъ родъ романовъ напоминалъ произведенія Фишарта и Рабле. Такой романъ былъ возведенъ Жанъ-Полемъ Рихтеромъ въ перлъ созданія.

Іоганнъ-Пауль-Фридрихъ Рихтеръ, знаменитый нѣмецкій сатирикъ и романистъ, называвшійся обыкновенно Жанъ-Полемъ, родился въ 1763 году въ Вунзиделѣ. По его собственнымъ словамъ, первые годы его жизни были временемъ страданія и періодами голода, но тѣмъ не менѣе его дѣтство всегда было для него потеряннымъ раемъ, на который онъ любилъ впослѣдствіи оглядываться, какъ на грустную идиллію своей родины. Окончивъ гимназическій курсъ въ Гофѣ, онъ отправился въ Лейпцигскій университетъ, съ цѣлью заняться изученіемъ богословія, но рано развившаяся любовь къ поэзіи помѣшала углу-

биться ему въ занятія, вслѣдствіе чего онъ скоро промѣнялъ ихъ на свободное блужданіе въ разныхъ сферахъ знанія. Первымъ произведеніемъ Рихтера, написаннымъ имъ еще въ періодъ студенчества, на 19 году жизни, когда любимыми его писателями были Попъ и Свифтъ, явились «Гренландскіе процессы», въ которыхъ проглядываетъ рѣзкая сатира на современность.

Недостатокъ въ денежныхъ средствахъ принудилъ его покинуть въ 1785 г. Лейпцигъ и поселиться въ Гофѣ, гдѣ онъ цѣлыхъ десять лѣтъ проработалъ, по его собственному выраженію, «на уксусной фабрикѣ сатиры»; результатомъ этой работы было сатирическое сочиненіе: «Извлеченіе изъ записокъ дьявола», въ которыхъ сатирическій элементъ является въ нѣсколько смягченномъ видѣ. Но и эта книга не привлекла вниманія публики и не принесла Рихтеру никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Положеніе его тѣмъ болѣе было тягостно, что на немъ лежала забота о престарѣлой и нѣжно любимой имъ матери. Среди такихъ обстоятельствъ молодой писатель въ 1790 г. сдѣлался домашнимъ учителемъ, что имѣло рѣшительное вліяніе на развитіе его таланта, которое и выразилось черезъ три года появленіемъ новаго произведенія: «Невидимая ложа». Съ этого романа начинается поворотъ писателя отъ сатиры къ юмору, вслѣдствіе чего «Невидимая ложа» составляетъ важную эпоху въ его жизни, такъ какъ здѣсь впервые высказался Жанъ-Поль. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ романъ обратилъ на себя вниманіе публики и принесъ своему авотру порядочную сумму денегъ, съ помощью которой онъ могъ снова вернуться изъ Шварценбаха, гдѣ влачилъ почти нищенское существованіе со старухой-матерью, снова въ Гофъ.



Жанъ-Поль Рихтеръ.

Здѣсь имъ написанъ цѣлый рядъ романовъ, еще болѣе упрочившихъ его славу романиста и привлекшихъ къ нему сердца читающей публики, а въ особенности женщинъ. Только Шиллеръ и Гёте относились къ нему довольно сдержанно, такъ какъ имъ не нравилась безпорядочная форма его произведеній.

Послѣ смерти матери Рихтеръ переѣхалъ въ Лейпцигъ, а затѣмъ по приглашенію Гердера въ Веймаръ, гдѣ прожилъ нѣкоторое время, окруженный общимъ вниманіемъ. Въ маѣ 1804 года Рихтеръ женился на берлинской уроженкѣ и переѣхалъ на жительство въ Байрейтъ, гдѣ прожилъ почти безвыѣздно около двадцати лѣтъ. Здѣсь онъ имѣлъ несчастье лишиться зрѣнія и потерять уже взрослаго сына. Рихтеръ умеръ въ 1825 году 14 ноября послѣ продолжительной болѣзни и похороненъ на Байрейтскомъ кладбищѣ. Рихтеру былъ поставленъ бронзовый памятникъ.

Жанъ-Поль въ своихъ романахъ даетъ не полные и не законченные характеры героевъ, а выводитъ тѣ загадочныя натуры, которыя не бываютъ сами счастливы и не дѣлаютъ счастливыми другихъ, которыя не втягиваются въ мѣщанскую ограниченность, но и не стремятся подняться надъ ней при помощи труда и ищутъ утѣшенія то въ сатирической шуткѣ, то въ фантастическихъ мечтаніяхъ, пока не освобождаются точно фокусомъ, бросаютъ простую женщину и находятъ въ аристократической сферѣ занятіе по душѣ, а въ образованномъ сентиментальномъ женскомъ мірѣ идеалъ женщины. Высшаго проявленія своего таланта достигаетъ Жанъ-Поль въ романахъ «Титанъ» и «Годы воспитанія». «Титанъ» является біографіей и исторіей развитія одного нѣмецкаго принца, который выростаетъ, не зная о своемъ происхожденіи, а затѣмъ вступаетъ на престолъ. Герой романа человѣкъ здравый, вокругъ него группируются больные люди: эѳирная и одухотворенная Ліана, его первая любовь, экстравагантная титанида Линда, его вторая любовь, титаническій развратникъ Рокайроль, его другъ и соперникъ, юмористъ Шоппе, оканчивающій сумасшествіемъ. Книгу слѣдовало бы назвать «Антититанъ», такъ какъ она направлена противъ идеаловъ періода бурныхъ стремленій, противъ титанизма, противъ сентиментальности и даже противъ юмора.

Въ романѣ «Годы воспитанія» авторъ съ увлекательнымъ юморомъ описываетъ двухъ близнецовъ, Вальта и Фульта; одинъ угловатый, неловкій, застѣнчивый, ребячески мечтательный и непрактичный, другой— ловкій, сильный, смѣлый, стремительный и насмѣшливый. Въ этомъ романѣ Рихтеръ интересно показываетъ противоположность между идеальными юношескими стремленіями и грубой прозой дѣйствительности.

Въ маленькихъ разсказахъ, по большей части комическаго характера, нѣмецкій юмористъ въ высшей степени реально изображаетъ удивительныхъ чудаковъ вродѣ пастора Шмельцле, школьнаго учителя Фибеля и химика Николая Маркграфа. Всѣ эти люди живутъ въ заблужденіи и у нихъ, какъ у стерновскихъ героевъ, есть какой-нибудь свой особый «конекъ»: трусливый Шмельцле повсюду видитъ опасности, Фибель думаетъ, что составленіемъ азбуки совершилъ большой умственный подвигъ, докторъ Каценбергеръ всѣ свои силы направляетъ на изученіе уродовъ, а Николай Маркграфъ представляется какимъ-то нѣмецкимъ Донъ-Кихотомъ, который предполагаетъ, что осчастливитъ человѣчество, если изобрѣтетъ искусство дѣлать брилліанты.

Жанъ-Поль обладалъ большой комической силой и богатымъ запасомъ поэтическаго созерцанія; у него всегда былъ готовъ прекраснѣйшій матеріалъ для живого разсказа, исполненнаго всѣхъ мелкихъ подробностей человѣческаго обихода. Но его стерновская безформенность, слабость къ надутымъ метафорамъ, вводнымъ предложеніямъ, его водянистый слогъ, который большей частью тянется въ негармоничныхъ періодахъ, его туманности и безвкусіе съ самаго начала мѣшали его широкому вліянію и все больше уменьшали число его читателей. На современныхъ съ нимъ писателей Жанъ-Поль имѣлъ большое вліяніе, и юные поэты не только пользовались мотивами его вымысловъ, но даже подражали его языку и страннымъ метафорамъ. Даже Гёте при случаѣ заимствовалъ у Жанъ-Поля, не говоря уже о другихъ, образовавшихъ свой вкусъ на этомъ писателѣ.

«Всѣмъ произведеніямъ Жанъ-Поля,—говоритъ Шерръ,—недостаетъ надлежащаго внутренняго здоровья, такъ какъ у всѣхъ его лицъ нѣчто вродѣ духовной сухотки. Его сотканный изъ цвѣтовъ радуги поэтическій міръ виситъ въ воздухѣ. Недостатокъ реализма настолько вредитъ формѣ, что иногда отъ этого страдаетъ и содержаніе. Поэзія Жанъ-Поля есть всецѣло лирически-расплывчатая поэзія красокъ, и всѣ ея освѣщенные луною ландшафты, облака цвѣточной пыли, цвѣточныя слезы и жалобы соловья не могутъ вознаградить за отсутствіе пластической образности. Но если ты хочешь на крыльяхъ фантазіи подняться къ розовымъ вечернимъ облакамъ твоей закатившейся молодости, то Жанъ-Поль будетъ твоимъ проводникомъ; если ты одиноко плачешь въ своей комнатѣ, Жанъ-Поль тихо приблизится къ тебѣ и скажетъ: «Я пришелъ плакать съ тобой»; если свѣтъ ранилъ и огорчилъ тебя и потушилъ къ тебѣ жаръ одушевленія, Жанъ-Поль ищетъ и находитъ въ золѣ выгорѣвшаго сердца послѣднюю, полупотухшую искру и снова раздуваетъ ее въ свѣтлое пламя любви».

ГЛАВА VII.

Беранже.

Рожденіе и первые годы.—Переѣздъ въ Парижъ.—Поэтическіе опыты.—Переходъ къ пѣснямъ.—Дружба съ Юдиѳью.—Вліяніе на современниковъ.—Послѣдніе годы жизни.—Заключеніе.

Отецъ поэта служилъ конторщикомъ въ одномъ изъ парижскихъ магазиновъ. Здѣсь онъ познакомился съ молоденькой гризеткой и вскорѣ ей сдѣлалъ предложеніе. Молодые люди жили въ ладу недолго. Между супругами быстро установились самыя холодныя отношенія, и Беранже, надѣлавъ долговъ, бѣжалъ изъ Парижа въ Бельгію, а потомъ въ Голландію. Здѣсь онъ занялся составленіемъ подробной генеалогіи своего рода, производя его отъ флорентійскаго дворянина Джіованни Беранжери, жившаго въ XV вѣкѣ. Всѣ предки Беранже, несмотря на то, что были мелкими торговцами и ремесленниками, страдали какой-то маніей аристократизма и считали, что они знатнаго происхожденія.

Жена Беранже, Жанна Шамтъ, не послѣдовала за мужемъ, а вернулась къ своему отцу и здѣсь 19 августа 1780 года родила мальчика, названнаго при крещеніи Пьеромъ-Жаномъ, которому суждено было впослѣдствіи прославить фамилію Беранже своими пѣснями. Роды были очень трудные и окончились благополучно только при помощи акушерскихъ щипцовъ. Мать долго не могла сама кормить ребенка, который къ тому же былъ очень хилъ, и рѣшила его отправить въ деревню питомцемъ. Его отправили въ одно изъ бургундскихъ селеній, гдѣ онъ оставался до пяти лѣтъ, а затѣмъ снова вернулся къ своему дѣду и крестному отцу Пьеру Шамтъ.

Когда настало время учить ребенка, то его сперва помѣстили въ небольшую школу старика Вапро, а затѣмъ, по возвращеніи отца въ Парижъ, въ пансіонъ аббата Жантеро. Здѣсь ребенокъ оставался недолго, до 1790 года, и такъ какъ время было бурное и горячее, то ученики немного вынесли изъ этого пансіона, благодаря тому, что интересовались больше ходомъ революціи, чѣмъ науками. Въ семьѣ у ста-

рика Шамтъ Беранже научился только уважать Вольтера да аббата Прево, автора романа «Манонъ Леско»; въ остальномъ свѣдѣнія его были очень ограничены и впослѣдствіи онъ не разъ жалѣлъ, что не получилъ никакого образованія, особенно по части классической поэзіи.

Скажите, отчего въ нашъ славный вѣкъ
Я и мои стихи умремъ, не зная славы?
Затѣмъ, увы, что древность не открыла
Своей классической гармоніи секретовъ,
И воспитаніе, кормилица поэтовъ,
Сосцомъ своимъ меня вѣдь не кормило!
Чего хотите вы отъ тѣхъ, кто не учился?
Одни волчцы расли лишь тамъ, гдѣ я родился,
Одни несчастія давали мнѣ уроки,
И хорошо еще, что не пороки!..

Такъ писалъ Беранже въ 1812 году одному изъ своихъ друзей. Но, можетъ быть, получи Беранже классическое образованіе, онъ никогда не написалъ бы своихъ граціозныхъ пѣсенъ, такъ какъ на первыхъ порахъ, вѣроятно, сталъ бы подражать кому-нибудь изъ древнихъ поэтовъ.

Въ 1790 году будущій поэтъ принужденъ былъ уйти изъ пансіона вслѣдствіе невзноса за него платы. Такъ какъ дѣдъ его въ это время уѣхалъ изъ Парижа, а мать сама еле перебивалась, то отецъ, не долго думая, отправилъ своего сына въ Перонну, гдѣ жила тетка будущаго поэта, вдова и содержательница гостинницы «Королевская Шпага». Эта тетка была женщина умная и добрая; она обласкала ребенка и стала заботиться о немъ не хуже родной матери. Первое время Беранже помогалъ ей по хозяйству; онъ прислуживалъ посѣтителямъ и присматривалъ на конюшнѣ за лошадьми. Понятно, мальчикъ ничему хорошему не могъ научиться отъ посѣтителей, и тетка рѣшила отдать его въ ученье къ часовщику, но неожиданный случай разстроилъ всѣ ея соображенія.

Какъ-то разъ въ маѣ 1792 года Беранже стоялъ на порогѣ гостинницы и любовался грозой. Тетка въ это время ходила по комнатѣ и, читая молитвы, кропила стѣны святой водой. Вдругъ неожиданный ударъ грома повергъ мальчика на землю. Тетка немедленно подбѣжала къ нему, вытащила его на улицу подъ дождь и, видя, что онъ лежитъ безъ движенія, рѣшила, что онъ умеръ. Беранже лежалъ въ обморокѣ довольно долгое время и, наконецъ, придя въ себя, съ улыбкой сказалъ теткѣ: «А вѣдь святая-то вода не помогла». Онъ недаромъ воспитывался на Вольтерѣ. Мальчикъ не скоро оправился отъ громового удара и навсегда сдѣлался близорукимъ, такъ что рѣшеніе отдать его къ часовому мастеру пришлось измѣнить. Тетка помѣстила его впослѣдствіи къ золотыхъ дѣлъ мастеру, который, какъ оказалось на дѣлѣ, былъ простымъ лудильщикомъ и вдобавокъ еще развратникомъ. Беранже былъ взятъ отъ этого мастера и сдѣлался разсыльнымъ у бывшаго нотаріуса, а потомъ у мирового судьи Баллю де-Белланглизъ. Этотъ судья былъ членомъ законодательнаго собранія. Окончивъ свои обязанности, онъ вернулся въ Перонну и основалъ здѣсь безплатныя школы по системѣ Руссо. Онъ хотѣлъ создать гражданъ, которые бы съ малолѣтства привыкли къ самоуправленію. Ученики въ его школахъ избирали изъ своей среды судей, мэра, а всѣ вмѣстѣ составляли армію стрѣлковъ и артиллеристовъ. Для обсужденія своихъ дѣлъ у нихъ имѣлся особен-

ный клубъ, въ которомъ старшимъ всегда выбирался Беранже; онъ же былъ составителемъ рѣчей и адресовъ. Эти ученики прекрасно распѣвали революціонныя пѣсни, но по части грамматики и правописанія

Беранже.

были довольно слабы, поэтому и въ новой школѣ Беранже не многому научился.

Въ концѣ 1796 года отецъ Беранже переселился въ Парижъ и открылъ небольшую контору съ выдачею ссудъ подъ залогъ вещей; въ помощь себѣ онъ выписалъ и сына. Прибывъ въ столицу, Беранже въ первое время чрезвычайно увлекся финансовыми операціями отца. Онъ оказался весьма ловкимъ счетоводомъ и это такъ льстило его самолюбію, что ростовщичество было для него чѣмъ-то вродѣ искусства для искусства. Но черезъ нѣсколько времени поэтъ понялъ оборотную сто-

рону дѣла и, когда дѣла отца пошли хуже и, наконецъ, заключились полнѣйшимъ крахомъ, то Беранже почувствовалъ облегченіе. Избѣгая кредиторовъ отца, Беранже поселился въ мансардѣ въ глухомъ кварталѣ и по цѣлымъ часамъ въ мрачномъ настроеніи бродилъ по уединеннымъ окрестностямъ Парижа. Питаясь одной хлѣбной похлебкой, молодой человѣкъ нисколько не унывалъ, такъ какъ въ это время въ немъ пробудилось поэтическое чувство. Еще въ бытность свою въ Перонне Беранже не разъ пробовалъ писать стихи; теперь на досугѣ увлеченіе поэзіей захватило его цѣликомъ. Онъ началъ писать пастушескія идилліи, поэмы философскаго характера и остроумныя, веселыя пѣсни. Но первыя вдохновенія своей музы Беранже не пускалъ въ публику; они появились лишь въ 1797 году и то безъ его вѣдома. Его отецъ, всегда искавшій случая удовлетворить своему тщеславію, помѣстилъ произведенія своего сына въ альманахѣ «Гирлянда цвѣтовъ».

Свои пѣсни Беранже сочинялъ въ кругу друзей, которыхъ у него было немало. По пріѣздѣ въ Парижъ онъ сблизился съ нѣсколькими молодыми художниками и съ композиторомъ Боккильономъ, который впослѣдствіи писалъ музыку для своего пріятеля. Въ кружкѣ этихъ друзей Беранже былъ самымъ веселымъ и самымъ остроумнымъ собесѣдникомъ.

Около этого же времени Беранже познакомился съ молоденькой дѣвушкой по имени Юдиѳь Фрэръ и вскорѣ безъ ума влюбился въ нее. Юдиѳь была очень красива собою, а Беранже въ двадцать лѣтъ выглядѣлъ старикомъ: блѣдный, слабогрудый и плѣшивый, вслѣдствіе частыхъ головныхъ болей, онъ не годился въ служители Венеры и, почувствовавъ на себѣ обаяніе дѣвушки, пришелъ было въ отчаяніе при мысли, что ему придется томиться безнадежной любовью. Но опасенія его оказались напрасными: Юдиѳь отвѣтила ему взаимностью: они сошлись и уже больше не разставались до самой смерти.

Этой дѣвушкѣ Беранже посвятилъ одно изъ самыхъ трогательныхъ своихъ стихотвореній, которое мы здѣсь и приводимъ.

Старушка *).

Ты отцвѣтешь, подруга дорогая,
Ты отцвѣтешь—твой вѣрный другъ умретъ...
Несется быстро стрѣлка роковая,
И скоро мнѣ послѣдній часъ пробьетъ.
Переживи меня, моя подруга,
Но памяти моей не измѣняй —
И, кроткою старушкой, пѣсни друга
У камелька тихонько напѣвай.

* * *

А юноши по шелковымъ сѣдинамъ
Найдутъ слѣды минувшей красоты
И робко спросятъ: «Бабушка, скажи намъ,
Кто былъ твой другъ? О комъ такъ плачешь ты?».
Какъ я любилъ тебя, моя подруга,
Какъ ревновалъ, ты все имъ передай —
И, кроткою старушкой, пѣсни друга
У камелька тихонько напѣвай.

* * *

*) Переводъ В. Курочкина.

И на вопросъ: «Въ немъ чувства было много?»
—«Онъ былъ мнѣ другъ», ты скажешь безъ стыда.
«Онъ въ жизни зла не сдѣлалъ никакого?».
Ты съ гордостью отвѣтишь: «Никогда!».
Какъ про любовь къ тебѣ, моя подруга,
Онъ пѣсни пѣлъ, ты все имъ передай —
И, кроткою старушкой, пѣсни друга
И камелька тихонько напѣвай.

* * *

Когда къ тебѣ, покрытой сѣдинами,
Знакомой славы донесется слѣдъ,
Твоя рука дрожащая цвѣтами
Весенними украситъ мой портретъ.
Туда въ тотъ міръ невидимый, подруга,
Гдѣ мы сойдемся, взоры обращай —
И, кроткою старушкой, пѣсни друга
У камелька тихонько напѣвай.

Вмѣстѣ съ Юдиѳью и другими друзьями Беранже вскладчину устраивалъ небольшія пирушки. Обыкновенно друзья собирались на квартирѣ у доктора Малле, гдѣ жилъ Виллемъ Боккильонъ. Семейство доктора состояло изъ жены и нѣсколькихъ дочерей. Съ приходомъ Беранже начинались музыка и пѣніе, разыгрывались самодѣльные водевили, устраивались танцы. Для этого кружка Беранже написалъ самыя веселыя пѣсни. Въ обыкновенное же время Беранже жилъ болѣе чѣмъ скромно: его костюмъ пришелъ въ такую ветхость, что ему каждый разъ, прежде чѣмъ выйти изъ дому, нужно было заниматься чинкой туалета. «Говоря между нами,— писалъ Беранже въ стихахъ своему другу Виллему, —мнѣ плохо вѣрится, мой другъ, въ добродѣтель девяти музъ, иначе зачѣмъ бы имъ было оставлять насъ безъ штановъ?». Вскорѣ матеріальное положеніе его такъ ухудшилось, что онъ, не говоря никому ни слова, обратился съ письменной просьбой къ сенатору Люсьену Бонапарту. Этотъ сенаторъ, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, принялъ участіе въ начинающемъ поэтѣ и предложилъ ему воспользоваться своимъ академическимъ жалованьемъ, которое онъ не получалъ за три года. Такимъ образомъ, Беранже сразу очутился обладателемъ трехъ тысячъ франковъ. Когда деньги были прожиты, Беранже получилъ мѣсто экспедитора при новомъ университетѣ съ скромнымъ содержаніемъ въ тысячу франковъ.

Беранже никогда не забывалъ благодѣянія Люсьена, но тѣмъ не менѣе не могъ удержаться, чтобы не посмѣяться надъ нимъ, когда тотъ захотѣлъ придать ему академическій лоскъ. Люсьенъ былъ поклонникомъ старой школы поэтовъ и въ стихахъ любилъ выспренность и витіеватость; Беранже, наоборотъ, преклонялся предъ простотой и естественностью. Эту разницу во взглядахъ и свою любовь съ независимости высказалъ поэтъ въ пѣсенкѣ «Новый фракъ» *).:

Соблазнами большого свѣта
Не увлекаться нѣту силъ!
Откушать, въ качествѣ поэта,
Меня вельможа пригласилъ.
И я, какъ всѣ, увлекся тоже..
Вѣдь это честь, пойми, чудакъ:
Ты будешь во дворцѣ вельможи!
Вотъ какъ!

---

*) Переводъ В. Курочкина.

Я буду во дворцѣ вельможи!
И заказалъ я новый фракъ.
* * *
Съ утра, взволнованный глубоко,
Я передъ зеркаломъ верчусь;
Во фракѣ съ тальею высокой
Низенько кланяться учусь,
Учусь смотрѣть солиднѣй, строже,
Чтобъ сразу не попасть впросакъ:
Сидѣть придется вѣдь съ вельможей!
Вотъ какъ!
Сидѣть придется вѣдь съ вельможей!
И я надѣлъ свой новый фракъ.
* * *
Пѣшечкомъ выступаю плавно,
Вдругъ изъ окна друзья кричатъ:
«Иди сюда! Здѣсь завтракъ славный».
Вхожу: бутылокъ длинный рядъ!
— Съ друзьями выпить? Отчего же...
Оно бы лучше натощакъ...
Я, господа, иду къ вельможѣ!
Вотъ какъ!
Я, господа, иду къ вельможѣ,
На мнѣ недаромъ новый фракъ!
* * *
Иду, позавтракавъ солидно,
Навстрѣчу—свадьба... старый другъ...
Вѣдь отказаться было бъ стыдно...
И я попалъ въ веселый кругъ.
И вдругъ... ни на что не похоже—
Сталъ красенъ отъ вина, какъ ракъ.
— Но, господа. я званъ къ вельможѣ.
Вотъ какъ!
Но, господа, я званъ къ вельможѣ,
На мнѣ надѣтъ мой новый фракъ.
* * *
Ну, ужъ извѣстно, послѣ свадьбы
Бреду, цѣпляясь за заборъ,
А всю смотрю, не опоздать бы...
И вотъ подъѣздъ... и вдругъ мой взоръ
Встрѣчаетъ Лизу... Правый Боже!
Она даетъ условный знакъ...
А Лиза вѣдь милѣй вельможи!..
Вотъ какъ!
А Лиза вѣдь милѣй вельможи
И ей не нуженъ новый фракъ.
* * *
Она сняла съ меня перчатки
И, какъ послушнаго вола,
На свой чердакъ, къ своей кроваткѣ
Вельможи гостя привела.
Мнѣ фракъ сталъ тяжелѣй рогожи,
Я понялъ свой невѣрный шагъ,
Забылъ въ минуту о вельможѣ...
Вотъ какъ!
Забылъ въ минуту о вельможѣ
И... скинулъ я свой новый фракъ.
* * *
Такъ отъ тщеславія пустого
Мнѣ данный во время урокъ
Меня навѣки спасъ—и снова
Я взялъ бутылку и свистокъ.
Мнѣ независимость дороже,

Чѣмъ свѣтской жизни блескъ и мракъ.
Я не пойду, друзья, къ вельможѣ,
Вотъ какъ!
А кто пойдетъ, друзья, къ вельможѣ,
Тому дарю свой новый фракъ.

Въ 1812 году Беранже впервые записалъ свои пѣсни, чего никогда прежде не дѣлалъ. Мысль записать ихъ пришла ему въ голову, когда онъ сидѣлъ у постели больного друга Герена. Поэтъ развлекалъ больного, напѣвалъ свои куплеты и, тутъ же записавъ ихъ, набралъ около сорока пѣсенъ. Но пѣсни эти были извѣстны только ближайшимъ его друзьямъ; обыкновенные читатели услышали о Беранже только годъ спустя, когда появилась въ спискахъ его новая пѣсня «Король Ивето». Она чрезвычайно быстро распространилась по Парижу и взволновала даже придворныя сферы. Эта пѣсня явилась выраженіемъ всеобщаго недовольства Наполеономъ и ея распространенность доказывала одобреніе читателей.

Легенда, изъ которой взятъ сюжетъ для пѣсни, пользовалась во Франціи большой популярностью и въ эпоху Беранже въ Парижѣ существовалъ кабачекъ подъ названіемъ «Король Ивето». Недаромъ авторъ, перечисляя всѣ достоинства этого добродушнаго короля, въ заключительномъ куплетѣ говоритъ:

Но онъ народомъ не забытъ,
Срисованъ маляромъ
И въ видѣ вывѣски прибитъ
Надъ старымъ кабакомъ.

Ивето—французскій городъ въ Нормандіи. Историки разсказываютъ, что владѣлецъ Ивето охотился однажды съ Клотаромъ I. На охотѣ король разгнѣвался на своего феодала и хотѣлъ его убить. Ивето, спасаясь отъ него, укрылся въ церкви, но король настигъ его и, несмотря на святость мѣста, пролилъ кровь. Образумившись, Клотаръ, въ знакъ раскаянія, далъ потомкамъ убитаго право именоваться «величествомъ». Такъ возникло королевство Ивето. Беранже въ своей пѣсенкѣ противопоставляетъ идиллическаго короля этого государства Наполеону. Добрый король Ивето (въ русскомъ переводѣ Курочкина онъ называется царемъ Додономъ) чуждъ всякаго тщеславія и верхомъ на ослѣ, безъ всякой свиты, въ сопровожденіи одной лишь собаки, разъѣзжаетъ по своимъ владѣніямъ, ни съ кѣмъ не воюетъ, не облагаетъ налогами своихъ подданныхъ, однимъ словомъ, полная противоположность Наполеону.

Пѣсенка эта произвела большое впечатлѣніе и въ литературныхъ кружкахъ. Одинъ изъ такихъ кружковъ подъ названіемъ «Погребъ», во главѣ котораго стоялъ талантливый поэтъ Дезожье, пригласилъ его въ свои члены. Въ назначенный день поэтъ явился въ веселое общество и спѣлъ веселые куплеты «Разсчетъ съ Лизой».

Это была одна изъ послѣднихъ его веселыхъ пѣсенъ. Несчастная война съ Россіей, взятіе Парижа дали Беранже поводъ къ новымъ оппозиціоннымъ пѣснямъ. Въ началѣ Реставраціи онъ занимается сперва лишь ободреніемъ упавшихъ духомъ гражданъ и призываетъ ихъ къ патріотизму: «Я люблю,—говоритъ онъ,—чтобы русскій былъ русскимъ, англичанинъ—англичаниномъ, пруссакъ—пруссакомъ, будемъ же во Фран-

ціи французами». При возвращеніи Бурбоновъ правительство давало деньги Беранже, чтобы онъ перешелъ на ихъ сторону, но тотъ отвѣтилъ имъ очень просто: «Пусть они дадутъ намъ свободу вмѣсто славы, пусть сдѣлаютъ Францію счастливой и я стану воспѣвать ихъ безплатно».

Въ декабрѣ 1815 года Беранже издалъ первый сборникъ своихъ пѣсенъ. Книжка, несмотря на нѣкоторыя стихотворенія, направленныя противъ Бурбоновъ, была пропущена и пользовалась заслуженнымъ успѣхомъ въ Парижѣ. Ханжи указывали было на безнравственность пѣсенъ, но Людовикъ XVIII отвѣтилъ на это, что автору «Короля Ивето» можно простить многое. Въ началѣ слѣдующаго года Беранже провожалъ своего друга Арно, который, какъ приверженецъ Наполеона, долженъ былъ покинуть Францію. Прощаясь съ своимъ другомъ, Беранже спѣлъ ему новую пѣсенку, въ которой подъ видомъ птицъ изображены эмигранты, улетающіе изъ родной страны при наступленіи суровой зимы.

Птицы.

Зима, какъ въ саванъ, облекла
Весь край нашъ въ бѣлую равнину
И птицъ свободныхъ на чужбину
Любовь и пѣсни унесла.
Но и въ чужомъ краю мечтою
Онѣ летятъ къ роднымъ полямъ:
Зима ихъ выгнала, но къ намъ
Онѣ воротятся весною.

* * *

Имъ лучше въ дальнихъ небесахъ;
Но намъ безъ нихъ сводъ неба тѣсенъ:
Намъ только эхо вольныхъ пѣсенъ
Осталось въ избахъ и дворцахъ.
Ихъ пѣсни звучною волною
Плывутъ къ далекимъ берегамъ;
Зима ихъ выгнала, но къ намъ
Онѣ воротятся весною.

* * *

Намъ, птицамъ стороны глухой,
На ихъ полетъ глядѣть завидно...
Намъ трудно пѣть —такъ много видно
Громовыхъ тучъ надъ головой!
Блаженъ, кто могъ въ борьбѣ съ грозою
Отдаться вольнымъ парусамъ...
Зима ихъ выгнала, но къ намъ
Онѣ воротятся весною.

* * *

Онѣ на темную лазурь
Слетятся съ громовымъ ударомъ,
Чтобъ свить гнѣздо подъ дубомъ старымъ,
Но не согнувшимся отъ бурь.
Усталый пахарь за сохою
Навстрѣчу вольнымъ голосамъ
Зальется пѣснями,—и къ намъ
Онѣ воротятся весною.

Во время второй Реставраціи Беранже сталъ печатать свои пѣсенки въ оппозиціонной газетѣ «Минерва». Среди помѣщенныхъ имъ про-

изведеній особенной рѣзкостью отличались «Священный союзъ» и «Миссіонеры». Въ эту пору всѣмъ уже стало ясно, куда были направлены симпатіи Беранже. Правительственные органы считали его своимъ опаснѣйшимъ противникомъ, а университетское начальство заявило, что если онъ выпуститъ новое изданіе своихъ пѣсенъ, то его лишатъ мѣста; тѣмъ не менѣе второй томъ появился въ 1821 году. И эта книга, какъ и предыдущая, разошлась чрезвычайно быстро, но вмѣстѣ съ тѣмъ повлекла за собой судебное преслѣдованіе автора. Присяжные приговорили Беранже къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія и пятистамъ франковъ штрафа. Дни заключенія онъ провелъ чрезвычайно весело, почти весь Парижъ посѣтилъ его въ тюрьмѣ; то же самое дѣлала и остальная Франція: поэта осаждали письмами и всевозможнаго рода подарками и приношеніями вродѣ дичи, вина и разныхъ закусокъ. По выходѣ изъ тюрьмы онъ жилъ на доходъ, полученный со второго изданія, но далеко не чувствовалъ себя обезпеченнымъ. Капиталистъ Жакъ Лафитъ поспѣшилъ къ нему на помощь и предложилъ работу въ своемъ бюро, но поэтъ не согласился разстаться со своей свободой и отказался.

Въ 1825 году Беранже издалъ третій сборникъ стихотвореній, а въ 1828 году — четвертый; въ послѣдній онъ помѣстилъ пѣсни самаго убійственнаго сарказма, и слѣдствіемъ этого было его новое привлеченіе къ суду. На этотъ разъ Беранже, какъ рецидивиста, приговорили къ девяти мѣсяцамъ тюремнаго заключенія и къ десяти тысячамъ франковъ штрафа.

Послѣ 1830 года поэтъ почти не жилъ въ Парижѣ и усердно приготовлялъ полное собраніе своихъ сочиненій, которыя были изданы въ 1833 году. «Мои пѣсни—это я», говоритъ поэтъ о своихъ произведеніяхъ. И дѣйствительно, всѣ свои мечты и идеалы воплотилъ онъ въ своихъ пѣсняхъ; такъ, напримѣръ, поэта увлекали мечты о народномъ благѣ, и онъ съ восторгомъ привѣтствовалъ въ пѣснѣ «Безумцы» другихъ такихъ же мечтателей:

Господа, если къ правдѣ святой
Міръ дороги найти не умѣетъ,
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой.

Говорить о каждой пѣснѣ Беранже мы не можемъ по недостатку мѣста и времени, и потому бросимъ только общій взглядъ на эти произведенія. Въ небольшихъ своихъ пѣсенкахъ Беранже является то философомъ, то бытописателемъ, сатира перемѣшана съ самымъ добродушнымъ юморомъ; чаще же всего онъ воспѣваетъ свободу и братство. Онъ провидитъ братство народовъ въ далекомъ будущемъ и горячо привѣтствуетъ все, что приближаетъ насъ къ этому золотому вѣку. Беранже часто укоряли въ безнравственности нѣкоторыхъ изъ его пѣсенъ, но, по его собственному объясненію, мысль, скованная суровыми мѣрами Наполеона, искала утѣшенія въ скабрезности.

Внѣшняя форма произведеній Беранже почти всегда безукоризненна. Онъ былъ поклонникъ формы, находя, что красивая внѣшность можетъ усилить впечатлѣніе цѣлаго предмета.

Въ 1840 году съ Беранже случился неожиданный инцидентъ. Шестидесятилѣтнимъ сторикомъ онъ встрѣтился съ какой то иностран-

кой и страстно влюбился въ нее. Онъ бросилъ домъ, друзей, литературу и бѣжалъ въ Фонтенэ-Су-Буа. Никто не зналъ, гдѣ онъ находится, а поэтъ въ это время терзался надъ вопросомъ: жениться ему на иностранкѣ или нѣтъ? Только спустя годъ Беранже снова возвращается подъ свой кровъ.

Когда въ 1848 году во Франціи водворилась Вторая республика, французы избрали Беранже въ національное собраніе. Но поэтъ подалъ просьбу о снятіи его кандидатуры. «Мои шестьдесятъ восемь лѣтъ, писалъ онъ въ этой просьбѣ,—мое слабое здоровье, привычки ума и независимый характеръ дѣлаютъ для меня невозможной слишкомъ почетную роль, предлагаемую вами, любезные сограждане. Я могу жить и думать только въ уединеніи; поэтому умоляю васъ оставить меня въ покоѣ. Вы говорите, я былъ пророкомъ. Пусть, но пророку приличествуетъ пустыня. Петръ Пустынникъ былъ плохимъ предводителемъ крестоваго похода, который онъ такъ настойчиво проповѣдывалъ. Оставьте меня умереть, какъ я жилъ, не превращайте въ плохого законодателя вашего друга, добраго и стараго пѣвца». Несмотря на этотъ отказъ, популярность Беранже въ народѣ нисколько не уменьшилась и только въ интеллигентныхъ литературныхъ кружкахъ укоряли его въ измѣнѣ республикѣ.

Въ 1850 году поэтъ написалъ послѣднее изъ своихъ стихотвореній подъ названіемъ «Прости».

Часъ близокъ. Франція, прости. Я умираю.
Возлюбленная мать, прости. Какъ звукъ святой,
Сберегъ до гроба я привѣтъ родному краю.
О, могъ ли такъ, какъ я, тебя любить другой?
Тебя въ младенчествѣ я пѣлъ, читать не зная,
И, видя смерти серпъ надъ головой почти,
Я въ пѣснѣ о тебѣ, дыханье испуская,
Слезы, одной твоей слезы прошу. Прости!

* * *

Когда стонала ты въ рукахъ иноплеменныхъ,
Подъ колесницами надменныхъ королей,
Я рвалъ знамена ихъ для ранъ твоихъ священныхъ;
Чтобъ боль твою унять, я расточалъ елей.
Въ твоемъ паденіи заря зажглась—и время
Благословенія племенъ должно придти
Затѣмъ, что брошено твоею мыслью сѣмя
Для жатвы равенства грядущаго. Прости!

* * *

Я вижу ужь себя зарытаго, въ гробницѣ.
Кого любилъ я здѣсь, о, будь защитой ихъ.
Отчизна, вотъ твой долгъ предъ бѣдной голубицей,
Не тронувшей зерна на пажитяхъ твоихъ!
Чтобы къ сынамъ твоимъ съ мольбой дошелъ мой пламень—
Удерживая смерть на пройденномъ пути,
Своей гробницы я приподнимаю камень.
Рука изнемогла. Онъ падаетъ. Прости!

Это дѣйствительно была его послѣдняя пѣсня. Уже въ слѣдующемъ году Беранже начинаетъ страдать приступами разныхъ старческихъ болѣзней, а послѣ смерти своей вѣрной подруги Юдиѳи Фрэръ окончательно ослабѣваетъ. Въ маѣ 1857 года онъ дополняетъ свое духовное завѣщаніе, а въ іюнѣ у него начинаетъ помрачаться разсудокъ. Улица, гдѣ жилъ въ послѣднее время поэтъ, стала мѣстомъ паломничества всего

Парижа. У постели умирающаго безотлучно находились Тьеръ, Минье и Лебренъ.

Ихъ присутствіе оживляло его и, когда къ нему возвращался разсудокъ, онъ весело бесѣдовалъ съ друзьями, но такія минуты просвѣтленія становились съ каждымъ днемъ все рѣже.

Ночь съ 15 на 16 іюля была однимъ сплошнымъ страданіемъ поэта. Въ домѣ его и около воротъ толпилась масса народа. Больной сидѣлъ посреди комнаты въ большомъ креслѣ. Докторъ Труссо объявилъ присутствовавшмъ, что конецъ близокъ. 35 минутъ пятаго 16 іюля 1857 года Беранже успокоился навѣки. Похороны его состоялись на другой день при громадномъ стеченіи народа, изумленнаго быстротой его погребенія, съ которымъ поторопилось правительство во избѣжаніе могущихъ быть манифестацій. Рѣчей не было, и только изъ толпы при опусканіи гроба въ могилу слышались возгласы: «Слава, слава Беранже!».

Беранже всю свою жизнь жилъ желаніями націи и проводилъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Какъ послѣдователь Вольтера, онъ разрушалъ ветхія зданія, но, какъ поклонникъ Руссо, проповѣдывалъ постройку новыхъ на основаніяхъ равномѣрнаго распредѣленія блага между всѣми членами націи. Онъ былъ апостоломъ любви, но противъ лжи и порока нерѣдко пускалъ въ ходъ злую сатиру.

Что касается его пѣсенъ, то всего характернѣе въ нихъ—это непрерывность дѣйствія. «Пѣсня Беранже,—говоритъ историкъ французской литературы Лансонъ,—это разсказъ или драма. Каждый куплетъ въ ней обрисовываетъ одинъ изъ главныхъ моментовъ дѣйствія. Беранже художникъ по общей конструкціи своихъ пѣсенъ, также какъ Скрибъ художникъ по конструкціи своихъ пьесъ. Можно даже сказать, что въ одномъ отношеніи пѣсня Беранже популярна въ силу тѣхъ же достоинствъ, которыя доставили популярность Лафонтену: въ силу своего непрерывнаго движенія».

Въ пѣснѣ Беранже воплотился французскій духъ со всѣми своими блестящими и слабыми сторонами; а такъ какъ французы умѣютъ придавать особую привлекательность даже своимъ недостаткамъ, то пѣсня Беранже мила и граціозна даже тамъ, гдѣ она отражаетъ національные недостатки, и даже тамъ, гдѣ она соприкасается съ непристойностью.

Беранже, кромѣ того, умѣлъ каждое жизненное явленіе представить въ комичномъ видѣ и заставить смѣяться надъ тѣмъ, что при обыкновенномъ освѣщеніи могло показаться далеко не смѣшнымъ. Въ тѣхъ же пѣсняхъ, гдѣ сюжетъ уже комиченъ самъ по себѣ, Беранже обнаруживаетъ юмористическій талантъ въ полной силѣ; такова, напримѣръ пѣсня: «Плачущій мужъ».

Жена моя въ гробу!
Рабу
Устрой, Господь, Твою
Въ раю.
Избавь ее отъ ада
Въ день страшнаго суда;
Ей тамъ блаженство надо...
Чтобъ не пришла сюда.
Жена моя въ гробу!
Рабу
Устрой, Господь, Твою
Въ раю.

Увы, ничто не вѣчно!
Мое блаженство съ ней
Казалось безконечно...
Въ теченіе трехъ дней.
Жена моя въ гробу!
Рабу
Устрой, Господь, Твою
Въ раю.

* * *

Подчасъ она хитрила
(Нельзя же безъ того!),
Но искренно любила...

Сосѣда моего.
Жена моя въ гробу!
Рабу
Устрой, Господь, Твою
Въ раю.
* * *
И съ жизнью разставаясь,
Холодная къ другимъ,
Заплакала, прощаясь...
Съ любовникомъ своимъ.
Жена моя въ гробу!
Рабу
Устрой, Господь, Твою
Въ раю.
* * *
Едва ли я сумѣю
Несчастье пережить...
Нѣтъ! Нѣтъ! Пойду за нею...
Зарыть ее! Зарыть!
Жена моя въ гробу!
Рабу
Устрой, Господь, Твою
Въ раю.

Пѣсни Беранже имѣли несомнѣнное вліяніе и на русскую литературу. Извѣстность ихъ началась еще во времена Пушкина. Графъ Нулинъ, по словамъ поэта, ѣздилъ:

Съ ужасной книжкою Гизота,
Съ тетрадью злыхъ карикатуръ.
Съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта,
Съ bons mots французскаго двора,
Съ послѣдней пѣсней Беранжера.

Какъ пѣвецъ гражданской свободы и независимости, Беранже пользовался большой популярностью въ Россіи въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, особенно когда начали появляться талантливые переводы его пѣсенъ, сдѣланные В. С. Курочкинымъ.

ГЛАВА VIII.

Людвигъ Бёрне и Генрихъ Гейне.

Журнальная дѣятельность Бёрне. — Характеръ его юмора. — Гейне-романтикъ.—Его ироническое отношеніе къ своимъ чувствамъ.—Его заслуга.

Бёрне (1786—1837 г.) началъ свою дѣятельность критическими статьями въ разныхъ журналахъ. Онъ изощрялъ свое остроуміе надъ жалкимъ положеніемъ германскаго театра, но затѣмъ постепенно перешелъ на политику и съ неслыханной дотолѣ смѣлостью сталъ писать обличительныя политическія статьи о состояніи Европы и Германіи.

Въ Бёрне всю жизнь работало политическое сознаніе, онъ былъ первымъ предвѣстникомъ политической религіи будущаго, предтечей эпохи республики. Онъ первый бросилъ въ литературу демократическія сѣмена, и всѣ писатели, современные ему, чувствовали на себѣ его вліяніе. Несмотря на то, что ему пришлось умереть въ изгнаніи, онъ любилъ отечество и сквозь его безпощадныя сатиры всегда пробивался теплый солнечный лучъ любви къ отечеству. Его юморъ проявляется не такъ, какъ у Жанъ-Поля Рихтера, т. е. улыбкой сквозь слезы, но краснымъ потокомъ крови изъ сердца, истекавшаго по родинѣ.

Въ то время въ Германіи была въ большомъ ходу сократовская иронія и каждый писатель считалъ долгомъ проявлять ее въ своихъ произведеніяхъ. Такую иронію Фридрихъ Шлегель находитъ между прочимъ и въ романѣ Гёте «Вильгельмъ Мейстеръ». Но особенно ярко

выражается она въ произведеніяхъ Гейне. Нѣмецкая проза послѣ Жанъ-Поля Рихтера превратилась въ безцвѣтный потокъ словъ и только Гейне поднялъ ее снова на надлежащую высоту. Стиль въ «Путевыхъ картинкахъ» представляетъ блестящую игру антитезъ, кокетливое перепрыгиваніе съ одного предмета на другой. Къ ихъ автору можно примѣнить слова, сказанныя имъ о лэди Матильдѣ: «Есть сердца, въ которыхъ шутка и серьезность, злое и священное, пылъ и холодъ такъ причудливо связаны другъ съ другомъ, что судить о нихъ трудно. Подобное сердце плавало въ груди Матильды: иногда это былъ ледяной островъ, на гладкой зеркальной поверхности котораго цвѣли пылающіе страннымъ томленіемъ пальмовые лѣса, иногда оно опять становилось восторженно пламенымъ вулканомъ, который вдругъ засыпала смѣющаяся снѣжная лавина». Таковъ былъ и Гейне. То онъ впадалъ въ сентиментальность, то начиналъ самъ же вышучивать свои чувства. Это былъ Байронъ нѣмецкой поэзіи. Его стремленія освободить личность въ интеллектуальномъ и соціальномъ отношеніяхъ привело его къ тому, что онъ сталъ считать собственное «я» средоточіемъ міра, а права личности ставилъ выше, чѣмъ права человѣчества, и если занимался послѣдними, то почти исключительно для того, чтобы лишній разъ показать свое остроуміе. Гейне готовъ былъ навлечь на себя обвиненіе въ какомъ угодно дурномъ поступкѣ, но не могъ удержаться, чтобы не высказать остроумной мысли. Онъ, по русской пословицѣ, «для краснаго словца не щадилъ ни матери, ни отца». Но такъ какъ отъ остроумія, этого главнаго свойства Гейне, не было ограждено и собственное «я», то оно въ концѣ концовъ было вовлечено въ вихрь остроумнаго міросозерцанія и погибло вмѣстѣ съ другими ветошами, которыя такъ старательно уничтожалъ поэтъ.

Людвигъ Бёрне.

«Въ Генрихѣ Гейне,—говоритъ Шерръ,—романтика уничтожила сама себя. Она переходитъ у него въ остроуміе, чтобы оборваться съ громкимъ смѣхомъ. Въ его пѣсняхъ она еще разъ издаетъ самые сладкіе свои звуки (какъ, напримѣръ, цѣлая романтика не произвела ничего болѣе католически искренняго, чѣмъ Гейневское «Путешествіе въ Кефлааръ» и удивительная картина сѣвернаго моря «Миръ»), чтобы потомъ вдругъ перейти въ ѣдкій хохотъ самоосмѣянія. Истина романтична въ немъ, необузданный произволъ его геніальной личности, съ которымъ онъ то освѣщаетъ свой гуманистическій идеалъ всѣмъ свѣтомъ поэзіи и мысли, то вслѣдъ за тѣмъ начинаетъ колотить его своей

арлекинской палкой, забрасываетъ сарказмами и волочитъ его по грязи.

Гейне въ 1820 году.

«Впрочемъ, было бы ошибочно думать, что разрушительный фейерверкъ Гейневскаго остроумія имѣетъ значеніе именно только мимолетнаго фейерверка. Въ этомъ разрушительномъ ликованіи, при трубныхъ звукахъ котораго сфинксъ романтизма, самъ разгадывавшій свои загадки, низвергся въ пропасть уничтоженія, есть также и созидающая сила. Будучи величайшимъ сатирикомъ, какого не видѣлъ свѣтъ со времени Аристофана, Сервантеса, Рабле и Свифта, Гейне, раскрывая ничтожество стараго оффиціальнаго общества, пробуждалъ въ то же время страстное желаніе новаго. Это освободительный моментъ въ поэзіи».

ГЛАВА IX.

Карикатура.

Голландскія карикатуры.—Карикатуры на Людовика XIV и Джона Ло.—Вилліамъ Гогартъ.—Карикатура въ эпоху французской революціи.—Карикатура при Людовикѣ-Филиппѣ.—Домье.—Гаварни.

Новѣйшая карикатура зародилась во Франціи, но мѣстопребываніемъ выбрала для себя Голландію. Положеніе этой страны и ея свобода служили мѣстомъ убѣжища для всѣхъ граверовъ и людей, недовольныхъ тираническимъ правленіемъ Людовива XIV. Французскій король боялся голландскихъ граверовъ больше, чѣмъ нѣмецкаго оружія. Въ то время въ Голландіи проживали способные артисты и граверы, которые распространяли свои карикатуры по всей Европѣ.

Свадьба Вильгельма съ Маріей, дочерью герцога Іоркскаго, въ 1677 году послужила богатымъ матеріаломъ для карикатуристовъ, но особенно усилились ихъ нападки, когда на англійскій престолъ снова взошелъ Іаковъ II. Въ то время, между прочимъ, появилась карикатура, которую мы воспроизводимъ здѣсь. Она, по всей вѣроятности, изображаетъ Марію Модену и ея извѣстнаго духовника въ видѣ волка, окруженнаго овцами; на оригиналѣ съ одной стороны стоитъ надпись:

«Обращеніе Англіи», а съ другой—«Безумно избирать волка своимъ духовникомъ».

Большое число карикатуръ вызвала во Франціи новая финансовая система шотландца Джона Ло, пустившая по міру многія тысячи народу. Размѣры нашей главы не позволяютъ намъ разсказать подробности системы Ло, да къ тому же она, по всей вѣроятности, извѣстна большинству нашихъ читателей. При этомъ случаѣ, какъ и при другихъ подобныхъ, карикатуры главнымъ образомъ шли изъ Голландіи, но спросъ на нихъ на этотъ разъ былъ такъ великъ, что даже и неостроумныя карикатуры расходились въ большомъ количествѣ; при этомъ пускались въ ходъ и старыя гравюры, подъ которыми дѣлались новыя подписи съ прозрачными намеками на жадность Людовика XIV. Изъ всей этой массы карикатуръ только двѣ или три представляютъ интересъ. Любопытна, напримѣръ, гравюра, изображающая агентовъ Ло, собравшихся за столомъ въ палаткѣ, которая есть не что иное, какъ громадный дурацкій колпакъ.

Марія Модена и ея духовникъ.

Сюжетъ этой карикатуры не представляетъ новизны и примѣнялся въ Голландіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Другая карикатура изображаетъ женщинъ, раздѣтыхъ до нага и рвущихъ на себѣ волосы въ отчаяніи, что онѣ разорились на покупку акцій. Но интереснѣе всѣхъ гравюра съ массой лицъ, поддерживающихъ своими спинами и руками бумажный глобусъ, который кажется тяжелѣе золотого. Джонъ Ло играетъ роль Геркулеса и тоже помогаетъ нести общую тяжесть. На другой карикатурѣ Джонъ Ло изображенъ Донъ-Кихотомъ, ѣдущимъ на ослѣ Санхо; онъ торопится къ своей Дульцинеѣ, ожидающей его въ акціонерномъ домѣ. Чортъ сидитъ позади Ло, держась за хвостъ осла, въ то время, какъ акціонеръ передаетъ банкиру свои деньги; на шеѣ у осла привязанъ ящикъ съ надписью: «Денежный шкапъ Бомбаріо», на флагѣ тоже написаны слова: «Я иду, я иду, Дульцинея».

Людовикъ XIV въ послѣдніе годы своего царствованія изображался въ карикатурахъ не менѣе, чѣмъ Джонъ Ло. Чуть не каждый день выпускались летучіе листки противъ французскаго короля. Эти листки собирались какимъ-нибудь купцомъ въ одну общую книгу, а затѣмъ изъ подъ полы продавались придворнымъ и городскимъ жителямъ; но, какъ и большинство карикатуръ, онѣ были сомнительнаго остроумія. Гораздо занимательнѣе и интереснѣе являются портреты Вольтера, набросанные въ видѣ эскизовъ лучшими художниками того времени, ѣздившими къ философу по порученію его противниковъ. Около 1774

года Денонъ провелъ нѣсколько недѣль въ Фернеѣ и воспроизвелъ Вольтера въ домашней обстановкѣ. Позднѣе Денонъ выпустилъ гравюры, которыя изображаютъ Вольтера то въ ночномъ колпакѣ и халатѣ, то за завтракомъ, то въ постели. Узнавъ объ этомъ, Вольтеръ написалъ Денону: «Если бы я могъ, сударь, присоединить жалобы къ благодарностямъ, то настойчиво просилъ бы васъ не пускать этотъ эстампъ въ публику. Не знаю, почему вы изобразили меня старой обезьяной съ свѣшанной головой и плечами, изъ которыхъ одно въ четыре раза выше другого. Фреронъ и Клемонъ отъ души посмѣются надъ этой карикатурой». Денонъ протестовалъ и извинялся тѣмъ, что изобразилъ стараго поэта такъ, какъ онъ его видѣлъ.

Джонъ Ло и Людовикъ. XIV.

Кромѣ Вольтера, парижанъ занимали еще прическа и дамскій костюмъ. На этотъ счетъ можно было бы написать цѣлый томъ не меньше тѣхъ, которые написаны о парикахъ. Парижанки при Людовикѣ XV и Людовикѣ XVI, благодаря напудреннымъ волосамъ, придавали пикантное выраженіе своимъ лицамъ. Но ловкіе парикмахеры почему-то постепенно начали взбивать прическу, украшать ее маленькими зеркалами, перьями и придавать головѣ видъ холмистой равнины. Говорятъ, что Марія-Антуанетта, не найдя у себя подъ рукой никакихъ украшеній для парика, передала своему парикмахеру пару чулокъ, которые онъ и обвилъ вокругъ волосъ въ видѣ пирамиды. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого случая фрегатъ «Красивая курица» отличился въ морскомъ сраженіи. По этому случаю г-жа Полиньякъ помѣстила на своей головѣ корабль, мачты котораго упирались въ потолокъ; но шедевромъ всѣхъ этихъ эксцентричностей является прическа герцогини Шартрской,

Карикатура на Джона Ло.

матери Людовика-Филиппа. Башомонъ говоритъ, что въ ея парикѣ насадили слѣдующіе предметы: мамку, сидящую на креслѣ съ герцогомъ Валуа на колѣняхъ, попугая, клюющаго вишню, негритенка съ собачкой на веревкѣ, пучекъ волосъ герцога Шартрскаго, ея мужа, другой пучекъ волосъ герцога Пандьерскаго, ея отца, третій пучекъ волосъ герцога Орлеанскаго, ея деверя, и нѣсколько мелкихъ предметовъ: стульевъ, столовъ и картинъ.

Отъ такихъ прическъ женщины, можно сказать, совсѣмъ потеряли голову, на радость нравоописателямъ и карикатуристамъ. Когда въ

Моды временъ Директоріи.

1779 году графъ Этьенъ разбилъ англійскій флотъ, карикатуры и народные рисунки свидѣтельствуютъ намъ о всеобщемъ энтузіазмѣ жителей и особенно женщинъ, которыя съ этихъ поръ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ украшали свои прически цѣлыми батареями изъ пушекъ. Карикатуры той эпохи изображаютъ дамъ, гуляющихъ въ Булонскомъ лѣсу и неожиданно запутывающихся волосами, какъ древній Авессоломъ, въ вѣтвяхъ деревьевъ. Онѣ падаютъ и зрителямъ представляются маленькія ножки въ башмачкахъ съ высокими каблуками, бѣлые чулки и розовыя округлости ногъ, рѣдко встрѣчающіяся у теперешнихъ француженокъ, подражающихъ во всемъ Сарѣ Бернаръ. Вообще прежнія француженки не отличались той сухопаростью, на которую теперешнія француженки взяли привилегію, и это съ большой ясностью доказываетъ прилагаемый здѣсь рисунокъ, изображающій даму временъ Директоріи, которую двое лицъ съ трудомъ стягиваютъ въ корсетъ.

Въ началѣ XVIII столѣтія карикатуры начинаютъ играть довольно видную роль въ Англіи. Конечно, сатирическіе рисунки появлялись тамъ и раньше, но въ большинствѣ случаевъ это были лишь слабыя подражанія голландскимъ и французскимъ образцамъ, и только съ Вильяма Гогарта карикатура становится національнымъ искусствомъ. Вильямъ

Гогартъ родился въ Лондонѣ 10 ноября 1697 года. Его отецъ былъ учителемъ и компиляторомъ книгъ. Ограниченныя средства не позволяли дать сыну большого образованія и отецъ отдалъ мальчика въ ученіе къ граверу. Въ 1728 году Вильямъ Гогартъ становится самостоятельнымъ художникомъ и женится на дочери Джемса Торнхиля. Около этого же времени онъ начинаетъ рисовать въ совершенно новомъ стилѣ, который впослѣдствіи доставляетъ ему славу. Гогартъ задумалъ изобразить на рисункѣ сцены изъ жизни средняго сословія, придавая имъ нѣсколько комичный видъ, показывая наглядно всю мерзость порочной жизни. По его мнѣнію, это могло подѣйствовать на зрителя въ хорошую сторону больше, чѣмъ цѣлые томы скучныхъ сочиненій. «Я старался,—говоритъ онъ,—разсматривать свои сюжеты, какъ драматическій писатель: мое искусство—это моя сцена, а люди—актеры, которые при помощи разныхъ жестовъ и дѣйствій разыгрываютъ пантомиму».

Гогартъ.

И въ самомъ дѣлѣ, всѣ серіи рисунковъ Гогарта больше походятъ на комедіи, чѣмъ на карикатуры, и, подобно комедіямъ, раздѣлены на акты и сцены, художественно передающіе намъ весь домашній бытъ современнаго общества. Эти серіи картинъ Гогарта стали безсмертными не по своему рисунку, такъ какъ послѣдній часто неправиленъ, а по точному изображенію характеровъ и по удивительной способности художника подмѣчать смѣшныя стороны у людей. Въ каждомъ такомъ рисункѣ мы видимъ цѣлую живую сцену, въ которой не упущена ни одна подробность и ничего не преувеличено. Самая малѣйшая деталь представляетъ неразрывную часть съ цѣлымъ и служитъ для усиленія общаго впечатлѣнія.

Первая серія Гогарта называется «Жизнь публичной женщины»; она появилась въ 1733 и 1734 годахъ. Она разсказываетъ исторію, весьма обычную въ Лондонѣ того времени, которая проходила на глазахъ у всего общества, вслѣдствіе чего сразу же доставила извѣстность художнику. За этой серіей въ 1735 году послѣдовала другая, подъ названіемъ «Жизнь распутника», въ которой художникъ показываетъ вліяніе разврата на мужчинъ. Эта серія во многихъ отношеніяхъ лучше первой. Съ первой картины, въ которой Гогартъ рисуетъ молодого человѣка, получившаго наслѣдство послѣ скряги отца, и до послѣдней, изображающей то же лицо, но уже сидящимъ въ сумасшедшемъ домѣ, вся эта серія является превосходной драмой, въ которой каждый моментъ поражаетъ своей натуральностью. Никто

до него не изображалъ такого отчаянія, какое онъ придалъ лицу своего несчастливца, когда тотъ, угрожаемый кредиторами, ко всему этому получаетъ еще отъ директора театра обратно свою пьесу, съ извѣщеніемъ, что она не принята къ представленію. Герой писалъ эту пьесу въ надеждѣ получить за нее гонораръ и, получивъ ее обратно, впадаетъ въ безъисходное отчаяніе. Послѣдняя надежда потеряна. А рядомъ съ нимъ стоитъ жена и ругаетъ его, что онъ загубилъ ея жизнь. Съ другой стороны, кредиторъ показываетъ ему долговую запись и размахиваетъ ключемъ отъ тюрьмы; даже мальчишка, принесшій ему кружку пива, отказывается дать ее прежде, чѣмъ не получитъ денегъ.

Репетиція ораторіи „Юдиѳь".

Прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ Гогартъ издалъ новую большую серію, названную имъ «Современные нравственные люди». Это была «Модная свадьба», содержавшая въ себѣ шесть рисунковъ, еще больше упрочившихъ его репутацію какъ художника-сатирика.

Въ промежуткѣ между этими тремя великими моментами развитія таланта Гогарта онъ издалъ нѣсколько отдѣльныхъ карикатуръ, изображающихъ не менѣе забавныя сцены изъ лондонской общественной, музыкальной и театральной жизни. Изъ нихъ особенно замѣчательны по своему юмору помѣщенныя нами Репетиція ораторіи «Юдиѳь» и «Смѣющійся партеръ», а также четыре картинки: «Утро», «Полдень», «Вечеръ» и «Ночь». Среди юмористическихъ событій, наполняющихъ «Полдень», вниманіе останавливаетъ несчастіе мальчика, котораго послали за обѣдомъ въ ресторанъ и который, разбивъ по неосторожности тарелку, вывалилъ все содержимое на землю. Трудно сказать, что передано съ большей естественностью, ужасъ ли мальчика или чувство радостнаго удовлетворенія на лицѣ дѣвочки, подбирающей упавшіе куски.

Въ своихъ карикатурахъ Гогартъ нерѣдко изображалъ въ смѣшныхъ положеніяхъ популярныхъ личностей своей эпохи и тѣмъ не разъ вызывалъ всеобщее неудовольствіе, увеличивавшееся еще тѣмъ, что самъ Гогартъ о своихъ произведеніяхъ былъ очень высокаго мнѣнія и не допускалъ никакой на себя критики. Это ему не прошло даромъ и, когда въ 1753 году онъ выпустилъ книгу подъ названіемъ: «Анализъ красоты», писатели и другіе художники съ злорадствомъ осмѣяли книгу и особенно изобрѣтенную имъ змѣевидную «линію красоты». Среди художниковъ, напавшихъ на Гогарта, выдѣлялся своими карикатурами Пауль Сэндби. Одна изъ такихъ карикатуръ, озаглавленная «Новый Олухъ», представляетъ Гогарта играющимъ съ паяцомъ. Вере-

вочка, которой онъ приводитъ игрушку въ движеніе, своей змѣевидностью напоминаетъ «линію красоты». На груди у Гогарта виситъ дощечка съ надписью: «Шутъ искусства». Съ одной стороны стоитъ «его геній» въ костюмѣ арлекина, съ другой—д-ръ Морель, одинъ изъ его горячихъ поклонниковъ. Здѣсь у ногъ изображена и собака, съ которой Гогартъ никогда не разставался. На другой карикатурѣ Гогартъ, стоя на сценѣ, расхваливаетъ публикѣ свою «линію красоты».

Въ «Модной свадьбѣ» Гогартъ достигъ высшей точки своего генія; ѣдующія произведенія его не имѣютъ уже ни той выразительности, ни того юмора. Такъ, «Трудолюбіе и лѣность», несмотря на свою идею, не выдерживаетъ критики со стороны рисунка. «Четыре сцены жестокости» представляютъ слишкомъ неэстетичныя картины.

Смѣющійся партеръ.

Въ 1757 году послѣ смерти брата жены, Джона Торнхиля, освободилось мѣсто оффиціальнаго королевскаго художника, которое и было предложено Гогарту съ содержаніемъ въ 200 фунтовъ стерлинговъ. Это назначеніе опять вызвало недовольство въ кружкахъ художниковъ, и враги стали называть Гогарта маляромъ его величества. Послѣ смерти Георга II Гогартъ перешелъ на сторону всесильнаго въ то время лорда Бьюта и по его приказанію началъ выпускать карикатуры на министра Питта. Въ главныхъ чертахъ эти рисунки изображали всегда лорда Бьюта, какъ спасителя отечества, а Питта и герцога Ньюкастельскаго, какъ враговъ. Выведенный изъ себя Питтъ помѣстилъ въ одномъ изъ народныхъ журналовъ рѣзкую статью противъ продажнаго художника. Къ нему присоединились другіе враги Гогарта и между прочимъ художникъ Вильнисъ, статья котораго въ «North-Briton», по свидѣтельству современниковъ, такъ сильно подѣйствовала на Гогарта, что онъ послѣ этого не переставалъ жаловаться на сердце и спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея появленія, 26 октября 1764 года, умеръ.

Послѣ первыхъ событій во Франціи 1789 года, послѣ разрушенія Бастиліи и послѣ того, какъ третье сословіе объявило о желаніи увеличить свои права въ ущербъ дворянству и духовенству, изъ Франціи бѣжало большинство дворянскихъ фамилій и устраивалось за границей, какъ могло. Революція, увѣренная въ своихъ молодыхъ силахъ, смѣялась, глядя на эту эмиграцію, и требовала отъ своихъ художниковъ, чтобы они изображали ей въ смѣшномъ видѣ старыхъ и молодыхъ маркизовъ. Особенно доставалось тѣмъ дворянамъ, которые, покинувъ родину, съ оружіемъ въ рукахъ шли въ рядахъ иностранныхъ войскъ на Францію. Съ ними карикатуристы той эпохи церемонились мало. Ихъ

представляли несущимися по полю битвы въ треуголкахъ, въ вышитомъ платьѣ, страшно вращающихъ глазами и испускающихъ крики: «Vive le roi!». Это были либо толстые принцы съ бочкообразными животами, либо худосочные и тонкіе, какъ спички, маркизы. Интереснѣйшая карикатура этого рода называется «Великая армія бывшаго принца Конде».

На ней изображены всѣ Конде, отцы и дѣти, ихъ главный штабъ и гайдуки, играющіе въ трубы; нѣтъ только арміи, то есть она есть, но лежитъ въ коробкѣ, на которой написано: «Десять тысячъ деревянныхъ солдатиковъ». Весь домъ отъ нихъ въ восхищеньи и дѣти спѣшатъ къ своимъ игрушкамъ въ то время, какъ два человѣка изъ народа отъ души хохочутъ надъ всей этой жалкой комедіей.

Королевскую семью до ихъ бѣгства въ Вареннъ въ карикатурахъ игнорировали, нѣкоторые же художники относились къ нимъ съ уваженіемъ, но послѣ поимки все пошло по другому. Чуть не черезъ недѣлю появилась карикатура на Людовика XVI, изображавшая его за обѣденнымъ столомъ въ Вареннѣ съ подписью: «Лакомка». «Толстыя птицы летаютъ медленно», стояло подъ рисункомъ (намекъ на прожорливость короля).

За этой карикатурой другъ за другомъ посыпались другія, точно всѣ торопились отомстить королю за его желаніе поднять противъ республики Германію. Людовика начали изображать слѣпымъ, ребенкомъ, сумасшедшимъ; онъ то расплачивается за разбитый стаканъ, то бросаетъ свой скипетръ и корону на земь и перемѣняетъ парикъ, чтобы не быть узнаннымъ. На одномъ изъ такихъ рисунковъ «Благородство» сбрасываетъ бюстъ короля, а вокругъ бюста Вольтера, «безсмертнаго человѣка», возжигаетъ сіяніе.

Карикатура, покончивъ съ королемъ, поочередно затѣмъ издѣвается надъ Маратомъ, Робеспьеромъ и, наконецъ, надъ Наполеономъ. Но послѣдняго она избираетъ своей мишенью лишь послѣ того, какъ онъ окончательно водворяется на островѣ Св. Елены. Въ дни его могущества она боялась показаться на свѣтъ и только передъ смертью наноситъ ему ударъ копытомъ. Однако, за границей Наполеонъ служилъ темой для карикатуристовъ и раньше. Между прочимъ, замѣчательны карикатуры англійскаго художника Гилрея, окончившаго жизнь въ сумасшедшемъ домѣ. Его карикатуры отличаются захватывающей глубокой идеей; такъ, напримѣръ, на одной изъ нихъ Наполеонъ, проигравъ весь выигрышъ (сцена происходитъ, вѣроятно, въ 1814,) бросаетъ на зеленое сукно все, что у него еще остается: солдатъ и корону.

— На все,—говоритъ онъ.

— Я выиграла!—восклицаетъ смерть, неожиданно вставая за кресломъ судьбы, съ которой игралъ Наполеонъ, и загребая своими костлявыми пальцами весь выигрышъ.

При Людовикѣ-Филиппѣ молодежь во Франціи все время волновалась и была недовольна. Разсказы и событія славной революціи прошлаго столѣтія еще были живы у всѣхъ въ памяти и новому поколѣнію хотѣлось воскресить прошлое. Поэтому, несмотря на все либеральничанье Людовика-Филиппа, почти при каждомъ выѣздѣ его производились покушенія на его жизнь, и журналисты, эти выразители общественнаго мнѣнія, вмѣсто того, чтобы сочувствовать тревогѣ и волненію,

которыя приходилось переживать Людовику-Филиппу, открыто жалѣли, что несчастный молодой человѣкъ вслѣдствіе неудачнаго выстрѣла долженъ будетъ отправиться въ тюрьму. Сатирическое направленіе преобладало въ это время въ литературѣ, среди которой уже начиналъ выдвигаться на первый планъ Бальзакъ, сотрудничавшій въ журналѣ «Caricature». Здѣсь его судьба столкнула съ художникомъ Домье, однимъ изъ блестящихъ карикатуристовъ второй Реставраціи.

Домье (1808—1879) былъ сыномъ неизвѣстнаго поэта и въ началѣ жизненнаго поприща занималъ скромную должность приказчика въ одномъ изъ парижскихъ магазиновъ. Но уже первая карикатура его, озаглавленная «Гаргантюа», обратила на него вниманіе не только публики, но и правительства, которое поспѣшило посадить поклонника Рабле въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ.

Процессъ, всѣ перипетіи суда, прокуроры и адвокаты, должно быть, произвели сильное впечатлѣніе на молодого человѣка, такъ какъ съ тѣхъ поръ и до самой смерти Домье не переставалъ рисовать злыя карикатуры на служителей Ѳемиды.

Выйдя изъ заключенія, Домье сдѣлался преданнымъ сторонникомъ оппозиціи, начавъ рисовать карикатуры на всѣхъ политическихъ дѣятелей. Одинъ изъ лучшихъ рисунковъ, напримѣръ, представляетъ намъ скамью въ парламентѣ съ консервативными депутатами и министрами. Здѣсь вы видите портреты Гизо, Тьера, де-Брогли, д'Аргу и др. Посреди нихъ, облокотившись на пюпитръ, стоитъ съ растрепанными волосами мэръ города Ліона Прюнель и фамильярно о чемъ-то говоритъ. Сатирическій оттѣнокъ этого рисунка почти невозможно передать, такъ какъ перо должно уступить въ этомъ случаѣ первенство карандашу. Сзади министровъ амфитеатромъ разсажены другіе депутаты, выставляющіе въ промежутки между скамьями свои большіе животы. Всѣ эти люди живутъ, слушаютъ, двигаются и смотрятъ точно живые. Это уголокъ прежняго парламента съ его тѣнью и свѣтомъ.

Домье являлся какъ бы историкомъ своего времени, отмѣчая каждое явленіе своимъ чуднымъ карандашемъ, даже если бы это явленіе и не имѣло большого общественнаго значенія. Въ 1846 году, напримѣръ, контора журнала «Constitutionel» была переведена изъ улицы Монмартръ въ улицу Валуа. Этотъ фактъ не имѣлъ, конечно, никакого значенія, но Домье запечатлѣлъ его для потомковъ въ интересной карикатурѣ.

На ручной тележкѣ установлено все движимое имущество журнала: старикъ съ зеленымъ абажуромъ на глазахъ стоитъ передъ тележкой и держитъ трехцвѣтное знамя. Служащіе при конторѣ нагружаютъ тележку, на которую упирается старикъ. Тележка только-что выѣхала, какъ видно, изъ какого-то корридора, въ концѣ котораго виднѣется фигура пирожника: у него до сихъ поръ закусывали служащіе и сотрудники журнала.

Эти карикатуры Домье помѣщалъ преимущественно въ журналѣ «Charivari», выходившемъ въ то время подъ редакціей Филиппона. Виньетки этого журнала ежедневно интересовали весь Парижъ. Какъ-то разъ въ одномъ изъ нумеровъ появился портретъ короля въ профиль, чрезвычайно похожій на грушу. Судъ присудилъ Филиппона къ шести тысячамъ штрафа, но редакторъ не остановился на этомъ и

чуть не въ каждомъ нумерѣ началъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ помѣщать рисунокъ груши, напоминающей до странности профиль Людовика-Филиппа. Особенно часто рисовалъ эту грушу подъ разными соусами Домье. У короля было широкое и плоское лицо. Карикатура, поизгладивъ однѣ и преувеличивъ нѣсколько другія линіи, достигла того, что лицо, оставаясь схожимъ, принимало видъ и форму груши. Король почти всегда относился къ этимъ карикатурамъ снисходительно и впослѣдствіи былъ вознагражденъ за свое долготерпѣніе: когда онъ уѣхалъ изъ Франціи, карикатуристы почти не задѣвали его больше. Домье, напримѣръ, послѣ событій 1848 года совсѣмъ прекратилъ рисовать карикатуры на Людовика-Филиппа. Совѣсть артиста не позволяла ему нападать на лежачаго. Во время борьбы Домье считалъ всѣ средства дозволенными, но находилъ нечестнымъ употреблять прежнее оружіе съ побѣжденнымъ. Повинуясь демократическому пылу, наполнявшему его юношеское сердце, Домье своимъ сатирическимъ карандашемъ изобразилъ весь ходъ политическихъ событій и, покончивъ, снова вернулся къ тихой домашней жизни.

Случается иногда, что благочестіе одной сестры вызываетъ у другой скептицизмъ. Домье, вѣроятно, въ молодыхъ годахъ много слышалъ отъ своего отца-поэта о трагедіи и позднѣе разрѣшился противъ нея сатирою. Почти ко всѣмъ трагедіямъ появлялись его иллюстраціи-карикатуры, даже Расинъ и тотъ не избѣгъ общей участи. Отъ трагическихъ героевъ онъ постепенно обратился къ древности и изобразилъ всѣхъ греческихъ боговъ въ юмористической серіи подъ заглавіемъ «Древняя Исторія». Въ этой серіи очень интересна сцена, изображающая Телемака, экзаменуемаго мудрецами. Телемакъ представленъ въ видѣ великовозрастнаго Митрофанушки, а мудрецы—старыми пьяницами съ голыми черепами.

Домье былъ однимъ изъ геніальнѣйшихъ карикатуристовъ Франціи, увѣковѣчившимъ своимъ карандашемъ не только политическихъ дѣятелей, но и давшимъ цѣлый циклъ рисунковъ изъ жизни парижскаго общества.

Изъ другихъ французскихъ карикатуристовъ большою популярностью пользовался Гаварни (род. въ 1804 г.), имѣвшій счастье почти съ первыхъ же шаговъ понравиться публикѣ. Художникъ этотъ вышелъ изъ кабинета инженера и, несмотря на свою привычку къ геометрическимъ линіямъ, каждой женщинѣ придавалъ граціозныя формы. Гаварни испыталъ на себѣ вліяніе другихъ карикатуристовъ, но въ бурное политическое время, послѣдовавшее за царствованіемъ Людовика-Филиппа, благоразумно уклонился отъ политики. Сюжеты онъ искалъ не при дворѣ и не въ парламентѣ, а въ городѣ. У него, какъ у Обера, автора «Чернаго домино», насмѣшка не имѣетъ язвительнаго характера и вызываетъ лишь веселый смѣхъ, безъ примѣси горечи. Поэтому критика всегда была къ нему снисходительна и съ удовольствіемъ отдыхала глазами на его элегантныхъ фигуркахъ маскированнаго бала. Въ продолженіе двадцати лѣтъ Гаварни и Домье наполняли сатирическіе журналы своими произведеніями. Это были двѣ противоположныя силы, никогда ничего другъ у друга не заимствовавшія.

Одинъ изображалъ жизнь студентовъ и гризетокъ, другой своимъ тяжеловѣснымъ кулакомъ наказывалъ распущенность буржуазіи.

Безумныя ночи на балахъ Оперы и любовныя приключенія въ кварталѣ Нотръ-Дамъ-де-Лоретъ служили постоянными сюжетами для Гаварни. Домье, наоборотъ, искалъ матеріала для карикатуры среди подонковъ общества, среди рыцарей индустріи.

Свѣтскія женщины и дэнди подражали позамъ и манерамъ героевъ Гаварни. Онъ явился представителемъ цѣлой школы художниковъ, и многія актрисы изучали французскій языкъ по его подписямъ къ карикатурамъ, тогда какъ смѣлый карандашъ Домье почти постоянно изобрѣталъ какую-нибудь неожиданную и смѣшную гримасу. Гаварни рѣдко оставлялъ свою элегантную манеру, Домье же никогда не измѣнялъ смѣлому штриху.

Гаварни завоевалъ симпатіи женщинъ, молодежи, вообще людей, которые не прочь посмѣяться. Все было пикантно въ рисункахъ этого артиста, умѣвшаго опоэтизировать даже модную картинку. Такимъ образомъ, этотъ художникъ шелка и бархата вскорѣ сдѣлался любимцемъ кокетливой націи, которая любитъ, чтобы ее показывали только съ лучшей стороны.

Домье же былъ философомъ и потому его карикатуры для натуръ поверхностныхъ казались слишкомъ грубыми. Такъ какъ Домье рисовалъ только обыкновенныхъ людей, то его талантъ тоже считали обыкновеннымъ

Гаварни съ большимъ стараніемъ подписывалъ подходящія подписи къ рисункамъ, и такъ какъ подпись и карикатуры являлись плодомъ размышленія одного и того же человѣка, онѣ составляли неразрывное цѣлое. Домье никогда самъ не сочинялъ подписей и либо рисовалъ на тему, данную Филиппономъ, либо въ минуты вдохновенья набрасывалъ двумя-тремя штрихами какую-нибудь фигурку, предоставляя другимъ придумывать комическую къ ней подпись.

Легкія насмѣшки Гаварни никого не оскорбляли. Даже порокъ продажныхъ женщинъ выходилъ у него соблазнительнымъ. Гаварни всегда держалъ сторону женщины противъ мужчины, сторону молодежи противъ зрѣлаго возраста и сторону красоты противъ безобразія. Для него жизнь представлялась въ видѣ карнавала, на которомъ торжествуютъ любовь и молодость.

Въ то время, какъ Домье заставлялъ думать, Гаварни призывалъ общество къ веселью и смѣху.

Но оба они были искренни и повиновались лишь инстинкту своей натуры; но Гаварни въ началѣ своей дѣятельности былъ исключительно поглощенъ созерцаніемъ элегантной парижанки, а Домье не признавалъ никакихъ церемоній съ женщиной и, подобно стариннымъ карикатуристамъ, заставлялъ женщину играть всегда подчиненную роль въ своихъ рисункахъ. По мнѣнію же Гаварни, женщина создана, чтобы пришпоривать мужчину и не давать ему погружаться въ апатію. Домье глядѣлъ на женщину съ точки зрѣнія простого народа, а Гаварни—какъ джентльмэнъ.

Гаварни пріобрѣлъ многочисленныхъ поклонниковъ среди того общества, гдѣ жизнь тяжела и гдѣ человѣкъ всегда благодаренъ тому, кто его забавляетъ. Что же касается того, кто заставляетъ его краснѣть отъ собственнаго безобразія, того ненавидятъ. Въ древности поваръ получалъ большое жалованье, а домашній философъ всего лишь нѣсколько оболовъ.

Некрасивость, бѣдность Гаварни обрисовывалъ лишь слегка, какъ будто боясь испугать свою публику непріятными сценами. Элегантность, неразлучная на первыхъ порахъ съ его карандашемъ, прикрашивала даже старость и нищету; въ этомъ отношеніи онъ походилъ сначала на Ватто, который всегда стѣснялся рисовать оборванцевъ.

Такова ужь природа Гаварни, что въ женщинѣ онъ видитъ только красоту. Какая пропасть лежитъ между нимъ и художниками конца Имперіи, увлекавшимися разными плоскостями и изображавшими сцены въ гардеробѣ!

Красивые кавалеры Гаварни, одѣтые во все черное, служили образцами для «дэнди», а маскарадные костюмы примѣнялись на практикѣ во время баловъ въ Оперѣ.

«Играйте комедію въ комедіи вашей жизни,—писалъ любезный кардиналъ де-Берто Вольтеру,—и храните вашу веселость, какъ зѣницу ока: она признакъ здоровья и мудрости».

Эти слова въ равной степени относятся и къ Гаварни: онъ всегда старался смѣшить людей и тѣ были признательны ему за ту веселость, которую онъ доставлялъ имъ. Этимъ только и объясняется громадный успѣхъ Гаварни, котораго сравнивали и съ Бальзакомъ, и съ моралистами прошлыхъ вѣковъ. Насчетъ его качествъ моралиста мы приведемъ здѣсь слова поэта Бодлэра:

«Гаварни,—пишетъ онъ,—нельзя назвать даже сатирикомъ; онъ часто льститъ вмѣсто того, чтобы язвить, онъ не осуждаетъ. Благодаря очаровательному лицемѣрію его мысли и могучей тактикѣ полусловъ, онъ отваживается на все. Иногда, когда его циничная мысль сбрасываетъ съ себя покровы, онъ самъ накидываетъ на нее красивыя платья, щадитъ предразсудки и дѣлаетъ своимъ заговорщикомъ весь свѣтъ. Сколько причинъ къ популярности! Одинъ рисунокъ изъ тысячи: вы помните, можетъ быть, эту высокую и красивую дѣвушку, глядящую пренебрежительно на мужчину, ломающаго передъ ней руки? «Маленькій поцѣлуйчикъ, милая дама, ради самого Создателя!»—«Приходите завтра, сегодня уже было дано вашему отцу». Эти бездѣльники такъ красивы, что молодежь во что бы то ни стало хочетъ быть на нихъ похожей,—заключаетъ Бодлэръ».

Въ 1847 г. Гаварни уѣхалъ въ Англію. Въ своихъ письмахъ онъ сообщалъ, что изучаетъ тамъ темный міръ лондонскихъ мошенниковъ, надѣвающихъ, напримѣръ, желѣзный коготь на указательный палецъ, чтобы отрывать жилетные карманы, или выставляющихъ въ омнибусѣ двѣ поддѣльныя восковыя руки, которыя покоятся на колѣняхъ, въ то время какъ настоящія шарятъ по карманамъ сосѣдей, и пр. Разряженная англичанка—по впечатлѣнію Гаварни—«это не женщина, а каѳедральный соборъ; ее приходится не обольщать, а сокрушать». Чопорность ихъ такова, что даже на ножки фортепіано онѣ надѣваютъ кисейные панталончики; а рядомъ, на улицѣ, пролетаріи—мужчины и женщины—ради того, чтобъ согрѣться, цѣлыми кучами лежатъ вповалку сплошной массой на ступеняхъ церквей и театровъ, переплетаясь другъ съ другомъ, какъ змѣи въ норахъ.

Въ другомъ посланіи онъ описываетъ интересный случай, происшедшій съ нимъ на англійскомъ балу. Крайне утомленный, онъ собирался уходить съ бала. «По счастью, дверь была свободна и представляла открытое

пространство между двумя скопищами народа. Итакъ, я шелъ, держа свой бинокль передъ глазами; но, переступая порогъ, я вдругъ очутился лицомъ къ лицу носъ къ носу, съ господиномъ, который также держалъ бинокль передъ глазами, и не понимаю хорошенько почему, такъ какъ дверь была достаточно широка, этотъ незнакомецъ во фракѣ, лѣзъ прямо на меня. Мы посмотрѣли другъ на друга не особенно дружелюбно. Лицо этого человѣка было блѣдно и все въ поту; борода его мнѣ показалась всклокоченной и черезчуръ длинной, а въ общемъ его обликѣ было что-то жестокое и печальное въ то же время. Я сталъ припоминать; да вѣдь эта отчаянная фигура была напечатана въ одномъ изъ номеровъ «London News», за январь мѣсяцъ. Потомъ, наконецъ, уже совсѣмъ очнувшись, я догадался, что это я самъ. Сонное состояніе повлекло меня къ зеркалу, заставивъ обернуться спиной къ женщинамъ, на которыхъ я смотрѣлъ; бѣлоснѣжныя лэди навѣрно подумали: «Какой фатишка этотъ французъ». Вотъ,—заключаетъ Гаварни,—что изъ меня сдѣлало непрестанное колебаніе мысли, этого волшебнаго шнурка, который вращается у человѣка на двухъ стирающихся понемногу блокахъ, называемыхъ—мозгъ и сердце».

Безотрадное зрѣлище лондонской бѣдноты окончательно отняло у Гаварни охоту изображать элегантный міръ, въ чемъ онъ выказывалъ себя нѣкогда такимъ знатокомъ. Въ лондонскихъ иллюстраціяхъ онъ воспроизводилъ, по набросками своихъ друзей, Шанделье и Гюи, картины революціи 1848 г.: уличнаго мальчишку, заряжающаго ружья на баррикадахъ для борцовъ за свободу; мрачные силуэты мятежниковъ, ютящихся въ городскихъ погребахъ; жалкихъ ихъ женъ и матерей, которыя приносятъ имъ пищу, когда они уже заключены въ тюрьмѣ.

Въ характерѣ англичанъ Гаварни нравилась только типичная британская холодность, выдержка, флегма; онъ находилъ, что французы напоминаютъ приказчиковъ своею болтливостью. Англичане же, хотя и встрѣтили художника очень милостиво, но вскорѣ были раздражены его упорными разоблаченіями мрачныхъ сторонъ лондонскаго быта. Королева заказала было ему свой портретъ, но Гаварни, по непонятному для него самого капризу, отказался въ послѣдній моментъ сѣсть въ присланный за нимъ экипажъ, чтобъ ѣхать на сеансъ. Теккерей и Диккенсъ также были приняты имъ очень холодно. Подружился онъ лишь съ однимъ англійскимъ экономистомъ, Уордомъ, который искренно привязался къ причудливому художнику; это былъ чуть ли не единственный человѣкъ, выслушивавшій съ интересомъ математическую метафизику Гаварни, которою тотъ увлекался въ это время до маніи.

По возвращеніи въ Парижъ Гаварни опять рьяно принялся за свой трудъ. Въ 1852 г., ежедневно украшая своими рисунками газету «Eclair», онъ ни разу въ теченіе цѣлаго года не спассовалъ въ работѣ. Каждый день появлялась его талантливая литографія съ остроумною подписью. Вдохновеніе было проникнуто ироніей; онъ рисовалъ блиставшую когда-то лоретку съ выдавшимися костями, беззубымъ ртомъ, облѣзлыми волосами въ видѣ торговки спичками или пьяницы, съежившейся въ тюрьмѣ на соломѣ, съ лохмотьями, висящими на ней, какъ саванъ.

Вѣнцомъ же его мрачныхъ созданій этого періода была чудовищная фигура бродяги Вирелока, нѣчто вродѣ современнаго Діогена, только

родившагося и выросшаго въ Парижѣ. Для того, чтобы создать его лицо, Гаварни сдѣлалъ нѣсколько этюдовъ съ обезьяньихъ головъ и нарисовалъ, наконецъ, старика съ однимъ большимъ глазомъ (другой вытекъ); его вѣки закрыты, носа почти нѣтъ, на головѣ шерстяной колпакъ тряпичника, на плечахъ рваный плащъ, за поясомъ парусинныхъ штановъ заткнутъ серпъ, на спинѣ мѣшокъ съ травами и остатками жатвы, вмѣсто посоха—вырванный съ корнемъ стволъ дерева, на который онъ опирается исхудалой рукой, ступая своими узловатыми полу-босыми ногами въ калошахъ изъ мусорной кучи. Замѣтивъ по дорогѣ пьяницу, который храпитъ, держа въ своихъ объятіяхъ бутылку, какъ возлюбленную, Вирелокъ замѣчаетъ: «Его величество король животныхъ». Собравъ вокругъ себя школьниковъ, онъ поучаетъ ихъ: «Древняя исторія, мои барашки, это пожиратели и пожираемые, а новая—это обдуватели и обдуваемые». Видя, какъ деревенскіе парни забавляются предсмертными муками попавшейся имъ крысы, Вирелокъ восклицаетъ: «Милосердіе (misère-et-corde)! Не надо терзать этотъ маленькій міръ! Животныя вѣдь такія же, какъ и мы... они тоже пожираютъ другъ друга».

Равнодушіе публики остановило, къ сожалѣнію, Гаварни отъ развитія этой богатой темы о Вирелокѣ. Для художника наступилъ періодъ зрѣлости, когда подводятся итоги цѣлой жизни, и это нерѣдко выказывалось въ его изреченіяхъ о разныхъ предметахъ. О женщинахъ онъ говорилъ: «Смотрите, какъ онѣ созданы: мыслей нѣтъ, черепъ узкій, но грудь покоится на сердцѣ, а все тѣло—на чувствахъ; сейчасъ видно, что это существо, которое надо брать руками. Она не думаетъ, а грезитъ, не говоритъ, а поетъ». Престидижитацію Гаварни называлъ прелестнымъ искусствомъ, «которое тщетно учитъ всѣхъ, чего стоитъ здравый смыслъ и какой вѣсъ имѣетъ очевидность». Въ дѣлахъ благотворительности Гаварни съ гадливостью относился ко всякимъ наградамъ на томъ свѣтѣ. «Я дѣлаю добро потому, что есть одинъ могущественный повелитель, который мнѣ платитъ за это, и этотъ могущественный повелитель—удовольствіе поступать хорошо».

Его истинной стратью подъ конецъ жизни было изобрѣтеніе математическихъ инструментовъ, изъ которыхъ нѣкоторые нашли впослѣдствіи признаніе и оцѣнку со стороны академика Бертрана.

Жена Гаварни сочиняла тѣмъ временемъ музыкальныя пьесы, которыя впослѣдствіи были изданы съ иллюстраціями ея мужа, гораздо болѣе цѣнными, чѣмъ самъ текстъ.

Другое совмѣстное произведеніе супруговъ Гаварни доставило несравненно болѣе отрады тяготившемуся уже жизнью художнику. Это былъ прелестный сынъ, съ которымъ отецъ не имѣлъ мужества разстаться даже тогда, когда пришло время отправлять его въ пансіонъ, а потому Гаварни отдалъ свою квартиру внаймы для устройства пансіона у себя на дому. Но вдругъ нѣжный и поэтичный мальчикъ, послѣ сильнаго кровотеченія, по совершенно непонятной причинѣ, внезапно скончался. Это совершенно сразило Гаварни. Его утѣшали теперь лишь одна математика и садъ, на который онъ затрачивалъ безумныя деньги, стараясь довести его до артистическаго совершенства; но и тутъ, по насмѣшкѣ судьбы, его дивный садъ былъ потомъ за безцѣнокъ отобранъ правительствомъ для проведенія на его мѣстѣ дороги. Несмотря

на мракъ, окутывавшій въ это время душу Гаварни, его рисунки, выходившіе время отъ времени, попрежнему озарены неувядаемой граціей, какъ, напримѣръ, въ 1859 г. эскизъ танцовщицы, подъ которымъ подписано: «Ей многое простится, ибо она много танцовала», или изображеніе «человѣка, котораго любятъ», въ видѣ юноши, несущаго на своей спинѣ женщину, обхватившую его шею руками. Въ эти годы, перевалившіе уже за шестой десятокъ, Гаварни начали одолѣвать ревматизмы на нервной почвѣ, которые, однако, не мѣшали ему принять самое дѣятельное участіе въ новомъ художественномъ журналѣ, преждевременно, однако, погибшемъ.

Правительственное рѣшеніе относительно любимѣйшаго созданія Гаварни—сада—было для него послѣднимъ ударомъ. Онъ слегъ въ постель, на глазу появился какой-то кровоподтекъ и мучительное удушье почти не позволяло говорить. 24 ноября 1866 г. не стало этого великаго художника, славно трудившагося всю жизнь и скончавшагося въ крайней нуждѣ. Онъ оставилъ потомству до десяти тысячъ рисунковъ, и на его могилѣ лишь краткая, но краснорѣчивая надпись: «Гаварни».

* * *

Нѣкоторыхъ интересуетъ вопросъ, какую роль будетъ играть впослѣдствіи карикатура, если только вѣжливость не принудитъ ее исчезнуть совсѣмъ? Мы думаемъ, что роль карикатуры вѣчна. Нравы могутъ улучшиться, но ироничскіе штрихи не перестанутъ появляться подъ рукой художника.

Для тѣхъ же, кто боится быть оцарапаннымъ карикатурой, имѣется средство избѣгнуть ея когтей. Если человѣку дана способность портиться нравственно, то онъ также можетъ и улучшаться.

Это значитъ, что человѣкъ всегда можетъ измѣнить форму носа при помощи нравственныхъ тисковъ такъ же, какъ нѣкоторые народы при помощи матеріальныхъ тисковъ измѣняютъ форму черепа.

Когда нравственныя качества пересиливаютъ недостатки, человѣкъ становится прекраснымъ и избѣгаетъ саркастическихъ насмѣшекъ.

Говорятъ также, будто карикатура не приноситъ никакой пользы. Но польза вообще не риѳмуетъ со словомъ искусство. И притомъ какой собственно нужно пользы? Если тѣ люди, на которыхъ нарисованы карикатуры, покраснѣли, то вотъ уже и польза. Большаго мудрено и требовать.

КОНЕЦЪ.

P
T.H.J.
Harom 7J